

М 9
13

ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ
СОЧИНЕНІЙ
Н. Н. НЕПЛЮЕВА.

Томъ III.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія и Литографія В. А. Тиханова, Садовая, 27.
1902.

М 9 / 13
ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ

СОЧИНЕНИЙ

Н. Н. НЕПЛЮЕВА.

Томъ III.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія и Литографія В. А. Тиханова, Садовая, 27.
1902.

КЪ ЛУЧШЕМУ БУДУЩЕМУ.

I.

Заря царства любви.

Обращаю рѣчь свою не къ какой-либо партіи, не къ какому-либо народу, не къ какой-либо Церкви, вообще, не къ какой-либо фракціи человѣчества, а ко всѣмъ братьямъ по земному бытію, ко всему мыслящему и страждущему человѣчеству.

Было время, когда человѣчество удовлетворялось пріятнымъ прозябаніемъ, пьянствомъ жизни. Это было время торжества ощущеній, эпоха царства ощущеній. Высшимъ идеаломъ громаднаго большинства было безмятежное смакованіе какого-либо сладкаго пирожка и накопленіе возможно большаго количества такихъ же сладкихъ пирожковъ для своего потомства. Счастливые обладатели сладкихъ пирожковъ считали себя избранными судьбы и съ искреннимъ презрѣніемъ относились къ тѣмъ, которыхъ называли толпою, чернью, къ тѣмъ, которые въ свою очередь жили жгучею завистью къ обладателямъ пирожковъ, какъ высшій идеалъ лелѣя желаніе урвать крохи, а если возможно, то и отнять весь сладкій пирожокъ, всѣ сладкіе пирожки у всѣхъ окружающихъ. Ощущенія торжествовали, все было имъ подчинено; онѣ одни были реальностью, все остальное преклонялось передъ ними, казалось чѣмъ-то туманнымъ, отвлеченнымъ, иллюзіей, мечтою. Сладко поѣсть, всласть напиться, всласть выспаться, богато одѣться, имѣть раба красивую и богато одѣтую жену, вотъ что было главнымъ, самымъ существеннымъ дѣломъ жизни, все остальное сравнительно съ этимъ было мелочью, дѣломъ пустымъ, не стоящимъ вниманія. Разумомъ жили настолько, насколько это было необходимо для торжества ощущеній, любовь была позорною позолотою тѣхъ же ощущеній, пустою и презрѣнною игрушкой, къ которой относиться серьезно можно было развѣ въ пылу опьяненія страсти. Протрезвившись возвращались къ практичности, къ благоразумію: торжеству ощущеній систематично приносили въ жертву и разумъ и любовь, и, тѣмъ болѣе, благо ближнихъ

Ожесточенная борьба за существование, грубая борьба всех против всех была нормальным, неизбежным явлением. Все хотело отнять сладкие пирожки у всех окружающих и все трепетало за то, что имело, основательно видя во всех окружающих своих естественных врагов и соперников. Много и теперь людей именно так мыслящих и чувствующих. Были и тогда люди, ставившие разум и даже любовь выше сладких пирожков, проповедывавшие странную для громадного большинства мысль о том, что разум и любовь не менее реальны, имеют большую ценность сравнительно с самыми вкусными и роскошными пирогами жизни. Над ними издевались, их гнали, как сумасбродных проповедников обманчивых утопий, их побивали камнями, затмевали поклонялись гробам их, роскошно переплетали книги их, дѣлали из них предмет национальной гордости и... продолжали смаковать сладкие пирожки жизни и бороться против всех и вся за их обладание.

Долго и упорно ожидало человечество, что именно сладкие пирожки жизни и дадут ему счастье. Только долгим и тяжелым опытом оно стало убеждаться в том, что счастья нет и быть не может там, где с одной стороны пресыщение, с другой стороны—голод и зависть и вездѣ и всегда борьба, грубая, ожесточенная, беспросветная борьба.

Разум, этот жалкий раб, властных ощущений, становился все больше и больше рабом крамольным, возмущаясь против этого столь очевидно неразумного порядка вещей. Все громче и громче он стал заявлять, что глупо ожидать счастья от сладких пирожков, когда самое обладание и сохранение их надо покупать цѣною ежеминутных тревог и борьбы, что глупо самым сладким пирожкам придавать самодовольное значение и из-за них не замечать, что жизнь—прозябаніе и смерть.

И вот наступил период царства разума. Разум сбросил вѣковыя цѣпи свои. Он освѣтил ярким свѣтом весь ужас хаоса жизни, всю грязь, весь смрад поля битвы вѣковой борьбы за существование. Он громко сказал, что для безмятежнаго наслаждения радостями жизни необходимо перестать душить друг друга и вырывать куски из рук, необходимо хаос борьбы замѣнить стройною организацией жизни, а для организации жизни необходимо разумный порядок водворить на мѣсто анархической разнузданности ощущений, необходимо в человеке развить разум, дать ему преобладание над грубою, животной природою.

В период царства ощущений самые возвышенные религии были принижены до фетишизма, до шаманства; самые возвышенные учения быстро вырождались до позора вымаливания у высшей силы слад-

ких пирожков и победы над врагами, все правовѣріе сводилось къ точному знанию спасительнаго догмата и правовѣрных формулъ заклинаний. Свѣтъ разума ярко озарил все неразуміе такого суевѣрія. И разум отверг вѣру, возмущившись против суевѣрія и не имея права от своего имени предложить какую-либо вѣру.

Порвав цѣпи рабства, подчинив себя ощущениям, приступив къ организации жизни, разум не могъ дать больше себя самого. Он ярким свѣтом озарил неразуміе жизни, неразуміе суевѣрій, выдававшихся за вѣру, он констатировал фактъ непрерывной борьбы за существование, констатировал фактъ необходимости преобладания разума над ощущениями для того, чтобы самая борьба могла быть разумно организована, из хаотической драки обратиться въ разумную борьбу, съ опредѣленною цѣлю, съ опредѣленным разумным планом дѣйствій. И вот въ дѣлѣ воспитанія, на мѣсто прежняго выкармливанія и дрессировки, он поставил развитіе ума, въ дѣлѣ вѣры—на мѣсто суевѣрія провозгласил отрицаніе и скептицизм положительной науки, въ дѣлѣ жизни—замѣнил грубую борьбу хитроумными договорами, дисциплину страха—дисциплиною корысти, палки страха—приманками корысти, грубый деспотизм—конституціонализмом правового государства. Все въ жизни приобрѣло характер сдѣлок и сама жизнь стала настоящею биржею. Умы развивались, все хотѣли жить разумно и разумно относиться друг къ другу. Разумность всякій понимал по своему и жизнь разума не только не приводила къ единомыслию и единодушію, но съ каждым днем приводила все къ большему разномыслию, все далѣе удаляясь даже от жалкаго единомыслия и единодушія прежняго общаго преклоненія передъ сладким пирожкомъ. Отказавшись от суевѣрій, человечество пошло по прихотям разума каждаго, раздѣлилось на безконечныя группы и чѣмъ болѣе умственно развивается, тѣмъ болѣе дробится на мелкія фракціи мысли. Отказавшись от религиозных суевѣрій, оно впало въ суевѣріе самообожанія, создало себя кумиръ из собственного разума, от него ожидая великих и богатых милостей, которыхъ раньше человечество ожидало от своихъ фетишей и заклинаний. Создавъ себя кумира, человечество логично пришло и къ фанатизму, только замѣнивъ фанатизмъ суевѣрія фанатизмомъ мысли, фанатизмъ борьбы за сладкій пирожокъ фанатизмомъ борьбы за истину, за право, за справедливость. Изъ разбойниковъ все превратилось въ судей и все судить—и миръ, и жизнь, и другъ друга.

Борьба за существованіе измѣнила свой характер, но привела-ли она къ счастью, привела-ли она хотя бы къ оразумленію жизни. Торжествующій царственный разум все громче и громче говорит: нѣтъ, человечество не болѣе счастливо, жизнь его по прежнему не

имѣть разумаго смысла. Къ гордости обладанія сладкими пирожками только прибавилась гордость обладанія умственнымъ развитіемъ, къ зависти къ богатству только прибавилась зависть къ образованію, къ пресыщенію сладкими пирожками жизни только прибавилось пресыщеніе умствованіями, къ несваренію желудка—несвареніе ума. И все-таки мы не знаемъ абсолютной истины, мы не договорились и очевидно не договоримся до абсолютной правды и всѣ наши знанія только наблюденія надъ ничтожною частицею міра и не приводятъ, и не могутъ привести къ пониманію смысла жизни міровой, смысла земной жизни человѣка, первопричины бытія, конечной цѣли творенія.

Не рѣшивъ эти вопросы, мы никогда не познаемъ абсолютную истину, никогда не осуществимъ абсолютную правду, а именно это и становится все болѣе и болѣе насущною потребностью нашего разума, по мѣрѣ того, какъ мы болѣе живемъ умомъ, болѣе сознаемъ, что пока не рѣшимъ эти вопросы, самая борьба за истину и правду—настоящее донкихотство, бессмысленное толченіе воды въ ступѣ.

Отвернувшись отъ суетвѣрій и не вѣря въ возможность познать абсолютную истину, понять абсолютную правду, торжествующій разумъ не могъ предложить человѣчеству иной цѣли и иного плана дѣятельности, какъ болѣе разумаго отношенія къ сладкимъ пирожкамъ жизни, ихъ изготовленію и ихъ распредѣленію. Хотя человѣчество и признало въ теоріи законность царства разума и въ настоящее время рѣдко попадаютъ искренніе циники, отрицающіе необходимость для человѣка быть разумнымъ и жить разумно, но на дѣлѣ, по существу есть еще много представителей людей отживающаго типа, мирящихся съ господствомъ разума только потому, что оно гарантируетъ имъ возможность улучшенныхъ способовъ изготовленія сладкихъ пирожковъ и болѣе мирнаго, спокойнаго обладанія ими и потребленія ихъ. Согласно съ этимъ наша цивилизація представляетъ чудовищную разницу въ дѣлѣ осуществленія комфорта жизни путемъ великихъ открытій въ области прикладныхъ знаній и въ дѣлѣ осуществленія справедливости путемъ водворенія въ жизни болѣе правильнаго распредѣленія богатствъ. По мѣрѣ роста цивилизаціи и комфорта богатыхъ классовъ устанавливается все большая пропасть между общественными классами, человѣчество приходитъ къ большому разъединенію, все къ большому разномыслію по вопросу о томъ, какъ помочь горю, какъ примирить враждебныя права, гдѣ право, въ чемъ справедливость; растетъ съ тѣмъ вмѣстѣ и взаимное ожесточеніе, растетъ въ душахъ людей злоба, мрачная, сознательная злоба, худшая наивной злобы

голоднаго звѣря, готоваго успокоиться и благодушно помириться на первой подачкѣ.

Ощущенія были самодовольны и нуженъ былъ разумъ, чтобы поколебать вѣру въ ихъ самодовлѣющее значеніе. Въ томъ благородство разума, что онъ не можетъ въ концѣ концовъ не отнестись разумно къ себѣ самому. Когда человѣчество ему поклонилось, создавъ себѣ изъ него кумира и этотъ богъ могъ только обратить разбойниковъ въ торгашей, бойню—въ биржу и бой кулачный въ судейскую борьбу, разумъ созналъ свое безсиліе, созналъ всю безысходность скорби сухой холодной дѣловитости и злобы нескончаемой борьбы за истину и право, созналъ права любви, созналъ, что въ ней—единая, истинная радость жизни, что только настолько и осмысленна жизнь, насколько мы любимъ, что человѣчество не можетъ быть счастливо, пока любовь подавлена ощущеніями и имъ самимъ, царственнымъ, властнымъ разумомъ. Въ этомъ величіе разума. Все это онъ созналъ, но гдѣ же выходъ. Что такое любовь? Презрѣнная игрушка въ періодъ царства ощущеній. Неразумный инстинктъ, убыточная сентиментальность, часто помѣха въ пылу борьбы за истину, права и интересы, въ періодъ царства разума. И разумъ не находитъ выхода и только констатируетъ, что онъ не Богъ и выхода не знаетъ, что онъ долженъ отречься отъ позорной роли развѣнчаннаго кумира, что онъ долженъ подчиниться царственной любви, что въ ней спасеніе и что нужна, необходима вѣра, вѣра въ любовь, въ непреходящій, разумный смыслъ любви, вѣра, при которой любовь была бы признана высшею святынею и высшею цѣнностью міра, при которой любовь, смиренная, кроткая любовь могла бы дойти до устойчивой самоувѣренности постоянной вѣрности себѣ, не боясь оставаться сама собою и по отношенію къ разуму, и по отношенію къ ощущеніямъ, все благословляя, ничего не проклиная, всѣхъ объединяя, всѣхъ примиряя, все соединяя въ одну стройную гармонію мира и любви, при чемъ и самый разумъ имѣлъ бы основаніе сознательно подчиниться любви, стать вѣрнымъ слугою ея, указывая ей разумные пути къ благимъ цѣлямъ намѣченными вдохновеніемъ ея благой воли!

Вотъ что говоритъ обоготворенный разумъ въ наши дни. Тутъ выходъ, въ этомъ истина, въ этомъ успокоеніе и радость. Многіе сознаютъ это, многіе жаждутъ вѣры, понимая невозможность устойчивой, торжествующей любви безъ вѣры въ разумный, непреходящій, вѣчный смыслъ любви, такой вѣры, которая могла-бы удовлетворить и умъ и сердце, находясь въ то-же время въ согласіи съ природой, такъ какъ есть же истина и только она одна и есть вѣра, а не суетвѣріе.

Велико томленіе духа переживаемой нами эпохи, велика жажда

вѣры, велика и растерянность тѣхъ очень многихъ, которые извѣрились равно въ суевѣріяхъ и въ невѣріи, не зная въ то-же время, гдѣ найти истинную вѣру. Суевѣріе противорѣчитъ разуму, невѣріе—противорѣчитъ любви; одна истинная вѣра не только можетъ, но и должна утолить одновременно жажду умовъ и сердецъ, приведя къ полной гармоніи любовь, разумъ и природу, какъ три проявленія единой вѣчной истины, абсолютной правды бытія.

И вотъ, передъ нами брезжитъ заря грядущей эры царства любви. Не для всего человѣчества брезжитъ эта благодатная заря, какъ не для всего человѣчества наступила уже живая правда царства разума. Это три мѣры муки, въ которыхъ одновременно вскисаютъ разные закваски. Обращаюсь къ вамъ, братья по любви, понявшіе значеніе любви, жаждущіе царства любви, алчущіе вѣры въ вѣчное значеніе, силу и славу любви. Вы вездѣ, во всѣхъ странахъ, во всѣхъ церквахъ, во всѣхъ партіяхъ, во всѣхъ лагеряхъ. Вы вездѣ, но вы—меньшинство и, вы глубоко страдаете въ своемъ одиночествѣ, въ своей разрозненности, въ своихъ сомнѣніяхъ и колебаніяхъ. Вы—люди больной совѣсти: вы поняли значеніе любви, совѣсть требуетъ отъ васъ стать подъ ея святое знамя, но вы не увѣрены въ правотѣ своей, хотите вѣрить въ силу и славу любви и живой вѣры еще не имѣете, хотите жить любовію и ежеминутно ей измѣняете, не имѣя привычекъ любви, не приступая къ дѣлу любви.

Бѣдные, измученные страдальцы! Вы извѣрились въ самодовлѣющемъ значеніи ощущеній и разума и еще не смѣете вѣрить въ истину, правду, мудрость и силу любви. Сомнѣнія истомили васъ до отчаянія. Поймите громадную опасность для васъ и для всего человѣчества новой ошибки, если вы, не находя утоленія любви въ крайности невѣрія, броситесь въ минуту отчаянія въ противоположную крайность суевѣрія. Тамъ ожидаетъ васъ скорбь насилія надъ разумомъ и вы опять отъ этой скорби броситесь въ крайность невѣрія, чтобы вновь испытать ту скорбь сомнѣній и холодного разсчета, отъ которой хотите избавиться теперь.

Именно въ этомъ главная опасность переживаемой нами эпохи. Есть много признаковъ того, что человѣчество, утомившись невѣріемъ, готово вернуться къ суевѣріямъ. Спасеніе въ вѣрѣ. Поставимся разбраться въ хаосѣ сбивчивыхъ словъ, понять, въ чемъ истинная вѣра, понять, кто—истинно вѣрующіе люди, соединиться вмѣстѣ, подать руку помощи всѣмъ тѣмъ, кто усталъ ненавидѣть и бороться, кто хочетъ любить и созидать, соединиться вмѣстѣ, чтобы оградить людей доброй воли отъ роковой ошибки безконечнаго колебанія между одинаково скорбными крайностями суевѣрія и невѣрія, чтобы подготовить для нихъ свѣтлое будущее вѣры,

утоляющей умы и сердца, приводящей къ полной гармоніи любви, разума и природы, способной организовать жизнь, все примиряя, все благословляя, все возвышая, очищая, освящая.

Главная трудность на этомъ пути—отсутствіе привычекъ и логики любви. Мы такъ привыкли бороться, что съ трудомъ понимаемъ единеніе въ любви. Единеніе вражды для насъ понятнѣе. Единеніе любви намъ кажется измѣною знамени, измѣною вѣрѣ или невѣрію нашему. Доказать, что любовь—высшее и святѣйшее знамя, что единеніе въ любви—высшая и священнѣйшая обязанность и не можетъ быть измѣною никакому другому знамени, по сколько знамена эти—истина, правда и добро,—вотъ цѣль, которую я себѣ предлагаю, умоляя всѣхъ людей доброй воли выслушать меня безъ гнѣва, не пугаясь при томъ ни словомъ „вѣра“, ни сомнѣніями въ моемъ правотѣ.

Говорить о значеніи любви и призывать къ единенію въ любви я имѣю нѣкоторыя особыя права, которыя кратко изложу, чтобы читатель убѣдился, что имѣетъ дѣло не съ теоретикомъ любви, предлагающимъ ему плодъ своихъ кабинетныхъ измышленій, а съ человекомъ, посвятившимъ всю свою жизнь на практическое дѣло любви, на этомъ дѣлѣ многое понявшимъ и испытавшимъ.

II.

Опыт дѣла любви.

Съ ранняго дѣтства я носилъ глубоко въ сердцѣ религію любви и былъ въ нѣкоторомъ смыслѣ фанатикомъ любви. Тамъ, гдѣ я не чувствовалъ любовь, я буквально болѣлъ отъ скуки, буквально замерзалъ отъ духовной стужи. Въ этомъ отношеніи я былъ болѣзненно чутокъ. Не только присутствіе человѣка грубо-недоброжелательнаго, но даже присутствіе человѣка равнодушнаго, холоднаго доставляло мнѣ тяжелое, иногда почти невыносимое страданіе; я чувствовалъ, какъ духъ мой коченѣетъ, какъ овладѣваетъ имъ параличъ, мучительный какъ смерть. И природу я мало любилъ, и она казалась мнѣ равнодушною, холодною, и она леденила мнѣ сердце до тѣхъ поръ, пока я не понялъ ее, какъ отраженіе мысли и любви, пока не разобралъ на ней печать высшаго разума и высшей любви. Только проявленія любви утѣшали меня, озаряли душу мою тихимъ свѣтомъ, согрѣвали ее нѣжною ласкою, были чѣмъ то роднымъ, дающимъ смыслъ бытію. Такъ воспринималъ я впечатлѣнія вѣшняго міра, такъ относился я и къ тому, что происходило въ тайникѣ собственной души моей. Любить было для меня такою потребностью, что все остальное казалось мнѣ скучнымъ, пошлымъ, мелкимъ, низкимъ, холоднымъ, черствымъ, жестокимъ. Сердце жаждало любви и въ то же время еще не умѣло любить, даже любовью жалости, что либо кромѣ любви. Въ отсутствіи любви я коченѣлъ, замиралъ, сердце наполнялось тоскою и ужасомъ и жизнь становилась невыносимымъ, безцѣльнымъ страданіемъ. Это настолько вѣрно, такъ мало преувеличено, что еще въ раннемъ дѣтствѣ, слишкомъ часто соприкасаясь съ мучительнымъ для меня недоброжелательствомъ и равнодушіемъ, я изнывалъ отъ скуки и горячо желалъ смерти, молился о ней, инстинктивно боясь той жизни, въ которой постоянно приходилось соприкасаться съ тѣмъ, что наполняло душу скорбію и мукой. Только тогда я и жилъ, и чувствовалъ себя сча-

стливымъ, когда во снѣ видѣлъ безконечно дорогія, неземныя существа, говорившія мнѣ любовь свою, когда на яву я чувствовалъ свѣтъ и тепло нѣжной любви матери и няни. Во все остальное время я страдалъ, чувствуя, какъ вливается въ мою душу холодъ равнодушія, грязь жестокости и озлобленія. Я рано началъ думать, вдумчиво относиться къ явленіямъ окружающей жизни, многое не по дѣтски понимать, но самый разсудочный процессъ еще не былъ приведенъ въ гармонію съ любовью и, предаваясь ему, я не чувствовалъ себя удовлетвореннымъ имъ, напротивъ, самъ онъ ощущался мною чѣмъ то холоднымъ, чуждымъ любви. Это спасло меня отъ гордости ума; не только я не гордился пестрыми гирляндами, сплетаемыми мыслью, но стыдился передъ самимъ собою, инстинктивно сознавая, что работа ума, не согрѣтая любовью, въ сущности измѣна любви, нѣчто холодное, грубо-эгоистичное.

Эта постоянная жажда любви, эта неспособность удовлетворяться чѣмъ либо, кромѣ любви, это ежеминутное ощущеніе глубокаго разлада между самою природою души моей и явленіями земной жизни, были главною причиною инстинкта живой вѣры моего дѣтства. Всѣмъ существомъ своимъ я чувствовалъ, что кромѣ этого земнаго міра есть міръ иной, болѣе естественный, болѣе сродный природѣ души моей. Въ этотъ міръ я вѣрилъ безконечно больше, чѣмъ въ тотъ міръ, который я видѣлъ глазами, но который для души моей былъ чѣмъ-то чуждымъ, призрачнымъ, какъ тяжелый кошмаръ, съ которымъ помириться нельзя, отъ котораго надо проснуться. И я погрузился въ восторженную религіозность. Ежедневно утромъ и вечеромъ я подолго молился, доходя въ дѣтской молитвѣ моей до блаженства экстаза, когда я совершенно терялъ сознание земнаго бытія и всѣмъ существомъ своимъ чувствовалъ реальность причастія Высшей Любви. Каждый разъ передъ молитвою я читалъ евангеліе и чувствовалъ, какъ свѣтъ любви со страницъ святой книги тихимъ свѣтомъ озаряетъ умъ, нѣжною ласкою согрѣваетъ и утѣшаетъ сердце.

Братія по любви, вы, которыхъ жизнь научила бояться суевѣрій, считать все непонятное для ума мистическими бреднями и знать, какъ грубо эксплуатируютъ враги человѣчества его наклонность къ мистицизму! Прочтите безъ гнѣва и презрѣнія искреннюю исповѣдь души моей. Теперь я на склонѣ дней, можетъ быть приближаюсь къ концу земной жизни своей. Путемъ тяжелыхъ, нравственныхъ страданій я пришелъ къ болѣе устойчивой любви даже и къ тѣмъ, кто не любитъ, хотя по прежнему они леденятъ мнѣ душу и общеніе съ ними доставляетъ мнѣ неменьшее страданіе. Говорить правду—потребность любви моей; я не могу лгать, скрывая истину, чтобы заслужить ваше одобреніе. Не пугайтесь: я не человѣкъ враждеб-

наго вамъ лагеря, не меньше васъ отвращаюсь отъ суевѣрія и тѣхъ, кто его эксплуатируетъ во вредъ человѣчеству, но не могу скрыть святая святыхъ жизни моей только потому, что умъ мой не умѣетъ объяснить эти явленія.

Прошло дѣтство, прошли года юности, пришло время серьезныхъ занятій. Меня дома готовили къ поступленію въ университетъ. Учителя гимназій давали мнѣ уроки по разнымъ предметамъ. Воспитателемъ моимъ состоялъ много лѣтъ человѣкъ высоко образованный. Законъ Божій преподавалъ мнѣ ученый богословъ. Воспитатель подсмѣивался надъ моимъ чрезмѣрнымъ увлеченіемъ религіей, говоря, что, конечно, религія вещь прекрасная и необходимая въ жизни, но что все хорошо въ мѣру, а мѣра въ томъ, чтобы прилично относиться къ обряду, не впутывая религію въ чуждыя ей области жизни. Въ этомъ правовѣріе и практичное къ нему отношеніе. Такіе взгляды моего воспитателя удивляли и огорчали меня, но не колебали вѣры во мнѣ; я просто не принимала ихъ, чувствуя непримиримый разладъ между ними и живою любовью живой вѣры. Пока законъ Божій преподавали мнѣ по наивнымъ дѣтскимъ учебникамъ, я часто скучала при изученіи этой бесистемной хрестоматіи чудесъ, ничего не говорившихъ ни уму, ни сердцу. Все-же это не колебало вѣры моей. Не то случилось, когда съ мертвенною сухостью и фанатичною жестокостью схоластики меня стали обучать грамматикѣ вѣры. Передо мною развернулась такая страшная картина чудовищнаго приниженія религіознаго чувства, такого чудовищнаго и сплошнаго игнорированія любви Божіей и значенія любви въ экономіи жизни міра и для блага земной жизни человѣка, на меня пахнуло такимъ мертвящимъ духомъ мрачнаго аскетизма и мрачнаго человѣконенавистничества, что я съ ужасомъ отшатнулась отъ всего этого. Въ тайникѣ души жила та же вѣра, но то, что прежде было для меня дѣломъ любви, перестало имъ быть. Вѣрность любви и вѣрѣ въ любовь, временно сдѣлали меня совершенно равнодушнымъ къ религіозной жизни окружающаго общества. Даже молиться я не могъ, самая идея о Богѣ была принижена, поругана и самое обращеніе къ *этому* Богу, къ *этому* жестокому и могучему божеству, стало казаться мнѣ чѣмъ то позорно корыстнымъ, кощунствомъ, измѣною любви. По прежнему, я, не только вѣрилъ и думалъ, но всѣмъ своимъ существомъ чувствовалъ, переживалъ, какъ живую правду, что Богъ-Любовь, что въ одной любви правда, что она одна—абсолютная истина, вѣчная красота, нравственность, чистота и святость.

Потребовалось много времени и много нравственныхъ страданій, чтобы высвободить вѣру изъ этихъ путъ, высвободить понятіе о Богѣ истинномъ изъ путъ этой клеветы.

Жить безъ вѣры я не могъ; безъ нея любовь утрачивала непреодолимый, разумный смыслъ, становилась неразумнымъ инстинктомъ альтруизма и слащавою сентиментальностью; я не могъ не признавать этого и не могъ измѣнить любви, помириться съ жизнью не только чуждой любви, но и допускающей на равныхъ правахъ съ любовью что либо иное. Все существо мое возмущалось противъ этого, какъ противъ чудовищнаго, безобразнаго и постыднаго кощунства. Именно эта вѣрность любви оградила меня отъ многого въ жизни, заставляя сторониться отъ всѣхъ тѣхъ явленій ея, которыя, по отсутствію святости любви, или по крайнему не соответствію факта съ живою правдою степени любви, представлялись мнѣ ложью, низостью, пошлостью и грубою грязью.

Размѣры этой статьи не позволяютъ мнѣ подробно описать, какими путями я пришелъ къ сознательной опредѣленной православной вѣрѣ въ Бога-Любовь и первенствующее значеніе любви, вѣчный разумный смыслъ любви во всемъ Его твореніи, въ судьбахъ міра и человѣчества. Повторяю, я пришелъ къ тому путемъ тяжелыхъ нравственныхъ страданій. Въ этотъ тягостный періодъ моей жизни я на опытъ испыталъ всю скорбь разума, поруганнаго суевѣріемъ, всю скорбь любви, поруганной сомнѣніемъ и отрицаніемъ. Только вѣрность любви и спасла меня отъ полнаго отчаянія, дала силу, когда во мнѣ было указано дѣло любви, воспрянуть духомъ, пойти по указанному пути, приняться за дѣло любви и на этомъ дѣлѣ многое понять и воспитаться къ той истинно-православной вѣрѣ, которая все благословляетъ, ничего не проклиная, которая не требуетъ ни распинанія разума, ни распинанія любви, ни распинанія природы человѣческой, а все приводитъ къ стройной гармоніи, утоляя одновременно и разумъ, и любовь, любя, уважая и благословляя все сущее: и разумъ, и природу, и любовь, и свободу. Вотъ почему я считаю себя въ правѣ обратить рѣчь мою ко всѣмъ тѣмъ, кто любитъ и страдаетъ, къ вѣрующимъ и невѣрующимъ—безъ различія, прося ихъ выслушать меня безъ гнѣва и недоуевѣрія. Каждому я братъ какою либо страницей жизни моей. И во мнѣ возмущался умъ насиліемъ суевѣрія. И во мнѣ возмущалась любовь насиліемъ отрицанія. Я понимаю тѣхъ, кто боится слова „вѣра“, зная какъ часто подъ этимъ святымъ словомъ скрываютъ чудовищныя, грубыя и глупыя суевѣрія, какъ часто во имя этого святого слова проповѣдуютъ систематичное идиотизированіе человѣчества, мертвенный застой, грубое человѣконенавистничество, кощунство самодавлѣющаго аскетизма, мракъ, рабство и духовное насиліе. Я понимаю и тѣхъ, которые духовно замерзаютъ въ холодѣ и мракѣ невѣрія и отрицанія, понимаю неудовлетворенность ума и сердца ихъ, отчаяніе любящей души, потерявшей твердую

почву вѣры въ разумный, непреходящій смыслъ любви, готовыхъ, чтобы перестать коченѣть отъ духовной стужи, броситься въ крайность суевѣрій, лишь бы отогрѣть душу. Придя къ вѣрѣ утѣляющей одновременно и разумъ, и любовь, я считаю долгомъ любви, подѣлиться съ ближними моими этимъ сокровищемъ. Пусть же не пугаетъ вѣрующихъ буква словъ моихъ, когда я буду говорить невѣрующимъ, на языкѣ для нихъ понятномъ — я вѣрю и въ вѣрѣ моей остаюсь вѣрнымъ сыномъ Церкви Православной. Пусть не пугаетъ невѣрующихъ, когда я употребляю слово „вѣра“; въ моихъ устахъ слово это не заключаетъ въ себѣ ничего опаснаго для человечества, ничего враждебнаго его природѣ, его разуму, его духовной свободѣ, его безконечному прогрессу. Если даже вы не увѣруете вмѣстѣ со мною, вы полюбите вѣру мою, вы убѣдитесь, что она чужда всему, что васъ пугаетъ, возмущаетъ, отталкиваетъ въ ходячихъ представленіяхъ о вѣрѣ, религіи, церквяхъ и клерикализмѣ; вы убѣдитесь, что вѣра, не только признаетъ, но не можетъ обходиться безъ признанія правъ природы, разума и духовной свободы, всего, что вамъ дорого, какъ необходимые элементы безконечнаго прогресса человечества все къ лучшему и лучшему, отъ того, что есть къ тому, что быть должно.

Невозможность жить безъ любви, невозможность любя обходиться безъ сознательной вѣры въ абсолютную истину и правду любви, не приступая къ разумному дѣлу любви, заставила меня ухватиться, какъ за якорь спасенія, за мысль отдать всю жизнь на воспитаніе дѣтей народа въ привычкахъ любви, подготавливая для нихъ возможность стройно организовать жизнь и всѣ роды труда на основѣ братолюбія. Эта мысль была дана мнѣ сновидѣніемъ, въ которомъ я видѣлъ себя въ избѣ, въ обществѣ крестьянскихъ дѣтей, съ которыми бесѣдовалъ. Лица ихъ были какъ преображенными, просвѣтленными гармоничнымъ сочетаніемъ свѣта разума и вдохновенія любви. Среди нихъ я дышалъ дорогою, родною атмосферою любви. Этотъ сонъ далъ толчекъ мыслямъ моимъ и волю моей въ новомъ направленіи: я понялъ, гдѣ выходъ, въ чемъ спасеніе для бѣднаго, мятущагося, близкаго къ отчаянію, разъединеннаго въ злобѣ и глубоко несчастнаго въ своемъ озлобленіи человечества, понялъ и то, каковъ и главный долгъ совѣсти интеллигентныхъ представителей живой любви, что они могутъ и должны сдѣлать для дѣтей народа, умственный и нравственный уровень котораго былъ бы совсѣмъ иной, если предки наши въ теченіи вѣковъ, не были-бы такъ чужды любви и на живыхъ людей смотрѣли не какъ на рабочую силу, а какъ на братьевъ, способныхъ любить и достойныхъ любви.

И я приступилъ къ тому дѣлу любви, которому служу въ те-

ченіи 20 лѣтъ (съ 1881 г.), дѣлу, которое въ настоящее время принимаетъ размѣры и приводитъ къ результатамъ, которыхъ предвидѣть было невозможно. Отношеніе къ этому дѣлу всего окружающаго общества и богатый опытъ пережитаго представляетъ громаднѣйшій интересъ и высоко поучительно для общечеловѣческаго самосознанія. Исторію этихъ отношеній и этого опыта я постараюсь изложить возможно подробнѣе въ отдѣльномъ сочиненіи и сдѣлать это считаю для себя особенно обязательнымъ. Здѣсь могу только кратко перечислить самое главное.

Съ каждымъ днемъ передо мною все болѣе и болѣе ярко обрисовывалась страшная картина отрѣшенности человечества не только отъ привычекъ устойчивой, торжествующей любви, но и отъ самаго сознанія ея жизненнаго значенія, страшная картина невѣроятной закоренѣлости въ привычкахъ страха и корысти, при твердой вѣрѣ въ разумность, силу и цѣлесообразность насилія, палокъ страха и приманокъ корысти. Громадное большинство человечества, воспитанное вѣками рабства и биржи и думаетъ и чувствуетъ какъ рабы и торгаши, даже и тогда, когда они, какъ гирляндами цвѣтовъ, разукрашаютъ жизнь свою мечтами объ идеалахъ, любви и красотѣ. Громадное большинство даже фанатиковъ различныхъ религіозныхъ и философскихъ идеаловъ только утѣшаютъ себя, какъ дѣтскою игрушкою играя давнымъ идеаломъ, пока онъ остается въ области отвлеченной теоріи; осуществленія его въ жизни они совсѣмъ не желаютъ, недовѣрчиво сторонясь и даже становясь врагами тѣхъ, кто дѣлаетъ малѣйшую попытку въ этомъ направленіи, потому что на дѣлѣ всѣ эти идеалы одни цвѣты, долженствующіе разукрашивать праздники, литературу, поэзію, искусство и науки, но не составляютъ живой правды жизни духа и совсѣмъ не соответствуютъ ни духовнымъ привычкамъ, ни сердечнымъ потребностямъ будничной жизни. Вся разница сводится къ тому, что одни — рабы мирные, другіе — рабы крамольные, одни — торгаши расчетливые и практичные, другіе — безолаберные и сентиментальные, но у всѣхъ одинаковы привычки страха и корысти, идеалъ анархіи въ двухъ ея разновидностяхъ: самодурства властныхъ или крамольной анархіи подвластныхъ. И вся дисциплина современнаго общества одна иллюзія, потому что и она — дисциплина страха и дисциплина корысти: эта призрачная дисциплина чисто внѣшняя, требующая постоянного воздѣйствія палки страха и приманки корысти, безъ чего неминуемо проявится анархія, какъ единая живая правда настроенія душъ миллионовъ рабовъ и торговцевъ. Вотъ, что дѣлаетъ неизбежнымъ разорительное и позорное явленіе вооруженнаго міра въ семьѣ, въ обществѣ, въ государствахъ и жизни международной. Властные анархисты утѣшаютъ себя тѣмъ, что это нор-

мальный порядокъ вещей, что это и быть не можетъ иначе. Подвластные анархисты утѣшаютъ себя тѣмъ, что это грѣхъ буржуа и сильныхъ міра сего, что они знаютъ вѣрный рецептъ отъ всѣхъ золъ человѣческихъ и все исправятъ, когда станутъ властными или осуществлять правду анархін.

Тяжелый опытъ убѣдилъ меня, что причины зла гораздо болѣе всеобщі, гораздо глубже и устойчивѣе, чѣмъ думаютъ. Никакая внѣшняя организація, никакіе внѣшніе перевороты не могутъ спасти человѣчество. Зло не въ формахъ, а въ живой правдѣ настроенія, въ живой правдѣ направленія воли. Формы — только внѣшнія проявленія внутренней правды. Любовь, истина и добро — синонимы. Пока нѣтъ духовныхъ привычекъ живой, торжествующей любви — нѣтъ возможности осуществить добро, ребячески наивно мечтать о его осуществленіи. Только устойчивая и послѣдовательная любовь и можетъ водворить гармонію въ душахъ и жизни, постоянно оставаясь сама собою, никогда себѣ не измѣняя, ничего не проклиная, ничего не распиная, все любя, все благословляя, все объединяя, гармонизируя: и природу, и разумъ, и любовь. Пока миллионы людей, не будутъ воспитаны въ привычкахъ устойчивой, торжествующей, послѣдовательной любви, они не будутъ имѣть въ себѣ инстинкты единой внутренней, не внѣшней дисциплины, живой правды сознательной, добровольной дисциплины любви, безъ которой не можетъ быть и сознательнаго, добровольнаго самоограниченія, безъ которой и общество, и государство всегда будутъ нуждаться, для поддержанія хотя-бы внѣшняго порядка, въ палкахъ страха и въ приманкахъ корысти, подъ страхомъ немедленнаго проявленія живой правды анархін въ умахъ и сердцахъ миллионныхъ рабовъ и торгашей.

Вотъ что громко говорила мнѣ жизнь, говорила мнѣ все громче и громче по мѣрѣ того, какъ я шагъ за шагомъ подвигался въ дѣлѣ духовнаго перевоспитанія дѣтей народа къ привычкамъ любви, къ дисциплинѣ любви, къ дѣлу любви.

Это громко говорили мнѣ тѣ охранители, которые, проповѣдуя порядокъ въ жизни, считали опаснымъ новшествомъ и вреднымъ социализмомъ это дѣло мира, любви и порядка. Это громко говорили мнѣ тѣ „благочестивые христіане“ и „ученые богословы“, которые, приближаясь устами своими къ Богу Любовь, Христу Его и Церкви Ихъ, считали за доказательство ереси и измѣны традиціямъ Церкви осуществленіе въ жизни того, что они въ теории боготворятъ и въ храмахъ проповѣдуютъ, отъ чего по праздникамъ приходятъ въ умиленіе. Это громко сказали мнѣ тѣ, гордые умомъ представители науки и интеллигенціи, которые, мечтая и много говоря о благѣ народномъ, съ нескрываемымъ презрѣніемъ и недоброжелательствомъ отнеслись къ этому реальному дѣлу любви и

свободы, подготовляющему возможность въ жизни добровольной дисциплины любви безъ цѣпей страха и корысти. Это громко сказали мнѣ тѣ родители изъ простаго народа, которые не могли взять въ толкъ побудительныхъ причинъ моей дѣятельности, объясняли ее самыми позорными побужденіями корысти и честолюбія и въ то же время охотно отдавали мнѣ дѣтей своихъ на воспитаніе, всячески стараясь меня обмануть, внушить дѣтямъ нелюбовь, неуваженіе и недовѣріе ко мнѣ, советуя имъ воспользоваться выгодами образованія и аттестата съ эгоистичными, корыстными цѣлями, ревниво охраняя себя отъ нравственнаго воздѣйствія школы. Это всего громче сказали мнѣ тѣ изъ воспитанниковъ моихъ, которые, имѣя умъ, чтобы понять и сердце способное любить, остались совершенно чужими, въ теченіи многихъ лѣтъ отвергая услуги моей опытности, отвѣчая холоднымъ равнодушіемъ на настойчивые призывы къ братолюбію, предпочитая, по выходѣ изъ школы, идти торговать на ярмарку жизни, вмѣсто того, чтобы совместно со мною созидать честную радость Братства Трудоваго, того дѣла мира и любви, къ которому они изъ всего человѣчества наиболѣе специально и систематично подготовлялись.

Вотъ тяжелый опытъ жизни моей. Вотъ страшное отраженіе въ зеркалѣ отношеній къ живому дѣлу любви, искаженнаго злобою и корыстью духовнаго лица современнаго человѣчества.

Опасность дальнѣйшаго прозябанія человѣчества въ этой духовной тинѣ стала для меня еще болѣе очевидною. Обязанность всѣхъ людей доброй воли энергично приняться за воспитаніе дѣтей и самовоспитаніе въ направленіи привычекъ любви и дисциплины любви, приступить не медля къ дѣлу стройной организаціи добра въ жизни путемъ организаціи всей жизни и всѣхъ родовъ труда на основѣ братолюбія — еще болѣе несомнѣнною.

Рядомъ съ тяжелымъ опытомъ, о которомъ говорилъ, я счастливъ, что могу подѣлиться и радостнымъ опытомъ практической возможности, несмотря на всѣ эти неблагоприятныя обстоятельства, не только дѣла любви, но и благоприятныхъ въ этомъ дѣлѣ результатовъ, открывающихъ такіе свѣтлые горизонты, о которыхъ при началѣ дѣла казалось трудно и мечтать.

Въ настоящее время въ моемъ имѣніи пять школъ для дѣтей дошкольнаго возраста, большая сельская школа, общежитіе при ней, мужская и женская сельско-хозяйственныя школы. Система воспитанія въ школахъ нашихъ выработалась по необходимости совершенно своеобразно. Находя невозможнымъ соединять дѣло воспитанія съ дѣломъ дрессировки и необходимымъ для воспитанія привычекъ любви, логику любви и по отношенію къ воспитанникамъ, мы совершенно отказались отъ всякихъ наказаній и наградъ, какъ

отъ палокъ страха, такъ и отъ приманокъ корысти. Желая подготовить къ дѣлу организаціи добра въ жизни, мы и въ школьную жизнь дѣтей ввели организацію добра, способствующую постепенному закрѣпленію въ духѣ добрыхъ навыковъ единенія въ братолюбіи. Постепенно школа духовно крѣпла, обращаясь въ одну дружную семью, быстро ассимилирующую вновь поступающихъ. Грустные явленія, бывшія прежде нормальными, стали исключеніемъ, и грубые умы и сердцемъ люди, составлявшіе прежде большинство, являются теперь чужаками, возмущающими нравственное чувство, любовь и совѣсть большинства.

Пять лѣтъ жизни въ атмосферѣ любви въ мужской сельско-хозяйственной школѣ и четыре года—въ женской, оказалось достаточно для того, чтобы для многихъ организація жизни на началахъ братолюбія стала не только дѣломъ посильнымъ, но и потребностью совѣсти и любящаго сердца. Не всѣ устояли на этомъ пути, многихъ жизнь заманила своими пестрыми игрушками, многихъ духовная лѣнь заставила искать спокойнаго прозябанія тамъ, гдѣ можно было не бороться съ антисоціальными привычками стараго человѣка, во многихъ любовь къ общему дѣлу не осилила личныхъ антипатій и придирчивой требовательности по отношенію къ отдѣльнымъ пионерамъ этого новаго и по новостямъ во многихъ отношеніяхъ непривычнаго, труднаго дѣла. Не всѣ, измѣнившіе дѣлу любви, измѣнили вполнѣ и принципу любви. На дѣло любви, кромѣ сознанія первенствующаго значенія и живой правды любви, необходимы еще самоотверженіе, великодушіе, добрые навыки устойчивой, торжествующей любви, необходимо, чтобы братолюбіе было высшею потребностью, которой сознательно и радостно подчинялись всѣ остальные потребности, съ которою настойчиво всѣ остальные потребности примирялись-бы, приводились въ гармонію. Безъ этого фатальна измѣна дѣлу любви, даже и при ясномъ сознаніи всего ея значенія. Даже тѣ, которые не захотѣли отдать себя и жизнь свою на дѣло любви или измѣнили ему, остаются иногда теоретиками любви, признающими за позорную слабость воли свою непослѣдовательность въ практической жизни. Такимъ образомъ они остаются все-же проповѣдниками любви, хотя и въ несравненно меньшей степени и несравненно менѣе убѣдительными, чѣмъ тѣ, которые проповѣдуютъ не словомъ, а дѣломъ организаціи жизни на началахъ братолюбія. Иногда, оставаясь холодными и недоувѣрчивыми среди любящихъ, болѣе того,—доходя до грубаго озлобленія въ чуждой для нихъ атмосферѣ любви, они сами того не замѣчая, воспринимаютъ благія сѣмена, которыя проростають и иногда роскошно развиваются при иныхъ обстоятельствахъ, путемъ тяжелаго, скорбнаго личнаго опыта. Такъ много разъ я въ этомъ убѣждался, что не

вѣрю больше обманчивой буквѣ виѣшней неудачи. Истина, правда, добро, любовь—все это гораздо болѣе естественно, убѣдительно и дорого для человѣка, чѣмъ кажется. Самое озлобленіе является ни чѣмъ инымъ, какъ животнымъ страхомъ рутины передъ убійственною для него силою свѣта и вдохновенія. Человѣкъ рутины отстаиваетъ покой своего прозябанія, излюбленную анархію ума и сердца своего. Хаосъ пугается труда своего преображенія въ стройную гармонію, еще не понимая, что трудъ этотъ радость, что это—благо и бремя это легко, когда они являются дѣломъ любви. Психологическій процессъ, происходящій при этомъ, такъ интересенъ и поучителенъ, что я не могу не подѣлиться болѣе подробно этимъ опытомъ жизни.

Любовь—высшее сокровище, самая дорогая жемчужина жизни, но она такъ затеряна, такъ загрязнена въ навозной кучѣ злобы и пошлости, что мало кто понимаетъ ея дѣйствительную цѣнность. Самая цѣнность любви зависитъ не отъ того, сколько насъ любятъ, а отъ того, сколько мы любимъ. Незначительная ласка со стороны любимаго нами существа имѣетъ для насъ громадную цѣну и напротивъ, безграничное самоотверженіе любви можетъ быть даже тягостнымъ для насъ со стороны тѣхъ, кого сами мы не любимъ. Душа холодная или озлобленная, а позоръ духовной атмосферы жизненной биржи такъ великъ, что даже между дѣтьми это явленіе не рѣдкость, попадая въ чуждую среду любви, проникается недоувѣріемъ и придирчивымъ недоброжелательствомъ. Мы неизмѣнно судимъ о другихъ по себѣ. То, что для насъ естественно, мы считаемъ естественнымъ и для другихъ. Пока сами мы не любимъ, намъ кажется естественнымъ не любить, не естественнымъ любить. Всѣхъ любящихъ и высказывающихъ любовь свою мы склонны подозрѣвать въ неискренности и притворствѣ. При такихъ обстоятельствахъ озлобленіе неизбежно. Даже въ самихъ себѣ мы склонны относиться съ крайнимъ недоувѣріемъ къ первымъ проблескамъ зарожденія новаго чувства. Когда мы долго жили злобою и недоувѣріемъ, первые робкіе шаги на путяхъ любви мы естественно дѣлаемъ съ неловкостью начинающаго ходить ребенка, мы часто спотыкаемся и падаемъ, шаги наши неловки и самимъ намъ кажутся смѣшными. Оставаться въ привычной намъ позѣ злобы и недоувѣрія для насъ проще. И вотъ старая рутинна намъ кажется простотою и искренностью, а любовь—смѣшнымъ, лживымъ притворствомъ. Осудивъ любовь въ себѣ, мы естественно осудимъ ее и въ другихъ. Людей распущенныхъ и грубыхъ, не стѣсняющихся проявлять свою духовную анархію, мы признаемъ симпатичными, искренними, прямыми, а тѣхъ, которые любятъ, которые дисциплинированы любовью—презрѣнными комедіантами любви. Какъ не озлобиться противъ нихъ,—и озлобленіе

доходитъ до чудовищныхъ размѣровъ, до необходимости полного разрыва. Именно этотъ разрывъ и необходимъ, и спасителенъ. Только попавъ въ среду „простыхъ искреннихъ людей, свободно проявляющихъ свою индивидуальность“, только тяжелымъ личнымъ опытомъ испытавъ всю прелесть хаоса жизни, соответствующей этому настроенію, начинаютъ понимать цѣнность того, что отвергали, начинаютъ понимать невозможность систематичнаго ежеминутнаго притворства въ живомъ дѣлѣ любви и вѣрить въ искренность тѣхъ, отъ которыхъ въ живомъ опытѣ убѣдились въ томъ, что, по недостатку любви и довѣрія ко мнѣ, они раньше отвергли!.. Для людей, замороженныхъ духовною стужей гордости ума и сердечнаго озлобленія, необходимы эти двѣ стадіи эволюціи въ направленіи любви. Необходимо испытать на себѣ дѣйствіе любви, пожить въ атмосферѣ любви и затѣмъ пройти тяжелую школу жизни въ пучинѣ моря житейскаго. По гордости они ни отъ кого не примутъ истину, но познавши ее, они не будутъ болѣе въ состояніи ее игнорировать и постепенно помирятся съ нею, когда она явится имъ результатомъ собственнаго жизненнаго опыта. По озлобленію они не примутъ любовь, пока она сама призываетъ ихъ, пока другіе ищутъ зажечь святымъ огнемъ любви свѣтильникъ души ихъ; они отвергнутъ всѣ старанія, какъ насиліе надъ собою, какъ попытку ограничить свободу злобы и равнодушія въ нихъ. Но холодная, озлобленная душа ихъ соприкоснулась съ святымъ огнемъ любви, испытала хотя минутно радость свѣта, нѣжную ласку животворнаго тепла; рано или поздно они съ любовью и умиленіемъ, какъ о дорогой святынь, вспомнятъ объ этихъ минутахъ и затоскуетъ душа, и возгорится святой огонь и обратитъ въ святой храмъ холодное, поруганное капище тайника души ихъ. Не пугайтесь-же неудачъ, не вѣрьте лживой буквѣ преходящихъ фактовъ въ исторіи дѣла любви. Не падайте духомъ даже и тогда, когда грубо отвергнутъ любовь вашу, когда надъ святынею дѣла любви надругаются. Вы не знаете сокровенной силы святого огня любви, вы не знаете, какія сѣмена запали въ умы и сердца и когда, и при какихъ обстоятельствахъ сѣмена эти проростутъ.

Вотъ радостный опытъ жизни моей. Отзывчивая, любящая души, какъ цвѣтки распускаются и благоухаютъ подъ животворными лучами любви, въ ея живительной атмосферѣ; холодныя и даже озлобленныя, временно ожесточаются еще болѣе, ожесточеніе это можетъ принять чудовищные размѣры, выразиться въ самыхъ уродливыхъ формахъ, но, часто, это ни что иное, какъ конвульсив-

агоніи стараго человѣка, муки рожденія отъ совѣсти въ совѣсть, отъ старой совѣсти въ новую совѣсть. Гораздо страшнѣе измѣна любви, когда гордость, духовная лѣнь или какая либо низкая, грязная страсть, именно потому и низкая и грязная, что не согласована съ любовью, подавляетъ любовь, приводитъ къ кощунству измѣны и надругательства надъ тою святынею, которой пріобщились. Инстинктивно чувствуя весь ужасъ этого преступленія гордая душа не хочетъ допустить самую мысль о томъ, что она могла такъ низко пасть и предпочитаетъ упорно отрицать самое достоинство любви или увѣрять себя и другихъ, что никто любви не заслуживаетъ. Гордость неизбежна при отсутствіи любви, она антитеза любви. При любви гордость невозможна, по крайней мѣрѣ по отношенію къ тѣмъ, кого любишь; неизбежно смиреніе признанія, что любимыя существа достойны любви нашей. Измѣна любви въ томъ и состоитъ, что мы перестаемъ смиренно признавать достойными любви нашей ближнихъ нашихъ, не только не любимъ ихъ, но и не стремимся, не хотимъ любить ихъ, горделиво признаемъ за собою право быть равнодушными, питать злыя чувства, быть жестокими. Вотъ почему любовь и смиреніе съ одной стороны, гордость и озлобленіе—съ другой,—синонимы. Есть логика любви и есть логика злобы. Какъ для любви естественно, логично искать и находить причины любить, что логично, неизбежно приводитъ къ единенію въ братолюбіи, такъ для злобы логично, естественно искать и находить причины для осужденія, для злобы, что логично, неизбежно приводитъ къ разединенію, борьбѣ, вооруженному миру. Какъ для смиренія логично, естественно признавать братство, что неизбежно приводитъ къ добровольной дисциплинѣ самоограниченія любящей души на пользу тѣмъ, кого до ревности любишь и уважаешь, такъ и для гордости естественно, логично свою личность поставить такъ высоко, до того заслонить собою весь міръ, что станетъ неизбежнымъ признать за собою неотъемлемое право на безграничное своеволие и внести въ жизнь подъ тою или другою благовидною маской, подъ высоко-охранительнымъ ярлыкомъ самодурства или подъ ультралиберальнымъ ярлыкомъ радикализма, все тѣ же ужасы, все тотъ же беспорядокъ, все то же безграничное своеволие анархій.

Вотъ почему такъ наивны и такъ безрезультатны всѣ попытки осуществить единеніе, миръ и свободу среди людей, чуждыхъ любви и по отсутствію любви неумѣющихъ относиться смиренно другъ къ другу и уважать другъ друга.

И въ школахъ нашихъ, возрастая въ любви, dorостаютъ и до дисциплины любви, dorостаютъ съ тѣмъ вмѣстѣ и до потребности единенія въ братолюбіи. Именно настолько и dorостаютъ до спо-

способности послужить на дѣло любви, до устойчивой дисциплины любви, до торжествующей потребности единенія въ братолюбіи, насколько возросла любовь къ Богу и къ ближнимъ, насколько она стала устойчивою и торжествующею надъ всѣми препятствіями, насколько на ея святомъ огнѣ сгорѣла въ тайникѣ души человѣка грязь гордости, соблабюбія и озлобленія.

Такихъ людей, способныхъ на дѣло любви, оказалось достаточно для того, чтобы стало возможно приступить къ осуществленію этого дѣла въ жизни. По выходѣ изъ школъ нашихъ молодые люди организуютъ рабочія артели для совмѣстнаго дружнаго труда на пользу общую. Молодые дѣвушки съ своей стороны образуютъ артели портнихъ, прачекъ и молочницъ. Всѣ эти артели объединены въ одно Трудовое Братство, уставъ котораго былъ утвержденъ подлежащими властями. Оно было признано юридическимъ лицомъ и ему было Высочайше даровано право пріобрѣтать и отчуждать недвижимую собственность.

Братство наше задается тремя главными цѣлями: 1) воспитывать дѣтей къ сознанію первенствующаго значенія любви и къ добрымъ привычкамъ устойчиваго торжествующаго братолюбія; 2) стройно организовывать всю жизнь, всѣ отношенія и всѣ роды труда на началахъ братолюбія, и 3) по возможности и внѣ братства поддерживать явленія жизни, родственныя первымъ двумъ цѣлямъ.

Дальнѣйшая программа дѣятельности нашей такова: организовывать всѣ роды труда, входящіе въ сферу экономической жизни того имѣнія, въ которомъ братство основано, а жизнь эта очень разнообразна, благодаря соединенію въ этомъ имѣніи двухъ родовъ экономической дѣятельности: добывающей и обрабатывающей, мы приступимъ при первой возможности къ основанію профессиональных школъ и организаціи филиальныхъ отдѣленій братства въ имѣніяхъ, принадлежащихъ намъ въ двухъ другихъ губерніяхъ: Петербургской и Нижегородской. Наконецъ въ одномъ изъ большихъ городовъ, всего вѣроятно въ Москвѣ, какъ наиболѣе центральномъ, организуемъ торговую братскую артель и такимъ образомъ докажемъ возможность организаціи всѣхъ родовъ труда, земледѣлія, промышленности и торговли на братскихъ началахъ, чуждыхъ тѣхъ приманокъ корысти, которыя обращаютъ весь міръ въ одну биржу, на которой всѣ борются за обладаніе богатства и тѣми положеніями, которыя при наименьшемъ трудѣ, обезпечиваютъ наибольшій почетъ и наибольшія выгоды.

Дѣло Трудовыхъ Братствъ не требуетъ никакихъ ни политическихъ, ни социальныхъ переворотовъ, ничего насильственно не разрушаетъ. Это дѣло кротости, любви и мирной организаціи, одинаково полезное, какъ для бѣдныхъ, такъ и для богатыхъ, какъ для

церквей, такъ и для государствъ, для всѣхъ, кто искренно желаетъ общаго блага, міра и единенія въ братолюбіи.

Для бѣдныхъ значеніе такихъ трудовыхъ братствъ очевидно, какъ мирное убѣжище отъ хаоса грубой борьбы за существованіе и неизбежныхъ при немъ назойливыхъ искушеній и всевозможныхъ экономическихъ и нравственныхъ опасностей. Для богатыхъ — это наиболѣе симпатичный и достойный переходъ къ лучшему, выходъ изъ того позорнаго и грубо-эгоистичнаго положенія, которое создано имъ капиталистическимъ строемъ. Пользоваться богатствомъ, сознавая, какъ мало наши интересы согласованы съ интересами рабочихъ классовъ, какую зависть и злобу вызываетъ наше исключительное положеніе, какимъ обманчивымъ, только усыпляющимъ совѣсть, паліативомъ является самая широкая благотворительность, становится все болѣе и болѣе невыносимымъ для тѣхъ, въ комъ любовь не подавлена холодными расчетами ума или грубымъ деспотизмомъ властныхъ ощущеній. Мы, семья моя состоимъ изъ старушки матушки и двухъ сестеръ моихъ, совершенно солидарныхъ со мною въ убѣжденіяхъ и стремленіяхъ, не имѣя дѣтей, можемъ свободно располагать родовымъ имуществомъ нашимъ. Отказавшись отъ радостей семейной жизни, я тѣмъ сохранилъ полную экономическую свободу свою. Но и въ томъ случаѣ, если бы у меня была семья и я не могъ бы по закону располагать родовымъ имуществомъ, передавъ дѣтямъ моимъ вмѣстѣ съ жизнію и исключительное привилегированное социальное положеніе, даже и въ этомъ случаѣ ничего лучшаго я для нихъ не желалъ бы и не могъ бы придумать, считалъ бы нравственной обязанностью своею дѣлать то же дѣло любви, созидать то же трудовое братство и завѣщать имъ отдавать этому братству въ аренду всѣ земли и заводы, причемъ возможно безконечно большая солидарность интересовъ, безконечно болѣе нравственно чистоплотныя и благородныя взаимныя отношенія, чѣмъ въ настоящее время, когда все продается и изъ-за всего происходитъ ежеминутный торгъ и борьба взаимно противорѣчивыхъ интересовъ. Чтобы не понимать всего этого и не чувствовать скорбь и позоръ такого положенія вещей, нужна такая степень умственной и нравственной тупости, какая встрѣчается не часто въ наши дни. Многие чувствуютъ себя глубоко неудовлетворенными, неспособными на жестокое легкомысліе безмятежнаго и непробуднаго пьянства на позорной оргіи жизни. Многие томятся, многие тяготеютъ жизнью, но не многие вѣрятъ въ силу любви, немногіе даже только понимаютъ ея жизненное значеніе, абсолютную, вѣчную правду ея. Вотъ почему такъ мало людей, понимающихъ, гдѣ выходъ изъ лабиринта современныхъ осложнений, такъ мало вѣры въ возможность какого-либо выхода, такъ мало людей, способныхъ приступить къ

дѣлу организаціи добра въ жизни. А между тѣмъ это дѣло все болѣе и болѣе необходимое для блага всѣхъ церквей, всѣхъ государствъ, всѣхъ народовъ. Человѣчество слишкомъ умственно развилось для того, чтобы возможно было съ прежней наивностью и недомыслиемъ относиться къ вѣрѣ и жизни. Для народовъ необходимо опредѣленный идеалъ и опредѣленная программа непрестаннаго прогресса въ направленіи къ этому идеалу. Народамъ надоѣло безсрочно толочься на одномъ мѣстѣ, не понимая, гдѣ они и куда ихъ ведутъ. Всѣ представители добра, всѣ сыны свѣта, не могутъ не радоваться тому и не привѣтствовать этого стремленія человѣчества отъ мрака и позора прозябанія, къ свѣту и правдѣ жизни разумной. Всякая церковь признаетъ себя хранительницею истины, правды и добра, хранительницею высочайшаго идеала; въ этомъ — животворящій духъ самаго смысла и права ея на существованіе. Пока она не организуетъ добро въ жизни, пока она не предлагаетъ вѣрующимъ никакой опредѣленной программы, она не можетъ имѣть на жизнь никакого вліянія и тѣмъ самымъ утрачиваетъ всякое жизненное значеніе. Именно это и констатируютъ невѣрующіе, называя такую вѣру абсурдомъ, устарѣлой утопіей, годной развѣ для утѣшенія больныхъ и слабоумныхъ людей, а вѣрующихъ такою вѣрою — фарисеями, лицемерами и идиотизированными ханжами. Поставить высоко знамя вѣры, доказать, что она и теперь — живой свѣточъ, способный удовлетворить умы и сердца, предлагая имъ завѣдомо высшій идеалъ, гармонизирующий любовь, разумъ и природу, все твореніе Бога, во имя Котораго говорятъ церкви, все, что изшло отъ Первопричины бытія и потому имѣетъ разумное право на существованіе, доказать, что вѣра заключаетъ въ себѣ и самую разумную программу упорядоченія жизни, организаціи добра — вотъ священная обязанность для всякой церкви, имѣющей вѣру въ саму себя, желающей доказать, что она осталась вѣрна истинному Богу, не желающей подписать себѣ смертный приговоръ, сдѣлавшись позорнымъ орудіемъ низменныхъ, своекорыстныхъ цѣлей.

Для всякаго государства — это залогъ мирнаго развитія и единенія въ братолюбіи всѣхъ классовъ общества, принимающихъ участіе въ его жизни.

Тѣмъ, кому покажется чрезмѣрнымъ сказанное мною, кто усумнится въ основательности моей оцѣнки значенія любви и возможныхъ результатовъ стройной организаціи дѣла любви въ жизни, — я скажу одно: вѣрьте въ искренность моего глубокаго убѣжденія, примите въ соображеніе опытъ, вынесенный мною изъ многолѣтняго служенія на дѣло любви и выслушайте терпѣливо то, что я имѣю сказать вамъ о значеніи любви и необходимости для человѣчества единенія въ братолюбіи.

III.

Вѣра, суетвѣріе и невѣріе.

Опытныя науки не даютъ и не могутъ дать, пока представители ихъ остаются на чисто научной почвѣ, отвѣтовъ на самые главные вопросы жизни: о первопричинахъ бытія, о конечныхъ цѣляхъ его, о непреходящемъ смыслѣ жизни міра и, что для насъ особенно важно, смыслѣ жизни человѣка. Золотая клѣтка позитивизма не можетъ удовлетворить ни умы, ни сердца, ни мало не оразумливая жизнь. Разумный человѣкъ, тотъ, котораго не удовлетворяетъ болѣе безцѣльное прозябаніе пьянства жизни, чувствуетъ на степени насущной потребности разума необходимость, чтобы, по удачному выраженію русскаго поэта: „каждый шагъ, и каждое мновеніе, имѣли-бъ вѣчный смыслъ, дающій право жить“. Еще болѣе нуждается въ отвѣтахъ на эти жизненные вопросы представитель любви, тотъ, для кого жизнь — любовь, кто чувствуетъ насущную потребность любить все сущее, кто любя жалѣетъ все, что страдаетъ, не понимая разумнаго смысла своихъ страданій. Для него отвѣтить на эти вопросы жизни не только насущная потребность разума, который онъ тоже любитъ и жалѣетъ, но прежде всего насущная потребность любви и жалости ко всему существующему, ко всему человѣческому существу со всею его природою, со всѣми его потребностями, съ его таинственною способностью испытывать страданія и радость. Чтобы не впасть въ отчаяніе, не сойти съ ума отъ жалости и скорби, онъ долженъ знать разумный смыслъ той міровой скорби, которую онъ чувствуетъ всѣми фибрами своего отзывчиваго, любящаго сердца, проявленія которой ежеминутно смущаютъ покой и радость его души.

Гдѣ же отвѣты на эти вопросы, безъ которыхъ такъ трудно, такъ невыносимо жить, когда хочешь жить, а не прозябать. Наука отвѣтовъ на эти вопросы не даетъ и дать не можетъ. Есть люди, которые на основаніи того, что знаютъ, строятъ предположенія,

предлагают гипотезы, наиболее удовлетворяющія ихъ разумъ, иногда принимая въ расчетъ и живую правду запросовъ сердца человѣка. Это называется философией. Есть люди, которые признають, что и науки, и выкладки ума, философскія гипотезы, не могутъ привести къ познанію абсолютной истины, слѣдовательно и слишкомъ мало авторитетны въ дѣлѣ рѣшенія этихъ жизненныхъ вопросовъ. Эти люди признають, что есть Высшая Воля, породившая міръ, что она одна знаетъ первопричины бытія, конечныя цѣли Своего творенія и разумный смыслъ земной жизни человѣка, что эта Высшая Воля черезъ избранниковъ Своихъ открываетъ человѣчеству частицы абсолютной истины, насколько это необходимо для того, чтобы человѣчество могло сознательно жить и разумно стремиться къ той конечно цѣли, ради которой и дано ему земное бытіе, ради которой оно можетъ разумно переносить всю скорбь жизни съ твердою надеждою на конечное торжество добра и общаго счастья. Это и называется вѣрою въ Бога и Его откровеніе.

Абсолютная истина одна и истинная вѣра одна. Ошибочная вѣра и будетъ—суетвѣріе. Каковы главные, неизбѣжные признаки истинной вѣры? Если существуетъ Высшая Воля, создавшая все сущее, весь міръ является осуществившеюся мыслию, проявленіемъ воли этого Верховнаго Существа. Откровеніе Его должно утолять всѣ запросы ума и сердца его созданія, объяснить разумный смыслъ бытія, слить въ одну стройную гармонию все то, что имѣетъ одно общее начало. И природа человѣка, и разумъ, и любовь въ немъ—не могутъ не имѣть разумный вѣчный смыслъ, не могутъ быть въ непримиримомъ противорѣчіи между собою, если допустить существованіе Единого Бога Творца. Эта Высшая Воля не можетъ ни въ чемъ быть ниже своего созданія, не можетъ быть Источникъ разума менѣе разуменъ, не можетъ быть Источникъ любви менѣе любящимъ, нежели Его частичныя проявленія или какое либо изъ Его твореній. Итакъ истинная вѣра—самое высокое, что можетъ быть доступно уму и сердцу человѣка; истинная вѣра должна наиболее утолять и умъ, и сердце его; истинная вѣра должна все объединять, все гармонизировать, все примирять въ твореніи Единого Бога живого: и природу, и разумъ, и любовь. Вотъ главные признаки истинной вѣры. Вѣра, требующая приниженія идеи Божества, сравнительно съ идеаломъ, ставшимъ доступнымъ Его созданію, очевидно не вѣра, а суетвѣріе. Вѣра раздѣляющая самое твореніе на чистое и нечистое, проклинающая часть творенія и въ этой части проклинающая самаго Творца—очевидно не вѣра, а суетвѣріе. Вѣра, требующая распинанія природы человѣка, распинанія его разума или его любви, не объясняя разумнаго смысла природы, не утоляя ни разума, ни любви—очевидно не вѣра, а суетвѣріе. Вѣра,

ничего не объединяющая, не примиряющая, не гармонизирующая, а напротивъ все разъединяющая, требующая дисгармоніи, злобы и насилія, очевидно не вѣра, а суетвѣріе.

Истинная вѣра одна и неизмѣнна. Истинное Откровеніе тоже неизмѣнно и вѣчно, но измѣнчиво отношеніе человѣчества къ буквѣ словъ Откровенія, безконечно измѣнчива степень воспріятія живой правды умами и сердцами, только постепенно достигающими до пониманія живой правды откровенія все болѣе и болѣе глубокаго, широкаго и возвышеннаго. Въ этомъ безпредѣльный ростъ, безпредѣльный прогрессъ отъ вѣры въ вѣру, отъ суетвѣрія къ правдѣ вѣры. Истинная вѣра одна, истинное откровеніе неизмѣнно и вѣчно, но вчерашнее пониманіе его можетъ быть суетвѣріемъ сравнительно съ пониманіемъ нашихъ дней и наше пониманіе вѣры можетъ стать грубымъ суетвѣріемъ сравнительно съ высотой и чистотой той вѣры, которая озаритъ умы и сердца грядущихъ поколѣній.

Итакъ въ данную минуту вѣра есть то пониманіе Откровенія, которое соотвѣтствуетъ наивысшимъ идеаламъ, доступнымъ въ данную минуту умамъ и сердцамъ людей, то пониманіе Откровенія, которое наиболее утоляетъ и умъ и сердце, приводитъ къ наибольшему единенію, къ наибольшей гармоніи.

Прослѣдить шагъ-за-шагомъ за тѣмъ, какіе отвѣты даютъ на главные вопросы жизни вѣра, суетвѣріе и невѣріе въ наши дни, дѣло въ высшей степени интересное и поучительное. Размѣры этихъ статей не позволяютъ мнѣ предпринять въ этомъ направленіи обстоятельное изслѣдованіе; ограничусь отрывочными краткими замѣчаніями.

Приступая къ этому дѣлу, я долженъ сказать, что истинною вѣрою признаю живую правду христіанскаго Откровенія, животворящій духъ этого Откровенія, признаю не потому, что родился христіаниномъ, крещенъ и воспитанъ въ рутинныхъ привычкахъ одной изъ христіанскихъ церквей, а потому, что, отрѣшившись отъ рутиннаго пониманія буквы, нашелъ въ животворящемъ духѣ христіанскаго откровенія высшій идеалъ, доступный уму и сердцу человѣка, наиболее разумное міровоззрѣніе, наиболее объясняющее мнѣ тайну бытія и разумный смыслъ земной жизни человѣка, наиболее способное все объединить и гармонизировать, а слѣдовательно и наиболее совпадающее съ правдою воли Единого Творца и благомъ всѣхъ Его созданій.

Богъ. Христіанское Откровеніе даетъ намъ такое представленіе о Богѣ: прежде всего Онъ—Любовь. Это свойство является настолько преобладающимъ въ гармоніи духа Божія, что всѣ остальные свойства ему подчинены, составляютъ только какъ-бы атрибуты

царственной любви. Богъ христіанскаго откровенія—неизмѣненъ: какъ вчера Онъ былъ любовью, такъ и сегодня Онъ любовь и никогда въ вѣчности не перестанетъ ею быть, всегда неизмѣнно оставаясь вѣрнымъ Самому Себѣ, неизмѣнно послѣдовательнымъ, неизмѣнно логичнымъ въ дѣлѣ любви, все обнимая любовью Своєю, все благословляя, все понимая потому, что Онъ при этомъ и Высшій Разумъ міра, Высшая Мудрость.

Именно любовь Божія и есть первопричина бытія. Любви не свойственно оставаться въ холодномъ одиночествѣ. Все создано любовью и для любви. Все изшло отъ любви и должно къ ней вернуться, потому что она и есть конечная цѣль творенія.

Любовь—высшая радость бытія. Единеніе въ любви всего сущаго, причастіе любви, разума и поэзіи вдохновенія гимна сознательной любви между Творцомъ и всѣми Его твореніями—вотъ цѣль жизни, смыслъ мірового бытія, заключающій въ себѣ высшую радость, вѣчное блаженство, включая въ себя все, что можетъ желать, къ чему можетъ стремиться человѣческой геній, о чемъ можетъ мечтать самая восторженная душа, потому, что все доступное уму человѣка—только слабое отраженіе чудесъ, порождаемыхъ мудростью Божіей и все, чего можетъ желать самое восторженное сердце человѣка—только слабое отраженіе блаженства причастія любви Его.

Богъ христіанскаго Откровенія всевѣдущъ и всемогущъ и это только естественныя послѣдствія любви Его. Обнимая любовью Своєю все твореніе Свое, Онъ не могъ оставаться холодно равнодушнымъ къ малѣйшему изъ созданій Своихъ. Все знать—потребность любви Его. Какъ Высшій Разумъ міра, зная въ чемъ высшее благо, и какъ Высшая Любовь именно это высшее благо и желая всѣмъ Своимъ созданіямъ, Творецъ не могъ что либо изъять въ твореніи Своемъ изъ власти Своей, изъять настолько, чтобы тѣмъ ограничено было Его всемогущество. Все мочь—потребность любви и мудрости Бога живого.

Зная благой и разумный смыслъ жизни міра, Творецъ не можетъ унывать и тѣмъ болѣе приходитъ въ отчаяніе, какъ бы ни было велико временное зло, какъ-бы ни былъ безобразенъ временный хаосъ, которыхъ допустить Онъ находитъ нужнымъ, уважая свободу своихъ созданій, не желая измѣнить Себѣ, прибѣгая къ насилію надъ ними.—Онъ вседоволенъ и всеблаженъ, въ этомъ смыслѣ.

Вотъ свойства живого Бога христіанскаго Откровенія по Православному катехизису. Откровенія того Творца, котораго я могу понимать и любить, который удовлетворяетъ во мнѣ и разумъ, и любовь, вѣра въ Котораго примиряетъ меня съ самимъ собою и со

всѣмъ сущимъ, даетъ разумный смыслъ бытію и каждому мгновенію жизни моей „разумный, вѣчный смыслъ, дающій право жить“.

При этой вѣрѣ и только при ней слова: „добро“, и „зло“, „истина“ и „ложь“, „правда“ и „неправда“, получаютъ для меня опредѣленный смыслъ. Добро—то, что совпадаетъ съ благою волею Высшей Любви; зло—то, что ей враждебно. Истина—то, что совпадаетъ съ мыслию Творца, то, что по мысли Его должно вѣчно быть; ложь—все то, что искажаетъ эту мысль и потому имѣетъ только временное, призрачное существованіе. Правда—то, что въ отношеніяхъ нашихъ къ самимъ себѣ, къ ближнимъ нашимъ и ко всему міру согласно съ добромъ и истиною, неправда—все то, что въ отношенія эти вноситъ хаосъ злобы и лжи.

Говорю о христіанскомъ Откровеніи потому, что оно наиболѣе мнѣ извѣстно. Всякое другое откровеніе, всякую другую философію я готовъ признать истиною настолько, насколько они совпадаютъ съ животворящимъ духомъ этой вѣры, исповѣдуемой умомъ и сердцемъ, всѣмъ духовнымъ существомъ моимъ. Эта вѣра не выкладка ума, не привычка сердца, а живая, насущная потребность всего моего существа. Безъ этой вѣры я не могу ни понимать, ни любить ни міръ, ни жизнь, ни человѣчество, ни самого себя. Откажусь отъ вѣры въ одно изъ перечисленныхъ свойствъ Бога и самая надежда моя на разумный смыслъ бытія, на самое достоинство конечныхъ цѣлей творенія, на возможность познать абсолютную истину, на разумный, вѣчный смыслъ самой любви, на реальность различія между добромъ и зломъ, истиной и ложью, правдою и неправдою, на конечное торжество радости, правды и добра—теряетъ всякое разумное основаніе, становится безпочвенною гипотезою, ребяческимъ суевѣріемъ.

Насколько я остаюсь вѣренъ любви во всѣхъ деталяхъ религіозныхъ представленій моихъ, настолько я и не отступаю отъ истинной вѣры, отъ истиннаго правовѣрія. Не Богъ, а только мы можемъ быть нелогичны въ любви. Все, что противорѣчитъ любви, очевидно не согласно ни съ волею, ни съ мыслию Высшей любви. Все, что въ религіозныхъ понятіяхъ нашихъ не согласовано съ любовью—есть очевидное отступленіе отъ истинной правды, ложь, отступленіе отъ правовѣрія—суевѣріе. Все, что не согласовано съ любовью въ жизни—грѣхъ, безнравственность, отступленіе отъ христіанской правды, такъ какъ въ любви, и только въ любви, единомысліе и единомысліе съ Высшею Любовью: святость, чистота. Именно страшная непослѣдовательность христіанъ, постыдный хаосъ ихъ ума, находящагося въ постоянномъ непримиримомъ противорѣчій съ вѣрою въ Бога—Любовь, вносящаго въ самую религіозную понятія позорный хаосъ злобы, корысти, всей грязи не очищенныхъ любовью сердецъ, и дѣлаетъ столь трудно понимаемую

разумную правду вѣры. Именно гнусная ложь жизни христіанъ, представляющей сплошную измѣну святому дѣлу любви и стройной организаціи добра въ жизни, и оклеветала христіанство, сдѣлала столь трудно понимаемою жизненную правду христіанской этики, высокое достоинство для блага человѣчества осуществленіе въ жизни практическаго христіанства.

Ложь грубѣйшаго суевѣрія до того окутала плотнымъ, грязнымъ покровомъ чистый брилліантъ вѣры въ умахъ и жизни, что человѣчество не видитъ болѣе блеска его, не видитъ болѣе возможности иного выхода, какъ двѣ одинаково зловредныя крайности — невѣрія и суевѣрія.

Посмотримъ, каковы практическія послѣдствія этихъ двухъ крайностей.

Суевѣріе отрицаетъ или безсознательно искажаетъ одно изъ свойствъ Бога живого. Невѣріе отрицаетъ самое существованіе Бога. Начнемъ съ суевѣрія.

Всего чаще игнорируютъ любовь Божію. Это самое обыденное и самое страшное изъ всѣхъ суевѣрій. Не понимая живой любви Бога живого, искажаютъ самыя понятія о Богѣ до чудовищнаго божества, ничего общаго съ Богомъ — Любовь не имѣющаго, безсознательно вытравляютъ любовь изъ христіанской этики, изъ пониманія святости, добродѣтели, чистоты, вытравляютъ ее и изъ жизни и отношеній. Считаютъ возможнымъ быть вѣрными Богу, на каждомъ шагѣ измѣняя любви, во имя вѣры проповѣдуя человѣконенавистничество, разъединеніе, насиліе, оправдывая все зло жизни, препятствуя созиданію добра. Лучше не вѣрить ни въ какого бога, чѣмъ вѣрить въ бога злого и грубаго. Вся религія становится позорною школою трусливыхъ рабовъ и корыстныхъ торгашей, ищущихъ низкимъ угодничествомъ, дарами и лестью снискать выгоды вѣчнаго блаженства отъ злаго и гордаго деспота не любящаго, не цѣнящаго любовь, а потому и не требующаго по отношенію къ себѣ все облагораживающей, все очищающей, все освящающей любви. Любовь теряетъ для нихъ разумный, вѣчный смыслъ, становится презрѣнною игрушкой, грѣхомъ, скверною. Одинъ изъ способовъ угодить божеству, холодная святость котораго презираетъ любовь и радость — отказаться отъ радостей и любви, усладить холодную святость его видомъ благочестивыхъ самоистязаній. Отсюда холодный мракъ самодавлѣющаго аскетизма, раздѣленіе природы и самаго существа человѣческаго на чистое и нечистое, холодное презрѣніе къ міру земному, плоти и всему тѣлесному. Вѣруя во Единого Бога Творца, не понимаютъ болѣе любви Его ко всему творенію и доходятъ до кощунства проклинанія Творца въ части Его творенія. Это худшее изъ суевѣрій, несомнѣнно хуже полнаго отрицанія,

полнаго невѣрія, болѣе вредно для человѣчества, болѣе позорно, обличая болѣе низкое настроеніе души, нежели отчаяніе пессимизма и даже легкомысліе оптимизма самодовольнаго невѣрія.

Второе, по степени зловредности, суевѣріе происходитъ отъ забвенія мудрости Божіей. Не принимаютъ въ расчетъ мудрость Божію, забываютъ, что Онъ — Высшій Разумъ міра, что нельзя, оставаясь вѣрными Ему, съ недоувѣріемъ и презрѣніемъ относиться къ разуму, не понимать, что разумную волю Его нельзя ни изучать, ни выполнять неразумно. Послѣдствія этого суевѣрія — ужасны. Проповѣдуютъ глупыя суевѣрія, глупо устраниваютъ жизнь, воздвигаютъ настоящее гоненіе на разумъ, распинаютъ разумъ человѣчества и все это дѣлаютъ во имя вѣры, называютъ благочестіемъ, на дѣлѣ проклиная самого Творца, Высшій Разумъ міра въ Его земныхъ отраженіяхъ.

Размѣры этой статьи не позволяютъ мнѣ продолжать этотъ перечень страшныхъ послѣдствій разнообразныхъ отступленій отъ истины вѣры, разнообразныхъ болѣе или менѣе чудовищныхъ суевѣрій.

Правда требуетъ признать, что слишкомъ часто не только отдѣльныя лица, но цѣлыя христіанскіе народы, цѣлыя церкви помѣстныя, являли и являютъ позорный примѣръ отступничества отъ вѣры, выдавая за вѣру самыя грубыя, самыя кощунственныя суевѣрія, доходя часто до чудовищнаго соединенія не одного, а многихъ суевѣрій, изъ которыхъ cadaго было бы достаточно для того, чтобы оклеветать вѣру, быть страшнымъ соблазномъ для человѣчества. Разомъ забываютъ и любовь, и мудрость и всѣ остальные свойства Божіи, и въ жизнь человѣчества вносятъ все зло, весь хаосъ, неизбежныя, естественно вытекающіе изъ совокупности всѣхъ этихъ суевѣрій, и все это дѣлается во имя вѣры, во имя какого-то страшнаго, чудовищнаго божества.

Для насъ очевиденъ весь вредъ суевѣрій. Постараемся безъ предвзятой мысли отнести къ логичнымъ послѣдствіямъ невѣрія. Если мы не вѣримъ въ Бога Живого съ тѣми свойствами, которыя мы выше перечислили, не вѣримъ въ Творца, имѣющаго определенную, разумную и благую цѣль, созидая міръ, имѣемъ ли мы какое-либо разумное основаніе различать добро отъ зла и тѣмъ болѣе надѣяться на конечную побѣду добра. Говорятъ, самая идея безначальнаго Бога — непонятна, недоступна уму человѣческому. Развѣ невѣріе предложило гипотезу болѣе понятную? Развѣ умъ, дисциплинированный наукою, можетъ представить себѣ явленія совершенно безпричинныя? Понятна ли намъ безначальная пустота, безпричинно порождающая матерію и силу? Понятна ли намъ предвѣчная матерія, безсознательно и безпричинно развивающаяся по

стройному плану къ опредѣленной цѣли? Если мы и весь міръ — порожденіе пустоты, вся жизнь — хаосъ случайностей и всякая надежда на какую-либо опредѣленную цѣль бытія — суевѣріе, не имѣющее никакого разумнаго основанія. Люди очень молодые и люди очень глупые могутъ принимать свои желанія за разумныя основанія, но это наивное недоразумѣніе не выдерживаетъ, конечно, никакой критики при мысли, что и самъ человѣкъ — мгновенная фикція, случайный агломератъ атомовъ, ошибочно сознающій свою фиктивную индивидуальность.

Понятія добра и зла, нравственнаго и безнравственнаго, разумнаго и неразумнаго, при невѣріи тоже теряютъ всякій разумный смыслъ, всякое опредѣленное значеніе. Всѣ эти понятія должны быть замѣнены понятіями о пріятномъ и выгодномъ для даннаго человѣка. Именно „для даннаго человѣка“, такъ какъ даже вопросъ о пріятномъ и выгодномъ для всего человѣчества является глупою сентиментальностью для этой фиктивной индивидуальности съ ея бытіемъ на часъ. Нельзя даже и опредѣлить, что пріятно, что выгодно для всего человѣчества. То, что дорого для одного, безъ чего онъ счастливымъ быть не можетъ — не только не имѣетъ никакой цѣны для другого, но даже вызываетъ его антипатію, мѣшаетъ его счастью. Разсужденіе о томъ, что мое счастье находится въ такой тѣсной зависимости отъ счастья всего человѣчества, что изъ чисто эгоистическихъ, утилитарныхъ побужденій я долженъ стремиться къ общему счастью, очевидно нелѣпо, пустая, красивая фраза, годная только для украшенія рѣчи, а не для житейскаго обихода. Кто можетъ быть настолько наивенъ, чтобы, зная человѣчество и жизнь, вообразить себѣ, что доживетъ до этой благодатной эры всеобщаго счастья, да еще успѣетъ насладиться ея плодами. Всякому очевидно, напротивъ, что роль благодѣтелей человѣчества, подготовляющихъ общее счастье, роль крайне трудная и неблагодарная, которую принять на себя изъ эгоистическихъ цѣлей, надѣясь пожать обильные плоды въ этой жизни, до глупости наивно. Предпочесть минутное благо даже миллионъ эфемеридъ своему собственному минутному благу — опять-таки нѣтъ ни малѣйшаго разумнаго основанія. Если я одинъ буду жертвовать собственнымъ благомъ на общую пользу, это очевидно ни къ чему привести не можетъ. Если всѣ будутъ жертвовать благомъ своимъ на благо грядущихъ поколѣній въ то время, какъ хаосъ жизни можетъ ежечасно обратить въ ничто даже вѣковыя, самоотверженныя усилія человѣчества и какимъ-нибудь катаклизмомъ самое человѣчество смести съ лица земли — глупое, смѣшное донъ-кихотство въ самомъ худшемъ смыслѣ этого слова. Если въ насъ есть такой неразумный инстинктъ, называемый альтруизмомъ, инстинктъ, побуждающій насъ стано-

виться въ такія смѣшныя и глупыя позы, будемъ стараться подавить его, чтобы онъ не мѣшалъ намъ въ практической дѣятельности борьбы за существованіе, будемъ стараться вытравить его изъ дѣтей нашихъ, чтобы и они не впали въ роковыя ошибки, увлекаясь „несбыточными утопіями“, и не жертвовали ради нихъ реальными радостями своего минутнаго бытія.

Не это ли составляетъ сокровенную суть, источникъ анархій умовъ и сердецъ миллионъ людей невѣрующихъ, все равно, сознаютъ-ли они себя таковыми или обманываютъ себя, выдавая за вѣру грубыя суевѣрія, иногда худшія невѣрія!.. Не это ли составляетъ и главную причину силы зла, власти тьмы въ практикѣ жизни человѣчества!

Братья по любви! Не это-ли составляетъ самую суть глубокой сокровенной скорби сердецъ вашихъ, самую суть тяжелой міровой скорби, которую такъ глубоко чувствуютъ любящіе, отзывчивыя сердца ваши!..

Вы любите. Всѣмъ существомъ вашимъ вы вѣрите въ силу любви и исповѣдуете святыню любви. Вы не можете помириться съ мыслию о томъ, что любовь не имѣетъ разумнаго, вѣчнаго смысла, что она вредный инстинктъ, убыточная сентиментальность, отъ которой надо было бы ограждать и себя и дѣтей своихъ. Въ то же время въ самомъ сокровенномъ тайникѣ ума вашего, съ ужасомъ, не смѣя сами себѣ въ томъ признаться, вы сознаете, что безъ вѣры у васъ нѣтъ разумнаго основанія быть убѣжденными въ томъ, что любовь имѣетъ разумный, вѣчный смыслъ, не имѣете никакого разумнаго основанія надѣяться на конечное торжество любви въ результатѣ грубой ожесточенной борьбы за существованіе.

Повѣрьте въ бытіе Бога—Любовь. Смирите гордый умъ до вѣры въ Того, Кто болѣе ума вашего и потому не можетъ быть имъ изслѣдованъ и анализированъ. Это не будетъ даже насиліемъ надъ разумомъ. Изъ двухъ гипотезъ въ дѣйствительности менѣе противорѣчить потребностямъ разума гипотеза вѣры нежели гипотеза невѣрія. Болѣе того, именно гипотеза вѣры утоляетъ всѣ самыя насущныя потребности разума человѣческаго, возстановляя причинную связь явленій, давая твердую надежду на возможность познанія абсолютной истины, смысла жизни міровой, смысла земной жизни человѣка, а слѣдовательно и возможности разумно жить, сознавая: „что каждый шагъ и каждое мгновеніе имѣютъ вѣчный смыслъ, дающій право жить“.

Повѣрьте въ Бога—Любовь и весь міръ будетъ озаренъ для васъ сіяніемъ славы любви Его, согрѣтъ живымъ огнемъ вдохновенія и ѣжжизненной любви Его. Вѣдь въ дѣйствительности вы правотѣльны любовью, свои, родные Богу, любовь свою, вы родные, близкіе Ему.

Именно васъ Онъ можетъ любить не скорбною любовью жалости, а радостною любовью единомудрія. Именно вамъ, не дѣлая насилія надъ вами, Онъ можетъ дать причастіе любви Своей. Онъ и теперь въ общеніи съ вами; въ минуты вдохновенія вы чувствуете въ себѣ трепетъ любви Его, притокъ могучихъ силъ, только не сознавая причины этого явленія, не утоляя потребность ума вашего дать имя тому реальному источнику, изъ котораго изливается на васъ святой огонь, преображающій васъ и черезъ васъ все, что, какъ свѣточъ, озаряетъ преображенное существо ваше.

Повѣрьте въ Бога—Любовь и вы ощутите и разумъ вашъ сознаетъ реальность блаженства ощущенія любви Его. Любовь получитъ разумный, вѣчный смыслъ и дѣло любви станетъ единственнымъ разумнымъ дѣломъ для васъ. Святыня любви станетъ дорогою реальностью, пріобрѣтетъ такую нравственную цѣнность, что измѣнить любви, продать любовь будетъ очевиднымъ безуміемъ. Вы получите силу быть послѣдовательными, логичными въ любви; любовь изгонитъ страхъ сомнѣній, вы не будете бояться ни разума, ни ощущеній, вы все благословите любовью, потому что будете твердо вѣрить, что нѣтъ силы больше любви, потому что Богъ—Любовь, что ничто не опасно для любви, что ничего она бояться не должна, потому что Богъ—Любовь, что ее есть царство, сила и слава во вѣки.

Повѣрьте въ Бога—Любовь, иначе сознаніе ужаса беспочвенности любви будетъ расти въ тайникѣ ума вашего, порветъ цѣпи благо-разумія вашего, приведетъ васъ фатально къ отчаянію пессимизма. Душа ваша и теперь истомилась по вѣрѣ въ силу и славу любви. Берегитесь, чтобы призракъ отчаянія не бросилъ васъ въ объятія суетвѣрія. Оно обманетъ васъ фальшивымъ, минутнымъ утѣшеніемъ, только усыпивъ любовь, разумъ и совѣсть въ васъ хлороформомъ какихъ-либо спасительныхъ операцій надъ вами. Это неминуемо приведетъ къ болѣе пассивному отношенію къ жизни и людямъ, затмится пониманіе жизненнаго значенія любви, постепенно будетъ угасать любовь, порвутся живыя связи съ источникомъ любви. Проснется негодующій умъ, когда вы очнетесь отъ невыносимой стужи изсыхающаго и замерзающаго сердца. Вы поймете весь позоръ разума, унижившагося до нелѣпаго суетвѣрія, и опять броситесь въ объятія невѣрія, и опять ускользнетъ почва подъ ногами души вашей.

Повѣрьте въ Бога—Любовь; назовите этимъ именемъ реальный, живой источникъ разума и любви и вѣра эта утолитъ насущныя потребности ума и сердца вашего, одновременно оградитъ васъ отъ крайностей невѣрія и суетвѣрія, осмыслитъ жизнь, водворитъ гармонию въ душѣ, дастъ возможность разумно стремиться къ гармоніи жизни, послужитъ соединительнымъ звеномъ между вами и всѣми

людьми доброй воли, всѣми любящими и сознающими необходимость единенія въ братолюбіи и стройной организаціи добра, дѣла любви въ жизни.

Если вы не имѣете счастья вѣрить, признайте, что эта вѣра не должна внушать вамъ никакихъ опасеній, никакого недовѣрія, не можетъ мѣшать ничему доброму, никакому прогрессу, напротивъ заключаетъ въ себѣ требованіе безконечнаго прогресса въ направленіи безконечно высокаго идеала.

Признайте, что эта вѣра лучше, болѣе полезна, болѣе удовлетворяетъ потребности ума и сердца человѣческаго, болѣе гарантируетъ уваженіе къ личности и свободѣ человѣка, болѣе благоприятна сознательному стремленію къ безграничному прогрессу, чѣмъ невѣріе и всякое суетвѣріе.

Конечныя цѣли бытія. Какое представленіе о конечныхъ цѣляхъ бытія соответствуетъ этой вѣрѣ. Какъ высшій Разумъ, высшая Мудрость, Богъ знаетъ высшее благо. Какъ высшая Любовь, Онъ именно это благо и желаетъ всѣмъ Своимъ созданіямъ. Воля Его—не капризъ, не можетъ измѣняться подъ давленіемъ какихъ-либо обстоятельствъ. Она неизмѣнна и вѣчна. Только благодаря этому и конечная цѣль бытія вполне опредѣлена, дѣлая устойчивыми и понятія о добрѣ, истинѣ, правдѣ, чистотѣ и святости. Высшее благо—причастіе любви и мудрости Творца. Въ причастіи мудрости Его—полнота утоленія всѣхъ потребностей разума, безпредѣльное могущество въ дѣлѣ пользованія силами природы и совершенія всякихъ чудесъ. Въ причастіи любви Его—полнота утоленія всѣхъ потребностей сердца нашего, высшая поэзія бытія, высшая радость общей гармоніи, объединяющей въ одну любовь Творца и все Его твореніе. Въ этой конечной цѣли бытія—абсолютная истина, абсолютная правда, красота, чистота и святость. Все, что не согласно съ нею, только временныя призраки, уродства, ложь, грѣхъ и грязь.

Можно ли представить себѣ болѣе высокую цѣль бытія, болѣе величавую программу жизни міра, болѣе радостную надежду всеобщаго и вѣчнаго блаженства? Какъ невѣріе, такъ и суетвѣріе—не только не могутъ расширить, возвысить понятія о конечныхъ цѣляхъ бытія, а слѣдовательно и зависящія отъ нихъ понятія о смыслѣ и программѣ жизни міра, но, напротивъ, непремѣнно суживаютъ эти понятія, обрѣзываютъ крылья надежды, дѣлая ее неразумною, беспочвенною.

Всякая религія, всякая философія, насколько ихъ пониманіе конечныхъ цѣлей бытія совпадаетъ съ вѣрою, по духу ей родственны, хотя по буквѣ и могутъ отъ нея болѣе или менѣе отличаться.

Цѣль земной жизни человѣка. Какое пониманіе цѣли земной жизни

человѣка соотвѣтствуетъ вѣрѣ? Мудрому и любящему Богу противно всякое насиліе, какъ грубая ложь, одновременно нарушающая требованія разума и любви, одновременно возмущающая и разумъ и любовь, водворяя въ мірѣ ложь вишняго подчиненія тому, что въ дѣйствительности не соотвѣтствуетъ ни убѣжденіямъ, ни желаніямъ, такъ какъ насиліе только тогда и нужно, когда требуютъ отъ человѣка противнаго его убѣжденіямъ и желаніямъ. Въ этомъ неизмѣнномъ уваженіи Творца къ свободѣ Своихъ созданій и заключается ключъ къ пониманію необходимости временнаго зла въ твореніи, какъ проявленія свободы отступать отъ абсолютнаго добра воли Божіей, заключается и ключъ къ пониманію смысла земной жизни человѣка. Если мы примемъ въ расчетъ то, что воля Божія и состоитъ въ томъ, чтобы всѣ созданія Его слились въ одну гармонию любви съ Нимъ и между собою, намъ особенно ясно будетъ высокое нравственное значеніе неизмѣннаго уваженія Творца къ свободѣ своихъ созданій, ясно будетъ, до какой степени безнравственно было бы всякое насиліе въ этомъ дѣлѣ.

Творецъ міра всѣхъ зоветъ на „брачный пиръ“ радостной жизни въ домѣ Отца Небеснаго. Тѣ созданія Божіи, которыя презрѣли любовь Его, которыя анархію своеволия предпочли свободной дисциплинѣ единомыслія съ Высшимъ Разумомъ и единодушія съ Высшею Любовью, получили возможность въ дали отъ дома Отца Небеснаго, искать по міру приключеній. Глубоко знаменательна аллегорическая буква, избранная христіанскимъ откровеніемъ для описанія страшной трагедіи удаленія блуднаго сына изъ дома Отца Небеснаго. Въ тѣсномъ общеніи живой любви съ Богомъ, невозможно было не сознавать смиренно безмѣрное величіе любви Его и благодареніе блаженства причастія любви Его. Вѣчная гармонія духа Божія состоитъ въ томъ, что неизмѣнно мудрость, подчиняясь любви, властвуетъ надъ всѣми прочими свойствами Божественнаго духа. Дисциплина любви, единодушіе съ Богомъ согласно тому требовали той же гармоніи духа и во всѣхъ созданіяхъ Божіихъ. Человѣкъ поставилъ разумъ выше любви, измѣнилъ любви, преступилъ волю Божію, повѣривъ доводамъ разума, что лучше „познать добро и зло“. Гордость ума потушила огонь любви. Тотчасъ самый умъ помрачился, не понимая больше мудрости любви Божіей. Съ этой минуты наивной глупости этихъ жалкихъ умниковъ нѣтъ границъ. Они измышляютъ жалкія средства спрятаться отъ Бога. Стыдятся передъ нимъ наготы своей. Святѣйша поругана. Не все въ твореніи Божіемъ кажется имъ чистымъ. Грязь души своей они переносятъ на предметы и факты; они уже не благословляютъ Бога во всемъ Его твореніи. Они раздѣляютъ твореніе Божіе на чистое и нечистое и тѣмъ проклинаютъ Творца въ части Его творенія. Наготу

свою, которой прежде не стыдились, они признаютъ чѣмъ-то грѣховнымъ и нечистымъ. Блаженства безгранично тѣснаго общенія съ Творцомъ и чрезъ Него со всѣмъ Его твореніемъ они болѣе не желаютъ. Въ наивности своей они холодное отчужденіе считаютъ похвальнымъ стыдомъ.

И Богъ предоставляетъ имъ испытать логичныя послѣдствія ихъ своеволия. Блудному сыну предоставлено внѣ дома Отца Небеснаго идти искать по міру приключеній, пока онъ опять не станетъ алчущимъ и жаждущимъ святѣйши вселенской любви, пока добровольная дисциплина любви не станетъ потребностью ума и сердца его. На него, по собственному желанію его, надѣты кожанныя одежды тѣла земного. Грѣховная стыдливость его удовлетворена, онъ воображаетъ, что нагота его скрыта отъ Бога и можетъ по прихотямъ злого сердца своего любовь, украденную у Бога и всего творенія, вселенскую любовь, прелюбодѣйно съуживать до грубаго себялюбія, личнаго, семейнаго или кружковаго—безразличія. Воображая себя, свою наготу скрытою отъ Бога, человѣкъ въ кожанныхъ одеждахъ тѣла земного лишенъ видѣнія величія и славы наготы Божіей, можетъ свободно проявлять волю свою, можетъ, если вѣра не составляетъ болѣе потребности любви его, отрицать самое бытіе Бога или исказить понятія о Богѣ до такой степени, что становится возможнымъ кощунство превращенія вѣры въ орудіе низменныхъ, земныхъ цѣлей въ грубой борьбѣ за существованіе людей, разединенныхъ злобою. При всѣхъ этихъ обстоятельствахъ человѣкъ можетъ свободно проявлять себя, свободно организовать жизнь и отношенія по прихотямъ злобы и корысти, испытывать логичныя результаты своеволия и тяжелымъ опытомъ убѣждаться въ ошибочности и скорби грѣха разединенія въ злобѣ и въ радостной правдѣ святѣйши единенія и всеобщей гармоніи вселенской любви.

Временныя кожанныя одежды, какъ необходимое условіе спасительнаго опыта логичныхъ послѣдствій своеволия—вотъ смыслъ земной жизни человѣчества. Необходимость сбросить обветшалую кожаную одежду, когда блудный сынъ сознательно желаетъ вернуться въ домъ Отца Небеснаго и перемѣнить ее, когда опыта жизни было не достаточно—вотъ благой смыслъ смерти, оканчивающей собою и земное странствіе наше.

Безразлично, считаете ли вы себя вѣрующимъ или невѣрующимъ, признайтесь, что нѣтъ иного лучшаго сочетанія объясненія зла и твердаго основанія увѣренности въ конечной побѣдѣ добра, какъ то, которое соотвѣтствуетъ этому пониманію конечныхъ цѣлей бытія и смысла земной жизни человѣка.

IV.

Братья по любви.

Предыдущую статью я писалъ, не надѣясь на то, что представители невѣрія и суетвѣрія откажутся отъ своихъ убѣжденій. Цѣль моя достигнута, если мнѣ удалось поколебать предубѣжденіе людей невѣрующихъ противъ вѣры, доказать имъ, что вѣра не только не противорѣчитъ благу человѣчества, не заключаетъ въ себѣ тѣхъ вредныхъ для разума и свободы элементовъ, которые сдѣлали столь ненавистными жизненныя программы представителей суетвѣрій и „клерикализма“, но, напротивъ, наиболѣе гарантируетъ безграничный умственный и нравственный прогрессъ, высшее благо единенія въ братолюбіи, уваженія человѣческой личности и духовной свободы.

Въ настоящей статьѣ я желалъ бы доказать, что всѣ люди, понимающіе значеніе живой любви для блага человѣчества, любящіе, вѣрящіе въ конечное торжество любви и желающіе приступить къ дѣлу любви, принадлежать по духу къ одной духовной семьѣ, являются истинными братьями по любви, гораздо болѣе единомысленны и единодушны, чѣмъ они это понимаютъ и разъединены только буквою, которой не надо позволять становиться мертвящей.

Прежде всего обращаюсь къ вамъ, христіане всѣхъ вѣроисповѣданій, къ вамъ вѣрующимъ въ Бога—Любовь. Вы находитесь въ этомъ дѣлѣ въ наиболѣе благопріятныхъ обстоятельствахъ: самая вѣра ваша благословляетъ любовь вашу, требуетъ отъ васъ любви. Вы должны быть апостолами любви, вы должны быть устойчивыми въ любви до конца. Измѣна любви для васъ—измѣна самому Богу вашему. Животворящій духъ самой вѣры вашей—любовь; вы не имѣете права не признать ближнимъ вашимъ, братомъ по духу, всякаго представителя живой любви.

Вспомните притчу о милосердномъ самарянинѣ. Кто былъ этотъ милосердный самарянинъ, котораго Христосъ Спаситель завѣщалъ признавать ближнимъ своимъ, болѣе священника и левита, не ока-

завшихъ милосердія. Въ глазахъ правовѣрнаго іудея онъ былъ чело-
вѣкомъ иной вѣры, чело-
вѣкомъ оскорблявшимъ жизнь свою
многія священнѣйшія преданія церкви ветхозавѣтной. И все это
Спаситель міра призналъ ничтожною буквою сравнительно съ тѣмъ
духомъ, который оживлялъ его. Онъ любилъ, онъ дѣлалъ дѣла
любви. Онъ былъ правовѣренъ любовью. Любовь дѣлала его род-
нымъ по духу, вѣрнымъ Богу—Любовь. Священникъ и левитъ
приближались къ Богу устами своими, но они не любили, сердца
ихъ далеко отстояли отъ Бога—Любовь и они оставались чуждыми
Ему по духу, не были близкими и всѣмъ вѣрнымъ Ему, всѣмъ
представителямъ живой любви. И вотъ, правовѣріе священника и
левита признаны Спасителемъ міра—обманомъ буквы мертвящей, а
милосерднаго самарянина Онъ завѣщаетъ признавать по преиму-
ществу ближнимъ своимъ.

Будемъ же наконецъ логичны въ любви нашей, Господь заповѣ-
довалъ намъ любить враговъ нашихъ, пора намъ понять, что не
могутъ быть врагами нашими представители любви, что они по
преимуществу ближніе наши, за которыхъ намъ заповѣдано пола-
гать душу свою, что они имѣютъ преимущественное право на лю-
бовь нашу, на содѣйствіе ихъ дѣламъ любви и милосердія.

Пора намъ устыдиться постыднаго недомыслія боязни измѣнить
Богу—Любовь и церкви Его, признавая ближними нашими мило-
сердныхъ самарянъ, къ какому бы толку они не принадлежали,
хотя бы даже они считали себя невѣрующими. Опасаясь измѣнить
Богу нашему, мы на дѣлѣ измѣняемъ Ему, становясь на сторону
правовѣрной буквы противъ живого духа правовѣрной любви.

„Богъ есть любовь“ — „гдѣ любовь, тамъ и Богъ“. Любовь всегда
отъ Бога, всегда божественна. Грѣхъ тамъ, гдѣ любви нѣтъ. Когда
мы крадемъ любовь у Бога и вселенной для того, чтобы по капризу
сердца нашего отдать ее всю одному или немногимъ существамъ,
грѣховна, низка, грязна не любовь наша къ этимъ избраннымъ
нашимъ, а отсутствіе любви къ Богу и всѣмъ остальнымъ людямъ,
готовность измѣнить имъ, принести ихъ въ жертву тѣмъ, изъ кого
мы создали себѣ кумира. Въ любви единеніе и гармонія. Въ отсут-
ствіи любви—разъединеніе и дисгармонія. Грѣхъ не въ единеніи и
гармоніи хотя бы съ немногими, хотя бы даже съ однимъ существомъ,
а въ той безбрежной и бездонной пучинѣ разъединенія и дисгар-
моніи съ Богомъ и всѣмъ твореніемъ Его, въ которую погружаетъ
насъ похоть исключительной любви нашей, въ которой тонетъ
жалкая гармонія нашего единенія съ одною или немногими песчин-
ками мірозданія.

Вотъ что слишкомъ многіе перестали понимать въ наши дни,
воображая, что вѣрность Богу можетъ требовать отъ насъ вносить

въ міръ разъединеніе и дисгармонію религіозной нетерпимости. Понимають единеніе вражды, союзы противъ общихъ враговъ и не понимаютъ единенія любви, союзы на дѣло созиданія добра. Это страшное явленіе. Пора понять, что не въ буквѣ догматовъ, не въ буквѣ организаціи, не въ буквѣ внѣшняго обряда, а въ святомъ огнѣ любви—залогъ единенія и гармоніи. *Одна любовь—связующее звено между нами. Творцомъ и всѣмъ Его твореніемъ.* Всѣ представители любви—милосердные самаряне; всѣмъ имъ мы должны братски протянуть руку на общее дѣло любви, на Божье дѣло всеобщаго единенія и гармоніи. Поступая иначе, мы тѣмъ самымъ измѣняемъ Богу нашему и вѣчному святому дѣлу Его, заключаемъ грѣховный союзъ съ какою-либо буквою мертвящею противъ животворящаго духа любви, противъ Живого Бога—Любовь и истинной Церкви Его.

Поймемъ же наконецъ, что Богъ, Христосъ и Церковь, не буква, а живой духъ, что вѣренъ Богу, Христу и Церкви не тотъ, кто на словахъ признаетъ правовѣрную букву, а тотъ, кто проникнуть живымъ духомъ Ихъ, что истиннымъ чадомъ Божиимъ является не тотъ, кто говоритъ Ему: „Господи, Господи!“, а тотъ, кто родной Ему по духу любви, кто хочетъ вмѣстѣ съ Нимъ, дѣлать дѣло любви; кто исповѣдуетъ „Христа пришедшаго во плоти“ не тотъ, кто признаетъ букву имени и дѣла Его на землѣ, а тотъ, кто, умѣя цѣнить любовь представителей любви и дѣло любви, вмѣстѣ съ добрымъ разбойникомъ исповѣдуетъ духъ Божій подѣ всякою буквою, даже подѣ буквою униженія смерти крестной, не тотъ, который воображаетъ себя вѣрнымъ Церкви послушаніемъ какой-либо буквѣ, преданія или обряда, а тотъ, кто дѣйствительно вѣренъ Ей живымъ духомъ вселенской любви.

Не будемъ же судить другъ друга и измѣнять любви, отвращаясь отъ представителей ея подѣ предлогомъ несогласія ихъ съ какой-либо правовѣрною буквой. Напротивъ, признаемъ все прочее второстепенною, незначущею буквою, когда есть святой огонь животворящаго духа живой любви. Все это азбука самой сути вѣры нашей въ Бога—Любовь. Преступно не понимать этихъ азбучныхъ истинъ христіанства, еще преступнѣе не желать понять ихъ.

Если мы любимъ, единеніе въ братолюбіи—насушенная потребность любви нашей. Поймемъ же, что потребность эта не только не противорѣчитъ требованіямъ вѣры нашей, но напротивъ, естественно изъ нея вытекаетъ и не можетъ быть признана измѣною ни по отношенію къ той церкви помѣстной, къ которой мы принадлежимъ, ни по отношенію къ буквѣ догмата и обряда, которые признаетъ наша церковь, никѣмъ, кромѣ тѣхъ, кто свою церковь отдѣляетъ отъ Церкви вселенской и букву ея догматовъ и обрядовъ ставитъ выше животворящаго духа вѣры въ Бога—Любовь и Христа Его.

Будемъ же настойчиво искать единенія въ братолюбіи со всѣми представителями живой любви, не только не опасаясь измѣнить тѣмъ Богу—Любовь, Христу Его и единой истинной Церкви Ихъ, но именно въ томъ полагая вѣрность Имъ и выполненіе главной обязанности по отношенію къ Нимъ.

„Гдѣ любовь, тамъ и Богъ“. Намъ даже нечего прощать представителей любви, когда они таковы, несмотря на помѣху суевѣрій или невѣрія, мы только можемъ жалѣть ихъ, относиться къ нимъ съ тѣмъ большимъ уваженіемъ и радоваться силѣ и славѣ Божіей въ нихъ проявляющейся. „Духъ дышетъ, гдѣ хочетъ“. Вспомнимъ примѣръ сотника Корнилія. Благодать Божія посѣтила его и тѣмъ присоединила къ церкви раньше, чѣмъ были совершены надъ нимъ какія-либо таинства. Нельзя монополизировать Духа Святого. *Любовь—явный, несомнѣнный признакъ причастія благодати.* Кто мы, осмѣливающіеся судить Духа Святого, не желающіе воздать Ему честь, когда Онъ благоволяетъ проявлять Себя внѣ рамокъ, установленной нами буквы! *Кто мы, не желающие имѣть общеніе любви съ тѣмъ, кто любитъ, кто имѣетъ силу любить и тѣмъ доказываетъ несомнѣнно, что Духъ Святой пришелъ и вселился въ него и имѣетъ постоянное общеніе съ нимъ!* Какъ не имѣть глубокаго уваженія къ тому, который, не имѣя счастья обладать сознательною вѣрою, несмотря на соблазны своего суевѣрія или своего невѣрія, упорно любить, остается неизмѣнно вѣрнымъ любви, когда мы, озаренные свѣтомъ сознательной вѣры, при свѣтѣ ея ясно видящіе разумный, вѣчный смыслъ любви, такъ шатки, такъ часто ей измѣняемъ.

Поймемъ безумную гордость нежеланія единенія въ братолюбіи даже и съ представителями живой любви. Нѣтъ причинъ, по которымъ мы можемъ отказать въ любви кому-либо, такъ какъ намъ заповѣдано любить даже и враговъ нашихъ. Единеніе въ братолюбіи—естественный плодъ любви. Пока другіе не любятъ, единеніе любви съ ними невозможно, могло бы быть одною живою буквою. Тотъ, кто переходитъ на сторону любви, кто искренно желаетъ дѣла любви—имѣетъ право на общеніе, на единеніе въ братолюбіи со всѣми представителями живой любви. Особенно не мы, не представители живой вѣры въ Бога—Любовь, можемъ отвергнуть протянутую руку, соблазнить близкихъ нашихъ фарисейскою гордостью опасенія оскверниться общеніемъ съ тѣми, кого мы считаемъ ниже себя по степени ихъ правовѣрія.

Во истину недостойны будутъ общенія съ Богомъ—Любовь тѣ, кто погнушается общенія съ представителями живой любви, хотя бы по буквѣ они были и послѣдними изъ грѣшниковъ. „Блудники войдутъ въ царство Божіе раньше фарисеевъ“, потому что подѣ буквою блуда можетъ быть святой огонь живой любви, а подѣ буквою фа-

рисейской праведности может скрываться мертвенный холодъ равнодушія, корысти и злобы.

„Боящийся несовершенъ въ любви“—„Совершенная любовь изгоняетъ страхъ“. Изгонимъ же постыдный страхъ изъ сердецъ нашихъ, вѣрующіе въ Бога—Любовь и Христа Его, братья по любви! Страхъ измѣны добру и оскверненія при общеніи съ представителями живой любви, хотя бы они были невѣрующими или грубо суевѣрными, лишь бы они были дѣйствительно представителями живой любви, не достоинъ ни вѣры, ни любви нашей. Будемъ логичны въ любви, поставимъ ее на подобающее ей мѣсто, будемъ твердо помнить, что Богъ—Любовь, что святой огонь любви—высшая святость міра и что, гдѣ любовь, тамъ и Богъ нашъ, даже и тогда, когда Его не понимаютъ и даже отрицаютъ, когда имя Его скрыто подъ какою-либо обманчивою буквою, соотвѣтственно той философской системѣ или тому суевѣрію, которыхъ придерживается представитель живой любви.

Для насъ любовь—свѣтъ; отсутствіе любви—тьма; любовь—абсолютная истина, правда, добро, чистота, святость; отсутствіе любви, злоба, холодное равнодушіе, преходящая ложь, грѣхъ, скверна. Для насъ *представители любви—сыны свѣта*, подъ какою бы буквою ни скрывался животворящій духъ святого огня любви ихъ; *представители злобы и равнодушія—представители власти тьмы*, подъ какою бы священной буквою не скрывалась скверна ихъ противленія Богу—Любовь.

Будемъ помнить, что мы члены Церкви воинствующей, что мы должны всѣ быть представителями того христолюбиваго воинства, у котораго нѣтъ иного меча, кромѣ любви, разума и разумнаго слова и дѣла любви, нѣтъ и быть не можетъ иного знамени, кромѣ великаго свѣточа любви Творца, Спасителя и Утѣшителя, проявляющагося въ самомъ бытіи міра, въ свѣтѣ разума избранныхъ и вдохновеніи любви всѣхъ сыновъ свѣта.

Будемъ помнить, что „сыны противленія“ коварны и лживы; обманъ и насиліе—родная стихія для нихъ. Они могутъ надѣть на себя всякій мундиръ, кошунственно начертать на знамени своемъ самыя святые слова и эмблемы. Пусть же не смущаетъ насъ никакая буква мундира и знамени. Подъ всякою буквою распознаемъ любовью животворящій духъ огня любви сыновъ свѣта и съ ними соединимся противъ представителей власти тьмы, какъ бы обманчивы ни были тѣ буквы, при помощи которыхъ они хотятъ заманить насъ въ свои ряды, противъ сыновъ свѣта истинной Церкви Бога—Любовь.

Обращаться къ представителямъ суевѣрія было бы такъ же наивно, какъ и бесполезно. Никто не признаетъ себя представителемъ суевѣрія. Всѣ убѣждены, что именно ихъ суевѣріе и есть единая истинная вѣра, удовлетворяя сердце, умъ и совѣсть ихъ. Чѣмъ грубѣе суевѣріе, тѣмъ больше фанатизма, тѣмъ больше самодовольства сердца, ума и совѣсти, способныхъ удовлетворяться или хотя бы только мириться съ этимъ грубымъ суевѣріемъ. Если представители живой любви по рутинѣ или дорогимъ для нихъ традиціямъ прошлаго не сбросили съ себя ига буквы какого-либо грубаго суевѣрія, въ душѣ они давно не только свободны отъ него, но даже изстрадались скорбью лжи этой буквы, столь несогласной съ запросами ихъ любящаго сердца, безъ этого они бы не были представителями живой любви. Самая любовь ихъ—проявленіе духовной свободы отъ буквы суевѣрія, которой они почему-либо продолжаютъ держаться.

Считая себя представителями вѣры, а не суевѣрія, всѣ они могутъ прочесть, какъ къ нимъ относящееся, все, что сказано мною вѣрующимъ. Если любовь сдѣлала ихъ свободными, они прочтутъ мои слова безъ гнѣва и могутъ провѣрить степень согласованности своего міровозрѣнія и своихъ духовныхъ привычекъ съ вѣрою въ Бога—Любовь и обязанностью поклоняться Ему въ духѣ и истинѣ.

Обращался я до сихъ поръ къ братьямъ по любви, исповѣдующимъ Христа, не потому, чтобы считалъ представителями грубыхъ суевѣрій всѣхъ другихъ вѣрующихъ въ Бога—Любовь, а только потому, что христіанское Откровеніе мнѣ наиболѣе извѣстно и категорично въ словахъ столь же сильныхъ, сколько и недопускающихъ ни малѣйшаго сомнѣнія, предписываетъ вѣру въ Бога—Любовь и возводитъ огонь любви въ святая святыхъ міра. Для христіанъ любовь единый „царственный законъ“, въ которомъ весь законъ и пророки. Не понимать этого, зная христіанское Откровеніе, невозможно. Отрицать это можно только или по грубому невѣжеству или по крайнему ожесточенію злой воли. Поэтому все, что я говорилъ, я говорилъ съ увѣренностью быть вполне понятнымъ и убѣдительнымъ для всѣхъ христіанъ доброй воли, для всѣхъ представителей живой любви, которыхъ любовь сдѣлала духовно свободными, хотя бы они по какимъ-либо причинамъ и дорожили какою-либо буквою суевѣрія, находящуюся въ непримиримомъ противорѣчіи съ потребностями ихъ любящаго сердца и вѣрою въ Бога—Любовь.

Совершенно то же я могу сказать и всѣмъ вѣрующимъ въ Бога—Любовь, хотя бы они и не имѣли счастья вѣрить въ высшее проявленіе любви на землѣ, Христа Спасителя, принесшаго на землю полноту Откровенія любви Божіей. Насколько Откровеніе, ими признаваемое, предписываетъ вѣру въ Бога—Любовь и логику любви въ жизни, настолько я долженъ признать животворящій духъ ихъ

вѣры за вѣру истинную, подъ какою бы буквою онъ ни скрывался. Болѣе того, людей не вѣрующихъ въ самое бытіе личнаго Бога, но вѣрующихъ въ значеніе, силу, славу и конечное торжество любви и тѣхъ я не могу не признать вѣрующими въ истиннаго Бога, хотя сами они того не понимаютъ. Богъ есть любовь. Они вѣрятъ въ любовь, они вѣрятъ въ Бога моего. Они мнѣ болѣе братья по любви, болѣе братья о Богѣ, болѣе братья о Христѣ, нежели тѣ, кто, признавая букву бытія Божія, букву спасенія искупительною жертвою Христа, букву христіанскаго Откровенія, букву Церкви вселенской, совершенно чужды и Богу, и Христу, и христіанской правдѣ, и Церкви Христовой, по отсутствію въ нихъ животворящаго духа святого огня любви.

Опровергать суевѣрія, доказывать ихъ ошибочность—невозможно. Истина одна, отступленія отъ истины могутъ быть безконечно разнообразны. И вѣра одна, а суевѣрій даже и перечислить невозможно. Можно и должно исповѣдывать истину вѣры. Опровергать ложь суевѣрій не надо и невозможно, они растаютъ, какъ воскъ, отъ лица огня любви, разсѣются, какъ дымъ, отъ первыхъ лучей свѣта зари истинной вѣры.

Есть одно суевѣріе, худшее изъ всѣхъ, самое кощунственное, самое вредное, самое опасное въ настоящую эпоху реакціи въ направленіи суевѣрій—это оклеветаніе самой любви, отрицаніе ея внутреннего достоинства. Эта страшная хула на Духа Святого слишкомъ часто въ настоящее время принимаетъ форму виѣшняго благочестія, возводится въ принципъ, соблазняетъ многихъ и можетъ стать источникомъ страшной духовной заразы и неисчислимыхъ бѣдствій, увеличивая разобщенность и фанатичную вражду и безъ того склоннаго къ жестокой индивидуализаціи и холодной обособленности злого и корыстнаго, грѣшнаго человѣчества.

Говорятъ: „Что такое любовь; изъ-за нея совершается наиболѣе зла въ мірѣ“. „Мы понимаемъ только любовь на исповѣдныхъ началахъ. Только любовь на основѣ правовѣрія истинно доброкачественна“. „Какъ мудрость можетъ быть бѣсовскою, такъ и любовь можетъ быть бѣсовскою. Только вѣра во Христа и спасительность Его искупительной жертвы дѣлаетъ любовь святою и чистою“. Вотъ та благочестивая буква, подъ которою скрывается это страшное кощунство хулы на Духа Святого, встрѣчая благоприятную почву въ хаосѣ ходячихъ понятій о добрѣ и злѣ, нравственномъ и безнравственномъ въ умахъ вѣрующихъ и невѣрующихъ, одинаково зараженныхъ манихейскими суевѣріями, раздѣляющими самое твореніе на чистое и нечистое *).

*) Манихеи были сектою, раздѣлявшею все существующее на чистое и нечистое; этимъ путемъ они логично пришли къ дуализму, должны были при-

Согласно христіанскому міровоззрѣнію ничто существующее не можетъ быть грѣховно, нечисто въ духовномъ смыслѣ само въ себѣ. Грѣховнымъ можетъ быть только наше отношеніе къ тому или другому. Все твореніе чисто. Грѣховно, нечисто можетъ быть только настроеніе живой души, когда она находится въ противорѣчій съ мыслию и волею Творца. „Богъ есть любовь“. „Кто любитъ, тотъ позналъ Бога“. „Знаніе надмеваетъ, а любовь научаетъ“. „Кто любитъ, тому дано знаніе“. Любовь—высшая святѣйшая міра, первопричина бытія, конечная цѣль творенія. Безъ любви нѣтъ и быть не можетъ ни единомыслія, ни единокровія съ Творцомъ, нельзя понять мысль Его, нельзя возстановить гармонію между волею своею и святою волею Бога Живого.

Закваска манихейская и состоитъ въ томъ, что понятія о чистомъ и нечистомъ, о святости и грѣховности переносятся съ духа настроенія на буквы предметовъ и фактовъ. Есть вещи, есть акты, признаваемые сами въ себѣ нечистыми. Само твореніе Божіе раздѣляется на чистое и нечистое. Самого Творца проклинаютъ въ части Его творенія. Даже самъ человѣкъ, это высшее проявленіе Бога на землѣ, живой образъ и подобіе Бога Живого, въ самомъ существѣ своемъ раздѣляется на чистое и нечистое. Нечистыми признаются части самаго существа человѣческаго, цѣлыя области его жизни и отношеній. На этомъ пути дошли наконецъ до кощунства заподозрѣванія доброкачественности даже и высшей святѣйшей міра, святая святыхъ его—любви.

Говорятъ: „Изъ-за любви совершается наиболѣе зла въ мірѣ“. Неправда. Если мы дѣлаемъ зло—лучшее доказательство, что мы не любимъ тѣхъ, кому зло причиняемъ. Повторяю, когда мы, укравши любовь у Творца и всего Его творенія, сосредоточиваемъ ее на одномъ или немногихъ существахъ, изъ этихъ существъ мы дѣлаемъ

знать и два начала, породившихъ эти двѣ враждебныя области въ мірозданіи. Начало злое, злой богъ—Деміургъ, породило міръ матеріальный, плотскій, по самому существу своему грѣховный. Добрый Богъ, чтобы исправить злое дѣло Деміурга, далъ начало міру духовному. И въ человѣкѣ постоянно борются эти два начала: плотское грѣховное и духовное чистое. Христіанство, вѣрующее въ Единого Бога Творца, не могло не отвергнуть эту ересь, подрывающую въ корнѣ самое разумное основаніе надежды на конечную побѣду добра, и манихейство было осуждено на одномъ изъ вселенскихъ соборовъ. Несмотря на это, подъ вліяніемъ дурно понятаго аскетизма множество христіанъ глубоко проникнуто духомъ манихейства, совершенно забывая слова Символа вѣры и завітъ Ап. Павла: „я знаю и увѣренъ въ Господѣ Исусѣ, что нѣтъ ничего самаго въ себѣ нечистаго,—только для почитающаго что-либо нечистымъ тому нечисто“. „Для чистыхъ—все чисто“ (Посл. къ Титу гл. I, стр. 15). Не менѣе заражены манихействомъ и многіе невѣрующіе, иногда подъ вліяніемъ философскихъ воззрѣній, чаще подъ вліяніемъ рутинныхъ ходячихъ представленій о добрѣ и нравственности.

себѣ куміровъ, готовы приносить имъ человѣческія жертвы, грѣховна не любовь наша къ этому единственному или къ этимъ немногимъ существамъ, а наша злоба, наше равнодушіе къ Богу и всему остальному творенію Его, къ тѣмъ, любовь которыхъ мы отвергаемъ, которыхъ мы готовы принести въ жертву излюбленнымъ кумірамъ. Въ этомъ—пучина грѣха и грязи, въ которой тонетъ капля святыни любви нашей къ единичнымъ людямъ, не переставая быть однако святынею. Прибавлю, что дѣйствительно мы можемъ дѣлать зло и тому единственному или тѣмъ немногимъ существамъ, которыхъ мы воображаемъ, что любимъ, но только въ томъ случаѣ, если мы ихъ не любимъ, а только воображаемъ себя любящими. Часто грубѣйшее себялюбіе называютъ любовью. Находятъ удовольствіе имѣть общеніе съ существомъ, котораго внѣшность или умъ понравились, любятъ доставлять себѣ это удовольствіе, доходя въ этомъ грубо-эгоистическомъ чувствѣ до ревливой жадности и наивно называютъ это любовью, въ дѣйствительности ни мало не заботясь о счастьи этого будто бы любимого существа. Въ такихъ случаяхъ дѣйствительно можно сдѣлать надъ этимъ существомъ всякое насиліе, отравить ему жизнь, убить его. Только зачѣмъ же говорить о любви тамъ, гдѣ ея вовсе нѣтъ. Называть это любовью можно только по недомыслию или съ цѣлью оклеветанія любви.

То же можно сказать и о тѣхъ случаяхъ, когда родители или влюбленные впадаютъ въ такъ называемыя слабости любви, путемъ баловства причиняютъ зло любимому существу. И тутъ зло причиняется не любовью, а недостаткомъ любви. Часто происходитъ это отъ неразвитости, а самая неразвитость ни что иное, какъ недостатокъ любви къ Богу Разумному и Его земному отраженію—разуму человѣческому. Виновенъ въ томъ не всегда человѣкъ неразвитый, это можетъ быть вина другихъ, можетъ быть сумма грѣховъ многихъ поколѣній. Во всякомъ случаѣ и это не грѣхъ любви, а грѣхъ равнодушія и злобы къ Высшему Разуму міра и мыслящему человѣчеству. Еще чаще это явленіе неблагоразумной, вредной любви происходитъ ни отъ чего другого, какъ именно отъ недостатка любви къ тому самому существу, котораго воображаютъ, что любятъ до баловства. Вѣдь это существо состоитъ не изъ одного тѣла, главная составная часть его—вѣчный духъ, способный быть разумнымъ и любящимъ. Когда любятъ не все его существо, а только часть его, зло причиняется именно той части его существа, которую игнорируютъ, причиняется опять-таки не любовью, а отсутствіемъ любви, равнодушіемъ къ той или другой составной части любимого существа. И опять, за исключеніемъ случаевъ крайней неразвитости, происходитъ это отъ смѣшенія грубаго эгоизма съ любовью,

скверны грубаго эгоизма съ святынею любви. „Любовь научаетъ“, она дѣлаетъ зоркими, чуткими, способными глубоко понимать благо любимого существа даже и тѣхъ, кто не отличается ни умомъ, ни образованіемъ, когда они дѣйствительно любятъ, а не себя ублажаютъ. Обыкновенно происходитъ слѣдующее. Любятъ себя, а не то существо, которое воображаютъ любить, поэтому, оставаясь совершенно равнодушными къ истинному благу всего человѣческаго существа, заботятся только о томъ, что въ немъ нравится, часто въ ущербъ самому существенному. Люди, совершенно равнодушные къ Творцу и всему Его творенію, равнодушные и къ любви, и къ разуму, могутъ не придавать никакого значенія тому, насколько являются представителями любви и разума тѣ, кого они воображаютъ любить; отъ этого и происходятъ тѣ явленія балующей любви, при которыхъ сытость, матеріальное благоденствіе и беззаботная веселость, приобрѣтаются цѣною полного пренебреженія къ умственнымъ и нравственнымъ достоинствамъ балуемого существа. Только зачѣмъ же говорить о любви тамъ, гдѣ ищутъ пріятнаго впечатлѣнія, сытой беззаботности, не имѣя любви ни къ Творцу, ни къ Его творенію, ни даже къ разуму и нравственной личности того домашняго звѣрька, котораго такъ грубо-эгоистично любятъ.

Мнѣ необходимо было остановиться на этомъ вопросѣ, потому что ужъ слишкомъ великъ хаосъ ходячихъ понятій о любви, ея значенія и ея проявленій, потому что ужъ слишкомъ оклеветана любовь, на отвѣтственность которой возлагаютъ именно то, въ чемъ она наименѣе повинна, то зло, которое и происходитъ именно отъ отсутствія любви.

Въ дѣйствительности любовь всегда святыня и все собою освящаетъ, все очищаетъ до святости. Не будемъ ошибаться. Любовь остается святынею при всякихъ обстоятельствахъ. Она меньшая святыня и въ сердцѣ атеиста, и въ сердцѣ разбойника, и въ сердцѣ блудника. Грѣховно ихъ злое равнодушіе къ Богу и всему остальному Его творенію, такъ грѣховно, что въ этой мрачной пучинѣ тонетъ святая капля ихъ исключительной любви, но капля эта остается сама по себѣ не менѣе святою и дѣлаетъ святынею все, что сдѣлано въ духѣ этой искренней любви. Вотъ почему лучше, чище, святѣе атеистъ, разбойникъ и блудникъ, имѣющіе эту каплю святыни въ сердцѣ, нежели самодовольный фарисей, лишенный ея. Безконечно чище, святѣе, болѣе родственны по духу Богу и всѣмъ участникамъ великаго братства ангеловъ и святыхъ на небѣ тѣ представители живой любви, которые по буквѣ обзываются людьми атеистами, разбойниками и блудниками, нежели тѣ „гробы поваленные“, которые подъ буквою вѣры, благочестія, законности и строгой нравственности, скрываютъ гордое, холодное и злое сердце.

Оклеветавъ любовь, заподозривъ ея доброкачественность, начали измышлять сложныя реакціи для опредѣленія ея химическаго состава. „Любовь доброкачественна только на почвѣ правовѣрія“. Любовь перестаетъ быть обязанностью, единымъ царственнымъ закономъ, вмѣщающимъ въ себѣ весь законъ и пророковъ, заключающимъ въ себѣ полноту совершенства. Нѣтъ, въ настоящее время любовь отличіе, которое должно даваться осмотрительно только тѣмъ, которые удачно выдержатъ экзаменъ по катехизу. На этой почвѣ естественно придти къ систематичному шпионству и инквизиторству. Гдѣ общепризнанные учебники по правовѣрію? Гдѣ гарантія правдивости отвѣтовъ на катехизическихъ экзаменахъ? И вотъ мы логично приходимъ къ поголовному заподозрѣванію всѣхъ насъ окружающихъ въ доброкачественности ихъ правовѣрія, въ доброкачественности ихъ любви, къ сомнѣнію въ основательности и даже дозволительности для насъ давать имъ отличіе любви нашей. Да оградить насъ Господь отъ этого безумія фарисейской гордости и отъ этого страшнаго соблазна на самодовольную злобу, самодовольное равнодушіе, самодовольную разобщенность!

Говорятъ: „Какъ мудрость можетъ быть бѣсовскою, такъ и любовь можетъ быть бѣсовскою“ и прибавляютъ, что любовь Божія, доброкачественная любовь, только въ тѣхъ, кто по нашему вѣритъ во Христа, только въ нихъ любовь Христова, во всѣхъ остальныхъ—любовь бѣсовская. Конечно, и это сводится къ тому же вопросу объ исповѣдной любви, доброкачественность которой опредѣлялась бы опять-таки путемъ экзамена по катехизису. Только выражено это болѣе ярко и потому особенно поучительно, доводя кощунство хулы на Духа Святого до полной нелѣпости. Не думайте, чтобы говорили такъ выжившіе изъ ума старые ханжи или люди крайне неразвитые. Нѣтъ, наиболѣе грубо, въ духѣ наиболѣе самоувѣреннаго фанатизма выразили мнѣ эту мысль образованные представители высшаго общества протестанскаго міра и православные, получившіе высшее богословское образованіе. Ту же мысль, хотя и въ болѣе мягкой формѣ мнѣ приходилось слышать много разъ отъ многихъ образованныхъ и „благочестивыхъ христіанъ“ всѣхъ христіанскихъ вѣроисповѣданій.

„Богъ есть любовь“.—„Гдѣ любовь, тамъ и Богъ“. Можно ли говорить о бѣсовской любви! Именно въ томъ и главное отличіе божественнаго отъ бѣсовскаго, что гдѣ любовь—тамъ и Богъ, гдѣ злоба, насиліе и холодное равнодушіе—тамъ грѣхъ и адъ, тамъ бѣсъ. „И бѣсы вѣруютъ и трепещутъ“, но не любятъ. Все доступно бѣсамъ, кромѣ любви, пока они остаются бѣсами. Бѣсъ, который полюбитъ, станетъ ангеломъ. Сказать „бѣсовская любовь“—то же, что сказать „сухая вода“; это два, взаимно исключаютъ другъ

друга понятія. Богъ есть любовь. Сказать „бѣсовская любовь“, значитъ произнести величайшую хулу на Духа Святого. И такъ говорятъ люди, воображающіе себя „благочестивыми христіанами“. Какой страшный признакъ времени. Неужели и это не будетъ звукомъ трубы, не соберетъ всѣхъ представителей живой любви, вѣрующихъ во Христа и желающихъ исповѣдывать Бога въ духѣ и истинѣ, на общее дѣло громкаго исповѣданія христіанской истины, правды живой любви и стройной организаціи жизни на началахъ братолюбія. Когда свѣтъ вѣры, свѣтъ разума „благочестивыхъ христіанъ“ сталъ такою тьмою въ нихъ, долженствующихъ быть свѣтомъ міра и сѣнью земли, то какова же тьма жизни человѣчества!

Практическія послѣдствія этого грубаго кощунства были бы истинѣ ужасны. Всѣ стали бы обзывать бѣсовскою любовь всѣхъ не принадлежащихъ къ религіозному толку ихъ и съ этой точки зрѣнія отрицать всякое нравственное достоинство всего добраго, осуществляемаго ими въ жизни. Двойная мѣра, двойная апокалипсическая афа получили бы право гражданства и получили уже. Грубая несправедливость, близорукая пристрастность въ сужденіяхъ о своихъ и чужихъ, о фактахъ жизни своего и чужого болота съ каждымъ днемъ принимаютъ все большіе и большіе размѣры, выдаваясь за похвальную вѣрность своему отечеству, своей церкви, своей партіи. Вообразите себѣ кромѣшный адъ всеобщаго озлобленія и принципиальной разобщенности, когда всѣ „благочестивые православные“ будутъ обзывать бѣсовскою любовь и бѣсовскими добрыя дѣла всѣхъ католиковъ, лютеранъ, штундистовъ, молоканъ, не говоря уже о мусульманахъ, евреяхъ и тѣмъ болѣе атеистахъ и язычникахъ! Когда „благочестивые католики“, — „благочестивые лютеране“, — „благочестивые штундисты“, „здравомыслящіе атеисты“ и „благочестивые язычники“ въ свою очередь обзовутъ бѣсовскою любовь и бѣсовскими добрыя дѣла всѣхъ православныхъ и всѣхъ людей иного толка по отношенію къ истинѣ своего правовѣрія. Какая оргія злобы, вражды, взаимнаго оклеветанія, принципиальной несправедливости! Какой мертвенный застой въ результатѣ боязни оскверниться общеніемъ и тѣмъ болѣе пользованіемъ ихъ примѣромъ и опытомъ ихъ жизни! Какая глубокая разобщенность! Какая крѣпкая страховка отъ высокихъ чувствъ любви и уваженія къ громадному большинству человѣчества! Какое позорное приниженіе идеи христіанства! Какое злое дѣло идиотизаціи, ожесточенія, разединенія и самодовольства во злѣ!

Вотъ что по совѣсти я долженъ былъ сказать представителямъ этого худшаго изъ всѣхъ суевѣрій. Если между ними есть представители живой любви, соблазненные „благочестивою буквою“, я вѣрю, любовь ихъ пойметъ доводы любви моей, они испугаются

логичныхъ послѣдствій этого суевѣрія, откажутся отъ него, дадутъ волю любви своей, не будутъ болѣе бояться общенія любви, единенія въ братолюбіи со всѣми представителями живой любви, подѣ какую бы буквою не была скрыта святиня любви ихъ.

Наконецъ, обращаюсь къ вамъ, братья по любви, не имѣющіе счастья вѣрить въ букву бытія Живого Бога—Любовь, въ букву Христа Его, въ букву Откровенія Его. Говорю: „въ букву“, потому что, вѣруя въ силу, разумность и конечное торжество любви, вы тѣмъ самымъ вѣрите въ духъ Бога Живого, живого Христа Его, въ духъ Откровенія Ихъ; вы Божіи и Христовы по духу, свои церкви Ихъ безконечно болѣе многихъ самодовольныхъ и самоуверенныхъ поклонниковъ правовѣрной буквы.

Вы не вѣрите въ бытіе Бога Живого; тѣмъ болѣе не вѣрите ни въ какое Откровеніе. Вы такъ много видѣли въ жизни грубыхъ и глупыхъ суевѣрій, выдававшихъ себя за вѣру, такъ много страдали и такъ много видѣли страдающихъ отъ ужасныхъ послѣдствій этихъ суевѣрій! Вы видѣли такъ многихъ лжецовъ и нечестныхъ дѣльцовъ, пользующихся вѣрою, какъ орудіемъ для господства и эксплуатаціи, проповѣдующихъ во имя вѣры систематичную идиотизацію миллионовъ людей, систематичное насиліе надъ разумомъ и духовною свободою, опѣивеніе рутины и рабскую покорность! Все это кажется вамъ неизбѣжными принадлежностями вѣры и вы считаете ее злѣйшимъ врагомъ изстрадавшагося человѣчества. Любовь, жалость къ этому бѣдному страдающему и сознающему свои страданія человѣчеству побуждаетъ васъ съ ужасомъ и отвращеніемъ сторониться отъ этой причины столькихъ золъ. Все, что я сказалъ вамъ о разницѣ между вѣрою и суевѣріемъ, не убѣдило васъ, не осилило вашего предубѣжденія противъ вѣры.

Вы не вѣрите, но вы любите и любовь заставила васъ понять значеніе, цѣнность любви для блага человѣчества. Вы понимаете, что любовь—единственный цементъ, способный связать все человечество въ одну дружную семью. Опытъ исторіи человечества громко сказалъ вамъ, что только при любви и наука, и искусства, и великія открытія въ области прикладныхъ знаній—могутъ способствовать счастью многихъ, что безъ любви, напротивъ, все служитъ къ разъединенію, къ созиданію внѣшняго благополучія немногихъ и все большому и большому обособленію этихъ немногихъ отъ массы обездоленныхъ. Въ дѣйствительности безъ любви все это ни мало не гарантируетъ счастья даже и рѣдкихъ избранниковъ судьбы, теряетъ для нихъ самихъ всякую цѣнность, если они не утратили своего человѣческаго достоинства, не подавили оконча-

тельно умственной и нравственной личности въ себѣ подѣ тяжелымъ ярмомъ скотоподобія, безпробуднаго пьянства жизни въ опѣивеніи животнаго прозябанія.

Вы понимаете, что любовь—высшая цѣнность, высшее благо человечества. Если вы считаете, что она доброкачественна только на почвѣ невѣрія, и считаете себя въ правѣ заподозрѣвать ея достоинство каждый разъ, какъ она проявляется въ связи съ тѣмъ, что вы считаете нелѣпыми и вредными суевѣріями, поймите, что вы только подѣ иною буквою вполне единомысленны съ тѣми представителями суевѣрія, которые обзываютъ бѣсовскою любовь всѣхъ представителей иного толка. Поймите, что и васъ это приведетъ къ тѣмъ же результатамъ, настолько же удалить отъ возможности единенія въ братолюбіи, отъ конечнаго торжества любви.

Вы признаете, что любовь необходима для блага человечества, вы понимаете, что въ единеніи сила. Желая цѣли, не отказывайтесь отъ средствъ, необходимыхъ для ея достиженія. Желанная цѣль—торжество любви, единеніе въ братолюбіи всего человечества. Единственное средство достигнуть этой цѣли—дать силу любви, сдѣлать ее устойчивою и торжествующею надъ всѣми препятствіями. Въ единеніи сила; только путемъ тѣснаго единенія всѣхъ представителей любви—любовь станетъ силою, способною восторжествовать надъ всѣми враждебными ей суевѣріями и надъ вѣковою рутиною зла въ жизни. Вы желаете любви, вы ненавидите суевѣрія. Ищите общенія со всѣми представителями любви; это одновременно будетъ способствовать созиданію силы любви въ жизни человечества и ослабленію суевѣрій въ тѣхъ, кого единеніе въ братолюбіи съ вами привело въ такое тѣсное соприкосновеніе съ людьми, чуждыми суевѣрій. Простите другимъ суевѣрія ихъ, какъ они прощаютъ вамъ невѣріе ваше. Любовь въ нихъ сильнѣе суевѣрія, если они желаютъ общенія съ вами, зная, что вы этому суевѣрію не причастны. Съ этой минуты они болѣе представители любви, нежели представители суевѣрія. Соединившись съ ними на почвѣ любви, вы тѣмъ самымъ несомнѣнно послужите на дѣло торжества любви.*)

*) Считаю полезнымъ сказать, что не могу признать за представителей любви тѣхъ, кто безъ любви относится къ Церкви и Государству.

V.

Представители власти тьмы.

Только вѣра въ Живого Мудраго Бога—Любовь удовлетворяетъ насущнѣйшія потребности ума и сердца человѣка. Это единая твердая основа разумнаго оптимизма, основательной надежды на разумный, вѣчный смыслъ любви и конечную побѣду добра. Безъ нея оптимизмъ совершенно беспочвененъ, возможенъ только во время опьяненія молодости и долженъ логично смѣниться пессимизмомъ, какъ только настанетъ отрезвленіе зрѣлаго возраста. Только оптимизмъ можетъ созидать жизнь. Пессимизмъ жизнь отрицаетъ и разрушаетъ. Только оптимизмъ можетъ соответствовать волѣ Творца, абсолютной истинѣ бытія, вѣчной правдѣ Откровенія. Только сознательная вѣра въ Мудраго Бога—Любовь и можетъ быть названа вѣрою. Всякое отступленіе отъ этой единой истинной вѣры будетъ непременно болѣе или менѣе вреднымъ суевѣріемъ. Любовь—верховное свойство Божіе, она первопричина бытія, конечная цѣль творенія. Все отъ нея изшло и должно къ ней вернуться. Все остальное въ вѣрѣ и нравственности, только логичныя послѣдствія любви Творца и верховнаго значенія любви въ экономіи жизни міра, Имъ сотвореннаго. Именно забвеніе верховнаго значенія любви, въ дѣлѣ вѣры и жизни по вѣрѣ, и породило чудовищное явленіе оклеветанія вѣры представителями самыхъ разнообразныхъ суевѣрій, выдающихъ себя за ревнителей правосвѣрія, чудовищное явленіе безконечныхъ раздѣленій и грубаго взаимнаго ожесточенія людей, воображающихъ себя, что вѣрятъ въ одного Христа, признаютъ одно Евангеліе и имѣютъ право называть себя христианами. Презрѣвъ самое существенное въ вѣрѣ—любовь, затерявъ пониманіе любви Божіей и жизненнаго значенія братолюбія, утеряли и пониманіе значенія привычекъ устойчивой, торжествующей любви для христіанской нравственности и честной жизни по вѣрѣ. Перестали на все смотрѣть съ точки зрѣнія живой любви. Есть логика любви и есть логика злобы. Любовь не составляетъ основы, общаго тона жизни. Любовью стали называть грубоэгоистическія прихоти, въ

жизни проявляя на каждомъ шагѣ логику злобы, признавая ее явленіемъ нормальнымъ, оправдывая ее научными теоріями, разукрашая ее цвѣтами поэзіи. Ту же логику злобы вносятъ и въ религіозныя понятія, считая не только дозволительнымъ, но даже богоугоднымъ враждовать противъ всѣхъ иновѣрцевъ изъ-за самыхъ пустыхъ причинъ, придумывая причины вражды противъ нихъ, ни мало не жалея понять ихъ и придти съ ними къ соглашенію, считая дозволительными по отношенію къ нимъ всякую клевету, всякое насиліе.

Послѣдствія этого отступничества отъ любви, а слѣдовательно и отъ Бога—Любовь, поистинѣ ужасны. Вѣра подмѣнена суевѣріемъ, привычекъ любви нѣтъ, добро не организовано въ жизни. Основа любви, дисциплина любви, логика любви во всѣхъ областяхъ жизни подмѣнены грѣховными основами, призрачною дисциплиною и жестокою логикой страха и корысти на подкладкѣ живой правды анархіи.

Вопіющий разладъ между идеалами, безразлично религіозными или философскими, и живою правдою хаоса анархіи умовъ и сердецъ, едва сдерживаемой палками страха и приманками корысти, и составляетъ ту страшную ложь, которую такъ вѣрно изобразилъ Максъ Нордау въ своемъ сочиненіи: „Условная ложь культурнаго человѣчества“. Гдѣ нѣтъ любви, тамъ все нечисто, грѣховно. Именно отсутствіе любви и дѣлаетъ „дѣла любви и благочестія“ тѣмъ презираемымъ ханжествомъ, тою презираемою благотворительностью, которыя въ настоящее время внушаютъ столько негодованія.

Громадное большинство человѣчества раздѣляется на два большихъ духовныхъ лагеря: вѣрующихъ и невѣрующихъ, одинаково чуждыхъ любви. Само собою разумѣется, вѣрующіе этой категоріи въ дѣйствительности представители не вѣры, а суевѣрій. Всѣ они одинаково представители власти тьмы, неспособные на созиданіе добра, вносящіе анархію злой воли своей въ жизнь. Люди суевѣрные признаютъ только букву вѣры въ Бога—Любовь, на дѣлѣ творя понятія о Богѣ по образу и подобию своему. Ихъ богъ не мудрый и не любящій; воля его не неизмѣнное разумное желаніе высшаго блага. Любовь, братолюбіе—ему не нужны. Самостоятельно понять волю его невозможно. Приходилъ Христосъ на землю спасти человечество, но говорилъ такъ, что его никто понять не можетъ и завѣщалъ то, что никто выполнить не можетъ. Вотъ пониманіе религіи очень многихъ. Съ ихъ словъ и невѣрующіе считаютъ за вѣру именно это грубое суевѣріе и совершенно основательно отворачиваются отъ него съ негодованіемъ.

Зло, вносимое въ жизнь этимъ суевѣріемъ, неисчислимо. Христосъ сказалъ: „Одинъ у васъ Учитель Христосъ, всѣ же вы братья“. На мѣсто Христа признали множество учителей. Всѣ эти учителя

проповѣдуютъ разное. Любовь, если бы они были представители живой любви, заставила бы ихъ понять любовь Божію, Самого Христа исповѣдать въ духѣ и истинѣ и такимъ образомъ ступеваться передъ Богомъ—Любовь, передъ Христомъ Его, не буквою вѣры во Христа, не буквою ученія Его, а передъ живымъ Христомъ, Единороднымъ и Единосущнымъ Сыномъ Живого Бога—Любовь, Который и остался бы единымъ Учителемъ, нераздѣлившимся Христомъ, вѣра въ Котораго, исповѣданіе Котораго ни къ какому раздѣленію привести не могли бы, кромѣ раздѣленію свѣта и тьмы, сыновъ свѣта и представителей власти тьмы, хотя бы то были родные отецъ, мать, сынъ, дочь, жена или другъ. Но живой любви къ Живому Христу они не имѣютъ, почему и истины религіозныя понимаютъ не съ точки зрѣнія любви Божіей; въ дѣйствительности они ровно ничего не понимаютъ, потому что съ ихъ точки зрѣнія правду религіозную и понять невозможно. Отсюда робость, боязнь ошибиться, слѣпое преклоненіе передъ толкованіями признанныхъ авторитетовъ своего толка, возводимыхъ въ учителя на мѣсто Христа. Отсюда и ревнивая ненависть ко всѣмъ признающимъ иные авторитеты, иныхъ учителей. Это суевѣріе подмѣняетъ въ жизни духъ любви строгимъ соблюденіемъ какой-либо буквы, обязательно вносить въ жизнь разединеніе и озлобленіе, неудовлетворяя ни умы, ни сердца. О благѣ человечества и помину быть не можетъ. Напротивъ, распинаніе ближнихъ возведено въ принципъ.

Все это я говорилъ о людяхъ искренно суевѣрныхъ и относится въ большей или меньшей степени къ представителямъ всѣхъ христіанскихъ вѣроисповѣданій безразлично. Религія толпы сводится при этомъ къ настоящей паникѣ передъ грозною силою и къ корыстному выпрашиванію у нея великихъ и богатыхъ милостей. Пусть не обманываютъ насъ при этомъ ни глубокіе вздохи, ни слезы умиленія, все это всѣмъ извѣстныя проявленія страха и холопской покорности и передъ сильными міра сего, даже и тогда, когда за глаза ихъ ненавидятъ и презираютъ. Люди этого типа представляютъ изъ себя самыхъ фанатичныхъ консерваторовъ рутины жизни, взирая какъ на вѣроотступничество на всякую попытку въ направленіи прогресса.

Привычки любви совершенно отсутствуютъ. Любви къ Богу такъ мало, что нѣтъ потребности самостоятельно познать волю Его, съ тѣмъ вмѣстѣ нѣтъ и ни малѣйшей возможности сознательно стремиться ни къ единомыслию, ни къ единодушію съ Нимъ, ни тѣмъ болѣе къ стройному согласованію жизни и отношеній съ волею Его. Любви къ человечеству такъ мало, что нѣтъ ни малѣйшей потребности гармонизировать жизнь, гармонизировать отношенія, напротивъ, анархію умовъ и сердецъ считаютъ нормальнымъ явле-

ніемъ жизни, какъ и дисциплину страха и корысти, необходимую при такихъ обстоятельствахъ. Никто не озабоченъ истиннымъ благомъ человечества; все сведено на обузданіе анархіи палками страха и приманками корысти. Тотъ же характеръ имѣетъ и общественное мнѣніе и самыя понятія о нравственности. Вездѣ—биржа и вооруженный миръ.

Все это—типичныя явленія, одинаково неизбѣжныя при отсутствіи любви, какъ на почвѣ суевѣрія, такъ и на почвѣ невѣрія. Говоря о невѣрующихъ, я имѣю въ виду не только тѣхъ, которые громко признаютъ свое невѣріе, но и тѣхъ, которые скрываютъ его подъ личиною вѣры, находя этотъ обманъ выгоднымъ для себя или необходимымъ на пользу порядка и благочинія. Они дѣлаютъ религію орудіемъ политики или достиженія иныхъ земныхъ цѣлей. Отличить ихъ отъ фанатиковъ суевѣрія очень трудно; часто именно они и отличаются самымъ крайнимъ нахальствомъ самаго грубаго фанатизма. Не стѣсненные даже и суевѣріемъ, они могутъ съ особенною беззащитчивостью дѣлать для себя орудіе изъ этого, въ душѣ презираемаго ими, суевѣрія.

Невѣрующіе представители злобы, не скрывающіе свое невѣріе подъ маскою господствующаго суевѣрія, имѣютъ еще менѣе причины стѣсняться проявленія анархіи злобы своей. Любви они не чувствуютъ. Чуждые любви, они и не вѣрятъ возможности этого настроенія въ другихъ; считаютъ это чувство неестественнымъ въ иной формѣ, кромѣ грубо-эгоистичнаго каприза по отношенію къ отдѣльнымъ существамъ. Не стѣсняетъ ихъ въ этомъ и никакая буква вѣры въ Бога—Любовь. И вотъ они еще болѣе откровенно являются представителями анархіи, въ формѣ деспотизма властныхъ или крамолы подвластныхъ, смотря по тому, какая форма анархіи болѣе соотвѣтствуетъ ихъ вкусамъ или случайности ихъ соціальнаго положенія. Результаты будутъ все тѣ же: биржа и вооруженный миръ съ перспективою безконечнаго прогресса озлобленія и разединенія, все болѣе и болѣе сознательнаго взаимнаго недовѣрія и сознательнаго отношенія къ „интересамъ“ своей партіи.

Формы могутъ безконечно мѣняться, но суть будетъ оставаться неизмѣнно одна и та же. Пока будетъ злоба въ сердцахъ, будетъ логика злобы въ жизни подъ буквою суевѣрія или невѣрія—безразлично. Злобѣ въ сердцахъ соотвѣтствуетъ ни что иное, какъ разединеніе, биржа и вооруженный миръ въ жизни.

Любви, напротивъ, соотвѣтствуетъ единеніе братолюбія, гармонія братства въ жизни, безразлично сознаютъ ли себя представители живой любви вѣрующими или, обманутые жизнью и словами, считаютъ себя невѣрующими.

VI.

Животворящій духъ и буква мертвящая.

„По плодамъ ихъ узнаете ихъ“. Существуетъ ли опредѣленный плодъ католичества, лютеранства, мусульманства или невѣрія? Можно ли сказать, что плоды жизни всѣхъ православныхъ людей тождественны или хотя бы только однородны и по самому существу своему отличны отъ плодовъ жизни всѣхъ католиковъ, лютеранъ, мусульманъ, невѣрующихъ и даже язычниковъ? Кому неизвѣстны, напротивъ, истые язычники, глубоко убѣжденные въ неукоснительности своего правовѣрія, хотя плодъ жизни ихъ рѣшительно ни чѣмъ не отличается отъ плода жизни многихъ язычниковъ и очень невыгодно отличается отъ плода жизни язычниковъ добрыхъ! Въ букву словъ: „католицизмъ“ — „лютеранство“ — „мусульманство“ — „невѣріе“ и „язычество“ можно вкладывать самое разнообразное значеніе, можно и, не вкладывая никакого значенія, прикрываться ею, сообразно съ тѣмъ оставаясь людьми столь разнаго настроенія, что и плоды жизни будутъ самые разнородные.

Любовь и злоба, напротивъ, даютъ вполне опредѣленные плоды, подъ какимъ бы религіознымъ или философскимъ стягомъ ни состояли представители этихъ двухъ противоположныхъ настроеній.

Въ нашъ вѣкъ скептицизма и заподозрѣванія всякой правды, склонны думать, что нѣтъ существенной разницы между людьми добрыми и злыми, что добро и зло такъ тѣсно перемѣшаны въ душѣ человѣка, что трудно опредѣлить, данный человѣкъ является ли представителемъ добра или зла. Брать на себя рѣшеніе вопроса о томъ, кто именно является представителемъ свѣта и представителемъ власти тьмы, дѣйствительно опасно и ненужно. Мы далеко не безошибочные судьи и наше сердцевѣдѣніе слишкомъ часто оказывается иллюзіей горделивой самонадѣянности. Изъ этого не слѣдуетъ однако, чтобы добро и зло, любовь и злоба были такъ родственны между собою, что могутъ уживаться на степени живой правды въ одной и той же душѣ. И въ любви, и въ злобѣ тоже

есть буква и духъ. Духъ любви не совмѣстимъ съ духомъ злобы, но буква проявленія можетъ не всегда быть понятною для всѣхъ. Только человѣкъ, родившійся духомъ къ живой правдѣ любви, сталъ цѣльно и прочно на сторону любви, можетъ считаться представителемъ любви, хотя буква проявленій любви его можетъ и расходиться съ ходячими понятіями о добротѣ и любви. Плодъ жизни его будетъ однако вполне опредѣленнымъ. Если онъ не измѣнилъ любви, не пересталъ быть представителемъ любви, плодъ жизни его будетъ любовь и торжество любви не въ смыслѣ количества результатовъ, что не отъ него одного зависитъ, а въ смыслѣ общаго тона его дѣятельности и характера воздѣйствія на жизнь и современниковъ. Напротивъ, человѣкъ, не перешедшій цѣльно на сторону любви, непремѣнно представитель власти тьмы, какъ бы, по личнымъ симпатіямъ или сентиментальности, намъ ни было тяжело въ томъ признаться. Въ томъ и состоитъ духовное рожденіе къ любви, чтобы любовь побѣдила въ насъ эгоизмъ, стала свободно до способности проявлять себя въ дѣлахъ самоотверженной любви. Эта любовь чутка и ревнива въ добромъ смыслѣ этого слова. Она можетъ все прощать, но не можетъ благодушно уживаться со зломъ и тѣмъ болѣе симпатизировать ему. Ее не можетъ тянуть къ злобѣ и потому злоба не можетъ имѣть никакой привлекательности для нея не только въ другихъ, но и въ самомъ себѣ. Сыны свѣта могутъ ошибаться, могутъ спотыкаться на путяхъ любви, но не могутъ мириться со злобою въ себѣ, тѣмъ болѣе не могутъ любоваться ею и потому не могутъ быть шатками въ любви до полной неопредѣленности общаго тона жизни и отношеній.

Нѣтъ человѣка, лишеннаго способности любить. Нѣтъ представителя власти тьмы, который бы не могъ стать сыномъ свѣта, который бы не могъ, даже пребывая представителемъ власти тьмы, проявлять случайно эту способность. Это какъ бы ошибки и паденія злобы. Пока любовь—случайность и капризъ, человѣкъ остается представителемъ власти тьмы и плодъ жизни его непремѣнно будетъ злоба и торжество злобы, опять-таки не въ смыслѣ количества результатовъ, что зависитъ отъ совокупности многихъ обстоятельствъ, а въ смыслѣ общаго тона его дѣятельности и его воздѣйствія на жизнь и современниковъ, когда благо общее систематично приносится въ жертву эгоизму личному или семейному, національному или исповѣдному и зло усиливается всею силою заразительности этого злого примѣра.

Однимъ словомъ, „христіанство“ — „мусульманство“ — „язычество“ — „невѣріе“ — слова, буква; любовь—духъ, дающій опредѣленный плодъ, способный привести къ единенію въ братолюбіи верхъ всѣхъ границъ, когда онъ—живая правда.

Надѣюсь, что все, что я сказалъ до сихъ поръ, не можетъ ввести въ заблужденіе людей доброй воли. Они поймутъ, что я не приглашаю ихъ измѣнить тому стягу, подъ которымъ они до сихъ поръ стояли, выйти изъ той церкви, къ которой они принадлежатъ. Нѣтъ религій, мало философскихъ системъ, которыя бы въ чистомъ, неискоженномъ видѣ осуждали любовь, предписывали бы злобу, хотя и нѣтъ такихъ религій, отъ имени которыхъ не проповѣдовали бы зло люди идиотизированные фанатизмомъ или люди, пользующіеся религіей и философией съ своекорыстными цѣлями. Въ чемъ я стараюсь убѣдить это то, что единеніе въ братолюбіи между всѣми представителями живой любви, не можетъ быть измѣною, является насущною потребностью и долгомъ совѣсти для всѣхъ, въ комъ любовь стала живою правдою и не подавлена никакою мертвѣющею буквою.

Когда любовь стала живою правдою, насущною потребностью ея становится быть логичною, вѣрною самой себѣ. Какъ логика злобы требуетъ вездѣ, во всемъ и во всѣхъ находить причины для ненависти, презрѣнія, вражды и раздѣленія, кромѣ пристрастной уживчивости съ товарищами и союзниками по злобѣ, такъ логика любви требуетъ, напротивъ, оставаясь вѣрными добру и любви, вездѣ искать причины для любви, уваженія и единенія въ братолюбіи.

Человѣчество такъ мало жило любовью, такъ мало имѣетъ привычекъ любви, что накопилось масса предразсудковъ, самыхъ нелѣпыхъ взаимныхъ обвиненій, огульнаго осужденія, составляющаго въ настоящее время серьезное препятствіе къ единенію въ братолюбіи между людьми очень близкими по духу, но по буквѣ принадлежащими къ различнымъ лагерямъ, привыкшимъ считать себя враждебными.

Посмотримъ, не представляютъ ли клевету и преувеличенія злобы тѣ обвиненія, которыми оправдываютъ взаимную вражду и разобщенность. Вопросъ не въ томъ, чтобы доказать, что всѣ одинаково правы и потому желательно полное безразличіе по отношенію ко всѣмъ вѣроисповѣданіямъ и философскимъ теоріямъ, а въ томъ, что нѣтъ извинительныхъ причинъ для недовѣрчиваго разобщенія между представителями живой любви, къ какой бы религій или философской теоріи они ни принадлежали. Говорю только о представителяхъ живой любви потому, что у представителей злобы или холоднаго равнодушія дѣйствительно существуетъ весьма существенная причина для вражды и разобщенности—злоба и духовная лѣнь. Пока они не стали представителями живой любви, единеніе въ братолюбіи для нихъ бессмысленно и неестественно, это подвигъ любви, составляющій для нихъ бремя непосильное, которое они и поторо-

пятся сбросить съ себя подъ тѣмъ или другимъ предлогомъ. Имъ можно только проповѣдывать любовь; искать общенія съ ними, раньше, чѣмъ они полюбили, было бы потерю времени и наивною сентиментальностью. Вотъ почему все, что я буду говорить, скажу представителямъ живой любви, стараясь имъ доказать законность и высокое нравственное достоинство потребности ихъ любящаго сердца приступить къ единенію въ братолюбіи. Представителямъ злобы и равнодушія говорить не буду. Они не нуждаются въ единеніи; именно они и измыслили всѣ причины раздѣленія и оклеветали свою собственную партію, доводя до абсурда ея слабыя стороны.

Начнемъ съ христіанскихъ вѣроисповѣданій. Что поддерживаетъ въ теченіе вѣковъ позорный саблезъ раздѣленій, ожесточенной вражды и недовѣрчивой разобщенности между ними, вѣрующими въ одного Бога—Любовь, въ одного нераздѣлишагося Христа, въ одно Евангеліе, о которомъ сказалъ Апостолъ Павелъ: „Если бы даже мы сами или ангелъ съ неба сталъ благовѣствовать вамъ не то, что мы благовѣствовали, да будетъ анаема“, тотъ же Апостолъ, который сказалъ: „Развѣ раздѣлился Христосъ? У васъ говорятъ: я Павловъ, я Аполосовъ, я Кифинъ, а я Христовъ. Умоляю васъ, братья, именемъ Господа нашего Іисуса Христа, чтобы всѣ вы говорили одно и не было между вами раздѣленій, но чтобы вы соединены были въ одномъ духѣ?“

Враги церкви католической съ величайшимъ осужденіемъ и глумленіемъ относятся къ догмату папской непогрѣшимости. На дѣлѣ есть ли церковь, много ли философскихъ фракцій, не признающихъ и не требующихъ признанія непогрѣшимости своего единоличнаго или коллективнаго папы? Догматъ папской непогрѣшимости дѣйствительно противорѣчитъ и единобожію, и христіанской свободѣ, но внѣ католичества, безъ этого догмата всегда ли соблюдается логика вѣры и уважается христіанская свобода. Существуетъ ли такая христіанская церковь, которая могла бы основательно сказать: „Благодарю Тебя, Господи, что я не какъ католикъ сей“. Если догматъ папской непогрѣшимости не мѣшаетъ католику быть представителемъ живой любви и искать единенія въ братолюбіи, можетъ ли быть общеніе съ нимъ измѣною Христу и духовной свободѣ, разъ онъ согласенъ на общеніе съ вами, не требуя отъ васъ ни стать католикомъ, ни признать догматъ папской непогрѣшимости.

Католики признали новый догматъ о безгрѣшномъ зачатіи Богородицы. Вы не находите въ христіанскомъ Откровеніи никакой причины согласиться на признаніе этого догмата. Не признавайте его, не дѣлайтесь католикомъ, радуйтесь, что вы не католикъ и не поставлены въ необходимость выбирать между насиліемъ надъ разумомъ вашимъ и разрывомъ съ церковью отцовъ вашихъ; радуй-

тесъ тому, если собственная церковь ваша не подвергаетъ разумъ вашъ не меньшему насилію по другимъ обстоятельствамъ. Согласитесь однако, что догматъ этотъ ровно никакого жизненнаго значенія не имѣетъ и никакого зла въ жизнь внести не можетъ.

Католичество прибавляетъ въ символъ вѣры слова: „И сына“, говоритъ о Духѣ святомъ: „Отъ Отца и Сына исходящаго“. Всѣ хрістіане говорятъ: „Троица единосущная и нераздѣльная“. Троичность Бога единаго—тайна, совершенно недоступная уму человѣческому. Не принимайте этихъ словъ, не вносите ихъ въ символъ вѣры, но признайте, что для хрістіанской истины и для блага человѣчества они никакой опасности не представляютъ.

Католики признаютъ чистилище. Православная церковь признаетъ молитвы объ умершихъ, возможность улучшенія ихъ участи, признаетъ мытарства.

И это составляетъ главные пункты вѣкового раздора между хрістіанскими церквами! Во истину всѣ мы нищіе духомъ, особенно нищіе любовью и только по дьявольской гордости не признаемъ этого!

Лютеранъ обвиняютъ въ томъ, будто они не признаютъ почитанія Богородицы и святыхъ. Когда мнѣ приходилось говорить объ этихъ вопросахъ съ представителями живой любви изъ лютеранъ, я каждый разъ убѣждался, что это простое недоразумѣніе. Въ дѣйствительности разница только въ буквѣ проявленія отношеній, а не въ самихъ отношеніяхъ. Ни одинъ хрістіанинъ не можетъ не отнестись къ матери Христа Спасителя съ чувствами искренней любви и глубокаго уваженія. Такъ относятся къ ней и всѣ представители живой любви изъ лютеранъ. Это и есть живой духъ почитанія Богоматери. Отрицать почитаніе Богоматери лютеранами въ этомъ смыслѣ было бы клеветой и преувеличеніемъ злобы. Ни одинъ православный, ни одинъ католикъ, не согласится признать Богородицу за женскаго Бога, въ чемъ въ свою очередь обвиняютъ ихъ многіе лютеране и протестанты. Надо сознаться, что отношеніе къ иконамъ Богоматери и Святыхъ со стороны многихъ православныхъ и католиковъ токово, что подаетъ поводъ лютеранамъ и протестантамъ не желать и даже опасаться именно этой буквы внѣшняго проявленія ихъ почитанія. Тѣ же можно сказать и о почитаніи Святыхъ. Духовнаго почитанія того, что въ нихъ святиня, сознательно благоговѣйнаго отношенія къ духовнымъ свѣточамъ челоувѣчества въ лютеранахъ и протестантахъ во всякомъ случаѣ не менѣе, чѣмъ у другихъ хрістіанъ. Покажите имъ свѣтъ сознательной вѣры, святыя подвиги любви тѣхъ, которыхъ мы признаемъ святыми и они не отстанутъ отъ насъ въ духѣ благоговѣйнаго почитанія этихъ духовныхъ свѣточей хрістіанства, сознавая, что во-

истину они были свѣтомъ міра и солью земли. Нельзя и букву внѣшняго проявленія ставить выше животворящаго духа почитанія. Именно это и побудило лютеранъ и протестантовъ впасть въ крайность полнаго отрицанія всякой буквы внѣшняго проявленія почитанія святыхъ и Богородицы. Это крайность. Не будемъ слѣдовать ихъ примѣру, но признаемъ, что, воздерживаясь отъ культа иконъ и мощей, протестанты и лютеране не выражаютъ тѣмъ неуваженія ни къ живой Богородицѣ, ни къ живымъ святымъ церкви вселенской.

Несмотря на то, что, при доброй волѣ, понять другъ друга и придти къ взаимному соглашенію всѣмъ искреннимъ хрістіанамъ, всѣмъ истиннымъ представителямъ живой любви, всѣхъ хрістіанскихъ исповѣданій было бы очень не трудно, официальные представители церквей не скоро придутъ къ соглашенію между собою, не скоро даже только пожелаютъ этого соглашенія. На это есть много причинъ, которые приводить здѣсь я считаю неумѣстнымъ. Одна изъ главныхъ причинъ, о которой сказать необходимо, это то, что опредѣляется принадлежность къ хрістіанскимъ церквамъ буквою внѣшнихъ фактовъ, безъ всякаго отношенія къ духовному строенію и общему тону жизни и отношеній. Благодаря этому числятся членами церквей, принадлежать къ нимъ по буквѣ рожденія и соблюденія установленныхъ обрядовъ множество людей, совершенно чуждыхъ духу хрістіанства, множество представителей злобы, корысти, жестокаго, корыстнаго или сонливаго равнодушія. Голосъ, желаніе этихъ домашнихъ чужаковъ признается голосомъ и желаніемъ церкви, особенно тогда, когда официальные представители церквей, часто сами принадлежащіе именно къ этому разряду, находятъ удобнымъ на нихъ опереться. Можно быть по духу воромъ, разбойникомъ, грубѣйшимъ эгоистомъ, грубѣйшимъ циникомъ, дѣлать всякое зло „на законномъ основаніи“ и считаться благочестивымъ католикомъ или лютераниномъ, соблюдая букву благочестія даннаго вѣроисповѣданія. Вѣруя въ Бога—Любовь, они не вѣрятъ ни въ силу, ни въ міровое, вѣчное, разумное значеніе любви; не любя, они не ищутъ единенія въ братолюбіи, они выискиваютъ причины для вражды и разединенія, желая оправдать всю грязь своего злого сердца: злобу, презрѣніе, лѣнивую апатію, все, что естественно при отсутствіи святаго огня любви. Ихъ злобу выдаютъ за голосъ церкви, къ которой они принадлежатъ, неизмѣнно находя не своевременнымъ покончить чудовищный соблазнъ враждебной разобщенности хрістіанскаго міра. Если не представители злобы и корысти, то во всякомъ случаѣ представители сонливой апатіи и рутиннаго эгоизма составляютъ громадное большинство во всѣхъ современныхъ хрістіанскихъ церквахъ. Представители живой любви,

тѣ, кого любовь сдѣлала свободными и отъ рабства суевѣрій, и отъ рабства рутинъ, и отъ рабства эгоизма, составляютъ вездѣ незначительное меньшинство, затерянное въ массѣ враждебныхъ элементовъ и потому слабое въ своей разобщенности. Между тѣмъ только голосъ этихъ немногихъ, истинныхъ христіанъ по духу, воистину правовѣрныхъ любовью и выражаетъ волю и чувства единой, нераздѣлившейся Церкви, единого, нераздѣливагося Христа. Въ единеніи сила. Чтобы голосъ Церкви Христовой имѣлъ силу быть услышаннымъ, необходимо, чтобы всѣ истинные представители живой любви искали единенія въ братолюбіи между собою. Все, что они сдѣлаютъ для осуществленія общенія любви между собою, будетъ сдѣлано ими на пользу соединенія церквей и единенія въ любви всего христіанскаго міра. Кромѣ нихъ никто ничего не сдѣлаетъ для міра и единенія въ братолюбіи, хотя иногда и будутъ дѣлать попытки „присоединить“—„поработить“ подъ живою буквою „соединенія“, на которое у нихъ не хватитъ ни смиренія, ни любви.

Исполнимъ же обязанность христіанской совѣсти нашей, дадимъ волю насущной потребности любящаго сердца, будемъ искать единенія въ братолюбіи со всѣми братьями по любви, мы тѣмъ исполнимъ и главную обязанность по отношенію къ Церкви, дадимъ громко прозвучать голосу любви Ея во благо всему человѣчеству.

Размѣры этихъ статей не позволяютъ мнѣ говорить отдѣльно о разныхъ фракціяхъ спиритуалистическихъ группъ и подъ-группъ, спиритахъ, оккультистахъ и другихъ, доказывая обязанность соединиться съ представителями живой любви изъ ихъ среды и возможность сдѣлать это, ни мало не измѣняя своему стягу, доказывая, что недоброжелательное отношеніе къ нимъ тоже покоится на нежеланіи понять ихъ и ту правду, которой они служатъ. Недоброжелательство по отношенію къ нимъ, обособленіе отъ нихъ—тоже грѣхъ злобы и лѣниваго равнодушія, въ которомъ намъ покаяться надо, отнесясь и къ нимъ съ гораздо большей любовью, съ гораздо большимъ уваженіемъ, чѣмъ мы до сихъ поръ это дѣлали.

Перейду прямо къ вопросу о законности и нравственномъ достоинствѣ братскаго единенія съ представителями живой любви изъ среды людей невѣрующихъ, тѣхъ, кто отрицаетъ букву бытія Божія, отрицаетъ тѣмъ болѣе и букву божества Христа, и букву спасенія искупительною жертвою Его, и букву всякаго Откровенія. Буду говорить, обращаясь къ христіанамъ, такъ какъ именно въ ихъ средѣ особенно много „благочестивыхъ“ людей, склонныхъ считать за грѣхъ и измѣну Христу, братолюбіе и отношенія, достойныя братолюбія, по отношенію къ этимъ людямъ. Если мнѣ удастся поколебать суевѣрный страхъ передъ общеніемъ любви съ ними, думаю, что хватитъ логики любви на единеніе въ братолюбіи и со всѣми

представителями живой любви и всякихъ другихъ фракцій человечества.

„Настанетъ время, и настало уже, когда истинные поклонники будутъ поклоняться Отцу въ духѣ и истинѣ; ибо такихъ поклонниковъ Отецъ ищетъ Себѣ“. Десять девятнадцать вѣковъ прошло съ тѣхъ поръ, какъ Тотъ, Кого мы признаемъ Единороднымъ Сыномъ Бога—Любовь, Спасителемъ міра, сказалъ эти святыя слова. Неужели и теперь для насъ еще не настало время понимать Его и дѣйствительно поклоняться Богу нашему въ духѣ и истинѣ. „Онъ далъ намъ способность быть служителями Новаго Завета, не буквы, но духа: потому что буква убиваетъ, а духъ животворитъ“ сказалъ Апостолъ Павелъ *). Неужели и теперь для насъ не настало время свободы отъ буквы мертвящей? Неужели и теперь мы такъ мало окрѣпли въ духѣ христіанства, что способны на каждомъ шагѣ спотыкаться о букву, давать ей убивать и логику вѣры въ Бога—Любовь, и самую любовь по отношенію къ Его творенію.

„Богъ есть любовь“—„Гдѣ любовь, тамъ и Богъ“. Духъ и истина Бога нашего—любовь. Духъ и истина вѣры въ Бога—вѣра въ царство, силу и славу любви.

Вы считаете себя вправѣ, не боясь грѣха, быть въ общеніи съ тѣми, кто, на словахъ, признаетъ букву бытія Божія, не только не вѣря въ царство, силу и славу любви, но даже издѣваясь надъ любовью, громко признавая самое желаніе стройной организаціи жизни, труда и отношеній на основѣ братолюбія за наивную утопію и вредный социализмъ. Вѣдь онъ, признавая букву бытія Божія, не только отрицаетъ, но даже кощунственно глумится надъ духомъ Его, хулитъ Духа Святого. И вы имѣете общеніе съ нимъ въ храмѣ вашемъ, вмѣстѣ съ нимъ приступаете къ таинствамъ, называете его братомъ по вѣрѣ.

Съ другой стороны вы боязливо сторонитесь отъ общенія съ тѣми, кто глубоко вѣруетъ всею силою любви къ творенію Его въ разумной смыслъ любви, въ конечное торжество любви, а слѣдовательно и въ царство, силу и славу любви, т. е. царство, силу и славу Бога нашего. Вѣдь онъ живою вѣрою вѣритъ въ духъ Бога нашего, благоговѣнно любитъ Его, любитъ безкорыстною любовью, даже не ожидая, не вѣря въ отвѣтную любовь. Онъ любитъ и любовь его дѣлаетъ роднымъ по духу Богу—Любовь, а вы боитесь оскверниться общеніемъ съ нимъ, не считая за оскверненіе общеніе съ тѣми, кто не вѣритъ въ святыя святыхъ духа Его!..

При такихъ обстоятельствахъ невѣріе въ букву бытія Божія—

*) II посл. Ап. Павла къ Коринѳянамъ гл. III, ст. 6.

несчастье, а вы сторонитесь от этого израненного жизнью представителя любви, имѣя въ то же время общеніе съ самодовольными представителями злобы и равнодушія, только устами своими, чтущими букву вѣры въ бытіе Божіе.

Христосъ сказалъ: „Заповѣдь новую даю вамъ, да любите другъ друга, какъ я возлюбилъ васъ, такъ и вы да любите другъ друга“.— „Потому узнаютъ всѣ, что вы Мои ученики, если будете имѣть любовь между собою“. Духъ вѣры, духъ исповѣданія Христа—живая любовь къ Богу Живому и живое братолюбіе. Духъ исповѣданія Христа, пришедшаго во плоти—вѣра въ разумность и высокое нравственное достоинство всякаго дѣла любви, всякаго подвига любви, которыхъ высшимъ представителемъ на землѣ и былъ Живой Христосъ. И вотъ, опять, считая нормальнымъ самое тѣсное общеніе въ жизни и храмахъ нашихъ съ тѣми, кто, исповѣдуя букву Христа, пришедшаго во плоти, въ жизни глумится надъ дѣлами и подвигами любви, слѣдовательно глумится надъ дѣломъ и подвигомъ Христа, пришедшаго во плоти, и превращаетъ христіанство въ черную магію, проповѣдуя магическое значеніе вѣры въ букву, мы боязливо сторонимся отъ общенія съ тѣми, кто вѣритъ живою вѣрою въ духъ Его дѣла, Его подвига, другими словами, вѣритъ въ духъ Живого Христа, пришедшаго во плоти.

Христосъ сказалъ: „Я есмь путь и истина и жизнь“. „Кто хочетъ за Мною идти, отвергнись себя, возьми крестъ свой и слѣдуй за Мною“. Животворящій духъ вѣры въ спасеніе искупительною жертвою Христа—вѣра въ истину и жизненную правду пути, указаннаго Имъ, готовность съ радостной любовью отвергнуться себя, взять крестъ свой и идти за Нимъ по этому пути устойчивой, торжествующей, самоотверженной любви, хотя бы путь этотъ и привелъ насъ на Голгофу, къ позору смерти крестной. Вѣра въ голый фактъ спасенія искупительною жертвою—буква, которая неизбежно становится мертвящею каждый разъ, какъ она убиваетъ въ насъ любовь. И вотъ, опять мы считаемъ явленіемъ нормальнымъ самое близкое общеніе съ тѣми, которые вѣрятъ въ букву спасенія искупительною жертвою Христа, въ жизни отрицая истину и жизненную правду указаннаго Имъ пути, отрицая необходимость принять на себя крестъ подвига самоотверженной любви, извиняя всякое зло необходимостью, избѣгнуть какой-либо Голгофы и позора какого-либо креста, самое христіанство превращая въ черную магію проповѣдью магическаго значенія вѣры въ букву спасенія, мы боязливо сторонимся отъ общенія съ тѣми, кто глубоко вѣритъ въ самый духъ пути, указаннаго Христомъ.

Вотъ плоды вѣкового рабства духа, подавленнаго цѣпами буквы

мертвящей! Мы разъединены съ братьями по духу; мы въ плѣну у сокологонимовъ по буквѣ. Мы не осуществляемъ христіанскую правду въ жизни и тѣмъ держимъ свѣтильникъ христіанства подъ спудомъ, дѣлаемъ христіанство непонятнымъ, скрываемъ свѣтъ его отъ людей, не даемъ испытать имъ жизненную правду животворнаго тепла святого огня любви, многихъ вводимъ въ соблазнъ. Покаяемся, сбросимъ съ себя цѣпи буквы мертвящей и, приступивъ къ дѣлу единенія въ братолюбіи со всѣми представителями живой любви, со всѣми истинными братьями нашими и чадами Бога нашего по любви, сотворимъ тѣмъ плоды, достойные покаянія.

VII.

Любовь торжествующая.

Не для всех, я знаю, будет убедительно то, что я говорилъ. Всего убедительнѣе для человѣка желаніе сердца его. Для громаднаго большинства человѣчества истина, правда, добро—сводятся къ тому, чего желаетъ душа, къ чему стремится воля. Разумъ—покорный рабъ воли. При доброй волѣ онъ будетъ дѣйствовать въ одномъ направленіи и доказывать одно, при злой волѣ будетъ дѣйствовать въ направленіи прямо противоположномъ и доказывать совсѣмъ иное. Отъ этого и происходитъ та изумительная непоследовательность, которая часто изумляетъ хладнокровнаго наблюдателя, въ словахъ и дѣлахъ даже самыхъ умныхъ людей, даже общепризнанныхъ гениевъ. Нѣтъ представителя любви, который временами не падалъ духовно до измѣны любви въ отдѣльных случаяхъ жизни. Нѣтъ и представителя власти тьмы, самаго грубаго эгоизма, который по временамъ, въ отдѣльных случаяхъ жизни, по отношенію къ отдѣльнымъ личностямъ, не возвышался бы до любви и доброй воли. Это и дѣлаетъ людей нелогичными, непоследовательными, какъ въ добрѣ, такъ и во злѣ.

Не только вопросъ о томъ, что желательно, но даже вопросъ о томъ, что естественно для человѣчества является вопросомъ крайне спорнымъ. То настроеніе, которое мы всего чаще переживаемъ, становится характеромъ нашимъ, признается нами естественнымъ, путемъ самовнушенія становится природою нашею. Нѣтъ предѣла могуществу воли человѣка. Міръ будетъ тѣмъ, что сдѣлаетъ изъ него воля его. Мы не можемъ даже и представить себѣ того, что будетъ естественнымъ, что станетъ природою для добрыхъ и злыхъ въ результатѣ устойчиваго стремленія воли въ томъ или другомъ направленіи. Это гораздо болѣе согласно съ христіанскою истиною, чѣмъ это можетъ показаться на первый взглядъ рутинерамъ христіанства. Если они примутъ въ расчетъ уваженіе Творца къ свободѣ воли Своихъ созданий, они легко поймутъ, что рай и адъ—результатъ самодѣтельности и свободнаго изволенія вѣчнаго духа,

сообразно съ тѣмъ, куда направлена свобода воли его: на добро или зло, на добро вселенской любви или на зло эгоистической обособленности.

Убѣдительно для насъ только то, что соотвѣтствуетъ желаніямъ сердца нашего. Переубѣдить—значитъ внушить иное желаніе, заразить своимъ настроеніемъ. И то, что я сказалъ о значеніи любви, будетъ убѣдительно только для тѣхъ, кто любитъ и для тѣхъ, кто прочно полюбитъ. Для другихъ оно будетъ или совсѣмъ неубѣдительно или убѣдительно на часъ, въ смыслѣ минутнаго увлеченія прочитаннымъ, отъ котораго „отрезвятся“ при соприкосновеніи съ болѣе родственною дѣйствительностью рутинной окружающей жизни или просто возвратившись къ „трезвости“ собственнаго нормальнаго настроенія.

Представители злобы, „чуждые сентиментальныхъ бредней, практичныя дѣлцы міра сего“, конечно не найдутъ во всемъ, что я сказалъ, ровно ничего для себя убѣдительнаго; подъ вліяніемъ злой воли, разумъ предоставитъ въ распоряженіе ихъ множество аргументовъ, при помощи которыхъ они докажутъ себѣ и будутъ доказывать другимъ, что живая любовь ко всему творенію и логика торжествующей любви неестественны, а потому и утопичны. Увлечъ ихъ, мимовольно обмануть ихъ неопредѣленностью рѣчи, я не опасаясь. Опасность эта существуетъ только по отношенію къ тѣмъ, которые въ слово любовь вкладываютъ нѣсколько иное значеніе, чѣмъ я, сочувствуя такой степени любви, довольствуюсь такою степенью ея, которая быть основою жизни и стройной организаціи добра не можетъ, почему, дѣйствительно, ихъ надежда оказалась бы утопіей и пустою сентиментальностью. Вопросъ тутъ не въ томъ, какой степени любви достигъ въ данное время тотъ или другой человѣкъ, а въ томъ, какую степень любви признаютъ желательною, естественною для человѣчества, такимъ образомъ къ какой степени любви стремятся, какую степень любви, путемъ самовнушенія готовятъ, стремятся осуществить на степени живой правды духовной природы человѣка.

Многіе довольствуются любовью на степени суроваго долга, по удачному выраженію одного русскаго Іерарха „со скрежетомъ зубовъ совершая дѣло спасенія“. Такая любовь очевидно „основою“ быть не можетъ. Она очевидно неестественна. Все естественное для насъ, соотвѣтствуя природѣ нашей, не только для насъ легко, но и радостно, удовлетворяя потребность души нашей. Пока мы не находимъ радости въ подвигѣ любви, мы еще не любимъ, подвигъ этотъ не потребность любящаго сердца нашего, а тяжелыя цѣпи, налагаемыя на себя по расчетамъ страха или корысти. Это самостязаніе, которое „основою“ для нормальной жизни быть не можетъ.

Многіе довольствуются любовью на степени благодушной уживчивости съ добромъ и зломъ, съ представителями добра и представителями зла безразлично. Такая любовь можетъ быть очень практична, можетъ быть очень удобна для безпечальнаго житія, но „осною“ опять-таки быть не можетъ. На дѣлѣ, это жестокий эгоизмъ и погоня за пріятными впечатлѣніями отъ безразлично мягкихъ отношеній ко всѣмъ и ко всему. Надо быть очень ограниченнымъ человѣкомъ, чтобы не понимать, сколько зла, сколько горя и страданій вносить въ жизнь злота и организация зла. Надо быть очень жестокимъ эгоистомъ, чтобы, понимая это, не протестовать противъ зла исповѣданіемъ добра или организацией добра, осуществленіемъ его въ жизни, причемъ благодушная уживчивость, легкомысленное панибратство отношеній станетъ невозможно даже и при самой искренней любви нашей къ представителямъ зла. Они не были бы представителями зла, если бы мирились съ нами, не требуя отъ насъ измѣны добру по крайней мѣрѣ на степени равнодушія къ поруганію добра съ ихъ стороны, по крайней мѣрѣ на степени бездѣйствія по отношенію къ дѣлу организации добра. При такихъ обстоятельствахъ намъ неизбежно нужно выбирать между благодушной уживчивостью со злыми и созиданіемъ добра въ жизни. Пока мы выбираемъ благодушную уживчивость со злымъ и злыми, любовь, очевидно, „осною“ быть для насъ не можетъ. Такая любовь будетъ дѣйствительно наивною сентиментальностью, если мы глупы, и жестокимъ эгоизмомъ, если мы умны. Друзья наши изъ представителей власти тѣмъ основательно будутъ относиться къ намъ съ насмѣшкой и презрѣніемъ, какъ „стригушіе“ къ „стригомымъ“ или какъ „дѣловитые циники зла“ къ „легкомысленнымъ мотылькамъ любви“.

Многіе довольствуются любовью на степени безсистемной благотворительности. Особенно много людей считающихъ именно эту степень любви за идеалъ, дальше котораго идти не слѣдуетъ, идти нельзя, не измѣняя любви. На дѣлѣ эта любовь до крайности близорукая, настоящая апоплексія близорукости сердца. Безсистемная благотворительность, даже самая искренняя, основанная на чувствѣ сердечнаго участія, живой жалости — только паліативъ, не только не подготовляющій лучшаго будущаго, не организующій жизнь на началахъ добра и любви, но, напротивъ, часто вредный, усыпляя совѣсть, покрывая грязь и безобразіе жизни цвѣтами совѣмъ неестественными, несоотвѣтствующими „основамъ“ этой жизни. Это ребяческое отношеніе къ дѣлу любви, при которомъ любовь всегда останется украшеніемъ жизни, а не станетъ ея основою. Это настоящее вливаніе вина новаго въ мѣхи ветхіе. Слѣдуетъ ли изъ того, что не надо накормить голоднаго, одѣть нагого или облегчить

страданія больного? Конечно, нѣтъ. Все это дѣла живой любви. Не надо только успокаиваться на той малой степени любви, при которой довольствуются безсистемною помощью тѣмъ немногимъ, которыхъ видятъ и тѣмъ немногимъ страданіямъ, которыя непосредственно быють по нервамъ нашимъ, ничего не дѣлая для предупрежденія безвинныхъ страданій миллионѣвъ и облегченія тѣхъ страданій, которыя, будучи не менѣе реальными и жестокими, менѣе быють по нервамъ нашимъ. Не будемъ ребячливы въ любви нашей, не будемъ близорукими. Не только не признаемъ идеаломъ ребячливость и близорукость въ дѣлѣ любви, но поймемъ, что на этой степени любовь „осною“ тоже быть не можетъ.

Человѣчество такъ много вѣковъ живетъ на основахъ страха и корысти, что зло является рутиною, а добро — исключеніемъ. Плоды зла неисчислимы. Цѣлая жизнь, самыя большія состоянія — ничто въ дѣлѣ вычерпыванія этого моря зла и скорби. Самая широкая благотворительность въ этомъ направленіи, дѣйствительно — наивная сентиментальность и близорукая утопія. Серьезное, практичное дѣло любви — стройное созиданіе жизни, отношеній и труда на началѣ вѣры, дѣйствующей любовью. Какая странная, ребячески наивная, комично-близорукая дѣятельность: плавать на спасательномъ поясѣ богатства по бездонной пучинѣ горя и страданій, вытаскивать изъ воды утопающихъ не для того, чтобы поставить ихъ на берегъ, а для того, чтобы, давъ имъ немного подышать, вновь погружать въ ту же бездну, въ которой они раньше захлебывались. Неужели любовь болѣе дальновидная менѣе доброкачественна?!

Любовь не можетъ стать вселенскою, не можетъ стать торжествующею, пока она близорука, пока она не пользуется широко услугами разума. До тѣхъ поръ она будетъ непремѣнно капризомъ, порывомъ, увлеченіемъ, а не нормальною основою жизни. До тѣхъ поръ она не будетъ логична, не будетъ вѣрна самой себѣ, проглядитъ большое изъ-за малаго, не будетъ видѣть лѣса изъ-за деревьевъ.

Вокругъ насъ постоянно, не въ видѣ исключенія, а нормально, какъ самое заурядное явленіе — миллионы людей, страдающихъ физически отъ голода, холода и болѣзней, миллионы людей, страдающихъ и умирающихъ умственно и нравственно отъ не менѣе реальныхъ, не менѣе мучительныхъ холода, голода и болѣзней ума и сердца. Нельзя останавливаться на той малой степени любви, при которой довольствуются минутнымъ облегченіемъ страданій. Эта любовь не можетъ быть основою. Надо дорасти или по крайней мѣрѣ стремиться дорасти до той степени любви, при которой становится насущной потребностью любящаго сердца не ограничиваться утѣше-

ніемъ людей, измученныхъ злобою, а является потребностью разумной любви организовать жизнь на началахъ добра, оградить миллионы людей отъ возможности безвинныхъ страданій.

Всего болѣе бьютъ по нервамъ людей картины физическихъ страданій. Надо быть исключительно жестокосерднымъ человѣкомъ, чтобы не пожалѣть изнуреннаго голодомъ, или дрожащаго отъ холода, или покрытаго гнойными ранами. Видъ этихъ страданій возмущаетъ покой души нашей. Накормить, одѣть, вылѣчить, при такихъ обстоятельствахъ является вопросомъ приличія, благочинія, собственнаго комфорта. Степень любви, способная стать основою жизни, начинается только съ того момента, когда любовь наша перестаетъ быть капризомъ, хотя бы и вызваннымъ симпатичнымъ чувствомъ жалости къ тѣмъ страданіямъ, которыя наиболѣе бьютъ по нервамъ нашимъ, когда любовь становится нормальнымъ отношеніемъ нашимъ ко всему міру, естественнымъ состояніемъ души нашей. Только тогда мы не проглядимъ лѣса изъ-за деревьевъ, не забудемъ обязанности любви ко всему человѣчеству изъ-за прихоти любви или жалости къ отдѣльнымъ людямъ, не забудемъ страданій ума и сердца изъ-за болѣе бьющихъ по нервамъ нашимъ страданій физическихъ, наконецъ, не забудемъ, не отнесемся съ презрѣніемъ къ разуму, поймемъ необходимость идти разумными путями къ цѣлямъ, намѣченнымъ любовью нашей, станемъ способны, оставаясь „кроткими какъ голуби, быть мудрыми, какъ змѣи“, быть столь же умными на добро, какъ представители власти тьмы умны на зло, перестанемъ дѣлать благо-глупости и быть самодовольными въ нашей глупой сентиментальности.

До того мы на каждомъ шагѣ будемъ измѣнять единому, истинному, всеобъемлющему дѣлу любви, дѣлу стройной организаціи жизни во всей ея совокупности на основѣ любви, изъ-за минутныхъ прихотей любви и жалости къ отдѣльнымъ людямъ, изъ-за борьбы съ плодами зла, которое не перестанетъ отъ того быть основою жизни и отношеній, налагая свой колоритъ на всю жизнь во всей ея совокупности.

Такъ мы всегда найдемъ вокругъ себя такъ много нужды и страданій, что всей нашей жизни, всей нашей энергіи и всего нашего состоянія, какъ бы велико оно ни было, не хватитъ, при безсистемной благотворительности, на сколько-нибудь существенное уменьшеніе количества этихъ страданій, не говоря о томъ, что дѣятельность наша ни мало не измѣняетъ корня зла, не предотвращаетъ возможности не менѣе богатаго урожая зла въ будущемъ. Если мы по природной ограниченности, по крайней умственной неразвитости или по какимъ-либо особенно не благопріятнымъ обстоятельствамъ

не можемъ измыслить ничего лучшаго для торжества добра и любви, кромѣ борьбы съ результатами зла, несмотря на наше горячее и искреннее желаніе наилучше послужить на дѣло торжества любви, мы прекрасно сдѣлаемъ, если накормимъ хоть одного голоднаго, одѣнемъ хоть одного нагого, облегчимъ страданія хоть одного больного. Если мы понимаемъ, что можно сдѣлать лучшаго, и можемъ послужить на дѣло стройной организаціи добра и этимъ путемъ предотвратить для миллионовъ безвинное голоданіе, холодъ и болѣзнь не только тѣла, но и ума, и сердца, грѣхъ, преступленіе, постыдная слабость любви отвлекаться отъ этого главнаго дѣла изъ-за каприза любви и жалости къ отдѣльнымъ людямъ. Накормите голоднаго, но не забывайте, что вы этимъ ничего не сдѣлали для того, чтобы не было безвинно голодныхъ и пусть то малое дѣло любви, которое вы сдѣлали не успокаиваетъ совѣсть вашу, не заслоняетъ отъ васъ того великаго дѣла любви, которое вы можете и, слѣдовательно, должны сдѣлать, которое вы желать должны были бы, болѣе этого малаго дѣла, если бы самая любовь ваша была сильнѣе, глубже и шире. Если, дѣлая великое дѣло любви, вы отъ него отвлекаетесь на дѣланіе малыхъ дѣлъ потому, что видъ частныхъ страданій такъ сильно бьетъ по нервамъ вашимъ, что капризъ жалости къ одному заставляетъ васъ забыть разумное дѣло жалости ко всему человѣчеству, не обманывайте себя, сознавайте, что вы отняли у великаго дѣла любви ко многимъ, страданій которыхъ вы не видите, то, что отдали на прекращеніе того страданія, которое случайно попало въ глаза и ударило по нервамъ вашимъ. Облегчите это частное страданіе, но сознавайте, что это бесконечно-малое дѣло любви, дѣло немощи нервовъ вашихъ, а не разумное служеніе на великое дѣло торжества вселенской любви. Особенно преступно будетъ это дѣло тогда, когда среди васъ окружающихъ много людей, являющихся представителями любви на степени безсистемной благотворительности и мало тѣхъ, кто вмѣстѣ съ вами способенъ и желаетъ работать на великое дѣло любви. Найдется много людей, способныхъ пожалѣть умирающаго отъ голода, а вы, переходя въ ряды ихъ, отнимаете у большаго дѣла любви одного изъ малаго числа борцовъ, полагая тѣмъ слабости собственныхъ нервовъ или общественному мнѣнію, для котораго въ этой формѣ любовь ваша будетъ болѣе понятна.

Пока любовь находится на степени безсистемной благотворительности и можетъ ежеминутно отвлекаться ею отъ великаго дѣла торжества вселенской любви, она не можетъ быть „основою“ и надежды ея будутъ по справедливости обзывать сентиментальною утопій.

„Основною“ можетъ и должна быть любовь на степени великаго дѣла стройной организаціи добра въ жизни, дѣла торжества вселенской любви. Лишь бы это великое дѣло действительно дѣлалось, а не оставалось въ области пустыхъ мечтаній и не служило отговоркою отъ малыхъ дѣлъ любви.

Именно эту степень любви я и предлагаю признать естественною, нормальною для представителей живой любви. Именно въ этомъ смыслѣ и буду употреблять слово „любовь“, и буду говорить о дѣлѣ любви.

VIII.

Логика любви и логика злобы.

Именно самодовольство человѣчества въ злобѣ, самодовольство малой любви, столь малой, что она не способна додуматься до организаціи добра, что она способна благодушно мириться съ организованнымъ зломъ и остается роскошью, украшеніемъ жизни на мрачномъ фонѣ живой правды рутины злобы и равнодушія, именно это и заколдовало человѣчество и заставляетъ его глупо вертѣться въ колесѣ страха и корысти, безтолково и смутно мечтая о правдѣ, добрѣ и любви.

Именно это и порождаетъ то странное явленіе, что мы на каждомъ шагѣ встрѣчаемъ такъ называемыхъ „добрыхъ людей“, а жизнь продолжаетъ быть безумно-жестокою, ежеминутно распиная тѣла, умы и сердца.

Христосъ Спаситель сказалъ: „Блаженны чистые сердцемъ, ибо они Бога узрятъ“. Нечистыя по злобѣ сердца, не могутъ уразумѣть Бога истиннаго, у нихъ не хватаетъ любви на уразумѣніе Бога—Любовь. Грязь злобы проникаетъ въ самое пониманіе Бога, въ самыя отношенія къ Нему, заражаетъ собою людей „религіозныхъ“, самый организмъ помѣстныхъ церквей. Не хватаетъ любви на то, чтобы понять, какая безумная жестокость требовать вѣры въ Бога, не научая понимать любви Его, требовать нравственности, не воспитывая въ привычкахъ любви, которая одна можетъ сдѣлать изъ нравственности живую, радостную правду жизни. Въ результатѣ и религія, и нравственность—все дѣлается ненавистными цѣплями, все сводится къ безумной жестокости насильственнаго распинанія человѣческихъ тѣлъ, умовъ и сердець.

Утрачены два главныхъ элемента истинной религіозности:—любовь и духовная свобода. И вотъ отъ имени христіанскихъ церквей совершаются дѣла безумной жестокости. Проповѣдуютъ злого, жестокаго бога, отъ злобы котораго нельзя уйти, негдѣ укрыться,

безтолковое божество, съ ненавистью и презрѣніемъ относящееся къ части своего творенія, къ цѣлымъ областямъ жизни своихъ созданий, оскорбляющееся радостью ихъ, издѣвающееся надъ разумомъ ихъ, утѣшающееся только видомъ страданій ихъ. Любви не хватаетъ, чтобы понять все безуміе этой жестокости и логичныя послѣдствія ея. Такая вѣра не можетъ не привести къ тому, что мы и наблюдаемъ въ жизни. Считаютъ себя правовѣрными люди идиотизированные и злые, становящіеся на сторону зла противъ несчастнаго, обезумѣвшаго отъ страха человѣчества. Не хватаетъ любви и на то, чтобы, понявъ этотъ обманъ, уразумѣть любовью истиннаго Бога — Любовь. И вотъ громадное большинство, доразвившись до пониманія нелѣпости вѣры въ эту апопеезу злобы, впадаетъ въ невѣріе, иногда явно, открыто признаваемое, иногда скрытое подъ видомъ показнаго благочестія для эксплуатаціи съ корыстными цѣлями религіозной паники толпы.

Естественно, что слишкомъ часто отсутствуетъ животворящій духъ любви и въ христіанскихъ храмахъ. Богослуженіе принимаетъ характеръ чародѣйства, духовенство превращается въ кудесниковъ и заклинателей. Часто храмъ—школа схоластической мудрости, проповѣдующая мертвящую теорію самодавлѣющаго, шаблоннаго аскетизма.

Очень рѣдко, богослуженіе—праздникъ живой любви, чѣмъ оно неизмѣнно быть должно.

Удивительно ли, что вѣра оклеветана до такой степени, что мирятся съ нею люди тупые и жестокіе, что врагами ея часто становятся люди сравнительно добрые, любовь которыхъ возмущается мракомъ и злобою этого организованнаго человѣконенавистничества, не возвышаясь до свѣта и любви, радости и свободы вѣры въ Бога истиннаго, въ Бога—Любовь.

Сообразно искаженію вѣры искажены и понятія о нравственности. Истинная нравственность—единодушіе съ Богомъ—Любовь. Она по существу своему—мудрость и радость, должна приводить къ свободѣ и счастью. Нравственно то, что высвобождаетъ духъ изъ цѣпей злобы и недомыслія, приводитъ его къ мудрости и свободѣ торжествующей, вселенской любви. По самому существу своему нравственность не можетъ быть ни шаблонною, ни принудительною.

Злоба сумѣла превратить и нравственность въ безумную жестокость и ее сдѣлать цѣлями и насильственнымъ распинаніемъ тѣлъ, умовъ и сердецъ человѣческихъ.

Животворящій духъ нравственности: живая любовь и свободное изволеніе любящаго духа, забыты, затеряны въ хаосъ схоластическихъ опредѣленій. Центръ тяжести перенесенъ съ духа любви на букву фактовъ. Нравственность болѣе не средство достигнуть разум-

ной радости свободы вселенской любви. Она—Молохъ, требующій человѣческихъ жертвъ, превращающій жизнь въ холодную пустыню. Удивительно ли, что нравственность оклеветана до того, что и на нее взираютъ какъ на дѣло тупой злобы и жестокаго человѣконенавистничества, что на ея сторонѣ, отпугивая отъ нея, стоятъ слишкомъ часто самодовольные, злые тупицы, живыя муміи, отъ которыхъ вѣетъ холодомъ могилы, а въ рядахъ враговъ часто попадаются люди сравнительно добрые, отвращающіеся отъ нея, какъ отъ мрачнаго призрака, враждебнаго радости, красотѣ и поэзіи.

Очень замѣчательно, что злоба одинаково искажаетъ понятія о нравственности у людей невѣрующихъ, какъ и у людей вѣрующихъ въ злого и капризнаго бога. Этимъ Молохомъ для людей невѣрующихъ является человѣчество. Не любя, они не понимаютъ значенія любви, цѣнность ея въ экономіи жизни человѣчества. Не любя, они не вѣрятъ въ силу и славу любви. Сознавая анархію злой воли въ себѣ, они, опасаясь анархій въ жизни, понимаютъ нравственность, какъ сложную регламентацію, хитроумную систему запрещеній для обузданія злой воли. Во имя нравственности на каждомъ шагѣ попирается и природа, и свобода духа человѣческаго. Удивительно ли, что и въ области нравственности, какъ и въ области религіи, процвѣтаетъ самое лживое фарисейство, возмущающее собою наиболѣе живыхъ духомъ и честныхъ людей, предпочитающихъ правдивый развратъ лживой нравственности.

Нѣтъ привычекъ любви—нѣтъ и семьи въ христіанскомъ смыслѣ этого слова, нѣтъ смысла и въ цѣпяхъ брака для людей невѣрующихъ. И вотъ передъ нами страшное явленіе условной лжи современнаго брака, этой гнусной лжи, которой начинаютъ такъ горячо возмущаться, изыскивая способы уменьшить зло путемъ развода. Гдѣ нѣтъ любви, тамъ непременно цѣпи рабства въ той или иной формѣ. Нѣтъ привычекъ любви—святныя семьи поругана, жена—раба мужа, дѣти—рабы родителей. И какъ долго не хватало любви не только на то, чтобы исправить это вопіющее зло, но даже только на то, чтобы понять и признать его.

Сообразно съ этимъ и законодательство, и рутинная этика условнаго, показнаго общественнаго мнѣнія, то, что считается приличнымъ громко выражать для публики, отличается чудовищнымъ разладомъ между понятіями о любви и нравственности, злобѣ и безнравственности. Элементъ любви даже не принимается въ расчетъ при опредѣленіи того, нравствененъ или безнравствененъ, дозволенъ или преступенъ тотъ или другой поступокъ. Отсюда постоянный разладъ между формальною правдой и общественной совѣстью. Многіе

гнуемые, крайне преступные дѣянія, вызванные злобою и корыстью на степени даже грубаго насилия надъ ближними, могутъ совершаться на законномъ основаніи и, напротивъ, многія дѣла любви, даже геройскіе подвиги самоотверженной любви, въ которыхъ нельзя найти и тѣни злобы, корысти и насилия, клеймятся названіями „преступленіе“ и „безнравственность“.

Рутинна показного общественнаго мнѣнія, то, что считаетъ необходимымъ говорить для публики всякій „уважающій себя“ и желающій соблюдать приличіе, такъ далеко зашло на этомъ пути, что всякое проявленіе любви считается неприличнымъ, предосудительнымъ въ то время, какъ многія проявленія равнодушія, гордости и злобы признаются явленіями нормальными и даже доблестными.

Не удивительно, что при этомъ и всѣ общественныя отношенія являютъ грустную картину крайней неустойчивости любви. Изъ-за самыхъ малыхъ причинъ готовы отвернуться другъ отъ друга. Совсѣмъ не умѣютъ цѣнить любовь, не дорожатъ ею, ежеминутно готовы промѣнять ее на инныя цѣнности ярмарки жизни. Не любя, не имѣя привычекъ устойчивой любви, естественно не могутъ быть логичными въ любви. Вездѣ торжествуетъ логика злобы. Люди не ищутъ за что любить другъ друга, не ищутъ точекъ соприкосновенія для единенія въ братолюбіи. Они тщательно ищутъ за что осудить, чѣмъ извинить свое равнодушіе, свою злобу, свою принципиальную разобщенность. Эти причины они легко находятъ и въ логикѣ злобы преуспѣваютъ настолько, что единеніе, союзы понимаютъ только на страхъ врагамъ, на основахъ злобы и корысти.

Не трудно понять, какую тлетворною атмосферою дышетъ человѣкъ съ самыхъ первыхъ дней своей жизни. На каждомъ шагѣ онъ видитъ, что любовь поругана, осмѣяна, ополчена, считается чѣмъ-то неприличнымъ, грѣховнымъ, утопичнымъ, что злоба и корысть возвеличены, окружаются ореоломъ, признаются доблестью и трезвою практичностью. Какъ устоять при такихъ обстоятельствахъ на путяхъ любви. Нуженъ фанатизмъ любви для того, чтобы не поплыть по общему теченію, со всѣми окружающими не завѣть по волчьи. Громадное большинство съ малыхъ лѣтъ начинаетъ закаляться въ привычкахъ равнодушія и злобы, привыкаетъ стыдиться любви, прятать ее глубоко въ сердцѣ, чтобы „не осмѣяли“ — „не надругались“, мало-по-малу тушить ее.

Пока человѣкъ учится, готовится къ жизни, считается приличнымъ, ни мало не согласуя съ любовью своихъ отношеній къ нему, не мало не сообразуя съ любовью систему воспитанія, ни мало не подготовляя возможности стройной организаціи жизни и отношеній на началахъ любви, знакомить его съ отвлеченной теоріей любви. Это поддерживаетъ нѣкоторый, довольно легковѣсный

идеализмъ въ учащейся молодежи, пока она не соприкасается съ „трезвою практикой дѣйствительной жизни“. На этотъ идеализмъ смотрятъ одни съ угрюмымъ недоброжелательствомъ, другіе съ презрительною снисходительностью, какъ на „опасныя“ или „наивныя“ увлеченія ранней молодости, увѣренные, что „жизнь отрезвить и вышколить“. Еще на школьной скамьѣ, сознавая до какой степени рутинна жизнь расходится съ основными положеніями всякаго идеализма и чувствуя въ самихъ себѣ страшный разладъ между идеалами и рутинною духовныхъ привычекъ, унаслѣдованныхъ и благопріобрѣтенныхъ въ собственной семьѣ и въ той же школѣ, гдѣ имъ преподаютъ отвлеченную теорію идеализма, учащаяся молодежь проникается негодованіемъ къ „пошлой и подлой рутинѣ жизни“, не получая при томъ ни малѣйшихъ указаній на то, какъ съ пользою для Церкви, Государства и общества перейти отъ того, что есть, къ тому, что быть должно. Не только имъ не предлагаютъ никакой опредѣленной программы организаціи добра въ жизни, такъ какъ нельзя же назвать программой „терпѣніе, смиреніе и покорность“, проповѣдуемая во имя религіи и суевѣріе мистической эволюціи, проповѣдуемой quasi-положительною наукою, но даже, указывая на идеалы, какъ на недостижимыя звѣзды небесныя, тщательно предупреждаютъ, что всякія попытки осуществленія ихъ въ жизни должны почитаться опасными утопіями и вреднымъ социализмомъ.

Вообразите себѣ положеніе этого несчастнаго юноши, еще не понимающаго, что къ идеаламъ не надо относиться „слишкомъ серьезно“, что по понятіямъ „трезвыхъ практиковъ жизни“ они должны быть украшеніемъ, цвѣтами жизни, никогда не становясь ее основою. Внутренній разладъ между идеалами и собственными духовными привычками дѣлаетъ ихъ людьми „больной совѣсти“, вопіющій разладъ между идеалами и рутинною жизнью при совершенномъ непониманіи добрыхъ путей къ переходу отъ того, что есть, къ тому, что быть должно, доводитъ ихъ до отчаянія, до самыхъ безумныхъ попытокъ лбомъ проломить стѣну вѣковой рутины, замыкающей въ желѣзныхъ тискахъ и умъ, и сердце. Такіе люди фатально предназначены къ тому, чтобы расшибить себѣ лобъ или капитулировать передъ торжествующей рутинною. Можетъ быть, лучшіе, наиболѣе преданные идеаламъ, расшибали себѣ лбы и такимъ образомъ вычеркивались изъ числа дѣятелей, созидających жизнь; худшіе капитулируютъ, издѣваются надъ наивными утопіями своей ранней молодости и въ лучшемъ случаѣ остаются сентиментальными представителями любви на степени бессистемной благотворительности, что имъ охотно прощаютъ трезвые практики жизни, понимая, что они не только не опасны для излюбленной имъ ру-

тины, но, напротивъ, полезны для нея, украшая ее красивыми душистыми цвѣтами.

И жизнь представляетъ изъ себя настоящую оргію злобы. Ненавидятъ другъ друга, узаконяютъ, проповѣдуютъ ненависть другъ къ другу изъ-за чего угодно. Догматъ, обрядъ, языкъ, національность, бѣдность, богатство, ученость, невѣжество, знатность, отечество, церковь, самая нравственность, все стало основаніемъ, оправданіемъ, правомъ на горделивую обособленность, тупое самодовольство и злобное недоброжелательство ко всѣмъ и ко всему.

Братья по любви, поймите весь ужасъ этого положенія вещей при современномъ намъ господствѣ царства разума, когда нельзя болѣе не понимать того, что есть, когда мириться съ *этой* рутинною могутъ только очень глупые или очень дурные люди. Къ чести человѣчества я думаю, что мало людей искренно мирящихся съ *этой* рутинною. Большинство чувствуетъ себя глубоко неудовлетвореннымъ, но не видя выхода, не вѣруя, не имѣютъ основанія къ какому-либо опредѣленному стремленію и считают долгомъ притворно улыбаться, чтобы не удручать другихъ.

Вы, любящіе, вѣрующіе въ царство, силу и славу любви, вы не можете болѣе всѣхъ другихъ не понять всю глупую жестокость *этой* рутины, когда соблазняютъ молодежь идеалами, ничего не дѣлая для того, чтобы воспитать ее въ направленіи этихъ идеаловъ, указать имъ опредѣленную программу, опредѣленный путь къ ихъ осуществленію въ жизни, не можете болѣе другихъ не жалѣть мучениковъ скорбнаго позора трагедіи жизни, не можете лучше другихъ не понимать того, что быть должно для торжества любви и *какими путями, достойными любви*, можно и должно стремиться къ идеалу стройной организаціи жизни, отношеній и труда на основѣ братолюбія.

Поймемъ, что ждать нельзя, что ждать преступно. Каждый день промедленія стоитъ человѣчеству неисчислимое количество жертвъ, молодыхъ жизней, капитулирующихъ передъ рутинною, переходящихъ изъ лагеря представителей любви въ лагерь представителей равнодушія и злобы, изъ разряда сыновъ свѣта въ разрядъ представителей власти тьмы.

Поймемъ, что въ единеніи сила, что мы, *представители живой любви, обязаны показать человечеству примѣръ единенія въ братолюбіи, громко сказать нашу вѣру въ силу любви, выработать и громко сказать опредѣленную программу организаціи добра въ жизни путями достойными любви, чуждыми насилія и потому ни для кого не опасными*. Это долгъ совѣсти и любви. Когда и въ какихъ размѣрахъ намъ удастся осуществить программу нашу вопросъ второстепен-

ный и праздный. Важно то, что громкое исповѣданіе значенія и силы любви, громкое провозглашеніе опредѣленной программы стройной организаціи жизни на началахъ братолюбія, будетъ якоремъ спасенія для многихъ искреннихъ и честныхъ идеалистовъ, предохранитъ ихъ отъ отчаянія и духовнаго самоубійства капитуляціи передъ зломъ, дастъ имъ разумное основаніе не падать духомъ ни подъ бременемъ больной совѣсти, ни подъ жестокими ударами ожесточенной борьбы за существованіе окружающей жизни.

IX.

Единеніе въ братолюбіи.

Въ единеніи сила. Необходимо тѣсное единеніе между всѣми представителями живой любви, чтобы любовь стала силою или вѣрнѣе проявила силу свою, могла стать реальною основою жизни. Любви такъ трудно бороться со зломъ. Вѣдь бороться съ нимъ она можетъ только путями, достойными любви, тогда какъ злоба крайне неразборчива въ средствахъ. Противъ обмана, клеветы и грубаго насилія, любовь можетъ защищаться только организаціей добра, обособленіемъ отъ зла, единеніемъ въ братолюбіи и несокрушимымъ терпѣніемъ.

Что же дѣлать? Съ чего начать? Начать необходимо дѣломъ, которое громко сказало бы желаніе единенія въ братолюбіи, поставило бы его новымъ пунктомъ программы жизни человѣчества и вмѣстѣ съ тѣмъ обнаружило бы духовную зрѣлость представителей любви и положило бы начало реальному единенію между ними.

Такимъ дѣломъ можетъ быть проектируемый въ Парижѣ во время всемірной выставки 1900 года конгрессъ единого человѣчества.

Братья по любви, вы всѣ, уставшіе ненавидѣть и злобствовать, измученные равнодушіемъ и злобою, понимающіе весь ужасъ злобой разобщенности человѣчества, желающіе любить и быть въ сердечномъ единеніи со всѣми любящими, вы всѣ, не желающіе болѣе безплодной и озлобляющей критики зла, жаждущіе умиротворяющаго, плодотворнаго созиданія добра въ жизни, придите на конгрессъ единого человѣчества, станьте въ ряды представителей живой, дѣятельной любви. Пусть не останавливаетъ васъ въ этомъ дѣлѣ ни недостатокъ времени, ни недостатокъ средствъ, ни незнаніе иностранныхъ языковъ. Это дѣло слишкомъ святое, слишкомъ важное для блага человѣчества, чтобы можно было не оставить все, не отдать послѣднюю лепту, чтобы поддержать его, чтобы своимъ присутствіемъ увеличить хоть однимъ человѣкомъ внушительность

этого великаго акта любви, этого свѣтлаго праздника братолюбія на порогѣ новаго столѣтія. Ваше присутствіе будетъ братскимъ подѣлуемъ, даннымъ всему человѣчеству. Между членами конгресса будутъ люди, говорящіе на всѣхъ языкахъ, найдется человѣкъ, который переведетъ вамъ слова любви и на вашъ родной языкъ.

На этомъ конгрессѣ вы лично познакомитесь съ представителями любви, пришедшими со всѣхъ концовъ земли, можете установить съ ними прочныя, дружественныя связи, вмѣстѣ съ ними обдумать, какимъ способомъ прочно установить постоянное общеніе, постоянное единеніе въ братолюбіи между всѣми представителями живой, дѣятельной любви, что можно сдѣлать на пользу стройной организаціи жизни на началахъ любви и поддержки всѣхъ добрыхъ начинаній въ этомъ направленіи.

На этомъ же конгрессѣ вы познакомитесь и съ тѣми соотечественниками, которые понимаютъ значеніе любви, любятъ и наиболѣе зрѣлы для дѣла любви.

Если по какимъ-либо причинамъ, сочувствуя конгрессу единого человѣчества, вы не можете принять личное участіе въ этомъ конгрессѣ, пришлите письменное привѣтствіе ему въ формѣ предварительнаго заявленія о сочувствіи дѣламъ конгресса. Если между вашими друзьями и знакомыми найдутся люди, солидарные съ вами въ этомъ дѣлѣ, пришлите коллективное заявленіе за подписью всѣхъ желающихъ.

Независимо отъ конгресса единого человѣчества, который можетъ привести къ международному единенію въ братолюбіи между всѣми представителями живой, дѣятельной любви въ формѣ международной переписки и международного союза, задающагося цѣлью организаціи добра въ жизни, стройной организаціи жизни, отношеній и труда на началахъ братолюбія и нравственной, и матеріальной поддержки всѣхъ родственныхъ начинаній, мнѣ кажется, что дѣло это назрѣло, является насущною потребностью для многихъ и въ предѣлахъ нашего отечества.

Въ многочисленныхъ письмахъ, получаемыхъ мною со всѣхъ концовъ Россіи, я постоянно читаю горькія жалобы на холодное одиночество, тоску по дѣлу любви и тяжелую скорбь о томъ, что не находятъ въ окружающей средѣ людей, понимающихъ и сочувствующихъ этимъ стремленіямъ. Часто письма эти душу надрываютъ, похожи на крикъ утопающаго, на стонъ ангела, съ ужасомъ и омерзѣніемъ чувствующаго, какъ душу его капля по каплѣ отравляетъ ядъ пошлости и озлобленія.

Отвѣчать на всѣ эти письма я не могу по крайнему недостатку времени. И что могъ бы я сказать имъ! Какія слова могутъ утѣшить любящую душу, измученную равнодушіемъ и злобою окружаю-

шихъ, доведенную до отчаянія постояннымъ зрѣлищемъ торжествующихъ злобы и корысти! Утѣшить ихъ можетъ только дѣло любви, надежда на торжество любви и добра въ жизни. Многіе писали, что одно сознаніе того, что существуетъ въ нашемъ отечествѣ дѣло любви въ формѣ Братства Трудового утѣшаетъ ихъ, примиряетъ съ жизнью и многими ея явленіями. Какъ много духовнаго мира и энергии на добро почерпнуть эти люди доброй воли въ единеніи братолюбія, въ постоянномъ общеніи съ истинными братьями по любви, въ возможности, не только утѣшаться издалека дѣломъ любви, но и самостоятельно дѣлать его! Пусть же эти статьи будутъ не только отвѣтомъ на письма ихъ, но и первымъ шагомъ къ единенію въ братолюбіи между ними. Между моими корреспондентами было не мало представителей православнаго духовенства, выражавшихъ горячее сочувствіе моимъ сочиненіямъ и дѣлу Братства Трудового. Не сомнѣваюсь, что многіе изъ нихъ могутъ оказать могущественную поддержку своего авторитетнаго и привилегированнаго положенія этому добродушному начинанію, столь родственному самымъ святымъ цѣлямъ Церкви, самымъ дорогимъ завѣтамъ Главы Ея.

Забудемъ взаимныя распри и предубѣжденія, станемъ выше всякой буквы, не позволяя ей становиться мертвящей. Соединимся всѣ на животворящемъ духѣ любви, твердо помня, что въ ней животворящій духъ вѣры въ Бога—Любовь, въ ней живой духъ поклоненія въ духѣ и истинѣ Богу—Любовь, въ ней осуществленіе въ жизни правды воли Бога—Любовь.

Отгонимъ пустой страхъ. Поймемъ, что не можетъ быть единеніе въ братолюбіи, общеніе съ братьями по любви, измѣною тому знамени, которому мы хотимъ оставаться вѣрны, если знамя это достойно любви, довѣрія и вѣрности ему. Нѣтъ добраго знамени, на которомъ, во главѣ девиза, не стояло бы святое слово любовь. Не можетъ быть измѣною такому знамени единеніе въ братолюбіи со всѣми представителями живой любви для созиданія добра въ жизни путями, достойными любви. Напротивъ, это будетъ дѣломъ вѣрности истинному знамени, которое всегда лучше тѣхъ представителей власти тьмы, которые, подъ сѣнію этихъ знаменъ, лгутъ и клеветуютъ на нихъ, часто выдавая себя за ревнителей и знаменосцевъ.

Всѣхъ тѣхъ, которые найдутъ желательнымъ осуществленіе въ предѣлахъ нашего отечества единенія въ братолюбіи между всѣми братьями по любви въ формѣ постоянной переписки путемъ временнаго печатнаго изданія и организаціи Всероссійскаго Братскаго Союза съ цѣлями, выясненными настоящими статьями, прошу сообщить мнѣ о томъ по слѣдующему адресу: Николаю Николаевичу Неплюеву. Янполь Черниговскій.

КОНГРЕССЪ ЕДИНАГО ЧЕЛОВѢЧЕСТВА.

Конгрессъ единого человѣчества.

Въ числѣ многихъ конгрессовъ, имѣющихъ состояться въ Парижѣ во время всемірной выставки, будетъ одинъ, носящій названіе конгресса единого человѣчества.

Вотъ краткая исторія этого конгресса.

Бывшій президентъ конгресса религій въ Чикаго, Джонъ-Генри Барроуэ, пріѣзжалъ въ Парижъ и вмѣстѣ съ профессорами Сабатье, Боне-Мори, академикомъ Леруа-Болье, сенаторомъ Зигфридъ и аббатомъ Шарбонель хлопоталъ о вторичномъ конгрессѣ религій.

Этотъ конгрессъ долженъ былъ имѣть характеръ симпатичной демонстраціи мира и единенія въ братолюбіи между всѣми представителями разнообразныхъ религій на порогѣ новаго столѣтія.

Этотъ великодушный починъ разбился о несочувствіе архіепископа парижскаго, кардинала Ришаръ, и необдуманную, заносчивую защиту конгресса аббатомъ Шарбонель. Вся католическая Франція отшатнулась отъ идеи конгресса, назвала его приверженцевъ шарбонелистами и похоронила такимъ образомъ конгрессъ, который, при такихъ обстоятельствахъ, не могъ болѣе быть демонстраціей мира и единенія въ братолюбіи въ Парижѣ, гдѣ президенство на конгрессѣ религій по праву должно было принадлежать кардиналу, архіепископу парижскому.

Мѣсто несостоявшагося конгресса религій заняли три конгресса, частями осуществляющіе то, что въ совокупности должно было быть осуществлено имъ. Эти три конгресса носятъ названія: 1) Конгрессъ религіозныхъ наукъ (*congrès des sciences religieuses*), подъ предсѣдательствомъ протестанта профессора Альбера Ревиль. 2) Отдѣлъ IV международного конгресса сравнительной исторіи (*congrès international d'histoire comparée*), носящій названіе Исторіи религіозныхъ дѣлъ (*Histoire des affaires religieuses*). Президентъ конгресса—академикъ Гастонъ Буасье, президентъ отдѣла—академикъ Анатоль Леруа-Болье, вице-президенты—академикъ Сенаръ и профессоръ Боне-Мори. 3) Конгрессъ единого человѣчества, о которомъ буду говорить подробно.

Первые два конгресса могут привести къ научному обмѣну мыслей между представителями богословской науки, да и то въ довольно ограниченномъ масштабѣ, имѣя чисто протестантскій характеръ, являясь такимъ образомъ домашнимъ дѣломъ богослововъ-протестантовъ, хотя между членами IV отдѣла второго конгресса и попадаются имена представителей католическаго міра, каковы—аббатъ Дюшенъ, профессоръ Карра-де-Во и даже извѣстный іезуитъ отецъ Пирлингъ. Положеніе этихъ представителей не-протестанскаго міра будетъ по меньшей мѣрѣ затруднительно,—особенно при обсужденіи 3 и 5 пунктовъ программы (3—соціальныя и политическія послѣдствія реформаціи, 5—о конкордатѣ и объ отдѣленіи церкви отъ государства). Во всякомъ случаѣ обсужденіе такихъ вопросовъ едва ли можетъ привести къ внушительной демонстраціи на пользу мира и единенія въ братолюбіи.

Именно эту роль демонстраціи мира и единенія въ братолюбіи на порогѣ новаго столѣтія и беретъ на себя конгрессъ единого человечества, совершенно устранивъ изъ своей программы всякое обсужденіе вопросовъ догматическихъ и богословскихъ, отчего дѣло мира и единенія можетъ только выиграть. Намъ станетъ это особенно ясно, если мы вспомнимъ, какъ много между людьми, не только считающими себя религіозными, но и убѣжденными въ своемъ правотѣ, холодныхъ и злыхъ фанатиковъ, совершенно чуждыхъ животворящаго духа любви, безъ котораго ни миръ, ни единеніе въ братолюбіи совершенно невозможны, неестественны, нисколько не составляя потребности совѣсти, ума и сердца.

Однимъ изъ первыхъ инициаторовъ этого конгресса былъ французскій инженеръ Виттъ (псевдонимъ „Амо“), католикъ, человѣкъ восторженно религіозный. Онъ написалъ книгу подъ названіемъ: „Конгрессъ единого человечества“ (Парижъ, 1897 года) и, познакомившись со мною, передалъ мнѣ воззваніе къ русскому обществу, прося его перевести на русскій языкъ и напечатать.

Находя, что прежде напечатанія этого воззванія полезно мотивировать желательность и своевременность этого конгресса, я рѣшилъ предпослать воззванію къ русскому обществу цѣлую серію статей, печатавшихся въ книжкахъ „Недѣли“ за прошлый 1899 годъ, подъ общимъ заглавіемъ: „Къ лучшему будущему“.

Вотъ текстъ воззванія первыхъ инициаторовъ конгресса къ нашимъ соотечественникамъ:

„Дорогіе русскіе друзья и братья!

„Съ незапамятныхъ временъ человечество живетъ въ непрестанныхъ расприхъ—религіозныхъ, расовыхъ, кастовыхъ. Мракъ злобы удручаетъ человечество, скрываетъ отъ него солнце любви и правды.

„До нашей эпохи можно было предполагать, что распри эти бу-

дутъ безконечны и замыкаться въ тѣсномъ кругу мѣстныхъ интересовъ, такъ какъ ничто не подавало надежды на возможность лучшаго будущаго.

„И, однако, Божественный Учитель любви былъ распятъ 1900 лѣтъ тому назадъ за проповѣдь единого человечества: „Да будутъ всѣ едино: какъ Ты, Отче, во Мнѣ, и Я въ Тебѣ, такъ и они да будутъ въ Насъ едино“. Но войны и социальныя преступленія продолжались попрежнему, люди доброй воли пали духомъ до того, что стали придавать исключительно аллегорическое значеніе этой полной жизненнаго значенія формулѣ всеобщаго единенія и духовной гармоніи.

„Одинокіе мыслители, отдѣльныя великія сердца чужали глубокую правду братскаго единства всего человечества, мечтали о томъ, что настанетъ великій день мира и любви, что прекратятся распри, что миръ и радость могутъ быть удѣломъ нашимъ, но мечты ихъ оставались мечтами и голосъ ихъ былъ гласомъ вопіющаго въ пустынѣ. Только концу нашего столѣтія суждено было дожить до начала осуществленія въ жизни этой правды, столь яркой и плодотворной, что она способна возвысить души, пробудить въ нихъ вдохновеніе.

„Этой благодатной зарѣ предшествовала эра такого разцвѣта положительныхъ знаній, что земля покрылась телеграфами, телефонами, желѣзными дорогами, пароходами... и стала малою по доступности. Вся земля для насъ меньше въ настоящее время, чѣмъ одна Франція по мѣрѣ нашихъ отцовъ.

„Да, земля стала меньше, мы всѣ приблизились другъ къ другу. Солидарность всего человечества до того возросла, что малѣйшее волненіе въ самой отдаленной странѣ отражается въ умахъ и сердцахъ жителей сѣль и деревень всѣхъ европейскихъ государствъ.

„Всѣ народы единообразно вооружаются, единообразно устроятъ свой экономическій бытъ. Въ то же время разомъ повсюду пробудилось непреодолимое отвращеніе къ человѣческимъ боянямъ, ко всякаго рода насилію, страстный протестъ противъ условной лжи и всякой социальной неправды. Слова: „единое человечество“, недавно громко произнесенныя, повсюду вызываютъ сочувствіе, повсюду приветствуются, какъ нѣчто дорогое, всѣмъ родное, всѣми желанное.

„И вотъ понятіе о „вселенской любви“, которое еще въ недавнемъ прошломъ было бы сочтено за безуміе, теперь является чудною, дорогою мечтою, завтра можетъ стать общепризнанною цѣлью стремленій для всего человечества.

„Главная цѣль конгресса „единого человечества“ — пробудить сознаніе единства всего человечества, подготовить возможность братскаго единенія между всѣми народами путемъ духовной гармоніи, достижимой только путемъ любви, дѣятельнаго братолюбія.

„Сколько вѣковъ потребуется для достиженія этой конечной цѣли, какія испытанія ожидаютъ человѣчество на этомъ пути, какія фазы эволюціи предстоитъ намъ пережить? Кажется невозможнымъ извѣдать эту тайну. Но цѣль эта должна отнынѣ быть внесена въ программу жизни человѣчества. Она такъ глубоко сродна христіанству, такъ жизненно-человѣчна, такъ лучезарно-прекрасна, что всѣ благородныя сердца должны принять ее, полюбить ее, всѣ просвѣщенные умы—оцѣнить ее жизненное значеніе.

„Въ 1900 году хотѣть соединить во имя братскаго единенія всего человѣчества представителей всѣхъ сословій, всѣхъ религій, всѣхъ философскихъ системъ, безъ различія національностей, вѣроисповѣданій, міровоззрѣній, чтобы каждый могъ изложить свои взгляды, свои надежды передъ собраніемъ одинаково внимательныхъ ко всѣмъ, уважающимъ человѣческую личность и человѣческую мысль во всѣхъ, твердо рѣшившихся не спорить, а любить.

„Такъ хотѣть осуществить ареопагъ единого человѣчества, сопоставить взгляды и надежды всего мыслящаго человѣчества въ надеждѣ, что на этомъ великомъ собраніи всѣ прочувствуютъ глубокое единство природы и стремлений, реальную солидарность всего, что живетъ, думаетъ и любитъ.

„Мы надѣмся, что при этомъ неизвѣданныя донинѣ чувства, безконечно сладостныя и убѣдительныя, радостно взволнуютъ наши сердца, что въ сознаніе человѣчества проникнутъ такіе элементы, развитіе которыхъ путемъ размышленія способно будетъ вызвать свѣтлое преображеніе умовъ и сердецъ.

„Мы надѣмся, что конгрессъ закончится великою демонстраціею мира и любви, громко провозгласивъ желаніе торжества вселенской любви и дѣятельнаго братолюбія.

„Удачная попытка „конгресса религій“ 1893 года въ Чикаго дала возможность надѣяться на возможность осуществленія этой новой, еще болѣе дерзновенной, попытки объединить все человѣчество въ одной мысли, въ одномъ желаніи.

„Конгрессъ единого человѣчества, предложенный 15 сентября 1894 года на страницахъ лійонскаго журнала „Всеобщій Миръ“ („La Paix Universelle“), въ настоящее время насчитываетъ такъ много сторонниковъ во всѣхъ европейскихъ странахъ, пробудилъ такое восторженное сочувствіе въ столь многихъ избранныхъ душахъ, что успѣхъ его отнынѣ можетъ считаться обезпеченнымъ.

„Живая вѣра, воодушевляющая его сторонниковъ, сама по себѣ является громаднымъ, первымъ успѣхомъ. Сомнѣваться въ конечномъ успѣхѣ было бы малодушіемъ. Напротивъ, трудно предвидѣть всѣ благія послѣдствія этого дѣла вѣры и любви,—громадное духовное движеніе во всѣхъ концахъ земли, прочныя дружественныя

связи, благотворныя взаимныя симпатіи, громадныя практическія начинанія, которыя будутъ имъ вызваны.

„Смыслъ конгресса очень простъ: способствовать распространенію духа живой любви поверхъ всѣхъ духовныхъ и матеріальныхъ границъ, пробудить жизнь духовную во всѣхъ сферахъ человѣчества. Затѣмъ разойдутся, унося въ сердцахъ этотъ высокій идеалъ... Разсѣятся, вернувшись вновь каждый на свою родину, къ своимъ заботамъ, но духовная связь между ними будетъ установлена.

„Какія бы бури, какія бы испытанія намъ ни предстояло перенести, что за дѣло! Живая вѣра въ это чудное будущее всеобщаго мира и вселенской любви будетъ насъ поддерживать и вдохновлять. Какъ только мы пожелаемъ водворенія міровой гармоніи, гармонія водворится въ душѣ нашей. Кто любитъ ближнихъ, тотъ и себѣ дѣлаетъ самое полезное, вкушая лучшіе плоды жизни земной, вдыхая ея лучшіе ароматы.

„Да будетъ же услышанъ этотъ призывъ всѣми людьми доброй воли! Божественное дыханіе любви да вдохнетъ жизнь новую во всѣ народы земли, да пробудитъ въ нихъ желаніе, рѣшимость любить, искать единенія, слиянія въ одну дружную, счастливую, мирную семью!

„Тогда—какой свѣтъ и какая радость! Какія слезы умиленія и благодарности! Какая благодать, какое обильное благословеніе! Какой свѣтъ разума и какой свѣтлый праздникъ сердца!

„Русская душа, столь религіозная, столь юношески бодрая, рвущаяся къ великому идеалу, добрая русская душа не можетъ не отозваться на братскій призывъ души французской!

„Святая Русь почуветъ правду этого святого дѣла!

„Надо, чтобы обѣ дружественныя націи призвали всѣ народы земли на этотъ праздникъ мира и любви. То будетъ великая, всѣми желанная, для всѣхъ благодѣтельная, истинно благословенная побѣда.

„Миръ міру!“ будетъ нашимъ лозунгомъ, и съ нами повторять этотъ кличъ всѣ истинно добрыя сердца. Сила огня любви растопитъ ледъ холодныхъ сердецъ, свѣтъ его разсѣетъ всѣ призраки мрака.

„Дерзнемъ! Часъ насталъ! Все оживетъ, все засіяетъ!

„Грядущіе вѣка благословятъ нашъ вѣкъ, стряхнувшій мощнымъ порывомъ гнетъ вѣковой вражды, давшій первый сигналъ духовнаго возрожденія, произнесшій спасительныя слова: „вселенская любовь“, вдохнувшій въ душу человѣка великую надежду, отдернувшій покровъ, скрывавшій доселѣ дивную красоту любви. Она ярко возсіяетъ и явится во всей славѣ своей предъ восхищеннымъ человѣчествомъ.

„Къ небу возвысимъ сердца!“

Къ сожалѣнію, горячо призывая къ единенію въ братолюбіи, Виттъ-Амо настойчиво отрицалъ необходимость опредѣленной программы для конгресса, настаивая на томъ, что программа должна исчерпываться словомъ „братолюбіе“, взирая на самое требованіе опредѣленной программы, какъ на яркое доказательство умственного педантизма и отсутствія животворящаго духа любви.

Вполнѣ понимая благородныя побужденія этой прямолинейности, я не могъ не сознать, что въ нашъ практический и недовѣрчивый вѣкъ даже лучшіе представители человѣчества, люди, чуждые фанатической узости мысли и сердца, неизбежно будутъ испуганы этою неопредѣленностью цѣлей и программы конгресса.

Вскорѣ мнѣ пришлось на опытѣ убѣдиться въ основательности этихъ опасеній. Горячо сочувствуя основной идеѣ конгресса, я хотѣлъ сдѣлать все отъ себя зависящее для того, чтобы дѣло это привлекло къ себѣ лучшихъ людей всѣхъ религій, національностей и умственныхъ фракцій, переставъ такимъ образомъ быть дѣломъ партійнымъ, домашнею затѣей небольшой группы лицъ. Въ Германіи дѣло пропагандировалось очень горячо Густавомъ Бадеръ и Матвѣемъ Шваннъ, но во Франціи какъ католики, такъ и протестанты, составляющіе въ совокупности столь внушительную величину, оставались въ сторонѣ. Желая привлечь ихъ, я обратился къ двумъ вліятельнымъ представителямъ обѣихъ церквей: католикамъ—сенатору Беранже, графу Генриху-де-Виллеръ и маркизу де-Кастеллянь и протестантамъ—профессорамъ Боне-Мори, Сабатье и сенатору Зигфридъ. Несмотря на то, что протестанты мнѣ ближе были знакомы, нежели католики, и между ними былъ даже личный другъ мой, профессоръ Боне-Мори, католики отнеслись къ идеѣ конгресса съ большимъ сочувствіемъ, и сенаторъ Беранже, въ концѣ разговора со мною, сказалъ мнѣ: „вы можете сказать инициаторамъ конгресса, что мое сочувствіе ему обезпечено (que je suis gagné à la cause du Congrès) и что я готовъ стать членомъ организаціоннаго комитета“. Именно это участіе вліятельныхъ представителей разныхъ партій въ организаціонномъ комитетѣ конгресса я и находилъ въ высокой степени желательнымъ для успѣха дѣла. Къ сожалѣнію, послѣ личнаго свиданія съ Виттъ-Амо, оба—и сенаторъ Беранже и профессоръ Боне-Мори—были такъ испуганы восторженною прямолинейностью этого пророка-инициатора, что сообщили мнѣ о своемъ нежеланіи принимать участіе въ организаціонномъ комитетѣ.

Равнодушіе соотечественниковъ такъ тяжело повліяло на впечатлительную душу Виттъ-Амо, что онъ совершенно потерялъ надежду на возможность успѣха дѣла, считая, что холодная трезвость практическихъ умовъ современнаго человѣчества совсѣмъ неблагопріят-

ствуетъ починамъ, требующимъ вдохновенія вѣры, живой любви и великодушныхъ порывовъ.

Не всѣ, однако, отступились отъ этого дѣла и во Франціи: ліонскій журналъ „Вселенскій Миръ“ („La Paix Universelle“), нѣсколько отдѣльных кружковъ въ Парижѣ и Альберъ Жюне на югѣ продолжали призывать къ осуществленію этой великодушной мысли, встрѣтить новое столѣтіе великою демонстраціей мира и единенія въ братолюбіи.

Въ началѣ 1898 года въ Парижѣ состоялось частное собраніе представителей разныхъ группъ, желающихъ осуществленія идеи конгресса единого человѣчества. На этомъ собраніи оказалось, что всѣ говорятъ на разныхъ языкахъ и предлагаютъ разныя программы, соотвѣтствующія стремленіямъ каждой партіи, но съ идеей конгресса единого человѣчества имѣющія очень мало общаго.

Со мною вмѣстѣ вышелъ изъ этого собранія господинъ, почти не принимавшій участія въ преніяхъ. Онъ сказалъ мнѣ: „Вы видѣли, что тутъ было настоящее столпотвореніе вавилонское. По тому, что вы говорили, мнѣ кажется, что у васъ есть опредѣленная программа, наиболѣе соотвѣтствующая цѣлямъ конгресса. Позвольте мнѣ придти къ вамъ завтра, и мы поговоримъ объ этомъ вопросѣ обстоятельно“. Этотъ господинъ оказался главою универсалистовъ, Огюстомъ Водозъ. Программа, предложенная мною, настолько ему понравилась, что онъ просилъ меня познакомить съ нею универсалистовъ на двухъ собраніяхъ: одномъ—частномъ у него на квартирѣ, другомъ—общемъ въ помѣщеніи союза.

На общемъ собраніи, на которомъ, кромѣ универсалистовъ, присутствовали представители и другихъ группъ, сочувствующихъ конгрессу, и даже предсѣдательствовалъ не-универсалистъ—командоръ почетнаго легіона баронъ Тексторъ-де-Равизи, предложенная мною программа была не только принята, но и вызвала горячую, сочувственную овацію. На другой день я получилъ письменное извѣщеніе о томъ, что универсалисты избрали меня почетнымъ президентомъ конгресса.

Вскорѣ послѣ того въ ліонскомъ журналѣ „Вселенскій Миръ“ (№ 207) появилась моя статья, содержащая въ себѣ развитіе того, что было мною предложено на собраніи универсалистовъ.

Вотъ переводъ этой статьи, содержащей въ себѣ проекты опредѣленія цѣли, программы, воззванія и устава, принятыхъ организаціоннымъ комитетомъ конгресса для первыхъ трехъ дней, предназначенныхъ для сообщеній Альбера Жюне, графа де-Фожеръ и моихъ.

Есть четыре главныхъ пункта, по которымъ необходимо придти къ соглашенію: 1) цѣль конгресса, 2) его программа, 3) воззваніе и 4) уставъ.

І. Цѣль.

Необходимо, чтобы цѣль конгресса была для всѣхъ ясна, опредѣленна, чужда всякой опасной темноты.

Желають устроить конгрессъ единого человѣчества. Очевидно, главною цѣлью его, его отличительною чертою, является желаніе напомнить и громко провозгласить насущную потребность для блага человѣчества солидарности и тѣснаго единенія въ братолюбіи поверхъ всѣхъ разъединяющихъ границъ — расовыхъ, исповѣдныхъ, партійныхъ и социальныхъ. Какова же истинная основа солидарности всего человѣчества? Общность происхожденія? Инстинкъ планетарной жизни? Очевидно нѣтъ. Исторія человѣчества громко говоритъ намъ противное. Не было времени, когда бы не дѣйствовали и общность происхожденія и законы планетарной жизни, что никогда не мѣшало человѣчеству давать грустные примѣры прочнаго разъединенія и эфемерныхъ союзовъ противъ общихъ враговъ. Разумъ? Наука? Выгоды? Нѣтъ. Злоба и эгоизмъ всегда будутъ понимать, что для нихъ выгодны вражда и раздѣленіе, при помощи которыхъ они создаютъ апофеозу своеволія индивидуализма на эксплоатаціи тѣхъ, кого они презираютъ и ненавидятъ. Для нихъ солидарность, единеніе и общая гармонія всегда будутъ наивною утопіей или благочестивымъ обманомъ, такъ какъ дожить до осуществленія всеобщей гармоніи очевидно невозможно, а утѣшать себя надеждою на конечное торжество мира и любви и тѣмъ болѣе обречь себя на труды, опасности и жертвы, неизбежныя для апостоловъ этого святого дѣла, не можетъ входить въ программу эгоистическаго расчета. Наука? Пока наука остается на научной почвѣ, она только изучаетъ дѣйствительность. Существуетъ разъединеніе, вражда и борьба, она констатируетъ грубую борьбу за существованіе и изучаетъ ея законы желѣза, крови и рабства. Разумъ? Онъ — только орудіе, при помощи котораго одинаково можетъ подбирать оправданія для своихъ стремленій и пессимизмъ, проповѣдывая отрицаніе, и оптимизмъ, проповѣдывая надежду, злоба, желающая разъединенія, и любовь, желающая гармоніи и единенія.

Одна любовь — истинный источникъ солидарности, мира и единенія. Одна она въ нихъ нуждается, не можетъ безъ нихъ обойтись, не измѣняя самой себѣ. Только для любви они — насущная потребность, высшая радость, такая драгоценность, что все остальное становится второстепеннымъ. Только любовь можетъ рѣшиться на скорбный путь, ведущій къ отдаленному торжеству правды безъ рокового разлада съ собственнымъ разумомъ и своею нравственною природою.

Одна любовь — прочный цементъ, способный соединять и гармонизировать поверхъ всѣхъ границъ — физическихъ, нравственныхъ, политическихъ и социальныхъ. Она даетъ намъ желаніе солидарности, гармоніи и единенія. Она побуждаетъ нашъ разумъ искать точки примиренія на мѣсто точекъ разлада. Одна она можетъ привести насъ къ взаимному пониманію, къ взаимной терпимости и, наконецъ, къ единенію, несмотря на продолжающуюся рознь нашихъ вѣрованій и понятій. Одна она дастъ намъ возможность замѣнить ожесточающую борьбу противъ зла умиротворяющимъ созиданіемъ добра, — ту страшную, злую борьбу, которая привела насъ на край пропасти, привела насъ къ тому позорному вооруженному миру, который составляетъ не только смертельную язву международныхъ отношеній, но и смертельную язву социального организма, семьи, даже тайника души громаднаго большинства нашихъ современниковъ. Эта язва — источникъ больной совѣсти, психопатической неуравновѣшенности. Эта язва скоро приведетъ насъ къ такимъ осложненіямъ, къ такой борьбѣ, къ такимъ социальнымъ потрясеніямъ, которыя напомнятъ собою самыя мрачныя страницы исторіи варварскихъ временъ. Не будемъ обманывать себя. Эта смертельная язва естественна и неизлѣчима, пока человѣчество не перейдетъ отъ критики зла и борьбы съ нимъ на путь стройной организаціи добра въ жизни. Одна любовь, будучи единственнымъ источникомъ солидарности и гармоніи, можетъ сдѣлать насъ способными приступить къ стройной организаціи добра въ практикѣ жизни. Понять мало: надо пожелать. А чтобы крѣпко пожелать, надо крѣпко полюбить. Главное несчастье современнаго человѣчества состоитъ въ томъ, что оно не желаетъ добра, которое понимаетъ, а не желая добра, естественно не можетъ осуществлять его въ жизни.

Главною цѣлью конгресса должно быть согласно тому пробужденіе сознанія необходимости дорости духовно до жажды торжества любви въ жизни, содѣйствіе этому торжеству путемъ согласенія между всѣми братьями по любви и великая демонстрація солидарности, мира и единенія въ братолюбіи на порогѣ новаго столѣтія.

Главная цѣль единенія въ братолюбіи должна быть провозглашена возможно громче, яснѣе, опредѣленнѣе. Она одна можетъ приобрести конгрессу сочувствіе всѣхъ людей доброй воли, быть соединяющимъ звеномъ между христіанами всѣхъ исповѣданій, вѣрующими въ Бога — Любью и вольномыслящими всѣхъ оттѣнковъ, сознающими, что любовь — высшее благо человѣчества и единый цементъ, способный связать всѣхъ людей въ одну мирную и счастливую семью.

Программа.

Итакъ, программа общихъ собраний конгресса должна свестись къ одному основному вопросу: какъ достичь единенія и организациі добра въ жизни путемъ братолюбія. Вопросъ этотъ долженъ быть рѣшенъ на почвѣ чисто практической, никогда не приводя къ спору о тѣхъ теоріяхъ и мировоззрѣніяхъ, во имя которыхъ тотъ или другой членъ конгресса примыкаетъ къ его основной идеѣ. Это крайне необходимо для того, чтобы конгрессъ могъ быть дѣйствительно внушительною манифестаціей въ пользу мира и единенія. Не надо обманывать себя. Конгрессъ продолжится слишкомъ недолго для того, чтобы даже люди, наиболѣе послѣдовательные въ дѣлѣ любви и терпимости, могли придти къ единомыслию по вопросамъ научнымъ или философскимъ, если бы они были подняты. Невозможно приступить къ ихъ научной оцѣнкѣ, не касаясь научнаго достоинства соответствующаго мировоззрѣнія. Можно всего опасаться въ этомъ случаѣ, до возможности соблазнительнаго скандала взаимныхъ пререкательствъ и оскорбительныхъ попрековъ на сценѣ большой демонстраціи вражды и разединенія.

Въ настоящее время только горячее желаніе торжества любви и сознаніе насущной потребности этого торжества для блага человечества и составляетъ истинную соединительную черту между всѣми людьми доброй воли, несмотря на самыя противоположныя мировоззрѣнія. Будемъ держаться этой твердой почвы во все продолженіе общихъ собраний конгресса. Можно создать отдѣленія, въ которыхъ люди родственныхъ мировоззрѣній могутъ придти къ соглашенію по другимъ вопросамъ, близкимъ къ главной цѣли конгресса. Въ нихъ могутъ обсуждаться вопросы и съ научной точки зрѣнія, могутъ быть приняты рѣшенія научнаго характера, безъ опасенія вызвать разединеніе еще худшее и болѣе обоснованное.

Программа, естественно вытекающая изъ положенія вещей, такова:

1) Путемъ докладовъ и сообщеній выяснить первенствующее значеніе любви въ экономіи жизни міра и для блага земной жизни, какъ отдѣльныхъ лицъ, такъ и всего человечества, съ точки зрѣнія той религіи или той философіи, которой представителемъ является референтъ. *Практическій результатъ.* Выработать такую формулу признанія первенствующаго значенія любви, которая, соответствуя общему сознанію всѣхъ членовъ конгресса, могла бы стать соединительною чертою между всѣми братьями по любви, поверхъ всѣхъ разъединяющихъ границъ.

2) Доказать громадное значеніе, насущную потребность для

блага человечества, устойчивости, логики и дисциплины любви. *Практическій результатъ.* Порядокъ и логика на мѣстѣ унижительнаго хаоса, проявляемаго христіанами и философами каждый разъ, какъ они заговариваютъ о любви, остающейся для нихъ чѣмъ-то туманнымъ и расплывчатымъ.

3) Выяснить громадное значеніе согласованія съ любовью, склада ума и симпатій, привычекъ души, — слѣдовательно, стройной организациі воспитанія на началахъ любви, этой единой основѣ истинной нравственности. *Практическій результатъ.* Переходъ въ дѣлѣ воспитанія отъ дрессировки на основахъ страха и корысти къ воспитанію характера на основѣ сознательнаго братолюбія.

4) Выяснить насущную необходимость для блага человечества стройной организациі жизни, отношеній и всѣхъ родовъ труда на началахъ солидарности и братолюбія. *Практическій результатъ.* Богатые могутъ лучше уяснить себѣ обязанности, возлагаемыя на нихъ богатствомъ ихъ, и дивную роль, выпадающую на ихъ долю, въ переживаемую нами историческую эпоху. Вѣдныя получаютъ надежду на то, что, оставаясь на путяхъ мира и любви, они не будутъ играть роль одурченныхъ жертвъ.

5) Статистика попытокъ стройной организациі воспитанія, жизни и труда на основѣ братолюбія. *Практическій результатъ.* Логическій выводъ отъ того, что есть, къ тому, что быть должно; отъ того, что сдѣлано, къ тому, что сдѣлать остается.

6) Обсудить вопросъ о томъ, что можетъ сдѣлать конгрессъ для торжества устойчиваго дѣятельнаго братолюбія и прочнаго единенія между всѣми братьями по любви, поверхъ всѣхъ разъединяющихъ ихъ границъ. *Практическій результатъ.* Организациі постоянного конгресса единого человечества съ центральнымъ управленіемъ въ Парижѣ и международной переписки въ формѣ временнаго изданія, съ цѣлью подготовленія умовъ къ международному союзу братьевъ по любви, стремящемуся къ стройной организациі воспитанія, жизни и всѣхъ родовъ труда на началахъ братолюбія. Немедленное осуществленіе этого союза, если конгрессъ найдетъ это возможнымъ или какой-либо изъ нынѣ существующихъ союзовъ пожелаетъ реорганизоваться въ этомъ направленіи, принявъ подъ свое покровительство всѣ начинанія частныхъ лицъ, которыхъ онъ найдетъ того достойными.

7) Великая манифестація вселенской любви и братскаго единенія на порогѣ новаго столѣтія. *Практическій результатъ.* Эта манифестація будетъ торжествомъ внесенія въ программу жизни человечества новаго параграфа и самая достойная цивилизаціи встрѣча новаго XX столѣтія. Братья по любви могутъ перезнакомиться, договориться и заключить между собою прочный союзъ.

Въ единеніи сила. Любовь—истинный свѣтъ и святой огонь міра. Единеніе сыновъ свѣта обнаружить силу любви, докажетъ ее, заставить признать совершившійся фактъ ея появленія на арену практической жизни, дать возможность оцѣнить любовь, какъ факторъ жизни, горячо пожелать торжества любви и подготовлять его.

Перечислю кратко сказанное мною. Вотъ программа, которую я предлагаю:

- 1) Первенствующее значеніе любви въ жизни міра и для блага человѣчества.
- 2) Насущная потребность логики любви въ умахъ, сердцахъ и жизни.
- 3) Воспитаніе привычекъ устойчивой, торжествующей любви, дисциплины любви.
- 4) Стройная организація добра въ жизни путемъ организаціи всей жизни и всѣхъ родовъ труда на началахъ братолюбія.
- 5) Статистика практическаго братолюбія.
- 6) Пути, достойные мира и любви, для перехода отъ того, что есть, къ тому, что быть должно.
- 7) Великая манифестація вселенской любви на порогѣ новаго столѣтія.

Воззваніе.

До того привыкли къ борьбѣ, къ союзамъ вражды противъ общаго врага; до того не привыкли къ единенію въ духѣ терпимости на дѣло организаціи добра, что многіе, сочувствуя конгрессу, какъ дѣлу мира и единенія, опасаются, чтобы и это дѣло не скрывало подъ личиною мира и любви злобнаго протеста противъ дорогихъ для нихъ принциповъ и учреждений. Будемъ справедливы: признаемъ, что опасенія эти не лишены основаній, что слишкомъ часто думаютъ служить добру, обвиняя тѣхъ, которые иначе ему служатъ и борются съ ними, не приступая сами къ его осуществленію въ жизни. Бояться такимъ образомъ измѣнить своимъ знаменамъ, внушающимъ однимъ благоговѣніе, другимъ ненависть.

Воззваніе должно успокоить эти справедливыя опасенія. Оно должно громко провозгласить, что торжество мира и любви признается основою конгресса, его конечною цѣлью, соединительною чертою между всѣми его приверженцами, что никакая манифестація вражды, никакіе оскорбительные попреки не только не могутъ войти въ его программу, но и быть терпимыми въ его засѣданіяхъ, какъ отрицаніе основной идеи конгресса. Воззваніе должно сказать ясно, что мы приглашаемъ на конгрессъ всѣхъ мирныхъ и любя-

щихъ, всѣхъ, кто жаждетъ солидарности, мира и единенія въ братолюбіи между всѣми людьми доброй воли безъ различія, что тѣ, которые желаютъ бороться и обвинять, чужды этому конгрессу, не имѣютъ на немъ мѣста, что организаціонный комитетъ ручается за мирный характеръ преній и сумѣетъ оградить конгрессъ отъ всякихъ попытокъ нарушить тонъ взаимныхъ чувствъ любви и уваженія.

Вотъ проэктъ воззванія, предлагаемаго мною.

Дорогіе братья и сестры по человѣчеству!

Вы всѣ, уставшіе враждовать, вы всѣ, желающіе мира и единенія, примите участіе въ великой манифестаціи мира и единенія на порогѣ новаго столѣтія, выразивъ сочувствіе или лично прибывъ на конгрессъ единого человѣчества, который состоится въ Парижѣ отъ 20 сентября по 4 октября 1900 года (н. с.).

Передъ человѣчествомъ—два пути, по которымъ оно можетъ стремиться къ лучшему, къ прогрессу, отъ того, что есть, къ тому, что быть должно: борьба со зломъ и стройная организація добра. Борьба разъединяетъ и ожесточаетъ; организація добра умиротворяетъ.

Такъ много борьбы, такъ ожесточены ею, что понимаютъ только боевые союзы противъ общаго врага... Для осуществленія добра необходимо соответствующее настроеніе, духовныя привычки, которыхъ приобрѣсть невозможно въ пылу злобной борьбы, приведшей насъ къ роковой системѣ вооруженнаго мира не только въ отношеніяхъ международныхъ, но и въ социальномъ быту и въ самомъ святилищѣ—семейной жизни, той борьбы, которая становится все болѣе и болѣе ожесточенной, грозя всему человѣчеству все большими и худшими раздорами и осложнениями.

Вы всѣ, сознающіе, что одна любовь, дѣятельная и торжествующая надъ всѣми препятствіями, можетъ вывести насъ изъ позора непрестанной борьбы, разъединенія и злобы, что одна любовь—цементъ, способный связать все человѣчество въ одну мирную и дружную семью, что она одна можетъ побудить насъ желать единенія, желать понять другъ друга, найти точки соприкосновенія между нами и дружно приступить къ мирной организаціи добра въ жизни,—придите на этотъ праздникъ мира и любви.

Въ единеніи сила! Соединимся со всѣми людьми доброй воли, чтобы проявилась сила правды любви передъ міромъ, приученнымъ постоянною борьбою вѣрить только въ реальную силу зла. Соединимся, чтобы сосчитать силы благословеннаго воинства мира и добра, чтобы громко заявить, что насъ утомили злоба и разъединеніе, что мы желаемъ солидарности, мира и торжества любви, что мы утомлены вѣчнымъ разладомъ между жизнью и идеалами, что мы

не хотимъ болѣе безплодно мечтать объ идеалахъ, дѣлая изъ нихъ пустое украшеніе праздничныхъ дней, что мы хотимъ осуществлять идеалы и въ томъ полагаемъ и мудрость и честь. Соединимся, чтобы обсудить первостепенное значеніе живой любви для блага человѣчества, насущную потребность логики и дисциплины любви въ практикѣ повседневной жизни, воспитывая грядущія поколѣнія къ лучшимъ духовнымъ навыкамъ. Соединимся на святое дѣло стройной организаціи добра въ практической жизни. Выработаемъ и громко провозгласимъ программу цивилизаціи на основахъ единенія мира и любви.

Придите къ намъ, не опасаясь никакой враждебной манифестаціи, никакихъ обидныхъ упрековъ по отношенію къ тѣмъ теоріямъ и учрежденіямъ, которыя вамъ дороги даже и въ томъ случаѣ, когда ихъ представители не всегда шли путями мира и любви. Всѣ могутъ притти къ намъ, оставаясь вѣрными своимъ знаменамъ. Никакое знамя не можетъ быть отвѣтственно за ошибки знаменосцевъ. Никакое знамя, достойное благоговѣйной преданности, не можетъ быть враждебно святому дѣлу торжества любви, мира и единенія.

Помогите намъ, призывая къ сочувствію и пожертвованіямъ, если можно, то и личнымъ участіемъ въ конгрессѣ.

Соединимся, сыны свѣта! Въ единеніи сила! Подготовимъ торжество свѣта, единенія, мира и любви!

У с т а в ъ.

Мы обѣщаемъ, что всѣ могутъ притти къ намъ, не опасаясь измѣнить дорогимъ знаменамъ, не опасаясь быть свидѣтелями обидныхъ попрековъ и враждебныхъ демонстрацій, направленныхъ противъ нихъ; мы обязаны предупредить путемъ устава всякую попытку нарушить эти обѣщанія, внося въ пренія духъ, несогласный съ терпимостью, любовью и взаимнымъ уваженіемъ.

Могутъ возразить, что эти предосторожности совершенно неумѣстны наканунѣ XX столѣтія, когда дѣло идетъ о конгрессѣ, на которомъ представители европейской цивилизаціи соберутся для великой демонстраціи въ пользу единенія, мира и любви. Въ этомъ году, въ Парижѣ, на двухъ собраніяхъ друзей конгресса я убѣдился въ томъ, насколько эти предосторожности необходимы.

Умы и сердца настолько ожесточены привычною борьбою, что находятъ вполнѣ естественнымъ дѣлать постоянныя непріязненныя выходки противъ всѣхъ, кто не укрывается подъ сѣнію излюбленнаго нами знамени. Повсюду и всегда законы борьбы и вооруженнаго мира. Предпочитають ранить и убивать тѣхъ, кого считаютъ врагами, нежели, убѣждая, завоевывать умы и сердца. Организуютъ

борьбу въ виду обороны и нападенія, а не организуютъ, не осуществляютъ добро, тотъ идеалъ, который начертанъ на знаменахъ, которыхъ защищаютъ, не служа ему и не осуществляя его.

Кто не знаетъ, что между христіанами, какъ и между свободомыслящими, слишкомъ много людей, считающихъ долгомъ совѣсти, при всякомъ удобномъ случаѣ, протестовать—одни противъ свободомыслія, другіе—противъ христіанства. Достаточно искры этого рода, чтобы вызвать настоящій пожаръ. Помѣшать граду взаимныхъ попрековъ и обвиненій было бы невозможно. Великая и прекрасная демонстрація въ пользу единенія, мира, любви и терпимости легко могла бы при такихъ обстоятельствахъ вырождаться въ грустный и позорный скандалъ въ духѣ разъединенія, фанатизма и злобы.

Мы должны смиренно признать, что, сознавъ первенствующее значеніе любви для блага человѣчества, мы еще не имѣемъ привычки ходить путями мира, любви и взаимнаго уваженія, что необходимо припомнить законы этого благословеннаго пути въ ту минуту, когда мы собираемся сдѣлать на немъ первые шаги.

Не думая предлагать законченный проектъ устава конгресса, я съ своей стороны предлагаю ввести въ уставъ, который будетъ разработанъ организаціоннымъ комитетомъ, слѣдующіе параграфы:

1) Въ виду того, что главная цѣль конгресса—великая демонстрація единенія, мира, терпимости и братолюбія, мы принимаемъ на себя обязанность оставаться вѣрными этимъ духовнымъ основамъ конгресса во все продолженіе засѣданій.

2) Желая найти между нами точки соприкосновенія, чтобы договориться со всѣми, признающими любовь единою основой этики и общественного блага, мы будемъ тщательно избѣгать всего, что можетъ привести къ раздорамъ и разъединенію.

3) Сдѣлавъ разъ навсегда оговорку, что сохраняемъ за собою полную свободу совѣсти въ дѣлѣ вѣрности знаменамъ, которыхъ мы собою представляемъ въ жизни, мы отказываемся на собраніяхъ конгресса какимъ-либо образомъ протестовать противъ теорій и учрежденій даже наиболѣе противоположныхъ нашимъ взглядамъ и симпатіямъ.

4) Оставляя за собою широкое право доказывать основательность первенствующаго значенія любви въ теоріи и практикѣ съ точки зрѣнія того міровоззрѣнія, которое мы собою представляемъ, мы будемъ упорно воздерживаться при этомъ отъ всякой полемики.

5) Даже въ томъ случаѣ, если, въ противоположность самой цѣли конгресса и точнымъ постановленіямъ настоящаго устава, кто-либо позволилъ бы себѣ оскорбительныя нападки на дорогія намъ теоріи и учрежденія, мы не будемъ считать измѣною нашему знамени отвѣтить молчаніемъ на этотъ недостойный вызовъ.

6) Каждый разъ, какъ кто-либо изъ ораторовъ впадетъ въ этотъ преступный тонъ вызова, обвиненія или укора, председатель обязанъ отъ имени всего конгресса выразить ему порицаніе, призвать его къ духу терпимости, любви и уваженія ко всѣмъ, просить обвиненныхъ не отвѣчать, а упорствующихъ—оставить залъ конгресса, чтобы не смущать мира и согласія.

Мнѣ кажется, что слѣдуетъ правила, выработанныя организаціонной комиссіей, представить на первомъ же общемъ засѣданіи на одобреніе конгресса, что дастъ имъ значительно большую нравственную цѣнность.

По поводу конгресса появилось въ журналѣ „Вселенскій Миръ“ много статей съ разными предложеніями. Въ настоящее время окончательно остановились на слѣдующемъ:

Конгрессъ единого человѣчества состоится въ Парижѣ, въ помѣщеніи „Ученыхъ обществъ“—„rue Serpente 28, Hôtel des Sociétés Savantes“ отъ 23 сентября по 6 октября н. с.

Лица, интересующіяся конгрессомъ, могутъ письменно обращаться по слѣдующимъ адресамъ: Г. почетному президенту конгресса единого человѣчества Николаю Николаевичу Неплюеву. Парижъ. До востребованія (France. Paris, Poste Restante. Monsieur Nicolas de Néplueff), или: г. генеральному секретарю к. е. ч. Огюсту Водозъ. Парижъ. Бульваръ дю-Темплъ, 36. (France. Paris, 36. Boulevard du Temple. Monsieur Auguste Vodoz, secr. gen. du Congrès de l'Human).

Лица, желающія получить лично свѣдѣнія и разъясненія по конгрессу, могутъ обращаться до 15 сентября, по вторникамъ, отъ 3 до 5 часовъ, въ Бельгійскую гостиницу въ улицѣ Лувра, 12 (Hotel de Belgique, rue du Louvre, 12), а послѣ 15 сентября, ежедневно отъ 1 до 2 часовъ, въ помѣщеніи „Ученыхъ обществъ“ по вышеприведенному адресу.

Лица, желающія выразить сочувствіе конгрессу и быть внесенными въ списокъ друзей его, благоволятъ сообщать свои адреса въ Парижъ, до востребованія, на мое имя.

Лица, желающія поддержать конгрессъ денежными взносами, благоволятъ посылать деньги кассиру конгресса Луи Капфереръ (по слѣдующему адресу: France. Neuilly sur Seine. 49 rue de Longchamps. Monsieur Louis Kapferer, trésorier du Congrès de l'Humanité) и извѣщать о высланной суммѣ генеральнаго секретаря конгресса О. Водозъ по вышеприведенному адресу. Денежныхъ пакетовъ на мое имя прошу ни въ какомъ случаѣ не адресовать.

Взносы могутъ быть слѣдующіе:

5 франковъ дають право присутствовать на всѣхъ засѣданіяхъ конгресса. Ежедневно входная плата будетъ равняться 1 фр. Лица несостоятельныя будутъ получать даровые билеты.

20 фр. дають право на полученіе одного экземпляра трудовъ конгресса.

50 фр. дають право, кромѣ того, на участіе въ заключительномъ банкетѣ.

Пожертвованія свыше означенныхъ суммъ будутъ приниматься съ благодарностью и облегчатъ возможность осуществленія постоянного международнаго союза съ цѣлями, соотвѣствующими конгрессу.

Извѣщенія о высланныхъ деньгахъ на имя ген. сек. О. Водозъ могутъ быть присылаемы при заявленіяхъ по слѣдующей формѣ: „Я, нижеподписавшійся, живущій (подробный адресъ), заявляю мое сочувствіе конгрессу единого человѣчества, имѣющему быть въ Парижѣ въ 1900 году. Желаю принять участіе въ преніяхъ по такимъ-то вопросамъ (если личное участіе предполагается). На расходы по конгрессу выслать кассиру г. Л. Капфереръ такую-то сумму (или внесу тогда-то). Кромѣ того желаю сдѣлать такой-то докладъ по такому-то вопросу и подписаться на такое-то количество экземпляровъ трудовъ конгресса.“

Точное распредѣленіе работъ конгресса по днямъ появится въ августѣ. Въ настоящее время оно предполагается таковымъ:

23 сентября, въ 12 часовъ дня, открытіе конгресса. Привѣтственные рѣчи и сообщенія д-ра Мелье о солидарности человѣчества.

24, 25 и 26 предназначены для сообщеній по предложенной мною программѣ. Участниками сообщеній названы Альберъ Жуне, графъ де-Фожеръ и я.

Слѣдующіе дни по 6 октября предназначены для выслушанія слѣдующихъ докладовъ:

1) По феминизму: а) „Исторія развитія женской солидарности“, г-жа Карлье; б) „Женщина, съ точки зрѣнія религіи“, Юлія ванъ-Маршъ; в) „Женщина“ по Л. Ж. Б., де-Турейль; г) „Свобода, равенство и братство половъ“, Люсьенъ Ле-Фойе.

2) По вопросамъ экономическимъ и социальнымъ: а) „Единеніе народовъ“, Блоншаръ; б) „Проектъ устава международнаго братскаго союза“, Исидоръ Гершовичъ; в) „Единственный выходъ изъ социальныхъ затрудненій“, Буадье; г) „Проектъ пенсіонной кассы“, г-жа Праттъ; д) „Кооперативныя ассоціаціи“, Омаро; е) „Конгрессъ единого человѣчества и коопераціи“, Маріусъ Декреспи; ж) „Постоянный конгрессъ единого человѣчества“, Д. Майльяръ; з) „Соціальное благо“, Ф. Тозонъ — издатель журнала „Прогрессъ“;

и) „Миръ и международное посредничество“, Люсьенъ Ле-Фойе—президентъ ассоціаціи мира черезъ право.

3) Гигіена: а) „Гигіена жилищъ и жизни“, д-ръ Тизонъ; б) Главныя причины туберкулеза и лѣченіе этой болѣзни“, проф. Мартель; в) „О злоупотребленіи спиртными напитками“, Шеръ Везине.

4) Этика и нравственность: а) „Проектъ устава международного этического общества“, Фр. Кемени,—профессоръ королевскаго училища въ Пештѣ; б) „Преподаваніе въ школахъ“, А. Фарси, директора высшей школы въ Шанбери; в) „Философія съ точки зрѣнія богословія“, д-ра Паскаль; г) „Спеціальный спиритуализмъ“, Альбинъ Валабрегъ; д) „Раціонализмъ и спиритизмъ“, Р. Вланше; е) „Неоспиритуализмъ“, Люси Гранжъ, издательница парижскаго журнала „Свѣтъ“; ж) „Единое человѣчество и религія“, Альберъ Жуне, издатель журнала „Воскресеніе“; з) Дуалистическая космогонія и религіозное обновленіе“, А. Альтреза, издатель журнала „Обновленіе“; и) „Фюзіонизмъ и единство матеріи“, Э. Цюренгеръ; і) „Двѣ морали“, г-жа Стривъ изъ Брюсселя.

6-е октября—заключительное засѣданіе. Демонстрація мира и единенія въ братолюбіи на порогѣ новаго столѣтія. Вечеромъ—заключительный банкетъ.

Общія засѣданія конгресса будутъ происходить ежедневно, отъ 2-хъ до 6-ти часовъ пополудни. Вечеромъ будутъ, по обстоятельствамъ, или продолженія общихъ засѣданій, или засѣданія отдѣльныхъ выбранныхъ комиссій, или собранія для частныхъ бесѣдъ съ цѣлю общенія и личнаго знакомства между членами конгресса.

Кромѣ почетныхъ президентовъ конгресса теперь уже избранъ и фактическій президентъ—графъ де-Фожеръ. Генеральнымъ секретаремъ конгресса будетъ, какъ уже сказано выше, глава универсалистовъ, Огюстъ Водозъ.

Переводъ письма къ профессору Парижской Сорбонны Гастону Бонне-Мори 1 мая 1898 г.

Дорогой и Уважаемый другъ!

Простите мнѣ мое долгое молчаніе. Вернувшись въ Воздвиженскъ послѣ полугодичнаго отсутствія, я былъ до того поглощенъ все это время дѣлами и личнымъ общеніемъ съ многочисленными братьями и воспитанниками моими, что у меня буквально не было ни минуты свободнаго времени. Только что получилъ ваше доброе письмо отъ 1 мая и отпечатанный докладъ, читанный вами въ Парижской Академіи о Трудовомъ Братствѣ; я не могу отказывать себѣ долѣе въ удовольствіи поблагодарить васъ отъ имени Тр. Бр. и лично отъ всего сердца, полного благодарности къ вамъ за все, что вы дѣлаете для пропаганды идеи и для возбужденія спасительныхъ симпатій. Да воздастъ вамъ Господь старицею вышнюю радостью ощущенія причастія любви Его за добро, которое вы дѣлаете святому дѣлу Его, дѣлу возвышенія умовъ и сердецъ до привычекъ братолюбія, до живой, дѣятельной, устойчивой любви, до логики любви, до дисциплины любви, дѣлу организаціи всѣхъ родовъ труда на основѣ братолюбія и намъ, очень недостойнымъ служителямъ святого дѣла. — То, что вы говорите мнѣ о В. и о В. огорчаетъ, но не удивляетъ меня. Да, они производятъ то неблагоприятное впечатлѣніе, которое они произвели на васъ и сенатора Беранже. Да, если чудное дѣло конгресса единого человѣчества останется исключительно въ ихъ рукахъ, оно можетъ жалко погибнуть. Тѣмъ болѣе, всѣ люди доброй воли должны соединиться чтобы спасти его. Вѣдь самая идея конгресса—божественна и вполнѣ въ соотвѣтствіи съ высшими стремленіями души человѣчества. — Считаю долгомъ своимъ, и это въ то же время настойчивое требованіе вѣры и любви во мнѣ, сдѣлать все отъ меня зависящее на пользу осуществленія и удачи конгресса. Начну съ того, что постараюсь приобрѣсти этому дѣлу содѣйствіе людей несомнительнаго

нравственного и умственного достоинства, начиная съ васъ и сенатора Беранже; я предложу программу, которую могутъ принять всѣ люди доброй воли, всѣ тѣ, кто умомъ и сердцемъ понимаютъ первенствующее значеніе любви. Эта программа дастъ конгрессу вполне опредѣленную цѣль и будетъ гарантіею противъ возможности вредныхъ и компрометирующихъ эксцентричностей. Если такіе люди, какъ вы и сенаторъ Беранже примутъ участіе и составятъ большинство въ организационномъ комитетѣ, В. будетъ голосомъ очень полезнымъ силою вдохновенія, его воодушевляющаго, не будучи въ то же время въ состояніи повредить дѣлу чрезмѣрнымъ увлеченіемъ.

Позвольте говорить съ вами совершенно откровенно и высказать вамъ всю мою мысль. Необходимо, чтобы христіане были безконечно болѣе послѣдовательны, болѣе логичны въ любви, чѣмъ это было до сихъ поръ. Если мы имѣемъ въ себѣ святой огонь любви, мы не можемъ не желать единенія въ братолюбіи и мира между всѣми людьми доброй воли. Если этого святого огня въ насъ мало, мы должны покаяться и просить его у Господа, пока Онъ не дастъ намъ его въ достаточномъ количествѣ. Самое очевидное и въ то же время самое неизбежное проявленіе святого огня любви въ насъ—доброжелательство ко всѣмъ, желаніе найти связующія нити со всѣми, желаніе найти причины любить, инстинктъ единенія, братства, солидарности со всѣми милосердными самарянами, безъ предварительнаго экзамена по катихизису. Я знаю, дорогой и уважаемый другъ, что, говоря это вамъ, я проповѣдую обращенному; говорю я вамъ все это, чтобы выяснить побужденія, заставляющія меня принять по отношенію къ В. и конгрессу единого человѣчества то положеніе, которое я избралъ и желаю сохранить въ братскомъ единеніи съ вами.—Мы живемъ въ эпоху, въ которую болѣе чѣмъ когда-либо опасно поддаться искушенію буквы мертвящей пустыхъ словъ. Въ сферѣ религіи, болѣе чѣмъ гдѣ-либо, человѣчество утопаетъ все болѣе и болѣе въ настоящемъ хаосѣ толкованій, антипатій и словъ, разнорѣчивыхъ и лживыхъ. Для меня существуетъ только одна нить, способная побѣдоносно вывести насъ изъ этого лабиринта осложнений, недоразумѣній, разъединенія и вражды—это животворящій духъ любви. Богъ есть Любовь. Гдѣ любовь тамъ и Богъ. Тотъ, кто любитъ, позналъ Бога. Одни дѣла любви могутъ быть живою частью дѣла Божія. По мѣрѣ того, какъ душа человѣческая возрастаетъ въ любви, она приближается къ Богу, она входитъ съ Нимъ въ реальное общеніе, очищается, возвышается и становится божественною по самой сущности своей. Только это и важно, только это и есть абсолютная истина, именно въ этомъ—животворящій духъ вѣры, истины, чистоты, святости, весь законъ

и пророки, только по святому огню любви и можно узнать представителей истиннаго правовѣрія, истиннаго христіанства, истинныхъ служителей Единого Истиннаго Бога. Одна любовь можетъ и должна быть нашею путеводною звѣздою, какъ въ дѣлѣ изученія слова Откровенія, такъ и въ программѣ практической жизни нашей. Не тѣ, кто приближается къ Богу устами своими, но тѣ, кто любить, истинны чада Бога—Любовь, истинные братья наши о Христѣ. И Христосъ можетъ быть для насъ буквою мертвящею. Для меня Христосъ не имя, не догматъ, не обрядъ, а живой Сынъ Живого Бога—Любовь. Мы до отвращенія пресыщены тѣмъ лживымъ христіанствомъ, которое ненавидитъ и ищетъ причины для ненависти и разъединенія. Мы устали злобствовать; мы хотимъ любить и быть логичными въ любви; мы хотимъ единенія со всѣми, кто любитъ, кто тѣмъ самымъ вѣренъ Богу—Любовь и святому дѣлу Его, которое все въ торжествѣ любви.—Не правда ли, дорогой другъ, во всемъ этомъ мы вполне солидарны. Для меня тотъ, кто любитъ и вѣритъ въ торжество любви, только тотъ и вѣрующій, только онъ и вѣруетъ въ Бога истиннаго, во истинну служить Его святому дѣлу. Тамъ, гдѣ я чувствую свѣтъ и животворное тепло святого огня любви, я спокоенъ и довѣрчивъ, тамъ я не хочу замѣчать тѣней, тамъ я хочу обожать и благословлять Вѣчнаго, Его Любовь и Единороднаго Сына Его, Христа Его, который былъ послѣдователемъ въ любви до самоотверженія воплощенія, до соприкосновенія со смертнымъ грѣхомъ злобы, до смерти крестной и конечнаго торжества воскресенія.

Въ В. я вижу милосердаго самарянина, который любитъ и желаетъ путями, достойными любви, перевязать и исцѣлить самую гнойную, самую смертельную и постыдную изъ всѣхъ духовныхъ ранъ современнаго человѣчества—рану разъединенія въ злобѣ. Для того онъ и предлагаетъ собрать конгрессъ милосердыхъ самарянъ, долженствующій быть великою демонстраціей солидарности и единенія въ братолюбіи. Мысль его прекрасна, чувства его возвышены, дѣло, предложенное имъ, благоухаетъ любовью. Съ этой минуты онъ мнѣ братъ о Богѣ—Любовь. Что мнѣ до всего остального! Я не хочу знать о томъ, кто онъ: спиритъ, оккультистъ, Мартинистъ или Розень-Крейцеръ; онъ любитъ, онъ хочетъ послужить на дѣло торжества любви. Передъ лицомъ Бога—Любовь я не могу не оцѣнить въ немъ все, что отъ истины, все, что въ немъ является проявленіемъ силы и славы Духа Святого, все, что въ немъ—лучъ Свѣта отъ Свѣта Небеснаго, лучъ великаго, вѣчнаго Источника Святого огня любви. Я мало знакомъ съ воззрѣніями спиритовъ и оккультистовъ, но, какъ христіанинъ, я не могу питать къ нимъ ни ненависти, ни презрѣнія, даже и въ томъ случаѣ, если многія мнѣнія

ихъ были бы ошибочны. Я не могу отказывать имъ въ доброжелательствѣ; я готовъ ихъ выслушать, постараться понять ихъ, готовъ ихъ любить и не довѣрять недоброжелательнымъ клеветамъ улицы на ихъ счетъ. Когда они становятся на сторону любви и предлагаютъ дѣло любви, не могу не стать на ихъ сторону, не могу не принять во имя любви протянутую мнѣ руку. Съ этой минуты они становятся для меня братьями о Богѣ—Любовь и я не могу громко не признать этого, предпочитая подвергнуться за то осужденію со стороны людей, чѣмъ быть отлученнымъ отъ разума и любви Живого Бога—Любовь.

Торжествующая любовь, достаточно широкая для того, чтобы обнять все человѣчество, пожелать и предложить единеніе въ братолюбіи поверхъ всѣхъ границъ, какъ матеріальныхъ, такъ и умственныхъ, явленіе столь рѣдкое и столь цѣнное, что я истинно счелъ бы себя измѣнникомъ передъ Богомъ и Его святымъ дѣломъ, если бы не постарался послужить ему по мѣрѣ силъ. Чѣмъ болѣе мы считаемъ, что дѣло это находится въ рукахъ недостойныхъ и слабыхъ, тѣмъ болѣе мы обязаны оказать ему поддержку нашихъ нравственныхъ силъ и нашего практическаго ума, любя и благословляя эти бѣдныя, слабыя, дрожащія руки, протягивающія намъ эту драгоценную, непосильную для нихъ ношу.—Если мы находимъ, что другіе дурно служатъ на дѣло конгресса единого человѣчества, постараемся лучше послужить ему, постараемся о томъ, чтобы дѣло это изъ партійнаго и сектантскаго стало общимъ и вселенскимъ, чтобы изъ жалко фантастичнаго оно стало полезно, практично. Вѣдь животворящій духъ этого дѣла, вполне согласенъ съ животворящимъ духомъ вѣры нашей, самой сущности Бога нашего, самыми дорогими стремленіями и требованіями христіанской совѣсти нашей; пусть же не соблазняетъ насъ никакая буква; на мѣсто буквы нами осуждаемой, облечемъ дѣло это въ ту букву, которую признаемъ желательною и наиболѣе практичною.—Вотъ мое исповѣданіе вѣры въ этомъ дѣлѣ.—Посылаю вамъ при семъ копію письма, посланнаго мною В. Въ этомъ письмѣ я говорю о томъ, что считаю возможнымъ и должнымъ сдѣлать на пользу конгресса. Программа, которую я предложу послѣ выясненія причинъ моего присоединенія къ идеѣ конгресса, будетъ способна, надѣюсь, поставить это дѣло на твердую, опредѣленную и практическую почву, завоевавъ ему въ то же время сочувствіе и содѣйствіе всѣхъ людей доброй воли. Если г. В. и тѣ, кто вмѣстѣ съ нимъ предлагаютъ конгрессъ, не захотятъ принять мою программу, я не соглашусь оставаться вмѣстѣ съ ними въ туманной неопредѣленности и предложу другой конгрессъ, совершенно независимый отъ ихъ начинанія.—Прошу васъ дать прочесть настоящее письмо гг. Сабатье, Фонтанесъ, сенатору

Зигфрудъ, Шарбонель, Пюо, Вагнеръ, Леруа Болье, сенатору Беранже, Жоржу Пико и всѣмъ тѣмъ, кому вы найдете полезнымъ. Ихъ мысли и чувства по этому поводу меня очень интересуютъ.

Простите, что не могу говорить вамъ ни о чемъ другомъ въ данную минуту.—Ничего еще не рѣшено окончательно по затруднительнымъ вопросамъ, о которыхъ мы съ вами говорили въ Парижѣ. Есть однако небольшія улучшенія.—вашъ докладъ въ Парижской Академіи и небольшая статейка Леруа Болье, котораго я сердечно благодарю за желаніе намъ быть полезнымъ, не пропали безслѣдно. Популярность идеи трудовыхъ братствъ растетъ изо дня въ день.

Проектъ графа де-Виллеръ и маркиза де-Костелланъ не встрѣчаетъ въ Петербургѣ никакого сочувствія.

Всѣ многочисленные Воздвиженскіе друзья ваши просятъ меня передать вамъ выраженія ихъ почтительной любви и ихъ искренней благодарности за добрую память и прекрасныя фотографіи, переданныя мною имъ отъ вашего имени.

Прошу васъ передать мой привѣтъ всей вашей дорогой семьѣ и всѣмъ парижскимъ друзьямъ моимъ, вамъ знакомымъ.—Обнимаю васъ и люблю васъ.

10—23 сентября въ день открытія конгресса единого человѣчества.

Привѣтствіе это было сказано при открытіи конгресса.

Дорогія братья и сестры по человѣчеству!

Позвольте прежде всего поблагодарить васъ за великую честь, которой я удостоенъ. Меня избрали почетнымъ президентомъ конгресса единого человѣчества и вы подтвердили это избраніе вашимъ одобреніемъ. Отъ глубины души благодарю васъ за это.

Затѣмъ позвольте мнѣ привѣтствовать васъ и пожелать полнѣйшаго успѣха нашего конгресса, какъ отъ моего собственнаго имени, такъ и отъ имени всѣхъ тѣхъ моихъ соотечественниковъ, которые меня на то уполномочили. Я счастливъ имѣть право сказать вамъ, что друзья нашего конгресса очень многочисленны въ Россіи. Въ отвѣтъ на статьи и брошюру, напечатанныя мною по поводу конгресса, я получилъ множество писемъ полныхъ восторга, часто глубоко трогательныхъ. Мнѣ было невозможно перевести всѣ эти письма, какъ было бы невозможно прочесть ихъ вамъ, если бы я ихъ и перевелъ. Я только и могъ составить списокъ всѣхъ лицъ сочувствующихъ конгрессу, списокъ содержащій въ себѣ нѣсколько сотенъ именъ. Списокъ этотъ я и передаю нашему почтенному дѣйствительному президенту.

Прошу васъ принять въ соображеніе, что въ Россіи гласность менѣе распространена чѣмъ у васъ. Несмотря на мои старанія познакомить русскую публику съ идеею нашего дорогого конгресса и пробудить симпатіи къ нему, я не буду удивленъ, если многіе, способные горячо посочувствовать нашему дѣлу, остаются въ полномъ невѣдѣніи о немъ. Прошу васъ тоже принять во вниманіе, что мы, русскіе, не имѣемъ привычки такъ свободно и краснорѣчиво выражать наши чувства, какъ дѣлаете это вы. Мы, русскіе, имѣемъ въ высшей степени стыдливость чувства, особенно, когда эти чувства задушевные и глубоки. Говорю это не въ похвалу намъ.

Стыдливость высокое качество, когда дѣло идетъ о дурномъ, она становится недостаткомъ, когда она мѣшаетъ въ насъ проявленію добра. Во всякомъ случаѣ это фактъ, съ которымъ надо считаться. Тысячи русскихъ людей глубоко чувствуютъ, не выражая эти чувства ни словами, ни печатно.

Вы видите, что идея нашего конгресса имѣетъ большой успѣхъ въ Россіи, такъ какъ нѣсколько сотенъ человѣкъ прониклись къ нему настолько сильными чувствами, что чувства эти осилили рутину обычной молчаливости.

Позвольте надѣяться, что желаніе людей, дающихъ намъ такое яркое доказательство своего горячаго сочувствія идее конгресса, будутъ приняты въ расчетъ со всею доброжелательностью и вниманіемъ, которыхъ они заслуживаютъ.

Въ большинствѣ этихъ писемъ мы находимъ большое единомысліе и единодушіе, тѣ же пожеланія и тѣ же опасенія, внушенные ревнивою любовью къ общему, всѣмъ дорогому идеалу, тѣ же желанія и опасенія подъ внѣшнимъ разнообразіемъ различной буквы.

Говорятъ о нашемъ конгрессѣ, который долженъ быть великою демонстраціей мира и общечеловѣческой солидарности путемъ единенія въ братолюбіи на порогѣ новаго столѣтія, съ такою любовью, съ такою нѣжностью, что кажется слышишь глубокой вздохъ души, алчущей мира, единенія и братолюбія. Для нихъ нашъ конгрессъ представляется прекрасною зарею лучшаго будущаго для человѣчества XX столѣтія.

Ихъ опасенія сводятся къ слѣдующему.

1) Они опасаются, чтобы мы не ограничились провозглашеніемъ прекрасныхъ мыслей и чувствъ, вмѣсто того, чтобы положить начало ихъ практическому осуществленію въ жизни, что привело бы и нашъ конгрессъ къ тому же, что такъ часто случается на большихъ собраніяхъ. Все, что на нихъ говорится, похоже на прекрасный сонъ, который такъ и остается прекраснымъ сномъ, ни мало не вліяющимъ на измѣненіе къ лучшему рутинной жизни.

2) Они опасаются, чтобы мы не потеряли время въ безплодныхъ преніяхъ о томъ, осуществленіе чего отъ насъ не зависитъ въ ущербъ плодотворной разработки тѣхъ вопросовъ, къ практическому осуществленію которыхъ мы можемъ приступить немедленно и исполнѣ самостоятельно.

3) Наконецъ, они опасаются, чтобы мы не разбросались, не потерялись въ безбрежномъ океанѣ мыслей и нужды современнаго человѣчества, вмѣсто того, чтобы громко провозгласить, что мы собрались не для заштыпованія лахмотьевъ жизни нашей, а для разработки вопроса о стройной организаціи жизни, отношеній и труда на началахъ мира, единенія и братолюбія.

Все это сказано въ такомъ духѣ любви, уваженія и свѣтлой надежды, что во всѣхъ этихъ опасеніяхъ нельзя видѣть и тѣни недовѣрія. Это просто дѣло чисто братской, сердечной заботливости, желающей способствовать успѣху нашего дѣла, страшащейся за неуспѣхъ благоговѣнно любимого начинанія.

Итакъ, ихъ желанія сводятся къ слѣдующему:

1) Характеръ нашего конгресса долженъ быть прежде всего практическимъ.

2) Вмѣсто того, чтобы терять время на безплодную критику зла, мы должны заняться практическимъ, производительнымъ дѣломъ созиданія добра.

3) Это добро должно имѣть характеръ систематическій, стройно организовать жизнь, а не ограничиваться случайными мѣропріятіями безсистемной благотворительности.

Мнѣ тѣмъ легче стать передъ вами адвокатомъ этихъ пожеланій, что самъ я вполне съ ними единомысленъ и единоклубенъ. Позвольте надѣяться, что мнѣ не представится надобности принять на себя эту роль адвоката благодаря тому, что въ этихъ мысляхъ и чувствахъ мы будемъ солидарны со всѣми вами.

Мы видимъ въ этомъ собраніи представителей человѣчества съ тѣмъ богатымъ разнообразіемъ міровоззрѣній, которое ему присуще. Можемъ ли мы питать надежду на то, что намъ удастся въ короткое время конгресса убѣдить другъ друга въ абсолютной истинѣ той вѣры или той философской системы, которыхъ мы являемся представителями? Конечно нѣтъ. Такая надежда была бы, мы всѣ это понимаемъ, наивной утопией.

Что всѣхъ насъ собрало, что составляетъ соединительную черту между всѣми нами, несмотря и поверхъ различія нашихъ вѣрованій и убѣжденій это общее всѣмъ намъ желаніе мира, единенія и братолюбія. Сообразно съ этимъ конгрессъ единого человѣчества не есть конгрессъ всѣхъ людей, всякихъ мужчинъ и всякихъ женщинъ, а только тѣхъ изъ нихъ, которые искренно желаютъ мира и единенія для всѣхъ. Сообразно съ этимъ и конгрессъ нашъ долженъ заниматься не всякими вопросами, могущими интересовать человѣчество, но исключительно главнымъ, основнымъ вопросомъ стройной организаціи этой солидарности, этого единенія въ братолюбіи, которое всѣхъ насъ собрало, несмотря на разницу нашихъ убѣжденій, которая несомнѣнно и послѣ конгресса останется столь же велика, какъ была и до него.

При этихъ обстоятельствахъ программа занятій конгресса логично сведется на стройную организацію общечеловѣческаго единенія, общечеловѣческой солидарности, что и дастъ полное удовлетвореніе друзьямъ нашего конгресса.

Списокъ, переданный мною, представляетъ всю Россію, какъ въ географическомъ такъ и въ социальномъ отношеніи. Отъ Сибири и до Польши, отъ Олоньска до Кавказа, изъ Петербурга и Москвы, отовсюду раздались дружественныя голоса, привѣтствующие идею нашего конгресса. Простые рабочіе, сельскіе учителя, офицеры и солдаты, и рядомъ съ ними представители высшаго общества, всѣ объединились въ трогательной братской солидарности общаго чувства симпатіи къ ней. Многіе пастыри Русской Православной Церкви поручили мнѣ сказать, что они привѣтствуютъ и благословляютъ это дѣло мира, любви и братства.

Братскій союзъ бѣдныхъ ремесленниковъ города Лодзь, состоящій изъ русскихъ, поляковъ и нѣмцевъ, единогласно вотировали слѣдующее постановленіе „Мы отъ всего сердца желаемъ, чтобы зерно, которое будетъ посеяно людьми доброй воли, собравшимися на конгрессъ единого человѣчества, возрасло въ большое дерево, подъ сѣнью котораго мы въ томъ вполне увѣрены, возможно стройно организовать общее единеніе полное любви и взаимнаго уваженія, между всѣми, безъ различія національностей и вѣроисповѣданій“.

Позвольте закончить привѣтомъ, полнымъ добрыхъ пожеланій, отъ имени Трудоваго Братства, пожизненнымъ блюстителемъ котораго я имѣю честь состоять.

Письмо, написанное мною 11 — 23 сентября дѣйствительному президенту Конгресса единого человѣчества, графу де-Фошаръ.

Вчера, отъ имени иностранцевъ, я предложилъ выразить г. Президенту Республики нашу благодарность за гостепріимство, оказываемое намъ во Франціи. Въ отвѣтъ на это вы предложили поднести г. Лубе титулъ Президента человѣчества. Мы не протестовали изъ чувства простой вѣжливости.

Отъ имени тѣхъ же иностранцевъ, прошу васъ, графъ, совершенно выпустить это выраженіе, какъ въ протоколахъ вчерашняго засѣданія, такъ и въ привѣтствіи г. Президенту Республики. Если вы найдете невозможнымъ сдѣлать это безъ особаго на то разрѣшенія конгресса, мы просимъ васъ довести о нашемъ желаніи до его свѣдѣнія.

Желаніе это основано на томъ, что конгрессъ не уполномоченъ человѣчествомъ возвести г. Лубе въ это званіе и что мы, говоря такъ, дадимъ право думать, что мы въ принципѣ желаемъ уничтоженія всѣхъ монархій и водворенія повсюду режима, нынѣ суще-

ствующаго во Франціи, что совсѣмъ не соответствуетъ нашимъ дѣйствительнымъ чувствамъ.

Мы прибыли на конгрессъ, полные доброй воли и искренняго братолюбія по отношенію ко всѣмъ, мы желаемъ манифестацій мира и единенія въ братолюбіи на порогѣ новаго столѣтія, чѣмъ и долженъ быть нашъ конгрессъ, но мы твердо желаемъ оставаться безусловно вѣрными каждой своей Церкви и своему Государю и ожидаемъ отъ французской вѣжливости, чтобы эти чувства были впродъ уважаемы.

Конгрессъ единого человѣчества. Предложенія и проекты пожеланій и постановленій.

Переводъ части брошюры, изданной мною на французскомъ языкѣ въ Парижѣ ко дню открытія конгресса 10—23 сентября 1900 г.

Послѣ повторенія брошюры, изданной раньше въ Турѣ, что составило первыя три главы: 1) Воззваніе, 2) Цѣль конгресса и 3) Программа.

4. Любовь.

- 1) Любовь—святой огонь міра.
- 2) Братолюбіе единственный цементъ, способный соединить все человѣчество въ одну мирную и счастливую семью.
- 3) Любовь порождаетъ гармонію и миръ.
- 4) Любовь подготовляетъ возможность свободы, дисциплинируя волю безъ всякаго насилія и принужденія.
- 5) Любовь дѣлаетъ самоотверженіе разумнымъ и естественнымъ.
- 6) Любовь возвышаетъ души, благословляетъ и обнимаетъ міръ, превращаетъ человѣка-звѣря въ существо разумное и философа въ святого.
- 7) Любовь даетъ жизни самодовлѣющее значеніе, гарантируетъ свободу, дѣлаетъ изъ равенства необходимость и легкимъ осуществленіе всемірнаго братства.

5. Любовь торжествующая.

- 1) Любовь не капризъ, дѣлающій насъ слѣпыми и несправедливыми. Она не жадность, дѣлающая насъ грубыми и опасными. Она не сентиментальность, парализующая волю и дѣлающая насъ неспособными сосредоточиться и стойко преслѣдовать избранную нами цѣль. Она не безпорядокъ близорукой благотворительности, теряю-

щейся въ мелочахъ; бросающейся изъ стороны въ сторону, ежеминутно затопляемой господствующимъ зломъ и растрачивающей силы на залѣчиваніе ранъ, нанесенныхъ въ борьбѣ, вмѣсто того, чтобы самую борьбу замѣнить стройной организаціей добра. До такой степени привыкли ко всему этому хаосу грубѣйшаго эгоизма, психопатической сентиментальности и корыстныхъ позъ, давать святое имя любви, что мы должны громко сказать, что это совсѣмъ не любовь, тѣмъ болѣе не любовь разумная, логичная, торжествующая.

2) Любовь—стойкое доброжелательство, могущественная и торжествующая, на степени святого огня, озаряющаго и согрѣвающего, обнимающаго и благословляющаго весь міръ, дѣлающаго насъ сильными, энергичными и вмѣстѣ нѣжными. Она дѣлаетъ насущною потребностью для насъ практическое осуществленіе царства любви путемъ стройной организаціи жизни отношеній и всѣхъ родовъ труда на святой основѣ братства.

3) Только эта любовь логическая и торжествующая можетъ дисциплинировать волю и должна стать основой мирнаго и гармонизирующаго прогресса, дать человѣчеству XX столѣтія необходимую нравственную мощь для того, чтобы замѣнить ожесточающую и разъединяющую борьбу гармонизирующими и умиротворяющими солидарностью и единеніемъ.

4) Торжествующая любовь приведетъ насъ къ тройной гармоніи: любви, человѣка и жизни; вѣчной монады, микрокосма и макрокосма.

5) Гармонія любви можетъ быть формулирована такъ: братолюбіе, подчиняясь вселенской любви, должно властвовать надъ самолюбіемъ. Говоря по-христіански: братолюбіе, подчиняясь любви къ Богу, должно властвовать надъ себялюбіемъ. Говоря на языкѣ спиритуалистовъ: любовь къ воплощеннымъ духамъ, подчиняясь любви къ духамъ высшимъ, должна властвовать надъ эгоизмомъ. Наконецъ, говоря на языкѣ свободомыслящихъ: альтруизмъ, подчиняясь мировой любви, долженъ властвовать надъ эгоизмомъ.

6) Гармонія человѣка, микрокосма, можетъ быть такъ формулирована: разумъ, подчиняясь любви, долженъ властвовать надъ ошущеніями.

7) Гармонія жизни, макрокосма, можетъ быть формулирована такъ: жизнь умственная, подчиняясь вѣчному незыблемому закону вселенской любви, должна управлять матеріальною жизнью и стройно организовать ее. Вселенская любовь должна указывать намъ цѣли, разумъ долженъ указывать на разумные пути для достиженія цѣлей, намѣченныхъ любовью, а матеріальная жизнь должна быть разумно организована, сообразно требованіямъ разума, подчиненнаго вселенской любви.

6. Логична любви.

1) Любовь торжествующая не может не быть логичною, всегда оставаться вѣрною самою себѣ: быть нѣжною доброжелательностью и дѣятельнымъ благословеніемъ для всего міра, въ гармоніи съ разумомъ и природою. Она не можетъ быть ни врагомъ, ни палачомъ; она не можетъ быть опасною ни для разума, ни для ощущеній, которыя могутъ разумно признать ея господство, не опасаясь быть не понятыми и поруганными.

2) Логичная любовь не можетъ не быть въ гармоніи съ разумомъ, не можетъ не желать созидать добро разумно. Сыны Свѣта не могутъ не желать, не только равняться, но и превосходить въ мудрости сыновъ тьмы, организовать болѣе гармонично, болѣе разумно добро, чѣмъ эти организуютъ зло. Вотъ чего не хотятъ понимать тѣ, которые унижаютъ любовь и клеветаютъ на нее, во имя любви проповѣдуя невѣжество и глупую, безсистемную благотворительность, которые вмѣсто того, чтобы организовать жизнь и предупреждать зло, проповѣдуютъ тупое терпѣніе относительно зла, бездѣятельное подчиненіе злу и рутинѣ; они дѣлаютъ такое кощунственное смѣшеніе любви и глупости, что трудно распознать, что это идиотизированная любовь, или хитрость плута, желающаго обмануть Бога и общественное мнѣніе. Любовь, которая ненавидитъ, распинаетъ, боится или только игнорируетъ разумъ, сама себѣ невѣрна, совершила надъ собою самоубійство.

3) Логичная любовь не можетъ не быть въ гармоніи съ природою, не желать радости и благоденствія тѣхъ, кого любить, не можетъ не благословлять ощущенія, не возвышать, не облагораживать, не святить ихъ, требуя взаимнѣ, чтобы они никогда не приходили въ противорѣчіе съ разумомъ и особенно съ любовью, заставляя дѣлать вещи глупыя и злыя. Вотъ чего не хотятъ понять тѣ, которые во имя любви проповѣдуютъ ненависть и презрѣніе къ природѣ, къ ощущеніямъ, ко всѣмъ радостямъ жизни. Они унижаютъ любовь и клеветаютъ на нее, выдавая себя за ея представителей и защитниковъ, будучи холодными, сухими, унылыми и на всѣхъ наводящими уныніе муміями, желающими сдѣлать изъ жизни мрачную пустыню, лишенную самыхъ прекрасныхъ цвѣтовъ земного бытія. Любовь, которая ненавидитъ, презираетъ, распинаетъ, боится или только игнорируетъ права природы, не вѣрна самою себѣ, перестала быть, совершила надъ самою самоубійство.

4) Логичная любовь не можетъ не быть дѣятельною и не способствовать преобразенію душъ, отношеній и жизни.

5) Логичная любовь приводитъ насъ къ насущной потребности

содѣйствовать преобразенію душъ человѣческихъ путемъ воспитанія дѣтей, путемъ проповѣди правды любви словомъ, въ печати, дѣлами, примѣромъ самоусовершенствованія.

6) Логичная любовь приведетъ къ тому, что стройная организація личныхъ, семейныхъ, социальныхъ и политическихъ отношеній на основахъ мира и братства, станетъ насущною потребностью для насъ.

7) Логичная любовь сдѣлаетъ насущною потребностью и то, чтобы всѣ роды труда: земледѣльческой, промышленной, торговой, не исключая и всѣхъ либеральныхъ профессій, были стройно организованы на благословенныхъ основахъ мира и братства.

7. Дисциплина любви.

1) Она должна быть конечною цѣлью воспитанія дѣтей и нравственного самоусовершенствованія взрослыхъ.

2) Безъ нея, наши умы и сердца находятся въ состояніи анархіи и мы не можемъ стать выше разнузданности, не способны пользоваться благами свободы и братства. Мы будемъ все хотѣть для себя, не соглашаясь въ то же время въ чемъ-либо ограничивать себя ради блага другихъ, мы еще не способны работать на стройную организацію добра, на дѣло мира и единенія; мы, напротивъ, непременно вызовемъ необходимость репрессивныхъ мѣръ, чтобы помѣшать намъ дѣлать слишкомъ много зла и безпорядка.

3) Добровольной дисциплины любви именно и не достаетъ современному человечеству для того, чтобы оно стало способнымъ перейти отъ словъ къ дѣлу и стройно организовать жизнь соотвѣтственно тѣмъ идеаламъ мира, единенія и братства, которые нынѣ остаются украшеніями праздничныхъ дней, вмѣсто того, чтобы быть хлѣбомъ насущнымъ для всѣхъ. Одна любовь на степені святого огня даетъ жизнь, созидаетъ и дисциплинируетъ волю: она одна нервъ и животворящій духъ всякаго добра. Миръ, единеніе, свобода, братство—все это только логичныя послѣдствія, невозможныя безъ основной причины, которая и есть любовь и ея дисциплина.

4) Сдѣлаемъ все отъ насъ зависящее для того, чтобы убѣдить нашихъ современниковъ въ первенствующемъ значеніи любви для мирнаго прогресса и для общечеловѣческаго блага, постараемся пробудить горячее желаніе нравственного самоусовершенствованія до той высоты, когда воля наша станетъ дисциплинирована любовью, но не будемъ забывать при этомъ нашихъ преимущественныхъ обязанностей по отношенію къ дѣтямъ и юношамъ, не имѣю-

щимъ еще дурныхъ привычекъ вѣковой рутины. Они—зародыши будущаго.

5) Милліоны дѣтей вводятся въ обманъ въ школахъ; гдѣ имъ говорятъ о прогрессѣ наукъ и благѣ общественномъ, не научая ихъ понимать, что любовь—высшее благо и дисциплина любви—необходимое условіе мира, единенія, свободы и братства. Милліоны дѣтей выходятъ изъ школъ, воображая, что они могутъ быть порядочными людьми и работать на благо общественное, будучи себялюбивыми и разнузданными, считая вселенскую любовь за утопію и дисциплину любви за помѣху индивидуальной свободѣ. Мы должны предложить систему воспитанія, болѣе согласную съ благомъ общественнымъ, болѣе способную подготовить на жизнь мира и единенія, дисциплинируя волю любовью.

6) Тысячи богатыхъ людей воображаютъ, что могутъ—одни обезпечить свое индивидуальное и семейное благополучіе, другіе—осчастливить обездоленныхъ, не понимая, что нѣтъ счастья безъ любви, нѣтъ благоденствія безъ гармоніи, а что гармонія невозможна безъ логичной и дисциплинирующей любви. Пожалѣемъ тѣхъ и другихъ. Первые обманываютъ себя несбыточными надеждами и дѣлаютъ адъ собственной жизни, воображая, что созидаютъ свое эгоистическое счастье; они воображаютъ, что могутъ противопоставить благо и выгоды свои благу и выгодамъ всѣхъ окружающихъ и достигаютъ этимъ путемъ только смертельнаго утомленія и мрачнаго отчаянія, среди злобы и зависти, ими вызываемыхъ. Вторые, вмѣсто того, чтобы работать на преображеніе жизни путемъ стройной организаціи добра, воспитанія въ духѣ практическаго братолюбія и предоставленія людямъ доброй воли возможности начать новую жизнь на прочной основѣ логичной любви и крѣпкой воли дисциплинированной любовью,—утомляются и разоряются, предаваясь безалаберной благотворительности, ни мало не исправляющей жизнь, не предупреждающей никакого зла. Такая благотворительность только санкционируетъ хаосъ жизни, стараясь сдѣлать его болѣе переносимымъ, смягчая зло имъ причиняемое, вмѣсто того, чтобы замѣнить его порядкомъ и гармоніей. Тѣ наивные эгоисты воображаютъ, что могутъ обезопасить свои богатства среди дремучаго лѣса, полного разбойниками, а эти, не менѣе наивные благодѣтели, воображаютъ, что могутъ исчерпать рѣшетомъ море.

7) Милліоны бѣдныхъ людей убѣждены, одни, что работаютъ на благо личное и семейное, стараясь „выйти въ люди“, т. е. стать въ ряды „избранниковъ жизни“, ни мало не интересуясь благомъ общимъ, другіе, что могутъ стремиться къ лучшему будущему путемъ ожесточенной и злобной борьбы, путемъ убійства, грабежа и насилія. Пожалѣемъ тѣхъ и другихъ. Первые губятъ свою жизнь,

постоянно ее осложняя, съ каждымъ днемъ становясь болѣе требовательными и менѣе удовлетворенными и все это для того, чтобы изъ разряда тѣхъ, которые завидуютъ и ненавидятъ попасть въ разрядъ тѣхъ, которыхъ ненавидятъ, которымъ завидуютъ. Вторые обманываютъ себя безумною надеждою, что могутъ сдѣлать рай, имѣя адъ въ умахъ и сердцахъ. Скажемъ громко богатымъ и бѣднымъ, добрымъ и злымъ, что для всѣхъ существуетъ одна правда нравственная и социальная; вселенская любовь и дисциплинирующая воли, стройно организующая путями мира и любви всю жизнь, во всей ея совокупности, логика этой любви. Пока вся жизнь и всѣ роды труда не организованы стройно на началахъ братства, ни мирный прогрессъ, ни свобода, ни мирныя отношенія, ни единеніе, ни общественное благоденствіе невозможны.

8. Воспитаніе дѣтей.

1) Невозможно достигнуть благопріятныхъ результатовъ, смѣшивая дѣло воспитанія съ дѣломъ дрессировки, корыстную дисциплину съ дисциплиною добровольною, устрашающія наказанія в подкупъ награды съ безкорыстіемъ любви и нравственнымъ вліяніемъ.

2) Воспитаніе умственное и физическое должно быть приведено въ стройную гармонію съ воспитаніемъ нравственнымъ, составить съ нимъ одно цѣлое, дисциплинируя и улучшая разумъ, тѣло и волю.

3) Невозможно воспитывать волю, ограничиваясь проповѣдью нравственности и благими совѣтами. Необходимо, чтобы добро было стройно организовано въ жизни дѣтей, на лонѣ школы, такъ, чтобы дѣти могли немедленно прилагать на практикѣ даваемые имъ совѣты.

4) Такъ, проповѣдуя дѣтямъ вселенскую любовь, логику и дисциплину любви, необходимо, чтобы воспитатели во всемъ этомъ показывали имъ добрый примѣръ, чтобы внутренняя жизнь школы и всѣ отношенія въ ней были стройно организованы на этихъ началахъ, чтобы воспитанники пріучались быть имъ вѣрными въ мелочахъ повседневной жизни и имѣли практику истинно братскихъ отношеній. Только при этихъ обстоятельствахъ они могутъ постепенно возвышаться до высоты нравственнаго преображенія, при которой логика торжествующей любви и дисциплина воли становятся естественными для тѣхъ, которые раньше находили естественными злобу, безразличіе и разнузданность.

5) Первая ступень стройной организаціи добра въ жизни школы состоитъ въ организованномъ союзѣ между всѣми дѣтьми доброй воли, составляющими братскій кружокъ, что можетъ создать здо-

ровую нравственную атмосферу и облегчить возможность взаимопомощи въ дѣлѣ нравственнаго самоусовершенствованія.

6) Вторая ступень—старшій братскій кружокъ, объединяющій всѣ лучшія нравственныя силы школы на дѣло систематическаго нравственнаго воздѣйствія на младшихъ лѣтами и духомъ товарищей.

7) Наказанія и награды должны быть замѣнены еженедѣльными собраниями, подводщими итоги нравственной жизни школы, долженствующей имѣть характеръ единодушной, тѣсно сплоченной семьи, всѣ члены которой настолько любятъ и уважаютъ другъ друга, что высшимъ наказаніемъ для нихъ является порицаніе собранія, а лучшей наградой—его одобреніе. Даже самыя трудныя въ воспитательномъ отношеніи дѣти могутъ быть терпимы въ школѣ до тѣхъ поръ, пока ихъ дурное поведеніе зависитъ отъ легкомыслія или дурныхъ привычекъ. Они должны быть исключены, когда они начинаютъ проявлять не любовь и неуваженіе къ школѣ и становятся такимъ образомъ вредною закваскою для нея.

9. Организациа труда.

1) Трудъ долженъ быть стройно организованъ на началѣ братолюбія, безъ чего въ экономической области неизбѣжны—грубая борьба или разорительный и постыдный вооруженный миръ, которые неизбѣжно приведутъ къ разъединенію и озлобленію, сдѣлаютъ бесплодными и смѣхотворными всѣ попытки, болѣе сентиментальныя, нежели разумныя исправить зло, съ одной стороны—проповѣдью мира и единенія, съ другой—беспорядочною благотворительностью.

2) Вопросъ не въ томъ, чтобы найти работу для тѣхъ, которые въ ней нуждаются, не въ томъ, чтобы поднять заработанную плату тѣхъ, у кого работа есть. Все это входитъ въ разрядъ благотворительности и улучшаетъ положеніе отдѣльныхъ лицъ и семей, не измѣняя характера общаго положенія дѣла, не предупреждая возможности, даже необходимости конкуренціи, борьбы, разъединенія и озлобленія.

3) До тѣхъ поръ, пока работа самая тяжелая и непріятная будетъ съ тѣмъ вмѣстѣ и наименѣе выгодною и почетною, борьба за положенія почетныя, выгодныя и пріятныя, будетъ неизбѣжна.

4) Необходимо, чтобы самый характеръ работы совершенно измѣнился, чтобы работа перестала быть средствомъ наживы и карьеры, что глубоко безнравственно и приводитъ неизбѣжно къ ожесточенной борьбѣ со всѣми тѣми, кто одновременно желаетъ наживаться и дѣлать свою карьеру, приводитъ общество къ обману вооруженнаго мира между конкурентами.

5) Необходимо, чтобы трудъ сталъ насущною потребностью любви, актомъ братскаго геройства, совершенно свободнымъ отъ всякаго принужденія, отъ всякой эксплуатаціи, особенно отъ всякаго характера продажности и корысти. Надо, чтобы всѣ роды труда давали одинаковыя права на совместно вырабатываемыя цѣнности и чтобы трудъ самый тяжелый и непріятный вознаграждался общественнымъ мнѣніемъ, особою общественною благодарностью и уваженіемъ, когда онъ совершается въ духѣ самоотверженія, смиренія и любви.

6) Необходима трудовая община, стройно организованная на истинно братскихъ началахъ, для того, чтобы трудъ находился въ этихъ условіяхъ. Только трудовая братская община и представляетъ истинное разрѣшеніе социальнаго вопроса, можетъ стройно организовать жизнь, отношенія и всѣ роды труда на основѣ мира, любви и единенія.

7) Между богатыми людьми, всѣ люди доброй воли, тѣ, которыхъ не забавляютъ легкія побѣды среди жизненной борьбы, тѣ, кто искренно желаетъ общаго блага, должны понять нравственное преимущество этого мирнаго разрѣшенія социальнаго вопроса. Отдавая такимъ трудовымъ общинамъ въ аренду свои земли и заводы, они въ безконечно большей степени, нежели это есть въ настоящее время, почувствуютъ себя въ гармоніи съ идеалами, со своею совѣстью и общимъ благомъ.

10. Проектъ постановленій Конгресса единого человечества.

1) Мы провозглашаемъ вселенскую любовь высшимъ благомъ міра, святымъ огнемъ, созидающимъ и преобразующимъ, благословеннымъ цементомъ, который одинъ способенъ привести къ единенію, миру, солидарности, гармоніи и осуществить свободу и братство среди людей.

2) Мы провозглашаемъ, что вселенская любовь, будучи высшею цѣнностью міра, не можетъ быть разумно привнесена въ жертву чему бы то ни было. Всякая измѣна вселенской любви есть проступокъ противъ мудрости и нравственности.

3) Мы желаемъ, чтобы вселенская любовь стала природою человѣка, основой всѣхъ отношеній и стройной организациа жизни и всѣхъ родовъ труда.

4) Мы желаемъ логики любви.

5) Мы желаемъ дисциплины любви.

6) Мы желаемъ, чтобы воспитаніе дѣтей и самоусовершенство-

ваніе взрослых имѣли конечною цѣлью дисциплинировать волю на степени торжества вселенской любви.

7) Мы думаемъ, что не безсистемная благотворительность, а единственно стройная организація жизни и всѣхъ родовъ труда на лонѣ трудовыхъ братскихъ общинъ, можетъ исцѣлить социальный недугъ и гарантировать возможность мирнаго прогресса, свободы, мира, единенія и солидарности между людьми.

Сообразно съ этимъ мы постановляемъ:

- 1) Учредить международный союзъ единого человѣчества, съ центральнымъ бюро въ Парижѣ и автономными отдѣленіями во всѣхъ странахъ, гдѣ найдутся люди доброй воли, желающіе учредить ихъ.
- 2) Международный литературный органъ и литературные органы отдѣленій на всѣхъ языкахъ.
- 3) Обоюдное воздержаніе отъ борьбы и полемики.
- 4) Осуществленіе и стройная организація добра въ жизни.
- 5) Воспитаніе дѣтей на основѣ братолюбія.
- 6) Братскіе кружки въ школахъ.
- 7) Братскіе союзы для взрослыхъ.

II. Христіанство.

1) Христіанское ученіе въ высшей степени полезно для дѣла торжества вселенской любви.

2) Вѣра въ Бога—Любовь дѣлаетъ изъ любви первопричину и конечную цѣль творенія, возводитъ любовь въ высшую цѣнность міра, въ высшій авторитетъ, рѣшающій вопросы о добрѣ и злѣ, о нравственномъ и порочномъ, о практичномъ и невыгодномъ, о мудромъ и глупомъ, придавая любви непреходящій вѣчный, самодавлѣющій, разумный смыслъ.

3) Вѣра въ мудраго и благого Творца придаетъ добру и любви несравненную мощь и дѣлаетъ конечное торжество ихъ несомнѣннымъ. Самоотверженіе становится мудростью и оптимизмъ разумнымъ; единеніе, солидарность, гармонія и миръ—логичныя послѣдствія, стройная организація жизни и труда на началахъ братства, любовь и взаимныя чувства доброжелательства и уваженія—священными обязанностями.

4) Не надо смѣшивать христіанство съ деспотическими стремленіями клерикализма и мертвящимъ фанатизмомъ пѣтистовъ.

5) Лже-христіане, христіане по названію, чуждые животворящаго духа и логики вѣры, оклеветали христіанство, давая поводъ предполагать, что оно можетъ быть враждебно свободѣ, наукѣ, земному счастью человѣчества, можетъ становиться поборникомъ невѣжества, эксплуатаціи и гнета.

6) Истинные христіане не могутъ не желать всеобщей гармоніи, не могутъ не благословлять всего творенія Божія. Истинный и логичный христіанинъ не можетъ всегда и прежде всего не оставаться вѣрнымъ вселенской любви, которую онъ признаетъ Богомъ своимъ. Истинное христіанство—свобода, любовь и гармонія, безконечный и мирный прогрессъ отъ любви въ любовь, отъ вдохновенія въ вдохновеніе, отъ благоговѣнія въ благоговѣніе, отъ мудрости въ мудрость, до полной гармоніи съ Высшею Любовью и Высшею Мудростію—Богомъ Живымъ.

7) Итакъ, истинное христіанство—жизнь, мудрость и счастье, гармонія любви, разума и ощущеній, Бога, человѣчества и всего творенія, вѣры науки и природы, нравственности, радости и жизни. Оно не можетъ быть опаснымъ ни для чего и ни для кого, будучи любовью, которая утѣшаетъ, созидаетъ и благословляетъ.

Сыны Свѣта, вы всѣ, представители мира, гармоніи и любви, поймите, что вы истинные христіане по духу, возьмите въ руки знамя христіанства, вмѣсто того, чтобы оставлять его въ рукахъ тѣхъ, которые не имѣютъ съ нимъ ничего общаго.

12. Пожеланіе новому столѣтію.

1) Мы желаемъ, чтобы новое столѣтіе написало большими буквами на своей программѣ: „Солидарность, единеніе и гармонія путемъ дѣятельнаго, логичнаго и торжествующаго братолюбія“.

2) Мы желаемъ, чтобы вселенская любовь была признана высшею цѣнностью міра и ограждала бы человѣчество отъ религіозной, національной и социальной ненависти, отъ всякой ненависти, отъ всякаго раздора.

3) Мы желаемъ, чтобы торжествующая любовь умирала, гармонизировала и упростила жизнь и отношенія людей, становясь для нихъ основою нравственности, воспитанія и труда.

4) Мы желаемъ, чтобы логика любви привела, наконецъ, человечество къ стройной организаціи жизни, отношеній и всѣхъ родовъ труда на благословенной основѣ братства.

5) Мы желаемъ, чтобы въ области воспитанія, какъ тѣло, такъ и умъ и воля развивались на одной общей основѣ добровольной дисциплины любви.

6) Мы желаемъ, чтобы дисциплина любви сдѣлала человечество способнымъ пользоваться благами свободы, братства и экономического прогресса, не зазнаваясь и не злоупотребляя ими.

7) Мы желаемъ, чтобы торжествующая любовь замѣнила торжествующимъ миромъ постыдное явленіе вооруженнаго міра въ отно-

шеніяхъ политическихъ, соціальныхъ и семейныхъ, стала основою равноправія между мужчинами и женщинами и дала бы возможность человѣчеству честно осуществить идеалы, вмѣсто того, чтобы безконечно о нихъ приписаться, честно и стройно организовать добро, вмѣсто того, чтобы бесплодно тратить жизнь и энергію на безконечную борьбу со зломъ.

Заявленіе, сдѣланное мною на Конгрессѣ 16 сентября.

Послѣ того, какъ я узналъ, что графъ де-Фожеръ въ согласіи съ нѣсколькими единомышленниками вотировалъ учрежденіе комитета „человѣческой совѣсти“, себя и нѣсколькихъ бездарныхъ и безтактныхъ личностей избралъ председателемъ и членами этой комиссіи. Онъ самъ письмомъ извѣстилъ меня о томъ, думая подкупить избраніемъ меня почетнымъ президентомъ этого нелѣпаго учрежденія.

Нынѣ, когда занятія нашего конгресса приближаются къ концу и вамъ предстоитъ формулировать сводъ его рѣшеній, считаю нужнымъ сдѣлать слѣдующія заявленія.

По прежнему придерживаясь предложенныхъ мною резолюцій и пожеланій, заключенныхъ въ моемъ докладѣ, читанномъ 11—24 сентября, я отказываюсь только отъ предложенія, изложеннаго въ параграфѣ первомъ резолюціи (28 стр. печатной брошюры), гдѣ сказано. „Мы учреждаемъ международный союзъ друзей человѣчества съ центральнымъ бюро въ Парижѣ и автономными отдѣленіями во всѣхъ странахъ, гдѣ найдутся люди доброй воли, желающіе учредить таковыя“.

Мнѣ представлялось, что конгрессъ единого человѣчества будетъ многолюднымъ собраніемъ, въ которомъ, по возможности, всѣ національности, всѣ вѣроисповѣданія и всѣ философскія системы будутъ представлены. Мы должны сознаться, что ничего подобнаго нѣтъ. Собраніе конгресса не многолюдно. Ни національности, ни религіи, ни философскія системы не представлены на немъ въ достаточной степени для того, чтобы дать намъ нравственное право говорить и дѣйствовать отъ имени человѣчества.

Это ни мало не подрываетъ ни убѣдительности, ни нравственного достоинства тѣхъ трудовъ конгресса, которые отличались этими качествами, но это обязываетъ быть скромными и не присваивать себѣ правъ, которыхъ мы не имѣемъ. Отъ этого зависитъ нравственное впечатлѣніе, которое мы произведемъ.

Если мы скромно ограничимся постановленіями, пожеланіями и практическими мѣропріятіями къ ихъ осуществленію въ размѣрѣ правъ, намъ лично принадлежащихъ, все человѣчество, не припи-

мавшее участія въ трудахъ конгресса, можетъ быть только благодарно намъ за наши усилія быть ему полезными. Если, напротивъ, мы станемъ заносчиво говорить и дѣйствовать отъ имени человѣчества, не будучи имъ на то уполномоченными, мы подвергаемъ себя опасности быть не только осужденными за наши притязанія, но и признанными зазнавшимися самозванцами.

Вотъ почему я отказываюсь отъ моего собственнаго предложенія учредить международный союзъ единого человѣчества съ центральнымъ бюро въ Парижѣ.

Я нахожу, что мы не имѣемъ нравственного права выбирать изъ своей среды членовъ этого международного учрежденія, какъ мы не имѣемъ нравственного права выбирать изъ своей среды и членовъ того международного комитета, который по предложенію графа де-Фожеръ долженъ быть „зародышемъ органа всемірной совѣсти“ и съ этого же дня получить „самыя широкія полномочія“.

Итакъ, я предлагаю, чтобы конгрессъ обсудилъ всѣ предложенія, которыя были ему сдѣланы и высказался бы въ пользу тѣхъ, которыя будутъ имъ приняты, которыхъ онъ желаетъ санкционировать, рекомендовать благосклонному вниманію человѣчества. Конгрессъ, между прочимъ, можетъ въ принципѣ принять и оба предложенія гр. де-Фожеръ и мое. Затѣмъ, не приступая къ немедленному осуществленію этихъ двухъ проектовъ, особенно не избирая изъ нашей среды членовъ этихъ международныхъ учреждений, на что, повторю, мы не имѣемъ нравственного права, конгрессъ, по моему мнѣнію долженъ ограничиться избраніемъ комиссіи, *очень скромной, безъ всякихъ другихъ правъ, кромѣ права подготовить второй конгрессъ единого человечества*, болѣе настоящаго уполномоченнаго говорить отъ имени мирнаго и любящаго человѣчества, позаботившись привлечь къ участію въ немъ видныхъ и уважаемыхъ представителей всѣхъ національностей, всѣхъ религій и всѣхъ философскихъ системъ, безъ чего, въ дѣйствительности, нѣтъ и конгресса единого человѣчества, имѣющаго право говорить и что либо постановлять отъ его имени.

Другой исходъ, который я считаю возможнымъ предложить—это ликвидировать наши дѣла, считать нашу роль законченною и передать всѣ матеріалы, имѣющіеся въ нашемъ распоряженіи, каковы проекты, предложенія, доклады, равно и остатокъ кассы въ распоряженіе международного бюро Лиги мира въ Бернѣ. Это бюро очень хорошо составлено, во главѣ его стоитъ человѣкъ высокихъ нравственныхъ качествъ, Эли Дюкамень, Лига мира считаетъ среди своихъ сочленовъ многихъ знаменитыхъ представителей юридическаго міра; всѣ наши проекты могутъ быть съ успѣхомъ ими выполнены, если они признаютъ практическую возможность ихъ осуществленія.

Заявленіе, оставленное мною при выѣздѣ изъ Парижа.

Милостивые Государи и Государыни!

На первомъ засѣданіи конгресса я предложилъ выразить г-ну Президенту Республики благодарность отъ имени иностранцевъ за гостепрѣимство, оказываемое намъ во Франціи.

Два дня позже, я долженъ былъ воздержаться отъ дальнѣйшаго участія въ конгрессѣ, для того, чтобы не быть участникомъ преступленія, совершавшагося противъ человѣчества и противъ Франціи. Противъ человѣчества потому, что не проходило дня, когда бы не оскорбляли цѣлыя народы, ихъ Церкви и ихъ Государей, всѣхъ тѣхъ, кто не исповѣдуетъ республиканскихъ взглядовъ и вѣруеть въ Бога Разумнаго и Любящаго. Противъ Франціи потому, что на лонѣ ея ежедневно попирались законы гостепрѣимства и вѣжливости.

Мы не дѣлаемъ за это отвѣтственными ни Францію, ни г. Президента Республики, которымъ мы можемъ попрежнему сказать тѣ добрыя слова, которыя были въ первый день предложены мною. Отвѣтственнымъ мы считаемъ организаціонный комитетъ.

Мы желаемъ, чтобы члены организаціоннаго комитета не принимали участія въ депутаціи, которая отъ нашего имени будетъ благодарить г. Президента Республики, что было бы, слишкомъ возмутительно для насъ и сдѣлало бы весь конгрессъ отвѣтственнымъ за ихъ ошибки.

По поводу Конгресса единого человѣчества.

Въ сентябрѣ этого года, въ Парижѣ, я былъ почетнымъ президентомъ конгресса единого человѣчества и почетнымъ президентомъ одной изъ секцій конгресса спиритуалистовъ. Считаю долгомъ дать отчетъ о результатахъ перваго конгресса. По поводу его я написалъ цѣлую серію статей въ „Недѣлѣ“ подъ общимъ заглавіемъ „Къ лучшему будущему“ и заключительную статью въ „С.-Петербургскихъ вѣдомостяхъ“. На эти статьи отозвалось много добрыхъ, честныхъ, русскихъ сердецъ, выразившихъ сочувствіе и наилучшія пожеланія конгрессу въ цѣломъ рядѣ писемъ и телеграммъ, изъ которыхъ, одни были получены мною въ Россіи, другія въ Парижѣ; многія запоздали и получены были послѣ открытія конгресса, получаютъ и до сихъ поръ, послѣ возвращенія моего на родину.

Всѣ эти выраженія сочувствія относятся къ тому дѣлу мира и единенія въ братолюбіи, какимъ я понималъ конгрессъ, какимъ я изобразилъ его въ своихъ статьяхъ.

Съ прискорбіемъ долженъ сказать, что конгрессъ совсѣмъ не имѣлъ этого характера. Представители мира и любви отсутствовали на конгрессѣ, вѣришь сказать были такъ малочисленны, что не могли оказывать на ходъ конгресса достаточно благотворнаго вліянія. Господствующій тонъ конгрессу дали представители борьбы, вражды и раздора. Какъ отсутствіе первыхъ, такъ и поведение послѣднихъ было въ высокой степени краснорѣчиво и поучительно. Считаю конгрессъ совершенно неудавшимся, я тѣмъ не менѣе ни мало не жалѣю, ни трудовъ, потраченныхъ мною на его пропаганду, ни самаго факта искаженія конгресса подъ вліяніемъ духа времени, ни моего личнаго участія на конгрессѣ въ качествѣ почетнаго президента. Все въ этомъ дѣлѣ высоко поучительно. Многому я научился, многое лучше, яснѣе и глубже понялъ. Особенно дорогой поучительный опытъ я вынесъ изъ непосредственнаго соприкосно-

венія, по отношенію къ идеѣ конгресса, съ душою русскою, въ многочисленныхъ письмахъ, полученныхъ мною отъ нашихъ соотечественниковъ, и съ душою „дѣтей вѣка сего“, разительно ярко выказавшихъ на конгрессѣ характеръ основъ западно-европейской цивилизаціи.

Считаю полезнымъ сказать для тѣхъ, которые могли бы заподозрить, что я дѣйствую подъ вліяніемъ личнаго неудовольствія, что, напротивъ, личное мое самолюбіе и даже честолюбіе могли бы быть вполне удовлетворены, если бы я ихъ ставилъ выше того духа мира и братолюбія, отсутствіе которыхъ на конгрессѣ и сдѣлало для меня невозможнымъ быть имъ довольнымъ, несмотря на то, что я былъ избранъ почетнымъ президентомъ, что мой докладъ былъ покрытъ громкими рукоплесканіями и что профессоръ Мальяръ два дня сряду въ засѣданіяхъ конгресса читалъ самыя лестныя для меня, мнѣ посвященныя стихотворенія.

Подѣлиться опытомъ, вынесеннымъ мною, съ русскимъ обществомъ и особенно съ тѣми представителями его, которые заинтересовались моими статьями и выразили сочувствіе идеѣ конгресса, какъ я ее понималъ, я считаю нравственнымъ долгомъ. Скажу кратко то, что сказать я нахожу нужнымъ скорѣе, для того, чтобы предотвратить возможные недоразумѣнія.

Послѣ многихъ напрасныхъ попытокъ установить на конгрессѣ духъ мира и единенія въ братолюбіи, который долженъ былъ на немъ господствовать, послѣ нѣсколькихъ протестовъ противъ грубыхъ нарушеній этого духа путемъ злобныхъ выходокъ противъ цѣлыхъ народовъ и церквей, когда я убѣдился, что проявленіе злобы считаютъ за свободу, что фактическій президентъ графъ де-Фожеръ рѣшилъ дѣйствовать въ тонъ большинства и ничего не дѣлать для того, чтобы обезпечить за конгрессомъ желательный характеръ, я нашелъ нужнымъ изъ вѣрности духу мира и любви, изъ вѣрности моей Церкви и моему Государю перестать посѣщать засѣданія конгресса и принимать какое-либо участіе въ его постановленіяхъ.

Въ виду этого заявляю, что, несмотря на мое званіе бывшаго почетнаго президента конгресса, я отказываюсь отъ всякой солидарности со всѣмъ, что на немъ происходило противнаго духу мира и любви и отклоняю отъ себя всякую отвѣтственность за тѣ постановленія, которыя были сдѣланы безъ моего участія, если въ нихъ отразится тотъ духъ злобы, вражды и гордости, котораго я отъ всего сердца осуждаю въ его проявленіяхъ во время засѣданій конгресса.

Предупреждаю, что каковы бы ни были постановленія конгресса, хотя бы даже они ограничились тѣми постановленіями, которыя

самъ я предложилъ въ моемъ докладѣ, напечатанномъ въ формѣ брошюры, изданной на французскомъ языкѣ, что постановленія эти будутъ только обманчивою буквою, совершенно не соответствующею духу тѣхъ лицъ, которыя завладѣли дѣломъ конгресса. Совѣтую не вступать съ ними ни въ какія отношенія и особенно не посылать имъ денежныхъ пожертвованій, какъ бы ни были заманчивы предлоги, подъ которыми могутъ вызывать ихъ люди, доказавшіе, что они не представители мира и любви, а представители злобы и раздора.

Если мнѣ не повѣрятъ и поступятъ противно моему совѣту, это не будетъ на моей нравственной отвѣтственности: я остерегъ.

Тѣхъ, которые выразили сочувствіе идеѣ конгресса и, можетъ быть, послали на имя кассира его Л. Капфереръ денежный взносъ, прошу не жалѣть о томъ. Идея, которой они посочувствовали, не умалилась и не исказилась отъ того, что завладѣли ею, нарядились въ нее люди, ничего общаго съ ней не имѣющіе. Когда, въ болѣе подробной брошюрѣ, я скажу имъ, какая разительная и поучительная картина представилась на конгрессѣ, какъ ярко и рельефно выказали себя на немъ представители современной атеистической и индивидуалистической цивилизаціи, какъ ясно стало послѣ того, чего требуетъ торжество принциповъ вѣры и братства, можетъ быть они не пожалѣютъ ни того, что конгрессъ состоялся, ни того что по поводу его они выразили сочувствіе высокой и святой идеѣ, ни того, что денежнымъ взносомъ способствовали проявленію этого поучительнаго факта въ жизни современнаго человѣчества.

Конгрессъ единого человѣчества въ Парижѣ не былъ ни симпатичнымъ дѣломъ, ни великою демонстраціею мира и единенія въ братолюбіи на порогѣ новаго столѣтія, но мы, русскіе, принимавшіе въ немъ участіе и выразившіе ему сочувствіе, искренно желали, чтобы онъ былъ тѣмъ и другимъ, нравственное достоинство нашихъ стремленій не можетъ быть умалено грубыми фактами, не отъ насъ зависящими, отъ соприкосновенія души нашей съ душою представителей западно-европейской цивилизаціи „вѣка сего“ мы вынесли богатый опытъ, и онъ, при доброй волѣ, сослужитъ намъ великую службу на пути самобытнаго стремленія къ лучшему будущему.

ВСЕРОССИЙСКОЕ БРАТСТВО.

Путь къ лучшему будущему.

ВВЕДЕНІЕ.

Вѣрный сынъ Церкви Православной и вѣрно-подданный моего Государя, я искренно и всѣмъ сердцемъ желаю, чтобы личная моя дѣятельность, мои печатные труды и всѣ основанныя мною учрежденія были воистину Церкви, Царю и Отечеству на пользу и во славу.

Недовѣріе, съ которымъ относились ко мнѣ и къ моей дѣятельности, я считаю простымъ недоразумѣніемъ, которое и желалъ бы разсѣять. Недовѣріе это значительно тормозило дѣло, самымъ неблагоприятнымъ образомъ отражалось на внутренней жизни, учрежденнаго мною Православнаго Крестовоздвиженскаго Трудоваго Братства, отнимало у Братства и у меня лично возможность быть полезными въ той мѣрѣ, въ какой мы бы того желали, и создало прискорбную ненормальность отношеній ко мнѣ и Братству со стороны ближайшихъ іерарховъ.

Передъ Богомъ, по совѣсти и по чести, говорю, что побужденія мои чисты, что все изложенное въ настоящей запискѣ—искренняя правда убѣжденій, чувствъ и желаній моихъ, при томъ вся правда, безъ всякихъ недомолвокъ и заднихъ мыслей.

Отдавъ всего себя безраздѣльно на дѣло мира, любви и стройной организаціи жизни и труда на началѣ братолюбія, на дѣло, которое считаю дѣломъ Божиимъ, дѣломъ неотложной и насущной потребности вѣры, любви и христіанской совѣсти, а слѣдовательно и блага Церкви и Государства, я естественно не могъ относиться равнодушно, хладнокровно ко всему, что тормозило это дѣло, вносило въ него элементы разложенія, между прочимъ и ко всякому проявленію къ нему недовѣрія и враждебности. Сознаю, что, при этомъ, не всегда оставался на высотѣ кротости и смиренія. Если эти личные недостатки мои неблагоприятно отразились на отношеніяхъ къ самому дѣлу, прошу всѣхъ, недовольныхъ мною лично,

принять выраженіе моего искренняго раскаянія и убѣдиться, прочтя эту записку, что дѣло Братства Трудоваго, неповинное въ моихъ личныхъ немоцяхъ, есть дѣло полезное и даже необходимое, что убѣжденія и желанія мои дѣлають меня самымъ искреннимъ и преданнымъ слугою Церкви, Престола и Отчизны.

Вѣруя во Христа, помня, что именно любовь къ Богу и ближнимъ и есть высшая заповѣдь Спасителя міра, а слѣдовательно и главная обязанность, налагаемая на всѣхъ своихъ сочленовъ Церковью Его, какою я и признаю Церковь Православную, я не могъ не относиться съ любовью и къ инородцамъ и къ иновѣрцамъ, часто бывалъ за границу, имѣю много друзей почти во всѣхъ странахъ Европы, состою членомъ многихъ иностранныхъ обществъ, былъ почетнымъ президентомъ конгресса единого человѣчества и герметической секціи конгресса спиритуалистовъ въ Парижѣ. И это было источникомъ недоверія ко мнѣ, подозрѣній въ томъ, что я въ ущербъ вѣрности Церкви и Отечеству сочувствую то протестанству, то католицизму, то западно-европейскому свободомыслию. По чистой совѣсти заявляю, что сознательно предпочитаю Православіе и протестанству и католицизму, къ которымъ не питаю даже симпатій, хотя ко многимъ протестантамъ и католикамъ отношусь съ любовью и уваженіемъ. Что же касается до западно-европейскаго свободомыслия съ его основами: атеизмомъ и индивидуализмомъ, я не только ему не сочувствую, но могу назвать себя самымъ убѣжденнымъ врагомъ его, какъ величайшаго тормазы для Божія дѣла міра, любви, единенія и всеобщей гармоніи. Именно частыя сношенія мои съ Западомъ заставили меня глубже понять самый духъ западно-европейской культуры и лучше опѣнить необходимость для нашего отечества самобытнаго, независимаго отъ Запада, мирнаго прогресса.

Одного Бога и одно дѣло Божіе я ставлю выше моей преданности Россіи. Подъ вліяніемъ невыносимо тяжелаго сознанія, что я окруженъ равнодушіемъ и враждебностью, что дѣло не внушаетъ ни любви, ни довѣрія, я дѣйствительно думалъ продать всѣ мои имѣнія и перенести дѣло Братства за предѣлы Россіи. Какъ только небо прояснилось и мнѣ вновь блеснула надежда на то, что дѣло Братства Трудоваго можетъ быть признано въ моемъ отечествѣ дѣломъ общецерковнымъ, дѣломъ любимымъ и желаннымъ, я съ радостію отказался отъ этого намѣренія и готовъ съ любовью забыть все скорбное прошлое.

Молю Господа, да послужить настоящая записка къ окончательному разсѣянію тумана всякихъ недоразумѣній и положить начало эрѣ міра, довѣрія и полнаго единодушія между мною и всѣми тѣми,

кто искренно желаетъ блага и мирнаго преуспѣянія Церкви помѣстной и нашего дорогого отечества.

1. Отношеніе къ Церкви.

1) Будучи вѣрнымъ сыномъ Церкви Православной, я признаю и съ величайшимъ уваженіемъ отношусь ко всѣмъ ея догматамъ, авторитету и правамъ священной іерархіи, равно и къ установленному ею чину богослуженія и обрядности.

2) По долгу вѣрности Православію, въ противность католическимъ заблужденіямъ, не признаю непогрѣшимости ни одного изъ представителей священной іерархіи и не считаю *слѣдуетъ* повиновеніе для себя обязательнымъ, что и вызываетъ неудовольствіе противъ меня со стороны католическующихъ на лонѣ Православія.

3) По долгу вѣрности Православію, въ противность протестантскимъ, лютеранскимъ и всѣмъ другимъ раціоналистическимъ заблужденіямъ, высоко дорожу союзомъ міра и любви со всею великою Церковью Православною и всѣмъ сердцемъ желаю, чтобы дѣло Братства нашего было дѣломъ общецерковнымъ, Церкви Православной во благо и во славу.

4) По долгу вѣрности Православію, вполнѣ признавая исключительныя права церковной іерархіи, не забываю и необходимости для мірянъ церковнаго самосознанія, активнаго отношенія къ дѣлу вѣчнаго спасенія и стройной организаціи по вѣрѣ жизни церковной.

5) По долгу вѣрности Православію, не могу считать возможнымъ противопоставлять Церковь Православную Вѣчному Главѣ Ея—Христу, ни ученія Церкви Православной—завѣтамъ Спасителя міра и потому всегда считалъ, считаю и буду считать, что Церковь Православная, оставаясь вѣрною „Краеугольному Камню Своему—Христу“, не отмѣнила высшей заповѣди Его—царственнаго закона любви, не развѣчала эту заповѣдь, не низвела ее на уровень дисциплинарныхъ мѣръ, что признать требуютъ отъ меня люди, противопоставляющіе Христу—„Исторически развившуюся русскую Православную Церковь“, отъ ея имени осуждая меня за желаніе напомнить моимъ единовѣрцамъ, согласно завѣтамъ Христа и Бога моего, первенствующее значеніе любви въ дѣлѣ вѣчнаго спасенія, въ дѣлѣ вѣрности Богу и Церкви Православной и необходимость стройной организаціи жизни, отношеній и всѣхъ родовъ труда на началахъ любви къ Богу и неліцемернаго братолюбія.

6) По долгу вѣрности Церкви Православной и по логикѣ церковнаго самосознанія, не могу не понимать, не исповѣдывать громко, что благо Церкви Помѣстной, нашего отечества и всего человѣче-

ства главным образом и зависит от того, насколько честно и стройно осуществляется в жизни нашей этот высший, царственный закон о любви к Богу и нелицемитного братолюбия. Именно об этом всегда возносились молитвы в православных храмах, именно это проповедывали представители православной иерархии, все оставшиеся верными животворящему духу церкви и заветов Ее Главы. К осуществлению этих заветов, к послушанию этим призывам я и призываю настойчиво моих единовѣрцев словомъ, печатными трудами моими и всею моею дѣятельностью, которая такимъ образомъ является дѣломъ насущной потребности вѣры, любви и церковной совѣсти моей, дѣломъ повиновения Богу Живому, Христу Его и Православной Церкви Ихъ.

7) Именно это дѣло вѣры, любви и повиновения Церкви и составляетъ самую суть, духовный смыслъ всей моей дѣятельности и всехъ основанных мною учреждений. Православное Крестовоздвиженское Трудовое Братство стремится устроить на лонѣ Православия жизнь, взаимныя отношенія и все роды труда на основѣ любви к Богу и нелицемитного братолюбия. Школы и приюты его стремятся устроить на тѣхъ-же началахъ воспитаніе воли дѣтей и юношей к добровольной дисциплинѣ любви. Чувствовать себя признанными верными и любимыми чадами Церкви Православной и дѣло наше признаннымъ дѣломъ полезнымъ, дорогимъ, общецерковнымъ, составляетъ потребность любви нашей и необходимое условіе для того, чтобы дѣло наше было воистину тѣмъ дѣломъ мира и любви, какимъ мы желаемъ ему быть, не только для насъ, но и для всехъ единовѣрцевъ нашихъ, и могло принести наибольшую пользу для всей великой православно-русской семьи.

2. Отношеніе къ престолу.

1) Верноподданный моего Государа, я искренно и всемъ сердцемъ желаю, солидарно съ государственною властью, работать на благо отечества, признавая это благо вполне солидарнымъ съ честнымъ осуществленіемъ правды Божіей въ практикѣ жизни Православной Россіи. Сознать, что моя дѣятельность одобряется Верховнымъ вождемъ Россіи, на лонѣ которой я дѣйствую, составляетъ потребность моей любви къ Государю и уваженія къ авторитету власти его. Жить и дѣйствовать въ домѣ, сознавая себя въ разладѣ съ его хозяиномъ, я считаю настолько нечестнымъ, неблагороднымъ, униженнымъ, что чувствовалъ бы себя совершенно парализованнымъ и не могъ бы помириться для самого себя съ такимъ положеніемъ.

2) Самодержавіе *Божіею милостію* Православнаго Царя считаю наилучшею формою правленія, наиболее гарантирующею возможность мирнаго прогресса и дружной гармоніи всехъ составныхъ элементовъ государственнаго организма. Такъ думаю не по обязанности, не страха и угодничества ради, не по рутинѣ традицій рода, болѣе шестисотъ лѣтъ служившаго престолу и отечеству, а по совѣсти и по опыту жизни и близкаго знакомства съ положеніемъ вещей въ конституціонныхъ и республиканскихъ государствахъ Западной Европы.

3) Самодержавіе *Божіею милостію* прямо противоположно самовластію языческаго или свободомыслящаго деспота. Это лучшее и худшее, день и ночь, причемъ центръ тяжести, животворящій духъ, рѣшающій нравственное достоинство власти и формы правленія, заключается не въ словѣ „Самодержавіе“, а въ словахъ „Божіею милостію“.

4) Самодержавіе *Божіею милостію* Царя Православнаго есть лучшая гарантія уваженія къ правамъ всехъ подданныхъ безъ различія классовъ и партій, лучший залогъ мирной и солидарной дѣятельности всехъ элементовъ государства на пользу общую. Никакая хартія, никакой договоръ не можетъ быть гарантіею равносильною сознанию вѣнценоснаго Помазанника, что онъ получилъ власть свою отъ Бога—Любовь, Высшаго Разума міра, является делегатомъ Его на землѣ, обязанъ осуществлять правду Его въ жизни своихъ подданныхъ и утрачиваетъ все права свои, становясь крамольнымъ по отношенію къ Царю царствующихъ и Господу господствующихъ.

5) Самодержавіе *Божіею милостію*, по мѣрѣ своего самосознанія, гарантируетъ уваженіе къ человѣческой личности болѣе всякихъ декларацій о правахъ человѣка, гарантируетъ отъ фаворитизма, неизбежнаго въ разгарѣ партійной борьбы и отъ развращающаго вліянія избирательной агитаціи, столь губительно дѣйствующей на нравственность современныхъ народовъ, обладающихъ либеральными учреждениями, гарантируетъ свободу всехъ въ безконечно болѣе степени, нежели свобода борьбы между партіями, желающими свободы каждая для себя и признающими право на свободу только за собою.

6) Самодержавіе *Божіею милостію*, не только не требуетъ гордаго обособленія верховной власти отъ народа, не только не мѣшаетъ проявленію воли народной путемъ выборовъ, совѣщательныхъ земскихъ собраний, но даже по самой сути своей требуетъ сердечнаго единенія, единомыслія и единодушія всей великой семьи съ Богомъ даннымъ Царемъ-Батюшкой.

7) Самодержавіе *Божіею милостію*, болѣе всякой другой формы правленія, для правильнаго хода государственной жизни требуетъ

яснаго самосознанія, какъ отъ представителей власти, такъ и отъ массы народной. Въ этомъ самосознаніи гарантія взаимныхъ чувствъ любви и уваженія, единомыслія и единодушія, духовной устойчивости, самобытнаго мирнаго прогресса и непреоборимой мощи Православной Россіи. При этомъ народъ сознаетъ святымъ долгомъ своимъ искренно и честно исповѣдывать жизненную правду, откровенно и доверчиво высказывая сердечныя желанія свои, съ любовью и уваженіемъ признавая въ то же время за Самодержцемъ право соглашаться съ желаніями меньшинства, каждый разъ какъ желанія эти, болѣе желанія большинства, совпадаютъ съ правдою Божіей, а слѣдовательно, и съ общимъ благомъ.

3. Отношенія къ отечеству.

1) Искренно и сознательно любя мое отечество и русскую народность, я горячо желаю для нихъ мирнаго преуспѣянія и самобытнаго развитія въ направленіи честнаго осуществленія церковной правды. На это дѣло мира, единенія и братолюбія готовъ служить самоотверженно до конца жизни подъ непремѣннымъ условіемъ сознанія моей солидарности съ Церковью и Государствомъ, на лонѣ которыхъ дѣйствую.

2) Любовь къ отечеству и русской народности полагаю не въ томъ, чтобы находить прекраснымъ все русское, въ смыслѣ современной русской жизненности, какъ и любовь къ Церкви полагаю не въ томъ, чтобы оправдывать рутину жизни людей, именующихъ себя православными, не въ томъ, чтобы находить дурнымъ все въ укладѣ жизни всѣхъ иностранцевъ и иновѣрцевъ, а въ томъ, чтобы, сознавая высокія качества русской души и высшую правду Православія и Самодержавія Царя Православнаго, способствовать стройному и честному осуществленію этихъ идеаловъ въ жизни путемъ мирнаго устроенія самой жизни на этихъ основахъ. Другими словами, любя Россію, желаю не оправданія ея современной жизненности, а свѣтлаго преображенія жизни ея путемъ безконечнаго, самобытнаго прогресса.

3) Любовь къ отечеству заставляетъ меня строго порицать многія явленія жизни, вносящія вредную закваску, элементы раздора и разложенія. Такъ, я не могу не порицать всѣхъ тѣхъ, которые, хотя бы и изъ возвышенныхъ побужденій, нарушаютъ союзъ мира и любви съ Церковью и Государствомъ, какъ то дѣлаютъ сектанты въ области религіозной и революціонеры всякихъ оттѣнковъ, до критиканствующаго либерализма включительно, въ области политической. Не могу не порицать и легкомысленнаго преклоненія

нашей интеллигенціи и литературы передъ современной атеистическою и индивидуалистическою западно-европейскою культурой, столь противоположной по самому духу своему вѣрѣ и единенію въ братолюбіи. Не могу не порицать и грубаго фанатическаго шовинизма, воображающаго, что можетъ внушить любовь и уваженіе къ отечеству хвастовствомъ, грубою требовательностію и кулакомъ, вмѣсто честнаго осуществленія Божіей правды въ жизни и убѣжденія умовъ и сердецъ въ истинѣ этой правды, именно путемъ честнаго ея осуществленія. Оставаясь вѣрнымъ духу мира и любви, я желаю протестовать противъ всего этого, не путемъ критики зла и словопреній, а путемъ исповѣданія правды и стройнаго осуществленія ея въ жизни.

4) Любовь къ моему отечеству побуждаетъ меня не къ тому, чтобы противопоставлять интересы Россіи интересамъ всѣхъ другихъ народовъ, а къ тому, чтобы способствовать моему отечеству осуществить высшую правду и этимъ путемъ стать свѣтомъ мира и солью земли — свѣточемъ человѣчества. Для этого я горячо желаю ей самостоятельности и самобытности, желаю благоразумной осторожности, умѣренности въ сношеніяхъ съ Западомъ, имѣющимъ такое растлѣвающее вліяніе на современную нашу интеллигенцію, способнаго внести въ жизнь русскаго народа ядъ атеизма, индивидуализма и дурно понятой свободы, ту вредную закваску, которая, какъ духовная гангрена, *распалаетъ* человѣчество и разѣдаетъ государственные организмы на Западѣ.

5) Любовь къ отечеству дала мнѣ возможность оцѣнить по достоинству отличительныя качества славянскаго племени, которому предстоитъ осуществить въ жизни царство любви, какъ англо-саксы осуществили царство разума, а народы романскаго племени — царство ощущеній. Согласно съ этимъ я сознательно не желаю для моего отечества, ни увлеченія раціонализмомъ, ни увлеченія осложняющимъ жизнь матеріальнымъ комфортомъ.

6) Любовь къ отечеству, желаніе для него мира и единенія въ братолюбіи, побуждаетъ меня желать объединенія всѣхъ народностей, его составляющихъ, путемъ добровольнаго и сознательнаго слиянія съ господствующею расою, того, что принято называть обрусеніемъ, и именно потому не сочувствовать насильственному обрусенію путемъ гоненія на инородческіе языки, одежды и учрежденія, что можетъ только возбуждать враждебность и такимъ образомъ отдаляетъ возможность мирнаго, добровольнаго соглашенія.

7) Любовь къ моему отечеству заставляетъ меня горячо желать, чтобы православный русскій народъ возрѣлъ духовно до яснаго самосознанія высшей правды своихъ основъ: Православія, Самодержавія и народности, въ смыслѣ самобытнаго прогресса, путемъ

честнаго и стройнаго осуществленія своихъ идеаловъ, доказалъ ихъ жизненную правду и тѣмъ покорилъ этой правдѣ умы и сердца всѣхъ другихъ народностей, входящихъ въ составъ Россійской Имперіи, а затѣмъ и всего человѣчества.

4. Современное положеніе на Западѣ.

1) Близкое знакомство съ Западомъ привело меня къ убѣжденію, что онъ большими шагами идетъ къ неизбежной анархіи, что это не зависитъ отъ случайныхъ, неблагоприятныхъ обстоятельствъ, которыя могутъ быть измѣнены, а логично вытекаетъ изъ самыхъ основъ современной западно-европейской культуры, отъ которыхъ отравленное ими человѣчество не откажется раньше, чѣмъ скорбнымъ опытомъ извѣдаетъ всю силу ихъ зловерности.

2) Главная изъ этихъ основъ *индивидуализмъ*, возведенный въ главенствующій принципъ, въ неотъемлемое право человѣка. Второстепенные догматы логично вытекающіе изъ этого верховнаго догмата: 1) Неотъемлемое право всякаго человѣка на всестороннее развитіе своей индивидуальности и широкое ея проявленіе, *независимо отъ нравственнаго достоинства самой индивидуальности* и требованій общаго блага. 2) Неограниченная свобода индивидуальности въ смыслѣ неограниченнаго своеволія.

3) Это и есть истинный *демонизмъ*, гораздо болѣе опасный, чѣмъ тотъ грубый демонизмъ, который выражается въ служеніи обѣдни сатанѣ и въ официальном подготовленіи антихриста небольшою сектою изувѣровъ во Франціи и Англіи. Этотъ бессознательный демонизмъ насчитываетъ миллионы послѣдователей, возводящихъ въ принципъ *эгоизмъ и своеволіе*, признавая ихъ неотъемлемыми правами человѣка, во имя ихъ отрицая всякую религію, всякую нравственность, всякій порядокъ, всякую организацію. Этотъ бессознательный демонизмъ древенъ, какъ міръ, который „весь возлѣ лежитъ“. Первымъ индивидуалистомъ былъ Сатана, провозгласившій свое право на безграничную свободу индивидуальности, ради нея нарушивъ единеніе мира и любви, ради нея измѣнивъ Богу и великому Братству Царства Его.

4) Быстрые успѣхи въ области наукъ и прикладныхъ знаній до того отуманили умы и сердца, по гордости и злобѣ грѣшнаго человѣчества, что оно почти поголовно страдаетъ маніей величія, воображаетъ себя Богомъ, Творцомъ, Спасителемъ и Утѣшителемъ. Именно это настроеніе и выразилось въ догматѣ свободы индивидуальности, который и налагаетъ печать свою на всю современную культуру и воспринимается бессознательно миллионами людей, какъ

необходимая принадлежность истинной культуры и истинной интеллигентности.

5) Ближайшими послѣдствіями демоническаго культа безграничной свободы индивидуальности въ области мысли является атеизмъ, проповѣдь безвѣрія и безнравственности, осмѣяніе всякаго авторитета и всякой организаціи, поруганіе всякой святыни, всего возвышеннаго, вытравленіе высокихъ чувствъ любви, смиренія, благоговѣнія. Все это признается предразсудками мѣшающими широкому проявленію свободной индивидуальности.

6) Ближайшими послѣдствіями его въ области практической жизни является, по сознанию одного изъ умнѣйшихъ представителей современной Франціи, „распыленность человѣчества, ставшаго ни на что неоднородною индивидуальною тѣлю“, для которой тягостны и ненавистны всякая организація, всякое соглашеніе, всякій порядокъ. Отсюда неизбежность безконечной, ожесточенной, грубой борьбы свободныхъ индивидуальностей, вооруженный міръ не только въ области международной, но и во внутренней жизни государства, въ области социальной, даже въ семейномъ быту.

7) *Атеизмъ* лишаетъ практической возможности найти какія-либо объединяющія начала; *индивидуализмъ* отнимаетъ всякую практическую возможность самоограниченія, *свобода*, понимаемая въ смыслѣ *своеволія*, дѣлаетъ практически невозможными всякую организацію, всякій порядокъ.

8) Распыленное человѣчество естественно, по наклонной плоскости, стремится къ анархіи и только, переживъ всѣ ужасы хаоса, можетъ быть, покается и откажется отъ своихъ излюбленныхъ кумировъ.

9) Всякія попытки въ направленіи коллективизма, со стороны правовѣрныхъ исповѣдниковъ свободы индивидуальности, простое недоразумѣніе, которое, на практикѣ, неизбежно разобьется объ эту самую свободу индивидуальности.

10) Противуположныя теченія религіозныя и гуманитарныя, которыя есть, которыхъ много, которыя проявляютъ лихорадочную дѣятельность, окажутся безсильными по слѣдующимъ причинамъ: 1) Представители этихъ движеній по большей части задорны въ полемикѣ изъ за принциповъ и очень робки въ дѣлѣ ихъ осуществленія, *довольствуются памѣтниками* и безсистемною благотворительностью, вмѣсто того, чтобы стройно организовать жизнь на началахъ вѣры, любви и братства. 2) Въ *неравной борьбѣ* съ своими противниками они всегда будутъ побѣждены, если не измѣнятъ своимъ принципамъ и не сравняются съ ними въ безпринципности и грубости орудій борьбы. 3) *Нить власти* достаточно независимой,

авторитетной и сильной, которая могла бы обеспечить за ними возможность мирного житья среди окружающего хаоса.

11) Марксизмъ, какъ его теперь понимаютъ, Нитцшеніанство, Ибсенъ въ литературѣ—особенно яркія проявленія этого духа времени, все разрушающаго ради свободы индивидуальности и ничего не способнаго создать изъ вѣрности тому же принципу.

12) Подъ вліяніемъ этого духа времени всѣ ограниченныя монархіи, неизбежно, въ болѣе или менѣе отдаленномъ будущемъ, обратятся въ демократическія республики, а эти послѣднія въ анархію.

5. Современное положеніе въ Россіи.

1) *Россія государство православное и самодержавное*, но многія явленія внутренней жизни ея находятся въ полномъ противорѣчій съ этими двумя принципами.

2) *Строй жизни* семейной, общественной и трудовой далеко *недостаточно согласованъ съ вѣрою* и строено организовано на ея верховномъ законѣ, царственномъ законѣ о любви къ Богу и нелицемѣрнаго братолюбія.

3) *Нѣтъ* достаточно *церковнаго самосознанія*, что и выражается въ крайней шатости вѣры, умовъ и сердець. Слишкомъ многіе православные люди не достаточно понимаютъ въ Кого вѣруютъ, вѣруютъ болѣе по рутинѣ, нежели сознательно, совершенно не понимаютъ нравственной отвѣтственности мірянъ въ жизни Церкви, считают одно духовенство за Церковь, за нимъ однимъ признаютъ права и обязанности въ дѣлѣ устроения жизни церковной, одно духовенство дѣлая за все отвѣтственнымъ.

4) *Нѣтъ* и достаточно *государственнаго самосознанія*. Слишкомъ много у Самодержца Всероссийскаго подданныхъ, не сознающихъ громаднаго и благотворнаго значенія Самодержавія *Божіею милостію*, отчего и въ этой области не менѣе, чѣмъ въ области религіозной, проявляется шатости умовъ и сердець отъ высшихъ классовъ и до низшихъ, какъ въ дѣлѣ управления страной, такъ и въ дѣлѣ созиданія жизни управляемыми.

5) Въ практикѣ жизни церковной эта шатость выражается въ сознательномъ и безсознательномъ, явномъ и тайномъ отступничествѣ отъ истиннаго Православія. Слишкомъ много представителей интеллигенціи оказались неспособными устоять противъ атеизма, индивидуализма и прочихъ антиправославныхъ основъ западно-европейской культуры. Другіе, какъ гр. Толстой и Пашковъ, исходя изъ религіозныхъ побужденій, проявляютъ изумительное непонима-

ніе Православія и значенія Церкви, измѣняя имъ, одинъ ради религіозной анархіи, другой ради религіознаго раціонализма. Слишкомъ многіе представители простого русскаго народа оказались неспособными устоять противъ соблазна сектантства и измѣнили Церкви, вмѣсто того, чтобы на лонѣ ея стремиться къ лучшему.

6) Въ практикѣ жизни государственной эта шатость выражается въ сознательномъ и безсознательномъ, тайномъ и явномъ преклоненіи передъ конституціонными, ультра-демократическими, республиканскими и даже анархическими западно-европейскими теоріями. Слишкомъ много враговъ принципа Самодержавія среди русской интеллигенціи, слишкомъ много безсознательныхъ анархистовъ среди народа.

7) И повременная печать, и русская литература, за малыми исключениями, проникнуты слѣпымъ довѣріемъ къ принципамъ западно-европейской культуры и болѣе или менѣе безсознательно отравляютъ этимъ ядомъ умы и сердца нашихъ соотечественниковъ. Говорю по опыту, испытывъ на лонѣ Братства Трудоваго всю силу зловредности этого яда, ставшаго соблазномъ для многихъ, несмотря на исключительно благоприятныя обстоятельства.

8) Такъ называемая консервативная печать являлась слишкомъ часто и для Православія и для Самодержавія опаснѣе врага, выказывая крайнюю безпринципность, силясь доказать, что черное бѣло, а бѣлое черно, не имѣя никакой опредѣленной программы мирнаго прогресса, отрицая даже необходимость стремиться къ лучшему будущему. Такимъ путемъ она могла только компрометировать и сдѣлать окончательно непонятными самыя святыя и самыя очевидныя истины.

9) При такихъ обстоятельствахъ слишкомъ мало единомыслія и единодушія, слишкомъ мало гармоніи и возможности единства дѣйствій между разными факторами русской жизни. Нѣтъ достаточной гармоніи между вѣрою, разумомъ и жизнію. Нѣтъ достаточной гармоніи между представителями священной іерархіи, гражданскими властями, интеллигентными классами общества и массою русскаго народа.

10) Православіе и Самодержавіе не въ достаточной степени осуществляются въ русской жизни, правда ихъ не въ достаточной степени ясна для умовъ, дорога для сердець.

11) Мало-по-малу умы и сердца поработаются западно-европейскому демонизму, теряютъ свою православно-русскую самобытность и все государство втягивается въ рутину западно-европейской культуры, уклоняясь отъ самобытнаго пути, назначеннаго ей Провидѣніемъ.

12) Если буквѣ Православія и Самодержавія не будетъ соотвѣт-

ствовать духъ жизни русскаго народа, буква эта станетъ мертвящею и не будетъ имѣть силы оградить Россію ни отъ атеистическаго индивидуализма, ни отъ прогрессивной анархіи въ жизни.

6. Путь къ лучшему будущему.

1) *Православіе, Самодержавіе Божіею милостіею и народность въ смыслъ независимой самобытности культуры и жизни*—вотъ три основы, способныя оградить Россію отъ трагической судьбы народовъ западной культуры и дать ей возможность процвѣтанія и мирнаго прогресса въ то время, когда на Западѣ будетъ происходить кровавая вакханалія финальной анархіи.

2) Основы эти заключаютъ въ себѣ такую высокую и глубокую жизненную правду, что *сила ихъ въ сознательномъ отношеніи со стороны всѣхъ факторовъ государственной жизни*, отъ Монарха до простолюдина, а не въ полицейскихъ мѣрахъ ограниченій и устрашенія, которые могутъ только ихъ компрометировать, сдѣлать недугъ скрытымъ, не исцѣляя его и созидать обманъ жизни, наводя внѣшнюю позволоту порядка и тишины на реальную анархію умовъ, сердецъ и жизни.

3) Не хочу этимъ сказать, что мѣры ограничительныя и даже мѣры устрашенія совсѣмъ не нужны, а то, что не на нихъ должны быть возложены надежды. *Власть должна быть сильна и проявлять свою мощь каждый разъ, какъ это будетъ необходимо для поддержанія порядка и огражденія основъ русской государственной жизни отъ насилія и поруганія.* Надеждою Россіи должно быть выясненіе высшей правды этихъ основъ, мирное завоеваніе для нихъ умовъ, сердецъ и жизни, стройная гармонизація вѣры, разума и жизни въ практикѣ русской жизнѣдѣйственности, пробужденіе церковнаго, государственнаго и національнаго самосознанія, тѣсная сплоченность людей доброй воли, совершенно опредѣленная и для всѣхъ ясная программа мирнаго прогресса этихъ поборниковъ русской самобытности. Власть должна проявлять свое могущество только въ тѣхъ случаяхъ, когда надо оградить самыя основы русской жизни и свободу дѣйствій поборниковъ этихъ основъ отъ козней внѣшнихъ враговъ и внутреннихъ измѣнниковъ.

4) Для пробужденія самосознанія и выясненія совершенно опредѣленной программы мирнаго, самобытнаго прогресса, необходимо учредить *органъ печати*, который могъ бы быть знаменемъ и соединительнымъ звеномъ для всѣхъ честныхъ элементовъ русскаго общества, желающихъ блага Россіи и самобытнаго мирнаго прогресса для нея.

5) Для объединенія и тѣснаго сплоченія всѣхъ здоровыхъ и честныхъ элементовъ истинно русскаго общества въ одну единомысленную и тѣмъ могущественную семью, способную быть зерномъ русскаго самосознанія и доброю закваскою въ жизни, необходимо учредить *Всероссійское Братство* съ центральнымъ объединяющимъ управленіемъ въ Петербургѣ и автономными отдѣленіями по всей Россіи.

6) *Отношенія къ инородцамъ и иноверцамъ, входящимъ въ составъ Россійской Имперіи, должны быть полны братской любви и уваженія къ свободѣ ихъ самобытности*, возлагая всѣ надежды въ дѣлѣ ихъ обрусенія на высшую, очевидную жизненную правду русскихъ основъ, честно осуществленныхъ въ жизни; другими словами, *ожидая отъ нихъ самаго добровольнаго и сознательнаго обрусенія*, понимая, что насиліе не можетъ убѣждать, не можетъ внушать любовь и уваженіе, а можетъ только вызывать упорство и враждебность.

7) Такой же характеръ должны имѣть и *наши отношенія къ другимъ самостоятельнымъ народамъ.* Мы не должны навязывать имъ наши основы, но должны ревниво и стойко отстаивать отъ нихъ самобытность русской жизни и проповѣдывать русскую правду, не столько безплодною критикою ихъ заблужденій, сколько честнымъ и стройнымъ осуществленіемъ русской правды въ собственной жизни и братскою поддержкою народовъ, родственныхъ намъ по вѣрѣ и національности. Мы не должны безусловно обособляться отъ другихъ народовъ, но должны очень осторожно общаться съ ними и что либо отъ нихъ перенимать, непременно самобытно перерабатывая и гармонизируя съ основами русской жизни все, что отъ нихъ перенимаемъ. Такимъ путемъ Россія, не становясь по собственной винѣ во враждебныя отношенія къ остальному міру, можетъ *отстоять свою самобытность, стать солью земли и свѣтомъ міра, исполнить свое предназначеніе—быть ковчегомъ, вмѣщающимъ въ себѣ огонь вѣры, любви, мира, гармоніи и порядка, во время надвигающагося на Европу кроваваго потопа.*

7. Органъ православно-русскаго самосознанія.

1) Онъ долженъ быть *органомъ мірянъ, органомъ Всероссійскаго Братства и Трудовыхъ братствъ.*

2) Очень существенно, чтобы онъ былъ именно органомъ мірянъ для того, чтобы онъ могъ быть *органомъ обще-церковнаго и общегосударственнаго самосознанія.* Это не исключаетъ возможности и желательности участія въ немъ представителей священноіерархіи,

но это гарантирует его от профессиональной исключительности, от высокомерного доктринерства и богословской схоластики, обезпечивает за ним характер органа обще-церковного.

3) Сообразно тому *слогъ его долженъ быть простой*, общеупотребительный въ житейской практикѣ, чуждый схоластическаго педантизма, всякой фарисейской слащавости и приторной елейности.

4) Очень желательно, чтобы онъ, будучи органомъ православно-русскаго самосознанія и гармонизаціи русскаго жизни, явилъ собою добрый примѣръ исповѣданія истины и разработки путей стройнаго осуществленія этой истины въ жизни, *чуждаясь духа критиканства и всякой задорной полемики*. Это не исключаетъ возможности критики и полемики, но низводитъ то и другое на степень служебнаго дѣла. Необходимо *твердо стоять на почвѣ созиданія добра*, позволяя себѣ критику зла только въ той мѣрѣ, насколько это необходимо для выясненія истины и осуществленія добра въ практикѣ жизни.

5) Программа журнала можетъ быть такова: 1) *Пробужденіе церковнаго самосознанія* путемъ выясненія жизненной правды Православія, роли мірянъ въ жизни Церкви помѣстной и прихода, нравственной обязанности для мірянъ живого участія и активного отношенія къ обще-церковной и приходской жизни. 2) *Пробужденіе государственнаго самосознанія* путемъ выясненія жизненной правды Самодержавія *Божіею милостію* и необходимости сознательнаго согласованія всей государственной и общественной жизни съ этою основою. 3) *Пробужденіе національнаго самосознанія* путемъ выясненія необходимости и желательности русскаго самобытнаго и самобытнаго мирнаго прогресса для Россіи. 4) *Первенствующее значеніе любви*, какъ животворящаго духа вѣры и жизни по вѣрѣ. *Необходимость логики любви и дисциплины любви*. Любовь къ прошлому, настоящему и будущему. Любовь къ Богу, къ Церкви, къ Государю, къ Отечеству, ко всему человѣчеству, ко всему творенію. Братолюбіе логичное, нелицемѣрное, торжествующее. 5) *Разработка совершенно ясной и определенной программы осуществленія православно-русскихъ идеаловъ въ жизни*, программы настолько убѣдительною для умовъ и сердецъ, чтобы она могла стать знаменемъ и объединяющимъ началомъ для всѣхъ здоровыхъ и честныхъ элементовъ русскаго общества.

6) Органъ этотъ долженъ охватывать собою по возможности *всю жизнь*, смотря на всѣ явленія жизни съ православно-русской точки зрѣнія. Онъ долженъ имѣть устойчивый, практический, жизненный характеръ, быть цѣльнымъ, содержательнымъ и интереснымъ во всѣхъ мельчайшихъ статьяхъ и замѣткахъ.

7) Очень желательно, чтобы органъ этотъ выходилъ *въ трехъ изданіяхъ*: 1) для интеллигенціи, 2) для народа и 3) для дѣтей. Для

всѣхъ трехъ изданій названіе могло бы быть одно, наиболѣе соответствующее цѣлямъ этого органа: „*Вѣра и Жизнь*“.

8. Всероссійское Братство.

1) Очень существенно, чтобы проповѣдываемыя истины не оставались въ области отвлеченнаго мышленія, а немедленно прилагались къ жизни, людьми, ихъ воспринявшими, и преобразовали жизнь чрезъ ихъ посредство. Такимъ *органомъ проведенія въ жизнь православно-русскаго самосознанія* и должно быть Всероссійское Братство.

2) Братство это должно быть *дѣломъ частнымъ*, состоящимъ однако одновременно подъ Высочайшимъ покровительствомъ и покровительствомъ Святейшаго Правительствующаго Синода въ лицѣ Его перво-присутствующаго—Митрополита С.-Петербургскаго.

3) Для объединенія дѣятельности братства, содѣйствія, покровительства и руководства провинціальныхъ отдѣленій, должно быть основано въ столицѣ центральное управленіе, которое можетъ быть названо *Думою Всероссійскаго Братства*.

4) Дума должна имѣть *смѣшанный характеръ и состоять изъ лицъ духовныхъ и мірянъ*, по избранію общаго собранія, состоящаго не только изъ столичныхъ членовъ братства, но и изъ уполномоченныхъ провинціальныхъ отдѣленій.

5) *Провинціальныя отдѣленія* должны представлять изъ себя возможно болѣе автономныя единицы, свободно устрояющія дѣятельность братства сообразно мѣстнымъ условіямъ подъ непремѣннымъ условіемъ оставаться вѣрными основнымъ цѣлямъ и животворящему духу дѣла Всероссійскаго Братства, составною частью котораго они являются. Эти провинціальныя братства тоже управляются выборною Думою, тоже состоящею изъ представителей духовенства и мірянъ.

6) Программу дѣятельности Всероссійскаго Братства *нельзя и нежелательно точно опредѣлить*. Она должна быть согласована съ мѣстными и временными потребностями окружающаго общества. *Общіе пункты* входящіе обязательно во всѣ программы, таковы: 1) Главная цѣль—*пробужденіе* церковнаго, государственнаго и національнаго самосознанія и стройной организаціи жизни на православно-русскихъ основахъ. 2) *Объединеніе людей доброй воли изъ представителей духовенства и мірянъ* на дѣло созиданія добра въ жизни. 3) *Устройство* съ этими цѣлями *братскихъ собраній* для интеллигенціи, народа, юношества и дѣтей. 4) *Покровительство* и содѣйствіе родственнымъ задачамъ братства *частнымъ починамъ*, священниковъ въ приходахъ, учителей и учительницъ въ школахъ и т. д.

7) Сообразно тому дѣятельность Всероссійскаго Братства и его отдѣленій можетъ выразиться во всевозможныхъ мѣрахъ *пропаганды добра и стройнаго осуществленія его въ жизни*; въ устройствѣ братскихъ собраний, воспитательныхъ общежитій при школахъ, братскихъ общежитій для одинокихъ въ городахъ и селахъ, трудовыхъ братствъ земледѣльческихъ, промышленныхъ, профессиональныхъ и торговыхъ, библиотекъ, народныхъ чтеній, народныхъ театровъ, всего, что стройно организуетъ жизнь и нравственно ее преобразуетъ, лишь бы дѣятельность эта не имѣла характера безсистемной и безтолковой благотворительности.

9. Приходы.

1) Для того, чтобы быть живою клѣткою церковно-государственного организма, каждый приходъ долженъ быть *всесловнымъ братствомъ*, живущимъ дружною, семейною жизнью.

2) Такъ какъ современная жизнедѣятельность страшно далека отъ этого идеала и онъ не можетъ быть осуществленъ никакими средствами, ни законодательными, ни административно-полицейскими, такія всеславныя приходскія братства не должны быть учреждаемы до тѣхъ поръ, пока они не станутъ нравственною потребностью громаднаго большинства членовъ даннаго прихода; *этотъ желательный моментъ никогда не настанетъ, если его не будутъ систематически готовить* и приходъ по прежнему будетъ оставаться церковно-административнымъ терминомъ, вмѣсто того, чтобы быть здоровою живою клѣткою здороваго, живого организма православной Россіи.

3) Для оздоровленія прихода крайне необходимо и въ немъ пробужденіе самосознанія и честное стройное осуществленіе добра въ жизни прихода. Послужить этому можетъ частичная организація при помощи людей доброй воли *на лонъ прихода* того, что желательно для *всего* прихода: братскихъ собраний, братскихъ общежитій для одинокихъ и для дѣтей, различныхъ трудовыхъ братствъ.

4) Очень существенно, чтобы *священникъ этого оздоравлимаго прихода* стоялъ на высотѣ своего положенія. О назначеніи именно такого пастыря, проникнутаго сознаніемъ своихъ святыхъ обязанностей, не въ смыслѣ заносчивой гордости и грубой требовательности по отношенію къ своимъ прихожанамъ, а въ смыслѣ первенства въ дѣлѣ самоотверженной любви къ Богу („Симонъ Петръ, любилъ ли ты Меня больше ихъ?“), сознательной вѣры и готовности на подвигъ вѣры и любви, на смиренное несеніе креста во слѣдъ Христу на всякую жизненную голгофу,—о назначеніи именно такого пастыря, нравственной и матеріальной поддержки его добрыхъ начинаній въ приходѣ и должно озаботиться мѣстное отдѣле-

ніе Всероссійскаго Братства, считая это дѣло одною изъ главныхъ своихъ обязанностей, являясь такимъ образомъ правою рукой епархіальнаго архіерея въ исполненіи одной изъ самыхъ важныхъ трудныхъ и отвѣтственныхъ изъ многочисленныхъ его архипастырскихъ обязанностей.

5) Очень существенно, чтобы этотъ пастырь началъ *съ возможно лучшей постановки дѣла преподаванія Закона Божія* въ сельской земской или церковно-приходской школѣ. Необходимо, чтобы преподаваніе это было не сухимъ выполненіемъ официальной программы, а возможно болѣе жизненнымъ, приучая ребенка думать и чувствовать по-христіански, ясно сознавать свои христіанскія обязанности по отношенію къ Богу, къ Церкви Его, Царю, Отечеству, приходу, братьямъ во Христѣ, всему человѣчеству, всему творенію Божію, однимъ словомъ—чтобы ребенокъ выходилъ изъ сельской школы человѣкомъ религіознымъ не по буквѣ только, но и по духу, съ пробужденнымъ церковнымъ, государственнымъ и національнымъ самосознаніемъ.

6) *На такую живую и плодотворную дѣятельность охотно пойдутъ въ деревню* не только *лучшіе люди* изъ окончившихъ курсъ духовныхъ семинарій, но и *лучшіе люди* изъ окончившихъ курсъ духовныхъ академій, а въ томъ не сомнѣваюсь, лично зная многихъ академиковъ. *Повременные съѣзды законоучителей уѣзда* могли бы принести громадную пользу, давая возможность этимъ лучшимъ людямъ приходить въ личное соприкосновеніе со всѣми сельскими пастырями уѣзда и такимъ путемъ оказывать благоприятное вліяніе на преподаваніе Закона Божія и приходскую жизнь во всемъ уѣздѣ. Для того, чтобы эти съѣзды были дѣломъ не кастовымъ, а общецерковнымъ, очень желательно, чтобы на нихъ допускались представители мірянъ, что вполне согласно съ духомъ и древнѣйшими традиціями Церкви православной.

7) Для того, чтобы всѣ пастырскія поученія, воспринимаемыя дѣтьми на урокахъ Закона Божія и всѣмъ приходомъ—на проповѣди, народныхъ чтеніяхъ и катехизическихъ собесѣдованіяхъ для взрослыхъ, такъ какъ каждый сельскій пастырь, ревнующій о духовномъ преобразеніи своего прихода, обязательно станетъ и катехетомъ,—для того, чтобы всѣ эти поученія не оставались въ области отвлеченнаго мышленія, а проникали въ самую жизнь, преобразая ее, необходимо, чтобы эти добрые пастыри организовали добро въ самой жизни школы и прихода въ формѣ *братскихъ союзовъ дѣтей* доброй воли *въ школахъ* и *ревнителей добра въ приходахъ*, съ цѣлью немедленнаго приложенія на практикѣ сознаннаго добра и стройной организаціи на началахъ этого добра личной жизни и взаимныхъ отношеній.

10. Братскіе союзы въ школахъ.

1) Какъ человѣкъ, который, обучаясь правиламъ грамматики, никогда не упражнялся бы въ практикѣ письма, могъ-бы, обладая обширными грамматическими познаніями, не уметь правильно писать, такъ и христіане, изучая грамматику вѣры, *если они остаются безъ практики христіанскихъ отношеній*, могутъ, обладая обширными богословскими познаніями, не имѣть христіанскихъ навыковъ и быть совершенно неспособными стройно и честно организовать жизнь по вѣрѣ.

2) Сообразно тому христіанское воспитаніе дѣтей и юношества во всѣхъ христіанскихъ школахъ, начиная отъ высшихъ, университетовъ и академій и до низшихъ, земскихъ и церковно-приходскихъ школъ, требуетъ рядомъ съ дѣломъ обученія и *стройной организаціи дѣла воспитанія характера, воспитанія воли къ добровольной дисциплинѣ любви*, безъ которой неизбежна анархія умовъ и сердецъ и невозможенъ въ жизни порядокъ на христіанскихъ основахъ торжествующей любви къ Богу и нелицемѣрнаго братолюбія.

3) Достигнуть этого нельзя иначе, какъ убѣжденіемъ умовъ и сердецъ и *добровольною дѣятельностію убѣжденныхъ людей*, честно и стройно организующихъ свою жизнь и свои отношенія сообразно своимъ убѣжденіямъ. Единственная форма тому соответствующая—*свободные братскіе союзы*, не обязательные для всей школы, дѣйствующие не только съ разрѣшенія и подъ контролемъ начальства школы, но и пользующіеся нравственною поддержкою руководства и сочувствія школьной власти, обязанной ограждать ихъ отъ непріязни и насилія тѣхъ, которые по гордости обязательно станутъ во враждебныя отношенія къ этому добродушному начинанію, не желая въ то же время смирить и обуздать себя до возможности участія въ немъ.

4) Дѣло это крайне необходимо, какъ неизбежный первый шагъ на пути организаціи добра въ жизни. *Надо* осуществить его, несмотря на множество нареканій, которыя посыпятся со стороны *интеллигенціи, зараженной множествомъ суетвѣрій западно-европейской культуры*. Такими суетвѣріями между прочимъ являются *догматы о всеобщемъ равенствѣ, о правѣ на безграничную свободу индивидуальности*, объ отсутствіи свободы воли, съ ея неизбежными послѣдствіями: *невѣроятностью и сентиментально-нижнимъ отношеніемъ ко злу и къ злымъ*. Во имя этихъ догматовъ люди, зараженные этими суетвѣріями, обязательно возстанутъ противъ этой орга-

низации добра, какъ нарушенія принципа равенства и жестокой обиды для злыхъ и своевольныхъ, которыхъ они любовно назовутъ сильными индивидуальностями, отстаивающими свое право на свободу, хотя въ этомъ дѣлѣ никто не посягаетъ на ихъ свободу, а только ограждаютъ свободу добрыхъ отъ ихъ нахальства и насилія. Неизбѣжны и клеветы на эти начинанія со стороны тѣхъ, которые, всѣхъ судя по себѣ, будутъ говорить, что добро неестественно и можетъ быть только плодомъ притворства и неискренности. Весь этотъ злобный шумъ будетъ только яснымъ доказательствомъ страшной развращенности умовъ и сердецъ и крайней, насущной, неотложной потребности ихъ оздоровленія. *Христіанство истина*. Пусть лучше будетъ явная *правда нравственнаго неравенства*, хотя бы она и была обидна для злыхъ, чѣмъ *ложь равенства*, страшно жестокая и опасная для добрыхъ.

5) Особенно необходима подобная организація добра въ *высшихъ и среднихъ духовныхъ учебныхъ заведеніяхъ*, готовящихъ будущихъ іерарховъ и пастырей Церкви. Нельзя для нихъ ограничиваться теоріей и виѣшной призрачной дисциплиной корысти и страха, какъ результата нынѣ дѣйствующей системы наградъ и наказаній. Отсутствіе христіанскаго воспитанія воли къ единой внутренней, непризрачной дисциплинѣ любви къ Богу и нелицемѣрнаго братолюбія, въ духовныхъ учебныхъ заведеніяхъ, составляетъ громадную жизненную опасность для будущаго и истинное бѣдствіе въ прошломъ и настоящемъ церковно-государственной жизни Россіи. Болѣе того, въ духовныхъ учебныхъ заведеніяхъ, специально предназначенныхъ для воспитанія пастырей Церкви, *участіе въ этой организаціи добра должно быть даже обязательнымъ*. Духовная школа не должна терять въ своей средѣ и тѣмъ болѣе выдавать дипломы и аттестаты людямъ, чуждымъ любви и смиренія, своевольнымъ гордецамъ, которые почли бы необходимость честнаго единенія съ братьями за ограниченіе свободы ихъ индивидуальности.

6) Нѣтъ необходимости, чтобы въ свѣтскихъ школахъ во главѣ этого дѣла стоялъ непременно высшій начальникъ школы, если онъ не чувствуетъ себя призваннымъ или въ достаточной степени подготовленнымъ руководить этимъ святымъ дѣломъ. Естественно было бы принять на себя эту обязанность высшаго руководства законоучителю или профессору богословія. *Необходимо*, чтобы въ каждой православной школѣ было въ числѣ преподавателей *хотя одно лицо, глубоко сознающее необходимость этого святого дѣла*, самоотверженно ему преданное и внушающее властямъ духовнымъ и гражданскимъ достаточно довѣрія, чтобы онѣ могли сознательно поручить ему это отвѣтственное и вліятельное положеніе.

7) Подобные братские союзы представляют насущную потребность для современной православной Россіи, какъ первый шагъ къ лучшему будущему, какъ *колыбель* будущей, нравственно перерожденной, сознающей высшую правду основъ, духовно-объединенной, непреодолимо мощной въ своемъ единомысліи и единодушіи, истинно *Святой* Руси.

II. Трудовыя Братства.

1) Пока *все роды труда* не будутъ стройно и честно организованы на основѣ любви къ Богу и нелицемѣрнаго братолюбія, неизбежны будутъ грубая, ожесточающая экономическая борьба за существованіе, разорительный вооруженный миръ въ экономической области, раздоръ между общественными классами, торжество корысти и безпринципности и, въ результатѣ, взаимное ожесточеніе; жизнь становится школою безнравственности, какъ для бѣдныхъ, такъ и для богатыхъ.

2) Во время крѣпостного права экономическая жизнь русскаго народа, несомнѣнно, не была согласована съ принципомъ нелицемѣрнаго братолюбія на практикѣ, хотя по мысли и буквѣ закона помѣщики должны были отечески заботиться о благѣ своихъ крестьянъ. Все же возможны были, при доброй волѣ, добрыя, патріархальныя, достойныя христіанъ, отношенія. Не то теперь, когда Россія стала по примѣру западной Европы на почву капитализма и неизбежной капиталистической борьбы. Никакая добрая воля помочь дѣлу не можетъ, пока самая основа экономическихъ отношеній не будетъ измѣнена. Нервомъ жизни стали деньги; все покупается и продается; интересы покупателя прямо противоположны интересамъ продавца, откуда и вытекаетъ неизбежность безконечной экономической борьбы и *экономическое распыленіе общества*.

3) Православно-русскія основы требовали замѣны крѣпостного права *пригодскими трудовыми братствами*, а не экономического распыленія общества путемъ вредной прививки капиталистическаго микроба. Замѣна крѣпостного права трудовыми братствами была бы громаднѣмъ прогрессомъ въ дѣлѣ осуществленія христіанской правды въ жизни. Замѣна крѣпостнаго права капитализмомъ есть несомнѣнный регрессъ въ области экономической, что и даетъ себя чувствовать хроническими голодовками и другими грозными признаками экомическихъ нестроеній современной русской жизнедеятельности.

4) Перейти отъ капитализма къ трудовому братству является насущною потребностью для русскаго народа, непремѣннымъ усло-

віемъ для него самобытности, мирнаго прогресса и осуществленія своего святого предназначенія.

5) Перейти отъ капитализма къ трудовымъ братствамъ въ настоящее время не легко. *Общая реформа въ этомъ направленіи практически невозможна* въ настоящее время. Теперь и въ этомъ дѣлѣ всѣ надежды должны быть возложены на сознаніе высшей экономической правды трудового братства и наглядное проявленіе этой правды путемъ ея осуществленія людьми доброй воли въ формѣ трудовыхъ братствъ земледѣльческихъ, промышленныхъ, торговыхъ и профессиональных.

6) *Роль правительства* въ этомъ дѣлѣ *ограничивается нравственною поддержкою*, путемъ явнаго сочувствія и покровительства всѣхъ частныхъ начинаній, имѣющихъ цѣлью пропаганду идей трудовыхъ братствъ и ихъ практическаго осуществленія. Это движеніе не преминетъ назвать христіанскимъ социализмомъ. Если назвать социализмомъ улучшеніе социальныхъ отношеній и согласованіе ихъ съ правдою вѣры, христіанское государство не можетъ не сочувствовать ему и не покровительствовать ему, не отказавшись предварительно отъ всякой солидарности съ самимъ христіанствомъ. Только люди ослѣпленные вѣнскимъ блескомъ современной культуры могутъ не сознавать громадной социальной опасности современнаго капиталистическаго строя. Экономическая распыленность общества и неизбежность грубой, ожесточающей и развращающей экономической борьбы съ ея неизбежными послѣдствіями: гнетущею нуждою побѣжденныхъ въ борьбѣ, отчаяннымъ положеніемъ много-семейныхъ и вдовъ, преступною заброшенностью дѣтей, голодомъ и холодомъ для больныхъ и сиротъ—вотъ худшія, наиболѣе преступныя социализмъ. Если принять въ соображеніе, что православное трудовое братство, осуществляемое частными людьми доброй воли, есть дѣло свободнаго изволенія вѣры и любви,—будетъ вполне ясно, насколько эта форма христіанскаго социализма безвредна для общества и вождѣнна для государства, желающаго самобытнаго мирнаго прогресса для православной Россіи. Не только нѣтъ надобности ограждать общество отъ социального движенія въ направленіи трудовыхъ братствъ, но необходимо оказать этому дѣлу мира и любви защиту отъ представителей злобы и невѣрія для того, чтобы оно могло мирно развиваться и стать спасительнымъ примѣромъ и проповѣдью дѣломъ среди окружающаго хаоса грубой экономической борьбы.

7) Наше Православное Кресто-Воздвиженское Первое Трудовое Братство почло бы себя счастливымъ сослужить службу Церкви, Престолу и Отечеству, являясь первымъ опытомъ въ этомъ направленіи. Опытъ жизни нашей высоко поучителенъ для всѣхъ нашихъ

соотечественниковъ и единовѣрцевъ, плотію отъ плоти и костью отъ кости которыхъ мы являемся. Жизненный опытъ, добытый нами на пути, часто и очень скорбномъ, созиданія Трудового Братства изложенъ подробно въ руководящихъ правилахъ внутренней жизни братства и школъ. Эти руководящія правила напечатаны и могутъ служить практическимъ пособіемъ для тѣхъ, кто бы пожелалъ приступить къ дѣлу стройной организаціи труда на началахъ вѣры и братства.

12. Гармонія церковно-государственной жизни.

1) Вѣруя во Единаго Бога Творца, мы обязаны сознать естественную необходимость *стройной гармоніи во всемъ Его твореніи* и осуществлять эту гармонію въ жизни, устрояемой нами по вѣрѣ. „Богъ не есть Богъ неустройства“.

2) Вѣруя во Единаго Бога Творца, *нельзя, безъ кощунства, проклинать часть Его творенія*, нельзя отрицать право на существованіе какой-либо области жизни, нельзя къ чему-либо относиться съ ненавистью и презрѣніемъ, вмѣсто того, чтобы, ничего не отрицая, ничего не проклиная, всему отвести подобающее мѣсто въ стройной гармоніи мірозданія.

3) Въ пылу жизненной борьбы слишкомъ часто во имя Православія и Самодержавія *отрицали жизнь, вмѣсто того, чтобы ее гармонизировать*; это страшно затемняло пониманіе *русской правды* и дѣлало ей враговъ изъ тѣхъ, которые были бы ея преданными друзьями и слугами, если бы поняли ея неповинность въ грѣхахъ тѣхъ, кто, во имя ея, на нее клевететь.

4) Во имя Православія и Самодержавія слишкомъ часто *защищали и обьяляли многія нестроенія жизни* и тѣмъ клеветали на эти русскія основы, дѣлая ихъ отвѣтственными за эти нестроенія и солидарными съ ними. Въ дѣйствительности всякое нестроеніе, всякая неправда въ жизни отрицаютъ и Православіе и Самодержавіе *Божіею милостію*, а потому и не могутъ имѣть съ ними ничего общаго.

5) На самомъ дѣлѣ, ни Православіе, ни Самодержавіе *Божіею милостію* не могутъ быть враждебны ни какой истинѣ, ни какому благу, ни какому праву, ни какой степени прогресса съ тѣмъ преимуществомъ, что все это *достигается путемъ мирной гармоніи церковно-государственной жизни* въ то время, какъ въ конституціонныхъ и республиканскихъ государствахъ идутъ путемъ борьбы, путемъ узаконеннаго недовѣрія, путемъ отстаиванія и насильственнаго отвоеванія правъ, что неизбежно и приведетъ ихъ не къ гармоніи, а къ хаосу анархіи.

6) Высшая правда и мощь русскихъ основъ заключается именно въ мирной гармоніи сердечнаго единенія всей церковно-государственной жизни. *Злѣйшими врагами Россіи*, главными тормазами въ дѣлѣ практическаго осуществленія русской правды и являются *тѣ, которые отрицаютъ необходимость и даже возможность гармоніи*, какъ тѣ, которые, во имя западно-европейской культуры, *внушаютъ народу недовѣріе къ властямъ духовнымъ и гражданскимъ*, такъ и тѣ, которые, во имя Православія и Самодержавія, *противуположаютъ интересы власти интересамъ всего остального русскаго народа* и тѣмъ подготавливаютъ неизбежность недовѣрія, ожесточенія и борьбы на мѣсто единенія, мира, любви, довѣрія и всеобщей гармоніи.

7) Необходимо, чтобы всемъ было ясно, что Православіе и Самодержавіе *Божіею милостію* — гармонія и ничѣмъ инымъ быть не можетъ, какъ въ принципѣ, такъ и въ практикѣ жизни, честно и стройно согласованной съ этими основами. При томъ гармонія не частичная, а гармонія всеобщая, охватывающая собою всю жизнь, во всѣхъ ея проявленіяхъ. Гармонія вѣры, разума и жизни. Гармонія сильной власти, стройнаго порядка и христіанской свободы. Гармонія дѣла Божія, дѣла государственнаго и блага народнаго, Православія, Самодержавія *Божіею милостію* и *самобытнаго, мирнаго, братскаго прогресса всей Святой Руси*.

Заключение.

Изложивъ съ полною искренностію мои убѣжденія религіозныя, политическія и соціальныя, считаю себя въ правѣ надѣяться, что *всякая возможность недоразумѣній будетъ разсѣяна*, что чистота моихъ намѣреній, сердечная и убѣжденная преданность Церкви, Престолу и Отечеству станутъ очевидными.

Если мои убѣжденія и моя дѣятельность будутъ признаны полезными, *желательно устранить тѣ препятствія*, которые на каждомъ шагѣ воздвигались на моемъ пути, тормозили, а иногда и искажали дѣло, мѣшая мнѣ лично и основанному мною Православному Кресто-Воздвиженскому Первому Трудовому Братству оказывать на жизнь то вліяніе и приносить Церкви, Государству, нашимъ соотечественникамъ и единовѣрцамъ ту пользу, какую мы могли бы и желали-бы принести.

Не буду перечислять то, что являлось такими тормазами; это неизбежно имѣло бы характеръ жалобъ, а я желалъ бы *забвенія прошлаго и дружнаго единенія въ будущемъ*. Скажу кратко, что я считаю особенно необходимымъ для пользы дѣла и его нормальнаго развитія.

Очень желательно явное сочувствіе дѣлу со стороны дворянства, духовенства и властей духовныхъ и гражданскихъ.

Враждебное отношеніе къ дѣлу со стороны дворянства придаетъ ему внѣшнюю окраску анти-дворянскаго народничества и вреднаго для дворянства либерализма, которую дѣло это никогда не имѣло и имѣть не могло, имѣя во главѣ человека, проникнутаго дворянскимъ самосознаніемъ, какимъ я всегда былъ, относясь съ глубокимъ уваженіемъ къ предкамъ, понимая и искренно желая *честно выполнять мои дворянскія обязанности: быть представителемъ передоваго сословія—въ первыхъ рядахъ, самоотверженно созидающаго общее благо.*

Враждебное отношеніе со стороны представителей духовенства и запрещеніе многихъ моихъ сочиненій духовною цензурою придаетъ ему внѣшнюю окраску анти-церковности, лишаетъ его возможности быть русской православной Церкви во благо и во славу въ той мѣрѣ, въ какой оно могло бы быть теперь же, при болѣе благоприятныхъ обстоятельствахъ.

Равнодушное отношеніе къ дѣлу, игнорированіе его со стороны гражданскихъ властей, искажаетъ смыслъ его, придавая ему окраску дѣла не полезнаго, а только терпимаго, въ то время, какъ я искренно желалъ бы стоять явно на сторонѣ власти и порядка.

Чувствовать себя въ духовномъ единеніи съ русскою православною Церковью, съ властями, поставленными Самодержцемъ *Божіею милостію* и передовымъ сословіемъ нашего отечества, русскимъ дворянствомъ, пользоваться ихъ нравственною поддержкою необходимо для того, чтобы я чувствовалъ себя духовно-уютно въ родномъ домѣ моего отечества. Иначе я непремѣнно, вмѣстѣ съ Трудовымъ Братствомъ, буду чувствовать себя *отвергнутымъ, постылымъ чужакомъ* и мимовольно обособляться отъ обще-церковной, обще-государственной и обще-народной жизни. *Мы не крамольные пропагандисты, мы не поидемъ въ народъ безъ благословенія Церкви, безъ разрѣшенія государственной власти.*

Мы искренніе друзья и Церкви, и Государства, и дворянства, и народа, ничѣмъ инымъ и быть не можемъ и не желаемъ, а насъ упорно увѣряютъ, что мы враги и относятся къ намъ, какъ къ таковымъ. *Мы нуждаемся въ нравственномъ поощреніи довѣрія и сочувствія*, а насъ парализуютъ упорнымъ недоувѣріемъ и даже враждебностью.

Окажите намъ нравственную поддержку сочувствія, и мы будемъ поставлены въ возможность оказать и Церкви, и Государству, и обществу несравненно болѣе пользы, самое дѣло наше станетъ обще-церковнымъ, обще-государственнымъ, обще-народнымъ.

При этихъ благоприятныхъ обстоятельствахъ, я рѣшусь принять

самое дѣятельное участіе въ изданіи органа православно-русскаго самосознанія и въ организаціи дѣла Всероссійскаго Братства.

Дальнѣйшій путь къ лучшему будущему, по моему глубокому убѣжденію, таковъ: 1) Пробужденіе церковнаго, государственнаго и національнаго самосознанія. 2) Воспитаніе воли въ дисциплинѣ любви путемъ организаціи добра въ жизни школъ, начиная съ духовныхъ учебныхъ заведеній всѣхъ разрядовъ. 3) Осуществленіе русской правды путемъ Всероссійскаго Братства, подготовленія возможности всеобщаго приходскаго братства и стройной организаціи всѣхъ родовъ труда на мирныхъ братскихъ началахъ.

Въ единеніи сила.

Отечество наше переживаетъ трудное время. Нѣтъ достаточнаго единенія между главными участниками жизни Государства: народомъ, интеллигенціей, высшими классами общества, властями и іерархіей Церкви православной. Болѣе того—нѣтъ сознательнаго стремленія къ сознательному единенію, не можетъ быть и дисциплины любви, безъ которой государство обречено на внутренний вооруженный миръ, не менѣе разорительный и опасный, чѣмъ вооруженный миръ международный. Разладъ пустилъ глубокіе корни, міровоззрѣнія, идеалы, этика, программа жизни разные.

Не будемъ говорить о причинахъ, породившихъ такое положеніе вещей, фактъ на лицо, съ нимъ считаться надо.

Никакія репрессивныя мѣры, никакая борьба, какъ бы искусно она ведена ни была, помочь горю не могутъ. Можно заставить молчать, можно временно подавить всякое внѣшнее проявленіе неудовольствія и протеста, но къ духовной гармоніи, къ взаимному добровольному согласію, довѣрчивой любви, единомыслию и единодушію это не приведетъ, а безъ этой духовной гармоніи не можетъ быть и дружной совмѣстной дѣятельности на пользу общую, не можетъ быть спокойнаго и мирнаго развитія государственнаго организма, не можетъ быть благоденствія союза мира и любви. Необходимо убѣдить умы, привлечь сердца, пробудить сознательное стремленіе къ единенію.

Безъ этого всѣ язвы нашего общественнаго организма: разладъ умовъ, ожесточеніе сердецъ, стремленіе къ наживѣ, безумная роскошь и удручающая бѣдность, презрѣніе къ тяжелому производительному труду, грубая борьба за легкій, выгодный и почетный трудъ, голодовки, волненія молодежи, стачки рабочихъ, массовыя отпаденія отъ Православія однихъ и призрачная принадлежность къ нему по буквѣ другихъ, все это станетъ явленіемъ зауряднымъ, недугомъ хроническимъ.

Положеніе правительства очень затруднительно. Государь Императоръ указалъ вѣрный путь для мирнаго и дружнаго стремленія къ лучшему отъ того, что есть, къ тому, что быть должно, отъ разорительнаго и опаснаго вооруженнаго мира къ единенію на

пользу общую. Если въ этомъ воля Государя въ области международныхъ отношеній, тѣмъ болѣе близко сердцу русскаго Царя дѣло умиротворенія и всеобщаго единенія на лонѣ русской семьи. Для этого необходимо возможно скорѣе перейти отъ внѣшней дисциплины страха и корысти, съ неизбѣжною при ней системою вооруженнаго мира во внутренней жизни государства, къ внутренней духовной дисциплинѣ—сознательной довѣрчивой любви. Отъ принудительной дисциплины страха и корысти къ добровольной и сознательной дисциплинѣ любви можно перейти только однимъ путемъ: довѣріемъ и любовью воспитывая общество къ дисциплинѣ довѣрчивой любви.

Именно въ этомъ почти безвыходная трудность для власти. Внѣшняя принудительная дисциплина страха и корысти вызываетъ инстинкты анархій, съ трудомъ сдерживаемые палками страха, приманками корысти. Чтобы анархія уступила мѣсто дисциплинѣ любви, необходимо ослабить репрессію. При этомъ неизбѣжно проявится анархія, которая не скоро капитулируетъ передъ любовью, признавъ жизненную правду дисциплины любви. Въ этомъ трагизмъ положенія. Въ умахъ и сердцахъ миллионовъ людей хаосъ анархія, едва сдерживаемый внѣшнею, насильственною дисциплиною страха и корысти. Для того, чтобы отъ этого состоянія вооруженнаго мира перейти къ гармоніи довѣрчивой любви, необходимо ослабить репрессію. Это неизбѣжно приведетъ къ обнаруженію духовной анархіи и власти, подъ страхомъ неисчислимыхъ осложненій будутъ вынуждены прибѣгнуть къ репрессивнымъ мѣрамъ, которыя опять приведутъ къ ожесточающей борьбѣ и все тому же разорительному, опасному и никого неудовлетворяющему вооруженному миру.

Вывести правительство изъ этого крайне затруднительнаго положенія можетъ само общество въ лицѣ своихъ наиболѣе здоровыхъ и честныхъ элементовъ. Въ единеніи сила. Необходимо чтобы соединились всѣ люди доброй воли и сознательно приняли на себя роль живой совѣсти и миротворца.

Для умиротворенія необходимо: 1) Создать нравственно оздоравливающую атмосферу на лонѣ Православія. 2) Выяснить несравненную высоту и жизненную правду идеаловъ Церкви. 3) Выяснить тѣ мирные пути, по которымъ, при полномъ сочувствіи со стороны Церкви и Государства, каждый можетъ поработать на осуществленіе этихъ идеаловъ въ жизни. 4) Немедленно приступить къ созиданію добра въ жизни, осуществляя идеалы Церкви и оказывая дѣятельную нравственную и матеріальную помощь всѣмъ родственнымъ частнымъ починамъ.

Только этимъ путемъ возможно подготовить эру мира и любви,

дать возможность властям ослабить репрессию и вступить на путь единения доверчивой любви.

Вся эта программа может быть кратко выражена словами: *осуществление христианской правды в жизни*. Христианская правда не может быть осуществлена, пока не приступают в жизни к трем христианским подвигам: подвигу вѣры, подвигу любви и подвигу труда. Многие мечтают о радости вѣры и любви, не желая приступать к соответствующим подвигам. Радость есть вѣнец подвига и не дается тѣмъ, кто не хочет принять на себя крестъ подвига. Зато христианскій подвигъ непременно приведетъ к радости того мира, которого никто не отыщетъ у насъ, онъ одинъ можетъ вывести наше отечество и все человѣчество изъ всевозможныхъ осложненій и затрудненій.

Необходимо, чтобы человѣчество поняло несравненную высоту христианскаго идеала, имѣющаго съ рутиною жизни очень мало общаго. Необходимо, чтобы русскіе люди поняли, что идеалъ Церкви православной ни въ чемъ не отличается отъ идеала христианскаго, тогда разсѣется туманъ лжи и возсіяетъ солнце правды истиннаго Православія, слишкомъ затемненной въ настоящее время ложью жизни и клеветой враговъ и самозванныхъ ревнителей. Истинный идеалъ истинной Церкви слишкомъ прекрасенъ, чтобы возможно было промѣнять его на какой-либо меньшій идеалъ. Необходимо, чтобы человѣчество поняло несравненное нравственное достоинство и жизненную правду, несравненную мудрость христианскаго подвига, поняло, что подвигъ этотъ не только не врагъ разума, свободы и радости, но что именно только путемъ этого подвига и можно подготовить эру оразумленной жизни, истинной свободы, прочной, тихой радости. И христианскій подвигъ станетъ программой христианскаго прогресса, объединяющею въ одну дружную и полезную дѣятельность власти духовныя и гражданскія и лучшіе наиболѣе здоровые элементы всѣхъ слоевъ общества, богатыхъ и бѣдныхъ, интеллигентовъ и простецовъ. Необходимо, чтобы русскіе люди поняли, что эта христианская программа есть и официально признанная программа русской православной Церкви и русскаго правительства, что этимъ путемъ можно стремиться къ лучшему будущему, работать на созиданіе добра въ жизни, оставаясь въ полномъ единеніи съ Церковью и Государствомъ, подъ сѣнію ихъ сочувствія и покровительства.

Вотъ, что одно можетъ привести къ новой эрѣ единомыслія, единодушія и единенія на основѣ дисциплины сознательной любви въ жизни.

Пока идеалы Церкви непонятны для слишкомъ многихъ и кажутся въ непримиримомъ разладѣ съ требованіями разума, любви, духовной

свободы и самой природой, непременно будутъ становиться во враждебныя отношенія къ Церкви и Государству слишкомъ многіе добрые, честные элементы общественнаго организма, и Государство не выйдетъ изъ эпохи вооруженнаго мира съ его скорбями, опасностями и глубокою разобщенностью.

Цѣли умиротворенія и единенія могутъ быть достигнуты дѣятельностью Всероссійскаго Братства, которое, соединяя людей доброй воли на всемъ пространствѣ нашего обширнаго отечества, было бы организаціей, стремящейся пробудить общественную совѣсть и умиротворить жизнь, при явномъ сочувствіи Церкви и Государства.

Главное управленіе подъ именемъ Братской Думы въ Петербургѣ. Отдѣленія Братства по всей Россіи: въ городахъ и селахъ—вездѣ, гдѣ найдется нѣсколько человѣкъ доброй воли, живого духа и живой любви, будутъ дѣйствовать подъ руководствомъ, контролемъ и покровительствомъ центрального управленія.

Прежде всего надо создать братскіе союзы съ оздоравлиющею духовною атмосферою, съ цѣлями внутренней миссіи; союзы, которые, на лонѣ Православія дали бы возможность широкаго удовлетворенія высшихъ духовныхъ потребностей. Существуютъ клубы для танцевъ, клубы для игры въ карты, клубы для всякаго рода спорта, и нѣтъ такихъ собраній, на которыхъ можно было бы духовно отдохнуть отъ суеты окружающей жизни, дружески обмѣняться душевными мыслями, найти нравственную поддержку, безъ всякой официальнойности обсудить вопросы вѣры и жизни, примирить требованія разума и жизни съ требованіями вѣры. Такія братскія собранія могутъ быть учреждены для интеллигентной молодежи, для людей разныхъ возрастовъ и разнаго умственнаго развитія до собранія для простого народа включительно. На этихъ собраніяхъ можетъ установиться самое благотворное общеніе между лучшими представителями мірянъ и лучшими представителями духовенства; общеніе доверчивое и непринужденное, способное установить живую связь между ними.

Особенно существенно, чтобы ответственными руководителями въ Петербургѣ и въ провинціальныхъ отдѣленіяхъ Братства были люди внушающіе довѣріе властямъ духовнымъ и гражданскимъ, будучи въ то же время людьми живого духа, живой вѣры и живой любви, люди, способные убѣждать и сердечно согрѣвать. Холодные, сухіе педанты, которые въ духѣ надменной требовательности приступили бы къ обращенію въ правовѣріе съ недоброжелательной придиричностью къ словамъ, инквизиторской подозрительностью къ мыслямъ и побужденіямъ присутствующихъ и свели бы все на катехизическое ученіе о буквѣ догмата и обряда, погубили бы дѣло въ самомъ началѣ.

При доброй и благоразумной постановкѣ дѣла практическая польза такихъ братскихъ союзовъ была бы громадна. Православные люди на лонѣ Православія получаютъ широкую возможность удовлетворять высшія духовныя потребности свои, вдумчиво отнестись къ вопросамъ вѣры и жизни, примирить требованія разума и практической жизни съ требованіями вѣры, выработать стройную программу мирнаго прогресса, мирнаго, умиротворяющаго созиданія добра въ жизни, приступить къ подвигу вѣры. Всякія собранія отщепенцевъ отъ Церкви, редстокистовъ, баптистовъ, пашковцевъ для интеллигентовъ, штундистовъ, духоборовъ и др. для народа потеряютъ всякую притягательную силу, такъ какъ сила эта заключается именно въ томъ подвигѣ вѣры, въ духѣ котораго ведутся эти собранія. Эти братскія собранія на лонѣ Православія сохранять для Церкви многихъ алчущихъ и жаждущихъ правды: болѣе того могутъ стать въ свою очередь притягательною силою для многихъ отщепенцевъ, возвратитъ въ объятія Матери-Церкви многихъ блудныхъ сыновъ Ея.

Очень существенно, чтобы мѣстнымъ отдѣленіямъ, въ предѣлахъ вѣрности основнымъ цѣлямъ торжества мира и любви, тройнаго христіанскаго подвига: подвига вѣры, подвига любви и подвига труда, была предоставлена широкая свобода организоваться въ такіе союзы, которые наиболѣе соотвѣтствуютъ мѣстнымъ обстоятельствамъ и нуждамъ.

При этомъ крайне необходимо, чтобы хозяевами положенія, дающими тонъ собраніямъ и всему дѣлу, были люди просвѣщенной вѣры и живой любви. Кромѣ вѣрующихъ могли бы быть допускаемы на собранія и люди сомнѣвающіеся, колеблющіеся, отпавшіе отъ Церкви и даже невѣрующіе, лишь бы всѣ они были представители живой любви, живого братолюбія. Во всякомъ случаѣ, они вѣрятъ въ Духъ Божій—Любовь: это можетъ быть соединительною чертою для живого общенія и возможности понять другъ друга. Кто не любитъ и не признаетъ первенствующаго значенія любви, не долженъ быть допускаемъ ни подъ какимъ предлогомъ, хотя бы по буквѣ онъ былъ и самый правовѣрный человѣкъ. Ему недоступно живое братолюбіе, ему нечего дѣлать въ Братствѣ и на братскихъ собраніяхъ. Онъ непремѣнно подмѣнитъ живое общеніе любви безплодными словопреніями. Братство перестанетъ быть дѣломъ любви и утратитъ всякое благотворное жизненное значеніе.

Малая закваска кваситъ все тѣсто; необходимо ревниво оберегать живое дѣло Всероссійскаго Братства отъ мертвящей закваски, помня, что живое начало—живая вѣра въ Живого Бога—Любовь, вѣра, дѣйствующая любовью.

Параллельно съ организаціей братскихъ союзовъ и при помощи

ихъ Всероссійское Братство могло бы одною изъ главныхъ своихъ цѣлей поставить выясненіе и популяризацию истинныхъ идеаловъ Церкви и добрыхъ путей къ осуществленію ихъ въ практической жизни. Съ этою цѣлію оно могло бы устраивать чтенія и бесѣды для народа и интеллигенціи, спеціальныя библіотеки и кабинеты для чтенія, издавать листки, брошюры, книги, учебники и повременныя изданія.

Существеннымъ, практическимъ результатомъ явилось бы значительное облегченіе мирнаго и полезнаго труда въ провинціи для людей доброй воли, изнемогающихъ въ настоящее время подъ бременемъ нравственнаго одиночества и парализующей сложности придирчивой формалистики.

Сознательное отношеніе къ идеалу Церкви не можетъ не привести къ сознанию первенствующаго значенія живой любви къ Богу и живого братолюбія въ дѣлѣ вѣры, въ дѣлѣ спасенія и въ дѣлѣ честной жизни по вѣрѣ, не можетъ не привести къ сознанию необходимости къ подвигу вѣры присоединить подвигъ любви и подвигъ труда. Это неизбѣжно приведетъ къ сознанию необходимости логики любви въ жизни, понимая, что, измѣняя любви подъ какимъ бы то ни было предлогомъ, мы измѣняемъ тѣмъ самымъ и Богу нашему, и Церкви Единороднаго Сына Его. Это неизбѣжно приведетъ къ сознанию необходимости воспитанія дѣтей къ дисциплинѣ любви, организаціи жизни и всѣхъ родовъ труда на началахъ братолюбія.

Всероссійское Братство можетъ приступить къ организаціи братскихъ союзовъ съ воспитательными цѣлями въ учебныхъ заведеніяхъ, открывать дѣтскія общежитія самостоятельно, или оказывать матеріальную помощь тѣмъ сельскимъ священникамъ, учителямъ и учительницамъ, которые, ставъ членами Всероссійскаго Братства пожелаютъ устраивать такія общежитія при сельскихъ школахъ.

Всероссійское Братство такимъ путемъ можетъ оказать могучее содѣйствіе умиротворенію общества, воспитавъ грядущія поколѣнія въ привычкахъ устойчивой любви, болѣе насъ способными къ дисциплинѣ любви, къ осуществленію идеаловъ Церкви, къ переходу отъ озлобляющей критики зла къ умиротворяющему созиданію добра.

Громадную услугу отечеству, Церкви и всему человечеству можетъ оказать Всероссійское Братство, пробуждая сознательное стремленіе къ подвигу труда и организуя всѣ роды труда: земледѣльскій, промышленный, торговый, а равно и либеральныя профессіи на единой истинно-христіанской основѣ братолюбія.

Одна изъ главныхъ причинъ омірщенія жизни прихода, можетъ быть даже самая главная, послѣ упадка живой вѣры „дѣйствующей любовью“, отсутствіе христіанской правды въ дѣлѣ организаціи труда и въ отношеніяхъ къ нему.

Пока въ экономической жизни будетъ господствовать грубая

борьба, естественны, неизбежны будутъ и раздоръ и ожесточеніе, вооруженный миръ въ области труда.

И тутъ выходъ одинъ: согласованіе трудовой жизни съ правдою Божіей, правдою вѣры въ Бога—Любовь.

Въ настоящее время положеніе таково: именно, трудъ, добывающій новыя цѣнности, трудъ самый тяжелый, въ то же время трудъ наименѣе выгодный, наименѣе почетный. Удивительно ли, что всѣ бѣгутъ отъ этого тяжелого, невыгоднаго и презираемаго труда, и происходитъ ожесточенная борьба за трудъ болѣе легкій, чистый, пріятный, выгодный и почетный.

Это явленіе становится настоящимъ бѣдствіемъ. Деревни пустѣютъ, а города переполняются голодающимъ пролетариатомъ. Въ самыхъ деревняхъ грубая экономическая борьба становится для народа настоящею практическою школою разврата, гдѣ честные люди разоряются въ неравной борьбѣ съ менѣе ихъ разборчивыми на средства дѣльцами, богатства переходятъ къ кулакамъ, по отношенію къ которымъ народъ становится въ положеніе новой, худшей прежней, крѣпостной зависимости. Помѣщики, по крайней мѣрѣ, признавали за собою обязанность кормить и обстраивать своихъ крестьянъ, а современные кулаки и всякаго рода дѣльцы признаютъ только за собою право эксплуатировать ихъ, не признавая за собою по отношенію къ нимъ ровно никакихъ обязанностей. И вотъ страшное, неестественное для земледѣльской Россіи явленіе голодовокъ становится хроническимъ, и не далеко то время, когда общество убѣдится, какая эта бездонная бочка, и какъ невозможно горю этому помочь путемъ благотворительности.

Выходъ одинъ—вернуться къ забытымъ традиціямъ Церкви, къ трудовымъ общинамъ временъ апостольскихъ, гдѣ дружно и безкорыстно работали на пользу общую. Тамъ была гармонія вѣры и трудовой жизни. Въ подвигѣ вѣры черпали силы на подвигѣ любви и подвигѣ труда.

Когда подъ давленіемъ „міра сего“ проникла въ христіанскія общины разлагающая закваска, общины распались, приходъ омірщился, Церковь создала общежительные монастыри, эти аскетическія трудовыя братства, пронесшія чрезъ тьму вѣковъ до нашихъ дней идею христіанскаго строя трудовой жизни.

Въ настоящее время необходимо, чтобы христіанская организація труда изъ явленія исключительнаго стала вновь явленіемъ нормальнымъ не только за монастырскою стѣною, но и въ каждомъ православномъ приходѣ, объединяя его въ одну дружную братскую семью; необходимо не только для бѣдныхъ, но и для богатыхъ, которые, отдавая такимъ трудовымъ братствамъ въ аренду земли и заводы, найдутъ въ томъ самый симпатичный для христіанъ вы-

ходъ изъ многихъ быстро надвигающихся на нихъ осложнений и скорбей.

Только въ христіанской трудовой общинѣ возможенъ сознательный подвигъ труда и правда отношеній къ этимъ героямъ труда. Какой спасительный примѣръ для всего человѣчества, если люди умственно развитые благоговѣнно какъ дѣло Божіе примутъ на себя подвигъ самаго тяжелого труда и трудъ этотъ съумѣютъ уважать, какъ яркое проявленіе подвига любви! Тогда потеряютъ всякую заманчивость теоріи, подобныя ученію графа Л. Н. Толстого, проповѣдующаго подвигъ труда безъ подвига вѣры и подвига любви къ Церкви и Государству.

Если Всероссійскому Братству удастся многихъ возвысить духовно до сознательнаго подвига вѣры, любви и труда, трудовое братство станетъ насущною потребностью вѣры, любви и христіанской совѣсти. Вооруженный миръ уступитъ мѣсто гармоніи братолюбія.

Православные люди жизнью своею докажутъ правду словъ Вѣчнаго Главы Церкви: „Ищите прежде всего Царства Божія и правды Его, и все прочее приложится вамъ“.

Дорогіе соотечественники!

Дорогіе единовѣрцы!

На лонѣ Церкви православной во всѣхъ слояхъ русскаго общества есть много людей доброй воли, искренно скорбящихъ о нестройности жизни, искренно желающихъ стройной организации добра, стройнаго согласованія жизни съ живымъ духомъ вѣры. Такихъ людей можетъ быть больше, чѣмъ думаютъ, но они разрознены, затеряны въ массѣ людей равнодушныхъ, себялюбивыхъ и своекорыстныхъ, безъ надежды быть понятыми и найти нравственную поддержку въ окружающихъ, слишкомъ часто безъ яснаго пониманія того, что и какъ дѣлать для практическаго осуществленія желаннаго добра въ жизни. Они страдаютъ, болѣютъ ежеминутнымъ разладомъ между совѣстью, самыми дорогими желаніями сердца, собственною жизнью и рутинною жизнью, ихъ окружающей. Въ концѣ концовъ, съ ними случается одно изъ двухъ: они замыкаются въ самихъ себя, обрекаютъ себя на пожизненную скорбь духовнаго одиночества и нравственной неудовлетворенности, или, что, къ сожалѣнію, случается гораздо чаще, теряютъ всякую надежду на возможность осуществленія въ жизни излюбленныхъ идеаловъ, отворачиваются отъ нихъ, какъ отъ несбыточныхъ утопій, издѣваются надъ тѣмъ, что было дорогою святынею и стало „сентиментальными бреднями“, изъ разряда сыновъ свѣта переходятъ въ разрядъ представителей власти тьмы. Кому неизвѣстно это грустное явленіе, такъ называемое заѣданіе средою! Кому неизвѣстно—сколько молодежи гибнетъ, избирая дурные пути, озлобляясь, ожесточаясь или капитулируя передъ зломъ, изъ непрактичныхъ идеалистовъ переходя въ разрядъ „практичныхъ дѣльцовъ“, стремящихся къ созиданію собственнаго благополучія въ ущербъ благу жизни церковной, государственной, общественной и семейной!

Не можетъ быть застоя въ живой Церкви Бога Живого. И православнымъ людямъ естественно непрестанно стремиться къ высшему, отъ того, что есть, къ тому, что быть должно, къ выс-

шему пониманію правды Божіей, къ высшему осуществленію ея въ жизни.

Стремиться къ лучшему можно только двумя путями: путемъ борьбы со зломъ, или путемъ созиданія добра. Первый путь—опасный, слишкомъ часто приводящій къ ожесточенію, враждѣ и разьединенію. Второй путь — умиротворяетъ, гармонизируетъ жизнь, осуществляетъ добро. Въ интересахъ и Церкви и Государства необходимо, чтобы прогрессъ въ жизни совершался именно этимъ вторымъ путемъ.

Для насъ христіанъ добро и любовь — синонимы, потому что Богъ—Любовь. Пока не осуществляется любовь въ жизни, не осуществляется и вѣра наша. Пока мы неустойчивы и нелогичны въ любви, мы не способны на стройную организацію добра въ жизни.

Не имѣя опредѣленнаго пониманія Православія, не имѣя опредѣленной программы осуществленія добра въ жизни, не имѣя добрыхъ духовныхъ навыковъ устойчивой любви, безъ которыхъ, и желая и понимая добро, невозможно приступить къ осуществленію его въ жизни, остается только отдаться той критикѣ зла и борьбѣ со зломъ, которая такъ вредно отражается на жизни Церкви и Государства, приводитъ къ ожесточенію и разьединенію, воспитываетъ цѣлыя поколѣнія въ привычкахъ равнодушія, жестокости и заносчивой гордости.

Результаты такого положенія вещей по истинѣ прискорбны и въ высокой степени опасны для мирнаго и нормальнаго развитія церковной и государственной жизни.

Въ единеніи сила! Необходимо, чтобы люди доброй воли соединились вмѣстѣ, оказали бы нравственную поддержку другъ другу, выработали бы совмѣстно опредѣленную программу практическаго осуществленія добра въ жизни и немедленно приступили къ осуществленію этой программы, поощряя и поддерживая согласные съ нею починны частныхъ лицъ и собственною дѣятельностью указывая тѣ добрые пути, на которыхъ безъ опасности для блага церковнаго, государственнаго и общественнаго, могутъ быть осуществлены идеалы истинно христіанской жизни.

Тогда проявится сила добра и соберутся всѣ здоровые, честные элементы общества подъ его священнымъ стягомъ.

Мы глубоко убѣждены, что это насущная потребность и Церкви и отечества нашего въ переживаемую нами историческую эпоху.

Для слишкомъ многихъ животворная истина идеаловъ Церкви православной недостаточно ясна, слишкомъ многіе вѣрятъ на слово тѣмъ самозваннымъ ревнителямъ православія, которые клеветаютъ на него, выдавая за традиціи Церкви и за православный взглядъ на вещи нѣчто совершенно чуждое любви, разуму и духовной сво-

бодѣ. Въ результатѣ массовыя отпаденія отъ Православія среди интеллигенціи и простаго народа: расколъ и разныя секты. Не умѣя примирить съ требованіями вѣры возникающія и съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе осложняющіяся требованія разума и практической жизни, не находя нравственнаго удовлетворенія въ томъ строѣ жизни, который они ошибочно почитаютъ согласнымъ съ истиннымъ Православіемъ, они или явно отпадаютъ отъ Церкви, переходя въ секты и расколы, или тайно отпадаютъ отъ нея, продолжая носить имя православныхъ, не имѣя ни вѣры, ни любви и никакой иной духовной связи съ нею. Увеличивается рознь въ жизни, многіе становятся на путь разъединенія и вражды, въ то время, какъ найдя нравственное удовлетвореніе на лонѣ Православія, понявъ жизненную правду истиннаго Православія, они не нарушили бы союза мира и единенія любви съ милліонами соотечественниковъ и могли бы быть особенно полезными и дѣятельными членами Церкви православной.

Не понимая высокаго достоинства любви, не имѣя навыковъ устойчивой любви, они не могутъ быть способны на добровольную дисциплину любви, (когда изъ любви къ Богу и ближнему не хотятъ дѣлать зла), не будутъ способны на смиренное самоотверженіе трудолюбія. Мы видимъ массовое движеніе, вполне естественное при такихъ обстоятельствахъ, уйти изъ деревни въ городъ, уйти отъ тяжелаго деревенскаго труда на трудъ болѣе легкій, пріятный и выгодный. Жизнь съ каждымъ днемъ пріобрѣтаетъ все болѣе характеръ биржи и всѣ отношенія—характеръ биржевыхъ сдѣлокъ. Еле научившись грамотѣ, считаютъ себя привилегированными представителями интеллигенціи и спѣшатъ возможно дороже продать свою привиллегію на ярмаркѣ жизни, съ презрѣніемъ сторонясь отъ тяжелаго физическаго труда. Говорятъ о перепроизводствѣ интеллигенціи; на самомъ же дѣлѣ можно говорить только о перепроизводствѣ людей неспособныхъ на самоотверженіе подвига любви, ищущихъ повода промѣнять трудъ наиболѣе полезный для общества на трудъ наиболѣе выгодный и пріятный для себя.

Пока вѣра и любовь не станутъ живою основою жизни и отношеній, ничего иного и быть не можетъ. Грубая борьба за выгодное, пріятное и легкое существованіе, озлобляющая критика зла безъ умиротворяющаго и гармонизирующаго жизнь созиданія добра,—вотъ что будетъ явленіями нормальными, неизбежными.

Братья по любви! вы, которые понимаете животворную христіанскую любовь, какъ основу вѣры, нравственности и жизни, вы, которые хотите любить и быть логичными въ любви, соединитесь въ одно Всероссійское Православное Братство, заявите громко ваше пониманіе Православія, которое есть правда любви по вѣрѣ въ Бога—

Любовь, вѣра, дѣйствующая любовью; выработайте опредѣленную программу мирнаго осуществленія этой святой правды въ жизни, приступите не медля къ осуществленію этой программы. Вы сохраните для Церкви православной многихъ алчущихъ и жаждущихъ правды Божіей, вы оградите многихъ юношей отъ ожесточенія и измѣны добру, вы поддержите многія добрыя начинанія, во многихъ пробудите энергію, подготовите возможность сознательнаго самоотверженія, подвига любви въ дѣлѣ труда.

Государь Императоръ призвалъ народы на мирное совѣщаніе, большіе союзы въ западной Европѣ преслѣдуютъ благословенныя цѣли всеобщаго мира. Безъ торжествующей любви невозможенъ миръ. Злоба и корысть всегда найдутъ причину и оправданіе для нарушенія мира, для разъединенія, для борьбы и насилія. Любовь — основа и животворящій духъ мира. Фактъ мира въ жизни—логичное слѣдствіе, неопровержимый признакъ торжествующей любви. Соединимся же на дѣло, единодушное благому почину нашего Царя! Соединимся во имя любви на дѣло любви! Подготовимъ по мѣрѣ силъ эру мира!

Мы немощны и слабы, но сила Божія безмѣрно превышаетъ немощи наши. Приступимъ къ святому дѣлу стройной организаціи добра на лонѣ Православія, отдадимъ себя въ руку Божію, и да будетъ святая воля Его въ насъ, съ нами и черезъ насъ!

БРАТСКІЕ СОЮЗЫ
ВЪ
УЧЕБНЫХЪ ЗАВЕДЕНІЯХЪ
ВЫСШИХЪ, СРЕДНИХЪ И НИЗШИХЪ.

МОГУТЪ ЛИ ДОЛЬШЕ ОБХОДИТЬСЯ
БЕЗЪ НИХЪ
ЦЕРКОВЬ И ХРИСТИАНСКОЕ ГОСУДАРСТВО,
И
КАКЪ ИХЪ ОСУЩЕСТВИТЬ?

ВМѢСТО ПРЕДИСЛОВІЯ.

**Объяснительная записка, прочитанная въ комис-
сіи, избранной губернскимъ собраніемъ Чернигов-
скаго дворянства для составленія проекта адреса
Государю Императору.**

Милостивые Государи!

Для Государя Императора, какъ Верховнаго Главы Россіи, одинаково дорого благо всѣхъ сословій стомилліоннаго народа, вѣреннаго Богомъ его попеченію. Вотъ почему, милостивые государи, я убѣжденъ, что лучшимъ выраженіемъ благодарности съ нашей стороны будетъ такая формулировка адреса, которая, свидѣтельствуя о нашемъ пониманіи историческаго призванія русскаго дворянства и вытекающихъ изъ него обязанностей по отношенію къ нашему отечеству, докажетъ Государю Императору, что мы достойны Монаршаго благоволенія и довѣрія.

Мы имѣемъ честь принадлежать къ передовому сословию Россійской Имперіи. Велика честь—велика и соответствующая, пропорциональная ей отвѣтственность. Отнестись сознательно къ тому, какія обязанности соответствуютъ положенію передового сословія Россіи—нашъ священный долгъ, безъ этого наши завѣренія безпредѣльной преданности Престолу и отечеству останутся пустыми словами, безъ всякаго внутренняго содержанія. Не достаточно и одного голаго сознанія, необходимо, чтобы это сознаніе вылилось въ опредѣленную формулу и стало общимъ достояніемъ. Только когда мы громко, передъ лицомъ всей Россіи выскажемъ, какъ мы понимаемъ права и обязанности передового сословія Россійской Имперіи, мы отнимемъ у людей злонамѣренныхъ право сѣять недовѣріе и ненависть къ русскому дворянству, обвиняя его въ томъ, что подъ словами „передовое сословіе“ оно понимаетъ право быть передовыми эксплуататорами и самодурами, передовыми расточителями и жизнепрожигателями, однимъ словомъ, передовыми врагами спокойствія и благосостоянія Россіи.

Какое же понятіе вкладываемъ въ эти слова мы сами?

До освобожденія крестьянъ отъ крѣпостной зависимости, госу-

дарственное значеніе передового сословія было вполне определенное; одни дворяне имѣли право владѣть населенными имѣніями, имѣ поручало Государство попеченіе о матеріальныхъ и нравственныхъ нуждахъ крестьянъ. Вопросы о томъ, какъ выполняло дворянство свою отвѣтственную роль, я касаться не намѣренъ; во всякомъ случаѣ дворянство имѣло свою, вполне определенную роль въ общемъ строѣ государственной жизни; вполне определенно было и внутреннее содержаніе словъ „передовое сословіе“.

Какъ же мы выразимъ тотъ новый смыслъ, какой получаютъ эти слова въ настоящее время, при новыхъ обстоятельствахъ?

Милостивые государи! Государство, какъ и отдѣльный человекъ, можетъ жить разумно, согласуя свою жизнь съ определеннымъ пониманіемъ добра и правды, и можетъ бессмысленно прозябать, увлекаясь вихремъ индивидуальныхъ похотей. Разумною основою жизни, официально признаннымъ міровоззрѣніемъ для нашего отечества является святое ученіе Христа Спасителя. Степень разумности жизни государственной зависитъ отъ степени сознательности нашей вѣры и степени доброй воли съ нашей стороны жить по вѣрѣ. Если дворянство русское желаетъ быть не на словахъ только, но и на дѣлѣ передовымъ сословіемъ, оно обязано быть прежде всего передовымъ въ исповѣданіи Христа Спасителя, въ познаніи правды Божіей и жизни по вѣрѣ. Въ этомъ разумная основа жизни нашего отечества; истинно передовымъ сословіемъ и будетъ то сословіе, которое будетъ передовымъ въ созиданіи Царства Божія и правды Его.

Жива ли вѣра въ насъ, знаемъ ли мы, въ Кого вѣруемъ, имѣемъ ли добрую волю жить по вѣрѣ? Если это не такъ, если мы утратили самое пониманіе жизненнаго значенія религіи, не понимаемъ ни христіанскаго міровоззрѣнія, ни христіанскаго идеала, не любимъ до ревности христіанской нравственности, какъ можемъ мы быть передовымъ сословіемъ христіанскаго государства?

Милостивые государи! я не беру на себя смѣлость рѣшать вопросъ о томъ, насколько мы, дворяне Черниговской губерніи, достойны высокой чести принадлежать къ передовому сословію Святой Руси, каждый изъ насъ найдетъ отвѣтъ на то въ глубинѣ своей совѣсти, но я считаю для насъ священной обязанностію громко заявить передъ Престоломъ и согражданами, что для насъ слово „дворянинъ“ не одна буква мертвящая, что религія для насъ не пустой обрядъ и не полицейская мѣра, а горячо любимая нами основа жизни, что мы сознаемъ животворящій духъ словъ „передовое сословіе“ и готовы положить все наши силы матеріальныя и духовныя на честное выполненіе обязанностей, логично вытекающихъ изъ положенія представителей передового сословія нашего христіанскаго отечества.

Проектъ адреса Государю Императору.

Всемилоостивѣйшій Государь!

Съ первыхъ дней Своего царствованія Ты не переставалъ оказывать дворянству русскому знаки Твоего Монаршаго довѣрія и благоволенія. Выразить Тебѣ чувство благодарности, одушевляющее всехъ насъ дворянъ Черниговской губерніи, составляетъ потребность сердецъ нашихъ.

Мы знаемъ, Государь, что Твоему Царскому сердцу одинаково дорого благо всехъ милліоновъ душъ живыхъ, ввѣренныхъ Богомъ Твоему попеченію, знаемъ, съ тѣмъ вмѣстѣ, что лучший отвѣтъ на Твою Царскую ласку—ясное пониманіе обязанностей передового сословія Святой Руси и добрая воля отдать все силы души на ихъ честное выполненіе.

Признавая, что высшая основа жизни нашего христіанскаго отечества—есть вѣра живая и честная жизнь по вѣрѣ, мы признаемъ основною обязанностію нашею, какъ представителей передового сословія, быть передовыми исповѣдниками Христа Спасителя, передовыми ревнителями о честномъ согласованіи жизни съ вѣрою. Имѣть ясное пониманіе вѣчной истины правды Божіей, умѣть думать и чувствовать по-христіански, согласовать свою жизнь и жизнь своей семьи съ вѣрою, поддерживать, каждый въ своемъ положеніи, все то, что въ жизни общественной ведетъ къ созиданію Царства Божія и водворенію правды Его, и всеми силами бороться съ тѣмъ, что въ жизни не согласно съ вѣрою, мы признаемъ элементарными, основными обязанностями каждаго изъ представителей передового сословія нашего христіанскаго отечества. Въ этомъ залогъ вѣры живой и возможности жить по вѣрѣ, залогъ спасенія нашего дорогаго отечества отъ двухъ злѣйшихъ враговъ христіанства—невѣрія и мертвящаго формализма безсодержательной обрядности.

На этомъ пути, озаренномъ свѣтомъ отъ Свѣта Небеснаго, и на немъ одномъ возможно единомысліе и единоедушіе всехъ сословій земли русскія подъ водительствомъ Церкви Православной и русскаго Царя.

Докладъ земскому собранію Глуховскаго уѣзда.

23 сентября 1891 года.

Не только элементарная грамотность, но даже высшее образование не можетъ обусловить собою направленіе свободной воли человека. Направить волю на добро можно только однимъ способомъ: измѣняя къ лучшему общее міровоззрѣніе человека, возвышая его идеалъ, уясняя ему разумность нравственной системы, логично вытекающей изъ даннаго идеала, и способствуя всячески внутренней работѣ самоусовершенствованія въ направленіи этого идеала и честнаго согласованія съ нимъ всего строя жизни.

Школа, которая такого морализующаго вліянія не оказываетъ, неизбежно будетъ приносить больше вреда, чѣмъ пользы, давая дурнымъ людямъ новое, опасное орудіе въ борьбѣ за существованіе. Въ настоящее время, когда народъ, не подготовленный историческимъ прошлымъ къ жизни свободныхъ людей, долженъ самостоятельно творить эту жизнь на новыхъ путяхъ, когда деморализующее вліяніе городовъ и рабочихъ казармъ такъ быстро распространяется, когда скандальные успѣхи практичныхъ дѣльцовъ на ярмаркѣ жизни такъ многихъ заражаютъ жаждою наживы во что бы то ни стало, необходимость подобнаго морализующаго вліянія школы такъ очевидна, представляетъ такую насущную потребность для государства и общества, что мы, земскіе люди, обязаны сдѣлать все, что отъ насъ зависитъ въ этомъ направленіи.

Мы имѣемъ дѣло съ христіанскою школою въ христіанской Россіи. Для насъ христіанство и есть официально признанная государствомъ основа жизни; христіанское міровоззрѣніе, христіанскій идеалъ, христіанская нравственность и суть официально признанные міровоззрѣніе, идеалъ и нравственность.

Вся будущность Россіи зависитъ отъ того, насколько школы способствуютъ пониманію вѣры, дѣлая ее разумно-сознательною, и готовятъ возможность согласованія жизни съ вѣрою.

Безъ этого всякая школа отъ высшей до низшей обязательно будетъ поставлять враговъ Церкви и Государства. Чѣмъ болѣе человекъ развивается умственно, тѣмъ болѣе становится для него понятенъ вопіющій разладъ между жизнію и официально исповѣдуемою вѣрою.

Прежде всего школа должна уяснить ученику животворящій духъ вѣры, научить его думать по-христіански и затѣмъ сдѣлать все, отъ нея зависящее, чтобы облегчить ему внутреннюю работу надъ собою, приучая его и чувствовать, и жить по-христіански.

Народъ, котораго Достоевскій называетъ „Вогоносцемъ“, не гарантированъ отъ совращенія не только въ осмысленную шунду, но даже и въ совершенно-безсмысленныя секты, въ родѣ дырянковъ.

На урокахъ Закона Божія стройное христіанское міровоззрѣніе и высочайшій, совершенно опредѣленный, христіанскій идеалъ слишкомъ часто подмѣняются отрывочными свѣдѣніями о чудесныхъ событіяхъ, которыя, не сопровождаясь разъясненіемъ ихъ вѣчнаго смысла, не имѣютъ для учениковъ ни малѣйшаго жизненнаго значенія. Необходимо, напротивъ, чтобы каждая религіозная истина пріобрѣла для ученика характеръ жизненности; чтобы ему было вполне понятно, какая христіанская обязанность соответствуетъ, логично вытекаетъ изъ того или другого отвлеченнаго положенія. Это не потребуетъ расширенія программы, а только совершенно иного отношенія къ дѣлу со стороны законоучителей.

Одна краткая, обязательная для всѣхъ молитва Господня заключаетъ въ себѣ все ученіе Христа Спасителя, причемъ не только каждое слово ея заключаетъ въ себѣ неизмѣримую глубину Божественной мудрости, но и самая послѣдовательность словъ имѣетъ высокое жизненное значеніе. Объясните ребенку, что думать одно, а въ молитвѣ просить другое и глупо, и подло, что такому-то прошенію логично соответствуетъ такая-то обязанность, и вы уясните ему жизненное значеніе религіи и молитвы. Попутно докажите ему непримиримый разладъ того или другого мѣстнаго предразсудка, того или другого мѣстнаго обычая съ ученіемъ Христа Спасителя, и вы подготовите возможность постепеннаго согласованія всего строя жизни съ вѣрою.

Успокоиваться на томъ, что все это дѣло духовенства, а не наше,—было бы съ нашей стороны преступною безпечностью. Настроеніе тысячъ душъ живыхъ, съ которыми мы и наши дѣти обязательно будемъ имѣть дѣло, несомнѣнно дѣло наше.

Въ виду всего вышеизложеннаго я предлагаю просить земское собраніе обратиться къ Его Преосвященству Епископу Черниговскому и Нѣжинскому съ ходатайствомъ о созывѣ въ первой половинѣ 1892 года въ городѣ Глуховѣ сѣзда всѣхъ законоучителей

уѣзда для обсужденія вопросовъ, касающихся преподаванія Закона Божія въ сельскихъ школахъ съ допущеніемъ на этотъ сѣздъ, съ правомъ совѣщательнаго голоса, нѣсколькихъ выборныхъ представителей отъ земства.

Перехожу къ вопросу о томъ, что можно сдѣлать въ нашей школѣ съ цѣлью содѣйствія въ дѣлѣ нравственнаго самовоспитанія учениковъ.

Никакія мѣры не помогутъ, если ученики будутъ играть при этомъ пассивную роль. Необходимо вызвать съ ихъ стороны само-дѣятельность въ желательномъ направленіи, организовавъ только возможно лучшее руководство и контроль надъ ихъ дѣятельностью.

Для того, чтобы рѣшить вопросъ о томъ, какія именно мѣры могли бы быть приняты съ нравственно-воспитательными цѣлями въ той или другой школѣ, необходимо было бы ознакомиться предварительно съ тѣми пороками и недостатками, какіе, при мѣстныхъ условіяхъ, наиболѣе препятствуютъ повышенію нравственнаго уровня учениковъ данной школы.

Въ общемъ можно сказать, что подавляющее большинство учениковъ нашихъ сельскихъ школъ, не умѣя ни думать, ни чувствовать по-христіански, не умѣютъ въ то же время и въ жизни относиться по-христіански ни къ Богу, ни къ ближнему.

Христіанскія отношенія къ ближнему—братскія отношенія, обязательныя между тѣми, кои искренно желаютъ быть достойными сынами Единаго Отца Небеснаго.

Опытъ десятилѣтней воспитательной практики доказалъ мнѣ, что очень полезною воспитательною мѣрою можетъ служить образованіе между учениками двухъ братскихъ кружковъ, на подобіе существующихъ въ моей Воздвиженской сельско-хозяйственной школѣ съ цѣлью постепеннаго воспитанія взаимныхъ отношеній, соотвѣствующихъ обязательной для христіанина любви къ ближнему; не уживчивости со всякими, а христіанской любви безъ измѣны Богу и Христу Его; съ цѣлью въ то же время оказать дѣятельную нравственную поддержку тѣмъ сѣмянамъ добра, которыя такъ настойчиво заглушаютъ зло, столь удачно организованное практическими дѣльцами, „чуждыми устарѣлыхъ предразсудковъ христіанской нравственности“.

Борьба съ организованнымъ зломъ возможна только при условіи стройной организаціи добра; вотъ почему такъ вредно отражается на жизни общественной и государственной отсутствіе сознательной вѣры, безъ которой само собою невозможно и никакое организованное служеніе на созиданіе Царства Божія на землѣ и никакое организованное противодѣйствіе служителямъ золотого тельца; вотъ почему такое высоко-развращающее вліяніе оказываетъ на подро-

стающее поколѣніе сообщество людей, взаимныя отношенія между которыми обусловлены не нравственными соображеніями, а денежными разсчетами и биржевыми сдѣлками.

Для осуществленія этой воспитательной мѣры, я предлагаю рекомендовать земскому собранію учредить постоянную комиссію изъ нѣсколькихъ, заслуживающихъ довѣрія лицъ для руководства и надзора за дѣломъ.

На обязанность этой комиссіи слѣдовало бы возложить заботу о привлеченіи къ этому дѣлу въ качествѣ мѣстныхъ руководителей священниковъ, попечителей или постороннихъ лицъ, сообразно съ тѣмъ, кто въ данномъ селеніи можетъ быть наиболѣе полезенъ, относясь къ этому дѣлу съ наибольшимъ сочувствіемъ.

Эти лица, ознакомившись нѣсколько съ характерами учениковъ, могутъ изъ тѣхъ, въ комъ проявится добрая воля работать надъ собою, организовать младшіе кружки, члены которыхъ, принимая на себя обязанность относиться другъ къ другу по-братски, имѣли возможность почаще собираться для взаимнаго общенія.

Со временемъ, убѣдившись, что нѣкоторые изъ членовъ младшихъ братскихъ кружковъ настолько окрѣпли духовно, что могутъ быть полезны для другихъ, можно будетъ организовать изъ нихъ и старшіе кружки, члены которыхъ будутъ въ состояніи быть не только полезными дѣателями въ дѣлѣ воспитанія товарищей, но и по выходѣ изъ школы оказывать благотворное вліяніе на вышедшихъ учениковъ школы и другихъ односельчанъ, служа для нихъ добрымъ примѣромъ, устраивая для нихъ частныя чтенія и бесѣды, общества трезвости и скромной жизни.

Докладъ на Съѣздѣ законоучителей Глуховскаго уѣзда.

20 января 1892 года.

Достопочтенные Отцы Законоучители!

Позвольте начать съ чтенія моего доклада о мѣрахъ къ увеличенію религіозно-нравственнаго воздѣйствія сельскихъ школъ на учениковъ, доклада, вслѣдствіе котораго Глуховское уѣздное земское собраніе и постановило ходатайствовать предъ Его Преосвященствомъ о разрѣшеніи настоящаго съѣзда.

Заявляя, что я проникнутъ сознаниемъ глубокаго уваженія, обязательнаго для меня, какъ искренно-вѣрующаго христіанина, къ духовному сану, прошу васъ великодушно простить, если при чтеніи доклада и въ дальнѣйшихъ преніяхъ мнѣ придется говорить о явленіяхъ, не желательныхъ въ дѣлѣ преподаванія Закона Божія.

Спѣшу прибавить, что среди этого собранія есть духовные пастыри, глубоко понимающіе свои обязанности законоучителя и ревностно ихъ выполняющіе; это и даетъ мнѣ основаніе надѣяться на то, что обмѣнъ мыслей между достопочтенными членами настоящаго собранія приведетъ къ самымъ отраднымъ послѣдствіямъ.

Читанъ предыдущій докладъ.

Позвольте остановиться на первой части моего доклада: на вопросѣ о приданіи большей жизненности преподаванію Закона Божія и пояснить мою мысль примѣрами. Преподавая Священную Исторію можно ограничиться заучиваніемъ чудесныхъ событій, и можно ознакомить ученика съ вѣчнымъ, не преходящимъ смысломъ этихъ событій; въ первомъ случаѣ мы обогатимъ только память ученика знаніемъ мертвящей буквы, совершенно неприложимой къ жизни, во второмъ, — озаримъ его сознание свѣтомъ разумнѣя слова Божія, того животворящаго слова Божія, о которомъ живъ будетъ человѣкъ, озаримъ его сознание разумнѣемъ того животворящаго духа разумной

воли Бога Разумнаго, пониманіе котораго можетъ позволить человѣку понять разумный смыслъ земной жизни и разумно устроить свою жизнь, свои отношенія къ самому себѣ, къ ближнимъ и къ Господу Богу.

Въ какихъ бы подробностяхъ не сообщалось ребенку мертвящая буква историческаго факта, до точнаго размѣра Ноева ковчега и именъ отца и матери Моисея включительно, это не научитъ его ни думать, ни чувствовать, ни жить по-христіански; онъ не съумѣетъ понять, какое отношеніе эти знанія могутъ имѣть къ его личной жизни, и знанія эти останутся мертвой схоластикой, неприложимою къ жизни мертвящею буквою, часто вредною, какъ источникъ горделиваго презрѣнія къ тѣмъ, которые этой мертвящей буквы не знаютъ, горделиваго самодовольства, какъ результата наивнаго убѣжденія, что голое знаніе мертвящей буквы Писанія душеспасительно и само по себѣ составляетъ высокую заслугу.

Возьмемъ для примѣра историческій фактъ воздвиженія Креста Господня. Событіе это сообщается обязательно и какъ фактъ Священной Исторіи Новаго Завѣта, и какъ поводъ установленія двенадцатаго праздника. Въ какихъ бы историческихъ подробностяхъ не сообщалось ученику это событіе, оно останется для него мертвящею буквою, совершенно не приложимою къ его личной жизни, если мы не позаботимся объяснить ему животворящій духъ, скрытый подъ мертвящею буквою историческаго факта.

Зная умственный и нравственный уровень средней крестьянской семьи и учениковъ нашихъ сельскихъ школъ, даже при окончаніи курса, мы не имѣемъ ни права, ни основанія требовать отъ ученика, чтобы онъ самостоятельно сдѣлалъ тѣ выводы, сдѣлать которые безъ глубокаго пониманія христіанскаго міровоззрѣнія невозможно, безъ которыхъ всѣ познанія по Закону Божію останутся бесполезною схоластикой и буквою, буквально мертвящею и умъ и сердце человѣка.

Напротивъ, поясните ему, что онъ не можетъ честно праздновать день Воздвиженія Креста Господня, не стараясь воздвигать крестъ Господень въ своемъ умѣ, въ своемъ сердцѣ и въ своей жизни, въ умахъ, сердцахъ и въ жизни ближнихъ своихъ. Поясните ему, что Крестъ дорогъ намъ не какъ матеріальный талисманъ, а какъ символъ страданій, добровольно принятыхъ на себя Христомъ Спасителемъ, чтобы насъ спасти словомъ и дѣломъ жизни Своей, какъ символъ ученія и примѣра жизни Сына Божія, озарившаго мракъ жизни земной свѣтомъ отъ Свѣта Небеснаго; поясните ему, что, научаясь понимать волю Божію, онъ воздвигаетъ крестъ Господень въ умѣ своемъ, научая другихъ пониманію воли Бога Разумнаго, воздвигаетъ крестъ въ умахъ ближнихъ своихъ, научаясь любить разумную волю Бога выше неразумныхъ похотей сердца своего, воздвигаетъ крестъ въ сердцахъ, а согласуя весь строй жизни съ

вѣрою, буквально вырываетъ Крестъ Христовъ изъ-подъ толстаго слоя вѣками накопившихся предрасудковъ, недомыслия и суевѣрій и воздвигаетъ его въ жизни. Поясните ему все это, и онъ уразумѣетъ животворящій духъ чествованія Воздвиженія Креста Господня, и это станетъ для него источникомъ цѣлой программы христіанской жизни и христіанскихъ отношеній

Это не потребуетъ расширенія программы и значительно большей затраты времени, хотя нѣтъ препятствій, которые могли бы оправдать изученіе буквы мертвящей на мѣсто животворящаго духа вѣры. Достопочтенные отцы законоучители, конечно, лучше меня знаютъ, какъ передать все это крестьянскимъ дѣтямъ кратко и на языкѣ для нихъ удобопонятномъ. Съ своей стороны, я могу засвидѣтельствовать, опираясь на личный опытъ воспитательной практики въ моей Воздвиженской сельско-хозяйственной школѣ, что даже ученики младшаго подготовительнаго класса легко усвоятъ пониманіе жизненнаго значенія фактовъ Священной Исторіи и даже легче запоминаютъ самый фактъ, относясь къ нему болѣе сознательно.

Перехожу къ обученію молитвъ. И тутъ можно заучить одну букву мертвящую и ея переводъ или озарить сознаніе ребенка разумѣніемъ тѣхъ простыхъ, удобопонятныхъ для него, личныхъ обязанностей, которыя логично вытекаютъ изъ того или другого прошенія молитвы. Необходимо, чтобы ребенокъ понялъ всю гнусность лживой молитвы. Если мы гнушаемся и признаемъ нечестнымъ того, кто думаетъ одно, говоритъ другое и дѣлаетъ третье, какими же глупыми, гнусными лжецами мы являемся предъ Господомъ Богомъ и Ангеломъ хранителемъ нашимъ, видящимъ не только поведеніе наше, но и сокровенная ума и сердца нашего, если мы, произнося святыя слова молитвы, не полагаемъ духовныя силы наши на согласованіе мыслей, чувствъ и жизни нашей съ тѣмъ, въ чемъ живо просимъ помощи у Бога.

Для примѣра я останавливаюсь на первыхъ словахъ молитвы Господней. Скажите ученику, что слова: „Отче нашъ“ означаютъ, что Спаситель заповѣдалъ намъ называть Бога Отцемъ; что мы по грѣховности своей не достойны этой великой чести, что право это дано намъ Господомъ Богомъ по неизрѣченной благодати и милосердію къ намъ, и слова эти останутся для ученика туманною отвлеченностью, мертвящею буквою, совершенно не приложимою къ его личной жизни; при злой волѣ, столь обыкновенной среди грѣшныхъ дѣтей земли, онъ даже выведетъ изъ этого заключеніе, что какъ бы онъ ни жилъ, Господь по неисчерпаемому милосердію своему всегда останется для него любящимъ и всепрощающимъ отцемъ. Объясните ученику, что Господь заповѣдалъ молитву эту ученикамъ Своимъ, тѣмъ, кто все оставилъ, чтобы принять на себя крестъ и идти за

Нимъ, что дурнымъ людямъ Господь не только не позволялъ Бога называть своимъ отцемъ, но даже говорилъ имъ: „Вы отца вашего хотите творить“, и онъ пойметъ, что мы обязаны положить всѣ духовныя силы наши на то, чтобы быть достойными чадами Божиими и что, если мы не будемъ такими, намъ не удастся купить право на входъ въ Царствіе Божіе никакими ласкательствами и подкупами. Вотъ это пониманіе личныхъ обязанностей, соответствующихъ словамъ молитвы, честное выполненіе которыхъ и обуславливаетъ то, будетъ ли молитва Святымъ Таинствомъ или грубымъ кощунствомъ — и придаетъ жизнь мертвой буквѣ, сообщаетъ спасительную жизненность схоластической формулы.

Позвольте надѣяться, что и на этомъ краткомъ примѣрѣ мысль моя достаточно выяснилась. Кончаю, не желая утомлять собраніе и увѣренъ, что каждый изъ достопочтенныхъ членовъ его легко примѣнитъ сказанное мною къ каждому прошенію молитвы Господней и къ каждой иной молитвѣ.

Есть одно условіе, безъ котораго нѣтъ христіанства и никто изъ насъ не имѣетъ права называть себя христіаниномъ — это искренняя любовь къ Богу, Христу Его и ближнимъ нашимъ. Христосъ Спаситель сказалъ: „Заповѣдь новую даю вамъ, да любите другъ друга, какъ Я возлюбилъ васъ, такъ и вы да любите другъ друга. *Потому узнаютъ всѣ, что вы Мои ученики, если будете имѣть любовь между собою*“.

Любить какъ Христосъ, значитъ любить до самопожертвованія, не отговариваясь тѣмъ, что любить не выгодно, а выгодно эгоистично бороться на пользу себѣ.

Подъ влияніемъ графа Толстого и нашего знаменитаго писателя Достоевскаго многіе смѣшиваютъ христіанство съ добродушною уживчивостью со всякими людьми и во что бы то ни стало. Это не такъ. Христосъ Спаситель любилъ всѣхъ до самопожертвованія и однако Онъ не уживался ни съ фарисеями, ни съ саддукеями, ни съ продіанами, не обращая вниманія на то, что ссориться съ ними было и не политично, и не выгодно съ точки зрѣнія человѣческой.

Христосъ не отмѣнилъ ветхозавѣтныхъ заповѣдей о любви къ Богу и ближнему: „люби Бога твоего всѣмъ сердцемъ твоимъ, всѣмъ разумѣніемъ и всею крѣпостію твоею, сія есть первая заповѣдь, сказалъ Спаситель; и ближняго твоего какъ самого себя; въ этихъ двухъ заповѣдяхъ весь законъ и пророки“; въ нихъ же заключена и совершенно опредѣленная программа отношеній къ Богу, ближнему и къ самому себѣ.

Любить Бога „всѣмъ разумѣніемъ“ — значитъ положить всѣ силы разума своего на то, чтобы понять разумную волю Бога Разумнаго; „всѣмъ сердцемъ“ — значитъ ничего не любить выше Бога, не

исключая ни отца, ни матери, ни сына, ни дочери, ни самого себя; „всею крѣпостію“ значитъ положить всю силу воли на то, чтобы мысли, чувства и жизнь свою честно согласовать съ волей Божіей.

Если мы такимъ образомъ любимъ Бога, мы въ самихъ себѣ будемъ любить только то, что согласно съ волей Божіей, будемъ бороться со всѣмъ тѣмъ, что съ нею не согласно; любя ближняго, какъ самого себя, будемъ и въ немъ любить образъ и подобіе Божіе, будемъ бороться всѣми средствами, достойными христіанина, со всѣмъ тѣмъ, что въ немъ этотъ образъ искажаетъ.

Достопочтенные отцы законоучители лучше меня знаютъ, какъ далеко отстоитъ современная практика жизни отъ этого свѣтлаго идеала справедливыхъ и любовныхъ христіанскихъ отношеній. Грубая злоба, грубая зависть, грубая мстительность, равнодушная уживчивость, а подчасъ и восторженное поклоненіе злу и пороку, составляютъ самое заурадное явленіе.

Не достаточно сознать это, рутина жизни такъ сильна, такъ цѣпко держитъ насъ желѣзными цѣпями привычки, что нужна долгая воспитательная борьба со зломъ, стройная организація добра, чтобы, понявъ святую волю Божію, усвоить привычку согласныхъ съ нею склада ума, сердечныхъ симпатій и строя жизни.

Такою организаціею, способною воспитать въ дѣтяхъ привычки честныхъ христіанскихъ отношеній другъ къ другу и являются братскіе кружки на подобіе существующихъ въ моей Воздвиженской сельско-хозяйственной школѣ.

Прежде всего я стараюсь пробудить въ ребенкѣ добрую волю и сознаніе необходимости самодѣтельности, объясняя ему, что духъ его свободенъ, что на воспитателей онъ долженъ смотрѣть какъ на болѣе его опытныхъ друзей и руководителей, которые будутъ ему помогать въ дѣлѣ воспитанія, но не могутъ принять на себя активную роль за него въ то время, какъ онъ пассивно подчинялся бы ихъ воспитательнымъ мѣрамъ.

Когда мы видимъ, что ребенокъ проявляетъ добрую волю и начинаетъ работать надъ собою, его принимаютъ въ младшій братскій кружокъ, гдѣ, въ обществѣ доброжелательныхъ товарищей, онъ получаетъ возможность воспитывать въ себѣ привычки христіанскихъ отношеній, естественно складывающихся согласно дивнымъ наставленіямъ, изложеннымъ въ XVIII главѣ Евангелія отъ Маттея:

„Если согрѣшитъ противъ тебя братъ твой, пойди и обличи его между тобой и имъ однимъ“, такъ они и дѣлаютъ; „если же не послушаетъ, возьми съ собою еще одного или двухъ“. Въ этомъ случаѣ они призываютъ на помощь братьевъ по-кружку или своихъ воспитателей. „Если же не послушаетъ, скажи Церкви“. Св. Климентъ Александрійскій всякую честную христіанскую семью назы-

ваетъ малою Церковью Христовой; такою малою Церковью является несомнѣнно и братскій кружокъ, собравшійся во имя Христова. „А если и Церковь не послушаетъ, то да будетъ онъ тебѣ какъ язычникъ и мытарь“. И язычника, и мытаря христіанинъ не можетъ не жалѣть! и ему христіанинъ не можетъ не желать добра, но уживаться съ нимъ, проводить время въ тѣсномъ общеніи съ нимъ, наравнѣ съ вѣрными о Христѣ братьями, христіанинъ не будетъ до тѣхъ поръ, пока дѣлать это онъ не можетъ безъ измѣны Богу и Христу Его. Когда любовныя усовѣщеванія всего кружка не дѣйствуютъ, ребенка исключаютъ изъ кружка до тѣхъ поръ, пока не найдутъ справедливымъ вновь принять его.

Кружокъ такимъ образомъ является могучею поддержкою добра въ умахъ и сердцахъ дѣтей, вступившихъ въ него, и высоко полезнымъ примѣромъ сообщества на христіанскихъ началахъ для товарищей, еще не вступившихъ въ него.

У насъ въ школѣ воспитательныя мѣры этимъ не ограничиваются. Тѣхъ членовъ младшаго братскаго кружка, которые на столько окрѣпли въ добрѣ, что могутъ быть полезными помощниками моими въ дѣлѣ воспитанія, принимаютъ въ старшій братскій кружокъ и поручаютъ ихъ любовнымъ попеченіямъ младшихъ товарищей.

Въ сельскихъ школахъ ученики оканчиваютъ курсъ ученія столь молодыми, что едва ли возможно мечтать объ учрежденіи въ нихъ старшаго братскаго кружка. Это дѣлаетъ излишнимъ долѣе останавливаться на его организаціи. Позвольте только указать на тѣ благія послѣдствія, какія могутъ произойти для прихода и его пастыря отъ образованія хотя бы однихъ младшихъ братскихъ кружковъ въ сельскихъ школахъ.

Законоучитель, который бы принялъ на себя заботы о младшемъ кружкѣ въ школѣ, могъ бы близко ознакомиться съ его членами; это дало бы ему возможность не прерывать съ ними близкихъ сердечныхъ отношеній и по выходѣ ихъ изъ школы. Такимъ образомъ вокругъ священника образовался бы сочувствующій ему кружокъ лицъ, опираясь на который, онъ могъ бы оказывать на приходъ такое нравственное воздѣйствіе, о которомъ теперь и думать нельзя, по пословицѣ: „одинъ въ полѣ не воинъ“.

Опытъ устройства братскихъ кружковъ въ сельскихъ школахъ возможенъ только въ томъ случаѣ, если отцы законоучители пожелаютъ принять это дѣло подъ свое покровительство и на свою отвѣтственность. Вотъ почему, какъ уполномоченный представитель земскаго собранія, я нашелъ необходимымъ ознакомить васъ съ вышеизложеннымъ и просить высказаться по этому вопросу.

Записка, доложенная Глуховскому уездному земскому собранию 25 сентября 1892 года.

20 января сего года состоялся, согласно ходатайству земского собрания прошлаго года, съездъ законоучителей Глуховского уѣзда. Мнѣ пріятно засвидѣтельствовать передъ вами, что впечатлѣніе, вынесенное мною, было самое отрадное.

Отцы законоучители проявили много доброй воли дѣйствовать въ желаемомъ нами направленіи и постановили, въ случаѣ осуществленія нашего проекта, принять на себя заботу объ организациі братскихъ кружковъ въ сельскихъ школахъ.

Мнѣ извѣстно, что одинъ изъ священниковъ, вернувшись со съезда, началъ, при содѣйствіи учительницы, дѣйствовать въ этомъ направленіи, но не счелъ возможнымъ продолжать, услышавъ будто, инспекторъ народныхъ училищъ тому не сочувствуетъ. Очень можетъ быть, что слухъ, подорвавшій у самаго корня благое начинаніе сельского пастыря, былъ совершенно не основателенъ; можетъ быть инспекторъ народныхъ училищъ и неповиненъ въ этомъ дѣлѣ, во всякомъ случаѣ, это доказываетъ, насколько необходима для сельскихъ священниковъ поддержка на этомъ пути и санкціонированная властью организациа.

Тѣмъ болѣе прискорбно, что министерство Народнаго Просвѣщенія, согласившись съ мнѣніемъ господина попечителя кіевскаго учебнаго округа, высказалось противъ участія земства въ дорогомъ и святомъ для всякаго искренно-вѣрующаго христіанина дѣлѣ воспитанія народа въ сознательной вѣрѣ для честной жизни по вѣрѣ и тѣмъ лишаетъ насъ возможности содѣйствовать сельскимъ пастырямъ, при выполненіи ихъ святѣйшихъ обязанностей, въ тѣхъ размѣрахъ, въ какихъ мы того желали.

Прежде чѣмъ изложить мое мнѣніе о томъ, что намъ слѣдуетъ предпринять въ виду измѣнившихся обстоятельствъ, позвольте ознакомить васъ съ докладомъ, прочитаннымъ мною, какъ представителемъ отъ земства, на съѣздѣ о.о. законоучителей.

Слѣдуетъ предыдущій докладъ.

Обстоятельства съ тѣхъ поръ измѣнились. Министерство Народнаго Просвѣщенія высказалось противъ участія земства въ этомъ дѣлѣ.

Тѣмъ не менѣе, опираясь на сочувствіе, выраженное этому начинанію Его Преосвященствомъ Епископомъ Новгородъ-Сѣверскимъ на страницахъ Черниговскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостей (№ 2 отъ 15-го января 1893 г. стран. 84—85) и съѣздомъ о.о. законоучителей, я смѣю надѣяться, что дѣло это будетъ сдѣлано нѣкоторыми сельскими пастырями самостоятельно, при сочувствіи и посильномъ содѣйствіи Глуховской земской управы.

Дѣло возвышенія умовъ народа до высоты христіанскаго міровоззрѣнія и сознательной вѣры, дѣло возвышенія сердецъ народа до сознательной любви къ Богу и о Христѣ братьямъ, дѣло возвышенія жизни нашей до честнаго согласованія ея съ вѣрою,—все это и есть дѣло Божіе, то дѣло возрожденія падшаго человѣчества и примиренія его съ Богомъ Святымъ, которое мы и получили преемственно чрезъ Апостоловъ отъ Самаго Свѣта отъ Свѣта Небеснаго, Великаго Миротворца, Единого учителя для всѣхъ—Господа Нашего Иисуса Христа; то дѣло Божіе, отношеніе къ которому и обуславливаетъ собою принадлежность нашу къ христіанамъ или къ антихристамъ, къ чадамъ Божиимъ или къ сынамъ діавола, вопросъ жизни и смерти духовной, благословенія и проклятія для миллионовъ вѣчныхъ душъ живыхъ.

Теперь, когда человѣчество dorosло до признанія необходимости разумаго и сознательнаго отношенія ко всѣмъ разнообразнымъ явленіямъ жизни, до признанія необходимости стройной организациі всякаго дѣла, неужели мы, вѣрующіе, не признаемъ, что пора могучему древу Христіанства, выросшему изъ зерна горчичнаго, посѣяннаго XVIII столѣтіи тому назадъ Спасителемъ міра, dorosti до разумаго отношенія къ христіанскому воспитанію умовъ и сердецъ нарастающихъ поколѣній крещеннаго міра, до стройной организациі жизни по вѣрѣ.

Мы всѣ знаемъ святые слова: „Истинно, истинно говорю вамъ: вѣрующій въ Меня—дѣла, которыя Я творю, и онъ сотворитъ и больше сихъ сотворитъ, потому что Я къ Отцу Моему иду“ (Еван. отъ Іоан. гл. XIV, ст. XII). Мы всѣ понимаемъ, что Господь не насилуетъ никого даже и на добро, что во время земной жизни Христа Спасителя Его современники еще не могли вмѣстить того, что мы и наши современники должны вмѣстить и сотворить послѣ XVIII вѣковъ зрѣющей закваски Царства Божія, XVIII вѣковъ воз-

дѣйствія Духа Святаго, XVIII вѣковъ опыта христіанской жизни и христіанскихъ отношеній.

Насколько далеки умы громаднаго большинства современныхъ намъ представителей крещенаго міра отъ сознательной вѣры и сердца ихъ отъ гармоніи христіанскаго настроенія и вѣры, и мнѣ хорошо извѣстно.

Что касается до строя жизни и того, насколько онъ далекъ отъ братства мира и любви, завѣщаннаго намъ Христомъ Спасителемъ и Его Апостолами, мнѣ кажется самый фанатичный оптимизмъ не будетъ въ состояніи такъ хорошо закрыть глаза, уши и сердце, чтобъ не видѣть, не слышать и не уразумѣть грустную истину.

Отрицать, что умы большинства, вмѣсто сознательной вѣры и разумнаго христіанскаго міровоззрѣнія, полны самыми дикими, исключаящими самую возможность вѣры суевѣріями, что сердца, вмѣсто мира, любви и вдохновенной радости о Духѣ Святѣ, полны жадности, злобы, завистливаго коварства и мстительнаго ожесточенія, что весь строй жизни представляетъ собою не стройную организацію для огражденія овецъ кроткихъ отъ волковъ хищныхъ, а непрерывную сѣть разнообразныхъ искушеній, по пятамъ преслѣдующихъ чловѣка отъ колыбели и до гроба; отрицать все это невозможно, не впадая на каждомъ шагѣ въ противорѣчіе съ очевидными, безспорными фактами.

Кто не знаетъ, что большинство смотритъ на религію, какъ на способъ пріобрѣтенія благъ земныхъ, что сознаніе святости имени Божія до того помрачено, что воображаютъ себя православными христіанами, считая возможнымъ подкупить Бога и Святыхъ, продолжая оставаться злыми и порочными.

Кто не знаетъ, что православные христіане толпами переходятъ въ безсмысленныя секты, до идиотическихъ дырниковъ включительно, что въ этомъ году въ Астрахани, Саратовѣ и Хвалынскѣ они вели себя такъ, какъ вести себя было бы позорно для самыхъ грубыхъ язычниковъ.

Зная состояніе умовъ и настроеніе духа обывателей Глуховскаго уѣзда, можемъ ли мы, по совѣсти, поручиться за то, что все это и у насъ не возможно?

Въ нашемъ уѣздѣ набожный старикъ, не уклонившійся ни въ какую ересь, старикъ, котораго продолжаютъ считать православнымъ на томъ основаніи, что онъ не только въ православную церковь ходитъ и православные обряды исполняетъ, даже благочестивымъ старцемъ, на томъ основаніи, что онъ во время богослуженія на клиросѣ читаетъ, говорилъ всему собравшемуся крестьянскому обществу: „И что это у насъ за Богъ такой, Ему молись, Ему постись, Ему свѣчи ставь, а Онъ насъ и отъ пожара не оградитъ“.

Въ Черниговскихъ вѣдомостяхъ была напечатана корреспонденція за подписью сельскаго священника съ весьма характерными и поучительными образчиками міровоззрѣнія его прихожанъ, жителей сосѣдняго намъ Новгородъ-Сѣверскаго уѣзда, нашей же губерніи. Мнѣ достовѣрно извѣстно, что тѣ же кощунственные легенды составляютъ предметъ вѣры и для крестьянъ нашего Глуховскаго уѣзда.

1. „Легенда о силѣ Небесной“.

Для характеристики моихъ прихожанъ, пишетъ священникъ, запишу въ лѣтопись слѣдующіе два разсказа, слышанные мною отъ одной старухи.— „Разъ какъ-то давно это уже было, дьяволъ укралъ у Господа Бога небесную силу (какую? старуха сама не могла сказать). И устроилъ себѣ дьяволъ хрустальное небо; небесная сила помогла ему строить и сталъ жить на небѣ. Вотъ и говоритъ Господь Богъ Архангелу Михаилу: „Какъ бы Намъ отобрать у нечистаго духа небесную силу?“ А Михаилъ и отвѣчаетъ: „Пойду-ка я попробую украсть ее“. Господь Богъ далъ позволеніе Михаилу и онъ пошелъ. Приходитъ къ дьяволу и говоритъ: „Знаешь-ли ты ширину свѣта, глубину моря?“ Ширину свѣта зналъ дьяволъ и высоту его зналъ, и глубину моря зналъ, да на этотъ разъ и позабылъ. Ужъ такъ ему Господь Богъ сдѣлалъ на этотъ часъ. Вотъ и пошелъ дьяволъ въ море измѣрять глубину его. А Михаилъ схватилъ „небесную силу“, да и давай Богъ ноги, пустился удирать. Мѣрять дьяволъ море, а того и не знаетъ, что Господь Богъ уже заморозилъ воду. Хотѣлъ дьяволъ вылѣзть, посмотреть ледъ не пускаетъ. Долго онъ мучился, пока разбилъ ледъ, вылѣзъ изъ моря, а Михаилъ уже высоко, такъ что его и не видно. Пустился дьяволъ догонять. Михаилъ совсѣмъ уже близко къ небу, а дьяволъ вотъ-вотъ настигаетъ его. Тогда Господь Богъ и говоритъ Михаилу: „бей его небесной силой?“ Михаилъ ударилъ, и дьяволъ разсыпался мелкими брызгами: сорокъ сутокъ шелъ дождь“.

2. „Легенда о пицѣ дьявола“.

„Когда Господь назначалъ пищу каждой твари, то пришелъ къ Нему и дьяволъ просить себѣ пищи. Господь Богъ далъ ему овесъ и гречиху. Тогда Іисусъ Христосъ и говоритъ Господу Богу: „хорошую пашню мы отдали дьяволу“.— „Ну что-жъ дѣлать? какъ теперь отобрать?“ говоритъ Господь Богъ. А дьяволъ уже собрался сѣять овесъ да гречиху, летитъ въ поле, да чтобы не забыть, все повторяетъ „овесъ да гречиха, овесъ да гречиха“. Вотъ Христосъ

возьми да и спрячься за кустомъ, мимо котораго нужно было пролетать дьяволу. Только, что дьяволъ поровнялся съ кустомъ, а Христосъ какъ крикнетъ: „А ту!“ Дьяволъ и забылъ съ перепугу названіе пашни, данной ему Господомъ Богомъ: „Ахъ, говоритъ дьяволъ, какъ ты меня испугалъ! я и позабылъ, какую пашню мнѣ далъ Богъ“. А Христосъ и говоритъ ему: „да ты, когда летѣлъ, то все говорилъ: осотъ да горчица!“ Дьяволъ повѣрилъ, полетѣлъ и настѣялъ себѣ осота и горчицы; съ тѣхъ поръ и стали служить эти растенія пищей дьяволу, а овесъ и гречиха остались добрымъ людямъ“.

И все это рассказывается людьми, не уклонившимися въ ересь, людьми, которыхъ продолжаютъ считать православными. Если мы задумаемся въ то, какое міровоззрѣніе, какія нравственныя понятія соотвѣтствуютъ подобнымъ легендамъ, то поймемъ весь трагизмъ положенія.

Тутъ не можетъ быть вопроса о томъ, насколько трудно перейти отъ того, что есть, къ тому, что должно быть. Какъ бы ни трудно было озарить темные умы свѣтомъ сознательной вѣры, какъ бы ни трудно было организовать жизнь по вѣрѣ среди стройно организованной рутины жизни „по обычаю міра сего“, мы должны это сдѣлать, если не хотимъ быть сознательными измѣнниками Богу и Святому дѣлу Его.

Если бы дѣтямъ въ школахъ преподавали одну теорію письма, никогда не упражняя ихъ въ диктовкахъ, они едва ли научились бы писать. Такъ и въ дѣлѣ вѣры. Одно теоретическое преподаваніе Закона Божія совершенно недостаточно. Необходимо, чтобы дѣти привыкали думать, чувствовать и жить по-христіански на практикѣ, въ жизни; иначе они станутъ непременно христіанами на часъ, оставаясь во всю остальную жизнь по складу ума, по характеру симпатій и всему строю жизни грубыми язычниками.

Братскіе кружки въ школахъ дадутъ возможность стройной организаціи добра, не только въ школахъ, но и за предѣлами ея,—въ приходѣ, приучая дѣтей къ честнымъ христіанскимъ отношеніямъ къ Богу, къ самимъ себѣ, къ жизни и къ людямъ.

Сдѣлать учрежденіе подобныхъ кружковъ обязательнымъ во всѣхъ школахъ Глуховскаго уѣзда—невозможно, хотя вѣруя въ дѣйствительность таинства священства, я не могу сомнѣваться, что дѣло это вполне возможно для каждаго священника-законоучителя, какъ, вѣруя въ дѣйствительность таинства молитвы, я не сомнѣваюсь, что дѣло это возможно и для каждаго вѣрующаго мірянина.

Но одной возможности недостаточно, необходима добрая воля, живая вѣра и живая любовь, чтобы и дѣло это было жизненно, а не осталось буквою мертвящею, лишенною животворящаго духа.

Невѣрующіе могутъ говорить, что нѣтъ людей, способныхъ на это дѣло, что дѣло это несвоевременно. Мы, вѣрующіе, знаемъ, что дѣло Божіе всегда своевременно, что безъ мѣры даетъ Богъ Духа Святаго съ вѣрою просящимъ о томъ, что въ немощи творить Богъ силу и что, какъ бы мы лично ни были немощны, силенъ Богъ содѣлать великая и чудная орудіемъ ничтожнымъ.

Лишь бы не ослабѣвала вѣра; лишь бы не угасалъ въ насъ огонь любви; лишь бы сами мы не мѣшали дѣйствовать чрезъ насъ Богу въ Его святомъ дѣлѣ возвышенія человѣчества до единомыслія и единодушія съ согражданами Іерусалима Небеснаго!

Безъ мѣры даетъ Богъ Духа, но мы воспринимаетъ Его въ мѣру любви и вѣры нашей. Все возможно для „Духа, живущаго въ насъ“. Но Онъ не хочетъ насиловать насъ, вотъ почему многое остается невозможнымъ для насъ, пока вѣра не сдѣлаетъ насъ достойными орудіями Его и Онъ благоволитъ чрезъ насъ двигать горами. То, что казалось несвоевременнымъ и невозможнымъ, тотчасъ станетъ исполнѣнъ своевременно и удобоисполнимо, потому что не мы будемъ дѣйствовать, а Духъ Истины, Который научитъ насъ всему и силу содѣлаетъ въ немощи нашей.

Занимаясь 12 лѣтъ воспитаніемъ крестьянскихъ дѣтей къ сознательной вѣрѣ и сознательной любви ко Христу Спасителю, я на опытѣ извѣдалъ благотворное вліяніе братскихъ кружковъ и осуществилъ въ жизни все то, что нынѣ вамъ предлагаю.

Позвольте обратить ваше вниманіе и на то, что именно земство Глуховскаго уѣзда находится въ этомъ дѣлѣ въ особенно благоприятномъ положеніи, что создаетъ для него обязанность предъ всею Россіею осуществить то дѣло, которое можетъ стать полезнымъ опытомъ и исходнымъ пунктомъ для дѣятельности правительства въ несравненно болѣе широкихъ размѣрахъ, въ томъ же направленіи.

Все, что я предлагаю, не есть плодъ теоретическихъ измышлений досужей фантазіи, все это осуществлено мною и дало благоприятные результаты.

Въ 20 верстахъ отъ г. Глухова находится моя Воздвиженская школа, въ которой дѣло христіанскаго воспитанія стройно организовано.

При доброй волѣ каждому земскому дѣятелю и сельскому пастырю легко ознакомиться на мѣстѣ не только съ теоріею этого дѣла, но и съ практикою его осуществленія въ мельчайшихъ подробностяхъ. Со своей стороны подѣлиться опытомъ моей 12-лѣтней дѣятельности въ этомъ направленіи я считаю долгомъ христіанской совѣсти и готовъ оказать всякое содѣйствіе какъ частнымъ лицамъ, такъ и земской комиссіи, если бы она учредилась.

Учреждение этой комиссии я нахожу в высшей степени желательным. Она сама по себе представляла бы официальную санкцию дѣла, за которое взяты не рѣшаются тѣ робкіе пастыри, которые сомнѣваются даже въ своемъ правѣ исполнять свою святѣйшую обязанность—обязанность воспитывать души пасомыхъ въ вѣрѣ и въ жизни по вѣрѣ. Она могла бы объединять и направлять это дѣло въ уѣздѣ, помогая совѣтами и поддержкою тѣмъ сельскимъ пастырямъ, которые за это дѣло возьмутся. Въ случаѣ разногласія между законоучителемъ и учителемъ она могла бы вліять примирительно на обѣ стороны и представлять на усмотрѣніе училищнаго совѣта тѣ случаи, когда вина на сторонѣ учителя и не видно съ его стороны желанія помогать законоучителю въ его полезной дѣятельности. Вообще эта коммиссія могла бы ограждать это дѣло отъ враждебныхъ вліяній и происковъ; тогда сталъ бы невозможенъ прискорбный фактъ, имѣвшій мѣсто нѣсколько дней тому назадъ, когда, несмотря на полную удачу перваго сѣзда законоучителей, явно выраженное ими желаніе сѣзжаться и на будущее время, официальное разрѣшеніе духовнаго начальства и прибытіе въ Глуховъ достаточнаго числа сельскихъ пастырей, второй сѣздъ все-таки не состоялся.

Несогласіе министерства Народнаго Просвѣщенія на учрежденіе этой коммиссіи основано, по моему мнѣнію, на недоразумѣніи; оно мотивировано тѣмъ, что дѣло надзора за школами принадлежитъ инспекціи народныхъ училищъ. Составлять программы и вмѣшиваться въ технику мы не предполагали. Если бы коммиссія посодействовала тому, чтобы преподаваніе Закона Божія, въ размѣрахъ установленной программы, стало болѣе жизненно, неужели это могло бы быть поводомъ къ коллизіи, а не основаніемъ для сочувствія и благодарности со стороны инспекціи?

Что же касается главнаго дѣла коммиссіи: организаціи христіанскаго воспитанія подрастающихъ поколѣній, ни инспекція, ни училищный совѣтъ и никакое другое изъ нынѣ существующихъ учреждений въ уѣздѣ никогда этимъ дѣломъ не задавалось и во всякомъ случаѣ никогда ничего въ этомъ направленіи не дѣлалось. Такимъ дисциплинарнымъ мѣрамъ, какъ обязательное хожденіе учениковъ въ Церковь, совмѣстное чтеніе молитвъ передъ уроками и колѣнопреклоненія въ особенно важныя минуты богослуженія, придавать значеніе въ дѣлѣ духовнаго воспитанія нельзя безусловно. При сознательной вѣрѣ эти мѣры симпатичны и имѣютъ, несомнѣнно, воспитательное значеніе; при отсутствіи элемента сознательности эти мѣры могутъ принести громадныя вредъ, дрессируя дѣтей въ направленіи фарисейства и лицемерія. Такъ что именно въ видѣ дисциплинарныхъ мѣръ, предпринимаемыхъ инспекціею, проектируе-

мая нами дѣятельность является особенно полезною и даже необходимою, вкладывая животворящій духъ въ букву мертвящую.

Въ случаѣ еслибы собраніе не пожелало повторить свое ходатайство объ учрежденіи постоянной коммиссіи, я нахожу необходимымъ засвидѣтельствовать, что мы и теперь нисколько не измѣнили нашего взгляда на вещи, ходатайствуя объ учрежденіи коммиссіи, дѣйствовали вполне сознательно и для осуществленія этого дѣла имѣемъ въ своей средѣ лицъ, вполне компетентныхъ и благонадежныхъ. Въ этомъ случаѣ предлагаю сдѣлать слѣдующее постановленіе: „Необходимость стройной организаціи въ дѣлѣ христіанскаго воспитанія крестьянскихъ дѣтей собраніе признаетъ насущною потребностью для общества, Государства и Церкви. Безобразія, происходившія въ этомъ году въ Саратовѣ, Астрахани и Хвалынскѣ, служатъ тому блестящими доказательствами.

Для организаціи этого дѣла мы имѣемъ въ своей средѣ лицъ, вполне компетентныхъ и благонадежныхъ, даказавшихъ и то и другое, не только предложивъ проэктъ, основанный на доброжелательномъ довѣріи къ представителямъ духовенства и учебнаго вѣдомства и очевидномъ желаніи дѣйствовать съ ними рука объ руку, но и всею предшествовавшею дѣятельностью своею.

Собраніе глубоко сожалеетъ о томъ, что лишено возможности содѣйствовать воспитанію крестьянскихъ дѣтей въ сознательной вѣрѣ, для честной жизни по-вѣрѣ, въ тѣхъ размѣрахъ, въ какихъ желало и предлагаетъ Управѣ всячески содѣйствовать тѣмъ изъ о.о. законоучителей, которые пожелаютъ дѣйствовать въ этомъ направленіи самостоятельно“ *).

*) Собраніе не пожелало ни настаивать на учрежденіи коммиссіи, ни принять эту формулу постановленія.

БРАТСКІЕ СОЮЗЫ.

„Перестаньте дѣлать зло; научитесь дѣлать добро; ищите правды . . .“

Книга Пророка Исаи гл. II, ст. 16 и 17.

То, что сказано мною о сельскихъ школахъ, примѣнимо и къ среднимъ и къ высшимъ учебнымъ заведеніямъ.

И гимназисту, и студенту, если они хотятъ быть христіанами, не меньше, чѣмъ и босоному ученику сельской школы, необходимо научиться и думать, и чувствовать по-христіански, необходимо стройно организовать свою жизнь и свои отношенія по-вѣрѣ.

Дѣло это стало неотложнымъ въ настоящее время. Осуществленіе его есть насущная потребность для всякаго Государства, которое не желаетъ сознательно отказаться отъ христіанства, какъ основы жизни: для всякой Церкви Помѣстной, которая не желаетъ дать право утверждать, что Она измѣнила Церкви Вселенской и возмущалась противъ Главы Ея Христа.

Какъ бы ни былъ чуждъ христіанству характеръ современной цивилизаціи, есть одинъ безцѣнный плодъ просвѣщенія, котораго не можетъ не цѣнить высоко всякій искренно вѣрующій христіанинъ; которымъ онъ будетъ тѣмъ болѣе дорожить, чѣмъ крѣпче его вѣра въ Бога Разумнаго, чѣмъ крѣпче его любовь къ Свѣту отъ Свѣта Небеснаго и, слѣдовательно, чѣмъ больше его отвращеніе отъ мрака невѣжества и неразлучныхъ съ нимъ грубыхъ суевѣрій, застилающихъ отъ насъ святость имени Бога нашего, исключаящихъ собою самую возможность сознательной вѣры и честной жизни по-вѣрѣ.

Этотъ безцѣнный даръ цивилизаціи, этотъ добрый плодъ просвѣщенія—разумное, сознательное отношеніе ко всему окружающему, привычка, прививаемая каждою школою, каждою наукою, какъ бы ни было уродливо направленіе самой школы, какъ бы ни были уродливы quasi-научные выводы преступныхъ представителей невинной науки.

Насъ настолько приучили сознавать необходимость разумнаго, сознательнаго отношенія ко всему окружающему, что для насъ невозможно болѣе относиться неразумно, безсознательно и къ вѣрѣ нашей, и къ жизни нашей, и къ ближнимъ нашимъ.

Времена наивнаго разлада между жизнью и вѣрой прошли безвозвратно; теперь каждый изъ насъ обязанъ сознательно отказаться отъ вѣры или сознательно приступить къ согласованію съ вѣрою всего строя ума, всего склада симпатій, всего уклада жизни своей. Та же роковая дилемма стоитъ и передъ каждымъ христіанскимъ Государствомъ и передъ каждою христіанскою Церковью.

И благо намъ, что это такъ. Не мы, вѣрующіе въ Бога Разумнаго и въ абсолютную разумность христіанства, можемъ сожалѣть о томъ, что зрѣетъ закваска Царства Божія, что пришло время разумнаго исповѣданія Бога Разумнаго, время разумнаго служенія на разумное дѣло Божіе.

Надо сознательно закрывать глаза, чтобы не видѣть, какое сильное движеніе въ этомъ направленіи началось во всѣхъ концахъ земли. Вездѣ пробуждается съ небывалою силою интересъ къ религіознымъ вопросамъ, вездѣ дѣлаются попытки реорганизаціи жизни и отношеній въ направленіи осуществленія религіозныхъ идеаловъ.

Если движеніе это принимаетъ уродливыя формы, получаетъ характеръ враждебный церковности, не будемъ поддаваться искушенію стать во враждебныя къ нему отношенія, а постараемся стать во главѣ духовнаго пробужденія, докажемъ, что идеалы Церкви выше идеаловъ, уклоняющихся отъ нея, докажемъ, что честное согласованіе жизни съ вѣрою не только вполне возможно на лонѣ Церкви, но составляетъ для нея осуществленіе самыхъ дорогихъ заветовъ ея Основателя, самыхъ настоятельныхъ требованій ея христіанской совѣсти. Докажемъ, что Церковь Помѣстная не измѣнила Вселенской Церкви Христовой, не возмущалась противъ Главы ея—Христа, что людей, ищущихъ правды, стремящихся къ честной жизни по-вѣрѣ, она считаетъ самыми дорогими изъ всѣхъ сыновъ своихъ, любить ихъ и готова всячески содѣйствовать имъ, а не гнать ихъ и побивать камнями, какъ официальные представители Церкви Ветхозавѣтной гнали и побивали камнями Пророковъ Божіихъ, пока не распяли Мессію, о Которомъ такъ много говорили въ синагогахъ своихъ.

Докажемъ, что для честнаго согласованія жизни съ вѣрою и разумнаго исповѣданія Бога Разумнаго надо искать руководства и помощи официальныхъ представителей Церкви Помѣстной, а не отворачиваться отъ нея подъ тѣмъ предлогомъ, что она по примѣру Церкви Ветхозавѣтной промѣняла животворящій духъ на букву мертвящую и что ея представители, держа ключи Царства Божія, сами не входятъ и желающихъ войти не пускаютъ.

Повторяю, стать во главѣ движенія къ сознательной вѣрѣ, стройно организовать жизнь по-вѣрѣ или, по крайней мѣрѣ, всячески содѣйствовать тѣмъ, кто желаетъ дѣйствовать въ этомъ направленіи — вопросъ государственной важности для всякаго *искренно-христіанскаго* Государства, вопросъ жизни для всякой христіанской Церкви Помѣстной. При томъ, дѣло это тѣмъ болѣе неотложно и въ интересахъ духовнаго блага миллионовъ душъ живыхъ крещеннаго міра, и въ интересахъ устойчиваго спокойствія и нравственной мощи Государства, и въ интересахъ духовной жизни Церкви Помѣстной, чѣмъ тѣснѣе союзъ между Государствомъ и Помѣстною Церковью, чѣмъ болѣе связаны ихъ судьбы взаимною поддержкою, при чемъ неизбежно, какъ логичное послѣдствіе, является нравственная ответственность Государства за характеръ жизни Церкви Помѣстной и Церкви Помѣстной за строй жизни Государства. Въ нашемъ отечествѣ, гдѣ законы караютъ за отступничество отъ Православія и обязываютъ ежегодно приступать къ святому причастію, гдѣ ученики школъ обязаны посѣщать храмы, присутствуя при богослуженіяхъ, обязаны становиться на колѣни при пѣніи извѣстныхъ молитвъ, гдѣ такъ много храмовъ, мощей, иконъ, пышныхъ богослуженій, обрядовъ и крестныхъ ходовъ — дѣло воспитанія всѣхъ классовъ общества въ сознательной вѣрѣ, дѣло стройной организациі жизни по-вѣрѣ, болѣе необходимо, составляетъ болѣе насущную потребность, чѣмъ гдѣ-либо.

Чѣмъ выше положеніе человѣка, чѣмъ большее вліяніе онъ можетъ оказывать на жизнь, тѣмъ существеннѣе въ интересахъ Церкви и Государства, чтобы вѣра его была сознательна, чтобы симпатіи, привычки и весь строй жизни его были согласованы съ вѣрою.

Вотъ почему организациі христіанскихъ союзовъ между учащимися въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ не менѣе, а болѣе насущная потребность переживаемой нами эпохи, чѣмъ братскіе кружки въ сельскихъ школахъ, а организациі такихъ же союзовъ въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ еще болѣе необходима для студентовъ этихъ заведеній, чѣмъ для учениковъ среднихъ школъ.

Излагая мои мысли о томъ, какъ можно было бы приступить къ осуществленію этого дѣла, я предполагаю, что за это дѣло возьмутся законоучители и профессора Богословія.

Считаю нужнымъ заявить, что я не желаю, чтобы дѣло это было признано монополіею духовенства. Это дѣло одинаково дорого и свято для всякаго искренно и сознательно вѣрующаго какъ духовнаго, такъ и мірянина.

Каждый изъ насъ ответственный членъ Церкви Христовой, каждый изъ насъ способенъ послужить этому дѣлу въ размѣрѣ сознательности вѣры и вдохновенія любви.

Если по какимъ-либо причинамъ законоучитель или профессоръ Богословія не приметъ на себя организацию и руководство этимъ дѣломъ, пусть возьмется за него тотъ мірянинъ, который чувствуетъ себя на то способнымъ и не встрѣтитъ на пути своемъ непреодолимыхъ препятствій.

Во всякомъ случаѣ, нельзя не признать, что дѣло это наиболѣе обязательно именно для законоучителей и профессоровъ Богословія, входя цѣликомъ въ ихъ спеціальность и официально принятыя ими на себя обязанности.

Несомнѣнно и то, что они именно тѣ, къ кому Церковь и Государство могутъ и должны отнестись въ этомъ дѣлѣ съ наибольшимъ довѣріемъ, тѣ, отъ кого Церковь и Государство имѣютъ право и обязанность потребовать энергичной дѣятельности въ этомъ направленіи. Для нихъ никакія отговорки невозможны. Безъ сознательной вѣры, нельзя научать истинамъ вѣры, безъ вдохновенія миссіонерскаго духа нельзя возжечь въ душахъ огонь любви. Недостатокъ времени свидѣтельствуетъ о необходимости сократить число уроковъ или лекцій, отказаться отъ совмѣстительства многихъ должностей, хотя бы и въ ущербъ матеріальному благосостоянію своему, а недостатокъ доброй воли или умѣнья прямо свидѣтельствуетъ о необходимости уступить свое ответственное положеніе другому.

Объ умѣннѣи, впрочемъ, можно говорить только по недоразумѣнію. Умѣть тутъ нечего, а надо только вѣрить и любить. Кто не умѣетъ, тотъ навѣрно или не вѣритъ, или не любитъ, или не вѣритъ и не любитъ. Кто вѣритъ и любитъ, тотъ понимаетъ, что ему только надо, не мудрствуя лукаво, отдать себя на дѣло Божіе, а все прочее дѣло не его, а дѣло Бога Живого, Который силенъ содѣлать великая и чудная орудіемъ ничтожнымъ.

НИЗШАЯ ШКОЛА.

Насущная духовная потребность нашего народа: перейти отъ вѣры слѣпой къ вѣрѣ сознательной и въ этомъ направленіи измѣнить и строй жизни, и весь строй отношеній своихъ къ Богу и ближнимъ.

Народъ, за рѣдкими исключеніями, число которыхъ въ настоящее время однако быстро возрастаетъ, вѣруетъ въ бытіе Бога.

Народъ, за рѣдкими исключеніями „людей Божіихъ“, рѣшительно не знаетъ, въ Кого вѣруетъ и страшно далекъ отъ пониманія святости имени Бога нашего.

Онъ вѣруетъ не въ Бога Свободно-Совершеннаго, Разумнаго и Благаго, создавшаго насъ по образу и подобию Своему, слѣдовательно, способными быть свободно-совершенными, разумными и любящими, а слѣдовательно и обязанными соответственно тому думать, чувствовать и жить.

Онъ вѣруетъ въ бога, подобнаго худшимъ представителямъ падшаго человечества, превосходя ихъ только могуществомъ, въ бога, котораго можно задобрить ласковыми рѣчами, котораго можно подкупить дарами, къ которому обращаться надо, не въ силу потребности любящаго духа, не за хлѣбомъ духовнымъ причастія даровъ Духа Святаго, а для полученія разныхъ благъ земныхъ, совершенно независимо отъ жизни духа и строя отношеній къ ближнимъ.

Понятно, что такая вѣра не можетъ вліять благотворно ни на умы, ни на сердца, ни на жизнь.

Понятно, что при такой вѣрѣ совершенно недостаточны для народа обряды внѣшняго культа, всѣ тѣ „благочестивыя упражненія“, которыя успокаиваютъ душу ложною увѣренностью, будто воздано Божіе Богу, въ то время, какъ Богу остаются совершенно чужды и умы, полные суетвѣрій, и сердца, полныя грубой непріязни, и жизнь, полная грубой борьбы противъ всѣхъ и вся на пользу себѣ и своей семьѣ.

При такихъ обстоятельствахъ вся жизнь построена на началахъ

радикально анти-христіанскихъ и представляетъ одну непрерывную цѣпь искушеній отъ колыбели и до гроба, искушеній много болѣе опасныхъ, чѣмъ искушенія языческаго міра, потому что они стали рутиной жизни, которую наивно считаютъ и съ малолѣтства приучаютъ считать за строй жизни христіанскій.

Легче обратить въ христіанство язычника, нежели того, который твердо увѣренъ, что онъ христіанинъ, не умѣя и не желая ни думать, ни чувствовать, ни жить по-христіански.

Легче оградить человѣка отъ искушеній среди самаго гнуснаго разврата откровенно-языческаго міра, чѣмъ современнаго христіанина, считающаго искушенію окружающей жизни не за опасныя искушенія, а за освященные вѣками завѣты отцовъ, да еще благочестивыхъ отцовъ, строившихъ храмы и устранившихъ жизнь, полную искушеній, подъ сѣнію креста.

Христіанскіе союзы въ низшихъ школахъ должны, слѣдовательно, дать возможность дѣтямъ, имѣющимъ добрую волю, понять, въ Кого вѣруетъ христіанинъ, понять жизненное значеніе повѣданной Откровеніемъ воли Божіей, доставить желающимъ возможность братски помогать другъ другу въ дѣлѣ согласованія всего склада ума и симпатій съ благою волею Бога Разумнаго и на взаимныхъ отношеніяхъ между собою привыкать къ тѣмъ добрымъ, братскимъ отношеніямъ, безъ которыхъ сердца наши всегда останутся далеки отъ Бога, сколько бы мы не приближались къ Нему устами нашими. Эти союзы должны оградить своихъ сочленовъ отъ назойливыхъ искушеній окружающей жизни, научивъ ихъ критически относиться къ этой жизни съ точки зрѣнія христіанской, научивъ ихъ понимать, что бѣлое бѣло, а черное черно, различая бѣлое и черное не по недомыслию отцовъ нашихъ, а по завѣтамъ Свѣта отъ Свѣта Небеснаго.

Христіанскіе союзы, служа школою практическаго христіанства для своихъ сочленовъ (понимая практическое христіанство, какъ согласованіе практики жизни съ ученіемъ Христа Спасителя), должны вмѣстѣ съ тѣмъ быть для другихъ добрымъ примѣромъ стройной организаціи добра въ жизни.

Для начала надо объяснить всѣмъ ученикамъ школы, что „вѣра безъ дѣлъ мертва есть“ и что обучаютъ ихъ Закону Божію для того, чтобы они узнали волю Божію и выполняли ее,—что спасаетъ человѣка не знаніе буквы факта и не выполненіе буквы обряда, а согласованіе мыслей, чувствъ и жизни съ повѣданной намъ Откровеніемъ волей Божіей и проистекающее изъ того настроеніе духа, при которомъ „Царство Божіе внутри насъ есть“, при которомъ по

духу мы становимся братьями Ангеламъ и Святымъ, безъ чего Святой и Праведный Господь не можетъ помириться съ нами, оставаясь Святымъ и Праведнымъ.

Надо объяснить дѣтямъ, что Бога ни обмануть, ни подкупить нельзя, что молитва безъ желанія выполнять то, о чемъ мы просимъ у Бога, есть лживая молитва, которая Бога не обманываетъ, что дары: отъ свѣчи передъ образомъ до построения великолѣпныхъ храмовъ, при самодовольной порочности и злобныхъ корыстныхъ отношеніяхъ къ ближнимъ—грубое непониманіе святости имени Бога и подкупить его способны не болѣе, какъ и лъстивыя рѣчи.

Надо объяснить дѣтямъ поразительный примѣръ изъ исторіи Церкви Ветхозавѣтной, когда народъ избранный, гордясь знаніемъ буквы закона и точнымъ выполненіемъ буквы обряда, неизмѣнно гналъ и побивалъ камнями вдохновенныхъ Пророковъ, пока не надругался надъ тѣмъ самымъ Мессією, на котораго возлагалъ всѣ свои надежды, изъ котораго, въ угоду своей гордости, дѣлалъ національнаго кумира. Надо объяснить дѣтямъ, насколько больше, сравнительно съ ветхозавѣтными евреями, отвѣтственность современныхъ намъ христіанъ, насколько невозможно, чтобы Праведный Господь, отвергшій потомковъ Авраама, создавшихъ себѣ кумира изъ буквы мертвящей текста и обряда, не отвергнулъ и тѣхъ лжехристіанъ, которые поступаютъ не лучше, а хуже ветхозавѣтныхъ евреевъ, не желая поклоняться Богу въ духѣ и истинѣ, не желая принять на себя крестъ идти по пути, указанному намъ Спасителемъ міра.

Объяснивъ все это на языкѣ удобопонятномъ для дѣтей, можно предложить желающимъ образовать братскій союзъ или кружокъ. Главныя условія поступленія въ него: искреннее желаніе положить всѣ силы ума на то, чтобы понять волю Божию и всѣ силы духа на то, чтобы и жить, и къ ближнимъ относиться по-вѣрѣ, искренняя рѣшимость ставить волю Божию выше собственныхъ желаній, выше общественнаго мнѣнія и вѣковыхъ традицій, съ нею несогласныхъ, искренняя рѣшимость избѣгать искушеній, считая за таковыя все то, что можетъ вести насъ къ измѣнѣ Богу.

Согласно съ этими главными цѣлями должна быть предложена и программа дѣятельности или, вѣрнѣе, духовнаго быта братскаго союза и условія пребыванія въ немъ и обязательнаго выключенія изъ него недостойныхъ.

Братскій союзъ долженъ быть не благонамѣренною фикціею, а дорогою реальностью для его сочленовъ. Дѣти должны проникнуться любовью и уваженіемъ къ союзу, какъ проявленію добра въ жизни, какъ стройной организациі вѣчнаго дѣла Божія, какъ къ „Малой Церкви Божіей“. Дѣти должны проникнуться сознаніемъ, что союзъ

этотъ не существуетъ помимо ихъ, что любить и уважать его нельзя, не любя и не уважая всѣхъ его сочленовъ за самый фактъ принадлежности къ нему. Дѣти должны проникнуться сознаніемъ, что поступленіе въ союзъ и выходъ изъ него совершенно свободны, но что пребываніе въ немъ невозможно безъ соотвѣтственнаго поведенія и отношеній къ братьямъ, что выключеніе изъ союза есть мѣра крайняя, но обязательная, когда дальнѣйшее пребываніе въ немъ извѣстнаго лица становится ложью или соблазномъ.

Дать готовый рецептъ того, какъ объяснить все это дѣтямъ, какъ пробудить въ дѣтскихъ сердцахъ любовь къ Богу и дѣлу Его—невозможно по разнообразію мѣстныхъ условій, по чрезвычайному разнообразію дѣтскихъ индивидуальностей. Это—дѣло вѣры, любви и вдохновенія, но вѣры, любви и вдохновенія, обязательныхъ для тѣхъ, кто беретъ на себя роль посредника между Богомъ и людьми, роль истолкователя воли Божіей и руководителя въ дѣлѣ согласованія жизни съ вѣрою.

Кто вѣритъ и знаетъ, въ Кого вѣруеть, тотъ не требуетъ, чтобы его учили, ибо у него одинъ Учитель Христосъ, а учить его всему и напоминаетъ ему все „Утѣшитель, Духъ Истины, Иже отъ Отца исходитъ“.

Кто любитъ, того научить любовная жалость, какъ заразить любовью свою эти души вѣчныя, отъ настроенія которыхъ въ концѣ странствія земнаго зависитъ блаженство вѣчное единомыслія и единодушія любовнаго общенія съ Ангелами и Святыми, или муки вѣчныя сотоварищества злобы и порока діаволовъ и нераскаянныхъ „сыновъ противленія“. Кто любитъ, того научить вдохновеніе любви, какъ завоевывать души для Бога и Царства Божія.

Кто не вѣритъ и не любитъ, того напрасно было бы учить, какъ служить на дѣло вѣры и любви, тотъ долженъ уступить мѣсто тому, кто вѣритъ и любитъ, чья душа горитъ святымъ огнемъ вдохновенія.

Не оскудѣла Церковь Божія. Дайте дѣлать дѣло, достойное вѣры и любви; уступите мѣста ваши служителямъ Животворящаго Духа Божія, жрецы буквы мертвящей, дѣльцы и политики христіанства и тогда увидите, что не оскудѣла Церковь Божія!

Приступая къ перечню условій быта братскихъ союзовъ, предупреждаю, что я далеко отъ мысли дать готовый рецептъ, годный вездѣ и всегда. И тутъ зоркая любовь и ревность по Богу должна научить, какъ организовать дѣло съ наибольшею пользою, сообразно мѣстнымъ условіямъ и духовному настроенію мѣстныхъ жителей. Постараюсь перечислить условія наиболѣе необходимыя и наиболѣе общія.

Отношенія къ Богу.

1. Познаніе Бога и Святой воли Его.

Всѣ члены союза должны искренно желать Боговѣдѣнія, ставить познаніе воли Божіей выше всѣхъ другихъ знаній и по возможности чаще собираться на совмѣстное чтеніе Святаго Писанія и задушевныя бесѣды, на которыхъ слово Божіе должно быть обсуждаемо съ точки зрѣнія личныхъ обязанностей христіанина и практическаго согласованія личной жизни его съ волею Божіею въ различныхъ комбинаціяхъ современнаго строя жизни.

Собранія эти могутъ происходить въ зданіи школы, на дому у руководителя или лѣтомъ на открытомъ воздухѣ какъ можно чаще и должны имѣть характеръ задушевной простоты и непринужденной откровенности.

2. Любовь къ Богу и добру.

Дѣти должны проникнуться сознаніемъ, что Богъ и добро—синонимы и что нельзя любить Бога, не любя добро, что равнодушіе къ добру и уживчивость со зломъ есть вѣрный признакъ равнодушія къ Богу, а злорадное глумленіе надъ добромъ, какъ и восторженное сочувствіе грубому и злему, есть вѣрный признакъ ненависти къ Богу, несмотря на то, сколько бы трудовъ ни прилагали эти враги Божіи, чтобы подкупить его дарами и лестью.

Всѣ члены братскихъ союзовъ признаютъ не только глумленіе надъ добромъ и восторженное сочувствіе злу, но и равнодушіе къ добру и злу и благодушную уживчивость со злыми и порочными за измѣну Богу, а слѣдовательно и за измѣну дѣлу Божію и дѣлу братскаго союза.

3. Отношеніе къ обрядамъ внѣшняго культа.

Стремясь познать святость имени Бога Живого и Христа Его, стремясь очистить для Бога Живого и Христа Его подобающее мѣсто въ умахъ и сердцахъ своихъ, члены братскихъ союзовъ должны ревниво оберегать себя отъ мертвящей рутины и замаскированнаго идолослуженія въ дѣлѣ выполненія обрядовъ внѣшняго культа.

Каждый обрядъ, каждый благочестивый обычай, установленный Церковью, имѣетъ глубокой внутренней смыслъ, который и составляетъ его животворящій духъ, безъ котораго остается одна буква мертвящая, безъ пониманія котораго религіозный обрядъ превращается въ языческое чародѣйство, священнослужитель въ жреца-заклинателя и вѣрующій—въ язычника, поклоняющагося кумиру мертвящей буквы текста и обряда, отъ него, а не отъ Отца нашего, Иже на небеси, ожидая „великія и богатая милости“.

Руководитель долженъ прежде всего уяснить членамъ братскаго союза животворящій духъ всѣхъ проявленій внѣшняго культа, а потомъ озаботиться о томъ, чтобы, при помощи этихъ сознательно „добродѣющихъ“, придать богослуженію и обрядамъ подобающій характеръ и благолѣпіе.

Очень существенно, чтобы этотъ порядокъ не былъ нарушенъ, чтобы сознаніе Животворящаго духа непремѣнно предшествовало заботамъ о позолотѣ буквы мертвящей обряда, безъ чего непремѣнно въ умы и сердца будетъ внесена мертвящая отравка закваски фарисейской.

Пусть члены братскаго союза поймутъ животворящій духъ слова и дѣла богослуженія, таинствъ, почитанія Пресвятой Дѣвы, святыхъ. мощей, иконъ, поста и молитвы и тогда вполне сознательно приступятъ ко всевозможнымъ мѣрамъ, клонящимся къ благолѣпію храма и богослуженія, организациі крестныхъ ходовъ и паломничествъ.

Внѣшняя, обрядовая сторона имѣетъ громадное значеніе, какъ воплощеніе идеи, подъ условіемъ, чтобы эта идея дѣйствительно существовала въ тайникѣ человѣческаго духа. Тогда она—правдивое проявленіе нашего внутренняго духовнаго міра. Столь часто высказываемая мысль, что внѣшній культъ нуженъ только для простыхъ, неразвитыхъ людей—предразсудокъ, основанный на недоразумѣніи. Между нашими интеллигентными современниками много людей не вѣрующихъ или, по крайней мѣрѣ, воображающихъ себя таковыми; для нихъ внѣшнее проявленіе несуществующихъ чувствъ, конечно, безмысленно и лживо. Какъ бы ни былъ интеллигентенъ человѣкъ, если въ душѣ его звучитъ торжественная мелодія вѣры и любви, непрерывныя, сѣрыя будни въ его жизни будутъ не мень-

шею ложью, чѣмъ пышные обряды для того, у кого въ умѣ сумракъ невѣрія и въ сердцѣ вѣчныя будни равнодушія и мелкаго эгоизма.

Никакая степень интеллигентности не можетъ помѣшать сознательно и съ любовью преклонить колѣни предъ Господомъ Богомъ и Спасителемъ міра; напротивъ, чѣмъ интеллигентнѣе христіанинъ, тѣмъ болѣе онъ сознаетъ разумность и справедливость этого акта смиренія, тѣмъ болѣе чувствуетъ потребность стройнаго согласованія своихъ дѣйствій съ реальнымъ, смиреннымъ, благоговѣйнымъ преклоненіемъ духа предъ Высшимъ Разумомъ и Высшею Любовью—Богомъ Живымъ.

Никакая степень интеллигентности не можетъ помѣшать сознательно и съ любовью наслаждаться правдивою поэзіею пышнаго обряда, благолѣпіе котораго никогда не можетъ превзойти духовной красоты трепетнаго стремленія духа къ небу и неба, отверзатаго вѣрою предъ очами любящей души.

Иное дѣло, если у большинства присутствующихъ нѣтъ сознательнаго стремленія къ небу и небо застлано темными тучами сомнѣній и злобы. Иное дѣло, если животворящій духъ отсутствуетъ и выполняется одна мертвящая буква обряда. Тогда, чѣмъ больше благолѣпія, тѣмъ хуже, тѣмъ горше ложь; при томъ, чѣмъ менѣе умственное развитіе, тѣмъ опаснѣе положеніе. Интеллигентный человѣкъ будетъ сознавать эту ложь во всемъ ея трагическомъ или комическомъ безобразіи, смотря по тому, христіанинъ онъ или антихристъ. Если онъ антихристъ, онъ будетъ глумиться надъ волками въ овечьихъ шкурахъ, надъ этими братьями по духу, ряженными въ благочестивыхъ христіанъ, и можетъ дойти до грубаго ожесточенія, если самого его заставляютъ принять участіе въ томъ, на что онъ смотритъ, какъ на смѣшную комедію. Если онъ христіанинъ, онъ не можетъ не скорбѣть до жгучей боли при видѣ этого грубаго кощунства, не можетъ не возревновать по Богѣ до жгучаго негодованія, которымъ пропитано каждое слово первой главы боговдохновенной книги Пророка Исаіи.

Въ всякомъ случаѣ, эта ложь не обманетъ интеллигентнаго человека, она только отравитъ его существованіе.

Гораздо опаснѣе положеніе людей неразвитыхъ. Они легко могутъ принять мишуру за чистое золото. Блескъ, благолѣпіе буквы мертвящей легко ослѣпляетъ ихъ, навязываетъ имъ убѣжденіе, что Богу воадано Божіе. Привыкая обходиться безъ животворящаго духа, они проникаются суевѣрнымъ благоговѣніемъ къ благолѣпной буквѣ и въ концѣ концовъ, вмѣсто возвышенія ума и сердца къ Богу до таинства причастія Духа Святаго, получается приниженіе неба до суеты земной, до чародѣйства, направленнаго исключительно на пріобрѣтеніе разныхъ благъ земныхъ и обдѣлыванія разныхъ тем-

ныхъ дѣлишекъ. Тутъ дѣло не ограничивается страданіемъ, а доходитъ до подлога, до ужасающаго самообмана, до горделиваго убѣжденія въ правотѣ при самодовольной измѣнѣ Богу и Христу Его. Вотъ почему я не могу достаточно настаивать на томъ, чтобы руководители братскихъ союзовъ въ сельскихъ школахъ не отступали отъ этого спасительнаго порядка: прежде—ясное сознаніе, разумное пониманіе животворящаго духа обряда, а потомъ—благолѣпіе буквы, которая, только при этомъ условіи, не будетъ мертвящею. Въ этомъ спасительная гарантія отъ закваски фарисейской.

Когда сознаніе животворящаго духа вѣры и обрядовъ внѣшняго культа усвоено членами братскаго союза, желательно, и вполнѣ правдиво не только энергичное участіе ихъ въ дѣлѣ благолѣпія богослуженія, но и установленіе торжественной обрядности въ самой жизни союза: торжественный пріемъ въ члены союза, бѣлыя одежды, наперстныя кресты, возженные свѣчи, колѣнопреклоненія и хоругви—все это будетъ правдивымъ проявленіемъ реальной жизни духа.

При этомъ надо не упустить начать съ очищенія церковныхъ обрядовъ отъ примѣси искажающихъ ихъ, часто позорныхъ для христіанъ, народныхъ обычаевъ. Члены братскихъ союзовъ должны изъ уваженія къ молитвѣ громко протестовать противъ всего, что съ этимъ уваженіемъ не вяжется, какъ-то: чтеніе молитвы Господней на выворотъ со словъ: „лукаваго отъ насъ избави“..., какъ вѣрное средство тушенія пожара; молебны Іоанну-Вонну, какъ средство заставить Господа Бога сдѣлать зло ненавистному человѣку, панихиды по живому человѣку съ тою же цѣлью, переломъ свѣчи и обращеніе ее огнемъ внизъ, какъ средство заставить Господа Бога понять всѣ прошенія молебна въ обратную сторону, все съ тою же цѣлью—причиненія зла ненавистному ближнему.

Изъ уваженія къ таинствамъ и человѣческому достоинству члены союза должны громко протестовать противъ пьяныхъ оргій и безстыдныхъ пѣсенъ, составляющихъ обычную принадлежность празднованія таинства брака, противъ языческихъ тризнь, составляющихъ обычную принадлежность похоронъ и поминальныхъ дней, противъ пьянства, дракъ и ругани, составляющихъ обычную принадлежность тѣхъ дней, которыхъ, какъ бы глумясь, называютъ днями Господними и праздниками Божіими.

И пусть не говорятъ, что члены братскаго союза начальной школы слишкомъ маловозрастны для подобной дѣятельности.

Нѣтъ предѣльнаго возраста для честнаго исповѣданія Христа Спасителя. Если взрослые закорузли въ своихъ суевѣріяхъ и вѣковой рутинѣ, не видятъ, не слышатъ и сердцемъ не разумѣютъ, пусть провозглашаютъ младенцы правду Божію, пусть образуютъ они вокругъ сельскаго пастыря христіанское воинство на страхъ

врагамъ Царя Небеснаго. Вѣра и любовь научить дѣтей тому, въ какой формѣ протестовать; я знаю, что не разъ мольбы и слезы ребенка смягчали родителей и удерживали ихъ отъ дурныхъ поступковъ. Если протестъ ограничится твердымъ отказомъ участвовать въ кошунствѣ, и то будетъ честнымъ исповѣданіемъ Бога и Христа Его, и то можетъ заставить взрослыхъ призадуматься, и то можетъ оградить ребенка отъ искушенія заразы дурныхъ примѣровъ.

О, не возбраняйте дѣтямъ приходить ко Христу, страха ради рутины и суевѣрій, не возбраняйте дѣтямъ привыкать честно исповѣдывать Христа, честными путями идти къ свѣту и добру, честными способами бороться противъ лжи и порока.

Отношеніе къ самому себѣ.

Дѣятельность руководителя въ этомъ отношеніи должна быть направлена къ тому, чтобы дѣти поняли, что составляетъ въ насъ образъ и подобіе Божіе, въ чемъ заключается христіанская гармонія духа, насколько невозможно не только имѣть „Царство Божіе внутри насъ“, но и перестать быть сынами діавола, не желая и не стараясь возстановлять въ себѣ искаженные грѣхомъ образъ Божій и гармонію духа.

Не надо пугаться отвлеченности этихъ понятій: правда Божія, при всей своей кажущейся отвлеченности, очень проста и вполне доступна уму и сердцу всякаго созданія Божія, даже и ребенку, лишь бы не облакали эту правду въ мертвящую форму напыщенной схоластики. Для ребенка она можетъ быть даже и болѣе доступна, чѣмъ для взрослого, умъ его еще не скованъ цѣпями мертвящей рутины, еще не привыкъ все принижать до уровня окружающаго его, доступнаго органамъ чувствъ; физическаго міра. Суета земли еще не успѣла заглушить звуковъ небесъ и сдѣлать правду Божію чуждою для его созданія.

Наша способность быть разумными, любящими и свободно-совершенными и составляетъ въ насъ образъ и подобіе Бога Разумнаго, Благаго и Свободно-Совершеннаго; мы тѣмъ болѣе исказили въ себѣ образъ и подобіе Божіе, чѣмъ менѣе любви и разума въ насъ и въ жизни нашей, чѣмъ болѣе мы стали рабами пороковъ, обстоятельствъ или людей; мы тѣмъ болѣе возстановляемъ въ себѣ образъ и подобіе Бога, чѣмъ болѣе мы становимся любящими и разумными, чѣмъ больше любви и разума въ дѣлахъ и жизни нашей, чѣмъ болѣе свободно мы любимъ добро и совершенство, чѣмъ менѣе мы боимся лишеній, страданій и самой смерти, чѣмъ менѣе мы способны обратиться въ рабовъ путемъ подкупа и страха; понять все это совсѣмъ не трудно.

Христіанская гармонія духа состоитъ въ томъ, чтобы изъ трехъ свойствъ духа—любить, сознавать и ощущать любовь занимала и въ

тайникъ духа, и въ жизни нашей мѣсто первое, свободно избирала цѣли для дѣятельности нашей и составляла главный рычагъ, нервъ жизни нашей; чтобы разумъ, подчиняясь любви, указывая разумные пути и способы достиженія цѣлей, намѣченныхъ любовью, въ то же время властвовалъ надъ ощущеніями нашими.

Понявъ это, не трудно понять, что именно отъ того, насколько восстановлена или извращена гармонія духа, зависитъ степень святости или порочности человѣка.

Высшая дисгармонія духа, при чемъ ощущенія занимаютъ мѣсто первое, разумъ покорный слуга ощущений, а любовь низведена до степени несущественнаго украшенія грубыхъ страстей, соответствуетъ и высшей степени порочности, скотоподобныхъ-интеллигентныхъ и неинтеллигентныхъ людей.

По мѣрѣ того, какъ разумъ беретъ перевѣсъ надъ ощущеніями, человѣкъ все болѣе теряетъ грубое скотоподобіе, превращаясь въ существо разумное, способное не только разумно устранивать земное Эльдорадо для широкаго пользованія пріятными ощущеніями, но и разумно регулировать самыя страсти свои, при чемъ онъ все же можетъ быть очень безнравственнымъ человѣкомъ. Даже и въ томъ случаѣ, если онъ дойдетъ до сознанія выгоды нравственной жизни, это расчетливая нравственность не имѣетъ, съ христіанской точки зрѣнія, никакой цѣны, если любовь не была побудительною причиною и конечною цѣлію дѣятельности. „Если все имѣніе твое раздашь нищимъ и всю кровью свою до послѣдней капли прольешь за Христа, а любви не имѣлъ, ты ничего не сдѣлалъ“.

Такъ говоритъ Апостолъ Павелъ, соединяя въ одномъ общемъ обвиненіи и расчетливыхъ стоиковъ, и христіанъ-политиковъ, и мрачныхъ фанатиковъ „съ ожесточеніемъ совершающихъ свое спасеніе“.

Добродѣтель начинается лишь съ того момента, когда любви возвращено подобающее ей первенствующее мѣсто въ тайникѣ духа и въ дѣятельности человѣка. По мѣрѣ того, какъ растетъ вдохновеніе любви, увеличивается и богоподобіе человѣка, доходя до святости.

Все это совсѣмъ не отвлеченная философія, а реальныя проявленія жизни духа, пониманіе которыхъ вполне доступно для всякаго крестьянскаго ребенка, если все это будетъ иллюстрировано для него знакомыми ему явленіями его собственной жизни и жизни его окружающей.

И здѣсь вѣра, любовь и вдохновеніе подскажутъ руководителю, какъ уяснить дѣтямъ громадное жизненное значеніе факта, что человѣкъ созданъ по образу и подобию Божію, какъ пробудить въ нихъ духовную жажду перейти отъ скотоподобія къ богоподобию,

возстановляя въ себѣ христіанскую гармонію духа, безъ которой нѣтъ „Царства Божія внутри насъ“, нѣтъ и быть не можетъ ни единомыслія, ни единодушія между нами, съ одной стороны, и Богомъ и вѣрными чадами Его—съ другой, безъ которой мы не можемъ творить воли Отца нашего Небеснаго на землѣ, какъ она творится Ангелами и Святými на небѣ, безъ которой мы никакою цѣною не купимъ права вступить въ братство Ангеловъ и Святыхъ по смерти.

Извращенность гармоніи духа въ крестьянскихъ дѣтяхъ гораздо болѣе и жизнь ихъ гораздо болѣе полна грубыхъ искушеній, чѣмъ то обыкновенно полагаютъ; отсюда необходимость охранительныхъ мѣръ на пользу братскихъ союзовъ въ двухъ направленіяхъ. Надо поддерживать бодрость духа, часто слабѣющую въ трудной борьбѣ съ самимъ собою, и ограждать отъ искушеній окружающей жизни.

Первое можетъ быть достигнуто путемъ обстоятельнаго объясненія Псалма 50, этой дивной программы спасенія кающагося грѣшника отъ духовнаго паралича унынія и духовнаго безумія отчаянія.

Ребенокъ, прежде беззаботный, вполне мирившійся со зломъ въ себѣ, а потому самодовольный и непринужденно веселый, по мѣрѣ того, какъ начинаетъ различать добро и зло въ себѣ и кругомъ себя, и особенно съ того момента, какъ сердцемъ начинаетъ переходить на сторону добра, становится временно грустнымъ, вялымъ, менѣе свободнымъ въ рѣчахъ и поступкахъ.

Не надо пугаться этихъ явленій, они вполне естественны и неизбежны; надо только оградить ребенка отъ унынія и отчаянія.

По мѣрѣ того, какъ ребенокъ начинаетъ болѣе сознательно относиться къ самому себѣ, онъ ежедневно открываетъ въ себѣ новые пороки, съ которыми мирится до сихъ поръ и не желаетъ болѣе мириться. При этомъ ребенокъ легко можетъ впасть въ самообманъ, вообразить себѣ, что онъ становится худшимъ, когда въ дѣйствительности онъ становится лучшимъ. Онъ не сталъ хуже, потому что замѣтилъ зло, которое прежде въ себѣ не замѣчалъ, что можетъ сказать съ псалмопѣвцемъ: „беззаконіе мое азъ знаю и грѣхъ мой предо мною есть выну“, а сталъ много лучше, потому что тяготится зломъ, которое вчера его еще не тяготило, потому что сталъ сознать свою нищету духовную, потому что сталъ плачущимъ о грѣхѣ, потому что сталъ алчущимъ и жаждущимъ правды.

Вполнѣ естественно и то, что, оставивъ прежніе пути, по которымъ онъ шелъ съ увѣренностью привычки и беззаботностью самодовольства, онъ еще не чувствуетъ себя настолько увѣреннымъ и свободнымъ на новыхъ добрыхъ путяхъ, еще мало ему извѣстныхъ.

Дайте окрѣпнуть ему въ добрѣ, и онъ пойдетъ по пути добра

такъ же бодро и радостно, какъ беззаботно и весело онъ блуждалъ по пути зла; только энергія и радость духа будутъ безконечно расти на этомъ пути, если онъ останется вѣренъ добру, въ то время, какъ беззаботное веселье скоро уступило бы мѣсто еще менѣе симпатичнымъ настроеніямъ духа. Объясните ему все это, объясните ему жизненное значеніе заповѣдей блаженства *), на пути возстановленія блаженной гармоніи духа, дайте ему руководство яснаго пониманія жизненнаго значенія молитвы Господней **) какъ цѣльной, исполнѣ законченной программы христіанской жизни, и вы поможете ему стать твердо на ноги и съ увѣренностію пойти по пути, озаренному яркимъ Свѣтомъ отъ свѣта Небеснаго.

Критическое отношеніе къ себѣ и окружающей жизни съ точки зрѣнія христіанской само по себѣ составляетъ могучее средство огражденія членовъ братскихъ союзовъ отъ искушеній.

Кромѣ того необходимо, чтобы, входя въ члены союза, дѣти принимали на себя положительные обязательства въ этомъ направленіи.

Напримѣръ:

1) Всѣ члены союза составляютъ изъ себя общество трезвости и отказываются пить водку по какимъ бы то ни было случаямъ. Водка составляетъ такое искушеніе въ крестьянскомъ быту и такъ вошла въ обычай народа, что дѣтямъ необходимо совсѣмъ отказаться отъ ея употребленія, чтобы не быть заставленными назойливыми подбивателями перейти мѣру. Только категорическій отказъ пить водку можетъ гарантировать возможность не унизить себя до позора безсознательности на храмовыхъ праздникахъ, именинахъ, крестинахъ, свадьбахъ и поминкахъ. Сами родители, какъ это достовѣрно мнѣ извѣстно, пьютъ дѣтей и забавляются ихъ опьяненіемъ.

2) Всѣ члены братскаго союза отказываются курить табакъ. Христіанинъ долженъ, по возможности, сокращать свои потребности, доводя ихъ до хлѣба насущнаго, а не увеличивать личные расходы, прививая себѣ излишнія, искусственныя потребности—вродѣ глотанія вредной копоты при куреніи. Христіанинъ все долженъ дѣлать разумно и во славу Божію. Эта дурная, нечистоплотная и крайне эгоистичная привычка и неразумна и жестока, особенно въ крестьянскомъ быту, гдѣ къ міазмамъ хаты, вмѣщающей въ себѣ и взрослыхъ, и дѣтей, и птицу, и скотину, прибавляютъ еще міазмы махорки и этимъ смрадомъ заставляютъ дышать бѣдныхъ дѣтей ради

наркотизированія и безъ того не особенно бодрствующихъ мозговъ взрослыхъ представителей крещенаго міра.

3) Всѣ члены братскихъ союзовъ отказываются принимать участіе во всякихъ играхъ (карты, кости и т. п.), основанныхъ на корысти.

4) Всѣ члены союзовъ отказываются посѣщать вечерницы, посидѣлки и всякія собранія, на которыхъ поются безстыдные пѣсни и допущены безстыдные разговоры и безстыдные отношенія. Интеллигенція наша не имѣетъ понятія о развращающемъ вліяніи этихъ грубыхъ оргій, на которыя допускаются дѣти отъ 14 лѣтъ.

*) См. мою брошюру: „V глава Евангелія отъ Матвея“.

**) См. брошюру мою: „Молитва Господня“.

Отношенія къ людямъ.

Для христіанина все человѣчество раздѣляется на сыновъ Божіихъ и сыновъ дьявола; первые для него ближніе, а вторые антихристы. Онъ не долженъ забывать, однако, что и антихристъ можетъ стать ближнимъ, такъ какъ всѣ люди созданы по образу и подобию Божію, созданы для рая и блаженства вѣчнаго.

Очень существенно, чтобы ребенокъ понялъ, какъ оскорбительно для Бога неуваженіе къ человѣку. Объяснить ему это вовсе не трудно, достаточно сказать ему, что если мы съ уваженіемъ относимся къ иконѣ, которая есть образъ Бога или Святыхъ, человѣкомъ сдѣланный и освященный молитвою и окропленіемъ святою водою, должны съ уваженіемъ относиться и къ человѣку — этому живому образу и подобию Божію, Самимъ Богомъ созданному и многими таинствами и молитвами освященному.

Если икона поругана или загрязнена, развѣ ее не постараются омыть и сдѣлать все, чтобы возвратить ей подобающее благообразіе? Вотъ обязанности наши по отношенію къ антихристамъ. Разница въ томъ, что икона не можетъ желать или не желать быть омытою, а человѣка мы и омыть противъ его желанія насильно не можемъ и не должны, хотя бы это и было во власти нашей, помня „какого мы духа“, помня, что и Самъ Господь никого не насилуетъ на добро, хотя по всемогуществу Своему и могъ бы сдѣлать это. Христіанскія отношенія къ людямъ станутъ ясны для ребенка, если руководитель объяснитъ жизненное значеніе главъ X *) и XVIII Евангелія отъ Маттея.

Въ отношеніяхъ нашихъ къ людямъ мы должны различать два періода: періодъ воспитанія духа, періодъ обособленія отъ зла, того абсолютнаго обособленія, которое требовалъ Господь отъ народа избраннаго въ Ветхомъ Заветѣ, и которое дало поводъ язычникамъ

называть членовъ первыхъ христіанскихъ общинъ врагами человѣчества.

Лучшимъ показателемъ того, какъ долго долженъ продолжаться для каждого изъ насъ этотъ періодъ ревниваго обособленія, служить устойчивость христіанскаго настроенія въ насъ. Если мысли и чувства наши колеблются подъ вліяніемъ общенія съ людьми разныхъ взглядовъ и настроенія, для насъ долженъ продолжаться первый періодъ; обособленіе отъ зла — необходимая гарантія для насъ; опасность для насъ общенія съ антихристами превышаетъ пользу для нихъ общенія съ нами.

Именно въ такомъ положеніи находятся всѣ члены братскаго союза низшей школы. Ревнивое обособленіе въ предѣлахъ возможности отъ всѣхъ, кто относится враждебно или даже равнодушно къ братскому союзу и его дѣятельности, и тѣсная солидарность братскаго общенія между членами этого союза составляютъ существенное условіе честнаго отношенія къ словамъ молитвы Господней: „и не введи насъ во искушеніе“.

Только окрѣпнувъ духомъ, вѣрою и любовію настолько, что христіанское настроеніе стало въ насъ вполне устойчиво, что мы всегда, при всякихъ обстоятельствахъ и во всякомъ обществѣ остаемся сами собою, не боясь и не стыдясь исповѣдывать Христа Спасителя и на все смотрѣть съ точки зрѣнія христіанской правды, мы можемъ и должны перейти изъ періода обособленія къ періоду апостольства, которое и есть единственная форма общенія съ антихристами, достойная христіанина.

Отношенія наши къ антихристамъ должны сообразоваться со степенью вдохновенія вѣры и любви въ насъ. Періоду воспитанія духа соотвѣтствуетъ стремленіе полнаго обособленія отъ нихъ. Періоду духовной возмужалости — апостольство между ними, при полномъ воздержаніи отъ всякаго насилія даже и на добро, при любовной жалости къ грѣшнику на степени благоговѣйной жалости къ поруганной иконѣ.

*) См. мою брошюру: „X глава Евангелія отъ Маттея“.

Дѣятельность братскаго союза въ школѣ и въ приходѣ.

Объяснивъ дѣтямъ кратко и удобопонятно цѣль учрежденія братскаго союза и условія поступленія въ него, руководитель долженъ представить имъ заранее составленный списокъ обязанностей и самоограниченій, добровольно принимаемыхъ на себя, безусловно обязательныхъ, несоблюденіе которыхъ ведетъ за собою исключеніе виновнаго изъ числа членовъ союза.

Очень существенно при этомъ, чтобы нежеланіе вступить въ союзъ, равно какъ и выходъ изъ него добровольный или принудительный, не сопровождался никакими не выгодными послѣдствіями, кромѣ неизбежнаго лишенія духовныхъ и нравственныхъ благъ, неразрывно связанныхъ съ пребываніемъ въ союзѣ. Это единственная гарантія нравственнаго достоинства союза.

Условія вступленія въ союзъ таковы:

1. Искренняя любовь къ Господу Богу и добру.
2. Искреннее желаніе положить всѣ силы ума на познаніе воли Божіей.
3. Искреннее желаніе ограждать таинства, молитвы и вообще святыню отъ поруганія.
4. Искреннее желаніе возстановить въ себѣ образъ и подобіе Божіе.
5. Искреннее желаніе положить всѣ силы души на честное согласованіе всего склада ума, симпатій и жизни съ волею Божіею.
6. Искреннее желаніе братскаго общенія со всѣми членами союза.
7. Искреннее желаніе оградить себя отъ искушеній окружающей жизни.

Списокъ обязанностей и самоограниченій, составляющихъ непремѣнное условіе пребыванія въ союзѣ, долженъ сообразоваться съ

мѣстными условіями и заключать въ себѣ совершенно ясныя категорическія требованія.

Напримѣръ:

Члены союза обязаны:

1. Посѣщать чтенія и бесѣды, устраиваемыя руководителемъ.
2. Не оставаться тамъ, гдѣ начинается пьяный разгулъ или безстыдные пѣсни и разговоры.
3. Не пить водку.
4. Не курить.
5. Не сквернословить.
6. Вести себя скромно.
7. Относиться ко всѣмъ членамъ союза съ любовью и уваженіемъ и т. п.

Чтенія и бесѣды должны быть устраиваемы по возможности часто.

Иногда эти собранія должны быть посвящены оцѣнкѣ поведенія членовъ союза или какого-либо выдающагося явленія мѣстной жизни.

Вначалѣ, пока духъ союза еще не окрѣпъ, надо выключать изъ него всѣхъ тѣхъ, кто проявляетъ мало доброй воли слиться съ нимъ въ единомысліи и единодушій братскаго общенія. Неумѣстная жалостливость къ дурнымъ можетъ внести элементы разложенія въ союзъ и оказаться жестокостью по отношенію къ добрымъ и дѣлу Божію.

По мѣрѣ того, какъ духъ союза крѣпнеть въ желательномъ направленіи, можно становиться болѣе терпѣливымъ и дольше ожидать устойчиваго настроенія колеблющихся, не опасаясь отъ того дурныхъ послѣдствій для всего союза.

Когда отношенія къ Господу Богу, Святымъ и обрядамъ внѣшняго культа станутъ сознательными, можно включить въ дѣятельность союза и заботы о благолѣпіи и благочиніи богослуженія.

Члены союза могутъ прислуживать въ церкви, благоговѣнно читать на клиросѣ, составить изъ себя стройный хоръ, участвовать въ крестныхъ ходахъ съ своею хоругвию, поддерживать тишину и благочиніе среди предстоящихъ во время богослуженія.

Благотворные результаты дѣятельности союза будутъ неисчислимы и скажутся съ особенною силою на жизни прихода по выходѣ членовъ союза изъ школы, если союзъ былъ не мертвою буквою и руководитель сумѣлъ внушить къ себѣ довѣріе, любовь и уваженіе.

Братскій союзъ въ приходѣ, по мѣрѣ того, какъ члены его будутъ становиться болѣе возрастными, обогащаясь при томъ всѣми добрыми элементами прихода и не бывшими въ школѣ, можетъ постепенно расширять свою дѣятельность, оказывая благотворное вліяніе на всѣ стороны сельской жизни и стать базисомъ и могучею опорой для всѣхъ благихъ начинаній сельскаго пастыря, со-

знающаго святость и величіе своего призванія и желающаго честно выполнять свои святые обязанности.

Даже дѣти не ограждены въ деревняхъ отъ разврата въ самыхъ грубыхъ, отвратительныхъ его проявленіяхъ. Имѣя дѣло съ взрослыми людьми, руководитель долженъ обратить особенное вниманіе на взаимныя отношенія между мужчинами и дѣвушками. Члены союза должны понять, что чувственность оцѣняетъ человѣка не менѣе вина, дѣлаетъ его рабомъ страстей, совершенно неспособнымъ свободно располагать собою и своею жизнью, безъ чего невозможна и разумная жизнь по вѣрѣ; они должны понять, что женская стыдливость и безукоризненная скромность отношеній есть неизбежное послѣдствіе христіанскаго настроенія духа и необходимая гарантія свободы духа и честной жизни по вѣрѣ.

Отказываясь выполнять тѣ, вѣками укоренившіеся въ народѣ, обычаи, выполнять которые нельзя безъ измѣны Богу и Христу Его, члены союза должны стремиться не обезцвѣчивать жизнь, а замѣнять грубое веселье вдохновенною радостью искренняго братскаго сочувствія. Вполнѣ справедливо, чтобы весь союзъ или, по крайней мѣрѣ, его представители принимали участіе въ радости и горѣ каждаго изъ сочленовъ, участвуя во всѣхъ торжествахъ, каковы: браки, крестины, похороны, и всячески способствуя ихъ благолѣнію.

Отказываясь участвовать въ грубой борьбѣ за существованіе, составляющей общій колоритъ окружающей жизни, вполнѣ справедливо, чтобы союзъ сдѣлалъ все возможное для огражденія своихъ сочленовъ отъ волковъ хищныхъ и помощи пострадавшимъ не по своей винѣ. Духовная солидарность союза не можетъ не проявиться и во всѣхъ другихъ сторонахъ жизни; вполнѣ естественно, чтобы союзъ общими силами помогалъ своимъ сочленамъ въ случаѣ нужды или болѣзни, заботился объ ихъ вдовахъ и сиротахъ.

Всякой обязанности логично соответствуетъ и право, которое должно быть столь же реально, какъ и соответствующая обязанность. Если право фиктивно, не можетъ быть и отвѣтственности за невыполненіе обязанности или, вѣрнѣе, вся тяжесть отвѣтственности падаетъ на тѣхъ, кто, устанавливая обязанность, не гарантируетъ права, необходимыя для ея выполнения.

Христіанское государство, признавая обязанность для христіанъ честной жизни по вѣрѣ, безъ чего оно перестаетъ быть христіанскимъ и становится врагомъ Христа Спасителя, ученія Его, обязано гарантировать и право устраивать жизнь по вѣрѣ и безпрепятственно жить по вѣрѣ.

Добро всегда колетъ глаза злу. Не даромъ были гонимы и злословимы всѣ пророки ветхозавѣтные, Самъ Спаситель міра, Его Апостолы и сонмы Святыхъ новозавѣтныхъ. Не даромъ говорилъ

Господь нашъ Іисусъ Христосъ: „Блаженны вы, когда васъ будутъ поносить и гнать и всячески злословить за меня... такъ гнали и пророковъ, бывшихъ прежде васъ“ *). „Если міръ васъ ненавидитъ, знайте, что Меня прежде васъ возненавидѣлъ. Если бы вы были отъ міра, то міръ любилъ бы свое; а какъ вы не отъ міра, но Я избралъ васъ отъ міра, потому ненавидитъ васъ міръ“ **). И такъ будетъ каждый разъ, какъ искренно вѣрующіе захотятъ перейти къ честной жизни по вѣрѣ отъ жизни „по обычаю міра сего“. Грѣшное и грѣхолюбивое человѣчество всегда будетъ клеветать на добро, чтобы себя оправдать, какъ архіереи іудейскіе обвинили Сына Божія въ богохульствѣ во славу своего правовѣрія.

И братскіе союзы, если они не останутся мертвою буквою, изъ которой порочные люди могутъ сдѣлать себѣ нравственную игрушку, не переставая быть порочными, непременно вызовутъ сначала глумленія, потомъ озлабленіе и, наконецъ, гоненія. Самодовольная порочность, духовная лѣнь, фанатичная рутина—все это соединится противъ благого начинанія, признавая его за личное для себя оскорбленіе и опасность.

Христіанское государство обязано оградить союзъ кроткихъ отъ союза волковъ, такъ какъ отъ волковъ можно только по-волчьи огрызаться, а дѣлать этого нельзя, оставаясь кроткимъ.

Для успѣха дѣла необходимо, чтобы руководитель союза чувствовалъ легальную почву подъ ногами и былъ огражденъ отъ тѣхъ, кто можетъ поставить на его пути непреодолимые препятствія.

Сельская школа зависитъ отъ земства и трехъ правительственныхъ вѣдомствъ: Духовнаго и двухъ министерствъ: Внутреннихъ Дѣлъ и Народнаго Просвѣщенія. Надо, чтобы высшее Правительство и мѣстное земство выразило совершенно опредѣленно свое сочувствіе этому дѣлу. Надо, чтобы Правительство предписало епископамъ, губернаторамъ и попечителямъ учебныхъ округовъ, а земство—своимъ управамъ всячески покровительствовать и содѣйствовать этому дѣлу.

При такихъ обстоятельствахъ дѣло это можетъ быстро развиваться и сослужить великую услугу Церкви и государству, подготавливая возможность честно согласовать жизнь съ официально признанными ея основами, подготавливая возможность для грядущихъ поколѣній сознательнаго единенія всѣхъ слоевъ общества на пути христіанскаго прогресса.

*) Еван. отъ Маттея глава V, ст. 11 и 12.

**) Еван. отъ Іоанна глава XV, ст. 18 и 19.

СРЕДНЯЯ ШКОЛА.

Почти все, сказанное мною о братских союзахъ въ низшей школѣ, цѣликомъ приложимо и къ братскимъ союзамъ въ школахъ среднихъ. Повторяться я не буду, а ограничусь краткимъ перечисленіемъ того, что составляетъ особенность этихъ союзовъ.

Пребываніе ученика въ средней школѣ болѣе продолжительно, ученики умственно болѣе развиты и, до поступленія въ школу, получили менѣе грубыхъ привычекъ—все это обстоятельства несомнѣнно благоприятныя для успѣха дѣла. Съ другой стороны, въ ученикѣ средней школы болѣе равнодушія къ вѣрѣ, болѣе ложнаго стыда и хвастливой порочности, въ умѣ его болѣе готовыхъ формулъ отреченія отъ вѣры, въ сердцѣ у него болѣе прочныхъ симпатій къ изящнымъ покровамъ и маскамъ, соблазны окружающей его жизни красивѣе, менѣе грубо-циничны,—все это большіе тормазы для дѣла.

Отсутствіе „простой вѣры“ само по себѣ не составляетъ безусловный минусъ. Наличность „простой вѣры“ является для многихъ страшнымъ соблазномъ, успокаивая совѣсть, затрудняя пониманіе необходимости вѣры сознательной. При отсутствіи „простой вѣры“, даже и ребенокъ не можетъ вообразить себя не только правовѣрнымъ, но и вообще вѣрующимъ; въ душѣ его не найдется никакого самозванца, оспаривающаго престолъ у Бога Истиннаго, когда пробудится въ ней жажда Боговѣдѣнія. Гораздо страшнѣе равнодушіе къ вѣрѣ, то самодовольное равнодушіе, которому онъ научился отъ родителей, которое вливается въ него чрезъ всѣ поры ума и сердца изъ окружающей атмосферы сытаго прозябанія.

Теперь равнодушіе къ вѣрѣ уменьшилось въ обществѣ, уменьшилось вмѣстѣ съ тѣмъ и число зараженныхъ этою духовною гангреною дѣтей: все же ихъ очень много и съ этимъ прискорбнымъ явленіемъ считается необходимо.

Равнодушіе къ религіи, даже и въ ученикахъ старшихъ классовъ средней школы, за рѣдкими исключеніями, основано не на со-

знательномъ протестѣ противъ узости религіозной мысли современниковъ, не на увлеченіи мишурою философской фикціи, а на полномъ непониманіи жизненнаго значенія вѣры, безопасности молодости и заразительномъ примѣрѣ всего окружающаго.

Было бы большою ошибкою начать съ полемики противъ атеизма и ересей, хотя бы и такихъ распространенныхъ, какъ ученіе Пашкова и графа Толстого, такою же ошибкою, какъ и апологія православія съ цѣлью посрамленія всѣхъ прочихъ христіанскихъ исповѣданій. Все это не можетъ пробудить интереса къ вѣрѣ въ томъ, кто еще не понимаетъ ея жизненнаго значенія, и непремѣнно останется скучною схоластикой для того, кто еще и самъ не знаетъ, въ „Кого вѣруетъ“, у кого въ душѣ еще „не изобразился Христосъ“, чье сердце еще не пережило праздника воздвиженія Животворящаго Креста Господня.

Необходимо начать съ краткаго, яснаго и непремѣнно стройнаго изложенія христіанскаго міровоззрѣнія *). Надо, чтобы юноша понималъ, что Господь Богъ есть дѣйствительно Альфа и Омега бытія, что воля Божія есть дѣйствительно единая, вѣчная правда, разумная и благая, и онъ пойметъ разумный смыслъ свободы воли, грѣхопаденія, земной жизни и смерти человѣка, пойметъ разумность любви и самоотверженія и неразумность злобы и эгоизма, пойметъ радость святости и неизбежность страданій въ порокѣ, сознательно полюбитъ добро и возненавидитъ зло, сознательно всѣмъ существомъ своимъ обратится къ Богу и отвернется отъ маммоны, пойметъ цѣну Откровенія для человѣчества и неразуміе и преступность своего прежняго равнодушія къ Богу и Откровенію Святой воли Его.

Послѣ всего этого можно приступить и къ страховкѣ отъ сомнѣній и ложныхъ толкованій. И тутъ никакой полемики не нужно. Лучшій способъ при этомъ—доказать исключительную разумность и убѣдительность для ума и сердца нашего ясно понятыхъ истинъ Откровенія, что не представляетъ никакого труда для того, кто самъ сознательно вѣритъ и сознательно любитъ.

Очень желательно, чтобы это предварительное ознакомленіе съ христіанскимъ міровоззрѣніемъ было преподаано всѣмъ ученикамъ всѣхъ христіанскихъ исповѣданій. Очень желательно и то, чтобы въ братскіе союзы принимали и католиковъ, и лютеранъ, и реформатовъ, которые того пожелаютъ и тѣмъ самымъ докажутъ, что того достойны.

Въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ жизнь ученика до того поглощена уроками и подготовленіемъ къ нимъ, что свободнаго времени у него остается очень мало, такъ мало, что это можетъ слу-

*) См. брошюру мою: „Христіанское міровоззрѣніе“.

жить однимъ изъ главныхъ тормазовъ для успѣшной дѣятельности братскаго союза.

Христіанская школа должна признать первенствующее значеніе воспитанія духа, если она желаетъ имѣть право считать себя школою христіанскою, должна обезпечить возможность не только существованія, но и успѣшной дѣятельности братскаго союза, хотя бы для того и потребовалось измѣнить программы и во многомъ отступить отъ установившейся рутины.

Должность директора не всегда занята людьми, сознательно вѣрующими во Христа Спасителя и сознательно Его любящими; очень существенно потому, чтобы положеніе руководителя братскихъ союзовъ было въ достаточной мѣрѣ самостоятельно и давало ему возможность найти защиту и покровительство въ случаѣ несправедливаго отношенія къ нему школьнаго начальства.

Разъяснивъ всѣмъ жизненное значеніе вѣры, можно предложить желающимъ образовъ братскій союзъ, члены котораго добровольно подчиняются правиламъ, предлагаемымъ руководителемъ.

Правила и система самоограниченій приблизительно тѣ же, какъ и для братскаго союза въ низшей школѣ, какъ и для братскаго союза въ приходѣ и въ высшей школѣ, такъ какъ и въ этомъ отношеніи „не раздѣлился Христосъ“. И Онъ, и правда Его, и система самоограниченій, логично вытекающая изъ этой вѣчной правды, все тѣ же для всѣхъ временъ и всѣхъ народовъ, для всѣхъ состояній и всѣхъ степеней умственного развитія: правда остается все та же, измѣняются только формы ея осуществленія съ измѣненіемъ формъ жизни. Вопросъ не въ томъ, надо ли принять на себя крестъ и идти по пути, указанному Христомъ, а въ томъ, какъ принять на себя Крестъ Христовъ и какъ идти по пути Имъ указанному, соотвѣственно даннымъ обстоятельствамъ.

Большая продолжительность пребыванія въ школѣ и большая возрастность учениковъ старшихъ классовъ даетъ возможность братскому союзу средней школы расширить свою дѣятельность сравнительно съ братскими союзами въ школахъ низшихъ.

Тутъ могутъ быть еще полнѣе осуществлены святыя завѣты Христа Спасителя объ отношеніяхъ къ ближнимъ, изложенныя въ XVIII главѣ Евангелія отъ Матѳея.

Путемъ частыхъ бесѣдъ и чтеній руководитель можетъ и долженъ близко ознакомиться съ членами братскаго союза. Выдѣлить изъ общаго числа тѣхъ, которые выдѣляются вдохновеніемъ любви и силою разумной правды Божіей, для высшей духовной дѣятельности, еще недоступной остальнымъ, вполне естественно и справедливо; мы этимъ только послѣдуемъ примѣру Христа Спасителя, выдѣлившаго изъ всего человечества 70 учениковъ и изъ числа семидесяти—12 Апостоловъ.

Этими избранными изъ числа добрыхъ могутъ быть всѣ тѣ, которые настолько поняли и полюбили добро, что могутъ не только успѣшно бороться со зломъ въ себѣ, но и быть полезными для другихъ, тѣ, въ комъ пониманіе смысла земной жизни и условій вѣчнаго блаженства пробудило вдохновенную жалость къ ближнему, жалость, доходящую до самоотверженія.

Этимъ избраннымъ можно предложить составить изъ себя старшій кружокъ въ братскомъ союзѣ и принять подъ свое любовное попеченіе всѣхъ прочихъ членовъ союза во исполненіе завѣта Христа Спасителя: „Кто приметъ одно такое дитя во имя Мое, тотъ Меня принимаетъ“ *).

Такъ какъ отъ старшаго можно ожидать больше доброй воли и отрѣшенія отъ личныхъ симпатій, очень желательно, чтобы старшаго, изъ числа членовъ старшаго кружка, избирали себѣ сами младшіе. Конечно, удовлетворить всѣхъ невозможно; всегда найдется между старшими такой счастливцевъ, котораго выберутъ слишкомъ многіе. Въ виду этого желательно, чтобы каждый изъ младшихъ представлялъ составленный имъ списокъ всѣхъ старшихъ въ порядкѣ, соотвѣствующемъ степени желанія имѣть ихъ старшими.

Само собою разумѣется, слова „старшіе“ и младшіе“ имѣютъ тутъ чисто духовный смыслъ, безъ всякаго отношенія къ возрасту или классу.

Старшіе являются ближайшими помощниками руководителя союза и посредниками между нимъ и младшими. Они часто собираются подъ его предсѣдательствомъ на совѣтъ для обсужденія общей жизни братскаго союза, характера младшихъ и способовъ добраго на нихъ воздѣйствія.

При правильной постановкѣ дѣла, если руководитель и члены старшаго братскаго кружка имѣютъ въ виду исключительно духовную пользу младшихъ и торжество дѣла Божія, добрыя послѣдствія будутъ неисчислимы.

Дѣятельность руководителя съ каждымъ днемъ будетъ становиться болѣе легкою и широкою.

Младшіе, имѣя каждый искренно преданнаго его духовному благу друга, помощника и покровителя и черезъ него находясь въ постоянномъ общеніи съ руководителемъ союза, находятся въ исключительно благоприятныхъ условіяхъ для христіанскаго воспитанія духа и постепеннаго согласованія съ волею Божіей всего склада ума и симпатій, отъ чего зависитъ и возможность честной жизни по вѣрѣ.

Старшіе, принимая младшихъ во имя Христа, воспитываютъ

*) Еванг. отъ Матѳея, глава XVIII, ст. 5.

себя, воспитывая ихъ, духовно возвышаются до степени сотрудниковъ Ангеловъ Хранителей, становясь такимъ образомъ соработниками Бога въ дѣлѣ возрожденія падшаго человѣчества, и это въ томъ возрастѣ, когда для живущихъ „по обычаю міра сего“ начинается пора униженія духа до грубаго пьянства жизни по знаменитой формулѣ отреченія отъ Христа: „Съ молоду перебѣситъся надо“.

Да поймемъ же, наконецъ, что, какъ бы трудно ни было это дѣло, мы должны его сдѣлать, мы не можемъ его не сдѣлать, если вѣримъ и любимъ, если мы искренніе христіане, а не волки въ овечьей шкурѣ. Вѣдь тутъ дѣло идетъ не болѣе и не менѣе, какъ о томъ, чѣмъ станутъ миллионы душъ живыхъ: чадами Божиими или сынами діавола, святыми соработниками Бога или съ молоду сбѣсившимися бѣсоватыми, христіанами, сознательно вѣрующими и сознательно любящими, или антихристами, все равно отрицающими Бога или воображающими, что могутъ Его подкупить; о томъ, будетъ ли Россія народомъ избраннымъ или народомъ отверженнымъ, будетъ ли Церковь православная совершать таинства намъ во спасеніе или въ судъ и во осужденіе.

Но и трудность этого дѣла—обманъ зрѣнія или скорѣе обманъ сердца, чуждаго вѣры и любви. Тотъ, кто испытаетъ радость служенія на дѣло Божіе, кто испытаетъ небесную радость постепеннаго расцвѣта души до свѣтлаго преображенія духа, тотъ не промѣняетъ эту радость ни на какой калейдоскопъ земли и на опытъ извѣдаетъ вѣчную истину словъ Христа Спасителя: „Прійдите ко мнѣ всѣ труждающіеся и обремененные и Я успокою васъ... ибо бремя Мое благо и иго Мое легко есть“.

ВЫСШАЯ ШКОЛА.

Чтобы понять, какъ намъ приняться за дѣло въ высшей школѣ, уяснимъ себѣ причины равнодушія и даже враждебности подавляющаго большинства студентовъ къ религіи.

Невѣріе студента рѣдко бываетъ болѣе сознательно, чѣмъ невѣріе ученика средней школы, оно только болѣе оформлено, лучше мотивировано. Чтобы сознательно отказаться отъ вѣры, какъ и для того, чтобы сознательно вѣрить, необходимо ясно понимать христіанское міровоззрѣніе, христіанскій идеалъ и христіанскую этику, сознательно предпочесть философіи христіанства какую-либо другую философію или, по крайней мѣрѣ, убѣдиться въ несостоятельности христіанскаго міровоззрѣнія и христіанства, какъ основы жизни, не по обрывкамъ буквы мертвящей текста и обряда, а во всей совокупности стройнаго цѣлаго, не по искаженіямъ христіанства въ жизни, а потому, чѣмъ должно быть общество христіанъ, честно живущихъ по вѣрѣ. Вотъ этого сознательнаго отношенія къ вѣрѣ и нѣтъ; не можетъ быть, слѣдовательно, сознательно и невѣріе.

Самъ я былъ студентомъ университета и вольнослушателемъ одной академіи, имѣлъ дѣло съ разными слоями общества отъ высшихъ сферъ родовой и умственной аристократіи до русскаго крестьянина включительно и съ убѣжденіемъ говорю, что никогда не встрѣчалъ человѣка сознательно невѣрующаго и не вѣрю, чтобы разумный человѣкъ могъ сознательно предпочесть какое-либо философское міровоззрѣніе—міровоззрѣнію христіанскому, если онъ о христіанствѣ судитъ по первоисточникамъ, а не по недомыслию современниковъ и жизни народа „жестоковѣйшаго съ мѣднымъ лбомъ и необрѣзаннымъ (для лже-христіанъ надо сказать: некрещенымъ) сердцемъ“.

Вотъ это наивное смѣшеніе христіанской истины съ недомысліемъ и суевѣріями худшихъ представителей крещеннаго міра и составляетъ главную причину равнодушія и даже враждебности къ религіи большинства представителей учащейся молодежи.

Если наивны студенты въ своемъ невѣріи, нельзя не признать, что и отношеніе къ своему дѣлу очень многихъ профессоровъ богословія не менѣе наивно. Они говорятъ передъ аудиторіей людей невѣрующихъ, глумящихся надъ религіею, относящихся съ презрѣніемъ и ненавистью къ представителямъ духовнаго вѣдомства, не имѣющихъ никакого понятія о христіанскомъ міровоззрѣніи, такъ, какъ говорить можно было бы только людямъ сознательно вѣрующимъ. Къ чему эта благонамѣренная и до комизма наивная фикція? Развѣ не наивно излагать мысли Бауера, Шлейермахера, Штрауса и другихъ представителей отрицательной критики, сопровождая ихъ опроверженіями, доказательными только для вѣрующаго, передъ аудиторіею людей вполне сочувствующихъ Штраусу и К^о, не умѣя только такъ удачно формулировать свое невѣріе и неуваженіе къ религіи, какъ то сдѣлано этими учеными врагами христіанства.

Какъ бы ни была ужасна, обидна для насъ правда, надо посмотреть ей прямо въ глаза. Большинство студентовъ убѣждено, что Откровеніе не содержитъ въ себѣ никакого стройнаго и разумнаго идеала, никакой логичной и разумной нравственной системы самоограниченій; убѣждено, что религія не реальная, разумная основа жизни и быть ею не можетъ, а наивная утопія, пригодная развѣ для утѣшенія слабыхъ умовъ въ трудныя минуты жизни; убѣждено, что сами представители духовнаго вѣдомства понимаютъ свое положеніе, какъ духовную профессію, и свои обязанности, какъ государственную повинность держать народъ въ повиновеніи начальству и совершать требы, опять таки, какъ мѣры полицейской и политической дисциплины; убѣждено, что Церковь не существуетъ помимо духовнаго вѣдомства, что она оправдываетъ все зло въ современномъ строѣ жизни подъ условіемъ слѣпнаго повиновенія властямъ, даже санкціонируетъ его, составляетъ консервативную коалицію съ мечомъ и вицъ-мундиромъ и, такимъ образомъ, является главнымъ гасильникомъ духа, главнымъ тормазомъ на пути всякаго прогресса.

Надо прежде всего категорически признать, что Церковь не мирится со зломъ, гдѣ бы оно ни проявлялось: въ жизни ли частнаго человѣка, въ жизни ли общественной, государственной, церковной или международной; что Церковь не только не беретъ подъ свое покровительство весь строй современной жизни, но признаетъ своею обязанностию, самою дорогою сущностью своей жизни—безконечный прогрессъ отъ того, что есть, къ тому, что должно быть; что Церковь составляютъ всѣ вѣрующіе на землѣ, а не только члены духовной іерархіи и духовнаго вѣдомства одного государства; что Церковь по самой сути своей не можетъ никого насилловать даже и на добро; что, слѣдовательно, строй жизни въ хри-

стіанскомъ государствѣ находится въ прямой зависимости не отъ идеаловъ Церкви Вселенской, а отъ степени христіанскаго самосознанія большинства представителей Церкви Помѣстной.

Надо прямо заявить, что христіанство не можетъ быть ни политическою мѣрою для обузданія грубой черни, ни сентиментальнымъ утѣшеніемъ для слабонервныхъ, не можетъ быть ни бѣлыми перчатками для торжественныхъ дней, ни микстурою на случай болѣзни, если за христіанство не выдаютъ или не принимаютъ чего-либо не имѣющаго съ христіанствомъ ничего общаго.

Надо прямо заявить, что христіанство не утопія, а единая разумная правда бытія, единая разумная основа жизни, что лекторъ, какъ представитель Церкви, „знающій, въ Кого вѣруетъ“, берется доказать, что Откровеніе содержитъ въ себѣ самое стройное и убѣдительное для ума міровоззрѣніе, которому нельзя разумно предпочесть никакую другую философскую систему; содержитъ въ себѣ совершенно опредѣленный и настолько высокій идеалъ, что онъ вмѣщаетъ въ себѣ всѣ самыя дорогіе, чистые и свѣтлые идеалы человечества, которыхъ потому по одиночкѣ невозможно разумно предпочесть ему, какъ невозможно разумному человѣку безформенный обломокъ предпочесть стройному цѣлому гениальнаго произведенія искусства; содержитъ въ себѣ самую разумную этику, логично вытекающую изъ библейскаго міровоззрѣнія и евангельскаго идеала, одинаково далекою, какъ отъ покладистой уживчивости со зломъ, такъ и отъ мрачнаго самодовлѣющаго аскетизма; этику, которой не можетъ разумно предпочесть никакую другую систему самоограниченій или разнузданности именно тотъ, кто искренно желаетъ жить разумно, а не обманывать себя и другихъ ради политики или удобствъ земнаго прозябанія.

Если все это будетъ сказано не съ мертвеннымъ характеромъ „словопретельныхъ словесъ“, а съ жизненнымъ характеромъ „явленія силы и духа“, это не можетъ не пробудить любознательность въ людяхъ, находящихся на порогѣ жизни, еще не погрязшихъ въ рутинѣ, еще не успѣвшихъ окончательно одурманить себя пьянствомъ жизни или дѣловитою суетою.

Тогда можно приступить къ изложенію христіанскаго міровоззрѣнія, не боясь, что слушатели отнесутся къ лекціямъ по богословію съ предвзятымъ равнодушіемъ, недовѣріемъ и недоброжелательностію.

Чѣмъ больше при этомъ будетъ простоты, ясности, чисто научной точности, чѣмъ меньше елейности, славянизмовъ и бездоказательныхъ ссылокъ на авторитеты, тѣмъ лучше. Надо прежде убѣдить умы, а потомъ взывать къ любви и уваженію, а не ссылаться на авторитеты раньше, чѣмъ доказана ихъ авторитетность.

Излагая христіанскія истины, очень полезно было бы параллельно сопоставлять научныя гипотезы съ ними не согласныя. Научныхъ гипотезъ по каждому вопросу безконечно много, всѣ онѣ однако могутъ быть сведены къ двумъ категоріямъ, выражающимъ собою взгляды, логично вытекающіе изъ матеріализма и спиритуализма, не принимающаго Откровенія.

Пробудивъ въ студентахъ интересъ и сочувствіе къ религіи, ознакомивъ ихъ съ христіанскимъ міровоззрѣніемъ, необходимо, для уясненія жизненнаго значенія вѣры, обратиться къ критикѣ жизни и особенно духовныхъ настроеній представителей современнаго общества съ точки зрѣнія христіанской. Честно осуждая все съ христіанствомъ несогласное, надо яркими красками начертать передъ слушателями и лучезарную картину того, что быть должно при христіанскомъ настроеніи и христіанскихъ отношеніяхъ большинства въ христіанскомъ государствѣ.

Надо убѣдить студентовъ, что слова Христа Спасителя: „Царство Божіе внутри васъ есть“ имѣютъ не только мистическое значеніе духовнаго единенія съ Церковью Небесною, но и заключаютъ въ себѣ вѣчную жизненную правду абсолютной невозможности истиннаго, непризрачнаго прогресса въ области политическихъ и социальныхъ отношеній, безъ соответствующаго прогресса милліоновъ душъ живыхъ въ направленіи христіанской гармоніи духа *).

Чтобы усомниться въ томъ, что между студентами найдутся люди, которые почувствуютъ правду и всѣмъ сердцемъ откликнутся на голосъ Божій, надо было бы отнестись съ принципиальнымъ недо-вѣріемъ къ профессору богословія или отказаться отъ вѣры въ то, что правда Божія убѣдительна для ума и радостна для сердца, что человѣкъ созданъ по образу и подобию Бога Разумнаго и Благаго и что душа его по природѣ христіанска.

На все это не потребуется много времени. Чѣмъ болѣе сжато будетъ изложеніе истинъ вѣры, тѣмъ лучше, тѣмъ менѣе опасности потеряться въ ненужныхъ подробностяхъ, утомить вниманіе, скрыть стройную суть подъ беспорядкомъ случайныхъ надстроекъ. При томъ временемъ дорожить надо. Къ концу года надо завоевать себѣ право предложить желающимъ образованъ изъ себя братскій союзъ для практическаго подготовленія себя къ разумной жизни по вѣрѣ и честнымъ христіанскимъ отношеніямъ къ Богу, ближнимъ и самому себѣ.

Быть союза ничѣмъ существеннымъ не отличается отъ быта

*) См. мою статью: „О христіанской гармоніи духа, т. II полнаго собранія сочиненій.

братскихъ союзовъ въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ до старшихъ и младшихъ братьевъ и ихъ взаимныхъ отношеній включительно.

Тѣхъ, которые найдутъ это добровольное подчиненіе духовной опеки для взрослыхъ и образованныхъ людей смѣшною аномаліей, я прошу вдуматься въ слова Христа Спасителя: „Истинно говорю вамъ, если не обратитесь и не будете какъ дѣти, не войдете въ Царство Небесное“ *). Очень немолодые и очень ученые люди могутъ быть настоящими дѣтьми, не умѣющими ни думать, ни чувствовать по-христіански, ни говорить на языкѣ, приличномъ для христіанина, ни самостоятельно ходить по путямъ, соответствующимъ ихъ новой вѣрѣ. Отказаться при такихъ обстоятельствахъ отъ добровольнаго подчиненія духовной опеки о Христѣ брата, болѣе сильнаго духомъ, болѣе окрѣпшаго въ добрѣ, можетъ помѣшать только гордость, совершенно бессмысленная для искреннаго христіанина.

Даже человѣкъ, сильно зараженный гордостью, не признающій для себя необходимости бороться съ нею и побѣдить ее, не можетъ не сознавать для себя желательной духовную помощь въ этомъ трудномъ дѣлѣ, тѣмъ болѣе желательною, чѣмъ вѣрнѣе засѣла гордость въ душѣ и чѣмъ, слѣдовательно, труднѣе дѣло возстановленія христіанской гармоніи духа. Только человѣкъ, самодовольно гордый, можетъ не понять этого; такому человѣку нечего дѣлать въ братскомъ союзѣ.

Въ дѣйствительности именно гордость и составляетъ самое опасное искушеніе для большинства представителей учащейся въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ молодежи, главную помѣху для возможности вѣрить, любить и достигнуть радостнаго единомыслія и единомудрія со всѣми о Христѣ братьями, вполнѣ сознательно преклонивъ и умъ и сердце свое передъ единымъ для всѣхъ искреннихъ христіанъ, общепризнаннымъ авторитетомъ разумной и благой воли Бога Живаго. Вотъ почему я не только предлагаю сохраненіе и въ братскихъ союзахъ высшихъ учебныхъ заведеній благотѣльнаго института старшихъ братьевъ, но и настаиваю на особенной полезности и необходимости этой организаціи именно здѣсь, какъ спасительной дисциплины добровольнаго и разумнаго христіанскаго смиренія.

Особенность братскаго союза здѣсь можетъ заключаться только въ степени самодѣтельности и характерѣ отношеній руководителя къ членамъ союза. Періодъ обособленія можетъ быть сокращенъ дѣятельное исповѣданіе Христа внѣ союза болѣе обязательно; руководитель изъ распорядителя становится верховнымъ ревнителемъ

*) Евангеліе отъ Маттея гл. XVIII ст. 3.

о благѣ и правдѣ жизни братскаго союза и верховнымъ совѣтникомъ для всѣхъ его сочленовъ.

Предвидѣть всѣ добрыя цѣли, какими можетъ задаться союзъ на разныхъ стадіяхъ своего духовнаго прогресса, тѣ добрыя способности, кои будутъ признаны наиболѣе цѣлесообразными для достиженія этихъ добрыхъ цѣлей, и тѣ благіе результаты, которые будутъ достигнуты на этомъ пути, тѣмъ болѣе невозможно, что и здѣсь, по мѣрѣ того, какъ души добровольно будутъ отверзаться для Бога и причастія Святаго Духа Его, дѣятельность человѣческая будетъ уступать мѣсто Промыслу Божию. Когда люди добровольно отдаютъ все свое существо на служеніе дѣлу Божию, тогда жизнь ихъ нераздѣльно сливается съ дѣломъ Божиимъ, и Самъ Богъ творитъ великая и чудная орудіемъ ничтожнымъ.

Любовь или эгоизмъ?

(Нов. Вр. № 6896. 11 Мая 1896 г.)

Что весь строй жизни современнаго христіанскаго общества далеко не согласованъ съ вѣрою во Христа-Спасителя, что слишкомъ часто въ жизни христіанскихъ народовъ можно наблюдать явленія, явно свидѣтельствующія о молчаливомъ отреченіи отъ вѣры въ Бога Живаго и Христа Его, все это всѣмъ извѣстно, ни для кого не ново, составляетъ давно примелькавшуюся рутину, хроническую болѣзнь грѣшнаго, тяжело болящаго застарѣлымъ нравственнымъ недугомъ, псевдо-христіанскаго человѣчества. Но, чтобы публично проповѣдывали грубый эгоизмъ, да еще ссылаясь на примѣръ жизни любвеобильнаго Спасителя міра Самого Господа нашего Іисуса Христа, явленіе новое, первый приступъ новаго недуга, противъ котораго и изъ патріотизма и изъ вѣрности Церкви православной надо протестовать, надо бороться, пока и эта новая „лестъ“ не превратилась въ рутину, въ застарѣлый, хроническій недугъ.

Газеты, отдавая отчетъ о празднованіи памяти святыхъ Кирилла и Меѳодія С.-Петербургскимъ Славянскимъ Благотворительнымъ Обществомъ, приписали одному оратору слѣдующія невѣроятныя, будто бы публично съ кафедры произнесенныя, слова: „Правда, Спаситель нашъ заповѣдалъ любовь, но Своимъ примѣромъ показалъ, что любовь должна идти отъ центра къ окружности, а не наоборотъ... правильное, естественное распространеніе любви: *сперва на свою собственную семью, затѣмъ на друзей, на сослуживцевъ, на весь свой народъ и, слѣдуя постепенности, на родственные славянскіе народы*“.

Это мало назвать отреченіемъ отъ Христа, это ужасная, душу возмущающая клевета на Него. Первые дни я жилъ надеждою на то, что никто не могъ произнести публично, съ кафедры, этихъ ужасныхъ словъ, что слова эти не могли остаться безъ негодующаго протеста кого-либо изъ присутствовавшихъ, если бы они дѣйствительно были произнесены въ многочисленномъ собраніи интелли-

гентныхъ христіанъ, что самъ ораторъ поспѣшить опровергнуть взводимое на него страшное обвиненіе, если слова его были такъ странно и такъ послѣдовательно искажены. Опроверженія не послѣдовало, и съ тѣхъ поръ мое собственное молчаніе невыносимою тяжестью налегало мнѣ на совѣсть, какъ смертный грѣхъ, какъ соучастіе въ отреченіи отъ Христа, болѣе того—какъ соучастіе въ клеветѣ на Него, какъ попустительство въ страшномъ дѣлѣ отравленія умовъ и сердецъ миллионѣ моихъ соотечественниковъ и единовѣрцевъ. Если мы будемъ молчать при такихъ обстоятельствахъ, мы, отвѣтственные члены русскаго народа, отвѣтственные члены православной Церкви, отвѣтственные потому, что читать и писать умѣемъ, отвѣтственные потому, что учились въ университетахъ и академіяхъ, до чего же мы, наконецъ, домолчимся?!

И вотъ, высказаться, громко исповѣдать Христа и вѣчную правду Его, стало насущною потребностью моей возмущенной христіанской совѣсти.

Приведенныя выше слова были сказаны по поводу космополитизма. Не космополитизмъ защищать я хочу и не на патріотизмъ нападать, и космополитизмъ и патріотизмъ могутъ быть очень разнообразны, могутъ быть доведены до уродливыхъ крайностей, одинаково несомѣстныхъ съ духомъ христіанства, и могутъ быть выразителями отношеній не только другъ друга пополняющихъ, но и одинаково обязательныхъ для всякаго честнаго христіанина, вполне примиряющихся во всеобъемлющей любви, вселенской любви, въ которую, какъ составныя части, входятъ и любовь къ соотечественникамъ и единовѣрцамъ—патріотизмъ, и любовь къ иноплеменикамъ и иновѣрцамъ—космополитизмъ. Во всякомъ случаѣ, для всякаго сознательно вѣрующаго христіанина очевидно, что патріотизмъ земной не долженъ преобладать надъ патріотизмомъ небеснымъ и что забыть о родинѣ небесной изъ-за любви къ временной отчизнѣ въ долинѣ плача и печали земного скитанія, не достойно согражданъ святыхъ и присныхъ Богу, нельзя, не промѣнявъ на чечевичную похлебку своего гражданства небеснаго, что изъ-за семьи и отца земного, позорно забывать семью и Отца Небеснаго, что истинный патріотизмъ состоитъ не въ томъ, чтобы находить все отечественное прекраснымъ, чваниться своею родиною и кулакомъ внушать любовь и уваженіе къ ней, а въ томъ, чтобы, измѣривъ ее христіанскою мѣрою, положить всѣ силы на то, чтобы помочь ей стать достойною любви и уваженія тѣхъ честныхъ христіанъ, которые и ради нея не согласятся измѣнить Богу Живому и Христу Его.

Ораторъ говоритъ: „Космополитизмъ есть стремленіе быть всѣмъ, но не тѣмъ, чѣмъ создалъ Богъ“. Изъ этого логично вытекаетъ, что язычникъ долженъ оставаться язычникомъ, жидъ—жидомъ, остъ-

зейскій иѣмецъ и полякъ—врагомъ руссификаціи, уніатъ—врагомъ Православія, что миссіонерство и руссификація инородцевъ грѣховны и нарушаютъ законы, установленные Самимъ Богомъ. Изъ такого толкованія воли Божіей вытекаетъ только китайскій застой и строгое осужденіе не только миссіонерства и руссификаціи, но и всей дѣятельности Пророковъ, Христа-Спасителя и Его Апостоловъ.

„Космополитизмъ, какъ хищный волкъ, прикрывается овечьей шкурой, ссылаясь на евангельское ученіе о любви къ ближнему“. Очень вѣроятно, что есть люди, прикрывающіе космополитизмомъ полное отсутствіе любви къ кому бы то ни было, но этотъ же упрекъ можно съ неменьшимъ правомъ бросить въ лицо и многимъ „патріотамъ своего отечества“, этимъ „кваснымъ и елейнымъ патріотамъ“, прикрывающимъ овечьей шкурой патріотизма хищные инстинкты наигрубѣйшаго эгоизма и корысти.

„Правда, Спаситель нашъ заповѣдалъ любовь, но Своимъ примѣромъ показалъ, что любовь должна идти отъ центра къ окружности, а не наоборотъ. Спаситель любилъ свою родину Іерусалимъ и скорбѣлъ о немъ; посылая Своихъ учениковъ на проповѣдь, Онъ имъ заповѣдалъ идти сперва къ своимъ, а потомъ къ чужимъ“. Употреблять частицу „но“, говоря о любви Единороднаго Сына „Бога—Любовь“,—грубое кощунство. Именно, никакого „но“ не было въ любви Того, Кто пришелъ проповѣдывать для *всѣхъ*, пострадать за *всѣхъ*, *всѣхъ* спасти. Что Спаситель любилъ Іерусалимъ и скорбѣлъ о немъ, доказываетъ только, что, любя весь міръ, все человечество, Онъ, между прочимъ, любилъ и Іерусалимъ и жителей Іерусалима, что не помѣшало Ему ни грозно осуждать лицемерныхъ фарисеевъ Іерусалима, ни выгнать торгующихъ изъ храма Іерусалимскаго, ни предсказать и допустить разрушеніе Іерусалима и, такимъ образомъ, не показать ни малѣйшихъ признаковъ Іерусалимскаго патріотизма, по современнымъ ходячимъ представленіямъ о патріотизмѣ.

Изъ того, что Спаситель заповѣдалъ Апостоламъ идти сперва къ своимъ, а потомъ къ чужимъ, логично вытекаетъ, что мы, русскіе, должны, не другіе народы пересуживать, а позаботиться прежде всего, исцѣлить многочисленныя гнойныя язвы нашего отечества, нашихъ соплеменниковъ, не гордиться нашею цивилизаторскою дѣятельностію въ Азіи, а позаботиться о возстановленіи поруганнаго образа и подобія Божія въ представителяхъ всѣхъ слоевъ родного намъ православнаго, русскаго люда, помня мудрыя слова: „Врачу исцѣлся самъ“. Изъ этого логично вытекаетъ, что мы, православные, должны не язычниковъ, не мусульманъ, не евреевъ, ни даже уніатовъ, ни даже штундистовъ обращать въ православіе, а прежде всего позаботиться о томъ, чтобы, не уклонившіеся отъ православія

(погибшие дѣти Израилевы), тѣ, которые продолжают ходить въ православные храмы, исполнять православные обряды и безпрекословно нести всѣ православныя повинности, чтобы они перестали быть грубыми язычниками по убѣжденіямъ, симпатіямъ и жизни, чтобы они перестали дѣлать зло и научились дѣлать добро, чтобы они не позорили и Россіи и Православія, не умѣя и не желая ни думать, ни чувствовать, ни жить по вѣрѣ. Вотъ, что вытекаетъ изъ этихъ словъ Спасителя міра, а не что другое.

„Космополитизмъ осужденъ Богомъ, и первая дерзкая попытка его—столпотвореніе—жестоко наказана“. Кому не извѣстно, что столпотвореніе было наказано, какъ дерзкое проявленіе недовѣрія къ Богу, какъ безумная попытка сопротивленія Ему?! Кто осмѣлится сказать, что, наказывая столпотвореніе, Богъ осудилъ международную любовь или совмѣстную дружную дѣятельность многихъ народовъ для достиженія одной общей цѣли?! При чемъ же тутъ космополитизмъ или патріотизмъ. Что это софизмъ или насмѣшка?! Надъ кѣмъ тутъ издѣваются?! Къ чему все пріемлютъ имя Божіе?! Богъ, наказавшій столпотвореніе, непременно накажетъ и тѣхъ, кто посягнетъ покуситься сдѣлать Его орудіемъ своей вражды, орудіемъ достиженія земныхъ цѣлей, вмѣсто того, чтобы смиренно быть орудіемъ въ рукѣ Его.

„Правильное, естественное распространеніе любви: сперва на свою собственную семью, затѣмъ на друзей, на сослуживцевъ, на весь свой народъ и, слѣдуя постепенности, на родственные славянскіе народы“. Зачѣмъ же не договаривать; тутъ очевидно за центръ принимается свое, эгоистичное „я“, ну а гдѣ же мѣсто для Бога, въ этой „любви, идущей отъ центра къ окружности, а не наоборотъ“?! Очевидно, такое распространеніе любви—правильно, естественно только для закорюзлаго язычника, грубаго эгоиста, для того, кто живетъ безъ Бога, для того „нечестивца“, о которомъ псалмопѣвецъ говоритъ, что во всѣхъ помыслахъ его „нѣтъ Бога“. Очевидно, что такое распространеніе любви не только неправильно и неестественно, но чудовищно и невозможно для всякаго, сознательно вѣрующаго христіанина, который помнитъ, что не его эгоистичное „я“, а „Богъ—Любовь“ долженъ быть центромъ для всей вселенной и всего сущаго, для всякаго, кто помнитъ слова Спасителя міра „Кто мать Моя и братья Мои?.. кто будетъ исполнять волю Божію, тотъ Мнѣ братъ, и сестра, и мать“. (Марка III, 33—35). „Кто любитъ отца и мать болѣе, нежели Меня... и кто любить сына или дочь болѣе, нежели Меня, недостоинъ Меня“ (Матвея X, 37). „Если кто приходитъ ко Мнѣ и не возненавидитъ отца своего, и матери, и жены, и дѣтей, и братьевъ, и сестеръ, а притомъ и самой жизни своей, тотъ не можетъ быть Моимъ учени-

комъ“ (Луки XIV, 26), для всякаго, кто помнитъ и понимаетъ Его притчу о добромъ Самарянѣ, кто не забылъ словъ Его Апостола „Нѣтъ ни Еллина, ни Іудея... но все и во всемъ Христосъ“ (Ап. Пав. къ Коллоссянамъ, гл. III, ст. 11).

Очевидно, съ христіанской точки зрѣнія, если можно говорить о „правильномъ и естественномъ распространѣніи любви отъ центра къ окружности“, центромъ этимъ долженъ быть никто иной, какъ „Богъ—Любовь“, а правильное и естественное распространеніе истинно-христіанской любви, при этомъ, будетъ постепенность нравственного уровня любимыхъ нами людей отъ богоподобія до скотоподобія, переходя отъ вдохновенія радостной любви, черезъ самоотверженіе скорбной любви, до ревности по Богѣ святаго гнѣва любви негодующей, безразлично къ какой національности, къ какому вѣроисповѣданію, къ какой бы степени родства ни принадлежали представители этихъ разновидностей грѣшнаго человѣчества.

Ораторъ, говоря „о правильномъ, естественномъ распространѣніи любви: сперва на собственную свою семью, затѣмъ на друзей, на сослуживцевъ, на весь свой народъ и, слѣдуя постепенности, на родственные славянскіе народы“, исходитъ, очевидно, не изъ христіанской точки зрѣнія, говоритъ, очевидно, о томъ, что есть, а не о томъ, что быть должно, формулируетъ, не законы христіанской любви, а законы грубаго эгоизма, не только извиняющаго, но и узаконяющаго все зло жизни „по обычаю міра сего“. Такая апофеоза грубаго эгоизма, жертвующаго интересами семьи ради „центрального я“, интересами родныхъ и друзей ради интересовъ собственной семьи, интересами сослуживцевъ ради интересовъ друзей и кумовьевъ, интересами отечества ради интересовъ сослуживцевъ, интересами славянъ ради интересовъ Россіи, интересами всего остальнаго человѣчества ради интересовъ славянъ и, наконецъ, интересами Бога ради интересовъ человѣчества,—такая апофеоза—великій соблазнъ.

Выдавать правильные и естественные законы распространѣнія грубаго эгоизма за правильные и естественные законы самоотверженной христіанской любви и грѣшно передъ Богомъ и жестоко относительно православнаго русскаго люда, въ умахъ и сердцахъ котораго и безъ того, право, достаточно хаоса.

Исповѣдать громко Христа и правду Его, при такихъ обстоятельствахъ, было насущною потребностью христіанской совѣсти. Молчать было бы лицемеріемъ и фарисействомъ, а я помню грозныя слова Спасителя и Бога моего: „Горе вамъ, книжники и фарисеи лицебры“.

ИСТОРИЧЕСКОЕ
ПРИЗВАНІЕ
РУССКАГО ПОМѢЩИКА.

Много, очень много было и говорено и писано о достопамятномъ днѣ 19 февраля 1861 года. Такъ много и говорено и писано, что эти нѣсколько словъ: „реформа 19 февраля 1861 года“ начинаютъ принимать характеръ подмѣченный авторомъ „Оскудѣнія“ за словами: „незабвенная грамота Императрицы Екатерины II“, этого излюбленнаго припѣва однообразной пѣсенки дореформенныхъ дворянскихъ собраній.

Всего 20 лѣтъ прошло со дня безспорно великаго событія, обусловившаго собою начало новой эры въ жизни русскаго народа, а намъ уже кажется, что фактъ реформы со всѣми своими послѣдствіями обсужденъ такъ всесторонне, что возвращаться къ этому вопросу значить повторять давно извѣстное и пріѣвшееся или, словами пословицы, переливать изъ пустого въ порожнее.

И, дѣйствительно, самый фактъ освобожденія крестьянъ отъ крѣпостной зависимости подвергся если не всестороннему, то, во всякомъ случаѣ, весьма многостороннему обсужденію. Нельзя, по моему мнѣнію, сказать того же относительно новаго положенія, созданнаго этимъ событіемъ для русскаго общества, многіе классы котораго и по сегодня не потрудились уяснить себѣ выпадающее на ихъ долю историческое призваніе.

Какъ русскаго помѣщика меня особенно занималъ вопросъ о новомъ историческомъ призваніи, выпадающемъ на долю русскаго помѣщика; объ немъ мы и поведемъ рѣчь.

Для тѣхъ, кого не остановило названіе моей брошюры, кто захотѣлъ узнать, что скрывается подъ громкой фразой: „Историческое призваніе русскаго помѣщика“ спѣшу пояснить, что я понимаю подъ словами „историческое призваніе“ вообще.

Всякое слово есть кличка, даваемая извѣстному понятію, иногда и очень сложному. Съ тѣхъ поръ, какъ человечество стало жить умственной жизнью, постоянно нарождаются все новыя и новыя отвлеченныя понятія; обыкновенно ихъ втискиваютъ въ узкія рамки старыхъ словъ, значеніе которыхъ вслѣдствіе этого постоянно измѣняется, отчего и происходитъ часто случающаяся невозможность понять другъ друга, благодаря различному содержанію, вкладываемому въ одно и то же слово. Помимо этого, въ головѣ у каждаго изъ насъ обрѣтается изрядное количество словъ, надъ внутреннимъ

содержаніемъ которыхъ мы мало или и совсѣмъ не задумывались, слова эти вызываютъ въ нашемъ умѣ рядъ туманныхъ образовъ съ самыми неопредѣленными очертаніями. Но и этого не достаточно; только сравнительно малое число людей живетъ умственной жизнью, сознательно относясь ко всему окружающему, вдумываясь въ значеніе фактовъ, ими самими наблюдаемыхъ, и тѣхъ словъ, помощью которыхъ мы знакомимся съ опытомъ и умственной работою прежнихъ поколѣній; громадное большинство живетъ на вѣру, принимая, какъ догматъ, всякій отрывокъ мысли, высказанный уважаемымъ имъ авторитетомъ, совершенно не вникая въ значеніе тѣхъ понятій, на которыя авторитеты не обратили ихъ вниманія; всѣ же слова, выражающія эти послѣднія понятія, они кое-когда слышатъ и невольно запоминаютъ, не вкладывая въ нихъ рѣшительно никакого содержанія. Такъ какъ для нихъ эти слова вполнѣ бесодержательны, то сочетаніе нѣсколькихъ такихъ словъ они называютъ пустою фразою, наборомъ словъ, и человѣка, выражающагося этими мудреными словами, фразеромъ.

Къ типу такихъ мудреныхъ словъ принадлежитъ и выраженіе: „историческое призваніе“.

Итакъ я позволю себѣ небольшое отступленіе, чтобы, прежде чѣмъ перейти къ вопросу объ историческомъ призваніи русскаго помѣщика, твердо установить то, что я разумѣю подъ историческимъ призваніемъ вообще; надѣюсь достигнуть тѣмъ двухъ результатовъ: избѣгнуть недоразумѣнія со стороны лицъ, можетъ быть вкладывающихъ въ совокупность этихъ двухъ словъ нѣсколько другое понятіе, чѣмъ я то дѣлаю, и оградить себя отъ нежелательнаго эпитета фразера со стороны тѣхъ, у кого со словами „историческое призваніе“ не связывается ровно никакого представленія.

Я увѣренъ, что въ умахъ очень многихъ слова „историческое призваніе“ будятъ весьма туманное представленіе о чемъ-то героическомъ на мистической подкладкѣ. Они помнятъ, что евреи считали своимъ историческимъ призваніемъ истребленіе невѣрныхъ филистимлянъ и дарованіе міру Мессіи, при чемъ первое было имъ приказано, а второе обѣщано Іеговою. Они утопая въ патріотическомъ чувствѣ читали во многихъ современныхъ русскихъ газетахъ завѣщеніе, что историческое призваніе русскаго народа есть объединеніе славянства при помощи чудо-богатырей доблестнаго русскаго воинства и утвержденіе православія тѣми же героическими средствами; они съ негодующей ироніей вспоминаютъ о мусульманахъ, считавшихъ своимъ историческимъ призваніемъ, завѣщаннымъ Аллахомъ и его пророкомъ, всемірное завоеваніе и распространеніе магометанства.

Во всѣхъ этихъ случаяхъ общаго въ понятіи объ историческомъ

призваніи является идея о роли, обязательно принимаемой на себя частью человѣчества въ комедіи общечеловѣческой жизни; при чемъ неуклонное исполненіе этой роли обѣщаетъ всякія блага, а уклоненіе отъ нея фатально ведетъ къ конечной гибели провинившихся.

Мы опредѣлили историческое призваніе какъ роль, обязательно принимаемую на себя частью человѣчества въ комедіи общечеловѣческой жизни. Очевидно, только уяснивъ себѣ внутреннее значеніе комедіи, мы можемъ понять, чѣмъ должно руководствоваться человѣчество для угаданія роли, выпадающей на долю каждого. Игнорировать общій смыслъ комедіи своей жизни оно могло только до тѣхъ поръ, пока роли въ ней раздавались; съ тѣхъ поръ какъ оно дошло до сознанія, что роль, выпадающая на долю каждого, должна быть имъ самимъ угадана, ему необходимо ознакомиться съ внутреннимъ смысломъ комедіи, чтобы не впасть въ самыя грубыя ошибки при выборѣ и исполненіи своей роли.

Я надѣюсь, что меня не упрекнутъ въ излишней смѣлости, если я скажу, не предугадывая цѣлей будущихъ поколѣній, что до сихъ поръ человѣчество всегда и вездѣ стремилось къ одной общей цѣли возможно полному удовлетворенію своихъ потребностей или, другими словами, къ наивысшему счастью. Громадное разнообразіе способовъ, помощью которыхъ человѣчество въ разные времена стремилось къ достиженію все той же цѣли, происходитъ исключительно отъ различныхъ, сообразныхъ съ міровоззрѣніемъ каждого, взглядовъ на то, удовлетвореніе которой изъ его потребностей сулитъ ему наибольшую сумму счастья.

Для уясненія моей мысли я приведу въ примѣръ типы людей, дѣйствующихъ въ силу самыхъ крайне противоположныхъ міровоззрѣній; возьмемъ столпника, безпутнаго мота, узкаго эгоиста-карьериста и высоко развитого философа-утилитариста; мы увидимъ, что всѣ они дѣйствуютъ побуждаемые тѣмъ же утилитарнымъ стимуломъ наивысшаго счастья, каждый сообразно со своимъ болѣе или менѣе рациональнымъ міровоззрѣніемъ.

Начнемъ со столпника. Это были люди въ первые времена христіанства, ради угожденія Богу проводившіе цѣлые мѣсяцы стоя неподвижно на одномъ мѣстѣ, столбѣ или башнѣ. Многие съ негодованіемъ отвергнувъ для этихъ благочестивыхъ людей названіе утилитариста, а между тѣмъ они несомнѣнно были утилитаристами, только очень высокой пробы. Постараемся на минуту усвоить себѣ міровоззрѣніе столпника, задача не совсѣмъ легкая для многихъ въ нашъ вѣкъ скептицизма, и мы увидимъ, что побуждаемый желаніемъ достигнуть наибольшаго счастья, наибольшей удовлетворенности, онъ непремѣнно долженъ былъ поступать именно такъ, какъ поступалъ. Прежде всего онъ вѣрилъ во Всемогущаго, Всевѣдущаго, Все-

благаго Бога и вѣрилъ въ загробную жизнь; земная жизнь для него была мгновениемъ, но мгновениемъ рѣшавшимъ его судьбу въ будущей, вѣчной, загробной жизни; вѣчное блаженство или вѣчныя муки, смотря потому какъ жилъ на этой землѣ. Весь вопросъ сводился къ тому, какъ жить? Рѣшался онъ очень просто: когда Сынъ Божій сошелъ на землю для спасенія рода человѣческаго, *попринимавшаго передъ Всемоушимъ Творцемъ вселенной, подвижничествомъ, мученичествомъ* искупилъ Онъ грѣхъ Адама. Конечно, Христосъ искупилъ весь родъ человѣческій, но и всякій человѣкъ, желающій воспользоваться искупительною жертвою, долженъ собственнымъ подвижничествомъ причаститься страданіямъ Христовымъ. Какъ не трудно для многихъ стать на эту точку зрѣнія, не забудемъ, что многіе изъ нашихъ современниковъ поступаютъ хуже, не отказываясь отъ міровоззрѣнія столпника, не имѣя въ то же время ни мужества, ни честности сообразовать свои дѣйствія съ своими убѣжденіями.

Итакъ, по понятіямъ столпника, налагая на себя страшно мучительныя испытанія въ теченіе кратковременной земной жизни, онъ тѣмъ обезпечивалъ себѣ вѣчное блаженство; отказываясь удовлетворять *минутныя* потребности своего земного существованія, онъ обезпечивалъ на вѣчныя времена удовлетвореніе своей единственной *вѣчной загробной потребности*. Это ли не утилитаризмъ?! Конечно утилитаризмъ; по понятіямъ столпника, нельзя было дѣйствовать болѣе разсчетливо, болѣе практично.

И мотъ, весело живущій изо дня въ день, всѣмъ существомъ своимъ отдаваясь наслажденію минуты, не жалѣя о прошедшемъ, не думая о будущемъ, равнодушный къ судьбамъ современнаго ему общества, и онъ тотъ же безсознательный утилитаристъ, убѣжденный въ своей наивности, что именно та жизнь, какую онъ ведетъ, и дастъ человѣку наибольшую сумму счастья и потому наиболѣе разумна и практична.

Если многимъ казалось трудно примирить понятіе объ утилитаристѣ съ понятіемъ о религіозномъ фанатикѣ и безпечномъ жуирѣ, то современныхъ карьеристовъ и аферистовъ, напротивъ, признаютъ утилитаристами почти всѣ, а между тѣмъ, въ глазахъ философа, они утилитаристы болѣе наивныя, чѣмъ предыдущіе. Дѣйствительно, они только о томъ и помышляютъ, какъ бы устроить свою жизнь возможно выгоднѣе и счастливѣе, воображая въ то же время, что ихъ выгоды и счастье не только не солидарны съ выгодами и счастьемъ современнаго имъ общества, но даже часто діаметрально противоположны между собою; и вотъ эти несчастные, въ погонѣ за счастьемъ, дѣлаютъ изъ своей жизни каторгу, ужасное сплетеніе лжи, надувательства, интригъ, зависти, ненависти, униженія и горделивости.

Сознательный утилитаристъ знаетъ что его счастье не только

солидарно, но и вполне неразрывно связано со счастьемъ всего человѣчества, для него немислимо счастье среди несчастныхъ; и вотъ онъ старается растолковать толпѣ элементарную истину, что только въ счастливомъ человѣчествѣ гарантировано счастье каждаго изъ индивидовъ его составляющихъ, что счастье состоитъ въ возможно полномъ удовлетвореніи всѣхъ потребностей физическихъ, нравственныхъ, интеллектуальныхъ и что достигнуть счастья человѣчество можетъ, только дѣйствуя сообща въ виду достиженія общихъ цѣлей, а не безпорядочнымъ хищничествомъ подъ прикрытіемъ пословицы: „всякъ за себя, а Богъ за всѣхъ“.

Толпа и его пожалуй не назоветъ утилитаристомъ, а скорѣе обозоветъ безплоднымъ мечтателемъ, промѣнявшимъ личное счастье на роль непрошеннаго поборника химеры общечеловѣческаго благополучія, она не пойметъ, что нѣтъ у него большей потребности, какъ потребность быть апостоломъ правды, что для него нѣтъ большаго счастья, какъ счастье быть ловцомъ людей, пробуждая совѣсть и разумъ въ лѣнивыхъ умахъ и сердцахъ своихъ современниковъ.

Теперь моя мысль достаточно ясна и читатель, надѣюсь, согласится, что во всѣ времена человѣчество стремилось разными путями, сообразно съ міровоззрѣніемъ каждаго вѣка и народа, къ одной общей цѣли, возможно большому счастью, что слѣдовательно и будетъ искомымъ смысломъ комедіи или вѣрнѣе пролога къ будущей неизвѣстной намъ жизни человѣчества.

Въ общемъ стремленіи всего человѣчества къ счастью, ежеминутно извѣстная часть его, будь то народъ, отдѣльный классъ лицъ или наконецъ отдѣльная личность, бываетъ поставлена силою обстоятельствъ въ возможность съ наименьшею затратою силъ и наибольшею вѣроятностію успѣха взяться за выполненіе какой-нибудь задачи, болѣе или менѣе важной для поступательнаго движенія человѣчества къ счастью; вотъ если такое положеніе угадано, то и принимается соответствующая роль подъ названіемъ историческаго призванія.

Отсюда само собою вытекаетъ второе, вполне тождественное съ первымъ, но болѣе полное, а потому и болѣе понятное, опредѣленіе того, въ какомъ значеніи я принимаю выраженіе: „историческое призваніе“. Мы опредѣлили историческое призваніе, какъ *роль обязательно принимаемую на себя частью человечества въ комедіи общечеловѣческой жизни*; теперь мы можемъ дополнить, что роль эта обязательно принимается *по тому, что именно этой части человечества въ силу извѣстныхъ обстоятельствъ всею легче ее исполнить*.

Конечно, всего чаще принимаютъ сильное желаніе за свое историческое призваніе. Извѣстно, что желать и знать есть двѣ вещи разныя, если все человѣчество желаетъ счастья, то далеко не всѣ люди знаютъ какъ его достигнуть.

Чѣмъ лучше человѣкъ знаетъ самого себя и окружающую его природу, тѣмъ само собою ближе онъ подходитъ къ пониманію истиннаго пути, ведущаго къ желаемой цѣли. Чѣмъ дальше отстоятъ міровоззрѣніе человѣка или цѣлаго народа отъ истинной природы вещей, тѣмъ, конечно, имъ труднѣе уразумѣть свое историческое призваніе.

Во всякомъ случаѣ, такъ какъ въ каждую данную эпоху непременно существуютъ такіа задачи на пути къ общечеловѣческому счастью, которыя, въ силу различныхъ обстоятельствъ, всего легче достижимы одни для извѣстнаго народа, другія для извѣстнаго класса общества и третьи для каждой отдѣльной личности, то и нельзя найти момента въ жизни человѣчества, когда бы хоть одинъ народъ, хоть одинъ классъ общества, хоть одно человѣческое существо не имѣло бы своего историческаго призванія.

Перехожу къ изложенію моихъ воззрѣній на историческое призваніе того общественнаго класса, къ которому и самъ принадлежу—класса русскихъ помѣщиковъ.

Читая наши газеты и журналы, я нигдѣ, никогда не находилъ ни малѣйшаго намека на то историческое призваніе, какое выпадаетъ на долю крупнаго землевладѣльца въ обновленномъ русскомъ обществѣ; нигдѣ ни малѣйшаго указанія на то, чтобы, не говоря русское общество, а хотя бы одна пишущая интеллигенція ожидала отъ насъ выполненія своего историческаго призванія или хотя бы только признавала за нами таковое.

Это роковое молчаніе можетъ быть объяснено двояко: или за нами дѣйствительно не признается никакого историческаго призванія, ни малѣйшей способности въ какой бы то ни было роли сослужить службу человѣчеству, или не находятъ нужнымъ растолковывать намъ, что мы есть и чѣмъ бы могли быть.

Всякая сила можетъ принести пользу или вредъ, смотря потому, на что ее употребляютъ; отказывать классу помѣщиковъ, одной изъ самыхъ могущественныхъ силъ въ государствѣ, въ признаніи за нимъ возможности приносить пользу—есть очевидный абсурдъ, заподозрить нашу интеллигенцію въ подобной нелогичности едва ли позволительно. Гораздо вѣроятнѣе, что она считаетъ своимъ долгомъ опекать классы общества болѣе слабыя въ матеріальномъ и умственномъ отношеніи, предоставляя намъ самимъ додумываться до того, чѣмъ мы должны быть и что должны дѣлать.

Спѣшу замѣтить для тѣхъ, кто готовъ увидѣть во мнѣ защитника и панегирика крупной поземельной собственности, что, не вдаваясь въ оцѣнку преимуществъ крупной или мелкой поземельной собственности для экономическаго положенія страны, вполнѣ признавая грустный фактъ безполезнаго существованія большинства

представителей нашего класса и не предпрѣшая вопросъ объ его будущности, я разсматриваю крупную поземельную собственность какъ фактъ существующій и продолжительность существованія котораго не можетъ быть исчислена даже приблизительно, разсматриваю ее какъ одну изъ могущественныхъ силъ государства, способную, какъ и всякая сила, быть употребленною съ пользою.

Подъ вліяніемъ разныхъ неблагоприятныхъ условій въ теченіе многихъ столѣтій не жилъ, а прозябалъ русскій народъ, коснѣя въ ужасающемъ невѣжествѣ съ его неразлучными спутниками—суетѣ, рѣемъ и бѣдностію. Безотрадно положеніе общества рабовъ, гдѣ каждый утѣшаетъ себя тѣмъ, что и у него есть рабы, на которыхъ онъ можетъ вымѣщать всю чашу горя и униженія, испытую имъ отъ своего барина, а между тѣмъ именно таково было положеніе русскаго человѣка, когда внизу цѣлой лѣстницы рабовъ послѣдній холопъ былъ жестокимъ и безконтрольнымъ баринкомъ для своей жены и дѣтей. Однообразно тянулись дни и годы, прошли столѣтія и русскій человѣкъ такъ свыкъся, сроднился со своимъ положеніемъ, что пересталъ вѣрить, почти пересталъ желать переменъ къ лучшему въ своемъ горемычномъ существованіи. Когда народъ доходитъ до такого положенія, когда жизнь всѣхъ его членовъ конструируется такъ или иначе не въ силу болѣе или менѣе сознательныхъ причинъ, а вслѣдствіе переходящей въ инстинктъ привычки, унаслѣдованной отъ отцовъ и дѣдовъ, тогда въ такомъ народѣ нѣтъ болѣе людей, а есть только грустные пародіи—по мѣткому выраженію Щедрина „игрушечнаго дѣла людишки“.

Ни реформы Императора Петра I, ни грамоты и указы Императрицы Екатерины II не проникли въ глубь этого рутиннаго существованія, ни на іоту не измѣнили отношенія русскихъ игрушечнаго дѣла людишекъ между собою; но вотъ 19 февраля 1861 года по слову русскаго царя однимъ разрядомъ рабовъ стало меньше въ Россіи, переменились взаимныя отношенія и заколыхалось русское море, и не успокоится оно, пока не выработаются новыя отношенія взаимныя прежнихъ, канувшихъ въ вѣчность.

Переменились отношенія, но измѣнились ли мы, русскіе, преуспѣли ли въ людей изъ игрушечнаго дѣла людишекъ?

Крестьяне, получивъ свободу отъ помѣщиковъ, надѣлены вмѣстѣ съ тѣмъ земельнымъ надѣломъ разнаго размѣра, въ количествѣ десятинъ, едва достаточномъ для прокормленія семьи и уплаты многоразличныхъ сборовъ и оброка. Предположимъ, что земли у него достаточно и что онъ можетъ не только связать концы съ концами, но и отложить что-нибудь про черный день; все же, чтобы получить возможно большій доходъ съ своего участка, ему необходимо знаніе, опытность, оборотливость; чтобы сохранить въ потѣ

лица собранныя крохи, ему надо уметь охранить себя и от деревенскаго кулака и от волостнаго писаря; надо, чтобы онъ не отдавалъ послѣдніе мѣдные гроши знахаркѣ за заговариванье больного ребенка или зачумленной скотины; надо, чтобы баба его отучилась отъ неряшливости, главной причины хроническихъ пожаровъ; надо, чтобы онъ позналъ хоть какую-нибудь радость въ жизни менѣе разорительную чѣмъ кабакъ. Для всего этого нужна умственная и нравственная выдержка, какихъ не можетъ дать школа, а можетъ дать одно воспитаніе.

Результаты отсутствія всѣхъ этихъ необходимыхъ условій благосостоянія по истинѣ ужасающи.

Газеты наполнены извѣстіями о накопленіи громаднхъ недоимокъ на всемъ пространствѣ Имперіи; извѣстія о плохихъ урожаяхъ, о томъ, что у крестьянъ не достаетъ сѣмянъ для обсемененія полей, вещь до того заурадная, что мы начинаемъ относиться къ ней съ возмущительнымъ хладнокровіемъ, упрямо отказываясь приравливать эти явленія къ страшному понятію о голодѣ. Не говоря о сѣверныхъ губерніяхъ, гдѣ крестьянинъ давно отвыкъ ѣсть хлѣбъ безъ примѣси древесной коры, даже въ богатой Малороссіи, у сравнительно достаточныхъ крестьянъ, уже къ началу весны не хватаетъ хлѣба на прокормленіе семейства. Ежегодно въ теченіе лѣта выгораютъ множество деревень; громадное количество скота уносится эпидемическими болѣзнями; въ цѣлыхъ губерніяхъ дѣти вымираютъ отъ дифтерита и другихъ причинъ, взрослые почти поголовно заражены сифилисомъ. Одинъ видъ несчастныхъ лачугъ, покосившихся, съ лохматыми соломенными крышами, съ крошечными оконцами, едва пропускающими тусклый свѣтъ чрезъ зеленоватобурые осколки стекла, надрываетъ душу.

Таково экономическое положеніе русскаго крестьянина. Не во гнѣвъ будь сказано господамъ народникамъ, изъ которыхъ одинъ въ публичной рѣчи, на праздникъ открытія памятника Пушкина, патетично говорилъ объ идеальномъ и нравственномъ образѣ простаго русскаго человѣка, и въ нравственномъ и въ умственномъ отношеніи этотъ простой русскій человѣкъ представляетъ не менѣе грустное зрѣлище. Неужели они не понимаютъ, что возгласить въ напыщенной рѣчи о томъ, что русскій крестьянинъ идеально чистъ и нравствененъ далеко не достаточно для того, чтобы сдѣлать его таковымъ; или они дѣйствительно раздѣляютъ его взгляды на вещи и не возвысились до болѣе здравыхъ идеаловъ, въ такомъ случаѣ имъ не остается ничего болѣе, какъ добиваться соответствующихъ измѣненій въ русскомъ законодательствѣ, чтобы на законномъ основаніи, совмѣстно со своимъ идеаломъ чистоты и нравственности, русскимъ крестьяниномъ, сожигать колдунѣвъ и колдуній, учить

жену и дѣтей по всѣмъ правиламъ „Домостроя“, и рѣшать общественныя дѣла при помощи большаго или меньшаго количества ведеръ водки.

Къ счастью не всѣ такъ думаютъ, многіе ужасаются и грустятъ, видя безотрадное и едва ли не ухудшающееся съ каждымъ годомъ положеніе русскаго мужика; у цивилизованныхъ народовъ „гнилаго“, запада, ужасаться и грустить о какомъ-нибудь злѣ—значить выискивать мѣры для борьбы съ нимъ; у насъ, исторически воспитанныхъ въ духѣ бездѣятельности, и скорбь и ужасъ имѣютъ болѣе платоническій характеръ. А между тѣмъ бываютъ обстоятельства, при которыхъ бездѣйствіе есть преступленіе, другія — при которыхъ бездѣйствіе есть гибель; въ такомъ государствѣ, гдѣ на одного фабричнаго рабочаго приходится 112 земледѣльцевъ (скажемъ для сравненія, что въ Англіи на 1 фабричнаго рабочаго приходится всего 8 человѣкъ земледѣльцевъ) закрывать глаза и бездѣйствовать въ виду отчаяннаго положенія крестьянина-земледѣльца—есть преступное и пагубное по своимъ послѣдствіямъ безуміе.

Неужели опытъ исторіи не научилъ насъ даже тому, что въ обществѣ начинающемъ пробуждаться отъ вѣковаго прозябанія къ новой болѣе свободной и интеллигентной жизни опасность для спокойнаго и мирнаго развитія всего государства тѣмъ большая, чѣмъ менѣе развита масса простаго народа; неужели неочевидно, что лучше и безопаснѣе имѣть дѣло съ человѣкомъ, дѣйствующимъ сознательно, чѣмъ съ двуногимъ готовымъ пойти на все за первымъ встрѣчнымъ, который сумѣетъ затронуть его фанатизмъ, грубые животныя инстинкты, или даже просто пообщать ему хлѣба.

Если до сихъ поръ агитаторы и не имѣли успѣха, то исключительно благодаря наивному предположенію, что достаточно принять не привлекательную внѣшность и грубый говоръ мужика, чтобы сдѣлать для него понятными самыя недоступныя для него разсужденія. И все-таки, видно, не совсѣмъ безплодны ихъ усилія, когда такъ часто слышатся сѣтованія, опасенія и требованія оградить крестьянъ отъ „тлетворныхъ ученій проходимцевъ“. Эти, такъ называемые проходимцы, большею частью принадлежатъ къ нашему интеллигентному пролетариату; оградить отъ нихъ крестьянина дѣйствительно нужно; есть между ними и честные люди, которые, поддаваясь вполне понятному въ ихъ положеніи нетерпѣнію, стараются увѣрить самихъ себя, что они чародѣи, способные моментально превратить вчерашняго холопа въ идеалъ доблестнаго гражданина по образцамъ древней Греціи и Рима; есть между ними и безчестные авантюристы, прикрывающіе свои мелкіе, личные интересы высокимъ знаменемъ гуманности и безкорыстія. Надо оградить крестьянина отъ тѣхъ и другихъ потому, что и тѣ и другіе могутъ только ввести его въ бѣду, ни на іоту не измѣнивъ его къ лучшему, ни на іоту не улучшивъ и его положенія.

Недостаточно, однако, ограждать крестьянъ отъ непрощенныхъ благодѣтелей; чтобы имѣть право сказать имъ, что они дѣйствительно непрощенные, надо взять въ свои руки то дѣло, которому одни такъ неумѣло, другіе такъ коварно служатъ, и дѣло это должны взять на себя именно мы, крупные землевладѣльцы. Да, именно мы и никто другой должны взять на себя дѣло улучшенія крестьянскаго быта въ экономическомъ, нравственномъ и умственномъ отношеніи, потому что мы всѣхъ болѣе въ этомъ заинтересованы, потому что мы одни имѣемъ право рассчитывать на удачное выполнение этой задачи, которая слѣдовательно и есть наше истинное историческое призваніе въ переживаемое нами время.

Всего болѣе заинтересованы мы въ этомъ дѣлѣ потому, что всего ближе стоимъ къ мужику, всего чаще сталкиваемся съ крестьяниномъ собственникомъ какъ сосѣди, съ крестьяниномъ—временно обязаннымъ, какъ полу-баре *), съ крестьяниномъ—работникомъ, какъ сельскіе хозяева и фабриканты.

Мы одни можемъ успѣшно исполнить эту задачу потому, что въ насъ однихъ соединяется сила матеріальная съ силою интеллектуальною. Какимъ бы гениемъ не обладалъ пролетарій, какъ бы высоко образованъ онъ не былъ, какъ бы ясно онъ не понималъ дѣйствительнаго положенія вещей, все же ему доступна одна только проповѣдь своихъ убѣжденій; обращенная къ народу это можетъ быть только или революціонная проповѣдь мщенія и ненависти или гласъ вопіющаго въ пустыни; не имѣя ни капитала, ни матеріала нужнаго для созиданія, они могутъ только разрушать; если же они настолько честны, что не захотятъ принять на свою отвѣтственность дѣла столь же кроваваго, сколько и сомнительнаго по своимъ результатамъ, для нихъ является фатальная необходимость обратиться къ намъ же съ проповѣдью мира и любви.

Призывая всѣхъ крупныхъ землевладѣльцевъ принять на себя это великое и славное дѣло, историческое призваніе къ которому выпадаетъ на ихъ счастливую долю, я разумѣю не однихъ насъ, частныхъ лицъ, но и правительство насколько оно само является крупнымъ землевладѣльцемъ. Какъ самый богатый и могущественный землевладѣлецъ въ Россіи, русское правительство безъ сомнѣнія можетъ принести и наибольшую пользу, служа для всѣхъ насъ примѣромъ, дѣлая въ огромномъ размѣрѣ то, что каждый изъ насъ будетъ дѣлать въ сравнительно маломъ.

Я надѣюсь, что мои старанія убѣдить моихъ соотечественниковъ въ томъ, что улучшеніе крестьянскаго быта въ Россіи и есть историческое призваніе помѣщика, не были вполнѣ бесплодны: у тѣхъ,

*) Брошюра эта была издана въ 1880 году.

кто со мною не согласенъ, я попрошу указать на дѣло болѣе необходимое для насъ самихъ, болѣе полезное для нашего отечества, болѣе симпатичное.

Какъ мы видѣли, мы одни можемъ, съ надеждою на успѣхъ, взяться за это дѣло; стоитъ только захотѣть. Ужели, мы не захотимъ?! Въ такомъ случаѣ всякому честному человѣку останется только отвернуться отъ насъ съ сожалѣніемъ и сказать: „*Quem Iupiter perdere vult-dementat*“.

Многіе изъ насъ, даже и убѣдившись въ томъ, что дѣйствительно надо было бы приняться за это дѣло, скажутъ со свойственною всему русскому обществу дряблостью и апатіей: „гдѣ ужъ намъ!“— „хорошо говорить, а что и какъ сдѣлать“ и т. д. и т. д. все въ томъ же тонѣ возмущающаго душу презрѣнія къ собственной личности. А сдѣлали ли мы хоть что-нибудь въ этомъ направленіи, чтобы имѣть право рисоваться въ позахъ изнеможенія и утѣшать себя сознаніемъ своего безсилія, если только это сознаніе можетъ служить утѣшеніемъ, а не поводомъ къ самому мрачному отчаянію.

Посмотримъ, каковы мы, какъ мы живемъ и какъ бы устроилась наша жизнь, еслибы, стряхнувъ съ себя ветхаго человѣка, одушевленные столь же полезною для насъ, сколько и высоко-симпатичною идеею, мы приступили бы къ выполненію нашего дивнаго историческаго призванія.

Каковы мы?

Не стану описывать какъ классъ до-реформенныхъ помѣщиковъ преобразился въ пеструю амальгаму, какую мы теперь изъ себя представляемъ; картина этого превращенія очерчена яркими красками авторомъ „Оскудѣнія“. Возьму классъ помѣщиковъ такимъ, каковымъ онъ есть въ данную минуту. Состоитъ онъ изъ представителей родовитаго дворянства, уцѣлѣвшихъ въ эпоху оскудѣнія и полного исчезновенія изъ рядовъ помѣщиковъ болѣе несчастныхъ или болѣе сумасбродныхъ сосѣдей, и изъ самыхъ разнообразныхъ типовъ Подъугольниковыхъ и Сладкопѣвцевыхъ, этихъ бывшихъ подрядчиковъ и приказныхъ, милостію капитала ставшихъ нашимъ братомъ помѣщикомъ.

Между всѣми ими есть люди слишкомъ закорюзлые или слишкомъ бѣдно одаренные природою, чтобы примириться съ новымъ порядкомъ вещей, понять новые идеалы, восходящіе на горизонтъ человѣческой мысли, сознать свое новое положеніе, приступить къ изученію новой роли: одни остаются старымъ дореформеннымъ баринимъ, всѣмъ недовольнымъ, скучающимъ въ своей брюзгливой бездѣятельности или раздраженнымъ самодуромъ, у котораго Богъ рога отнялъ; другіе—все тѣми же плутами подрядчиками, жестокими кулаками, невыносимо педантичными, узкими буквоѣдами при-

казными, однимъ словомъ тѣми же игрушечнаго дѣла людишками, какими сдѣлала ихъ жизнь, какими они и умрутъ въ минуту, когда прекратится ихъ жалкое, призрачное существованіе.

Не для нихъ пишу я эти строки; я знаю и сердца и умы ихъ застыли въ каменную массу; не измѣнить ихъ воззрѣній лучамъ ослѣпительной правды, не смягчить ихъ сердца, ни раздирающему воплю человѣческихъ страданій, ни райскому гимну надежды и любви.

Съ радостію и полнымъ убѣжденіемъ я говорю, что такихъ людей незначительное меньшинство; большинство не устраиваетъ своей жизни болѣе рационально только въ силу инерціи, рутины, неразвитости, невозможности сосредоточиться въ круговоротѣ свѣтской жизни.

Особенно къ вамъ обращаюсь я молодыя, честныя силы, заглушаемыя вихремъ свѣтскихъ удовольствій, къ вамъ, чей умъ иногда тоскуетъ, чье сердце иногда щемитъ непонятными болью и тоскою; умъ вашъ жаждетъ знанія, сердце—свѣтлой дѣятельности; упоеніе блескомъ и весельемъ, повѣрьте, только временный паліативъ; благодаря имъ вы можете забыться, но не въ нихъ вы найдете удовлетвореніе. Блескъ сдѣлается мишурою, веселіе тяжелою маскою; счастье ваше если подъ старость, въ концѣ безсодержательной, пошлой жизни и умъ и сердце ваши успѣютъ окаменѣть настолько, чтобы водворилось въ нихъ безмолвіе могилы.

Безразлично, дѣти бывшихъ баръ, откупщиковъ, кулаковъ или подьячихъ, многіе изъ насъ получили университетское образованіе, многіе бывали за-границей, многіе гордятся міровоззрѣніемъ, основаннымъ на послѣднихъ данныхъ естествознанія и философіи; неужели же они остановятся на полъ-пути, неужели примирятся съ фальшью жизни не только не сообразующеюся съ этимъ міровоззрѣніемъ, но даже прямо противоположной ему.

А какъ мы живемъ?

Какъ живемъ!

Прежде всего для будущаго помѣщика не считается нужнымъ получить образованіе, соотвѣтствующее его общественному положенію, и потому образованіе мы получаемъ самое разнообразное отъ свѣтски-домашняго до университетскаго, преимущественно по юридическому факультету; воспитываемся и въ лицѣ, и въ школѣ правовѣдѣнія, и въ пажескомъ корпусѣ, и въ юнкерской школѣ; только одинъ есть разрядъ заведеній, въ который мы никогда не заглядываемъ,—агрономическія школы и академіи отечественныя и иностранныя.

Если мы и приготавливаемся къ жизни самыми разнообразными способами, то живемъ, напротивъ всѣ по одному шаблону. Исходя,

вѣроятно, изъ положенія, что жизнь сама для себя служитъ цѣлью, мы ѣдимъ, пьемъ и спимъ для того, чтобы жить, и живемъ, чтобы пить, есть и спать; въ промежутки между этимъ единственнымъ дѣломъ нашей жизни мы *убиваемъ* время, каждый сообразно со своимъ вкусомъ и способностями, другими словами занимаемся разнообразнымъ спортомъ.

Поступаемъ ли на государственную службу, гражданскую или военную, служимъ ли по выборамъ, занимаемся ли хозяйствомъ или просто жуируемъ; все это, и служба, и всякія занятія, и даже прожиганіе жизни является у насъ какимъ-то скучнымъ спортомъ, однообразнымъ убиваніемъ времени по всѣмъ правиламъ свѣтскаго этикета.

Такъ какъ и служба для насъ спортъ, то мы рѣдко дѣлаемся порядочными администраторами или выборными дѣятелями даже и въ самомъ скромномъ значеніи слова „порядочный“. За исключеніемъ сравнительно малаго числа людей, случайно или по протекціи дѣлающихъ „блестящую карьеру“ большинство изъ насъ, поигравъ въ службу, обыкновенно очень скоро выходитъ въ отставку и по большей части предается прожиганію жизни, этому самому излюбленному способу убиванія времени.

Не имѣя рѣшительно никакого понятія объ естественныхъ наукахъ и нахватавшись кой-какихъ поверхностныхъ свѣдѣній изъ двухъ—трехъ книгъ по специальнымъ вопросамъ, тѣ немногіе изъ насъ, которые пробуютъ заняться хозяйствомъ, могутъ только вести его или рутинно или по вдохновенію; первое скучно, второе разорительно; въ обоихъ случаяхъ рано или поздно дѣла сдаются на руки управляющимъ, что точно также случается неизбежно и при обращеніи помѣщика въ бюрократа и при обреченіи имъ себя на жуирство.

Нужно ли пояснять, что значить прожигать жизнь, жуировать: вино, карты, продажныя женщины—все это въ громадномъ излішствѣ, до пресыщенія; въ формѣ болѣе изящной въ столицѣ, болѣе грубой въ провинціи.

Наконецъ, самые безобидные изъ насъ ограничиваются сущностью того, что мы привыкли называть свѣтскою жизнью, то есть умѣренно ѣдятъ, пьютъ и спятъ и неумѣренно предаются невиннымъ свѣтскимъ удовольствіямъ, каковы: визиты, театры, концерты, и балы на пикантномъ соусѣ сплетень и любовныхъ интригъ. Достигнувъ извѣстнаго возраста они женятся, потому что такъ принято, часто для поправленія разстроенныхъ обстоятельствъ, почти никогда по страстному влеченію. Женившись, продолжаютъ прежнюю свѣтскую жизнь, иногда, для разнообразія, перекочевывая за границу, гдѣ опять ѣдятъ, пьютъ, спятъ, посѣщаютъ театры и т. д. до безконечности, обращаясь иногда на старости лѣтъ въ жуировъ.

Безъ сомнѣнія много честныхъ, хорошихъ натуръ нарождается между нами; только почва подъ ногами уже очень не способствуетъ ихъ самобытному развитію. Именно, къ тому, что въ нихъ есть честнаго и хорошаго, они не найдутъ сочувствія въ окружающихъ; напротивъ, все соединится для того, чтобы лишить ихъ малѣйшихъ слѣдовъ оригинальности. Рано или поздно они вернутся къ шаблонному существованію всѣхъ; или добровольно въ то время, когда еще борются рано, а поддержка необходима, или поневолѣ, разбитые непосильною борьбою одного противъ цѣлаго общества.

Общее у всѣхъ насъ полное отсутствіе идеаловъ, рутинное убиваніе времени въ лучшую пору жизни, недовольство собою или давящая скука въ старости послѣдствія на мелочи растроченной силы, даромъ потраченной жизни.

Пора намъ страхнуть съ себя, сковывающую насъ апатію, проникнуться сознаніемъ великаго историческаго призванія, выпадающаго намъ на долю, устроить нашу жизнь сообразно съ нашимъ новымъ взглядомъ на вещи и приготовить изъ дѣтей нашихъ честныхъ и болѣе насъ искусныхъ дѣятелей.

Для успѣха намъ необходимы силы физическія, матеріальныя, умственныя и нравственныя.

Въ физическихъ силахъ—здоровьѣ мало кто изъ насъ чувствуетъ недостатокъ; ѣсть, пить, спать и заниматься спортомъ чему другому, а здоровью вредить не можетъ; тѣ же, чье здоровье пострадало отъ чрезмѣрнаго прожиганія жизни, почувствуютъ перемену къ лучшему отъ новой, болѣе регулярной жизни на чистомъ деревенскомъ воздухѣ.

Нравственною силою нашею будетъ любовь къ дѣлу, сознаніе положительной пользы, ежеминутно нами приносимой и возвышающее душу уваженіе къ себѣ, какъ поборнику святаго дѣла выполненія своего историческаго призванія.

Татъ какъ я говорю исключительно о крупныхъ землевладѣльцахъ, то, казалось бы, у нихъ, какъ людей богатыхъ, въ матеріальныхъ средствахъ недостатка быть не можетъ; всякій изъ насъ хорошо знаетъ, какъ это предположеніе ошибочно. Владѣя громаднымъ количествомъ десятинъ земли, можно получать съ нихъ очень мало дохода. Неумѣніе хозяйничать, нерасчетливое расходование и того, что мы получаемъ съ нашихъ неустроенныхъ имѣній, жизнь не по средствамъ, какъ слѣдствіе нашего соперничества съ финансовою аристократіей въ пусканіи пыли въ глаза—все это обуславливаетъ существованіе у насъ такой аномаліи, какъ нуждающіеся крупные землевладѣльцы, находящіе единственный исходъ изъ своего затруднительнаго положенія въ продажѣ за безцѣнокъ своихъ громадныхъ имѣній. До сихъ поръ это явленіе могло быть даже вы-

годно для нашего отечества, переводя земли въ болѣе дѣятельныя руки, раздробляя ее на меньшіе участки; что впрочемъ сомнительно, такъ какъ и мелкіе собственники ведутъ у насъ по большей части не болѣе интенсивное хозяйство, а новые крупные помѣщики являются заурядъ просто хищниками—аферистами. Для нашего дѣла это во всякомъ случаѣ будетъ служить громаднымъ тормазомъ, такъ какъ очень рѣдко новый пріобрѣтатель будетъ настолько развитъ и честенъ, чтобы понять и немедленно приступить къ выполненію историческаго призванія неразрывно соединеннаго съ его новымъ положеніемъ.

Поправить свои матеріальныя средства мы можемъ или болѣе расчетливою и благоразумною жизнію или увеличивая запасъ нашихъ умственныхъ силъ, пріобрѣтая знаніе, которое дастъ намъ возможность извлекать изъ нашихъ имѣній въ десять разъ болѣе доходъ. Во всякомъ случаѣ мы можемъ, устроившись въ деревнѣ со всѣмъ комфортомъ, какой только желаемъ, принести громадную пользу, тратя въ то же время на дѣло десятую часть тѣхъ суммъ, которыя мы тратили на бездѣлье нашей безцѣльной, quasi-веселой жизни въ столицѣ.

Наконецъ, запасъ нашихъ умственныхъ силъ, знанія, является нашимъ самымъ больнымъ мѣстомъ. Для улучшенія быта крестьянина, для соотвѣтствующаго воспитанія нарождающихся поколѣній, намъ необходимо близкое знакомство съ условіями той мѣстности, гдѣ намъ придется жить и дѣйствовать; необходимо близкое знакомство съ окружающею насъ природою, силами которой мы хотимъ научить крестьянина пользоваться. А, между тѣмъ, мы только по наслышкѣ знакомы съ мужикомъ и совсѣмъ не знакомы съ естественными науками, этой азбукой тѣхъ специальныхъ знаній, которыя могутъ быть для насъ и для народа наиболѣе полезными.

Мы видѣли, что бытъ крестьянина необходимо улучшить и въ нравственномъ, и въ умственномъ, и въ экономическомъ отношеніи. Само собою, даже и одностороннее улучшеніе его быта исключительно въ одномъ изъ трехъ названныхъ отношеній благоприятно повліяетъ на все его существованіе. Улучшая исключительно экономическое положеніе крестьянина, мы всего менѣе имѣемъ права рассчитывать на соотвѣтствующее улучшеніе его положенія и въ нравственномъ и въ умственномъ отношеніи. Напротивъ, улучшеніе его положенія въ этихъ двухъ послѣднихъ отношеніяхъ, непременно приведетъ и къ поднятію его хозяйства, при томъ гораздо болѣе прочному чѣмъ въ первомъ случаѣ.

Начнемъ съ малаго. Въ каждой деревнѣ есть нѣсколько семействъ изнемогающихъ подъ бременемъ нужды; вдовы не держащія земельнаго надѣла, обремененныя 5—6 дѣтьми въ маломъ возрастѣ; для

начала возьмемъ хоть по одному ребенку изъ подобныхъ семействъ каждой деревни на воспитаніе. Помѣстимъ ихъ не въ хоромахъ нашихъ, а въ простой избѣ только опрятной, свѣтлой и теплой; приставимъ къ нимъ добраго стараго дядьку, который бы ходилъ за ними подъ зоркимъ нашимъ наблюденіемъ. Ласковое, справедливое обхожденіе, отсутствіе дурныхъ примѣровъ смягчатъ ихъ нравы, дасть имъ понятіе о честности. Удѣлимъ имъ по 2—3 часа въ день, во время которыхъ, разговаривая, исподволь будемъ пробуждать сознание въ ихъ дѣтскихъ головкахъ, любопытство къ окружающей ихъ природѣ и такимъ образомъ мало-по-малу ознакомимъ ихъ съ элементарными свѣдѣніями относительно почвы, которую ему придется пахать, жизни растенія, которое онъ будетъ выращивать на этой почвѣ, правъ и обязанностей его по Русскому законодательству. Если намъ самимъ не достанетъ времени, охоты или умѣнія на это, наймемъ учителя или учительницу, не забывая, что при выборѣ этомъ необходима величайшая осмотрительность; формализмъ, педантичное отношеніе къ дѣлу все погубило бы, не только не способствуя развитію ребенка, а, напротивъ, вселяя въ него отвращеніе и къ учителю и къ тому, что онъ говорить.

Когда дѣти достигнутъ надлежащаго возраста, приучимъ ихъ къ труду сознательному, и дѣло они полюбятъ, и аккуратно его исполнять. Небольшая ферма съ полемъ, огородомъ, молочнымъ хозяйствомъ и садикомъ была бы очень пригодна для этого; пусть наши воспитанники сами исполняютъ всѣ работы на этой фермѣ, при чемъ выручка можетъ быть выдаваема или на руки воспитанникамъ въ видѣ поощренія, или, еще лучше, капитализироваться съ цѣлью выдать каждому небольшую сумму при выходѣ.

Къ этому времени мы успѣемъ приобрести нужныя знанія для рѣшенія вопроса о томъ, какими мѣрами можно поднять крестьянское хозяйство въ данной мѣстности.

Общаго рецепта для улучшенія экономическаго положенія русскаго крестьянина, конечно, нѣтъ и быть не можетъ; мѣры, должствующія привести къ желаемой цѣли, также разнообразны, какъ разнообразны экономическія условія различныхъ мѣстностей нашего обширнаго отечества. Мнѣ кажется, что различныя промышленныя ассоціаціи, земледѣльческія артели, отдача крупными землевладѣльцами участковъ земли въ арендное пользованіе крестьянамъ, устройство эмеритальныхъ кассъ, болѣе рациональная постановка кратко-срочнаго кредита—все это безъ сомнѣнія принесетъ громадную пользу подъ непремѣннымъ условіемъ предварительнаго повышенія умственнаго и нравственнаго уровня крестьянъ.

Правительство, конечно, не откажется помочь намъ въ столь благомъ дѣлѣ.

Наши воспитанники, если только мы сумѣемъ сдѣлать изъ нихъ людей значительно опередившихъ остальныхъ крестьянъ и въ нравственномъ и въ умственномъ отношеніи, а съ тѣмъ вмѣстѣ имѣющихъ и болѣе шансовъ достигнуть лучшаго экономическаго положенія, станутъ служить краснорѣчивымъ примѣромъ для своихъ односельчанъ, которые, послѣ этого сами будутъ добиваться такой же участи и для своихъ дѣтей.

Одновременно съ этимъ мы можемъ значительно поднять мѣстную школу, если таковая существуетъ; предоставивъ у себя даровой столъ и помѣщеніе учителю или учительницѣ, мы дадимъ возможность принять на себя эту обязанность людямъ болѣе образованнымъ; заведя библіотеку или и того лучше читальню, мы сразу неизмѣримо повысимъ полезность школы, давъ крестьянамъ возможность оставаться грамотными на всю жизнь, а не дѣлаться безграмотными лѣтъ черезъ десять по выходѣ изъ школы, благодаря неимѣнію книгъ для чтенія. Къ тому же грамотность сама по себѣ не можетъ быть цѣлью, доставляя непосредственно нѣкоторыя практическія удобства въ жизни, она есть главнымъ образомъ средство для дальнѣйшаго самоусовершенствованія помощью чтенія дѣльных книгъ.

Народныя читальни съ приманкою туманныхъ картинъ; незатѣйливые вокальные концерты съ живыми картинками въ исполненіи нашихъ воспитанниковъ и съ полнымъ доступомъ для всѣхъ; чайное заведеніе со скромнымъ органчикомъ—все это, смотря по тому, насколько умѣло мы поведемъ дѣло, можетъ послужить средствами отвлеченія крестьянъ отъ кабака.

Принимая такое живое участіе въ жизни народа, намъ само собою невозможно будетъ оставаться безучастными зрителями общественныхъ неурядицъ губернскихъ и уѣздныхъ, что выработаетъ изъ насъ болѣе энергичныхъ гласныхъ.

Замѣтимъ, что дѣло это не требуетъ отъ насъ ни малѣйшей жертвы, потому что странно было бы назвать таковою промѣну пошлой и безсодержательной жизни свѣтскаго жуира или спортсмена—чиновника на полную живого интереса и утѣшительную по своимъ результатамъ дѣятельность помѣщика и воспитателя, создающаго будущее благоденствіе своего народа. Намъ надо только вдуматься въ свое положеніе, убѣдиться въ томъ, что дѣйствительно воспитаніе народа есть наше историческое призваніе и имѣть честность, разъ усвоивъ себѣ это убѣжденіе, сообразовать съ нимъ нашу жизнь.

Еслибы мой слабый голосъ могъ дѣйствительно убѣдить людей моего класса въ необходимости взять это дѣло въ свои руки; еслибы, одновременно, на всемъ пространствѣ Россійской Имперіи круп-

ные землевладельцы и во главѣ ихъ правительство взяли за дѣло народнаго воспитанія съ любовью и энергіей, Россія сдѣлалась бы неузнаваемою въ сравнительно короткій промежутокъ времени. Не останавливаясь на этой несбыточной мечтѣ, я хочу вѣрить, что въ массѣ нашихъ помощиковъ найдутся люди, которые примутъ на себя инициативу этого движенія. Какъ и всякій инициаторъ, эти личности будутъ, конечно, обладать необходимыми энергіей и настойчивостью; они положатъ всѣ силы своего ума и своего сердца на выполнение своей задачи и, можетъ быть, рано или поздно своимъ примѣромъ и, особенно, достигнутыми результатами они заставятъ общественное мнѣніе перейти на свою сторону, а съ тѣмъ вмѣстѣ увлекутъ за собою и тѣхъ, для кого общественное мнѣніе замѣняетъ и умъ, и сердце, и совѣсть.

Закончу обращеніемъ за содѣйствіемъ къ нашимъ матерямъ, женамъ и сестрамъ. Обращаюсь къ нимъ какъ къ гражданкамъ, христіанкамъ и женщинамъ. Гражданкамъ я могу только повторить все то, что говорилъ ихъ отцамъ, мужьямъ и братьямъ, историческое призваніе которыхъ онѣ всецѣло раздѣляютъ; и онѣ могутъ быть не менѣе полезны, приготовляя женъ и разумныхъ помощницъ для нашихъ воспитанниковъ. Христіанкамъ предстоитъ святое апостольское дѣло проповѣди любви къ ближнему, любви къ Богу добра и правды среди людей, которыхъ жизнь отучила отъ любви, которые въ Богѣ видятъ только грознаго судью, обрекающаго за всякій проступокъ на вѣчныя мученія ада. Наконецъ, въ особенности обращаюсь къ нимъ, какъ къ женщинамъ, чье сердце умѣетъ любить и сочувствовать страданіямъ ближняго; сердце подскажетъ имъ, что я говорю правду; сердце подвинетъ ихъ на дѣло добра и справедливости, сердце и вознаградитъ тѣхъ изъ нихъ, кто промѣняетъ холодные столичные пиры на сердечное доброе дѣло въ деревнѣ.

Москва, сентябрь 1880 года.

СОВѢСТЬ.

Стимулъ забытый профессоромъ Иванюковымъ при перечисленіи стимуловъ, обусловливающихъ чело-
вѣческія дѣянія.

СТРАНИЦА ИЗЪ ЖИЗНИ

ПОМѢЩИКА.

Громадною полосою вдоль полуночныхъ странъ и далеко въ глубь Азіи и Европы раскинулись наша матушка святая Русь. Долго, долго, въ безбрежной снѣжной равнинѣ, подъ непривѣтливомъ сѣрымъ небомъ, царили тишь да гладь да божья благодать: только завывали вѣтры буйные, откликались имъ волки голодные, да мелькали во тьмѣ ночной святые лампады церковныя. Въ суровой странѣ жили и люди суровые; жили они не мудрили, жили по божьему. Какъ стрясется надъ ними бѣда лютая, поникнуть они головушками своими неудачливыми, покорятся тому, что имъ на роду написано, да такъ и застынутъ покорливые среди застывшей родной земли. А бывало кликнетъ кличъ богатырь родной, распалятся сердца молодецкіе и понесутъ свои буйныя головушки за вѣру-ли православную противъ бусурманина поганого, за матушку-ли святую Русь съ Кузьмою свѣтъ Мининымъ или въ приволье степное за Стенькой Разинымъ да Емелькой Пугачевымъ; и потѣшатъ они свои силы молодецкія пока не обручить ихъ острый мечъ съ матерью сырой землей; нападетъ снѣжокъ, саваномъ бѣлымъ покроетъ соколовъ ясныхъ, богатырей родныхъ неудачливыхъ и по прежнему завоюетъ вьюга леденящая, да замелькаютъ во тьмѣ ночной святые лампады церковныя.

Но вотъ подулъ къ намъ теплый вѣтеръ, западный. Пронеслись по святой Руси непонятныя слова, откликъ съ запада. Полюбились намъ два словечка „свобода“, на память пришли — степи вольныя, да разгулъ молодецкій съ Стенькой Разинымъ, и „прогрессъ“ слово мудреное, слово заморское, нашему уму не способное, понатужились, пораздумали, всякъ про себя на свой ладъ рѣшилъ.

Вотъ именно въ то время какъ всякъ про себя на свой ладъ рѣшалъ, что такое прогрессъ и распалялись сердца молодецкія при словѣ свобода, я имѣлъ честь родиться на святой Руси.

Родился я въ семьѣ честной, дворянской; предки при святомъ Невскомъ изъ Варягъ пришли, испомѣстило ихъ вѣче Новгородское, во бояры ставили цари Московскіе, пожогъ ихъ вотчины царь Грозный, Великій Петръ въ Венецію учить послалъ; мудрецовъ въ роду не запомнили, а служили вѣрой правдою въ знатныхъ чинахъ царю православному.

По примѣру дѣдовъ и прадѣдовъ, вѣроятно, и я бы служить пошелъ. Добрымъ молодецъ сіялъ бы дослѣхами ратными и закончилъ бы жизнь безмятежную сановникомъ знатымъ звѣздами украшеннымъ, некрологомъ чувствительнымъ увѣчанымъ. Да на роду такъ видно не было написано. Порѣшили родимый мой батюшка съ родимой моею матушкой прогресса ради въ университетъ отдать.

Съ поступленіемъ въ университетъ для меня началась иная жизнь, позвольте читатель и заговорить съ вами другимъ языкомъ.

Не могу сказать, чтобы я жилъ студенческою жизнью, студентовъ знакомыхъ у меня почти не было. Сильное вліяніе оказало на меня слушаніе университетскихъ лекцій. Многіе талантливые профессора и во главѣ ихъ Рѣдкинъ производили на меня глубокое впечатлѣніе, читая лекціи они священнодѣйствовали, въ каждомъ словѣ ихъ слышались и страстная любовь и почти религіозное почитаніе науки; они заразили меня жаждою знанія. Съ каждымъ днемъ одна за другою порывались мои связи со свѣтскимъ обществомъ; съ каждымъ днемъ я все болѣе и болѣе привязывался къ моимъ любимымъ книгамъ и онѣ все чаще и чаще дарили меня минутами неземнаго счастья. Одинъ за другимъ восходили передо мною въ своей величавой простотѣ идеалы завѣщанные человѣчеству его лучшими представителями всѣхъ вѣковъ и народовъ. Подъ ихъ вліяніемъ все болѣе и болѣе опредѣленно сложилось новое для меня міровоззрѣніе и все ярче и ярче выступалъ порожденный новымъ міровоззрѣніемъ свѣтлый идеалъ. Все сильнѣе и сильнѣе билось молодое сердце и чѣмъ сильнѣе оно билось страстнымъ желаніемъ торжества этого лучезарнаго идеала, тѣмъ глубже и глубже становилась пропасть отдѣлявшая меня отъ дѣйствительности.

Выйдя изъ университета я былъ весь пропитанъ идеальными стремленіями и не имѣлъ ни малѣйшаго понятія объ условіяхъ дѣйствительной жизни.

При первомъ столкновеніи съ людьми я увидѣлъ, что не только почти никто не раздѣляетъ моего образа мыслей, но, что очень многіе относятся къ нему прямо враждебно.

Мнѣ оставалось одно изъ двухъ: или отказаться отъ взлелѣяннаго мною идеала, забыть то, что любилъ въ теченіи пяти лѣтъ моей уединенной студенческой жизни, вновь полюбить то, что возненавидѣлъ или сдѣлаться борцомъ за тѣ идеи правды и добра, которыя были моимъ убѣжденіемъ, моею надеждою. Первое было для меня невозможно, второе неисполнимо. Чтобы бороться съ чѣмъ либо необходимо знать то, противъ чего борешься, только въ такомъ случаѣ возможенъ удачный выборъ оружія и плана борьбы; я рѣшился на полу-мѣру знакомую многимъ, не отказавшись отъ моихъ убѣжденій, схоронилъ глубоко въ сердцѣ лучезар-

ный идеалъ и попробовалъ жить какъ живутъ другіе въ ожиданіи чего-то неопредѣленно-лучшаго въ будущемъ. Говорятъ многіе привыкаютъ къ этому положенію, оно скоро сдѣлалось для меня невыносимо и, о ужасъ! сдѣлалось невыносимо благодаря угрызениямъ совѣсти. Я отсюда вижу презрительныя улыбки при этомъ неприличномъ словѣ—„совѣсть“.

По моему это слово только оклеветано; совѣсть несомнѣнно существуетъ въ человѣкѣ и я ясно понималъ, что она такое въ то время, когда почувствовалъ ея угрызения.

Чтобы объяснить тотъ психическій процессъ, который въ обществѣ принято называть угрызениями совѣсти, я позволю себѣ небольшое отступленіе.

Всякій человѣкъ въ теченіи своей жизни набирается впечатлѣній; совокупность всего, что онъ самъ испыталъ, чему научился изъ книгъ или отъ другихъ людей, что не замѣтно для него самаго какъ бы въ видѣ инстинкта унаслѣдовано имъ отъ предковъ, вліяетъ на его міровоззрѣніе; всѣ эти факторы послѣ болѣе или менѣе продолжительной борьбы между собою вступаютъ въ компромиссъ, результатомъ котораго является, такъ сказать установившееся міровоззрѣніе. Міровоззрѣніе есть слѣдовательно упорядоченная сумма познаній даннаго человѣка; сообразно съ тѣмъ, что человѣкъ знаетъ получается соотвѣтствующее нѣчто, что онъ желаетъ; совокупность всѣхъ desiderata и порождаетъ тотъ идеалъ, къ которому человѣкъ стремится. Все, что согласно съ его міровоззрѣніемъ человѣкъ называетъ *правдою*, все, что согласно съ его идеаломъ онъ называетъ *добромъ*. Всякое дѣйствіе, направленное къ тому, что онъ называетъ добромъ и, слѣдовательно, способствующее осуществленію его идеала, онъ признаетъ *нравственнымъ*. Все, что не согласуется съ идеаломъ, онъ называетъ *зломъ*. Всякое дѣйствіе, направленное къ тому, что онъ называетъ зломъ, и, слѣдовательно, противодѣйствующее осуществленію его идеала, онъ признаетъ *безнравственнымъ*. Эту мѣрку добра и зла, нравственнаго и безнравственнаго онъ прилагаетъ и къ собственнымъ дѣйствіямъ и къ дѣйствіямъ другихъ людей. Въ отношеніи поступковъ другихъ людей это вызываетъ съ его стороны одобреніе или порицаніе; по отношенію къ самому себѣ самоодобреніе и самопорицаніе въ совокупности и составляетъ то, что мы называемъ *совѣстью*.

Поступая сообразно съ нашими понятіями о добрѣ и нравственности, мы получаемъ пріятное ощущеніе гармоніи между нашими поступками, а слѣдовательно и нами самими, и нашимъ идеаломъ; мы говоримъ при этомъ, что чувствуемъ одобреніе совѣсти. Человѣкъ, приведенный страстью или силою обстоятельствъ къ необходимости сдѣлать поступокъ, который признается имъ за злой или

безнравственный, непременно ощутить въ своемъ сознаниі диссонансъ или, другими словами, почувствуетъ угрызения совѣсти.

Какъ бы мало человѣкъ не былъ развитъ, у него непременно существуетъ какое бы то ни было міровоззрѣніе, существуетъ и кое-какой, можетъ и очень мизерный идеалъ, а слѣдовательно и понятія о добрѣ и злѣ, нравственномъ и безнравственномъ, существуетъ фатально и совѣсть.

Стремленіе отрицать въ человѣкѣ совѣсть происходитъ, какъ мнѣ кажется, главнымъ образомъ отъ двухъ причинъ.

Мы слишкомъ склонны примѣнять собственную мѣрку понятій добра и зла, нравственного и безнравственного при сужденіи о стимулахъ вызвавшихъ дѣйствія другихъ людей. Человѣка, поступающаго по нашимъ понятіямъ безнравственно и не чувствующаго при этомъ за собою ни малѣйшей вины, мы называемъ безсовѣстнымъ человѣкомъ, забывая при этомъ, что его понятія о нравственномъ и безнравственномъ могутъ нѣсколько не совпадать съ нашими понятіями, вытекаая изъ совершенно отличнаго отъ нашего міровоззрѣнія, ихъ міровоззрѣніе породило для нихъ и совершенно отличный отъ нашего идеалъ. Совѣсть у нихъ безъ сомнѣнія есть, только совѣсть своя, а не наша.

Для человѣка, принявшаго христіанское міровоззрѣніе, Богъ есть величайшее добро, его идеалъ; все, что согласно съ волею Божіей, и будетъ для него добрымъ и нравственнымъ; поступокъ, не согласный съ волею Божіей, непременно породитъ въ немъ угрызения совѣсти.

Онъ объясняетъ это врожденнымъ, таинственнымъ свойствомъ души человѣческой, но вѣдь тутъ дѣло въ одномъ объясненіи. Отказываясь отъ христіанскаго міровоззрѣнія, странно отрицать существованіе въ человѣкѣ чувства совѣсти только на томъ основаніи, что христіанинъ даетъ этому чувству объясненіе, которое вы не можете принять, или потому, что совѣсть въ васъ не заявляетъ о себѣ въ тѣхъ случаяхъ, когда, согласно съ христіанскими понятіями о нравственности, она должна была бы заявить о себѣ съ наибольшею силою.

Итакъ, совѣсть есть ощущеніе присущее всякому человѣку и при томъ чѣмъ міровоззрѣніе человѣка болѣе опредѣленно, чѣмъ ясное обрисовался въ его умѣ идеалъ, тѣмъ, само собою, съ большею страстностью онъ будетъ ратовать въ пользу того, что онъ призналъ добрымъ и нравственнымъ; тѣмъ съ большею силою будетъ заявлять себя совѣсть при каждомъ уклоненіи отъ пути, признаннымъ имъ за прямой путь къ идеалу.

Я уже сказалъ, что, окончивъ курсъ университета, я рѣшился попробовать, по невозможности въ данную минуту чего другого,

жить какъ всѣ живутъ. Поступивъ въ министерство Иностранныхъ Дѣлъ, я былъ прикомандированъ къ императорскому посольству въ Мюнхенѣ. Не долго продолжалось для меня безмятежное парханіе по театрамъ, придворнымъ баламъ и дипломатическимъ раутамъ. Эта жизнь была слишкомъ не согласна съ моимъ идеаломъ и вотъ совѣсть заговорила настойчиво, повелительно при такихъ обстоятельствахъ, при которыхъ, для людей съ другими идеалами, она расточала бы вѣроятно свои сладчайшія улыбки. Въ теченіи трехъ лѣтъ я постоянно путешествовалъ, живя то за границею, то въ Петербургѣ, то въ провинціи и успѣлъ за это время спуститься на землю изъ отвлеченныхъ сферъ, куда было занесла меня наука, и нѣсколько осмотрѣться.

Ни міровоззрѣніе мое, ни идеалы отъ этого существенно не измѣнились, зато для меня все болѣе и болѣе уяснились тѣ способы, какими я бы могъ послужить къ осуществленію на дѣлѣ моего идеала.

Вотъ какимъ представлялось мнѣ, да и теперь представляется то общество, среди котораго мнѣ выпало на долю жить и дѣйствовать.

Многія реформы и крупныя реформы были завершены, а всѣмъ казалось между тѣмъ, что это еще только начало, почти ничто, а что нѣчто заправское, хорошее, гдѣ-то впереди. Объ этомъ нѣчто заправскомъ и хорошемъ страшно много мечтали, а оно все не приходило, будто все осталось по прежнему. Крестьянинъ свободенъ, а ожидаемаго преображенія съ нимъ отъ этого ни на другой, на третій день реформы не послѣдовало. Дано земство и опять-таки засѣдающіе въ немъ гласные не только въ мудрецовъ, но даже и въ заправскихъ гражданъ не обратились, а остались все тѣми же обывателями русскими. И возопили всѣ разочарованные гласомъ велиемъ. Пошелъ стонъ по землѣ православной. Какія это намъ дали реформы, это не тѣ, не заправскія; дайте намъ реформы заправскія, о тогда, тогда... тогда вышло бы только, что и онѣ не заправскія.

Дѣло въ томъ, что подъ вліяніемъ реформъ несомнѣнно измѣнились социальныя учрежденія, но люди остались все тѣ же; несомнѣнно, что новыя социальныя учрежденія мало-по-малу повліяютъ воспитательно на людей, по своему умственному и нравственному уровню далеко до нихъ не доросшихъ, но сдѣлается это мало-по-малу черезъ нѣсколько поколѣній. Я глубоко убѣжденъ, что какъ для общества людей, умственно и нравственно высоко развитыхъ, немислимы социальныя учрежденія не соответствующія ихъ умственнымъ и нравственнымъ качествамъ, такъ точно немислимы и высшія формы социальныхъ учрежденій для общества людей съ низкимъ умственнымъ и нравственнымъ уровнемъ. Исторія всѣхъ вѣковъ и всѣхъ народовъ всегда укрѣпляла во мнѣ это убѣжденіе.

Не так думают многие присяжные оракулы нашей родины, не так думает и масса молодежи, находящаяся под их влиянием.

По их учению социальные учреждения обладают чудодѣйственною силою преобразовать людей, они даже не вполне точно опредѣляютъ, что за социальные учреждения составляютъ предметъ ихъ воздыханій, ясно только, что эти учреждения очень мало сходятся съ нынѣ существующими.

Новые социальные учреждения не подѣйствовали, никого не преобразили, давайте намъ другія, тѣ ужъ навѣрное преобразятъ. Но эти еще лучшіе социальные учреждения не даровывались. А почему не даютъ? Кто виноватъ? Ну конечно, тѣ, что невѣрятъ въ наше рекомендованное и патентованное универсальное средство. Такъ намъ дать не хотятъ! Хорошо! Мы и сами возьмемъ,—и разсѣялось многое множество увлекающихся, заблуждающихся, часто беззавѣтно преданныхъ мечтѣ своей добрыхъ молодцевъ по всему широкому лицу земли русскія толковать народу рѣчи непонятныя, мудренныя и ко многому, многому злу прибавилось еще многое, многое зло на святой Руси.

А между тѣмъ, гоняясь за призракомъ еще лучшихъ социальныхъ учреждений, никто не думалъ дѣлать и того, что вполне возможно было сдѣлать и при существующихъ.

Помѣщики наши кутили, кутили, кутили и проживались, проживались, проживались; полиція предупреждала, предупреждала, предупреждала; интеллигенція писала, писала, писала и говорила, говорила, говорила, а бѣдная молодежь въ погонѣ за жарь-птицею все гибла, гибла и гибла.

Мертвямъ холодомъ повѣяло на меня отъ этой картины бѣдствій, тупаго равнодушія и дикаго безумія.

Для меня было ясно, что вѣка рабства исковеркали и умъ и нравственные качества полу-одичалаго крестьянина, что выше силъ его стать на ноги безъ посторонней помощи, что необходима дружеская рука, дружескій совѣтъ, чтобы при ихъ помощи умственно и нравственно дорости до своего новаго социального положенія; что безъ посторонней поддержки, при исключительной помощи воспитательнаго дѣйствія новыхъ социальныхъ учреждений, бѣдный крестьянинъ-собственникъ еще въ теченіе многихъ поколѣній оставался бы при умственномъ и нравственномъ уровнѣ, мѣшающемъ ему пользоваться и тѣми скромными благами, какія могли бы ему дать и учреждения нынѣ существующія. А что если къ этому прибавятся еще подталкиванія услужливыхъ друзей къ самому заправскому изъ всѣхъ заправскихъ идеаловъ социальныхъ учреждений, съ поученіями о томъ, что никакихъ такихъ умственныхъ и нравственныхъ качествъ впредь до обладанія жарь-птицею ему не тре-

буется, вѣдь въ такомъ случаѣ горемычный крестьянинъ-собственникъ, пожалуй, и еще больше въ тинѣ завязнетъ, а иной и совсѣмъ шею себѣ свернетъ.

Да, нуждается крестьянинъ въ другѣ; нуженъ ему другъ осмотрительный; нужно, чтобы этотъ другъ имѣлъ достаточно матеріальныхъ средствъ, чтобы помочь школѣ, завести бібліотеку, основать для крестьянскихъ дѣтей воспитательное заведеніе, учебную ферму или ремесленную школу; нуженъ другъ достаточно вліятельный въ данной мѣстности для того, чтобы защитить крестьянина отъ эксплоатации кулака, кабатчика или сельскаго писаря, защитить его интересы въ земскомъ собраніи, снабдить данную мѣстность, сообразно съ ея условіями, новыми кустарными промыслами или промышленными ассоціаціями. Кто же соединяетъ въ себѣ всѣ эти свойства? Мнѣ кажется, что тутъ не можетъ быть и минутнаго колебанія—конечно помѣщикъ. Дѣло только за доброю волею.

Такъ думалъ я и въ первый разъ отъ души порадовался, что и мнѣ доступно сдѣлать изъ этого святаго дѣла цѣль моей жизни.

Съ той минуты, какъ эта мысль назрѣла въ моемъ умѣ, оставаться долѣе въ дипломатическомъ корпусѣ для меня было невысказано.

Для успѣха задуманнаго мною, я считалъ нужнымъ приобрести нѣкоторыя свѣдѣнія по естественнымъ наукамъ, о которыхъ ни гимназія, это quasi общеобразовательное заведеніе, ни, само-собою, юридическій факультетъ университета, не дали мнѣ ни самаго малѣйшаго понятія. Я поступилъ въ Петровскую академію, гдѣ и пробылъ два года.

Конечно, если бы я одинъ занялся задуманнымъ мною дѣломъ, польза для Россіи отъ того была бы самою микроскопичною, я утѣшалъ себя надеждою, что въ будущемъ результаты моей дѣятельности увлекутъ многихъ представителей помѣщичьяго класса на ту же дорогу. Но вѣдь результаты моей дѣятельности получатся только черезъ десятки лѣтъ, но вѣдь я могу умереть не окончивъ начатаго; а между тѣмъ то, что я передумалъ и перечувствовалъ могли передумать и перечувствовать тысячи другихъ людей, находящихся въ положеніи схожемъ съ моимъ положеніемъ. Сколько полезныхъ мыслей, сколько плодотворныхъ желаній промелькнетъ въ умѣ и сердцѣ человѣка и промелькнетъ безслѣдно только потому, что они не были сформулированы, что они затерялись въ массѣ другихъ мыслей и желаній. Можетъ быть, моя мысль, громко выраженная найдетъ отголосокъ во многихъ умахъ, яркимъ пламенемъ раздуетъ искры добрыхъ желаній, едва теплившихся въ глубинѣ молодого сердца. Можетъ быть, моя мысль, запавъ въ умъ болѣе свѣтлый, въ сердце болѣе энергичное, будетъ несравненно лучше разработана,

несравненно удачѣе проведена въ жизнь, чѣмъ я ее разработалъ и осуществляю.

И вотъ, въ брошюрѣ „Историческое призваніе русскаго помѣщика“, изданной мною въ ноябрѣ прошлаго года, я обратился къ моему брату-помѣщику, призывая его приступить къ дѣлу, которое, по моему глубокому убѣжденію, составляетъ его историческое призваніе и потому нравственно обязательно для него, составляя въ то же время и лучший залогъ его собственнаго счастія.

Признаюсь, я думалъ, что большинство помѣщиковъ отнесется сначала къ моей брошюрѣ скептически, но рассчитывалъ на теплое сочувствіе интеллигенціи къ основной идеѣ, если бы подробности предлагаемаго мною плана дѣйствій и не заслужили одобренія.

Въ теченіи мѣсяца печать хранила относительно моей брошюры абсолютное молчаніе. Тѣ немногіе органы печати, которые удостоили мою брошюру отзывомъ въ текущемъ январѣ, были лаконичны но не двусмысленны. Ни сочувствія къ моей основной мысли, ни ожидаемыхъ дружественныхъ указаній относительно второстепенныхъ подробностей предложеннаго мною плана не послѣдовало. Меня, не мудрствуя лукаво, взяли да и освистали.

Это что за неприличныя мысли! Это что за неестественныя желанія! Такъ ты, не записавшись въ нашъ цехъ, да нашими патентованными дѣлами заниматься вздумалъ, народу благодѣтельствовать хочешь! Ахъ ты неосмысленное барское дитѣ етакое! Вотъ тебѣ, вотъ тебѣ, чтобъ и впредь не повадно было. Кути себѣ смиренхонько и знай, что для вашего брата помѣщика возвышенныя мысли содержать и полезными для народа дѣлами заниматься не положено; кути себѣ да и эксплоатируй, а вотъ мы отъ тебя народъ спасать будемъ; а то туда же благодѣтельствовать хочешь; да отъ кого же мы то народъ спасать будемъ. Да что и толковать, не время теперь благодѣтельствовать, когда мы еще самыхъ заправскихъ-то социальныхъ учрежденій не дождались; и наука, и исторія — все доказываетъ, что не время. Да и опять же неестественно съ твоей стороны; и наука, и исторія доказываютъ, что ты помѣщикъ долженъ быть пивкой, кровь изъ народа высасывать, а онъ туда же благодѣтельствовать вздумалъ!

Первыми заговорили „Отечественныя Записки“. Мою брошюру признали за нѣчто несказанно „невинное и наивное“; съ граціозною развязностью обозвали меня „высокомѣрно наивнымъ барскимъ дитѣ“. Вирочемъ, давъ тумака, осчастливили милостивымъ вниманіемъ; снисходительно погладили по головкѣ, ты, дескать, не печалься au dementant, ты дитѣ хорошее.

Газета „Порядокъ“ снисходительнымъ вниманіемъ не удостоила и даже кулакомъ пригрозила. Сдѣлавъ выписку изъ моей брошюры

съ описаніемъ безотрадной картины современнаго помѣщичьяго житья-бытья, газета говоритъ:

„Мы думаемъ, что было бы тщетно толковать объ историческомъ призваніи такого рода лицъ, если подъ словомъ „историческій“ разумѣть не то значеніе, въ какомъ употребилъ его однажды Гоголь — способность сдѣлать „исторію“. Историческое призваніе русскаго помѣщика и всякаго другого правильно можетъ заключаться въ историческомъ призваніи всего общества и народа. Специальныхъ призваній въ этомъ данномъ случаѣ нѣтъ, а если бы они и явились, то это было бы тѣмъ хуже для „спеціально призванныхъ“.

Очень развязно и очень туманно.

Не утѣшительнѣе для меня и отзывъ журнала „Мысль“. „Къ сожалѣнію“, говорится въ немъ, „быть можетъ изъ боязни напугать своихъ собратьевъ, онъ имъ ставитъ идеаломъ почти комически-мизерную дѣятельность, и въ этомъ можно видѣть впередъ полное фіаско его брошюры“.

Идеаль комически-мизерной дѣятельности, дѣятельность помѣщика и воспитателя, создающаго будущее благоденствіе народа!!!

Все это говорилось именно въ тѣхъ органахъ печати, которые издавна пользуются моимъ сочувствіемъ. Ни чувства огорченія, ни чувства оскорбленія, ни, къ моему собственному удивленію, во мнѣ не вызвали. Благодаря какому то загадочному психическому процессу, читая ихъ я сохранялъ самое безмятежное и благодушное настроеніе.

Убѣжденій моихъ они, само собою, ни на іоту поколебать не могли, такъ какъ возраженій никакихъ сдѣлано не было. Отвѣчать на глумленіе надо мною, моими братьями помѣщиками и тѣмъ дѣломъ, которое я имъ предлагаю, я находилъ совершенно излишнимъ.

Но вотъ въ январской книжкѣ журнала „Новое Обозрѣніе“ профессоръ Иванюковъ помѣстилъ по поводу моей брошюры статью „Одинъ изъ вопросовъ русской культуры“.

По своему содержанію статья эта возмутила меня до глубины души. Написалъ ее профессоръ, человѣкъ на обязанности котораго, какъ служителя науки, быть апостоломъ правды и добра. Слово его можетъ претендовать на авторитетность и потому я не считаю себя вправѣ долѣе молчать.

Не стану разбирать статью въ цѣлости: я не согласенъ почти ни съ однимъ словомъ ея. Обращу вниманіе только на основныя положенія, по моему мнѣнію, не доказанныя, но могущія произвести впечатлѣніе на умъ скромнаго читателя, который вздумаетъ пожить на профессорскій авторитетъ, это тѣмъ болѣе возможно, что эти бездоказательныя доказательства изложены такъ туманно, что скромный читатель можетъ предположить въ нихъ недоступную для него глубину премудрости.

Если на всемъ пространствѣ моего обширнаго отечества хоть одинъ изъ моихъ собратовъ помѣщиковъ усвоилъ мою мысль, проникся моимъ желаніемъ, а теперь, прочтя статью профессора Иванюкова, возвратится къ сомнѣнію и апатіи; если смущенный моимъ призывомъ среди вихря свѣтскихъ удовольствій, молодой помѣщикъ ушелъ въ самого себя и съ трепетнымъ восторгомъ чувствовалъ зарожденіе въ немъ новаго лучшаго человѣка, а теперь, прочтя статью профессора Иванюкова, возвратится въ омутъ свѣта, слезою проводивъ прекрасную мечту; къ нимъ, къ этимъ поколебленнымъ, полуобращеннымъ пусть донесется мое слово.

Не вѣрьте профессору, который говоритъ, что вы добро сдѣлаете не во время, что будто бы наука доказала, что „не измѣненіе нравовъ и теоретически моральныхъ понятій предшествуетъ перемѣнамъ въ социальныхъ отношеніяхъ, а послѣдніе обуславливаютъ собою перемѣну въ нравахъ и понятіяхъ“ (стр. 95).

Скажите ему, что социальные явленія слишкомъ сложны, чтобы можно было сказать съ увѣренностью, что то-то или то-то неизбѣжно предшествуетъ въ нихъ тому-то и тому-то. Скажите ему, что улучшенія въ бытѣ народномъ зависятъ отъ совокупнаго дѣйствія множества факторовъ; причемъ социальные учрежденія, умственный и нравственный уровень народа суть только три хотя и главныхъ, но далеко не единственныхъ и по крайней мѣрѣ между собою вполне равноправныхъ фактора этого сложнаго социального процесса.

Скажите ему, что пока онъ въ общемъ хорѣ будетъ писать, писать, писать и говорить, говорить, говорить о будущихъ якобы самыхъ заправски-прекрасныхъ социальныхъ учрежденіяхъ, мы не желаемъ сидѣть сложа руки, ожидая этого обѣтованнаго времени. Скажите ему, что, не взирая на запрещеніе его и его науки, мы позволяемъ себѣ съ сегодняшняго же дня приступить къ дѣлу улучшенія быта мужика въ умственномъ, нравственномъ и экономическомъ отношеніи, и позволяемъ себѣ думать, что крестьянинъ, благодаря этому, будетъ лучше подготовленъ къ принятію тѣхъ неизвѣстныхъ социальныхъ учрежденій, которыя неизвѣстно когда будутъ дарованы ему неизвѣстно кѣмъ.

Скажите ему, что вы не согласны платонически воздыхать о социальныхъ учрежденіяхъ, реализація которыхъ не отъ однихъ васъ зависитъ, а предпочитаете заняться дѣломъ, исполненіе котораго вполне для васъ доступно.

Прочтите слѣдующую выдержку изъ его статьи:

„Громадное большинство даже такъ называемыхъ образованныхъ людей знакомо, съ исторіей человѣчества весьма поверхностно: ему извѣстна главнымъ образомъ только политическая исторія, занимаю-

щая почти исключительное мѣсто въ учебникахъ и программѣ среднихъ учебныхъ заведеній“.

Скажите ему, что при этомъ, ему, которому извѣстна вѣроятно не одна политическая исторія изъ учебниковъ и въ программѣ среднихъ учебныхъ заведеній, не мѣшало бы лучше выбирать свои историческіе примѣры. Скажите ему, что примѣръ христіанства, примѣръ неудачный, примѣръ, который можетъ быть съ величайшимъ удобствомъ обращенъ противъ него самого.

„Тысяча лѣтъ“, говоритъ г. Иванюковъ, „прошло, какъ христіанская религія господствуетъ въ Европѣ, а социальный строй и христіанское ученіе продолжаютъ быть двумя противоположными полюсами“.

Скажите ему, что его же слова съ очевидностью доказываютъ вамъ ложность того положенія, которое онъ защищаетъ. Христіанство провозгласило новую идею всеобщаго братства совершенно неизвѣстную народамъ древняго міра. Распространеніе христіанства было несомнѣнно социальнымъ переворотомъ, съ нимъ вмѣстѣ несомнѣнно появились и новыя социальные учрежденія (напр. христіанскія общины первыхъ вѣковъ). Незначительность результатовъ получившихся при этомъ для умственного и нравственнаго преуспѣянія народовъ и установившихся социальныхъ отношеній, громко свидѣлствуетъ только о совершенномъ безсиліи социальныхъ учреждений не соответствующихъ умственному уровню народа ими обладающаго.

Не вѣрьте профессору Иванюкову и всѣмъ прочимъ клеветникамъ на природу человѣка вообще и на васъ въ частности.

„До сихъ поръ“, говоритъ онъ, „возможно лучшее удовлетвореніе матеріальныхъ потребностей, аффекты пола, интересы семьи, тщеславіе, честолюбіе, были господствующими страстями, господствующими стимулами, почти исключительно опредѣляющими дѣятельность громаднаго большинства людей“.

Безъ сомнѣнія все это и было и есть и, вѣроятно, будетъ могущественными стимулами, опредѣляющими дѣятельность людей, но способы удовлетворенія всѣхъ этихъ потребностей измѣняются съ измѣненіемъ умственного и нравственнаго уровня человѣчества, съ измѣненіемъ его идеала и неразрывной съ нимъ *соотности*, этого могущественнаго стимула упущеннаго г. Иванюковымъ изъ вида.

Скажите профессору, что ему не мѣшало бы припомнить, да и другимъ напомнить, что время разгула животныхъ инстинктовъ было время мрака и печали, что пора человѣчеству позабыть его безвозвратно; что въ наше время разумъ обратилъ дикое двуногое животное въ человѣка сознающаго, что только среди гармоническаго, счастливаго общества возможно полное безмятежное и достойное его удовлетвореніе всѣхъ присущихъ ему потребностей.

И профессоръ Иванюковъ и газета „Порядокъ“ оба цитировали изъ моей брошюры то мѣсто, въ которомъ я рисую неприглядную картину жизни большинства представителей класса помѣщиковъ.

„Но послѣ сдѣланной имъ характеристики“, говоритъ г. Иванюковъ, „мы недоумѣваемъ присутствію въ авторѣ вѣры, что этотъ классъ услышитъ призывъ“ и далѣе „Но въ томъ-то и бѣда, въ томъ-то и вся суть дѣла, что эти свойства не случайныя, не проходящія, а суть свойства, присущія классу крупныхъ землевладѣльцевъ всѣхъ странъ и вѣковъ“ (стр. 100).

На этотъ разъ я отвѣчу самъ. Да, вѣрна и не приглядна картина нарисованная мною; я нарисовалъ ее во всей ея неказистой наготѣ, нарисовалъ ее передъ глазами тѣхъ, кого описывалъ и къ кому обращена была моя рѣчь, надѣясь, что, узнавъ себя, многіе содрогнутся, многіе пожелаютъ лучшаго въ будущемъ, вдумаются въ то, что они есть, додумаются до того, чѣмъ они могли бы быть.

Вы желаете воспользоваться моимъ оружіемъ, чтобы вырвать надежду на возможность лучшаго будущаго; говорите: и вы, и отцы ваши были дурны, и твердою рукою пишете: „Lassiate ogni speranza“ и у меня рука не дрогнетъ и я не колеблюсь напишу, что, говоря такимъ образомъ, вы дѣлаете преступленіе. Да вы преступникъ и противъ человѣчества, для котораго можетъ быть много крови, и слезъ, и страданій было-бы предотвращено благодаря тому добродушному начинанію, которое вы такъ заботливо душили въ корнѣ, вы преступникъ и противъ науки, которую заставляете быть вашей общинницей въ этомъ дѣлѣ.

Какое право вы имѣете бросить въ лицо цѣлому классу вашихъ согражданъ возмутительное и оскорбительное обвиненіе въ никуда негодности, увѣрить его будто его прошлое и опытъ исторіи ручается за то, что оно не можетъ услышать призывъ человѣка вышедшаго изъ его среды, имѣющаго за собою его же прошлое?!

Если я представилъ не лестную для русскихъ помѣщиковъ картину ихъ быта, то могъ бы представить аналогичныя картины быта многіхъ другихъ классовъ русскаго общества, житье-бытье которыхъ знакомо мнѣ также хорошо, а можетъ быть и лучше житья-бытья помѣщичьяго. Могу васъ завѣрить, что картина вышла бы не болѣе привлекательною и что ни одинъ классъ русскаго общества не имѣетъ права кичиться передъ другими.

Да въ чемъ, наконецъ, можно и обвинять русскаго помѣщика: въ апатіи, апатіи, апатіи и безцѣльномъ убиваніи времени благодаря все той же апатіи. Не вы ли сами рекомендуете ему эту апатію, когда ротитесь, клянетесь и примѣромъ исторіи и авторитетомъ науки его убѣждаете, что эта самая апатія и есть и должна быть его самымъ естественнымъ свойствомъ.

Если вы себя считаете вправѣ относиться съ такимъ олимпийскимъ величіемъ, съ такимъ нескрываемымъ презрѣніемъ къ недостаткамъ помѣщиковъ, то какія же чувства должны мы питать къ другимъ классамъ русскаго общества?

Нисколько не увлекаясь пыломъ полемики, я, положивъ руку на сердце, долженъ признать, что во всемъ русскомъ обществѣ не знаю класса людей заслуживающихъ большаго одобренія, чѣмъ классъ русскихъ помѣщиковъ.

Конечно, помѣщики самый богатый классъ и сужденіе о немъ не можетъ быть умѣрено, скажу даже подкуплено сочувствіемъ, возбужденнымъ другими менѣе обеспеченными классами. Нисколько не желая колебать сочувствія къ ихъ бѣдственному положенію, я тѣмъ не менѣе не могу поставить этого бѣдственнаго положенія на счетъ ихъ нравственныхъ качествъ.

Конечно другіе классы болѣе дѣятельны чѣмъ помѣщики, но эта дѣятельность вынужденная силою обстоятельствъ, необходимою добыть себѣ кусокъ хлѣба; а если бы не существовало этого могущественнаго стимула, большая часть изъ нихъ погрузилась бы въ ту же апатію, которую г. Иванюковъ считаетъ естественнымъ свойствомъ всѣхъ людей обеспеченныхъ.

Такъ какъ напираютъ на то, будто русскій помѣщикъ по своимъ нравственнымъ качествамъ не способенъ взяться за дѣло народнаго воспитанія и тѣмъ самымъ, какъ бы подразумеваютъ, что есть другой классъ русскаго общества, болѣе помѣщиковъ способный послужить этому дѣлу, обладая высшими сравнительно съ помѣщикомъ нравственными качествами, то я долженъ громко заявить, что такого класса не знаю.

Слишкомъ долго и слишкомъ грустно было бы рисовать одну за другою неприглядныя картины быта разныхъ классовъ составляющихъ въ совокупности русское общество. Скажу только съ болью въ сердцѣ, что даже люди стоящіе у чистыхъ источниковъ науки и тѣ не выдаются свѣтлою полосой на мрачномъ фонѣ.

Что и говорить о другихъ, когда даже профессора въ громадномъ большинствѣ смотрятъ на науку, какъ на ремесло или средство сдѣлать карьеру, а иные даже позволяютъ себѣ профанировать науку заставляя ее служить цѣлямъ партіи или орудіемъ для пріобрѣтенія дешевой популярности.

Конечно всякій классъ имѣетъ свои прекрасныя исключенія; въ каждомъ изъ нихъ существуютъ честные труженики, люди и своимъ характеромъ и своею полезною дѣятельностью заслуживающіе всеобщаго уваженія; и между помѣщиками такія личности существуютъ: Самарины, Хомяковы, Пушкины, Аксаковы, Толстые, Лермонтовы,

Галаганы, кн. Васильчиковы и т. д. известны всей Россіи и всѣ произносятъ ихъ имена съ одинаковымъ уваженіемъ.

Убѣжденный, что классъ русскихъ помѣщиковъ по своимъ нравственнымъ качествамъ нисколько не уступаетъ всѣмъ другимъ классамъ русскаго общества, но имѣетъ передъ ними громадное преимущество, обладая матеріальными средствами столь необходимыми для успѣха въ каждаго дѣлѣ, я продолжаю думать, что отъ его доброй воли зависитъ принятіе немедленно за дѣло, которое несомнѣнно породитъ много и много добра.

Вамъ, кто раздѣляетъ мой взглядъ на вещи, дайте братски пожать руку; пойдемте смѣло впередъ и, можетъ быть, придетъ часъ, когда благословятъ насъ тѣ, кто клянетъ насъ, когда признаютъ, что не можетъ быть не призванъ на доброе дѣло тотъ, кто хочетъ и можетъ его исполнить.

МЫСЛИ и СОВѢТЫ

ИСКРЕННЯГО ДРУГА.

4 Августа 1881 года.—4 Августа 1882 года.

Моимъ маленькимъ друзьямъ.

Въ прошломъ 1881 году четвертаго августа я принялъ васъ на воспитаніе. Ровно годъ мы прожили вмѣстѣ. За это время я узналъ нѣкоторыя хорошія ваши качества, узналъ и нѣкоторыя изъ вашихъ недостатковъ.

Желая вамъ добра отъ всего сердца, я старался, какъ могъ, избавить васъ отъ недостатковъ вашихъ, укрѣпить въ васъ, развить хорошія качества.

Эту книгу я написалъ для васъ на память о этой первой годовщинѣ нашей дружбы, на память о томъ, что много разъ я повторялъ вамъ въ теченіе протекшаго года.

Обыкновенно дѣтямъ говорятъ только объ ихъ недостаткахъ; о добрыхъ качествахъ дѣтямъ не говорятъ, боясь, что это можетъ имъ повредить, давъ имъ слишкомъ высокое мнѣніе о себѣ. Громко и безъ боязни я говорю вамъ о вашихъ добрыхъ качествахъ, любите и уважайте ихъ въ себѣ: это святая искра добра; пусть она разгорится въ васъ въ яркое пламя, и освѣтитъ оно умъ вашъ и согрѣетъ сердце ваше.

Янполь *).

Вы думаете, дѣтки, я вамъ буду описывать нашъ родной Янполь? Нѣтъ, описывать его я вамъ не буду; вѣдь вы лучше меня его знаете; вамъ знакомы въ немъ каждое деревцо, каждый переулочекъ, одинъ Денисокъ разсказалъ бы намъ про Янполь съ три короба, такъ что мнѣ бы только слушать его, а не вамъ Янполь описывать.

Вы знаете Янполь такимъ, какимъ онъ есть, а думали ли вы когда-нибудь, что онъ могъ бы быть другимъ? Конечно нѣтъ! Вы всѣ, кромѣ Они, въ Янполѣ родились, кромѣ Янполя почти ничего и не видѣли, какимъ Янполь есть, такимъ, думается вамъ, онъ быть и долженъ!

И я, какъ и вы, родился въ Янполѣ; только увезли меня совсѣмъ маленькимъ ребенкомъ, увезли далеко на сѣверъ, за полторы тысячи верстъ отъ Янполя. Приставили ко мнѣ старую французенку няню; добрая она была старушка, веселая такая, все бывало поетъ мнѣ французскія пѣсни своимъ тоненькимъ дребезжащимъ старушечьимъ голосомъ; никогда я ее не видѣлъ скучною. Часто разсказывала она мнѣ о своей счастливой, дорогой, далекой родинѣ; уже тогда слушая разсказы старой няни о Франціи, о томъ, какъ счастливо и привольно въ ней живетъ, я сталъ горячо желать поработать на счастье русскаго народа.

Много времени прошло съ тѣхъ поръ, многому меня научили, много странъ я объѣздилъ, жизнь многихъ народовъ видѣлъ, пожилъ и на родинѣ моей старой няни; вспомнилось мнѣ, съ какою любовью, съ какимъ благоговѣніемъ говорила мнѣ старушка о Франціи.

Три года прожилъ я въ чужихъ краяхъ; жилось мнѣ тамъ весело, что ни день—то праздникъ, но сердце манило назадъ, въ бѣдную Россію, въ сѣрые русскіе будни.

*) Мѣстечко Янполь находится въ Глуховскомъ уѣздѣ, Черниговской губерніи.

Бывало, стою я въ роскошномъ залѣ,—люстры блестятъ тысячею огней, гремитъ веселая музыка, кругомъ меня кишитъ нарядная толпа и мерещится мнѣ необозримая снѣжная равнина; маленькія покосившіяся хижинки чуть видны изъ-за снѣжныхъ сугробовъ, тускло свѣтится въ крошечныхъ оконцахъ лучина.

И стыдно мнѣ станеть среди всѣхъ этихъ людей, которые во мнѣ не нуждаются, когда у меня на родинѣ такъ много страдаютъ, такъ много во мнѣ нуждаются. И далъ я себѣ слово всю мою жизнь, всѣ мои силы отдать на служеніе моей бѣдной родинѣ.

Нѣтъ словъ, дѣтки, сказать вамъ, какъ сильно я желаю добра и счастья Россіи; думается мнѣ даже, что знаю что нужно для ея добра и счастья; а все же сдѣлать это добро трудно, безмѣрно трудно.

Довольно одного часа, одной минуты, чтобы сдѣлать громадное зло, не только одному человѣку, но и цѣлому народу; не достаточно и цѣлой жизни, чтобы сдѣлать счастье хотя немногихъ людей. И рѣшился я дѣлать дѣло мое терпѣливо, осторожно, не брать на себя дѣла не по силамъ.

Какъ и что я хочу сдѣлать, про то скажу вамъ, дѣтки, позже, когда вамъ легче будетъ меня понять. Теперь знайте только, что я рѣшилъ посвятить всю мою жизнь на счастье скромнаго, никому неизвѣстнаго Янполя, что для счастья Янполя я нашелъ нужнымъ заняться воспитаніемъ десяти бѣдныхъ, никому неизвѣстныхъ дѣтей.

Да, дѣтки, вы избранное мною орудіе добра, васъ я постараюсь воспитать такими, какими желалъ бы видѣть всѣхъ русскихъ; вы были самыми бѣдными дѣтьми во всемъ Янполѣ и нуждались въ помощи другихъ; если сами того захотите вы будете благодѣтельнымъ примѣромъ, вы будете апостолы добра, и вѣрю я, что придетъ день, когда Янполь будетъ гордиться вами, любить васъ, благословлять васъ за добрую жизнь, за добрый примѣръ.

Велико и свято ваше призваніе; помните о немъ каждую минуту вашей жизни. Помните, что я жду отъ васъ, чтобы вы дѣлали для другихъ то, что я для васъ дѣлаю; вы нуждались во мнѣ, я взялъ васъ къ себѣ, полюбилъ васъ, какъ отецъ дѣтей родныхъ, и на всю жизнь буду искреннимъ другомъ, и вы отдайте и сердце, и умъ вашъ на служеніе тѣмъ, кто будетъ въ васъ нуждаться.

Сдѣлайте счастье другихъ, вы будете счастливы ихъ счастьемъ, какъ и я буду безмѣрно счастливъ и ихъ и вашимъ счастьемъ.

Прошлое.

Ровно годъ прошелъ съ того дня, какъ я васъ взялъ на воспитаніе, а прошлое,—то, что было передъ тѣмъ,—кажется вамъ уже далекимъ; конечно, многое изъ этого прошедшаго вы еще помните; съ каждымъ годомъ, однако, память объ этомъ прошломъ будетъ все слабѣе, будетъ все болѣе и болѣе изглаживаться; не хочется мнѣ, дѣтки, чтобы вы совсѣмъ о немъ забыли, объ этомъ прошломъ. Больно мнѣ было бы, если бы вы смутились или застыдились, когда какой-нибудь злой и глупый человѣкъ съ укоромъ вамъ объ немъ напомнилъ бы.

Вы, можетъ быть, думаете, что когда станете такими хорошими и добрыми людьми, какими я хочу васъ сдѣлать, всѣ будутъ любить и уважать васъ?

Не думайте этого; чтобы любить добро, надо быть добрымъ человѣкомъ,—злые люди не простятъ вамъ вашу доброту; чѣмъ лучше вы будете становиться, тѣмъ болѣе они будутъ васъ ненавидѣть; вѣдь для нихъ вы будете невольнымъ живымъ укоромъ и они не простятъ вамъ этого. И вотъ, когда, не найдя ничего дурного во всей вашей жизни, они упрекнутъ васъ прошлымъ, посмотрите имъ прямо въ глаза и скажите: „да, я помню все мое прошлое“, скажите это просто безъ стыда и безъ гордости, и стыдно станетъ тому, кто хотѣлъ устыдить васъ, и опустить онъ злые глаза передъ вашимъ добрымъ, спокойнымъ, честнымъ взоромъ.

Стыдиться можно только злого поступка; въ вашемъ прошломъ вы неповинны; стыдиться его было бы глупо, бессмысленно.

Есть люди, которые на словахъ даже гордятся своимъ дурнымъ прошлымъ и постоянно о немъ говорятъ; не вѣрьте и не подражайте имъ: въ глубинѣ души они его стыдятся и только стараются скрыть свой глупый стыдъ подъ личиною столь же глупой гордости.

Я не говорю вамъ, друзья мои, помните о своемъ прошломъ, чтобы никогда не дозволить себѣ глупаго чванства въ отношеніи людей, менѣе васъ богатыхъ, или менѣе васъ знающихъ. Не хочу думать, чтобы это было возможно; если бы это случилось, мнѣ стало бы стыдно за васъ, стало бы стыдно за себя, такъ дурно васъ воспитавшаго.

Яковъ.

На искось отъ Георгіевской церкви стоитъ бѣдная хижина крестьянина Θεодора. Не везло Θεодору въ жизни; прежде, бывало, перепадетъ ему какая работа, да работалъ онъ неохотно, и работа у него не спорилась; кончилось тѣмъ, что не стали вовсе давать ему работы; жена его, Ирина, была, напротивъ, очень умная и работающая женщина, да заболѣла тяжелою болѣзнью, такъ что не только работать, но и съ постели встать не могла.

И прежде они жили небогато, а какъ заболѣла Ирина—совсѣмъ обѣднѣли. Не въ моготу стало Θεодору прокормить жену и двоихъ дѣтокъ. Бывало, лежитъ больная Ирина одна одинешенка, и не веселыя думы ей думаются; такъ бы и встала она, съ радостью принялась бы за тяжелую работу, дѣткамъ бы своимъ хлѣбъ заработала, да силы нѣтъ: больныя ноги не носятъ, больныя руки ослабли.

Горько заплачетъ Ирина, у Бога смерти просить, только бы не видѣть горя домашнихъ, только бы не быть имъ въ тягость. А что станется съ бѣдными дѣтками, кто о нихъ позаботится, и заносетъ сердце пуще прежняго.

Прослышала она, что задумалъ я дѣтей взять на воспитаніе, поднялась черезъ силу съ постели, взяла съ собою старшаго сына Якова и, опираясь на палку, медленно поплелась ко мнѣ. Хотѣлъ было я принимать только однихъ сиротъ, да подумалъ, что такой же сирота Яковъ и при отцѣ живомъ—и порѣшилъ успокоить бѣдную мать, взявъ Якова на воспитаніе.

Теперь я очень доволенъ, что взялъ его. Славный онъ у меня добрый, старательный во время работы, прилежный во время ученія.

Только глупые и злые люди не понимаютъ ни любви, ни благодарности. Сильно любила Яшу его бѣдная, больная мать, и Яша помнить о ней и любить ее.

Разъ, когда всѣ вы были у меня, я заигралъ на фортепьянахъ грустную пѣсенку. Молча слушалъ Яша, тихо вышелъ въ другую

комнату и долго не возвращался. Пошелъ я посмотрѣть, а онъ сидитъ грустный такой, весь блѣдный: „Что ты, Яша, пригорюнился“, спрашиваю его, а онъ молчитъ, глаза опустилъ, слезы закапали. Взялъ я его на колѣни: „скажи, говорю, что у тебя на душѣ, легче станетъ“. Спряталъ онъ ко мнѣ на грудь свое блѣдное личико, да такъ тихо, чуть слышно, говоритъ: „о мамѣ вспомнилъ“, крѣпко обвилъ мою шею ручонками, да такъ зарыдалъ, какъ рыдать умѣютъ только тѣ, кто не только много горя видѣлъ, но и чуткимъ сердцемъ это горе почувствовалъ.

Дня черезъ два повезъ я его въ Глуховъ, гдѣ мать его лежитъ въ больницѣ. Увидѣлъ Яша, что хорошо ей тамъ, и успокоился, и повеселѣлъ мой добрый мальчикъ.

Другой разъ онъ сильно провинился.

Сталъ я ему объяснять значеніе и послѣдствія его дурного поступка, сильно онъ затосковалъ, какъ понялъ, что поступилъ дурно, цѣлую недѣлю играть не хотѣлъ съ товарищами, сидитъ въ уголку грустный такой, задумается.

Жаль мнѣ его стало приласкалъ его. „Ты понялъ, говорю ему, что поступилъ дурно, значитъ другой разъ такъ не поступишь, ну посмотри мнѣ въ глаза, видишь и я на тебя не сержусь болѣе“. а онъ мнѣ отвѣчаетъ: „вижу, а все думается“, и опять горько заплакалъ.

Съ этой минуты я полюбилъ моего Яшу больше прежняго. За чуткое сердце его полюбилъ. Если будетъ онъ во всю жизнь такъ вдумываться въ свои дурные поступки, такъ сильно сожалѣть о нихъ, хорошимъ, очень хорошимъ человѣкомъ станетъ Яковъ.

Только бы къ чуткому сердцу да желѣзную волю, чтобы никакой дурной человѣкъ, никакое дурное желаніе не осилило доброе, чуткое сердце.

Сергѣй.

Часто я повторялъ вамъ, дѣтки, что никогда не запрещаю вамъ что-либо безъ причины; если я что вамъ запрещаю, значитъ знаю, что оно чѣмъ-либо вредно для васъ, можетъ помѣшать вашему счастью; потому я никогда и не запрещаю вамъ ничего не сказавъ, почему такъ поступать или такое чувство въ себѣ имѣть не слѣдуетъ и какія послѣдствія изъ того выйти могутъ.

Вы еще такъ мало на свѣтѣ прожили, такъ мало видѣли и знаете, что вамъ самимъ не распознать, что хорошо и что дурно.

Все въ человѣкѣ привычка; привыкните вы къ дурному, вредному—будете дурными, вредными и несчастными людьми; да, вредными для другихъ и сами несчастными; по пословицѣ: „что посеешь, то и пожнешь“, посеете для другихъ горе и злобу, пожнете для себя то же горе, ту же злобу сторицею.

Зло, вредъ и горе неразлучны; если бы всѣ люди понимали, какъ много вреда они себѣ дѣлаютъ, стараясь вредить другимъ, всѣ бы они стали добрыми, чтобы быть счастливыми.

Не всегда человѣкъ вредитъ себѣ и другимъ, потому что хочетъ вредить, гораздо чаще онъ дѣлаетъ это по глупости *), по незнанію; вотъ въ эти минуты, когда человѣкъ не знаетъ, что добро и что зло, ему нуженъ совѣтъ опытнаго, знающаго, искренно любящаго его друга.

Такимъ другомъ я и хочу быть для васъ, дѣти. Я-то этого хочу отъ всей души; но этого недостаточно, надо, чтобы и вы смотрѣли на меня, какъ на вашего лучшаго друга и были со мною вполне откровенны, иначе мнѣ невозможно будетъ быть полезнымъ вамъ, несмотря на все мое желаніе.

Вы всѣ хорошо знаете нашего Серегу и, конечно, удивляетесь, что вмѣсто того, чтобы говорить о немъ, лучшемъ и по ученію, и поведенію между всѣми вами, я напоминаю о пользѣ откровенности. Когда же Сергѣй бывалъ скрытнымъ?

*) Теперь я бы этого не сказалъ. Горькимъ опытомъ я узналъ, что зло происходитъ не отъ глупости, а отъ грѣхолюбія.

До сихъ поръ я всегда называлъ неоткровеннымъ, скрытнымъ того изъ васъ, кто лгалъ, не признавался въ своихъ дурныхъ поступкахъ; такая откровенность обязательна для всякаго честнаго человѣка, и нашъ честный Сергѣй никогда не былъ скрытенъ въ этомъ смыслѣ.

Но есть и другая высшая откровенность, такая откровенность, какой не имѣть права требовать отъ васъ всякій встрѣчный.

Когда мы сильно любимъ и уважаемъ человѣка, намъ хочется подѣлиться съ нимъ каждымъ нашимъ желаніемъ, каждой нашею мыслью; при каждомъ затрудненіи мы рады обратиться къ такому человѣку за совѣтомъ; ему намъ пріятно сказать то, что ни за что не сказали бы никому другому.

Только тотъ человѣкъ и можетъ считаться нашимъ истиннымъ другомъ, кому мы даримъ такое довѣріе, передъ кѣмъ чувствуемъ потребность открыть всю свою душу. Вотъ этой-то откровенности я и жду отъ васъ, дѣти, и буду гордиться ею, когда заслужу ее.

Открыто ли сердце моего Сереги передо мною? Мнѣ иногда кажется, что нѣтъ—и страшно становится за него. Смогу ли я его направить на добро и счастье, остеречь отъ зла и несчастія, если останется закрытымъ для меня хоть одинъ уголокъ его мысли, хоть одинъ уголокъ его желаній.

И в а н ъ.

То было лѣтъ 12 тому назадъ.

Пріѣхалъ я разъ на лѣто въ Янполь; показалось мнѣ, что ужъ очень я далекій, чужой для всего Янполя; захотѣлось мнѣ стать ближе хоть къ одной янпольской семьѣ. Вотъ и сказалъ я обоимъ священникамъ, что окрещу перваго ребенка, какой родится въ наибѣднѣйшей семьѣ одного изъ двухъ приходоу. Бѣдныхъ семей въ Янполѣ много. Не прошло и двухъ дней, какъ пришелъ ко мнѣ съ письмомъ отъ отца Николая отставной солдатъ Яковъ Лукьяненко-Дробязка.

Окрестилъ я его мальчика и далъ себѣ слово, какъ подростетъ мой крестникъ, заняться его воспитаніемъ, постараться сдѣлать изъ него хорошаго человѣка.

Крестникъ мой скоро умеръ, умеръ и отецъ его Яковъ; осталась кума моя съ двумя дѣтьми, Михаиломъ и Иваномъ. Случалось, навѣщалъ я вдову; бывало заговорю съ маленькимъ Ваней, а онъ не дичится, глазъ не тупитъ, прямо въ лицо мнѣ смотритъ, а въ глазахъ у него такъ и прыгаетъ чистая, дѣтская радость; самому на сердцѣ весело станеть.

Больно мнѣ было думать, что и эту головку наклонетъ тяжелая нужда, что и въ этихъ глазкахъ выраженіе дѣтской радости замѣнитъ тупой взоръ безысходнаго горя, и взялъ я Ваню къ себѣ.

Проконъ.

Вижу, откуда вижу, какъ вы всѣ, кромѣ моего серьезнаго Сереги, улыбаться стали какъ только прочли имя Проконя. А знаете ли почему вамъ смѣшно становится, какъ только заговоримъ о нашемъ силачѣ? То вамъ смѣшно, что нашъ силачъ — добрый силачъ. Не вѣрите, что смѣшна въ немъ для васъ именно его доброта? А оно такъ, и вы, надѣюсь, сейчасъ со мною согласитесь.

Не только вы, дѣти, но и большинство взрослыхъ людей живетъ изо дня въ день, совсѣмъ не вдумываясь ни въ свои чувства, ни въ свои мысли. Одна мысль смѣняется другою, одно чувство смѣняется другимъ; идутъ у нихъ мысли и чувства привычною чередою; увѣрены они, что именно такъ мыслить и чувствовать должно, что иныхъ мыслей и чувствъ быть не можетъ; а вдумались бы они въ свои мысли и чувства, отъ души бы посмѣялись надъ многими изъ своихъ собственныхъ мыслей и чувствъ.

И теперь люди немного думаютъ, но было время они еще меньше думали; тогда умѣли уважать одну только силу; а сила-то была неразумная, а безъ разума и сила не въ прокъ. На добрыхъ дѣла у сильныхъ людей ума не хватало: вѣдь на добро умъ нуженъ; вѣдь не понявъ добра, даже и желая добра, одно только зло сдѣлать можно. Вотъ и дѣлали сильные люди все зло, какое только сдѣлать могли слабымъ, да беззащитнымъ; и чудное дѣло, слабая толпа привыкла любить и уважать эту глупую, злобную силу; и чѣмъ больше издѣвался надъ нею сильный человѣкъ, тѣмъ болѣе любовалась она его силою и злобою, похваляла его за удалство и молодечество.

Привыкъ человѣкъ уважать силу и злобу, и всѣ мы такъ думаемъ и такъ чувствуемъ, сами того не сознавая. Цѣпко держится въ насъ это скверное, подлое чувство, и многое надо передумать и перечувствовать, чтобы вырвать его изъ себя.

Никто никогда не училъ васъ уважать эту злобную силу, но и вы сами, не зная того, такъ думаете и такъ чувствуете, потому

что привыкли съ самаго перваго дня, какъ стали понимать, что кругомъ васъ дѣлается, видѣть, что всѣ такъ думаютъ и такъ чувствуютъ.

Будь нашъ Проконъ, при своей силѣ, злымъ мальчикомъ, вы бы боялись его и, можетъ быть, до поры до времени его бы уважали, а онъ у насъ добрый; другой бы на его мѣстѣ да съ его силою все бы дрался да другихъ обижалъ, а нашъ добрый силачъ чаще плачетъ, чѣмъ самый слабый изъ васъ, да еще плачетъ-то при такихъ обстоятельствахъ, когда другой и не думалъ бы плакать.

Бывало, закапризничаетъ братъ его, Андрей, а нашъ силачъ горькими слезами заливаясь: „Жаль, говоритъ, брата, что дурно ведетъ себя“. Добрыя это были, хорошія слезы.

А помните ли вы, когда уходила отъ насъ кухарка Ефросинія; грустно было разставаться съ вами сыну ея Михайлѣ; сидѣлъ онъ въ углу кухни и горько плакалъ; а нашъ живчикъ Денисокъ, не обдумавъ, что дѣлаетъ, надъ нимъ смѣяться сталъ; увидѣлъ это Проконъ, жаль ему стало Михайлу; такъ прочувствовалъ онъ обиду, что самъ заплакалъ, — святые то были слезы.

Припомню вамъ и еще одинъ случай. Была у меня красивая коробка изъ-подъ конфетъ, — всѣмъ вамъ очень хотѣлось ее получить; разыграли мы ее въ лотерею; выигралъ ее Проконъ. Всѣ вы ему позавидовали, а Миша нашъ даже заплакалъ; и что же — отдалъ ему Проконъ коробку; смотрю я ему въ глаза, а въ нихъ ни слезинки, только улыбается радостно.

А вѣдь могли вы его сдѣлать дурнымъ человѣкомъ; замѣтилъ бы онъ, что надъ добротою его смѣются, сталъ бы злымъ; а я его полюбилъ за доброту; будете умнѣе и вы поймете какая сила въ его добротѣ и будете уважать его за доброту; а у него отъ доброты силы не убавится, и будетъ онъ сильный и добрый, полезный и счастливый.

Денисъ.

Всѣ вы его прозвали лисою, и ему это названіе нравится. Посмотрите, какъ плутовски смотрять его каріе глазенки, какъ они весело запрыгають, когда его такъ назовутъ. Видно онъ считаетъ, что лисою быть очень хорошо; и ошибается онъ при этомъ только на-половину.

Не то хорошо, что онъ лиса, а хорошо то, что позволяетъ ему быть лисою. Вѣдь не прозвали-бы вы лисою Адарку, Проську или Гришку *), на то у нихъ ума не хватаетъ, ну а нашему Дениску ума не занимать стать.

Умень-то Денисокъ нашъ—умень, да выйдетъ ли толкъ изъ его ума; всего болѣе это зависитъ отъ него самого. Захочетъ употребить онъ свой умъ на добро, легко ему будетъ стать полезнымъ, уважаемымъ и любимымъ человѣкомъ; захочетъ онъ при помощи того же ума дѣлать зло, и станетъ онъ вреднѣе и болѣе ненавидимъ чѣмъ всякій другой.

Вѣдь умъ его, что ножъ острый: не будутъ пользоваться ножомъ, пролежить онъ цѣлый вѣкъ безъ пользы; возьмутъ ножъ въ руки, можно имъ сдѣлать много полезной работы, а можно и человѣка убить.

Такъ и умъ Дениса. Не будетъ Денисъ своимъ умомъ пользоваться или употребить его на пустяки, шутки да прибаутки, проживетъ онъ такимъ же бесполезнымъ человѣкомъ, какъ если бы у него ума и не было; шутки да прибаутки забудутся, и никто не помянетъ его добрымъ словомъ. А захочетъ Денисъ умъ свой употребить съ пользою, очень полезнымъ онъ можетъ стать помощникомъ для меня, другомъ и совѣтникомъ для васъ; тогда мы въ немъ умъ уважать станемъ, а его любить будемъ.

Покуда Денисъ хоть и не глупъ, а иногда ведетъ себя очень глупо.

Вотъ, на примѣръ, 8 числа онъ доказалъ, что хорошо ведетъ себя не потому, что понимаетъ пользу для самого себя хорошаго поведенія, а только для того, чтобы его похвалили. Вѣдь онъ уже нѣсколько мѣсяцевъ такъ хорошо себя велъ, что его постоянно избирали старшиною; оставили его разъ безъ надзора, да еще поручили ему товарищей, онъ и самъ дурно себя велъ и другимъ дурной примѣръ показалъ. Вмѣсто того, чтобы понять, какую ему честь дѣлали, поручая ему товарищей, и постараться доказать, что онъ этой чести достоинъ, онъ доказалъ только, что ему довѣрять нельзя и что онъ званіе старшины незаслуженно носить.

*) Малоумные въ мѣстечкѣ Янпогѣ.

Николай.

Хорошо въ лѣсу, особенно въ тихій жаркій лѣтній день. Въ то время, какъ на поляхъ дохнуть нельзя отъ томительной жары, до боли жгутъ палящія лучи высоко на небѣ стоящаго солнца и поднимаются отъ земли чуть видныя волны трепещущаго пара,—привольно, прохладно тогда подъ сѣнью развѣсистыхъ дубовъ и стройныхъ сосенъ.

Вотъ отъ большой дороги потянулась въ самую чащу небольшая лѣсная тропинка. Травы покрыли ее роскошнымъ ковромъ, какого не найти во дворцѣ у вельможи. Какъ онъ душистъ, какъ онъ чудно разнообразенъ, этотъ дивный зеленый коверъ. Тутъ и, какъ иглы, узкая трава, и тонко-изрѣзанный, перистый тысячелистникъ, и широкіе, тусклые листья лапушника, и блестящіе, какъ лакомъ покрытые, двойни просвиры, а надъ ними роскошное кружево высокаго папоротника. Тамъ и сямъ разбросаны яркіе, красные, желтые, лиловые цвѣточки; вотъ и снѣжно-бѣлые, душистые, колокольчики ландыша; тамъ еще болѣе душистые, причудливые, изжелта-бѣлые цвѣтки лѣсной фіалки; а солнце, пробиваясь сквозь листву нависшихъ вѣтвей, устлало дивный коверъ яркими круглыми пятнами.

По сторонамъ тропинки, межъ тонкихъ стволовъ высокихъ сосенъ, пышно разросся орѣшникъ; а сверху, сквозь зеленый сводъ, кое-гдѣ виднѣтся воздушная синева далекаго неба.

А вечеромъ, какъ волшебю прекрасенъ становится лѣсъ, весь пронизанный косо скользящими лучами заходящаго солнца! Одинъ за другимъ потухаютъ лучи; все выше и выше растетъ темнота; еще блестятъ высоко въ небѣ верхушки, да пылаютъ на западѣ сквозь почернѣвшіе стволы багровое полыханье.

Но вотъ воцарилась полная тѣма; жутко становится запоздалому путнику среди величавой тишины заснуващаго лѣса.

Зашелестѣли листья; пронесся таинственный шорохъ, пронесся и замеръ гдѣ-то далеко. Опять зашелестѣли листья сильнѣе прежняго. Какъ тревога пошла по лѣсной чащѣ; закачались высокія

сосны, заходили ихъ вершины, какъ волны бурнаго моря; какъ крикъ испуга, пронесся по лѣсу пронзительный свистъ налетѣвшаго вѣтра; глухимъ раскатомъ пронесся звукъ далекаго грома, и забушевала неистовая буря. Грохочетъ громъ, трещать ломаясь высокія сосны, а могучій лѣсъ, какъ страждущій духъ, скрежещетъ и стонетъ, и рвется куда-то, зачѣмъ-то.

И въ тихой красѣ прекраснаго лѣтнаго утра, и въ грозную пору бушующей бури, величаво таинствененъ лѣсъ-исполнѣ.

Кто жилъ среди лѣса, кто прислушивался къ его голосамъ, у того сохранится глубоко въ душѣ величавое чувство и свѣтится въ задумчивомъ взорѣ запавшая мысль.

И Сергѣй и Коля родились въ лѣсу, отецъ ихъ служилъ лѣсникомъ у моего отца.

Сергѣй долѣе пробылъ въ лѣсу, чѣмъ Коля, да и старше брата, лучше могъ понимать; оттого, быть можетъ, и теплится его взоръ такъ спокойно, иногда почти строго. У Коли взоръ веселѣе, да ласковый такой, какъ будто онъ видѣлъ больше ясныхъ солнечныхъ дней, а Серега наслушался страшнаго голоса бури.

Какъ умеръ ихъ отецъ Павелъ, поступила вдова его Ѳекла хлѣбопекаркой въ Свѣсу на заводы; и попали Сергѣй съ Колей изъ лѣснаго одиночества въ самый разгаръ шумной, фабричной жизни.

И взрослому человѣку трудно прожить, не перенявъ многое отъ людей, его окружающихъ; а ребенокъ, что воскъ мягкій, все, что онъ видитъ и слышитъ, на немъ отпечатлѣется.

У фабричныхъ рабочихъ мало чего хорошаго перенять можно; не хочу я ихъ обвинять, можетъ—они въ томъ и мало виноваты, да такъ ужъ жизнь ихъ сложилась. Цѣлую недѣлю работаетъ фабричный, кромѣ машины своей ничего не знаетъ; вотъ и хочется ему развернуться въ свободный день, повеселиться. А веселіе у него какое! Принарядится да и въ кабакъ; что заработалъ на недѣлѣ, въ кабакъ и оставить; а пьяный человѣкъ, что безсмысленное животное; и кончается заурядъ праздникъ вмѣсто веселія руготнею да дракою. Такъ всѣ они къ этому привыкли, что не стыдятся пьянство называть молодецествомъ, а пропойнаго пьяницу не стыдятся любовно обзывать удалою головушкой; а дома-то у него жена и дѣти безъ хлѣба сидятъ, вездѣ грязь и нищета, да и самъ онъ, какъ пугало, ходить.

Грязно, неряшливо, безалаберно живетъ нашъ фабричный; неопрятенъ, неряшливъ и Коля, да отчасти и Серега.

Посмотрите, какъ неряшливо на Колѣ сидитъ платье: все въ пятнахъ, разодранное, пуговицы не застегнуты. И красивый онъ мальчишъ, а смотрѣтъ на него неприятно.

Богатый человѣкъ можетъ и себя, и домъ свой украсить доро-

гими вещами; для бѣднаго человѣка лучшимъ украшеніемъ и дома и его самого—опрятность; а опрятность невозможна безъ порядка и бережливости. Не будетъ бѣдный человѣкъ держать свои вещи въ порядкѣ, ему не на что будетъ купить пропавшую вещь, придется занимать у сосѣда; не будетъ онъ беречь свое платье, будетъ ходить въ грязныхъ лохмотьяхъ. И другимъ на него смотрѣть гадко, да и для него самого не приглядна жизнь въ грязной, запущенной хатѣ.

Михаилъ.

Помните, дѣтки, когда я васъ взялъ, вы, было, прозвали Мишу совою.

Его большіе глаза смотрѣли какъ-то дико, бессмысленно, точно онъ все чему-то удивлялся, точъ въ точъ глаза совы, вынесенной на свѣтъ дневной.

Теперь вы его совою болѣе не назовете; а отчего? Глаза у него остались большіе, попрежнему, да выраженіе въ нихъ ужъ далеко не совиное. Много поработала бѣлокурая головка: и читать, и писать научилась, а къ ариметикѣ ужъ такъ способна стала, что всякую задачу скорѣе всѣхъ товарищей рѣшить. Загорѣлся въ большихъ глазахъ свѣтлый огонекъ и далеко стало совинымъ глазамъ до глазъ нашего Миши.

Знаемъ мы за Мишею кое-что хорошее, знаемъ за нимъ и кое-что дурное. Учился Миша хорошо и велъ себя, бывало, отлично, такъ что даже, хотя онъ у насъ и изъ меньшихъ, а былъ выбираемъ старшиною; зато выдался и такой мѣсяцъ, что былъ онъ признанъ изъ всѣхъ худшимъ по поведенію.

Помню, послѣ первыхъ выборовъ въ старшины, подходитъ ко мнѣ Миша и говоритъ: „буду и я старшиною“; да говоритъ такъ твердо, а въ глазенкахъ блеснула такая рѣшимость, что такъ и видно, что очень онъ этого хочетъ и непременно достигнетъ. Во весь мѣсяцъ онъ велъ себя примѣрно и на слѣдующихъ выборахъ, дѣйствительно, былъ признанъ достойнымъ и сталъ старшиною.

Очень понравилась мнѣ въ Мишѣ твердая воля. Только такой человѣкъ и заслуживаетъ отъ всѣхъ уваженія и довѣрія, кто всегда поступаетъ такъ, какъ считаетъ должнымъ и добрымъ поступать, не поддаваясь никакимъ дурнымъ совѣтамъ, никакимъ дурнымъ примѣрамъ, ни даже своимъ собственнымъ дурнымъ желаніямъ. Человѣкъ, у котораго нѣтъ такой силы воли,—жалкое созданіе, которое только презирать можно; онъ самъ ничто; довѣрять ему не возможно, безразсудно. Сегодня, подъ вліяніемъ хорошаго человѣка,

онъ поступаетъ хорошо; завтра, подъ вліяніемъ дурного человѣка, онъ самъ станетъ худшимъ изъ худшихъ.

Солгалъ разъ Миша и много себя этимъ навредилъ. Проступокъ онъ сдѣлалъ такой ничтожный, что даже и простое замѣчаніе едва ли получилъ бы; простая неосторожность, — крупу въ амбарѣ разсыпалъ; а онъ взялъ да и сказалъ на товарища, будто тотъ это сдѣлалъ. Не сумѣлъ Миша совладать съ дурнымъ желаніемъ ложно оговорить товарища, да за это прямо изъ старшинъ да на послѣднее мѣсто попалъ; а что всего хуже, добрую славу потерялъ. Съ тѣхъ поръ онъ и хорошо себя ведетъ, а въ старшины его не выбираютъ; довѣріе къ себѣ съ доброю славою потерялъ.

Вѣдь по этому поступку можно думать, что сердце у Миши не доброе: самъ виноватъ, а на невиннаго товарища наговариваетъ; а мнѣ думается, что поступилъ онъ просто не подумавши. Потому мнѣ такъ думается, что показалъ мнѣ Миша уголокъ добраго сердца.

Былъ я въ Глуховѣ, когда пришло ко мнѣ письмо съ извѣстіемъ о томъ, что Миша заболѣлъ сильнымъ воспаленіемъ мозга. Очень я за него испугался, взялъ доктора и вернулся въ Ямполь. Смотрю, лежитъ мой бѣдный Мишунъ блѣдный такой, весь исхудалъ. Защемило у меня сердце, какъ подумалъ, что не станетъ между нами нашего умнаго мальчика, сталъ просить доктора испробовать все возможное, чтобы вернуть ему жизнь и здоровье.

Въ тотъ же вечеръ перевезли мы его ко мнѣ. Два дня сильно страдалъ мой бѣдный малютка; мало надежды было. Лежитъ въ жару, глазки закатить, то вдругъ вскрикнетъ отъ боли, меня позоветъ. Легче ему становилось, когда я растиралъ его руками или даже просто держалъ его ручку въ моей рукѣ.

На второй день вечеромъ, — очень я былъ уставши, — сижу у его постели, а самого такъ ко сну и клонить. Сижу, глаза закрылъ, слышу зоветь меня Миша; смотрю, глядитъ онъ на меня своими большими глазами, сознаніе къ нему вернулось, да такъ пристально на меня смотритъ. И знаете ли что онъ сказалъ мнѣ? „Устали вы, спать идите“. Это онъ-то страдалецъ меня усталого пожалѣлъ. На это нужно доброе сердце.

Илья.

Мало можетъ одинъ человѣкъ безъ помощи другихъ людей.

Какъ ни проста эта истина, а ее мало кто понимаетъ. Много есть такихъ истинъ; повторяютъ ихъ всѣ, а понимать, почти никто не понимаетъ. Такъ и о взаимной помощи говорятъ очень много и въ то же время проповѣдуютъ злобу и раздоръ вмѣсто любви и согласія, необходимыхъ для общей работы и взаимной помощи. Этотъ разладъ между словомъ и дѣломъ создаетъ невообразимый сумбуръ, въ которомъ разобраться очень трудно. Найдутся такіе люди, которые не постыдятся, называя себя вашими друзьями, внушать вамъ ненависть даже и ко мнѣ, вашему лучшему другу. Объ этомъ мы поговоримъ съ вами гораздо подробнѣе въ другое время; теперь помните одно, что не другъ, а злой врагъ для васъ всякій, кто проповѣдуетъ вамъ злобу и ненависть. Какъ изъ сѣмянъ сорныхъ травъ не выйдетъ пшеницы, такъ и злоба можетъ породить только злобу и раздоръ, а не счастье, невозможное безъ любви и согласія.

Любовь громадная сила. Вѣдь вотъ годъ тому назадъ между мною и вами была цѣлая пропасть; казалось, ничего общаго быть не можетъ между богатымъ помѣщикомъ и бѣдными крестьянскими сиротами. Я полюбилъ васъ, наполнилась пропасть; я сталъ вашимъ отцомъ, вы стали моими дѣтьми. Не потому я вамъ отецъ, а вы мнѣ дѣти, что мы такъ называли другъ друга; нѣтъ, передъ лицомъ всего свѣта, нелицемѣрно я могу назвать себя отцомъ вашимъ, потому что не краду этого имени. Всемогущею силою любви я сталъ отцомъ для васъ и люблю васъ искренно, глубоко, какъ, можетъ быть, иные родные отцы не умѣютъ любить своихъ кровныхъ сыновей; вы же станете воистину дѣтьми моими только тогда, когда, въ отвѣтъ на мою любовь, полюбите меня такъ же искренно и глубоко, какъ я люблю васъ, когда станете другъ для друга братьями не на словахъ только, а силою все той же глубокой, искренней любви другъ къ другу.

Тотъ, кто, называя меня отцомъ, а васъ братьями, не любитъ насъ, тотъ воръ; онъ крадетъ имя сына и брата, онъ крадетъ счастье у другого бѣднаго, одинокаго сироты, который на его мѣстѣ любилъ бы насъ, чью жизнь мы бы согрѣли нашею любовью.

Пусть Ильяша почаще читаетъ эти строки; пусть не забываетъ и того, что громко въ присутствіи всѣхъ васъ, въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ, повторяли ему и утромъ и вечеромъ старшины: „Помни, Илья, что ты къ товарищамъ твоимъ не доброжелатель“.

Пусть помнитъ и то, что мы всѣ нетерпѣливо ждемъ того дня, когда онъ полюбитъ насъ; въ этотъ день у меня будетъ однимъ сыномъ, а у васъ однимъ братомъ болѣе.

Андрей.

Понимаете ли вы, дѣти, что значить бороться съ самимъ собою? Вѣдь какая кажется мудреная вещь—борьба съ самимъ собою; а нашъ маленькій Андрюкъ боролся съ самимъ собою и боролся удачно.

Припомните, какой онъ былъ капризный; бывало, расплачется по пустякамъ, и ничѣмъ его не уймешь, ни ласкою, ни строгостью; заберется въ уголъ, опуститъ глаза и упорно плачетъ, а самъ всѣмъ тѣломъ вздрагиваетъ. Какъ пройдетъ припадокъ каприза, ему и самому стыдно, понимаетъ, что велъ себя глупо; а другой разъ опять съ собою совладать не можетъ.

Только сталъ онъ по моему совѣту примѣчать за собою; какъ почувствуетъ приближеніе припадка каприза, старается ему не поддаться, все тѣло у него нервно вздрагиваетъ, а онъ пересилитъ себя, подниметъ на меня глаза, улыбнется, значить—совладалъ съ собою, побѣдилъ въ себѣ дурную привычку. Много чести въ такой побѣдѣ, потому что она очень трудна, потому что она очень полезна. Вѣдь при этомъ въ одномъ нашемъ Андрѣ боролись какъ бы два отдѣльные Андрея; дурныя привычки прежняго Андрея боролись съ доброю волею новаго Андрея, и новый, умный, добрый Андрей побѣдилъ прежняго, глупаго, злаго Андрея.

Безъ этой борьбы съ самимъ собою не можетъ никто стать хорошимъ человѣкомъ. Чтобы быть хорошимъ человѣкомъ, нужны двѣ вещи: знаніе и сильная воля любви; знаніе—чтобы понять правду, сильная воля—чтобы жить по правдѣ, чтобы успешно бороться съ дурными привычками, которыя мѣшаютъ намъ жить по правдѣ. Человѣкъ, который, зная правду, не имѣетъ достаточно силы воли, чтобы побороть въ себѣ прежняго дурнаго человѣка и жить по правдѣ, лучше бы совсѣмъ и не зналъ эту правду; тогда онъ былъ бы только жалкимъ глупцомъ, а зная правду и не живя по ней, онъ нечестный, подлый человѣкъ.

Не думайте, чтобы эта борьба съ самимъ собою была непріятна; сознавать, что съ каждымъ днемъ я становлюсь все лучше и лучше, что то хорошее, что прежде я любилъ въ другомъ, я теперь могу любить въ самомъ себѣ—такое счастье, какого не понять тому, кто не испыталъ его.

Аѳанасій.

Прежде чѣмъ говорить объ Онѣ, вспомнимъ о бѣдномъ Егорушкѣ, котораго онъ замѣнилъ.

Хорошимъ помянуть Егорушку нечѣмъ, такъ пожалѣемъ его несчастную долю.

Жаль мнѣ было возвратить его матери, а долженъ былъ это сдѣлать. Не надѣялся я сдѣлать изъ него хорошаго человѣка, боялся взять на себя дѣло не по силамъ; а дурной человѣкъ между вами былъ бы большимъ горемъ для меня, большимъ зломъ для всѣхъ васъ.

Помните, друзья мои, что доброе имя cadaго изъ васъ—наша общая добрая слава; каждый дурной поступокъ одного изъ васъ ляжетъ неизгладимымъ пятномъ на всѣхъ насъ. Всегда и вездѣ найдутся глупые и злые люди, которые будутъ ненавидѣть васъ за то, что вы поступаете и живете лучше ихъ. Съ злорадствомъ они будутъ слѣдить за каждымъ вашимъ шагомъ; изъ-за одного дурного человѣка среди васъ они постараются очернить, закидать грязью остальныхъ девять хорошихъ и меня, воспитавшаго васъ.

Слишкомъ я люблю то дѣло, которому самъ служу и васъ назначаю, чтобы рисковать имъ. Какъ увидѣлъ я, что не въ силахъ пробудить въ немъ умъ, не въ силахъ подѣйствовать на его сердце, отдалъ я Егора матери его, чтобы взять на его мѣсто другого, который бы лучше могъ воспользоваться уроками и совѣтами.

Что сказать про Оню; ни особенно дурного, ни особенно хорошаго сказать о немъ нельзя.

Не умѣетъ онъ еще себя сдерживать: разсердится, товарища приберетъ или глупое, бранное слово ему скажетъ; хорошо было бы ему взять примѣръ съ Андрея и постараться побороть въ себѣ эту дурную привычку. Особенно стыдно и больно мнѣ за него, когда онъ обругаетъ товарища браннымъ словомъ, котораго и самъ не понимаетъ.

Тѣмъ и отличается между прочимъ человѣкъ отъ животныхъ,

что у него есть умъ; этотъ умъ позволяетъ ему разумно говорить и поступать. Гнусно, гадко видѣть человѣка, который, разсердившись или просто по привычкѣ, говоритъ бессмысленныя ругательства, ничего не выражающія, кромѣ безсильной, шипящей злобы; во всякомъ случаѣ, унижаютъ эти бранныя слова не того, къ кому они обращены, а того, кто, употребляя ихъ, нисходитъ до уровня бессмысленно лающей собаки.

Не будемъ забывать, что Оня между нами еще недавно, что онъ не глупый мальчикъ и что ему легко будетъ исправиться отъ своихъ недостатковъ.

ХЛѢБЪ НАСУЩНЫЙ

„Хлѣбъ нашъ насущный
даждь намъ днесь“.

I.

Что я считаю хлѣбомъ насущнымъ для Россіи.

Въ теченіе многихъ вѣковъ милліоны христіанъ повторяютъ слова молитвы Господней „хлѣбъ нашъ насущный даждь намъ днесь“. Большинство повторяетъ эти слова такъ же машинально, какъ машинально исполняются этимъ большинствомъ и всѣ прочія жизненныя функціи. Машинальность возведена въ настоящее время даже въ принципъ. Большинство любитъ возводить свои недостатки въ разрядъ основныхъ свойствъ человѣческой природы; отчасти оно, безъ сомнѣнія, право: вѣдь большинство и создаетъ изъ себя типъ средняго человѣка, слѣдовательно недостатокъ, укоренившійся до степени привычки и даже инстинкта въ типичномъ современномъ намъ среднемъ человѣкѣ, и будетъ основнымъ свойствомъ его природы. Грустно то, что, по свойственному все тому же среднему человѣку отвращенію къ логикѣ, онъ уже безъ всякаго основанія фактъ возводитъ въ принципъ; констатируя голый фактъ своей безхарактерности, благодаря которой онъ живетъ совершенно машинально, почти не вноситъ активнаго элемента въ свои отношенія къ жизненнымъ явленіямъ, а, напротивъ, пассивно увлекается стихійными порывами событій, средній человѣкъ считаетъ будто доказалъ, что такъ и быть должно. Исходя изъ этого страннаго умозаключенія, дошли до идеализаціи машинальнаго человѣка, его машинальность санкціонировали теоріей невмѣняемости.

Теорія невмѣняемости!—вотъ успокоительный бальзамъ, одуряющій опиумъ для совѣсти современнаго намъ, деморализованнаго, типичнаго, средняго человѣка.

Говорить о деморализации современного общества дѣло обычное; да какъ объ ней и не говорить; каждый день приноситъ намъ новыя доказательства колоссальной деморализации большинства представителей всѣхъ общественныхъ классовъ безъ исключенія. Я говорю о всѣхъ народахъ Европы; не могу говорить о всемъ человечествѣ только потому, что не знаю нравственной атмосферы народовъ, населяющихъ другія части свѣта. Оставимъ другіе народы Европы и сосредоточимъ наше вниманіе на нашей православной Руси, на насъ самихъ православныхъ русскихъ людяхъ. И мы, наравнѣ съ другими народами много, а иногда и краснорѣчиво, говоримъ о всеобщей деморализации и хорошо дѣлаемъ, что говоримъ; глупо и опасно скрывать отъ себя свои собственные недостатки. Что ужасно, что возмутительно, такъ это то, какъ мы говоримъ объ этомъ. А говоримъ мы вотъ какъ. Разсудительно, плавно течетъ обвинительная рѣчь; кровь стынетъ отъ ужасающихъ фактовъ, приводимыхъ въ подтвержденіе современной деморализации, а голосъ оратора звучитъ спокойно, на губахъ играетъ торжествующая улыбка. Какой глубокий, какой ужасающій смыслъ въ этомъ олимпийскомъ спокойствіи, въ этой торжествующей улыбкѣ. Спокойный голосъ говорить: „я трезво смотрю на жизнь и волноваться не намѣренъ; мой принципъ—безстрастное отношеніе къ жизненнымъ явленіямъ, добро и зло для меня пустая фикція, свободная воля—предразсудокъ; я констатирую фактъ деморализации, но вѣдь это фактъ вполнѣ естественный; возмущаться имъ я такъ же мало склоненъ, какъ мало склоненъ и ребячески восторгаться возвышенными мыслями и чувствами“. Торжествующая улыбка говорить: „я самъ глубоко деморализованъ и ни мало не смущаюсь этимъ; деморализация во мнѣ столь же естественное явленіе, какъ и деморализация всего окружающаго меня общества; возвышенныхъ добродѣтелей я за собою не чувствую, а мои пороки вполнѣ естественны и отъ меня не зависятъ“.

Такъ думаютъ миллионы людей, только выражаетъ эту мысль каждый по своему. Замѣчательно, что большинство изъ насъ пропитано теоріею невѣроятности безсознательно; мы воображаемъ себя христианами, но вся жизнь наша, весь нашъ бытъ общественный и частный, находится въ прямомъ противорѣчій съ христіанскою доктриною и нравственнымъ кодексомъ, завѣщеннымъ Христомъ. Я не говорю здѣсь о людяхъ, носящихъ личину христіанства; я говорю о тѣхъ, которые искренно считаютъ себя христианами и безсознательно пропитаны теоріею невѣроятности. Въ благочестивыхъ разговорахъ они будутъ вздыхать объ испорченности людей и съ умиленіемъ слушать поученія въ церкви; посмотрите на тѣхъ же людей внѣ церкви и теоретическихъ разговоровъ, въ практикѣ обы-

денной жизни. Какую бы подлость ни сдѣлалъ этотъ благочестивый человѣкъ, онъ все извинитъ въ себѣ смиреннымъ сознаніемъ плотской немощи; замѣтите *извинитъ*, а не только *объяснитъ*. А почему? да потому, что и онъ безсознательно пропитанъ теоріею невѣроятности; потому что по его понятіямъ человѣку свойственно имѣть слабый духъ въ немощной плоти, что поступать дурно подъ вліяніемъ этой немощной плоти вполнѣ естественно; тутъ останавливается нить его умозаключеній. Чтобы человѣкъ на этомъ успокоился, необходимо предположить, что онъ признаетъ за аксіому слѣдующее положеніе: „все, что естественно для человѣка, не можетъ ему быть вѣнено въ вину“. И, дѣйствительно, это положеніе онъ безсознательно считаетъ аксіомой, не понимая, что съ этой минуты между его міровоззрѣніемъ и міровоззрѣніемъ христіанскимъ легла цѣлая пропасть. Попробуйте въ присутствіи этого благочестиваго человѣка заговорить о возвышенныхъ мысляхъ и чувствахъ не только вполнѣ согласныхъ, но даже прямо вытекающихъ изъ возвышеннаго идеала христіанства; вы тотчасъ замѣтите на его лицѣ презрительную улыбку, и эта улыбка скажетъ вамъ: „я трезво смотрю на жизнь и не увлекаюсь твоими ребяческими бреднями“. Попробуйте заявить желаніе послужить осуществленію христіанскаго идеала на землѣ, вы тотчасъ замѣтите со стороны этого благочестиваго человѣка злобное отношеніе къ вамъ; онъ увидитъ въ васъ сумасброднаго гордеца, человѣка опаснаго для спокойствія его ума, совѣсти и безмятежнаго житія. Вотъ подобныхъ людей о двухъ идеалахъ, однимъ официальнымъ для спокойствія ума, и другимъ безсознательнымъ, но преобладающимъ для безмятежнаго житія, ужъ очень стало много между нами.

„Хлѣбъ нашъ насущный даждь намъ днесь“ повторяютъ ежедневно эти псевдо-христіане съ притворнымъ умиленіемъ; не ошибайтесь: изъ молитвы, завѣщенной намъ Богомъ, они принимаютъ одну форму; попробуйте вложить въ эту форму глубокий внутренній смыслъ, они предадутъ васъ анагемѣ, какъ предали бы анагемѣ и Самого Великаго Страдальца за насъ, если бы Онъ жилъ въ наши дни.

Время настало, необходимо напомнить, громко напомнить внутренній смыслъ прошенія о хлѣбѣ насущномъ вамъ, искренніе друзья Христовы, и вамъ, легкомысленные противники Любвеобильнаго.

„Хлѣбъ нашъ насущный даждь намъ днесь“. Замѣтимъ, мы не говоримъ „Хлѣбъ мой насущный даждь мнѣ днесь“, а говоримъ „Хлѣбъ нашъ насущный даждь намъ днесь“. Въ какомъ значеніи употребляетъ Спаситель слово *нашъ*—не требуетъ комментаріевъ; мы—по ученію Христа—это всѣ ближніе наши.

Итакъ, мы просимъ хлѣба насущнаго для всѣхъ и вся.

Если чиста молитва наша передъ Богомъ, мы искренно желаемъ просимаго и само собою твердо рѣшили сами поступать сообразно съ тѣмъ, чего желаемъ, на что просимъ помощи у Бога.

Поймемъ же, наконецъ, что просить въ молитвѣ хлѣба для всѣхъ, а въ жизни стремиться обирать всѣхъ на пользу одного себя, значитъ—глумиться надъ святыней; такая молитва—кощунство, такое поведеніе—сознательная подлость.

Или, можетъ быть, мы не знаемъ, что надо для того, чтобы былъ хлѣбъ насущный у всѣхъ ближнихъ нашихъ? Подумаемъ, но подумаемъ честно, безъ софистическихъ увертокъ, о томъ, что составляетъ хлѣбъ насущный для человѣка въ историческій моментъ, нами переживаемый.

„Не о хлѣбѣ единомъ живъ будетъ человѣкъ“, вѣдь мы всѣ знаемъ эти слова писанія; хлѣбъ насущный это хлѣбъ матеріальный для тѣла, хлѣбъ духовный для вѣчнаго духа.

Живетъ ли человѣкъ этою полною жизнію тѣла и духа—вотъ на чемъ стоитъ остановиться и крѣпкую думу подумать.

Рѣшивъ вопросъ принципиально, каждый человѣкъ обязанъ подумать и о томъ, какимъ образомъ онъ можетъ, сообразуясь со своими личными качествами и общественнымъ положеніемъ, способствовать тому, чего просить въ молитвѣ, говоря: „хлѣбъ нашъ насущный даждь намъ днесь“ все равно, будетъ ли то доступно для него въ смыслѣ хлѣба матеріальнаго, или хлѣба духовнаго.

Я не имѣлъ счастья найти нравственную поддержку, когда, желая послужить по мѣрѣ силъ родному русскому народу, я печатно призналъ священный долгъ, естественно вытекающій для меня и для всякаго помѣщика изъ самаго соціального положенія, занимаемаго нами среди нашихъ согражданъ.

Печать за однимъ только исключеніемъ („Мысль“) стала съ энергіей, достойною лучшаго дѣла, доказывать помѣщикамъ, что на нихъ не лежитъ, да и не можетъ лежать обязанность перевоспитанія народа для новой, едва начинающейся для него, свободной жизни.

Я остаюсь при моемъ прежнемъ мнѣніи, продолжаю думать, что его необходимо воспитать для новой, свободной жизни и что принять на себя трудное, тяжелое дѣло народнаго воспитанія всего легче намъ, русскимъ помѣщикамъ, единственнымъ обладателямъ въ деревенскихъ захолустьяхъ нужнаго для того образованія *при матеріальныхъ средствахъ и вліятельности общественного положенія.*

Періодическая печать приглашаетъ меня, совмѣстно со всѣми помѣщиками, оставить напрасныя мечты о полезной жизни и возвратиться къ обычному, безцѣльному, но въ то же время яко бы единственно доступному для насъ убиванію времени. Любовь къ

моей родинѣ, страстное желаніе быть ей полезнымъ, даетъ мнѣ силу не слѣдовать этому совѣту и продолжать начатое мною трудное, иногда тяжелое, но въ то же время искренно, горячо любимое мною дѣло. Продолжать это дѣло я буду, хоть бы дѣлать мнѣ его пришлось одному, среди враждебности, сарказмовъ и злорадства. Считаю дѣло это священной обязанностью, историческимъ призваніемъ всякаго русскаго помѣщика, въ переживаемое нами время, я считаю для себя нравственнымъ долгомъ отдавать русскому обществу отчетъ въ томъ, что самъ я сдѣлалъ въ этомъ направленіи.

Говорить я буду, и изъ уваженія къ читателю, и изъ уваженія къ самому себѣ, съ тою же откровенностью, съ какою говорилъ и въ предшествовавшихъ брошюрахъ, несмотря на нещадное глумленіе критика „Отечественныхъ Записокъ“ (Ноябрь 1882 г.) надо мною и самыми завѣтными моими мыслями и чувствами. Если бы я позволилъ себѣ оскорбить русское общество предположеніемъ, что критикъ „Отечественныхъ Записокъ“ является выразителемъ общественнаго мнѣнія, я конечно замкнулся бы въ гордомъ молчаніи, считая дальнѣйшую откровенность съ своей стороны профанаціей мысли и чувства. Я не позволю себѣ думать, что русское общество дошло до такого нравственнаго паденія, чтобы въ каждой мысли, выраженной своимъ сочленомъ, видѣть скрытый злой умыселъ, чтобы въ каждомъ добромъ чувствѣ, честно выраженномъ безъ жеманной стыдливости, заподозривать „отвратительное смакованіе собственныхъ добродѣтелей“.

Считая себя каплею русскаго моря, я вѣрю, что мои мысли и чувства доступны для всѣхъ моихъ согражданъ, и потому буду настойчиво продолжать говорить съ полною откровенностью, не обращая вниманія на тѣхъ, кто не можетъ допустить въ русскомъ человѣкѣ искренности, недоступныхъ для нихъ самихъ, мыслей и чувствъ.

Въ настоящей брошюрѣ я выскажу возможно полно мои взгляды на то, что я считаю хлѣбомъ насущнымъ для Россіи въ историческій моментъ, нами переживаемый.

Хлѣбомъ насущнымъ для Россіи я считаю *мирный* переворотъ въ экономическомъ строѣ страны и реорганизацію сельскихъ школъ въ воспитательныя заведенія.

Конечно, и то и другое недоступно для единичныхъ усилій частнаго человѣка; недоступно и для ничтожнаго полипа воздвигнуть громадный каралловый атоллъ, но онъ не смущается этимъ.

Первый шагъ труденъ во всякомъ дѣлѣ; обстоятельства, носящіе частый характеръ, сдѣлали для меня этотъ первый шагъ особенно труднымъ, и я на всю жизнь сохранию грустное воспоминаніе объ

этой черной godzinѣ. Лучше начать дѣло въ маломъ размѣрѣ, чѣмъ отложить его на неопредѣленное время; руководствуясь этимъ правиломъ, я сдѣлалъ въ этомъ тяжелый для меня годъ то немногое, что позволили мнѣ сдѣлать далеко не благоприятныя для меня и моего дѣла обстоятельства.

II.

Хлѣбъ матеріальный.

„Православные русскіе люди!
Пустите Россію по широкому
пути къ свѣтлому будущему!“

При настоящемъ положеніи вещей, мы неминуемо идемъ къ полному разстройству, какъ помѣщичьяго, такъ и крестьянскаго хозяйства. Надѣлы крестьянъ очень не велики и нигдѣ, сколько мнѣ извѣстно, не существуетъ обработки земли сообща; вездѣ, напротивъ, общественныя земли разбиваются на участки и до слѣдующаго передѣла эксплуатируются отдѣльно, на правахъ ограниченной собственности.

Не говоря уже о томъ, что, при подобномъ экономическомъ устройствѣ, увеличеніе народонаселенія неминуемо приведетъ къ появленію и у насъ пролетаріата, крестьянскія земли съ каждымъ годомъ все болѣе и болѣе истощаются, вслѣдствіе трехпольной системы и крайне плохой обработки. Если, даже теперь, экономическое положеніе Россіи далеко не блестящее, что же станетъ съ нею, когда одна половина народонаселенія будетъ бездомными пролетаріями, а другая не будетъ имѣть возможности прокормить семью скуднымъ урожаемъ, получаемымъ съ истощившейся почвы своего надѣла!

Конечно, Россійская Имперія обладаетъ громадными пустующими пространствами; правильно организованныя переселенія могутъ еще на-долго обезпечивать насъ отъ бѣдствій, соединенныхъ съ излишнею густотою населенія въ другихъ странахъ; тѣмъ не менѣе, даже при систематическомъ выселеніи всѣхъ нарождающихся членовъ крестьянскаго общества, кромѣ комплекта, при которомъ возможно не раздроблять надѣловъ, эти надѣлы, благодаря постепенному истощенію почвы, оказались бы вскорѣ недостаточными для прокормленія и одной семьи.

Параллельно съ этимъ, менѣе быстро, но столь же вѣрно идутъ къ полному разстройству и помѣщичьи хозяйства. Если крестьяне страдаютъ отъ самой формы владѣнія надѣлами, исключаящей возможность болѣе правильной эксплуатаціи земли, земли помѣщиковъ истощаются въ той же степени по невозможности, безъ затраты громадныхъ капиталовъ, обрабатывать большія пространства земли болѣе рационально. Если у помѣщика есть нѣсколько тысячъ десятинъ пахатной земли, онъ рѣдко обрабатываетъ собственными средствами болѣе 400—600 десятинъ; все остальное пространство отдается исполу, т. е. обрабатывается нѣсколько не лучше крестьянскихъ земель, никогда не видитъ удобренія и изъ году въ годъ ковыряется тою же крестьянскою сохою, на ту же глубину. Чтобы завести на каждыя 200—300 десятинъ земли отдѣльную ферму со скотомъ и самостоятельнымъ инвентаремъ, надо затратить такіе капиталы, которыхъ, въ большинствѣ случаевъ, частныя лица затрачивать на этотъ предметъ не желаютъ.

Вопросъ объ истощеніи земли на громадныхъ пространствахъ Имперіи есть, безъ сомнѣнія, вопросъ государственной важности. Какъ скоро становится очевиднымъ, что частныя лица, по неумѣлости, по недостатку доброй воли или по независимымъ отъ нихъ обстоятельствамъ, неспособны бороться съ надвигающеюся на государство опасностью, для правительства является священною обязанностью принять всѣ зависящія отъ него мѣры для огражденія общегосударственныхъ интересовъ.

Что русское правительство хорошо понимаетъ свою обязанность въ этомъ направленіи, за то ручаются намъ колоссальныя затраты на войско, для огражденія государства отъ враговъ внѣшнихъ и внутреннихъ.

Итакъ, я не позволю себѣ усумниться въ томъ, что правительство рано или поздно, когда убѣдится въ существованіи этого новаго рода государственной опасности, учредить соотвѣтствующее министерство и ассигнуетъ на него нужную сумму изъ государственныхъ доходовъ.

Можетъ быть говорить о дѣятельности нашего правительства въ этомъ направленіи покажется для многихъ преждевременнымъ. Я не раздѣляю этого мнѣнія и потому теперь же приступаю къ разсмотрѣнію вопроса о томъ, въ какихъ формахъ можетъ проявиться дѣятельность правительства и которую изъ этихъ формъ я, по крайнему моему разумѣнію, нахожу наиболѣе желательною.

Не буду останавливаться на мелкихъ палліативахъ, изъ которыхъ очень многіе, по всей вѣроятности, будутъ испробованы подъ первымъ впечатлѣніемъ открывшейся опасности, а перейду прямо къ той организованной помощи русскому сельскому хозяйству, къ ко-

торой, по моему убѣжденію, будетъ неминуче приведено Русское правительство *).

Россія переживаетъ въ настоящее время въ сельско-хозяйственномъ отношеніи критическій моментъ перехода отъ экстенсивной формы хозяйства къ интенсивной. Интенсивная форма хозяйства немыслима безъ устройства отдѣльныхъ фермъ на каждыя 200—300 десятинъ земли не болѣе. Возникновеніе такихъ фермъ, или хуторовъ, желательно было бы видѣть какъ на земляхъ помѣщиковъ, такъ и на земляхъ крестьянъ. Ни помѣщики, ни крестьяне безъ помощи правительства этихъ хуторовъ не заведутъ. Крестьяне и по бѣдности и по самой формѣ владѣнія землею; помѣщики—потому что не желаютъ затрачивать капиталовъ для покупки нужнаго инвентаря и приобрѣтенія необходимаго количества скота.

Остановимся сначала на различныхъ формахъ, въ какихъ можетъ проявиться правительственная дѣятельность для заведенія громаднаго числа хуторовъ, необходимыхъ для правильной обработки помѣщичьихъ земель. Принять на себя устройство этихъ хуторовъ и снабженіе ихъ всѣмъ необходимымъ для правительства, конечно, немыслимо. Дѣятельность его въ этомъ направленіи, очевидно, можетъ выразиться только въ выдачѣ ссудъ на ихъ устройство. Вопросъ въ томъ, кому выдавать эти ссуды. Выдавать ихъ можно было бы или самимъ помѣщикамъ, или отдѣльнымъ лицамъ, арендаторамъ этихъ хуторовъ, или, наконецъ, ассоціаціямъ, земледѣльческимъ артелямъ, которыя и будутъ арендовать землю для обработки ея сообща. Польза именно послѣдней формы помощи, т. е. выдача ссудъ земледѣльческимъ артелямъ, съ обще-государственной точки зрѣнія очевидна. Выгоды для государства оказались бы при этомъ такъ велики, что я нахожу вполне справедливымъ даже обязательное отчужденіе съ этою цѣлью отъ помѣщиковъ, за соответствующее вознагражденіе, всѣмъ тѣхъ земель, которыя, не обрабатываясь собственными средствами, отдаются ими исполу. Конечно правительство должно было бы учредить контроль надъ дѣятельностью этихъ артелей въ видѣ окружныхъ агрономовъ и агрономовъ-консультантовъ; на должности эти слѣдовало бы назначать исключительно людей, получившихъ специальное образованіе. Кромѣ обязанности давать артелямъ и частнымъ лицамъ совѣты по всѣмъ вопросамъ, относящимся до сельскаго хозяйства и сельско-хозяйственной промышленности, они должны будутъ слѣдить за тѣмъ, чтобы артели обрабатывали арендуемые участки, придерживаясь типа сѣвооборота, выработаннаго сообразно мѣстнымъ почвеннымъ,

*) Это было напечатано въ 1883 году. Съ тѣхъ поръ вопросъ этотъ разобранъ мною гораздо основательнѣе.

климатическимъ и экономическимъ условіямъ. При образованіи артели необходимый оборотный капиталъ могъ бы быть ссужаемъ вновь открываемыми крестьянскими банками, мѣстными земствами, частными обществами, подобными обществу поощренія народнаго труда, и даже частными лицами; самое удобное было бы выдавать ссуды не деньгами, а прямо въ видѣ инвентаря, сѣмянъ и скота. На время, пока артель выплачиваетъ ссуду, арендная плата не должна превышать доходность земли при нынѣ практикуемой испольно-трехпольной системѣ, послѣ чего она можетъ быть увеличена въ незначительной степени; чѣмъ болѣе чистый доходъ будетъ оставаться на долю арендующей артели, тѣмъ, само собою, болѣе прочно будетъ обезпечено довольство, могущество и спокойствіе Россіи. Владѣлецъ арендуемой земли, будь то государство или частное лицо, во всякомъ случаѣ въ проигрышѣ не останется, такъ какъ земля его, улучшаясь съ каждымъ годомъ, будетъ приобрѣтать и большую цѣнность. Прибавлю, что желательно было бы, чтобы эти фермы остались неотчуждаемою собственностью государства, никогда не переходя въ полное владѣніе арендующихъ ихъ артелей; при этомъ условіи, въ случаѣ дурной обработки земли или достаточной обезпеченности артели, земля при окончаніи срока аренды можетъ быть передана новой артели, болѣе дѣятельной и нуждающейся. Убѣдившись въ выгоде подобнаго сельско-хозяйственнаго устройства, можно будетъ приступить къ реорганизаціи крестьянскихъ обществъ въ томъ же направленіи.

При такихъ обстоятельствахъ получатся слѣдующіе результаты:

Государство, достигнувъ постепеннаго улучшенія почвы подъ вліяніемъ правильной культуры, исполнитъ свой священный долгъ, обезпечивъ средства существованія для будущихъ поколѣній; громадное увеличеніе производительности страны сразу значительно подниметъ ея благосостояніе; въ самое короткое время окажется могучее цивилизующее вліяніе на массы совместнаго труда подъ руководствомъ образованныхъ людей; будетъ достигнута для государства безопасность, какой не можетъ дать ему миллионная армія, безопасность и отъ иноплемениковъ и отъ крамольниковъ счастливаго народа, готоваго до послѣдней капли крови защищать свое уютное теплое гнѣздо.

Прекрасное начало дастъ прекрасные плоды. Начавъ съ освобожденія крестьянъ, правительство фатально, логическою силою вещей, будетъ приведено къ счастливому періоду, о которомъ я говорю.

Православные русскіе люди! забудьте свои мелкія личныя дрязги; забудьте свои грошовыя минутныя предпріятія! Пустите Россію по широкому пути къ свѣтлому будущему; озарите этотъ путь свѣтомъ братской любви, завѣщанной Христомъ, свѣтомъ истины и зна-

нія, безъ которыхъ не понять чистаго смысла великаго слова любви. Пусть же всѣ слои русскаго общества отъ высшихъ агентовъ правительственной власти до темныхъ массъ народныхъ соединятся въ одномъ обществѣ, честномъ стремленіи доставить хлѣбъ насущный всему безъ исключенія русскому люду. Будемъ помнить, что если на долю правительства выпадаютъ многочисленныя и трудныя обязанности по отношенію къ счастью и безопасности общества,—на долю каждаго изъ насъ выпадаетъ священный долгъ честно помогать правительству во всѣхъ его предпріятіяхъ, полезность которыхъ мы признаемъ съ обще-государственной точки зрѣнія, хотя бы они и шли въ разрѣзъ съ минутными интересами нашими, нашихъ партій или того общественнаго класса, къ которому мы принадлежимъ. Я уже сказалъ, къ какой благодѣтельной мѣрѣ для экономическаго положенія Россіи будетъ приведено русское правительство, въ случаѣ нормальнаго хода государственной жизни. И для русскаго правительства, и для русской интеллигенціи, и для русскихъ помѣщиковъ, особенно для вѣчнаго труженика русскаго крестьянина,—я всѣми силами души призываю скорѣйшее наступленіе этого счастливаго дня. Если бы я окончательно утратилъ вѣру въ это лучшее будущее для Россіи, въ этотъ свѣтлый праздникъ всеобщаго примиренія всѣхъ фракцій русскаго народа на благо всѣмъ, не стоило бы жить; и трудъ и борьба—все стало бы безцѣльно; но я еще вѣрю въ наступленіе свѣтлаго праздника и жизнь свою наполню приготовленіями къ нему.

Я не знаю, когда наступитъ для Россіи этотъ счастливый день мирной реорганизации ея экономическаго строя, но я знаю, что каждый лишній день, проведенный при теперешнихъ обстоятельствахъ, тяжелымъ бременемъ ложится на сознаніе каждаго честнаго человѣка, все равно будь онъ миллионеръ или пролетарій. Если не окончательно заглохла въ человѣкѣ мысль, если не въ конецъ понижены въ немъ гуманитарныя чувства, изощряться всю жизнь въ огражденіи своего состоянія отъ посягательствъ другихъ, будетъ для него такою же пыткой, какою будетъ и вынужденная обстоятельствами необходимость изощряться во всю жизнь тяжелымъ трудомъ добывать себѣ корку черстватаго хлѣба, для пролетарія, сознающаго въ себѣ другія потребности, кромѣ удовлетворенія физическаго голода. Вѣдь подобное положеніе вещей есть война всѣхъ противъ всѣхъ; и при подобныхъ обстоятельствахъ мы смѣемъ называться христіанами! Нѣтъ, не христіанинъ тотъ богатый, кто можетъ чувствовать себя счастливымъ среди несчастныхъ; не христіанинъ и тотъ бѣдный, кто завидуетъ богатому сосѣду. Гдѣ же вы, современные христіане? Гдѣ вы, искренніе послѣдователи любвеобильнаго Бого-человѣка? Не христіане мы; мы узурпаторы, мы недо-

стойные самозванцы святого имени Христа. Не будемъ притворяться; мы не идіоты зафѣданные рутинною, мы сознательные ханжи, прикрывающіе свои пороки лучезарнымъ щитомъ христіанства или другихъ философскихъ идеаловъ. Развѣ не ясно, какъ божій день, что всякое измѣненіе экономическаго строя должно исходить отъ людей имущихъ, для того чтобы измѣненія эти не приобрѣтали форму насилія? Почему же, принявъ прекрасную реформу Царя-Освободителя, христіане-богачи притворяются непонимающими логическихъ послѣдствій этой истинно христіанской реформы? Почему они притворяются непонимающими своихъ христіанскихъ обязанностей по отношенію къ этимъ миллионамъ рабовъ, совершенно растерявшихся, въ виду новаго, диковиннаго для нихъ положенія свободныхъ людей? Почему интеллигенція не обращается къ богатымъ съ проповѣдью любви, а предпочитаетъ обращаться къ бѣднымъ съ проповѣдью ненависти? Почему она не объясняетъ богатымъ святого дѣла, логическою силою вещей выпадающаго на ихъ долю? Почему она не оказываетъ нравственной поддержки богатому человѣку, желающему принять на себя выполненіе своихъ обязанностей по отношенію къ ближнему, а, напротивъ, старается забросать его грязью, чтобы другіе не послѣдовали его примѣру? Да потому, что тѣ и другіе только сознательные ханжи, христіане и философы на словахъ; на дѣлѣ—дикіе звѣри съ животными инстинктами въ сердцѣ.

Когда мы поймемъ наконецъ, что наше грубое ханжество не обманываетъ даже и ребенка? Когда, устыдившись своихъ софизмовъ, мы рѣшимся честно сознаться, что, называясь христіанами, только профанируемъ высокій идеалъ? Если въ нашемъ сознаніи есть хотя искра пониманія христіанскаго міровоззрѣнія, если въ нашемъ сердцѣ есть хоть капля искренняго чувства къ Тому, Чья проповѣдь, и жизнь, и смерть—одна любовь, мы опомнимся и, не теряя ни минуты, приступимъ къ согласованію жизненной практики съ духомъ официально исповѣдуемой нами доктрины; мы покаемся въ томъ, что ложь въ жизни зависитъ отъ насъ самихъ, что до сихъ поръ мы не желали осуществленія въ жизни идеаловъ, начертанныхъ на нашихъ знаменахъ. Если сильно и искренно будетъ въ насъ чувство стыда и раскаянія, мы съ омерзеніемъ отвернемся отъ нашего лживаго прошлаго; мы не осмѣлимся болѣе лживо произносить слова молитвы „хлѣбъ нашъ насущный даждь намъ днесь“, а искренно направимъ всѣ силы нашего ума на то, чтобы по возможности скоро и прочно обезпечить хлѣбъ насущный за каждымъ изъ нашихъ ближнихъ и, только исполнивъ эту элементарную обязанность христіанина, будемъ вправѣ войти во храмъ и вознестъ нашъ умъ и сердце къ Богу; только тогда молитва наша перестаетъ

нетъ быть глумленіемъ, только тогда назваться христіаниномъ перестанетъ быть кошуствомъ.

Съ своей стороны я рѣшился, не теряя ни минуты, приступить къ дѣятельности въ этомъ направленіи, насколько она доступна слабымъ силамъ частнаго человѣка. При первой возможности я раздѣлю всю принадлежащую мнѣ землю на участки, на каждомъ участкѣ устрою небольшую ферму и отдамъ эту ферму въ долгосрочную аренду земледѣльческимъ артелямъ, снабдивъ ихъ заимообразно необходимымъ оборотнымъ капиталомъ *). Отъ успѣха въ этомъ дѣлѣ я жду двухъ, крайне существенныхъ, результатовъ: пользу для правительства, которое можетъ воспользоваться этимъ опытомъ для дальнѣйшихъ соображеній и вмѣстѣ съ тѣмъ найдетъ почву подготовленную хотя и на одномъ микроскопически маломъ пунктѣ громадной территоріи, и поворота въ общественномъ мнѣніи въ пользу дѣла, отъ успѣха котораго, по моему глубокому убѣжденію, зависитъ вся будущность Россіи.

Предпринимаемое слабыми силами частнаго человѣка, дѣло это требуетъ гораздо большихъ гарантій для своего успѣха, чѣмъ то было бы необходимо при выполненіи его въ большихъ размѣрахъ. Если бы я образовалъ артели фермеровъ изъ людей нравственно и умственно исковерканныхъ ненормальною обстановкою современнаго крестьянскаго быта, можно съ увѣренностью сказать, что при моей неопытности въ этомъ новомъ дѣлѣ, мнѣ не удалось бы поборотъ духа розни, узкаго эгоизма, взаимнаго нерасположенія и другихъ антисоціальныхъ инстинктовъ, привитыхъ нашему народу вѣками рабства. Подобная артель могла бы существовать только искусственно, подъ непремѣннымъ условіемъ постоянного воздѣйствія съ моей стороны; предоставленная сама себѣ она, безъ сомнѣнія, распалась бы. Чтобы поставить это дѣло прочно, мнѣ необходимо воспитать первый контингентъ первой артели для жизни свободныхъ людей, сознательно образующихъ ассоціацію для разумнаго, единодушнаго труда въ виду достиженія общей цѣли.

Теперь пока обстоятельства не позволяютъ мнѣ приступить къ постройкѣ самихъ фермъ, я взялъ на воспитаніе 10 дѣтей въ маломъ возрастѣ, съ цѣлью возможно основательнѣе подготовить ихъ къ предстоящей для нихъ жизни.

Въ настоящее время дѣти проходятъ курсъ народной школы, года черезъ два или три я переведу ихъ на ферму, гдѣ устрою для нихъ элементарное сельско-хозяйственное училище, по окончаніи курса въ которомъ, они и образуютъ изъ себя первую артель

*) Умудренный двадцатилѣтнимъ опытомъ, я сдѣлалъ это нѣсколько иначе, но духъ того, что я предлагалъ и того, что сдѣлалъ, одинъ и тотъ же.

фермеровъ, для обработки сообща арендуемой земли. Переживая вмѣстѣ съ ними всѣ эти фазы ихъ воспитательнаго поприща, я надѣюсь и самъ многому научиться и, сообразуясь съ обстоятельствами мѣста и реальнаго дѣла, выработать въ мельчайшихъ подробностяхъ наилучшій типъ устройства фермерской артели, болѣе основательно, чѣмъ я могъ бы это сдѣлать при теоретической разработкѣ вопроса въ кабинетѣ. Впослѣдствіи, если матеріальныя средства позволятъ, я буду продолжать это дѣло въ несравненно большихъ размѣрахъ, при чемъ надѣюсь найти въ моихъ теперешнихъ воспитанникахъ, на которыхъ удѣляю гораздо больше времени и труда, чѣмъ сколько буду въ состояніи удѣлить послѣдующимъ, болѣе многочисленнымъ выпускамъ, хорошихъ помощниковъ, способныхъ служить руководителями для новыхъ артелей при ихъ основаніи.

Объяснивъ такимъ образомъ цѣль, съ какою я принялъ дѣтей на воспитаніе, оставляю до второй части настоящей брошюры описаніе способовъ, при помощи которыхъ я стремился къ достиженію этой цѣли. Считаю не лишнимъ привести тогда же и цифры затратъ на обзаведеніе при устройствѣ пріюта и на расходы по его содержанію за протекшій годъ; сдѣлаю я это для тѣхъ лицъ, которыя, выражая симпатіи моему дѣлу, говорятъ, что не могутъ сдѣлать то же по недостатку средствъ; они увидятъ, что можно въ теченіе года прокормить 10 дѣтей на сумму, какую слишкомъ часто расходуютъ въ одинъ вечеръ на прихоть, не доставляющую въ большинствѣ случаевъ ни малѣйшаго удовольствія.

III.

Хлѣбъ духовный.

Кромѣ физическихъ потребностей, въ здоровомъ человѣкѣ есть еще и потребности духовныя, соотвѣтствующія двумъ свойствамъ человѣческаго духа: стремленію къ знанію и стремленію къ идеалу. Тѣсно связаны между собою знаніе и идеалъ: знаніе порождаетъ идеалъ, идеалъ соотвѣтствуетъ знанію. Жажда знанія есть стремленіе человѣка къ истинѣ, жажда идеала—стремленіе человѣка къ прекрасному. Идеалъ—путеводная звѣзда человѣка на пути къ прогрессу; знаніе приводитъ человѣка къ пониманію того, какими способами онъ можетъ осуществить желаемый идеалъ на практикѣ. Знаніе безъ идеала—педантическая мертвечина; идеалъ безъ знанія—безсильная мечта; идеалъ заимствованный безъ любви и пониманія есть краденая вещь, употребленіе которой непонятно для вора. Для

большинства изъ насъ возвышенный христіанскій идеалъ есть именно непонятая, нелюбимая нами краденая вещь. Мы дошли до такого безобразія, что не устыдились даже противополлагать знанію безсознательную вѣру въ христіанскій идеалъ; не устыдились предполагать оскорбительную для христіанскаго идеала возможность, со стороны знанія, привести къ его отрицанію; не устыдились отрицать необходимость разумной реализаціи христіанскаго идеала на землѣ.

Кто не понимаетъ, что христіанство, стремясь къ недостижаемому идеалу, по самой сущности своей безконечно прогрессивно, тотъ не усвоилъ себѣ духа христіанской доктрины. До тѣхъ поръ пока не водворилось на землѣ царство любви, пока мы повторяемъ слова молитвы „да придетъ царствіе Твое“, всякій искренній христіанинъ обязанъ дѣлательно стремиться къ просимому, обязанъ неуклонно шествовать впередъ по пути прогресса, иначе онъ живо произноситъ слова молитвы, изъ христіанина онъ становится самозванцемъ, изъ вѣрующаго становится ханжей, его религія маска, его молитва кощунство, глумленіе, ложь.

Чтобы человекъ былъ истиннымъ христіаниномъ, чтобы во всю жизнь онъ неуклонно стремился къ возвышенному идеалу христіанства, въ немъ долженъ яркимъ полымемъ сіять могучій духъ; дѣйствительно, христіанская доктрина отводитъ первое мѣсто жизни духа, а жизнью тѣла интересуется только настолько, насколько здоровье тѣла необходимо для земной жизни духа.

Ну имѣемъ ли мы право называться христіанами, когда милліоны нашихъ братьевъ должны отдавать всю жизнь на добываніе матеріальнаго хлѣба, а о хлѣбѣ духовномъ и мечтать не могутъ; когда большинство богатыхъ людей, широко удовлетворяя свои матеріальныя потребности, принизили въ себѣ жизнь духа до полного ея отрицанія, до желчнаго осмѣянія всякаго ея искренняго проявленія.

Мы такъ склонны успокоиваться на словахъ, ни мало не вникая въ ихъ внутренній смыслъ, что многіе изъ насъ съ неподражаемою наивною искренностью считаютъ себя христіанами, признавая въ то же время осуществленіе христіанскаго идеала на землѣ ребяческою утопій. Чтобы стать истинными христіанами, намъ необходимо проникнуться сознаніемъ, что до сихъ поръ мы ими не были, и энергично приступить къ согласованію нашихъ мыслей, чувствъ, привычекъ и всего вообще строя жизни съ любвеобильнымъ духомъ христіанства.

Пока мы не отведемъ въ собственной жизни первенствующее значеніе жизни духа, пока не будемъ искренно, дѣлательно стремиться доставить возможность всѣмъ ближнимъ нашимъ безъ исключенія не только удовлетворять, но и развивать свои духовныя потребности, мы останемся волками въ овечьей шкурѣ, грубыми язычниками подъ личиною кроткихъ христіанъ.

Не будемъ ласкать себя напрасными иллюзіями; современные псевдо-христіане и псевдо-философы до того погрязли въ грубѣйшемъ матеріализмѣ, что согласовать практику жизни съ духомъ христіанства или какой-либо философской доктрины — вещь очень не легкая. Нашъ нравственный уровень еще такъ низокъ, что мы цѣнимъ въ жизни однѣ только матеріальныя выгоды интеллектуальнаго или моральнаго порядка. Цинизмъ нашъ въ этомъ отношеніи дошелъ, кажется, до кульминаціоннаго пункта; задушивъ въ себѣ всякія потребности высшаго порядка, мы не только не стыдимся своего звѣроподобія, но даже не умѣемъ уважать человѣчскія чувства въ другихъ и нахально издѣваемся надъ ними, считая ихъ нелѣпыми утопіями, наивными бреднями. При такомъ порядкѣ вещей, когда мы издѣваемся на практикѣ надъ тѣмъ, передъ чѣмъ притворно преклоняемся въ теоріи, мы напрасно будемъ мечтать о какихъ бы то ни было переменахъ къ лучшему; при всякихъ обстоятельствахъ мы неизбѣжно пропитаемъ всю окружающую насъ атмосферу присущими намъ пороками и ложью. Одна изъ насущныхъ потребностей настоящаго времени состоитъ въ томъ, чтобы каждый изъ насъ сосредоточился, отважно заглянулъ въ собственную душу, честно проанализировалъ собственные мысли, чувства и поступки, составилъ бы себѣ планъ жизни достойный разума и существа, сообразный съ идеаломъ исповѣдуемой нами доктрины.

Пробудивъ такимъ образомъ въ себѣ духовнаго человека, постараемся пробуждать духовную жизнь и въ другихъ, обезпечивъ за ближними нашими хлѣбъ матеріальный, озаботимся доставить имъ и хлѣбъ духовный и только тогда съ чистымъ сердцемъ повторимъ, какъ полезное для насъ ежедневное напоминаніе, слова молитвы „Хлѣбъ нашъ насущный даждь намъ днесь“.

Одно изъ лучшихъ средствъ къ быстрому оздоровленію умственной и нравственной атмосферы современнаго общества — разумное отношеніе къ дѣлу воспитанія нарождающихся поколѣній и доставленіе народу умственно и нравственно полезныхъ удовольствій въ праздничные дни.

Мнѣ скажутъ, что все это гораздо легче сказать на словахъ, чѣмъ исполнить на дѣлѣ; совершенно вѣрно; я не нахожу, однако, чтобы трудность дѣла могла служить аргументомъ противъ дѣла абсолютно необходимаго, когда нѣтъ болѣе легкихъ способовъ достигнуть цѣли.

Конечно, имущіе классы должны для этого поступиться своею безшабашною, разгульною жизнью въ городахъ и, въ качествѣ миссіонеровъ, приняться за доступную для нихъ дѣятельность въ захолустьяхъ. Если мнѣ скажутъ, что это самопожертвованіе, о которомъ смѣшно даже и говорить, я отвѣчу, что для искренняго христіанина или философа это не только не самопожертвованіе, а, напротивъ,

единственный образъ жизни, при которомъ онъ найдетъ удовлетвореніе своихъ умственныхъ и нравственныхъ потребностей. Тѣ псевдо-христиане, которые находятъ удовлетвореніе въ вакханаліяхъ роскоши, тѣ псевдо-философы, которые находятъ удовлетвореніе въ безцѣльныхъ оргіяхъ мысли,—безъ сомнѣнія миссіонерами быть не могутъ: это просто дикари, изъ которыхъ предстоить миссіонерамъ сдѣлать образъ и подобіе Божіе.

IV.

Мой взглядъ на воспитаніе.

Для наблюдателя, исполнены глубокаго интереса аномаліи, почти фантастическія въ своей несообразности, аномаліи, на которыя приходится на каждомъ шагѣ наталкиваться въ практической жизни народовъ. Обыкновенно выставляютъ при этомъ понятіе о переходной эпохѣ, какъ магическую кличку, все собою объясняющую. Что такое на самомъ дѣлѣ эта пресловутая переходная эпоха? Не было поколѣнія, которое бы не считало свою эпоху переходною по той простой причинѣ, что нѣтъ того момента въ жизни человѣчества, когда бы эта жизнь застыла. Неудержимо несется широкимъ потокомъ жизнь человѣчества отъ вѣчности въ вѣчность; что, какъ не вѣчный переходъ, законъ трехъ моментовъ, подмѣченный глубокимъ умомъ мыслителя Гегеля; этотъ вѣчный скачекъ отъ положенія къ противоположенію, это менѣе замѣтное, но столь же переходное движеніе отъ противоположенія къ третьему моменту компромисса между первыми двумя; это вовсе незамѣтное превращеніе бывшаго компромисса въ настоящее положеніе, само въ себѣ носящее зародышъ для новаго скачка къ новому, вѣчно возрождающемуся противоположенію.

Это и безъ того разнообразное движеніе усложняется безконечнымъ разнообразіемъ явленій психической жизни человѣка, при чемъ, да позволятъ мнѣ такъ выразиться, каждый атомъ души и мысли можетъ развиваться отдѣльно, порождая тѣ фантастическія несообразности, о которыхъ я говорю.

Изъ подобныхъ несообразностей соткана вся жизнь современнаго намъ общества и, что хуже, насквозь пронизано все умственное и нравственное существо большинства изъ насъ. Современная жизнь начинаетъ пріобрѣтать характеръ дикой фееріи, порожденной бредомъ разстроеннаго воображенія, а современный человѣкъ напрасно старается осилить бурю внутреннихъ противорѣчій, порожденныхъ разладомъ, слишкомъ неравномѣрно развивающихся въ насъ умственной и нравственной стороны нашей природы. Душно намъ во всякой атмосферѣ насъ окружающей и мы проклинаемъ ее, забывая,

что сами создаемъ окружающую насъ атмосферу, что ложь въ жизни есть только отраженіе внутренней лжи въ насъ самихъ.

Вѣднй, страждущій духъ! Какими дивными видѣніями наполнили тебя и кропотливый трудъ испытателя природы, и широкій полетъ присущаго тебѣ таинственнаго бога; какъ заманчивы эти видѣнія, какъ дразнятъ они тебя, жалкое двуногое созданіе; далеко отстало въ тебѣ нравственное существо отъ могучаго полета всеобъемлющей мысли и гадокъ ты въ своемъ безсиліи подчинить въ себѣ дикое животное разумному богу.

Этотъ болѣзненный разладъ между идеаломъ и формами жизни, этими внѣшними проявленіями нравственнаго уровня современнаго намъ средняго человѣка, съ другой, происходитъ отъ безобразнаго, въ высшей степени преступнаго отношенія современнаго намъ общества къ дѣлу воспитанія нарождающихся поколѣній.

Въ теоріи давно признана безусловная необходимость возможно гармоническаго воспитанія всѣхъ трехъ сторонъ человѣческой природы: физической, умственной и нравственной, для здоровой жизни индивидуума и того общественнаго организма, къ которому онъ принадлежитъ.

Мнѣ кажется совершенно очевиднымъ, что нравственныя понятія человѣка непосредственно вытекаютъ изъ его общаго міровоззрѣнія. Прибавлю, что между нравственными понятіями человѣка и его нравственною личностью можетъ лежать, да въ большинствѣ случаевъ и лежитъ, цѣлая пропасть. Чтобы нравственныя понятія вошли въ плоть и кровь человѣка, необходима громадная сила воли; только она можетъ осуществить ту идеальную честность, при которой немыслимъ разладъ между мыслью, словомъ и дѣломъ. Воспитать ясный умъ и непоколебимую силу воли, значитъ воспитать прекрасный типъ честнаго и высоко-нравственнаго человѣка.

Въ этомъ высокомъ смыслѣ не одна Россія, но съ нею и все человѣчество нравственнаго воспитанія не получаетъ. Если и попадаются исключенія, на нихъ нельзя не смотрѣть какъ на счастливые случайности; какъ таковыя, они стоятъ особнякомъ отъ всего окружающаго общества, которое удивляется имъ, тщательно старается имъ не подражать, находя ихъ монстрами, раритетами и тому подобными интересными, но антипатичными для зауряднаго человѣка, курьезами. До сихъ поръ воспитаніе поставлено такимъ образомъ, какъ будто люди имѣютъ непреодолимое отвращеніе къ истинной честности и нравственности.

Милліоны дѣтей не получаютъ ни малѣйшаго воспитанія, ни физическаго, ни умственнаго, ни нравственнаго. Остальнымъ преподносятъ вмѣсто воспитанія калейдоскопъ изъ обрывковъ мыслей и ходячихъ моральныхъ изрѣченій, очевидно составляющихъ пустую,

условную форму выраженія для самих педагоговъ и родителей. Даже сильный умъ, при подобныхъ обстоятельствахъ, можетъ развиться только при сумятицѣ въ мысляхъ, можетъ привести только къ порывистому, безразсудному протесту противъ окружающаго и длиннымъ годамъ желчнаго, сознательнаго нытья о заѣданіи средою.

О заурядныхъ натурахъ и говорить нечего; ихъ умъ не возвысится до высокихъ пареній, какъ рыба въ водѣ, они купаются въ волнахъ ими же созданной лживой атмосферы современной общественной жизни. Вотъ они современные патріоты, сознательно разрушающіе будущее своей отчизны; современные христіане съ проповѣдью ненависти и мщенія на устахъ; современные консерваторы разрушающіе семью, позорящіе религію, презирающіе нравственность; современные либералы, съ своими писанными торбами и бабьими причитаніями; современные анархисты съ ихъ театральными эффектами и ребяческою самонадѣянностью; современные ученые, занимающіеся проституціей науки на жертву минутной прихоти толпы. У всѣхъ насъ пестрые обрывки мыслей въ головѣ и дряблая ломотья животныхъ инстинктовъ въ сердцѣ.

Вотъ общій темный колоритъ настоящаго времени и такъ будетъ до тѣхъ поръ, пока не признаютъ элементарной истины: безусловной необходимости, для счастья человѣческаго общества, соразмѣрнаго и параллельнаго развитія, во всякомъ индивидуумѣ его составляющемъ, всѣхъ трехъ сторонъ его природы; пока государство не признаетъ, что оставлять ребенка безъ воспитанія воли есть преступленіе и въ отношеніи этого ребенка и въ отношеніи того общества, среди котораго онъ будетъ жить.

Это время, очевидно, еще не настало. Одно упоминаніе о необходимости нравственнаго воспитанія вызываетъ (какъ у дикарей видъ необычнаго предмета) улыбку презрѣнія у либерала, томно мечтающаго о своей излюбленной писанной торбѣ (собраніи для упражненій въ злоквенціи) и гомерическій хохотъ у консерватора, ни о чемъ не мечтающаго, но находящаго до крайности наивнымъ съ вашей стороны попользованіе нарушить покой его ума и совѣсти, когда онъ занятъ дѣломъ несравненно болѣе важнымъ, какъ напр. перевариваніемъ вкуснаго обѣда или предвкушеніемъ чистыхъ радостей вечерняго вина. Но по французской пословицѣ, „*giga bien, qui giga le dernier*“, а я твердо вѣрю, что въ концѣ концовъ застынетъ на устахъ и презрительная улыбка у лжелиберала и гомерическій хохотъ у лжеконсерватора. Хорошо, если въ этотъ день будетъ еще не поздно для нихъ приняться за то дѣло, которое они теперь такъ легкомысленно осмѣиваютъ.

Когда я написалъ мою первую брошюру „Историческое призваніе русскаго помѣщика“, критика, въ лицѣ профессора Иванюкова,

удивлялась тому, что я возлагаю надежды на классъ общества, въ той же брошюрѣ описанный мною въ самыхъ черныхъ краскахъ; теперь не преминуть обвинить меня въ нелогичности, за требованіе всесторонне воспитывать нарождающіяся поколѣнія, требованіе обращенное къ обществу, не получившему ни малѣйшаго нравственнаго воспитанія. Если бы человѣкъ не способенъ былъ къ самостоятельному развитію, если бы, подъ могучимъ вліяніемъ озарившей его мысли, человѣкъ не способенъ былъ воспринять духомъ и, нравственно преобразенный, повѣдать другимъ лично для него недостижимый идеалъ,—человѣчество не имѣло бы будущности, прогрессъ для него былъ бы немыслимъ и мы никогда не дожили бы и до настоящаго положенія, во многихъ отношеніяхъ неизмѣримо лучшаго, сравнительно съ пережитымъ нашими предками. Прежде развивали исключительно физическую силу; теперь, если и нельзя признать воспитаніе поставленнымъ правильно, все же современный намъ средній человѣкъ представляетъ изъ себя типъ человѣка, столь развитаго умственно, какой предкамъ нашимъ даже и не мерещился. У него умъ, конечно, одностороненъ, живетъ какъ бы самъ по себѣ, оказывая слишкомъ мало вліянія на практику жизни; причина тому, какъ я уже сказалъ, отсутствіе характера силы воли, этого необходимаго орудія для торжества духа во внутреннемъ человѣкѣ. Можетъ быть недостатокъ нравственнаго воспитанія для нынѣшняго поколѣнія и не поправимъ, можетъ быть имъ не дожить до царства духа внутри ихъ, можетъ быть они такъ до могилы и останутся боги въ теоріи и дикіе звѣри на практикѣ; все же они могутъ сознать присущій имъ недостатокъ и исправить, по отношенію къ воспитанію другихъ, тотъ пробѣлъ въ ихъ собственномъ воспитаніи, который сдѣлалъ столько зла имъ сямимъ. Конечно, еще лучше было бы, еслибъ кромѣ теоріи, они могли показать и хорошій примѣръ на практикѣ; во всякомъ случаѣ, при искреннемъ отношеніи къ дѣлу, современное общество воспитало бы людей несравненно болѣе цѣльныхъ, что послужило бы задаткомъ для быстраго движенія впередъ дальнѣйшихъ поколѣній.

Въ великій день, когда общественное мнѣніе измѣнитъ свой взглядъ на дѣло воспитанія, когда дѣло это станетъ почетнымъ, найдутся искренніе, честные педагоги во всѣхъ слояхъ общества. Вѣдь они и теперь есть, только силы воли не хватаетъ на трудное дѣло съ перспективою надруганія надъ дѣломъ и трудомъ. Конечно, для честнаго человѣка обязательно поступать сообразно убѣжденіямъ, не обращая вниманія на то, насколько это для него выгодно или пріятно; но мы еще не дожили до того времени, когда честность перестанетъ быть исключительнымъ достоинствомъ чистой теоріи. Проникни въ общественное мнѣніе сознаніе безусловной необходи-

мости поголовнаго и всесторонняго воспитанія нарождающихся поколѣній, найдется масса лицъ не дурныхъ, но страдающихъ общимъ недугомъ, заурядною безхарактерностью, которыя посвящаютъ свой полезный трудъ этому дѣлу, сдѣлавшемуся сравнительно легкимъ и безусловно почетнымъ. Воспитывая другихъ, они сами перевоспитаютъ себя и, подъ вліяніемъ измѣнившихся обстоятельствъ, обогороженные благороднымъ дѣломъ, станутъ несравненно лучшими, чѣмъ были. Въ тотъ день, когда правительство внесетъ въ бюджетъ государства расходъ на эту важнѣйшую изъ государственныхъ потребностей, оно привлечетъ къ этому дѣлу лицъ, немѣющихъ средствъ заняться имъ самостоятельно.

Резюмирую въ нѣсколькихъ словахъ тѣ немногія цѣли, къ которымъ, по моему мнѣнію, должно стремиться воспитаніе въ примѣненіи ко всѣмъ классамъ общества безъ различія.

I. Физическое воспитаніе: 1) *здоровье тѣла*, 2) *ловкость движеній*, 3) *изящество формъ*.

II. Умственное воспитаніе: 1) *обученіе — систематическое* изложеніе немногихъ, самыхъ полезныхъ для даннаго ребенка знаній, изъ громаднаго запаса накопившагося отъ умственной работы всѣхъ вѣковъ и народовъ; 2) *развитіе мыслительной способности* — приученіе ума къ сосредоточенію вниманія и строгой логичности.

III. Нравственное воспитаніе: 1) *развитіе чувства сопричастности и нравственного долга* — чуткости по отношенію къ идеалу, порожденному общимъ мировоззрѣніемъ; 2) *воспитаніе силы характера*, безъ которой нѣтъ и *честности*, состоящей въ неуклонномъ, систематическомъ проведеніи въ жизнь и словомъ и дѣломъ лучезарнаго, озарившаго мысль, идеала; 3) *религіозное воспитаніе* — пробужденіе въ ребенкѣ сознанія необходимости житья съ Богомъ, а не безъ Бога; проникновеніе души ученіемъ мира и любви Христа Спасителя. Если мы искренніе христіане, если мы искренно желаемъ благоденствія и мирнаго житія нашей родинѣ, мы не пожалѣемъ затратъ на повсемѣстное преобразование сельскихъ школъ въ воспитательныя заведенія; мы употребимъ всѣ средства, которыя теперь тратимъ на дорого стоящіе развлеченія, на сомнительныя аферы и даже на дѣла благотворительности и благочестія, на это самое необходимое, истинно христіанское дѣло; въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ не захотятъ или не въ силахъ будутъ сдѣлать это крестьянскія общества, пусть покажутъ имъ примѣръ помѣщики; гдѣ нѣтъ помѣщиковъ, пусть возьмется за это дѣло правительство при помощи людей доброй воли.

Считаю умѣстнымъ сказать здѣсь нѣсколько словъ относительно взгляда моего на желательныя отношенія воспитателя къ дѣлу.

Истинно полезнымъ воспитателемъ можетъ быть только чело-

вѣкъ, сознательно принявшій извѣстную программу, отъ глубины души, искренно полюбившій то дѣло, которому служить. Недостаточно равнодушной педантичности; это живое дѣло требуетъ и живаго отношенія къ нему. Только воспринявъ умомъ идею, только отдавъ всю свою душу этому дѣлу, воспитатель можетъ удовлетворительно исполнить свою задачу.

Знаю, требованія мои найдутъ невозможными; современные развратники мысли и чувства спросятъ, какою цѣною я думаю купить этого цѣльнаго человѣка съ его умомъ и сердцемъ. Я отвѣчу имъ: ни за вашъ продажный умъ, ни за ваше продажное сердце я не дамъ вамъ ни гроша.

Конечно, трудно найти готоваго человѣка. Чей умъ не погасъ въ мелочахъ партійной рутинѣ? Чье сердце не застыло отъ леденящаго дуновенія глупой злобы отъ пошлаго плевка рабьяго сарказма? Но и полужамерзшій человѣкъ можетъ ожить отъ благотворнаго жара пылающаго костра. Высоко и свято вѣчное дѣло любви и прогресса, за него умеръ на крестѣ, благословляя враговъ, Бого-Человѣкъ Христосъ Иисусъ и не достоинъ быть Его слугою тотъ, чей умъ не озаренъ свѣтомъ новаго восходящаго идеала, чье сердце не согрѣто любовью жалости и всепрощенія. Человѣкъ, я вѣрю въ человѣка, знаю, что мысль можетъ пробудить мысль, знаю, что искреннее чувство одного можетъ сдѣлаться и достояніемъ всѣхъ; знаю, что присуща человѣку божественная искра вдохновенія, что искра эта не продается на людскихъ торжищахъ и что безъ искры этой нельзя быть воспитателемъ.

Клевещутъ тѣ, кто говоритъ, что нельзя требовать отъ человѣка возвышенныхъ мыслей и чувствъ; эта дряблая доктрина порождаетъ и дряблыхъ людей; чтобы не осквернить дѣтскаго ума этимъ затхлымъ исчадіемъ практической мудрости, такъ не можетъ думать и ихъ воспитатель.

Да, это дѣло многого требуетъ, но не невозможнаго. Самоотверженная любовь воспитателя должна быть такъ же велика, какъ велико то дѣло, которому онъ имѣетъ счастье и честь служить.

Не побоимся быть инициаторами въ этомъ дѣлѣ, мы, кому доступно приступить къ нему самостоятельно, хотя бы общественное мнѣніе и не скоро перешло на нашу сторону.

Пусть смѣются надъ нами воображающіе себя практичными дѣльцами, наивные люди; мы пойдемъ нашею дорогою и не чета ихъ жалкимъ наслажденіямъ грошами будетъ наша радость открывать души вѣчныя для воздѣйствія духа Божія и наслаждаться, воспитавъ гармоническаго человѣка, этими чудными аккордами, прибавленными нами къ общему гимну природы.

V.

Мой взгляд на нравственность.

Поясню возможно кратко, что я понимаю под словом нравственность. Я нахожу это тѣмъ болѣе необходимымъ, что слову этому придаютъ въ обществѣ самыя разнообразныя значенія; въ большинствѣ случаевъ его понимаютъ въ такомъ узкомъ смыслѣ, что, отводя нравственному воспитанію первенствующее значеніе, я хочу установить мою точку зрѣнія на этотъ предметъ.

Общее міровоззрѣніе человѣка, все то, что онъ знаетъ, порождаетъ въ его умѣ соотвѣтствующій идеалъ—все то, что онъ признаетъ желательнымъ. Все, что сообразно съ этимъ идеаломъ, что ведетъ къ его осуществленію, человѣкъ признаетъ добромъ и всякій поступокъ, направленный къ этому добру, признаетъ нравственнымъ. Итакъ, *нравственность есть стремленіе человека мыслію, словомъ и дѣломъ способствовать осуществленію на землѣ идеала, порожденнаго его міровоззрѣніемъ.* Измѣняясь сообразно съ измѣнчивымъ идеаломъ, измѣняющимся въ свою очередь сообразно измѣненіямъ порождающаго его міровоззрѣнія, нравственность не можетъ быть абсолютною, безотносительною. Абсолютной нравственности не существуетъ и благо человѣку, что нѣтъ и быть не можетъ этой застывшей, мертвой нравственности. Какъ безпредѣльно триумфальное шествіе человѣческаго духа, такъ безпредѣльно великъ и лучезарный пантеонъ порождаемыхъ имъ идеаловъ; все выше и выше увлекаютъ они за собою и понятія человѣка о нравственности; настанетъ день и свѣтлый идеалъ, что нынѣ едва мерещится нашему робкому уму въ грезахъ разпаленнаго воображенія, будетъ жалкимъ прошлымъ, поблекшимъ отъ ослѣпительныхъ лучей новаго, неизмѣримо болѣе свѣтлаго идеала преображеннаго имъ человѣка. Думать, что нравственность останется при этомъ все та же—нелогичное святотатство обезумѣвшаго отъ гордости поколѣнія. Напрасно будутъ возражать, что Христосъ принесъ на землю абсолютную нравственность, абсолютнаго Бога; до нравственности Бого-Человѣка намъ такъ же далеко, какъ далеко нашимъ измѣнчивымъ идеаламъ до вѣчнаго, неизмѣннаго идеала всевѣдущаго Бога. Опомнимся; вѣдь мы до сихъ поръ не можемъ провести въ жизнь Сыномъ Человѣческимъ преподаннаго намъ практическаго совѣта, для земнаго счастья необходимой взаимной любви и помощи другъ другу; намъ ли мечтать, въ припадкѣ безумной гордости, о яко бы усвоенныхъ нами нравственныхъ понятіяхъ всевѣдущаго, вѣчнаго, абсолютнаго Бога!!!

Возвращаюсь къ моему предмету. Между нравственными понятіями человѣка и нравственнымъ обликомъ его собственной личности

можетъ лежать цѣлая пропасть. Кто изъ насъ не чувствуетъ въ себѣ разлада, все равно добровольнаго или происходящаго отъ обстоятельствъ, яко бы отъ насъ независящихъ, между мыслію, словомъ и дѣломъ. Происходить это отъ очень разныхъ причинъ и въ весьма неодинаковой степени. Люди, у которыхъ, какъ я выразился, пестрые обрывки мыслей въ головѣ и дряблыя лохмотья животныхъ инстинктовъ въ сердцѣ, этого разлада почти не ощущаютъ. Если они официально и исповѣдуютъ какую доктрину, на умъ и сердце ихъ она имѣетъ менѣе вліянія, чѣмъ носимый ими мундиръ, она для нихъ скучная книга, не при нихъ писанная, странными словами выраженный дневной пароль; какую бы подлость не сдѣлалъ подобный человѣкъ, онъ всегда найдетъ въ мусорѣ своего ума подходящій лоскутокъ, и вполне на этомъ успокоится; даже хвастать будетъ, что составляетъ одну изъ самыхъ раздирающихъ потокъ въ какофоніи самодовольно торжествующихъ представителей практической мудрости. Между прочимъ они хвастаютъ и неизмѣнимъ идеаловъ; нѣтъ идеаловъ, нѣтъ, очевидно, нравственности; въ этой главѣ о нихъ, слѣдовательно, и говорить нечего; оставляю ихъ въ покоѣ и болѣе къ нимъ возвращаться не буду.

У человѣка, усвоившаго исповѣдуемую имъ доктрину, при каждомъ словѣ или поступкѣ, несообразномъ съ его понятіями о нравственности, возникаетъ болѣзненное чувство, называемое угрызѣніями совѣсти; напротивъ, при полной гармоніи мысли, слова и дѣла наступаетъ въ душѣ сладостное чувство, слабо выражаемое на языкѣ человѣка словами „совѣсть спокойна“. Итакъ, *совѣсть, это звуки вѣчно вибрирующей души человека, ласкающій звукъ чистой радости при неуклонномъ проведеніи въ жизнь, словомъ и дѣломъ, въ тайникѣ человѣческаго ума блистающаго идеала; рѣзкій звукъ негодованія и муки, при появленіи разлада между ними.*

У человѣка съ ясно опредѣленнымъ идеаломъ въ головѣ и чуткою совѣстью въ сердцѣ, зарождается еще новое чувство—*чувство нравственнаго долга*; это чувство, какъ я его понимаю, *есть порожденное идеаломъ, воспитанное чуткою совѣстью сознание необходимости и словомъ и дѣломъ проводить въ жизнь глубоко прочувствованный человекомъ идеалъ.*

Но сознание еще не то же, что жизнь сообразная съ этимъ сознаниемъ. Конечно, и одно сознание въ себѣ чувства нравственнаго долга дѣлаетъ великую честь его обладателю. Велико и само по себѣ таинство нравственнаго крещенія духа сознаниемъ грознаго, неумолимаго долга, порожденнаго двойственностью человѣка; сознанный долгъ подчинить въ себѣ человѣка плоть—человѣку духу, человѣка раба животныхъ инстинктовъ—человѣку царю природы, человѣка червя—человѣку богу.

Трудна бывает борьба слабого двуногого создания противъ многоразличныхъ соблазновъ заѣдающей среды, сонной рутинной будничной жизни. Часто оканчивается эта борьба побѣдою дикаго звѣря, придушить въ себѣ человѣкъ божественную искру, и взойдетъ, на мѣсто религіознаго идеала, утробный идеалъ практической мудрости.

Въ исторіи вѣковъ сохранилась и святая память героевъ, чей духъ величавый и сильный, сумѣвъ обуздать человѣка-звѣря, повелъ его по новому пути къ разумно сознанному идеалу; та же исторія сохранила намъ и память людей, чье узкое мировоззрѣніе породило ложный идеалъ, но и они величавы въ своихъ заблужденіяхъ когда побудительною причиною ихъ дѣйствій было возвышенное чувство нравственнаго долга.

Это чувство было ихъ путеводною звѣздою, но не оно дало имъ силу совершить великій подвигъ, неуклоннаго проведенія въ жизнь идеала; совершить его они могли только благодаря совокупному дѣйствію всѣхъ трехъ факторовъ окрѣпшей души человѣка (идеала, совѣсти и чувства нравственнаго долга) подъ могучимъ воздѣйствіемъ Благодати Божіей, той могучей энергіи духа, которую мы, на нашемъ безцвѣтномъ языкѣ, называемъ силою характера, и, при нашей путаницѣ въ мысляхъ, постоянно смѣшиваемъ, то съ глупымъ упрямствомъ, то съ дикимъ безуміемъ слѣпотаго фанатизма.

Только того человѣка, чей могучій духъ, озаренный свѣтомъ отъ Свѣта Небеснаго сдѣлалъ для него разладъ между мыслию, словомъ и дѣломъ абсолютно невозможнымъ, я назову истинно честнымъ, высоконравственнымъ человѣкомъ.

VI.

Мой взглядъ на религіозное воспитаніе.

Нашъ вѣкъ—вѣкъ матеріализма по преимуществу; имъ насквозь пропитаны даже и тѣ изъ насъ, которые съ ужасомъ открещиваются отъ этого пугала. Какъ часто приходится слышать отъ людей, воображающихъ себя христіанами, слѣдующее разсужденіе: „Я сказалъ ребенку, что есть Богъ, я научилъ его молитвамъ, какое же еще нужно религіозное воспитаніе“. Ну не матеріализмъ ли это въ самой грубѣйшей формѣ; не сквозитъ ли въ этихъ словахъ безсознательный матеріализмъ говорящаго; для него, очевидно, молитва не есть возношеніе ума и сердца къ Богу; для него она пустая формаль-

ность, дисциплинарная мѣра, бездушный пунктъ официальной программы; и это кощунство они осмѣливаются называть безхитростнымъ, трезвымъ взглядомъ на религію и религіозное воспитаніе ребенка.

Не менѣе пропитанъ матеріализмомъ и простолюдинъ. Русскій народъ привыкъ смотрѣть на религію и религіозные обряды, исключительно, какъ на повинность, да развѣ еще какъ на средство пріобрѣтенія разныхъ земныхъ благъ, каковы: здоровье, урожай и т. п. Именно то, что составляетъ всю суть христіанской религіи, прекрасный нравственный кодексъ остается совершенно чуждымъ понимаю массы; только этимъ и можно объяснить поразительный разладъ между жизненной практикой и высокимъ нравственнымъ идеаломъ религіи, официально исповѣдуемой въ теченіе тысячелѣтій.

Молитва и обряды, оставаясь безсодержательною формою, само собою разумѣется, не могли оказывать на нравственность массы ни малѣйшаго благотворнаго вліянія; совсѣмъ другое значеніе они пріобрѣтаютъ для того, кто вкладываетъ въ нихъ глубокий внутренній смыслъ, кто не забываетъ изъ-за формы олицетворяемой ею идеи.

Мы настолько матеріалисты, что сумѣли придать грубую матеріалистическую окраску всему, до чего прикасаемся.

Что сдѣлали мы изъ поста—этого олицетворенія высокаго нравственнаго принципа воздержанія? Внутренній смыслъ забыть; воздержанностью большинство изъ насъ похвалиться не можетъ; осталась одна форма и грубо-матеріалистическій взглядъ на постъ, какъ на поглощеніе въ назначенные дни растительнаго масла, грибовъ и капусты, вмѣсто коровьяго масла, яицъ и мяса съ кощунственнымъ поясненіемъ, что такъ угодно Богу, что тотъ, кто не исполняетъ этого обряда, будетъ наказанъ вѣчными муками ада. Что сдѣлали мы изъ молитвы—этого возвышенія ума и сердца къ Богу. Торопливое словозверженіе съ машинальными поклонами и болтаніемъ руки, будто для крестнаго знаменія. Въ молитвѣ, видите ли, мы можемъ *напоминать* Всевѣдущему Богу о нашихъ нуждахъ, просить его помощи въ нашихъ грошовыхъ предпріятіяхъ и даже злобныхъ замыслахъ, благодарить Его за удачную аферу, окончившуюся, съ пользою для насъ, ущербомъ для нашего ближняго. И вотъ, наша молитва, вмѣсто того, чтобы возвышать нашъ умъ и сердце къ Богу, получаетъ грубо-матеріалистическую окраску пониженія божества до сферы нашихъ грязныхъ дѣлишекъ и злобныхъ интрижекъ.

Что сдѣлали мы изъ праздниковъ—этихъ дней отдохновенія отъ физическихъ трудовъ, этихъ дней, посвященныхъ Богу и жизни духа? У насъ это дни безшабашнаго разгула, дни пьяныхъ оргій, безобразной ругани и свирѣпыхъ побоищъ.

Конечно, всякій искренній христіанинъ поспѣшитъ признать, что люди, поступающіе такимъ образомъ, не имѣютъ ни малѣйшаго понятія о христіанскомъ міровоззрѣніи и христіанской нравственности; но есть между нами и такіе псевдо-христіане, которые не задумаются признать все это безхитростнымъ отношеніемъ къ религіи; для нихъ совокупность исковерканныхъ обычаевъ, низведенныхъ до уровня безсодержательныхъ формальностей, и есть религія; приученіе ребенка къ выполнению этихъ безсодержательныхъ формальностей они называютъ религіознымъ воспитаніемъ.

На самомъ дѣлѣ христіанство—это свобода духа, вѣчное стремленіе къ недостигаемому идеалу, прекрасный нравственный кодексъ, весь пропитанный живою силою святой любви, вѣра, дѣйствующая любовью.

Дать рецептъ, какъ вложить въ душу ребенка возвышенное религіозное чувство, я не берусь; это дѣло вдохновенія и невозможно для человѣка неимѣющаго живой вѣры.

Для ребенка недоступно отвлеченное разсужденіе; не пробудить въ немъ самосознанія, не заставить его ощутить Бога никакими словами, какъ бы возвышенны не были выражаемыя ими мысли, какъ-бы краснорѣчиво ни выражали эти возвышенныя мысли и чувства. Сдѣлать это можетъ только, помимо вашей воли, проявившееся въ васъ состояніе вашей собственной души; вдохновеніе, озарившее минутнымъ, таинственнымъ свѣтомъ ваше лицо, голосъ, дрогнувшій отъ глубокаго внутренняго чувства; то будетъ истинное наитіе духа, великое таинство пробужденія въ ребенкѣ самосознанія. Сколько людей, сколько христіанъ коротаютъ свой вѣкъ, не испытавъ этого великаго таинства крещенія духа; все для нихъ бездушная мертвая форма—и религія, и нравственность, и наука. Во всю жизнь въ глубокомъ оцѣпенѣніи дремлетъ въ нихъ зародышъ духа; не отзовется онъ въ нихъ внезапнымъ порывомъ восторга къ добру, внезапнымъ порывомъ негодованія ко злу и неправдѣ. Все одно, отрицаютъ они науку или служатъ ей, наука для нихъ бездушная книга, либеральная профессія соединенная съ извѣстнымъ социальнымъ положеніемъ; все одно, прикрываются они нравственнымъ кодексомъ или аффектированно глумятся надъ нимъ, и религія, и нравственность для нихъ полицейская мѣра, которую можно признавать или отвергать, сообразно тому, выгодно то или невыгодно для ихъ политической партіи.

Избѣгнуть этого возможно только пробужденіемъ къ жизни духа, что, по моему убѣжденію, и составляетъ главную заботу религіознаго воспитанія. Сдѣлать это нельзя, ни приученіемъ ребенка къ точному выполнению совершенно непонятныхъ для него религіозныхъ обрядовъ, ни вбиваніемъ въ его голову еще менѣе понят-

ныхъ для него догматическихъ тонкостей. Съумѣемъ пробудить въ ребенкѣ сознаніе присущаго ему разумнаго духа; съумѣемъ внушить ему уваженіе къ себѣ, какъ носителю этого духа; съумѣемъ наполнить его сердце любовью къ Богу и къ ближнему, стремленіемъ къ великому и прекрасному, жалостью къ горю и страданіямъ; и засіяетъ образъ и подобіе Божіе, какъ не сіять золотымъ ризамъ на образахъ; и возсіяетъ свѣтлый духъ предъ Богомъ, какъ не сіять предъ Нимъ ни восковымъ свѣчамъ, ни лампадамъ церковнымъ.

VII.

Всѣмъ русскимъ людямъ безъ исключенія.

Обращаюсь къ людямъ русскимъ не изъ шовинизма, а потому что самъ русскій, живу въ Россіи, дѣйствовать буду въ Россіи. Глубоко люблю русскаго человѣка, но не потому, что онъ русскій, а потому, что онъ человѣкъ и притомъ человѣкъ страдающій, нуждающійся въ любви; люблю его не любовью удивленія къ его исключительнымъ качествамъ, а любовью жалости къ его исключительнымъ, присущимъ и мнѣ самому, а потому и глубоко прочувствованнымъ мною, близко знакомымъ мнѣ исторически сложившимся недостаткамъ.

При томъ я не человѣкъ партіи и, говорю по совѣсти, не преслѣдую никакихъ партійныхъ или сословныхъ интересовъ. Если я и обращался до сихъ поръ исключительно къ русскимъ помѣщикамъ, то дѣлалъ это единственно потому, что именно ихъ нахожу поставленными въ силу многоразличныхъ обстоятельствъ въ возможность *самостоятельно* дѣйствовать въ указанномъ мною направленіи. Дѣйствительно, только правительство, при *искренней* поддержкѣ помѣщиковъ, можетъ совершить въ нашемъ отечествѣ *мирнымъ путемъ громадный экономическій переворотъ*, который, обезпечивъ благосостояніе массы, будетъ порукою спокойнаго шествія Россіи къ дальнѣйшимъ стадіямъ прогресса.

Теперь я обращаюсь ко всѣмъ русскимъ людямъ безъ исключенія, прося ихъ помощи въ общемъ для всѣхъ дѣлѣ. Я горячо люблю это дѣло и служу ему какъ могу, по мѣрѣ моихъ матеріальныхъ, физическихъ, умственныхъ и нравственныхъ силъ. Не гордость и не самонадѣянность заставляютъ меня говорить такъ громко о себѣ и начатомъ мною дѣлѣ, но глубокое убѣжденіе въ его внутренней правдѣ, искреннее желаніе, чтобы это дѣло стало общимъ дѣломъ, могучимъ примирителемъ всѣхъ нынѣ разрозненныхъ элементовъ единой русской семьи.

Слишкомъ часто я всѣмъ своимъ существомъ чувствую громадное несоотвѣтствіе моихъ силъ съ цѣлью, на достиженіе которой я ихъ направилъ; это сознаніе подавило бы меня, если бы во мнѣ не жила живая вѣра въ силу Божію, превышающую безконечно помощь мою и если бы не мерцала отдаленная надежда найти въ концѣ концовъ поддержку и содѣйствіе въ моихъ современникахъ. Не откажите же мнѣ въ умственной и нравственной поддержкѣ въ всѣ, кому дорого счастье русскаго человѣка, кому дорога будущность Россіи; оградите мое дѣло отъ всегда возможной роковой ошибки, если вы ее подмѣтите въ основной мысли или въ дѣлѣ примѣненія этой мысли на практикѣ.

По временамъ я буду отдавать русскому обществу, подобный настоящему, непрощенный отчетъ въ моей дѣятельности, въ надеждѣ получить въ отвѣтъ просимые мною совѣтъ и указаніе, все равно будетъ ли то сдѣлано въ печати или въ частномъ письмѣ на мое имя.

До сихъ поръ печать только разъ обмолвилась добрымъ словомъ по отношенію къ моему дѣлу. Большая часть прошла мои первыя брошюры молчаніемъ; остальные глумились надо мною, заподозривали меня въ злостныхъ, скрытыхъ замыслахъ, даже прямо обвиняли меня въ нечестности (Историческій Вѣстникъ. Статья: „Современные реформаторы“) или пространно объясняли, что я подобныхъ идей имѣть не могу, потому что никогда и ни въ какой странѣ ни одинъ помѣщикъ яко-бы такихъ идей не имѣлъ и имѣть не можетъ (Новое Обозрѣніе. Статья профессора Иванюкова). Единственнымъ отраднымъ для меня исключеніемъ въ общемъ хорѣ явился журналъ „Мысль“, помѣстившій статью по поводу выхода въ свѣтъ моей второй брошюры: „Совѣсть“. Въ концѣ этой статьи, въ словахъ обращенныхъ лично ко мнѣ, говорится слѣдующее: 1) Въ брошюрѣ „Совѣсть“ не замѣтно съ моей стороны достаточной серьезности по отношенію къ дѣлу, о которомъ я говорю. 2) Предметъ, о которомъ я трактую, слишкомъ мало мною разработанъ. 3) Недостаточно двухъ ничтожныхъ брошюрокъ для успѣха подобнаго дѣла.

Почтенная редакція легко пойметъ, почему я не отвѣчалъ ей ранѣе. Въ полемической брошюрѣ „Совѣсть“ я нашелъ умѣстнымъ несерьезный тонъ, въ виду несерьезности возраженій, сдѣланныхъ мнѣ по поводу моей первой брошюры: „Историческое призваніе русскаго помѣщика“, возраженій и вызвавшихъ появленіе брошюры, о которой идетъ рѣчь. Съ прочими двумя пунктами я вполне согласенъ, чему порукою можетъ служить настоящій мой трудъ.

Въ общемъ статья журнала „Мысль“ явилась для меня единственнымъ словомъ одобренія, громко выраженнымъ въ печати. Искренно благодарю почтенную редакцію за эту нравственную под-

держку. Само собою, я благодарю исключительно за то благотворное дѣйствіе, какое произвело на меня это первое слово сочувствія,— за нравственную поддержку святаго дѣла благодарить я себя не позволю, зная, что честный человѣкъ не нуждается въ благодарности за свои честныя мысли и чувства.

Выше я сказалъ, что настоящее изданіе можетъ служить доказательствомъ сознанія съ моей стороны недостаточности моихъ двухъ первыхъ брошюръ для успѣха начатаго мною дѣла. Я не хотѣлъ этимъ сказать, что считаю настоящее изданіе достигающимъ этой цѣли; во всякомъ случаѣ, мысль моя изложена, на этотъ разъ, гораздо подробнѣе. Впрочемъ, ни въ прежнихъ моихъ брошюрахъ, ни въ настоящемъ изданіи, я не задавался и не задаюсь цѣлью, осчастливить человѣчество открытіемъ новой Америки или прописать универсальный рецептъ отъ всѣхъ недуговъ, въ чемъ, очень основательно, меня подозреваютъ.

Моя брошюра „Историческое призваніе русскаго помѣщика“ имѣла цѣлю, побудить имущіе классы общества употреблять свои матеріальныя средства болѣе разумно и съ большею пользою для всего общества, часть котораго они составляютъ, чѣмъ то дѣлалось до сихъ поръ.

Вторая моя брошюра „Совѣсть“ была отвѣтомъ профессору Иванюкову, старавшемуся научно доказать, будто не существуетъ стимула для помѣщика, начать жить новою, болѣе осмысленною жизнью; рассказавъ, какъ я пришелъ къ сознанію гражданскаго долга, историческаго призванія того общественнаго класса, къ которому и самъ принадлежу, я избралъ заглавіемъ этой брошюры слово „Совѣсть“; слово—выражающее собою стимулъ вполне достаточный, по моему мнѣнію, для того, чтобы извинить, даже и съ точки зрѣнія науки г. Иванюкова, мое дерзновенное желаніе приносить посильную пользу.

Моя третья брошюра „Мысли и совѣты искренняго друга“ была написана мною исключительно для дѣтей, взятыхъ мною на воспитаніе; напечаталъ я ее въ надеждѣ, что она можетъ послужить къ уясненію моего взгляда на желательныя отношенія воспитателя къ воспитываемому имъ ребенку. Критическая замѣтка на эту брошюру, появившаяся въ ноябрской книжкѣ „Отечественныхъ записокъ“, наглядно доказала мнѣ, что я не достигъ своей цѣли; недомолвки, темныя намеки и изысканная грубость тона этой замѣтки, краснорѣчиво свидѣтельствуетъ о томъ, что меня не поняли. Конечно, это обстоятельство не можетъ служить извиненіемъ для солиднаго и очень распространеннаго изданія, которое съ легкимъ сердцемъ и ребяческимъ задоромъ забрасываетъ грязью дѣло, почти ему неизвѣстное, на основаніи однихъ, ни на чемъ не основанныхъ, подозрѣній. Въ минуту, когда Россія нуждается въ единодушномъ со-

дѣйствиі всѣхъ своихъ наличныхъ силъ, подобное легкомысліе крупнаго органа печати непростительно.

До сихъ поръ я не находилъ удобнымъ высказаться болѣе полно; теперь я излагаю мои мысли гораздо подробнѣе; желалъ бы высказаться еще яснѣе, но это, по разнымъ обстоятельствамъ, оказывается для меня невозможнымъ.

Насущными, неотложными потребностями современной Россіи я признаю: пересозданіе ея экономическаго строя и реорганизацію сельскихъ школъ въ воспитательныя заведенія. Какъ ни трудно исполнимыми кажутся, на первый взглядъ, эти требованія, они стоятъ передъ нами во всей мощи исторической необходимости.

При искреннемъ, честномъ содѣйствіи всѣхъ классовъ русскаго общества, задача эта сдѣлается легко выполнимою для русскаго правительства.

Россія докажетъ изумленной Европѣ самобытность мощнаго духа, если мы, люди имущіе, съумѣемъ, какъ Нижегородцы во времена Минина, употребить наши богатства для спасенія родины въ минуту опасности.

Есть жертвы, которыхъ правительство не можетъ требовать отъ одного общественнаго класса въ пользу другого, эти жертвы должны быть добровольно предложены. Отъ насъ зависитъ спасти Россію отъ бѣдствій пролетаріата и нравственнаго растлѣнія, этихъ грозныхъ тучъ, низко и грозно нависшихъ надъ всею Европою; съумѣемъ мы это сдѣлать, и изъ послѣднихъ русскій человѣкъ станетъ первымъ, изъ подражателя—станетъ предметомъ подражанія для опереженныхъ имъ народовъ запада.

Повторю еще разъ, я не имѣю въ виду, издавая настоящій трудъ, подарить моихъ соотечественниковъ научнымъ трактатомъ по политической экономіи или педагогикѣ. Если мнѣ удастся доказать моимъ соотечественникамъ необходимость для нашего общества двухъ вышеназванныхъ реформъ, я считаю цѣль мою достигнутою. Всесторонне обсудить потребности практической дѣятельности въ этомъ направленіи, не можетъ быть дѣломъ одного человѣка.

Всѣхъ, кто въ принципѣ согласенъ со мною, кто раздѣляетъ мое мнѣніе относительно неотложности и абсолютной необходимости для Россіи экономической и воспитательной реформы, кто твердо рѣшился стремиться къ этимъ двумъ цѣлямъ, не отступая передъ логическими требованіями дѣла и матеріальными жертвами, прошу прислать мнѣ свой подробный адресъ. Быть можетъ я найду между моими соотечественниками достаточное число единомышленниковъ, для организаціи общества съ цѣлью самостоятельной дѣятельности и систематической пропаганды нашихъ идей между русскими помещиками и капиталистами.

РЕЛИГІОЗНЫЯ ДВИЖЕНІЯ НА ЗАПАДѢ.

Съ 1881 года, въ теченіи шестнадцати лѣтъ *), я занимаюсь воспитаніемъ дѣтей народа въ сознательной вѣрѣ и привычкахъ устойчивой, дѣятельной, торжествующей любви. Въ результатъ явилась возможность организациі жизни на основахъ братской любви въ предѣлахъ нашего отечества, на лонѣ русской Православной Церкви. Создалось Трудовое Братство, котораго я состою пожизненнымъ блюстителемъ.

До сихъ поръ, осуществляя это дѣло, которое было необходимо христіанской совѣсти моей и стало необходимостію христіанской совѣсти для многихъ дѣтей русскаго народа, изъ которыхъ я воспиталъ любимыхъ и уважаемыхъ мною о Христѣ братьевъ себѣ, и естественно занималъ въ дѣлѣ этомъ слишкомъ много мѣста. Слишкомъ много потому, что это дѣло не мое личное, а дѣло Божіе, дѣло *Вселенской Церкви Христовой*, потому что инициаторомъ и организаторомъ этого дѣла я удостоился быть не въ силу особыхъ личныхъ достоинствъ, а въ силу доброй воли отдать себя въ руку Божію въ дѣлѣ выполненія обязанностей отвѣтственнаго члена Православной Церкви Христовой.

Мы ничего не можемъ, когда полагаемся на собственные силы. Господь все можетъ сдѣлать черезъ насъ, когда мы отдаемъ себя въ руку Его и даемъ Ему право дѣйствовать черезъ насъ, не насилуя свободы нашей. То, что благоволилъ Господь дѣлать черезъ меня и больше того сдѣлаетъ Онъ и черезъ всякаго другого члена Церкви Своей, который захочетъ отдать умъ и сердце и жизнь свою на служеніе живой Церкви Христовой, вѣчно прогрессирующей подъ непрерывнымъ воздѣйствіемъ Духа Святого, воспитывающаго насъ отъ вѣры въ вѣру, отъ правды въ правду, отъ любви въ любовь.

Пока я лично стою во главѣ дѣла и руковожу имъ, эта истина можетъ быть недостаточно очевидна для многихъ. Многіе могутъ думать, что дѣло братства трудового держится однимъ мною; сами участники дѣла, питая неограниченное довѣріе ко мнѣ, могутъ недостаточно сознавать свою личную отвѣтственность и не въ достаточной мѣрѣ отдавать себя лично въ руку Божію, на дѣло созиданія и стройной организациі добра въ жизни Братства.

*) Это было писано въ 1897 году.

Все это заставляет меня желать постепенно занимать въ общей жизни Братства все менѣе и менѣе мѣста, чтобы день смерти моей засталъ Братство вполне подготовленнымъ обойтись безъ меня. Съ этою цѣлю я желалъ бы быть для Братства какъ бы умершимъ и только по временамъ воскресающимъ, чтобы оно жило вполне самостоятельно и, по временамъ, могло пользоваться услугами моей опытности и ревливой любви. Для этого, я рѣшилъ остатокъ дней моихъ провести въ добровольномъ острокизмѣ, только изрѣдка, на короткое время прѣзжая въ дорогой мнѣ уголокъ.

Первымъ продолжительнымъ отсутствіемъ изъ Братства я воспользовался для того, чтобы ознакомиться съ христіанскимъ движеніемъ на Западѣ и наиболѣе выдающимися его представителями. Впечатлѣніями, вынесенными мною изъ этой поѣздки, я и хочу подѣлиться съ вами. Считаю ихъ тѣмъ болѣе достойными вашего вниманія, что мы до сихъ поръ слишкомъ мало знаемъ духовную жизнь о Христѣ братій нашихъ другихъ христіанскихъ вѣроисповѣданій и что, въ то же время, у насъ, въ нашей Православной Церкви проявляются самыя разнообразныя теченія, родственныя тому, что мы можемъ наблюдать съ болѣшимъ хладнокровіемъ и въ другихъ христіанскихъ церквяхъ.

Это не будетъ полная, законченная картина современнаго состоянія христіанскаго движенія въ Европѣ, а только впечатлѣнія путешественника, который съ любовью наблюдалъ надъ проявленіемъ живого духа живой любви.

Въ брошюрѣ моей: „Христіанская гармонія духа“ я подробно говорю о значеніи устойчивой, дѣятельной, торжествующей любви въ экономіи жизни міра, сотвореннаго Богомъ-Любовь. Въ главѣ „Любовь“ я доказываю неопровержимыми текстами Откровенія, первенствующее значеніе любви въ жизни по-вѣрѣ, въ дѣлѣ спасенія и правотѣ. Теперь я не могу долго останавливаться на этомъ вопросѣ, напому только слова Спасителя міра: „Заповѣдь новую даю вамъ, да любите другъ друга, какъ я возлюбилъ васъ, такъ и вы да любите другъ друга. Потому узнаютъ всѣ, что вы Мои ученики, если будете имѣть любовь между собою.“—„Одинъ у васъ Учитель Христосъ, всѣ же братья“ и слова Его Апостоловъ: „Богъ есть Любовь“—„Гдѣ любовь, тамъ и Богъ“—„Вѣра безъ дѣла мертва есть“—„Во Христѣ Иисусѣ не имѣетъ силы ни обрѣзаніе ни не обрѣзаніе, но вѣра дѣйствующая любовью“—„Нынѣ пребываютъ три сіи: вѣра, надежда, любовь, но любовь изъ нихъ больше“ „Братство любите“.

Даже и этихъ немногихъ текстовъ вполне достаточно, чтобы понять что именно любовь и есть основа откровенія Бога-Любовь, что именно въ ней главный залогъ правотѣ, единомыслія и еди-

нодушія съ Богомъ-Любовь, что отсутствіе любви есть худшая изъ ересей, что самая суть прогресса христіанства и состоитъ въ томъ, чтобы отъ фиктивнаго братства на словахъ постепенно dorости до реального братства умовъ, сердецъ и жизни, что степень честнаго согласованія жизни съ вѣрою и зависитъ отъ того, насколько стройно организованы и жизнь, и отношенія на началахъ братолюбія.

Именно съ этой точки зрѣнія и интересовало меня христіанское движеніе на Западѣ. Насколько ясно сознано первенствующее значеніе любви и что дѣлается въ направленіи стройной организации жизни на единой христіанской основѣ братолюбія, вотъ тѣ два вопроса, которые наиболѣе меня занимали. Вы не будете удивлены поэтому, если наравнѣ съ тѣмъ, что дѣлаютъ люди сознающіе и признающіе себя христіанами, буду съ не меньшимъ чувствомъ любви и уваженія говорить и о чисто-христіанской дѣятельности и тѣхъ правотѣрныхъ любовью людей, которые христіанами себя не сознаютъ и не признаютъ, обманутые хаосомъ современнаго намъ псевдо-христіанскаго міра и тѣми, гордыми своимъ правотѣріемъ еретиками и язычниками, которые оклеветали христіанство, самоувѣренно говоря отъ его имени, будучи совершенно чужды ему по духу. Между христіанами по буквѣ и христіанами по духу, не сомнѣнно родитѣ, ближе Богу-Любовь вторые. Въ глазахъ людей они могутъ казаться невѣрующими; въ глазахъ Бога-Любовь они вѣрующіе любовью и вся жизнь ихъ молитва, потому что любовь въ нихъ молится и непрестанно благословляетъ Бога и все Его твореніе.

Началъ я съ Германіи. Религіозныхъ и благотворительныхъ обществъ въ ней такъ много, что не только подробно говорить о нихъ, но даже только перечислить ихъ, кратко охарактеризовавъ ихъ дѣятельность для меня невозможно, скажу только, что и тутъ есть на ряду съ искренними представителями живого духа, узкіе фанатики буквы, приверженцы церковной окаменѣлости, патриоты родного болота, ставящіе славу своей колокольни неизмѣримо выше живого дѣла живой Церкви Христовой, есть и фарисеи, и саддукеи, и иродіане, есть и акробаты, и карьеристы и спортсмены благотворительности. Великимъ благомъ для западныхъ церквей является полная свобода совѣсти, полная религіозная терпимость, при которой, по крайней мѣрѣ, враги Церкви могутъ безбоязненно, объявить себя къ ней не принадлежащими и не быть на ея отвѣтственности.

Очень интересно, что въ Германіи особенно ярко выразились четыре разныхъ пониманія христіанской истины и христіанскихъ обязанностей. Типичными представителями этихъ четырехъ направ-

лений могут служить: 1) правовѣрные церковники, 2) аскеты-пие-тисты, 3) представители христіанской благотворительности и 4) представители христіанскаго братства.

Правовѣрные церковники. Это тѣ, которые вѣрятъ не во Христа, а въ свою церковь, радѣютъ не о славѣ Божіей, а о славѣ своей колокольной, для которыхъ лютеранство важнѣе христіанства. Эти люди гордятся своимъ правовѣріемъ, самодовольны и фанатичны. Зная слова Христа-Спасителя: „Вы упразднили заповѣдь Божию преданіемъ вашимъ, лицемѣры“, они знаютъ не хотятъ заповѣдей Главы Церкви, интересуются только комментаріями на букву авторитетовъ лютеранской церкви и считаютъ за вредное новшество всякое отклоненіе отъ рутины. Зная слова Христа-Спасителя: „Горе вамъ... лицемѣры, что затворяете Царство Небесное человѣкамъ, ибо сами не входите и желающихъ войти не допускаете“ въ то же время, ничего не дѣлаютъ для организациі жизни на основахъ братской любви, благодушно уживаются со всякимъ зломъ, всю религію свели на отвлеченную догматику, а всю нравственность на вражду ко всему, что не считаютъ принадлежащимъ къ своей церкви. Зная притчу о милосердіи самарянъ они готовы во славу Божию и во спасеніе души сдѣлать всякое зло всякому живому человѣку и всякому живому дѣлу, если только этотъ живой человѣкъ и это живое дѣло будутъ признаны ими недостаточно правовѣрно-церковными, а таковыми они неизмѣнно признаютъ всякія отступленія отъ излюбленной ими рутины. Они охотно помѣшали бы милосердіемъ самарянамъ перевязывать раны ближнимъ и даже палками обращали бы этихъ милосердныхъ самарянъ въ свое правовѣрное жестокосердіе, если бы въ Германіи у нихъ палка давно не была отнята. Эти люди не только знаютъ не хотятъ высшаго авторитета единой Церкви, Главу ея Христа, но какъ бы противопоставляютъ церковь свою Христу, дѣлаютъ изъ нея себѣ кумира, готовы приносить ему человѣческія жертвы и такъ же мало понимаютъ свою измѣну животворящему духу христіанства, какъ мало понимали это архіереи и книжники народа избраннаго, когда распинали Мессію, о которомъ сами проповѣдывали въ синагогахъ. Такихъ правовѣрныхъ церковниковъ и въ Германіи гораздо больше, чѣмъ можно было бы думать; особенно много ихъ среди духовныхъ лицъ, которые легче мирятся съ тѣми изъ своихъ собратьевъ, которые примкнули къ рационалистической школѣ Ритчеля, нежели съ тѣми честными мірянами, которые по долгу совѣсти взяли на себя инициативу духовнаго возрожденія той церкви помѣстной, ответственными членами которой они состоятъ. Кастовая ревность привела ихъ къ позорной враждебности относительно такихъ людей, какъ графъ Люттихау и графъ Бернсторфъ, которые, оставаясь вѣрными

сынами церкви лютеранской, не считали возможнымъ не исполнять своихъ элементарныхъ христіанскихъ обязанностей только потому, что косное духовенство желаетъ оставаться бездѣтельнымъ. Съ наивною гордостью людей, воображающихъ себя вправѣ не только монополизировать Духа Святого, но и объявить дѣятельность Его закончившеюся, они наивно повторяли вопросъ, нѣкогда обращенный и ко Христу, тоже не принадлежавшему къ кастѣ левитовъ: „По какому праву ты это дѣлаешь?“ Именно они наиболѣе оклеветали церковь, которую думаютъ защищать на правахъ правовѣрныхъ церковниковъ, оторвали отъ нея такихъ людей, какъ благочестивую, самоотверженную Блюхеръ, отвернувшуюся отъ нихъ и отъ церкви ихъ, убѣдившись, что въ нихъ нѣтъ духа любви и помня, что Богъ есть Любовь и что, гдѣ нѣтъ любви, тамъ нѣтъ и Бога, тамъ нѣтъ и живой церкви Единороднаго Сына Бога-Любовь.

Аскеты-пие-тисты. Есть аскетизмъ неизбѣжный, обязательный для всякаго христіанина—воздержаніе отъ всего, что дѣлаетъ зло ближнимъ, отъ всего, что тушитъ въ насъ святой огонь любви и такимъ образомъ является соблазномъ на измѣну Богу-Любовь. У каждаго человѣка своя немощь и сообразно съ тѣмъ, для каждаго иной соблазнъ, иная опасность, съ тѣмъ вмѣстѣ и иной родъ аскетизма полезенъ. Какой именно родъ аскетизма нуженъ для данной личности не можетъ никто рѣшить, кромѣ самого христіанина сознательно и добровольно налагающаго на себя лишенія, все нравственное достоинство которыхъ и состоитъ въ свободномъ изволеніи вѣрующаго и любящаго духа. Этотъ добрый христіанскій аскетизмъ естественно не можетъ быть ни принудительнымъ, ни шаблоннымъ. Апостолъ Павелъ говоритъ: „для чего моей совѣсти быть судимой чужою совѣстію“ (I Посл. Ап. Павла къ Коринѳянамъ, гл. X ст. 29).

Есть аскетизмъ манихейскій, раздѣляющій самое твореніе Божіе на чистое и нечистое. Манихеи этимъ путемъ логично пришли къ убѣжденію, что міръ имѣлъ не одного творца, что матерія, какъ начало злое было сотворено злымъ богомъ—Деміургомъ, а духъ—богомъ добрымъ. Только отказавшись отъ единобожія и можно оправдать передъ собственнымъ разумомъ самодавлѣющее значеніе самоистязанія, принудительнаго распинанія плоти и тѣмъ болѣе насильственнаго распинанія ближнихъ.

Въ мірѣ христіанскомъ, вѣрующемъ: „во Единого Бога Творца“, знаемъ слова Апостола Павла: „Буква мертвитъ, а духъ животворитъ“ „Все дозволено христіанину“—„Нѣтъ ничего самого въ себѣ нечистаго, только почитающему нечистымъ, тому не чисто“—„Всякій поступай по удостовѣренію своего ума“—закваска манихейская представляетъ явленіе не нормальное, неизмѣримо вредное

по своимъ послѣдствіямъ, сообщающее христіанству совершенно чуждый ему характеръ мрачнаго человѣко-ненавистничества и совершенно неприличной, для „призванныхъ въ свободу славы чадъ Божіихъ“, робости.

Къ сожалѣнію, аскеты-піетисты являются представителями именно этой закваски манихейской. Самое твореніе Божіе они раздѣляютъ на чистое и нечистое, упуская изъ виду, что тѣмъ самымъ осуждаютъ Творца; грѣховнымъ признаютъ не духовное настроеніе, не злую волю, а часть человѣческаго существа, цѣлая области жизни человѣка и такимъ образомъ въ пониманіи правды Божіей далеко уступаютъ даже членамъ ветхозавѣтной церкви, которая въ лицѣ Соломона исповѣдуетъ: „Ты любишь все существующее и ничѣмъ не гнушаешься... Ты все щадишь, потому что все Твое, душелюбивый Господи“. (Премудрость Соломона Т. XI ст. 25—27).

На каждомъ шагу они видятъ грѣхъ и боятся грѣха. Особенно грѣховными они признаютъ всѣ радости жизни и готовы скорѣе извинить мрачную злобу, чѣмъ самую безобидную жизнерадостность. Самая нравственность ихъ—не самоотверженіе любви, а холодный стоицизмъ. Такое отношеніе къ жизни подъ гнетомъ непрерывныхъ самоистязаній и мертвящей робости, быстро иссушаетъ сердце. Болѣе того, святую святыхъ христіанства—живую любовь, какъ высшую радость бытія, они часто, не смѣя сами себѣ въ томъ признаться, въ глубинѣ души, считаютъ грѣховною и подмѣняютъ холоднымъ безстрастіемъ и доброжелательствомъ средне-вѣковыхъ инквизиторовъ, заботливо оказывавшихъ еретикамъ, во спасеніе душъ ихъ, высшее благодѣяніе пытокъ и кнута.

Нѣсколько лѣтъ такой добродѣтельной жизни совершенно достаточно, чтобы превратить человѣка въ живую мумію, отъ которой вѣетъ могильнымъ холодомъ и блекнутъ всѣ, самые роскошные цвѣты жизни.

Очень интересна одна, довольно впрочемъ рѣдко встрѣчаемая, разновидность современныхъ манихеевъ, особенно опасная, потому что болѣе привлекательна. По уму и по сердцу—они тѣ же муміи, но они разгладили морщины лба, болѣе того, они сіяютъ радостію. Горе тому, кто довѣрится этой обманчивой вѣшности; какъ только они заговариваютъ, его обдастъ тѣмъ-же могильнымъ холодомъ, сія радостію, они будутъ излагать самыя чудовищныя мысли, самую грубую сердечную безтактность, во славу Божію и во спасеніе души, кусая и царапая ближнихъ, всегда готовы сдѣлать всякое зло живому человѣку и живому дѣлу. Они такъ много говорятъ о Богѣ и своей интимной близости къ Нему, такъ самоувѣренно говорятъ о любви и такъ много молятся, съ легкимъ сердцемъ всѣхъ осуждая и обрекая на вѣчныя мученія ада, что общеніе съ

ними можетъ быть высоко вредно, спутывая всѣ понятія о Богѣ, о любви, о Церкви и о христіанствѣ.

Разгадка въ томъ, что это не представители христіанской любви, а жестокіе стоики, подмѣнившіе живую любовь къ Богу Живому и живымъ Его созданіямъ фиктивнымъ единомушіемъ съ ими самими созданными фикціями. Какъ стоики древности достигали жестокой безмятежности путемъ гордости, настолько возвышавшей ихъ надъ жизнію, что они считали всѣ жизненные явленія недостойными вниманія, такъ современные христіанскіе стоики достигаютъ столь же жестокой безмятежности путемъ ложнаго смиренія, настолько принося себя, что жизнь проходитъ надъ ихъ головами, не касаясь ихъ. Доброе христіанское смиреніе состоитъ въ томъ, чтобы ничѣмъ не возгордиться помня, что всѣ таланты мы даромъ получили отъ Господа, въ томъ, чтобы никого изъ ближнихъ нашихъ не считать ниже себя, недостойнымъ любви и уваженія. Ложное смиреніе ни сколько не исключаетъ возможности самой грубой гордости, при холопскомъ смиреніи по отношенію къ фиктивному богу, котораго можно любить, съ которымъ можно быть въ самыхъ интимныхъ отношеніяхъ, оставаясь въ то же время совершенно равнодушнымъ къ горю и страданіямъ человѣчества.

Именно это ложное смиреніе и даетъ имъ возможность достигать жестокой и стоической безмятежности, благодушно уживаясь со всѣмъ зломъ окружающей жизни, не мало не волнуясь при видѣ горя и страданій, извиняя свое безсердечіе шаблонными формулами смиренія: „ужъ гдѣ намъ грѣшнымъ“—„все къ лучшему“—„все слишкомъ хорошо для нашего ничтожества“. А такъ какъ, при такихъ обстоятельствахъ живую любовь къ живымъ людямъ надо же чѣмъ нибудь подмѣнить для успокоенія совѣсти, то и замѣняется она безмятежнымъ общеніемъ съ фикціею ничего общаго съ душелюбивымъ и жизнелюбивымъ Творцомъ всего сущаго, не имѣющею. Апостолъ сказалъ: „Если не любишь брата, котораго видишь, какъ можешь любить Бога, котораго не видишь“.—„Но огрубѣло сердце людей сихъ, и ушами не слышатъ, и глазами не видятъ, и сердцемъ не разумѣютъ“. Любя фикцію, они воображаютъ, что любятъ живого Бога, оставаясь безмятежными среди горя и страданій живыхъ людей, съ радостнымъ видомъ проповѣдуя распинаніе человѣчества, отрицая значеніе любви и необходимости организациі жизни на ея основахъ, съ легкимъ сердцемъ отлучая отъ церкви, обрекая на вѣчность мученій созданій Бога-Любовь сотворенныхъ Его любовію для вѣчной радости любви.

Такъ долго я нашелъ нужнымъ остановиться на аскетахъ-піетистахъ потому, что закваска манихейская сильно засорила собою ниву христіанства, страшно усложняетъ и отравляетъ жизнь, затем-

няетъ пониманіе вѣчной истины правды Божіей, слишкомъ многими выдается за основу правовѣрія, слишкомъ многихъ хорошихъ людей дѣлаетъ принципиальными врагами христіанства, какъ вреднаго неразумнаго предразсудка, мрачной утопіи, мертвящей жизнь, загрязняющей и опошляющей самые роскошные цвѣты ея, убивающей всякую красоту, всякую поэзію. Особенно прискорбно то, что громадное большинство самихъ христіанъ не понимаетъ насколько закваска манихейская чужда, вредна для христіанства и слишкомъ склонна симпатизировать и даже восторгаться стоическими подвигами самодавлѣющаго аскетизма. При такихъ обстоятельствахъ человѣчество не скоро пойметъ жизнерадостную правду христіанской истины, не скоро найдетъ удовлетвореніе всѣмъ высшимъ запросамъ ума и сердца въ радостной вѣрѣ въ Бога-Любовь, не скоро станетъ способною стройно организовать добро въ жизни, еще много человѣческихъ жизней будетъ исковеркано, превращено въ сплошную пытку, еще долго будутъ выдавать Вселенскую Церковь Христову не за любящую мать, а за страшнаго молоха, требующаго человѣческихъ жертвъ.

Современные манихеи не довольствуются даже тѣмъ почетнымъ положеніемъ, которымъ они, въ ущербъ самымъ жизненнымъ интересамъ Церкви пользуются въ христіанскомъ мірѣ, они дошли до такой самоувѣренности и непомерной требовательности, что даже выдаютъ свою программу жизни за единый путь спасенія и такимъ образомъ наиболѣе затрудняютъ пониманіе первенствующаго значенія любви и тормозятъ стройную организацію жизни на ея началахъ, проповѣдывая необходимость достигнуть стоическаго безстрастія, превратиться въ живую мумію, а потомъ организовать жизнь на началахъ любви, когда огонь любви угасъ и все земное, и радость, и горе, вся живая жизнь живого человѣчества перестали волновать охладѣвшую душу.

И въ Германіи гораздо больше этихъ мрачныхъ аскетовъ, чѣмъ можно было бы ожидать отъ страны столь прославившейся своею практичностью и своимъ раціонализмомъ. И тутъ они приносятъ громадный вредъ искажая самую идею христіанства, отпугивая отъ него людей живого духа. Особенно ярко выразилось ихъ вредное вліяніе при слѣдующихъ обстоятельствахъ. Цѣлая группа студентовъ высшихъ учебныхъ заведеній Берлина подъ вліяніемъ представителя живой любви—графа Люттихау, горячо заинтересовались вопросомъ вѣры. Одинъ изъ видныхъ представителей піетизма, желая поставить ихъ на путь „спасительнаго аскетизма“, нарисовалъ имъ такую мрачную программу жизни, съ такою фанатическою безтактностью требовалъ отъ нихъ отреченія отъ свободы духа, отъ самыхъ законныхъ правъ разума и отъ всякихъ радостей жизни, что они съ негодованіемъ отвернулись отъ этой мрачной мертве-

чины. Бѣдные молодые люди! Они повѣрили этому манихею, выдававшему себя за правовѣрнаго христіанина, и, отвернувшись отъ него, отвернулись и отъ христіанства, ни въ чемъ не повиннаго, крѣпко застрахованы на будущее время отъ интереса къ той истинѣ, которая одна могла сдѣлать ихъ истинно свободными и счастливыми.

Представители христіанской благотворительности—это уже представители христіанской любви, съ любовью накладывающіе безчисленные и многообразныя заплаты на рубища ближнихъ. Самоотверженіе ихъ велико и доходитъ подчасъ до настоящаго мученичества. Есть богатые люди совершенно не пользующіеся своимъ богатствомъ, отдающіе всѣ средства свои и все время свое на пользу ближнимъ. Они полны любви, терпѣливо несутъ на себѣ тяготу заботъ и скорбей многихъ и даже не имѣютъ утѣшенія видѣть какіе-либо прочные результаты своей дѣятельности. Хаосъ моря житейскаго все также шумитъ кругомъ нихъ, они не вытаскиваютъ ближнихъ на твердый берегъ, они мирятся съ мыслью, что взбаламученное море такъ и останется безформенной пучиной и обрекаютъ себя на Сизифову работу облегченія участи несчастныхъ, обреченныхъ и впредь оставаться игрушкою волнъ взбаламученнаго моря житейскаго. На частномъ собраніи членовъ Евангелическаго Союза, въ домѣ предсѣдателя его, графа Бернстрофъ, я убѣдился, что это не случайное явленіе, вызванное невозможностью дѣйствовать иначе при данныхъ обстоятельствахъ. Въ теченіе преній, вызванныхъ рефератомъ графа Рихтгофенъ, призывавшаго къ болѣе стройной организаціи жизни на началахъ братолюбія, было высказано, что самая надежда стройно организовать жизнь на христіанскихъ началахъ является грѣховною гордостью и что совершенно достаточно спасать отдѣльныхъ людей, приводя ихъ на спасительный путь піетизма и посвящая себя безсистемной благотворительности по требованіямъ минуты.

Представители христіанскаго братства отличаются, главнымъ образомъ, отъ представителей христіанской благотворительности тѣмъ, что не довольствуются облегченіемъ уже наступившихъ страданій, а желаютъ подготовить лучшее будущее, предупредить неизбежность того зла, которое эти страданія порождаетъ, однимъ словомъ,—образовать оазисы христіанскихъ общинъ и на твердый берегъ этихъ оазисовъ вытаскивать изъ взбаламученнаго моря житейскаго тѣхъ, кому претитъ грубая борьба отношеній, совершенно чуждыхъ обязательному для христіанъ братолюбію.

Къ этой категоріи принадлежатъ, главнымъ образомъ, христіанскіе социалисты съ пасторомъ Науманомъ во главѣ. Къ ней примыкаютъ отчасти и графъ Люттихау изъ Силезіи, и Эгиди, и пасторъ

Бодельшвингъ въ Билефельдѣ, и пасторъ Руктешель въ Гамбургѣ, и Армія Спасенія.

Скажу нѣсколько словъ о важнѣйшихъ религіозныхъ обществахъ Германіи.

Первымъ по времени возникъ въ 1832 г. *Союзъ Густава Адольфа*, задавшійся, съ цѣлю религіознаго возрожденія Германіи, заботою о собираніи средствъ для улучшенія матеріальнаго положенія церквей, школъ и духовенства. Очень интересно, что даже и эта скромная задача показала опаснымъ либерализмомъ рѣшителямъ судебъ дореформенной Германіи. 10 февраля 1844 г. Союзъ былъ запрещенъ въ Баваріи. Въ настоящее время результаты дѣятельности его выражаются въ слѣдующихъ цифрахъ. Имъ построено 1068 церквей, 639 училищъ, 358 пасторскихъ усадебъ и устроено 42 кладбища.

Диаспора. Наименѣе симпатичное общество, подъ знаменемъ религіи стремящееся къ узко-церковнымъ и шовинистскимъ цѣлямъ. Спеціально занято устройствомъ лютеранскихъ церквей повсюду, гдѣ выстроена какая-либо церковь иного христіанскаго вѣроисповѣданія. Это не дѣло любви, а дѣло зависти и дурного соперничанія.

Евангелическій Союзъ (Evangelische Allianz) учрежденъ 24 августа 1846 г. Самая мысль о его возникновеніи пришла изъ Англии. Главное управленіе Союза и теперь находится въ Лондонѣ. Во главѣ его въ настоящее время находится членъ германскаго парламента графъ Андрей Бернсторфъ, сынъ бывшаго въ теченіе многихъ лѣтъ германскаго посланника въ Лондонѣ. Все это заставляетъ относиться несочувственно къ Союзу патріотовъ германскаго отечества. Цѣли себѣ Союзъ поставилъ широкія: евангелизацію народовъ, объединеніе и упроченіе общенія любви между всѣми, признающими Евангеліе за высшій авторитетъ. Къ сожалѣнію, піетизмъ наложилъ свое мертвящее клеймо на это дѣло и лишаетъ его того громаднаго жизненнаго значенія, которое оно могло бы имѣть.

Въ Берлинѣ, близъ Эльберфельда, подъ управленіемъ пастора Харбекъ, существуетъ школа „Іоганнеумъ“ специально подготовляющая молодыхъ людей, желающихъ посвятить себя дѣлу. Въ связи съ этимъ Союзомъ считаю основательнымъ назвать барона Юлія Геммингенъ въ Баденѣ, друга и послѣдователя извѣстныхъ Петербургу лорда Редстокъ и Бедекера, издателя журнала „Бероса“.

Второй Евангелическій Союзъ. (Evangelische Bund) основанъ недавно лицами, сочувствующими цѣлямъ перваго Союза, но не довольными его двойнымъ характеромъ англоманіи и піетизма. Въ дѣятельности этого Союза гораздо больше жизни, больше радостной вѣры, больше живой любви. Къ нему принадлежатъ многіе профессора; во главѣ его находятся профессоръ Вейшлагъ и ландмаршалъ

Саксоніи графъ Винцингероде. Однимъ изъ самыхъ видныхъ и симпатичныхъ изъ его представителей является профессоръ Церковной исторіи Іенскаго университета Фридрихъ Ниппольдъ.

При свиданіи съ профессоромъ Вейшлагъ, я былъ изумленъ тѣмъ, какъ мало знакомъ этотъ выдающійся теологъ съ тѣмъ, что дѣлается въ Россіи, на лонѣ Православія. Онъ съ трудомъ повѣрилъ, что чтеніе Евангелія у насъ не запрещено. Основаніемъ такихъ заблужденій служитъ надѣлавшій по всей Европѣ большого шума прискорбный фактъ отбиранія полиціей у народа книгъ Новаго Завѣта въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ появились послѣдователи штундизма. Это заставило меня понять, до какой степени необходимо установить болѣе близкія и систематичныя сношенія между людьми доброй воли всѣхъ христіанскихъ исповѣданій, для взаимнаго ознакомленія разсѣяннаго накопившихся недоразумѣній порожденныхъ ими предрассудковъ.

Съ Профессоромъ Ниппольдъ я состоялъ въ перепискѣ еще ранѣе личнаго знакомства съ нимъ. По поводу моей брошюры: „Трудовые братства“ переведенной на нѣмецкій языкъ подъ названіемъ: „Arbeitsbrüder der Gemeinde“ онъ написалъ мнѣ письмо съ выраженіемъ горячаго сочувствія, говоря, что и въ Германіи онъ находитъ стройную организацію жизни на началахъ братской любви, въ формѣ Трудовыхъ братствъ, насущною потребностью церкви и христіанскаго государства. Теперь, онъ принялъ меня съ братскою любовью. Женатый на фонъ-Валь, близкой родственницѣ бывшаго петербургскаго градоначальника, онъ знаетъ Россію много лучше большинства его соотечественниковъ, съ большимъ интересомъ относится къ судьбамъ православной церкви и съ большою любовью къ русскому народу. Онъ съ большимъ сочувствіемъ отнесся къ моей мысли о необходимости установить постоянное общеніе между всѣми людьми доброй воли всѣхъ христіанскихъ исповѣданій и настоятельно совѣтовалъ воспользоваться моимъ путешествіемъ для того, чтобы подготовить къ тому почву.

Узнавъ отъ меня, что не только въ средѣ отщепенцевъ отъ православія, но и въ средѣ вѣрныхъ чадъ Церкви замѣчается большой религіозный подъѣмъ духа, онъ искренно тому радовался и горячо совѣтовалъ мнѣ порадоваться этимъ извѣстіемъ друзей Россіи великаго герцога Саксенъ-Веймарнскаго и графа Винцингероде, которые оба скорбятъ о томъ, что столь многіе, пробудившіеся духомъ люди, отдѣляются отъ Церкви, которой лучшимъ украшеніемъ и доброю заправкою они должны были бы быть, оставаясь на лонѣ Ея.

Великій герцогъ Саксенъ-Веймарнскій, сынъ великой княгини Маріи Павловны, женатъ на двоюродной сестрѣ своей, дочери королевы Нидерландской Анны Павловны. Онъ родной братъ супруги

императора Вильгельма I, императрицы германской Августы. Навсегда я сохранию благодарную память о милостивом приёме дважды оказанномъ мнѣ великимъ герцогомъ при представленіи и при вторичномъ свиданіи, когда я имѣлъ честь быть приглашеннымъ къ столу его высочества. Прощаясь со мною онъ сказалъ: „я дважды считаю себя русскимъ по матери и по женѣ, горячо люблю ваше отечество, очень радуюсь добрымъ вѣстямъ вами сообщеннымъ, молю Господа да благословитъ Онъ ваши добрыя начинанія и на правахъ старца прошу васъ принять мое благословеніе за любовь съ которою вы посвящаете себя дѣлу любви“.

Дѣло внутренней миссіи—одна изъ самыхъ симпатичныхъ и полезныхъ организацій въ Германіи. Главная задача ея состоитъ въ христіанизированіи номинальных христіанъ. Посылаютъ проповѣдывать Евангеліе во всѣ концы земли, а соотечественники и единовѣрцы, воображая себя христіанами только потому, что крещены и по совершенному равнодушію къ вопросамъ религіознымъ никогда не входятъ въ коллизію съ церковію помѣстной, безпрекословно исполняя всѣ ея требованія, какъ пустую формальность, наряду съ требованіями полиціи, на самомъ дѣлѣ не умѣютъ и не желаютъ ни думать, ни чувствовать, ни жить по христіански. Обращеніемъ въ христіанство этихъ единоплеменныхъ и единовѣрныхъ язычниковъ и занимается внутренняя миссія. Во главѣ ея стоятъ профессоръ Вейссъ и фонъ-Мейеръ. Въ Базелѣ существуетъ и специальное учебное заведеніе: „Кришна“ подъ управленіемъ пастора Іегера для подготовленія молодыхъ людей, желающихъ посвятить себя служенію миссіи.

Христіанскій союзъ молодыхъ людей—по дѣятельности своей близко примыкаетъ къ внутренней миссіи. Задаётся цѣлію христіанизировать и ограждать отъ многообразныхъ соблазновъ современной жизни молодыхъ людей. Во главѣ союза въ Германіи стоитъ пасторъ Круммахеръ въ Эльберфельдѣ. Во главѣ Берлинскаго отдѣленія, очень замѣчательный по энергіи и личной обаятельности человекъ, Эбергардъ фонъ-Роткирхъ. Во главѣ отдѣленія союза для солдатъ и юнкеровъ графъ Вальдерзее. Нельзя не упомянуть о чрезвычайно симпатичномъ благотворительномъ учрежденіи Берлина, организованномъ представителями высшаго общества. Весь Берлинъ раздѣленъ на участки. Общество имѣетъ своихъ агентовъ, разыскивающихъ такъ называемыхъ „стыдливыхъ бѣдныхъ“ людей во всѣхъ отношеніяхъ заслуживающихъ большаго сочувствія, сравнительно съ профессиональными нищими и вообще людьми не стыдящимися выпрашивать подачки. Агентъ разузнаетъ не только гдѣ эти „стыдливые бѣдные“ находятся, но и то въ чемъ они наиболѣе нуждаются и какимъ способомъ можно оказать имъ наиболѣе прочную

помощь. Помощь эта оказывается имъ въ видѣ уплаты за квартиру, уплаты за право ученія, доставленія дровъ, теплой одежды или занятій такъ, что облагодѣтельствованные даже не знаютъ имя лица, которому они тѣмъ обязаны.

Очень замѣчательно, что вся эта богатая, разнообразная, кипучая, религіозная дѣятельность имѣла своими инициаторами мірянъ, явленіе неизмѣнно повторяющееся въ жизни всѣхъ церквей, когда косное духовенство застываетъ въ оцѣпеніи рутинѣ. Это одно изъ самыхъ яркихъ проявленій непобѣдимой жизненности Церкви Вселенской. Когда священники перестаютъ быть вѣрными посредниками между живымъ Богомъ, живымъ Главою Церкви-Христомъ и живымъ вѣрою народомъ, Господь неизмѣнно призываетъ на служеніе дѣлу Своему, вѣчному дѣлу Церкви, которую „врата ада не одолѣютъ во вѣкъ“, мірянъ, которые и становятся избранниками Его, хотя официальные служители алтаря и считаютъ ихъ самозванцами, вопрошая: „По какому праву вы дѣлаете это?“ Такъ было и въ церкви вѣтхозавѣтной, когда большая часть пророковъ были не изъ колѣва Левитова. Такъ это бываетъ и въ настоящее время во всѣхъ церквяхъ христіанскихъ. Такъ это случилось и въ Германіи.

Лютеранское духовенство отнеслось въ началѣ къ этому радостному для Церкви событію съ явнымъ недоумѣніемъ и недоброжелательствомъ, съ завистливою ревностью къ тѣмъ, которые брались по ихъ понятіямъ не за свое дѣло, забывая, что дѣло Церкви дѣло общее, а не дѣло касты, что тамъ и Церкви совсѣмъ не было бы въ христіанскомъ смыслѣ слова, гдѣ вѣрующіе были бы стадомъ безсловеснымъ, съ рабскою покорностью исполняющимъ волю пастырей, даже не сознавая, совпадаетъ ли ихъ воля съ волею Божию, безъ чего вѣрующій неизбежно обращается изъ раба Божія въ раба человѣковъ, отъ чего христіанъ такъ заботливо предостерегалъ апостолъ Павелъ, говоря: „Къ свободѣ призваны вы, братья“. „Держитесь въ свободѣ, которую даровалъ вамъ Христосъ и не подвергайтесь опять игу рабства“ „Вы куплены дорогою цѣною, не дѣлайтесь рабами человѣкомъ“. Какъ не ясенъ животворящій духъ откровенія по вопросу о Церкви и духовной свободѣ Ея сыновъ, даже лютеранскіе пастыри свободолюбивой реформации, не избѣгли соблазновъ касты: пытались монополизировать активную роль въ жизни церковной. Большинство изъ нихъ свело всѣ свои пасторскія обязанности къ буквѣ проповѣди, богослуженія и таинствъ, нисколько не заботясь о стройной организаціи жизни на началахъ вѣры. Въ результатѣ оказалось, что между вѣрою и жизнью образовалась цѣлая пропасть. Пасторы комфортабельно почивали въ сладкой дремотѣ рутинѣ и были глубоко убѣждены, что все въ жизни Церкви обстоитъ благополучно потому, что всѣ ихъ прихожане,

оставаясь истыми язычниками по складу ума и симпатій, организовавъ всю жизнь и всѣ отношенія на началахъ страха и корысти, неизмѣнно посягаютъ проповѣди, крестятъ своихъ дѣтей, причащаются, совершаютъ брачный обрядъ и хоронятъ умершихъ при участіи христіанскаго пастора. И вдругъ стадо пасомыхъ вспомнило, что оно стадо словесное, усумнилось въ спасительности внѣшняго обряда при полномъ отсутствіи животворящаго духа христіанскаго настроенія, христіанскихъ отношеній и христіанской организаціи жизни, осмѣлилось желать лучше выполнять волю Божію, чѣмъ того требуютъ и желаютъ представители касты левитовъ. Кто далъ имъ право? Какъ они смѣютъ? Крамола, ересь, гордость. Они желаютъ вводить какія то новшества, не признаютъ авторитета Церкви, да полно, признаютъ ли они и самую Церковь.

И вотъ, во славу Божію, во спасеніе душъ и во огражденіе авторитета Церкви, начинается позорная травля правовѣрными церковниками представителей живого духа, возревновавшихъ по Богѣ и за то удостоившихся стать избранниками Его въ живомъ дѣлѣ живого роста, живого дерева христіанства.

Настоящіе избранники Божіи не боязливы. Святой огонь вѣры и любви не угаснетъ въ нихъ отъ самыхъ строгихъ окриковъ самыхъ авторитетныхъ въ глазахъ людей по своему положенію представителей грѣшнаго человѣчества. Именно этотъ святой огонь живой вѣры и живой любви и служить для нихъ живою основою глубокаго внутренняго убѣжденія въ реальности своего призванія и въ неотъемлемомъ правѣ активнаго служенія на дѣло Божіе даже до мученичества, даже до смерти.

Какъ представители живой любви, люди эти всегда и вездѣ доносятъ единеніемъ любви съ тою Церковью, къ которой принадлежатъ по рожденію. Понимая второстепенное значеніе обряда, они не дѣлаютъ изъ него ни кумира, ни діавола, не ожидаютъ отъ него спасенія, но и не боятся его, какъ грѣха. Вотъ причины, по которымъ эти представители живой любви никогда не начинали съ протеста противъ обряда, никогда добровольно не покидали Церковь помѣстную. Они требовали и не могли не требовать одного, чтобы признано было первенствующее значеніе животворящаго духа, чтобы не налагали на нихъ узы рабства подъ предлогомъ строгаго соблюденія обрядности, чтобы не душили жизнь духовную путемъ возложенія на вѣрующихъ непосильнаго бремени чрезмѣрной регламентаціи размѣровъ соблюденія буквы обряда.

Но именно обрядъ и избирается обыкновенно орудіемъ борьбы со стороны правовѣрныхъ церковниковъ, почившей въ сладкой дремотѣ Церкви помѣстной, противъ представителей вѣчно бодрствующей любовью Церкви Вселенской. На всѣ его живые призывы къ

живой правдѣ отвѣчаютъ казуистическими доводами о неукоснительности рутины правовѣрной обрядности и доблестной бдительности духовныхъ стражей въ этомъ отношеніи. Онъ не отрицаетъ обрядъ, но его проповѣдь живой любви отрицаютъ во имя обряда. Онъ не отрицаетъ авторитета Церкви помѣстной, но его увѣряютъ, что онъ его отрицаетъ уже тѣмъ, что беретъ на себя активную роль въ жизни Церкви, когда пастыри желаютъ, чтобы онъ продолжалъ рутинно прозябать, коснѣя въ грубомъ язычествѣ подъ обманчивымъ ярлыкомъ христіанства.

Онъ желаетъ оставаться вѣрнымъ сыномъ Церкви помѣстной, въ нее внести весь тотъ свѣтъ, все то добро, которые стали насущною потребностью христіанской совѣсти и любящаго сердца его, но его настойчиво увѣряютъ, что онъ врагъ Церкви, злой еретикъ, гордый крамольникъ, что единственное средство для него доказать свою вѣрность Церкви и признаніе ея авторитета—отказаться отъ дѣла жизни его и зажить, какъ всѣ живутъ въ окружающемъ обществѣ. Онъ стремится къ мирной дѣятельности, полной кротости, любви и смиренія, его подвергаютъ пожизненной пыткѣ медленнаго нравственнаго сожиганія на кострѣ придирчивой злобы и дѣлаютъ это во имя „Матери Церкви“ приучая его видѣть именно въ ней злѣйшаго врага святой святыхъ сердца, ума и жизни его.

Удивительно ли, что, въ концѣ концовъ, правовѣрнымъ церковникамъ не разъ удавалось убѣдить избранника Божія въ томъ, что у него нѣтъ ничего общаго съ Церковью помѣстною, ставшею для него по ихъ винѣ злою мачихой и что нельзя дѣлать живое дѣло Божіе, не отвергая того обряда, на которомъ усыпляютъ совѣсть миллионовъ людей, во имя котораго отрицаютъ самую необходимость согласованія жизни съ животворящимъ духомъ живой вѣры и живой любви.

Вотъ исторія возникновенія многихъ прискорбныхъ раздѣленій въ христіанскомъ мірѣ. Именно такъ приведены были къ отдѣленію отъ Церкви помѣстной Лютеръ въ Германіи, Янъ Гусъ въ Богеміи, Фоксъ, основатель секты квакеровъ, въ Англіи.

И теперь въ Германіи опасность была велика. Въ прошломъ столѣтіи такимъ путемъ былъ приведенъ къ отдѣленію отъ лютеранской церкви графъ Цинцендорфъ, основатель геркугтерства, которое въ настоящее время пользуется заслуженнымъ уваженіемъ въ Германіи и признается императоромъ Вильгельмомъ заслуживающимъ всякаго поощренія и съ точки зрѣнія государственной политики.

Въ сороковыхъ годахъ истекающаго столѣтія, когда начался великій подъемъ религіознаго чувства и гуманистическое пробужденіе христіанской совѣсти, опасность вражды и раздѣленій достигла своего апогея. Духовенство, привыкшее считать за признаки не-

укоснительности правовѣрія совершенное равнодушіе общества къ вопросамъ религіознымъ, приняло за крамолу, за отпаденіе отъ Церкви и за отрицаніе авторитета касты 'самое пробужденіе духовной жизни. Передъ нимъ были два пути, путь смиреннаго покаянія и рѣшительнаго вступленія на новую ступень духовно возрастающаго христіанства, примирившись съ мыслию о томъ, что въ дѣлѣ этомъ Господь избралъ орудіемъ Своимъ мірянъ доброй воли, а не ихъ, которые должны были призывать пасомыхъ стать на эту ступень и не сдѣлали этого по недостатку доброй воли; второй путь, къ сожалѣнію слишкомъ часто избиравшійся при такихъ обстоятельствахъ, былъ путь горделивой заносчивости, путь подавленія духовнаго движенія подъ предлогомъ охраненія авторитета Церкви помѣстной, путь внушенія любви и уваженія къ своей кастѣ страхомъ упраздненій и отлученій. Для истинныхъ друзей Церкви тутъ и вопроса быть не можетъ, очевидно—и достоинство Церкви и простая профессиональная честность требуетъ избрать первый путь. Несмотря на это, если бы, въ Германіи, представители лютеранскаго духовенства имѣли возможность опираться на грубую силу, очень вѣроятно, что оно не устояло бы передъ соблазномъ повлечь за собою Церковь помѣстную на поворинный путь кулачнаго внушенія любви, уваженія и признанія своей авторитетности. Къ счастью для Церкви лютеранской обстоятельства заставили пасторовъ избрать средній путь. Долго большинство изъ нихъ недоувѣрчиво и недоброжелательно сторонилось отъ радостнаго духа религіознаго пробужденія, но ничѣмъ инымъ не проявляло свою недоброжелательность. Благодаря этому ни раздѣленій, ни взаимныхъ проклятій и отлученій не послѣдовало.

Въ послѣднее время все чаще и чаще пасторы начинаютъ примыкать къ этому движенію и принимать въ немъ дѣятельное участіе. Появляются между ними и люди настолько убѣжденные, настолько проникнутые живымъ духомъ любви, что стало возможнымъ поставить ихъ руководителями дѣла, при томъ не въ видѣ декораций, а съ сознаниемъ правды этого положенія. Такимъ образомъ, и безъ всякаго раздѣленія, авторитетъ Церкви помѣстной ни мало не страдаетъ и доброе святое дѣло стало дѣломъ общецерковнымъ.

По отношенію къ тому дѣлу, которое меня наиболѣе интересовало, изъ Германіи я вынесъ такое впечатлѣніе: первенствующее значеніе любви съ каждымъ годомъ выступаетъ все болѣе и болѣе ярко въ христіанскомъ сознаниі многихъ. Главными тормозами на пути общаго признанія этой основной истины христіанства является: 1) правовѣрные церковники, фанатики-рутинеры шаблоннаго лютеранства, которые крѣпко сомкнули глаза, чтобы не видѣть этой

истины на томъ основаніи, что понимать ее не завѣщали имъ признанные авторитеты лютеранскаго міра, что это не завѣты отцовъ; 2) аскеты-піетисты, придающіе слову любовь такой отвлеченный и леденящій смыслъ, что онани огнемъ духовнымъ, ни, тѣмъ болѣе, живою основою жизни и отношеній между живыми людьми быть не можетъ. На пользу распространенія пониманія первенствующаго значенія любви служатъ бессознательно представители христіанской благотворительности и вполне сознательно представители христіанскаго братства.

Что касается до стройной организаціи жизни на началахъ братолюбія, много дѣлается подготовительной работы, но еще слишкомъ мало осуществляется. Тутъ на первомъ мѣстѣ нельзя не поставить герингуторовъ и Армію Спасенія.

Большимъ тормозомъ въ дѣлѣ осуществленія христіанской правды въ жизни, на степени стройной организаціи социальныхъ отношеній на началахъ братской любви, является рутинное пониманіе благотворительности, недостатокъ сознанія важнаго значенія Богомъ даннаго таланта разума въ дѣлѣ служенія на разумное дѣло Мудраго Творца. Успокаиваютъ свою совѣсть на бессистемной благотворительности, отрицаютъ для кроткихъ необходимость мудрости змѣиной; въ результатѣ, до глупости наивная благотворительность, залѣчивающая раны глупыхъ овецъ, продолжающихъ блуждать по одиночкѣ между волками, до глупости наивное сердце, любовь котораго мирится съ тѣмъ, чтобы христіане, вѣруя въ Бога-Любовь, исповѣдуя христіанское братство, были обречены на жизненную каторгу жизни и отношеній, основанныхъ на корысти и насилиі.

Очень жалѣю, что, по недостатку времени, не могу подробно рассказать о дѣятельности Арміи Спасенія, о Герингутѣ, о благотворной дѣятельности христіанскихъ социалистовъ на лонѣ католичества и высоко просвѣщенныхъ гуманистовъ, подобныхъ профессору Полю Дежарденъ, выдающими себя за вѣрующихъ, но вполне правовѣрныхъ любовію, родныхъ по духу Богу-Любовь и всѣмъ святымъ Единой Вселенской Церкви Его; объ Арміи Церкви въ Лондонѣ, о большой христіанской фабрикѣ Леона Армеля близъ Реймса, о дѣятельности новаго монашескаго католическаго ордена „Друзей Труда“ въ Бельгіи и о двухъ весьма поучительныхъ конгрессахъ: христіанскихъ рабочихъ въ Реймсѣ и лиги Мира въ Пештѣ.

Скажу только, что подъ вліяніемъ энцикликъ папы Льва XIII за дѣло организаціи жизни на началахъ братолюбія взялись молодые аббаты, между которыми есть люди несомнѣнно искренніе, глубоко убѣжденные, полные самоотверженной любви. Такъ въ Парижѣ аббаты Суланжъ-Боденъ и Буаро совершенно преобразовали цѣлый

рабочій кварталъ-Ванвѣ, а въ Бельгiи, близъ Лiежа, на фабрикѣ Кокериль, аббаты Рейнъ, Клотъ и Лоесть, среди населенiя въ 12 тысячъ рабочихъ, еще недавно принадлежавшихъ почти поголовно къ партiи анархистовъ и атеистовъ, дѣлають настоящiя чудеса, организуя братскiя общежитiя, христiанскiе союзы, приобрѣтая любовь, уваженiе и довѣрiе даже враговъ своихъ, ежедневно обращая одичалыхъ въ дебряхъ капиталистической цивилизацiи анархистовъ въ мирныхъ труженниковъ, отдающихъ жизнь свою на дѣло любви, увѣровавъ въ Бога-Любовь.

Въ результатѣ, для меня вполнѣ выяснулася насущная потребность всего христiанскаго мiра немедленно приступить къ проповѣди первенствующаго значенiя любви и стройной организацiи жизни на началахъ братолюбiя. Это вопросъ жизни и смерти для Церковей помѣстныхъ и христiанскихъ государствъ.

Времена наивнаго разлада между вѣрою и жизнью прошлi безвозвратно. Въ настоящее время, когда ребенокъ съ малолѣтства привыкаетъ относиться сознательно ко всему окружающему, мы не можемъ болѣе относиться безсознательно къ вѣрѣ и жизни нашей, не можемъ болѣе закрывать глаза на чудовищный разладъ между вѣрою въ Бога-Любовь и социальными отношенiями основанными не на началахъ братолюбiя. Передъ нами роковая диллема: отказаться отъ христiанства, какъ основы жизни, признавъ его несбыточною утопiей, устарѣлымъ предразсудкомъ или стройно организовать жизнь на началахъ братолюбiя и тѣмъ доказать высшую правду Откровенiя Бога-Любовь.

Очень поучительны въ этомъ отношенiи слѣдующiе факты.

И въ Германiи, и въ Швейцарiи, и во Францiи и во всѣхъ лютеранскихъ и протестантскихъ Церквахъ, я замѣчалъ слѣдующее явленiе. Храмы полны стариками и женщинами, почти ни одного мужчины во цвѣтѣ лѣтъ. Изъ разговора объ этомъ явленiи въ Женевѣ съ профессоромъ Эрнестомъ Навиль и Эрнестомъ Фавръ, богатымъ человекомъ, отдающимъ себя и состоянiе свое на дѣло христiанизированiя Женевы, я вынесъ убѣжденiе, что происходитъ это именно отъ того, что между вѣрою и жизнью мало общаго. Все проповѣдуютъ теорiю, грамматику христiанства и не указываютъ практическихъ путей для осуществленiя христiанской правды, болѣе того, — мириаясь съ антихристiанской дѣйствительностью, тѣмъ самымъ признають невозможность ея практическаго осуществленiя. Удивительно ли, что люди, полные жизни и энергiи, отрицають жизненное значенiе вѣры, смотрятъ на нее, какъ на отжившую утопiю, годную только для утѣшенiя слабыхъ умовъ и больныхъ сердець, но совершенно непригодную для созиданiя здоровой жизни, здоровыхъ умовъ и сердець людей. Хуже того, смотрятъ на христiанство, какъ

на дикую проповѣдь мрачнаго аскетизма мертвящаго жизнь, какъ на вредную опору для всякихъ эксплуататоровъ, которымъ однимъ на руку проповѣдь смиренiя и покорности слабымъ, въ то время, какъ за сильными не признають обязанности организовать жизнь на началахъ любви и тѣмъ оградить ихъ, этихъ малыхъ, отъ соблазновъ, скорбей и грубаго злоупотребленiя ихъ кротостью и смиренiемъ. И вотъ привыкають считать неприличнымъ для умнаго и порядочнаго человека итти въ христiанскую церковь принимать участiе въ фарисейской комедiи проповѣдей и обрядовъ безъ вѣры въ возможность осуществленiя христiанской правды въ жизни. И вотъ бѣгутъ изъ церкви, смѣются надъ нею, стыдятся ея всѣ люди, чувствующiе себя здоровыми, способными служить на реальное дѣло практической жизни, и церкви наполняются стариками и женщинами, въ силу разныхъ обстоятельствъ, нуждающихся въ духовномъ утѣшенiи.

Другой фактъ, не менѣе краснорѣчивый и какъ бы дополняющiй собою только что сказанное, остался въ моей памяти, какъ одна изъ самыхъ яркихъ картинъ во многихъ отношенiяхъ духовно-живописнаго конгресса христiанскихъ рабочихъ въ Реймсѣ.

Конгрессъ этотъ состоялся въ Реймсѣ по случаю тысяча четырехъ сотой годовщины крещенiя Клодвигъ, при участiи представителей духовенства, аристократiи и рабочихъ. Поѣхалъ я туда по приглашенiю графа де-Мень, главы католической партiи французскаго парламента, и вынесъ самое отрадное впечатлѣнiе твердой рѣшимости всѣхъ трехъ общественныхъ классовъ дружно дѣйствовать въ направленiи стройной организацiи жизни по вѣрѣ. Бывшiй анархистъ Роберъ, ставшiй убѣжденнымъ и ревностнымъ католикомъ, произнесъ рѣчь, которая была настоящею исповѣдью его обращенiя. Онъ говорилъ: „Не видя никакихъ попытокъ стройно организовать добро въ жизни, я былъ глубоко убѣжденъ, что христiанство — вредная утопiя, сознательный обманъ для эксплуатацiи людей, систематично идіотизируемыхъ при помощи самыхъ нелѣпыхъ басней. И я искалъ правды внѣ христiанства и мнѣ казалось, что я нашелъ ее въ самыхъ крайнихъ, разрушительныхъ теорiяхъ. Только тогда, когда началась организаторская дѣятельность христiанскихъ социалистовъ, я началъ сомнѣваться въ основательности моихъ предубѣжденiй противъ христiанства, началъ вѣрить, что и христiанство заключаетъ въ себѣ реальную, жизненную правду, заинтересовался вопросами вѣры, понялъ громадное жизненное значенiе вѣры въ Бога-Любовь для организацiи жизни на началахъ братолюбiя, понялъ громадное преимущество въ этомъ дѣлѣ христiанъ передъ тѣми, кто мечтаетъ о лучшихъ временахъ для человечества, исходя изъ эгонистическихъ побужденiй, пришелъ къ вѣрѣ сознательно и въ

этой вѣрѣ нашелъ полное удовлетвореніе всѣхъ высшихъ потребностей ума и сердца“.

Закончу краткими выдержками изъ книги главы христіанскихъ социалистовъ во Франціи, редактора „Соціальная правда“ (La vérité sociale), аббата Нодэ. Эти выдержки, какъ мнѣ кажется, довольно полно знакомятъ со взглядами и программой этой партіи, призванною играть,—я твердо въ томъ убѣжденъ,—громадную и весьма благотворную роль въ жизни христіанскихъ народовъ двадцатаго столѣтія.

Выписка изъ книги аббата Нодэ.

„На дорогѣ къ будущему“

„Vers l'avenir“.

Забываютъ мудрость, бросаются очертя головѣ въ религію пр едразсудковъ, которая съ христіанствомъ ничего общаго не имѣетъ. Навязываютъ подъ именемъ догматовъ то, что въ дѣйствительности едва можетъ быть названо личнымъ мнѣніемъ, не имѣя никакого основанія. Въ духѣ безпримѣрнаго фанатизма, съ легкимъ сердцемъ отлучаютъ другъ друга отъ церкви, готовы сжечь на кострѣ всѣхъ, кто, не желая сѣзуть душу свою до узкихъ рамокъ установленныхъ фанатиками, смѣютъ имѣть свое сужденіе и дорожатъ свободой духа, завѣщенной намъ Христомъ Спасителемъ.

Въ дѣйствительности, главное зло состоитъ въ томъ, что произошла задержка въ нормальномъ развитіи Церкви, въ прогрессѣ жизни на Евангельскихъ основахъ.

Вѣдь Евангеліе содержитъ въ себѣ не только надежду и спасеніе отдѣльныхъ личностей, оно въ то же время содержитъ въ себѣ надежду и спасеніе для цѣлаго общества. Дайте намъ побольше святыхъ людей, и общество будетъ спасено ими, часто восклицаютъ анши современники въ своихъ іериміадахъ, жалуясь на дурныя времена. Увы! Спасено было бы только подъ условіемъ выполнять въ жизни то, что совѣтуютъ эти святые люди. Многіе спасены были въ Братскихъ Общинахъ временъ апостольскихъ, но никогда самые великіе святые не спасали то общество грѣшниковъ, которое ихъ побивало камнями, распинало и всячески мучило.

Не побоймся сказать правду, мы живемъ въ атмосферѣ развращенной и развращающей; оздоровить жизнь можно только стройно организуя добро и всѣ соціальныя отношенія на христіанской основѣ любви.

Какъ многіе думаютъ, что все сдѣлано, когда въ дѣйствительности только устранены нѣкоторыя опасности, нѣкоторые соблазны, смѣшивая при этомъ понятія „невинность“ и „невѣжество“, „добродѣтель“ и „холодная сухость“.

Зло гораздо глубже. Идея христіанская не проникаетъ болѣе собою всю жизнь, во всѣхъ ея проявленіяхъ.

Помочь горю можно, только воспитывая дѣтей на христіанскихъ началахъ, необходимо поставятъ Церкви такихъ мужей и женъ, на которыхъ Она опереться могла бы. Настоящею опорой Церкви могутъ быть только люди сознательно вѣрующіе, сознающіе свою свободу духовную и свободно приносящіе свою жизнь на дѣло Церкви. А теперь во имя религіи отрицаютъ право на самую законную свободу. При такихъ обстоятельствахъ Церковь помѣстная кромѣ жалкихъ рабовъ защитниками своими никого имѣть не будетъ.

Маркизъ де-ла-Туръ-дю-Пинъ очень вѣрно говоритъ: Въ христіанскомъ обществѣ уваженіе къ себѣ должно внушать не богатство, а доброе употребленіе богатства, не природный талантъ, а доброе употребленіе этого таланта, вообще,—не даръ Божій, каковъ бы онъ ни былъ, а самоотверженное служеніе помощью этого дара на общую пользу всего человѣчества. Какъ только высшіе классы общества перестаютъ быть самоотверженными, они измѣняютъ своему призванію и падаютъ все ниже и ниже, несмотря ни на какія привилегіи и исключительныя права.

Дѣйствительно, правящіе классы обязаны показывать добрый примѣръ людямъ, ими управляемымъ, обязаны оказывать имъ дѣйствительное покровительство отъ неправды и насилія, давать имъ реальное руководство въ жизни. Равнодушіе ко всему, что не представляетъ личную выгоду, совершенная оторванность отъ всего, что составляетъ общій интересъ, вотъ отличительныя черты слишкомъ многихъ.

Покойный прелатъ д'Юльстъ съ возмущеніемъ говоритъ о презрѣніи къ истинѣ, правдѣ и добру, отличающемъ поклонниковъ успѣха, во что бы то ни стало.

Все это ведетъ къ возвеличенію отдѣльныхъ личностей, которыя, одновременно относясь съ презрѣніемъ и къ правдѣ Божіей и къ правамъ ближнихъ, большими шагами ведутъ общество къ гибели.

Что всего болѣе скомпрометировало Церковь и вытравило религіозность въ обществѣ, это то, что Правительство королевской Франціи настойчиво стремилось превратить Церковь въ одно изъ вѣдомствъ сложной машины государственнаго механизма и водворять религіозность, выгодную для государственной политики, полицейскими мѣрами.

отношенія христіанскаго общества, благо котораго зависит не отъ строгаго соблюденія отдѣльными личностями религіозныхъ обрядовъ и благочестивыхъ упражненій, а отъ того, насколько проникнуты духомъ Христовымъ строй жизни и социальныя отношенія общества вѣрующихъ. Вотъ что мы называемъ христіанскимъ социализмомъ или социальнымъ христіанствомъ.

Мнѣ глубоко памятно впечатлѣніе, произведенное на меня проповѣдью этихъ началъ кардиналомъ Джибонсъ, удостоившаго меня своею бесѣдою. То же впечатлѣніе я вынесъ изъ разговора съ другимъ великимъ епископомъ свободной Америки, Джономъ Кинъ, ректоромъ Вашингтонскаго университета. Что дѣлаетъ ихъ столь великими, этихъ заокеанскихъ Епископовъ? Да именно то, что они о христіанствѣ и Евангеліи составили себѣ столь великую идею, что и они сами безмѣрно возросли въ величіи въ свѣтѣ ея лучей.

Человѣчество непрестанно подвигается впередъ по пути прогресса, продолжительность и конечная цѣль котораго составляетъ тайну Божію, необходимо, чтобы Церковь шла впереди человѣчества, постоянно преднося Свой великій свѣточъ. Необходимо, чтобы Церковь всегда находилась во главѣ всякаго добраго прогресса для того, чтобы человѣчество всегда видѣло Ея маякъ передъ собою и могло слѣдовать за Нею. Невозможно отрицать, что подъ вліяніемъ Апостоловъ произошло не только движеніе религіозное, но и великое движеніе религіозно-соціальное. Дѣянія Апостольскія сохранили намъ картину соціальнаго быта христіанскихъ братскихъ общинъ, гдѣ всѣ жили въ тѣсномъ братскомъ общеніи, всѣ были, какъ одинъ умъ и одно сердце.

Что дѣлаетъ необыкновенно могущественною проповѣдь кардинала Джибонсъ и архіепископовъ Айрлендъ и Кинъ, это именно то, что они расширили свое пониманіе христіанства отъ христіанства индивидуальнаго до христіанства соціальнаго, которое включаетъ въ себѣ индивидуальное христіанство, какъ часть цѣлаго. Они не смѣшали понятія о неизмѣнности Божіей и неподвижности Церкви. Ихъ живая вѣра въ неизмѣнные догматы не пугается измѣненіемъ социальныхъ формъ по требованію эпохи.

Зрѣетъ закваска Царства Божія, вырастаетъ дерево христіанства, созрѣваютъ на немъ все новые и новые плоды; всѣ препятствія и осложненія, которыя подѣ часъ кажутся намъ столь страшными, не въ силахъ остановить ея роста; это просто пыль человѣческихъ немощей; она будетъ вездѣ, гдѣ дѣйствовать будетъ немощное человѣчество, но силенъ Богъ однимъ дуновеніемъ очистить дѣло Свое отъ этой временной пыли; пройдутъ вѣка и явится твореніе Божіе во всемъ величіи и красотѣ своей.

XIX столѣтіе, особенно на своемъ закатѣ, отмѣчено святымъ чувствомъ громадной жалости къ миллионамъ обездоленныхъ.

Неужели и въ этомъ дѣлѣ Церковь не займетъ подобающее ей мѣсто впереди движенія, указывая наиболѣе достойный для христіанъ выходъ изъ современныхъ осложненій, согласно Евангельской правдѣ!

Мы ни въ какомъ случаѣ не можемъ довольствоваться индивидуалистическимъ пониманіемъ христіанства, какое желаютъ намъ навязать въ теченіе послѣднихъ столѣтій. Мы громко проповѣдуемъ правду соціальнаго христіанства и христіанскаго социализма. Это не новшество, напротивъ,—это настолько неизбежный результатъ ученія Христа Спасителя, что Церковь всегда страдала отъ всякаго отступленія отъ этого принципа, что всегда она возвращалась къ нему въ лучшія свои времена, всегда въ немъ искала силу духовнаго возрожденія, когда чувствовала уменьшеніе духа Своего въ душахъ людей. (Братскія общины временъ Апостольскихъ, общезажителыныя монастыри, какъ аскетическія Трудовыя Братства, христіанскіе союзы и федераціи католиковъ въ настоящее время). Если бы, изъ боязни огорчить фарисеевъ и саддукеевъ своего времени, Христосъ Спаситель менѣе ясно высказалъ эту истину, настоящаго христіанства не было бы заложено на землѣ. Слишкомъ мало до сихъ поръ было обращено вниманія на то, что Христосъ не завѣщалъ Своимъ ученикамъ быть ловцами *душъ*, а сказалъ: „Вы будете ловцами *человѣковъ*“. Собразно тому мы обязаны стремиться вырвать изъ-подъ власти лжи и зла не только душу, но и цѣлаго *человѣка*, во всѣхъ сферахъ его жизнедеятельности. Повсюду, гдѣ ложь и зло могутъ дѣйствовать, необходимо, чтобы и христіанство вносило свое оздоравливающее вліяніе.

Вѣдь мы не согласны признать, будто христіанство оказалось несостоятельнымъ въ вопросахъ соціальнаго порядка, слѣдовательно мы должны въ его божественной нравственности искать отвѣтовъ и на всѣ социальныя недоразумѣнія. Богъ, создавъ и душу и тѣло *человѣка*, повелѣлъ ему тѣмъ самымъ удовлетворять потребности не только духовныя, но и тѣлесныя. Творецъ, въ своей безконечной мудрости, все предвидѣлъ и, слѣдовательно, христіанская нравственность, совпадая съ нравственностью Божескою, должна быть основою всей нашей жизни и никогда не можетъ стать въ тупикъ передъ какимъ-либо жизненнымъ явленіемъ во вся времена до скончанія вѣковъ. Иначе мы должны были бы согласиться, будто Божественный Законодатель ничего не понялъ и не предвидѣлъ въ Собственномъ твореніи и что будто бы Его мудрость оказывается безсильною, въ виду осложненій современнаго прогресса. Итакъ, мы обязаны не только воспитывать христіанъ, но и стройно организовать на христіанскихъ началахъ всю жизнь и всѣ социальныя

Письмо въ редакцію „Черниговскихъ Губернскихъ Вѣдомостей“ 4-го февраля 1897 года.

Господинъ Редакторъ!

Позвольте обратиться къ Вамъ съ просьбой помѣстить это письмо на страницахъ „Черниговскихъ Губернскихъ Вѣдомостей“.

За послѣднее время появилось въ печати нѣсколько статей о нашемъ Трудовомъ Братствѣ. Нѣкоторыя изъ нихъ, какъ напримѣръ статьи С. И. Уманецъ на страницахъ „Рижскихъ Вѣдомостей“, Д. В. Лобачевского въ „Воскресной Бесѣдѣ“ и барона Н. В. Дризена на страницахъ „Новаго Времени“ написаны въ доброжелательномъ духѣ и представляютъ, въ общемъ, довольно вѣрную картину быта нашего Братства. Тѣмъ болѣе необходимымъ я считаю исправить нѣкоторыя неточности, случайно и мимовольно вкравшіяся въ эти статьи, за которыя приношу сердечную благодарность ихъ уважаемымъ авторамъ.

Такъ, г. Лобачевскій и баронъ Дризенъ соединяютъ мое имя съ именемъ графа Толстого. Баронъ Дризенъ даже говоритъ, что, приступая къ дѣлу, я ѣздилъ въ Ясную Поляну за „благословеніемъ“ графа. Это не соответствуетъ истинѣ и можетъ породить прискорбныя недоразумѣнія. Слишкомъ во многомъ я расхожусь во взглядахъ съ графомъ Толстымъ для того, чтобы было основаніе соединить наши имена; въ Ясной Полянѣ никогда не былъ, подъ вліяніемъ идей графа не только теперь не нахожусь, но и прежде никогда не находился. Для того, чтобы въ томъ убѣдиться, достаточно прочесть мои сочиненія, въ которыхъ не разъ мнѣ приходилось съ нимъ полемизировать, хотя, какъ человѣкъ вѣрующій, я не могу не признать, что графъ Толстой принесъ большую пользу русской интеллигенціи, пробудивъ въ ней религіозные интересы.

Г. Уманецъ говоритъ, что, познакомившись съ графомъ Люттихау, я учредилъ у себя Трудовое Братство по образцу подобнаго же братства, основаннаго имъ въ Силезіи. Графа Люттихау я очень

люблю и уважаю, дружбу съ нимъ почитаю себѣ за честь, но заимствовать отъ него основную мысль и, тѣмъ болѣе, учреждать Трудовое Братство по образцу того, что видѣлъ у него, не могъ уже по тому одному, что познакомился съ нимъ, когда все дѣло Братства Трудового было уже закончено и что никакого Трудового Братства, по типу нашего Братства, ни въ Силезіи, ни въ какой-либо другой странѣ Европы, не существуетъ. Напротивъ, во время моего пребыванія у графа, онъ созвалъ представителей многихъ, основанныхъ имъ религіозныхъ союзовъ и просилъ меня рассказать имъ о нашемъ Трудовомъ Братствѣ, желая дать имъ возможность учредить подобное Братство, существованіе котораго онъ признаетъ весьма желательнымъ для Церкви и христіанскаго государства.

Пользуюсь этимъ случаемъ, чтобы категорически опровергнуть невѣрные слухи, упорно распространяемые о новомъ и потому для многихъ непонятномъ дѣлѣ нашемъ.

Это не дѣло раздѣленія и вражды, а дѣло мира и любви, дѣло сознательной вѣры и искренняго желанія принести наибольшую пользу, наиболѣе разумно послужить дѣлу Божію, Церкви Православной, Царю Православному, Христіанской отчизнѣ и всему человѣчеству по силѣ разумѣнія и по требованіямъ христіанской совѣсти моей.

Ни рутинное прозябаніе благодушной уживчивости со зломъ, ни озлобляющую и бесплодную критику зла не считаю полезными. Настоящую потребность переживаемой нами эпохи признаю умиротворяющую дѣятельность созиданія и стройной организаціи добра въ жизни, на лонѣ Православія, въ предѣлахъ Русскаго Отечества. Именно это считаю лучшею апологіей и Россіи и Православія. Именно съ этою цѣлію я и учредилъ въ предѣлахъ моего имѣнія двѣ сельско-хозяйственныя школы—мужскую и женскую, два дѣтскихъ общежитія для дѣтей школьнаго и дошкольнаго возраста и Трудовое Братство для тѣхъ, кто пожелаетъ доказать возможность стройной организаціи всѣхъ родовъ труда: земледѣльческаго, промышленнаго и торговаго, на завѣщанныхъ намъ Главою Церкви, Христомъ Спасителемъ, началахъ братолюбія.

Никакихъ вредныхъ иностранныхъ и иновѣрныхъ вліяній, въ ущербъ вѣрности Православію и доброму христіанскому патриотизму, ни на меня лично, ни на дѣло мое не существуетъ.

Закончивъ организацію Трудового Братства, считаю полезнымъ приучать его обходиться безъ меня, желая, чтобы день смерти моей засталъ Трудовое Братство возможно болѣе подготовленнымъ къ жизни самостоятельной. Съ этою цѣлію я часто и надолго вызываю за предѣлы Братства. Часто ѣзжу за границу, приобретаю тамъ много друзей; считаю и на будущее время долгомъ христіанской совѣсти поддерживать дружеское общеніе съ добрыми христіанами всѣхъ

народовъ и всѣхъ исповѣданій; радуюсь тому, что общеніе это приобрѣло многихъ друзей Россіи и Православію, иногда изъ числа бывшихъ прежде убѣжденныхъ враговъ ихъ, которые не разъ лично и въ письмахъ говорили мнѣ, что самый фактъ возможности дѣятельности моей и учрежденія Трудового Братства совершенно измѣняетъ ихъ взгляды на Россію и Православіе и примиряетъ ихъ съ ними.

Исключительныхъ симпатій къ протестантскому міру и къ протестантскимъ понятіямъ не питаю. Друзей имѣю не меньше среди католиковъ и англиканъ, какъ и среди протестантовъ. Доказательствомъ тому могутъ служить одинаково сочувственные статьи, писанныя о мнѣ и нашемъ дѣлѣ и англійскою писательницею Кру (Crewе) въ журналѣ „Армія Церкви“, издаваемымъ представителемъ англиканскаго духовенства Карлейлемъ (Carlyle), и католическимъ аббатомъ Можисъ (Maugis) въ бюлетенѣ общества Св. Мартына, и протестантскимъ пасторомъ Гутеръ (Houter) въ Марсели, въ журналѣ „Внутренняя миссія“.

Уже это одно должно было бы доказать, что сочувствуютъ дѣлу нашему одинаково христіане всѣхъ вѣроисповѣданій, именно потому, что дѣло наше общехристіанское.

Если представители другихъ народовъ и другихъ христіанскихъ исповѣданій начали выражать намъ сочувствіе раньше нашихъ соотечественниковъ и единовѣрцевъ, принять на себя въ этомъ отвѣтственности не могу, такъ какъ дѣло дѣлалъ въ Россіи и всѣ сочиненія мои печаталъ на русскомъ языкѣ.

Въ настоящее время я имѣю радость видѣть проявленія не меньшаго сочувствія и со стороны русскихъ православныхъ людей, въ чемъ убѣждаютъ меня и многочисленныя письма, получаемыя мною со всѣхъ концовъ нашего обширнаго отечества, и многочисленныя заявленія о желаніи лично посѣтить нашъ мирный уголокъ съ цѣлью ознакомиться съ нашимъ дѣломъ на мѣстѣ.

Особенно радуютъ меня доказательства сочувствія моимъ сочиненіямъ и нашему дѣлу со стороны представителей Православнаго духовенства, изъ которыхъ нѣкоторые издалека пріѣзжали къ намъ и уѣхали убѣжденными друзьями нашими, а другіе писали мнѣ письма, полныя горячаго сочувствія. Одинъ изъ нихъ пишетъ, что, „достигнувъ предѣльнаго возраста жизни“, радуется, что дожилъ до такого отраднаго явленія въ жизни русской православной Церкви, какимъ признаетъ и мои сочиненія и дѣло Трудового Братства.

Посвятивъ себя служенію любовью на дѣло любви, намъ особенно дорога нравственная поддержка сочувствія того общества, среди котораго мы работаемъ на трудное дѣло стройной организаціи жизни на братскихъ началахъ.

Примите, милостивый государь, увѣреніе въ моемъ къ вамъ уваженіи.

Письмо Редактору Черниговскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостей 4 февраля 1897 года.

Господинъ Редакторъ!

Ложные слухи, упорно распространяемые о Трудовомъ Братствѣ и сельско-хозяйственныхъ школахъ, основанныхъ мною въ предѣлахъ моего имѣнія, заставляютъ меня утруждать Васъ просьбою помѣстить настоящее письмо на страницахъ Черниговскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостей.

При Воздвиженской сельско-хозяйственной школѣ я на свои средства выстроилъ и содержу православный храмъ во имя Воздвиженія Креста Господня. При этомъ православномъ храмѣ учредилъ Православное Трудовое Братство. Братство это съ довѣріемъ поставилъ подъ покровительство православнаго епархіальнаго епископа. Въ храмѣ нашемъ совершаются каждое воскресенье и во всѣ важнѣйшіе праздничные дни православныя богослуженія. О благолѣпнѣ православнаго богослуженія въ нашемъ храмѣ заботимся по мѣрѣ силъ, украшая служеніе внятнымъ чтеніемъ и стройнымъ пѣніемъ соединеннаго хора обѣихъ сельско-хозяйственныхъ школъ (мужской и женской) и Трудового Братства. Священникомъ при нашемъ храмѣ, законоучителемъ обѣихъ школъ и духовникомъ всѣхъ членовъ Братства состоитъ кандидатъ Богословія Московской духовной академіи.

22 іюля 1895 года на церковномъ торжествѣ открытія Трудового Братства, во время соборнаго служенія, на насъ православнымъ священникомъ были надѣты братскіе кресты, которые мы и носимъ по праздничнымъ днямъ, дорожа ими, какъ вещественнымъ изображеніемъ принятаго нами на себя креста невещественнаго стройной организаціи жизни и труда на началахъ, завѣщаннаго Главою Церкви, Христомъ Спасителемъ, братолюбія; дорожимъ и какъ вещественнымъ знакомъ признанія дѣла нашего и благословенія его Церковью помѣстною.

Казалось бы всего этого съ избыткомъ достаточно для того, чтобы не могло возникать никакихъ сомнѣній въ вѣрности нашей Церкви и признанія ея авторитета.

Къ сожалѣнію, слишкомъ многіе въ недоброжелательствѣ своемъ доходятъ до изобрѣтенія и распространенія самыхъ нелѣпныхъ слуховъ, и слухи эти, несмотря на очевидную ихъ нелѣпность, слишкомъ многими принимаются съ довѣріемъ.

Долго я молчалъ, надѣясь на то, что слухи эти прекратятся сами собою, тѣмъ болѣе, что въ неосновательности ихъ всякій человѣкъ доброй воли легко можетъ убѣдиться. Въ настоящее время я имѣю основаніе предполагать, что дальнѣйшее молчаніе мое можетъ быть, во вредъ Братству, дурно понято и истолковано.

Есть, люди, которыхъ переубѣдить нельзя. Недоброжелательство побуждаетъ ихъ упорно вѣрить дурному и упорно закрывать глаза на все доброе. Но рядомъ съ этими людьми есть люди, вводимые первыми въ заблужденіе, безъ всякой злой воли дѣлающіеся участниками дурного дѣла оклеветанія и нравственнаго истязанія людей, которые, посвятивъ себя дѣлу мира и любви, особенно нуждаются въ нравственной поддержкѣ братской любви окружающаго общества, особенно страдаютъ отъ всякаго проявленія злобы и недоброжелательнаго недовѣрія.

Дѣло наше не есть дѣло вражды и раздѣленія; это дѣло мира и любви, какъ вы, господинъ редакторъ, въ томъ сами могли убѣдиться при посѣщеніи Воздвиженска.

Горячо желаю, чтобы это дѣло мира и любви поставлено было въ нормальныя условія. Такими нормальными условіями я считаю взаимную любовь и довѣріе. Необходимо для блага Братства и для достоинства Церкви помѣстной, чтобы Братство, какъ дѣло общецерковное, находилось въ положеніи любимаго, законнаго дѣтища ея.

Не могу при этомъ не вспомнить съ умиленіемъ и благодарностью о незабвенномъ архипастырѣ и другѣ нашемъ, покойномъ епископѣ Черниговскомъ и Нѣжинскомъ, преосвященномъ Сергіѣ. Еще будучи викарнымъ, онъ посѣтилъ Воздвиженскъ и остался до самой смерти убѣжденнымъ и неизмѣннымъ другомъ нашимъ. На страницахъ Епархіальныхъ Вѣдомостей онъ написалъ, что былъ умиленъ и восхищенъ общимъ духомъ школъ нашихъ. Будучи епископомъ, онъ грамотою благословилъ меня облекаться въ стихарь, произносить поученія съ церковной кафедрѣ, а на подаренномъ мнѣ сочиненіи своемъ сдѣлать слѣдующую надпись: „Просвѣщенному избраннику Божию, возсоздателю народа, сѣмени святу, стоянію міра Русскаго Православія“. Оба эти документа я храню, какъ дорогую для меня ласку любящей Матери Церкви и утѣшеніе въ скорбяхъ, причиняемыхъ мнѣ упорнымъ недоброжелательствомъ, съ какимъ одни распространяютъ клеветы, а другіе принимаютъ ихъ на вѣру, въ то время, какъ убѣдиться въ ихъ неосновательности такъ не трудно.

Вѣдь Братство, задаваясь цѣлью стройно организовать жизнь, отношенія и трудъ на началахъ братолюбія, стремится въ жизни осуществить „царственный законъ любви, высшій заветъ Бога-Любовь и Христа Его, Главы Церкви, Спасителя міра, сказавшаго: „Потому узнаютъ всѣ, что вы Мои ученики, если будете имѣть любовь между собою“; стремится, слѣдовательно, осуществить самыя дорогіе заветы и всѣхъ вѣрныхъ чадъ Бога-Любовь, всѣхъ святыхъ Его, всей Церкви Его, стремится исполнить то, что во всѣ времена должно было быть конечною цѣлью христіанской проповѣди, по словамъ Апостола Павла; „Цѣль же увѣщанія есть любовь отъ чистаго сердца“.

Врачи христіанства громко говорятъ, что христіанство можно только проповѣдывать, а въ жизни осуществить нельзя, что въ жизни братолюбіе не практично, а грубая борьба за существованіе неизбежна. Пора доказать жизненную правду высшаго завета Спасителя міра. Пора отъ проповѣди словесной перейти къ проповѣди дѣломъ. Такою проповѣдью въ дѣйствіи и должно быть Трудовое Братство. Оно можетъ стать лучшей апологіей Православія и Православной Россіи, если будетъ признано ими своимъ, роднымъ, дорогимъ дѣломъ. Изъ любви къ отчизнѣ, изъ уваженія къ Церкви помѣстной, я горячо желаю, чтобы это именно такъ было.

Клеветы, упорно распространяемыя о Братствѣ, могутъ многихъ вводить въ заблужденіе, возбуждать вражду противъ дѣла, полезнаго для Церкви, Государства и народа. Пастырямъ Церкви особенно легко послужить на доброе дѣло, опровергнуть ложные слухи, стать миротворцами. Умоляю ихъ явиться защитниками правды, внушать къ намъ, своей паствѣ, то чувство братской любви, на торжество котораго мы и отдаемъ всю нашу жизнь и всѣ наши силы.

Въ защиту Трудового Братства я вынужденъ былъ сказать многое, что можетъ стать источникомъ новыхъ нареканій на меня и Братство. Не гордость говоритъ во мнѣ, такъ какъ я глубоко убѣжденъ, что мы ничего не можемъ сами по себѣ, но что все можетъ Богъ Живой сдѣлать черезъ насъ, во всякой немощи проявить силу Свою, когда добрая воля позволяетъ Ему дѣйствовать черезъ насъ, не насилуя свободы воли Своихъ созданій. Дѣло Трудового Братства не наше изобрѣтеніе и не наше исключительное дѣло. Трудовыми братствами были и христіанскія братскія общины временъ Апостольскихъ, и общежительные монастыри. Это дѣло общецерковное, которое Господь благоволитъ творить въ немощи нашей только потому, что мы имѣли добрую волю отдавать жизнь и силы наши на это дѣло, имѣемъ и вѣру въ правду и осуществимость завета братолюбія, вѣру, сдвинувшую уже многія горы на нашемъ пути.

Мы сами люди слабые, немощные, только постепенно воспиты-

вающіеся на дѣлѣ, которое дѣлаемъ, отъ вѣры въ вѣру, отъ любви въ любовь. Чего мы желаемъ, это того, чтобы намъ прощали немощи наши, какъ Господь намъ ихъ прощаетъ, благоволя творить силу въ немощи нашей, желаемъ, чтобы къ намъ относились съ доброжелательнымъ довѣріемъ и не отказывали намъ въ братской любви, несмотря на немощи наши, ради любви къ обще-церковному дѣлу Братства Трудового, которому мы служимъ по силѣ разумѣнія и по требованіямъ христіанской совѣсти нашей.

Циркулярное воззваніе къ людямъ, понимающимъ необходимость реализаціи христіанства на основѣ устойчивой братской любви во всемъ христіанскомъ мірѣ.

Прилагаемая глава о любви *) въ достаточной степени, неопровержимыми текстами христіанскаго Откровенія, доказываетъ, что основа и неизмѣнный нервъ христіанства—устойчивая, дѣятельная, торжествующая любовь къ Творцу и всему Его творенію, особенно къ живому образу Бога Живаго—человѣку.

Сознаніе первенствующаго значенія любви стало достояніемъ сознательно вѣрующихъ христіанъ всего христіанскаго міра. Отъ сознанія до привычекъ, соответствующихъ сознанной истинѣ, и тѣмъ болѣе до осуществленія этой истины въ жизни безмѣрно далеко. Если самое сознаніе первенствующаго значенія любви въ гармоніи христіанскаго настроенія духа и стройной организаціи жизни по вѣрѣ еще не стало общимъ достояніемъ всѣхъ людей, считающихъ себя и называющихся христіанами, а составляетъ преимущество отдѣльныхъ, рѣдкихъ, сознательно вѣрующихъ христіанъ, далеко не всѣ эти сознательно вѣрующіе христіане воспитали въ себѣ добрые христіанскіе навыки, привычку устойчивой любви, безъ которой не возможно и осуществленіе христіанства въ жизни, ни возможна никакая организація на единой истинно-христіанской основѣ братолюбія.

Именно это непониманіе первенствующаго значенія любви, отсутствіе элементарной христіанской добродѣтели устойчивой любви и поражаетъ позорное для христіанства явленіе вопіющаго разлада, между освященною вѣками рутинною жизнью социальныхъ отношеній и официально исповѣдуемымъ идеаломъ народовъ, называющихъ себя христіанами.

*) Изъ брошюры, Христіанская Гармонія Духа (III томъ полн. собр. сочиненія).

Именно пропаганда устойчивой, дѣятельной, торжествующей любви и составляетъ насущную потребность всего современнаго христіанскаго міра. Чтобы еще болѣе проникнуться сознаниемъ этой истины, перечислимъ кратко печальныя послѣдствія отсутствія этой основной христіанской добродѣтели въ разныхъ проявленіяхъ жизни христіанскихъ народовъ.

Не понимая первенствующаго значенія любви къ Господу Богу, нельзя поклоняться Богу истинному, Богу-Любовь. Создавая неизмѣнно представленіе о Богѣ по образу и подобию своему, что и дѣлаетъ истинною слова Спасителя міра: „блаженны чистые сердцемъ, ибо они Бога узрятъ“, люди съ сердцемъ нечистымъ, по слабости неустойчивой любви, непременно создадутъ себѣ на мѣсто Бога истиннаго—чудище, кумиръ, ничего общаго съ Богомъ-Любовь не имѣющимъ. Соответственно тому, столь же далеко отъ истины, столь же чудовищно съ христіанской точки зрѣнія будетъ и ихъ представленіе объ отношеніяхъ человека къ Богу и Бога къ человеку. Не имѣя устойчивой любви къ Богу, мы постоянно ниспадаемъ съ высоты любви до страха или корыстной расчетливости, подмѣняя въ то же время и во всѣхъ этическихъ понятіяхъ нашихъ святую, высочайшую христіанскую основу любви недостойными христіанъ основами страха и корысти.

Не понимая первенствующаго значенія любви, мы, и зная заповѣты любви Спасителя міра, такъ явно измѣняемъ этимъ заповѣтамъ, что наши взаимныя отношенія составляютъ самый позорный соблазнъ изъ всѣхъ позорныхъ соблазновъ современнаго человечества. Мы не только не позаботились стройно организовать соціальныя отношенія на единой христіанской основѣ братской любви, но даже цинично проповѣдуемъ нормальность строя жизни и соціальныхъ отношеній, основанныхъ на антихристіанскихъ началахъ страха и корысти, цинично обзывая единую христіанскую основу братской любви—несбыточной, непрактичною утопией.

Именно это вопіющая ложь жизни христіанъ и оклеветала христіанство и дѣлаетъ христіанскую истину столь трудно понимаемою, а само христіанство столь ненавистнымъ для многихъ, между которыми къ стыду нашему есть и умные и добрые люди.

Позорныхъ проявленій отсутствія любви въ жизни и отношеніяхъ современнаго христіанскаго общества такъ много, что не только подробно изложить все зло, порождаемое этими явленіями, но даже только перечислить ихъ было бы слишкомъ длинно. Укажемъ только на нѣкоторые изъ этихъ явленій для иллюстраціи сказаннаго нами.

Отчего христіане, зная заповѣтъ Христа Спасителя поклоняться Богу въ духъ и истинѣ и всѣ слова Его понимать духовно, зная

заповѣтъ Его апостоловъ опасаться буквы мертвящей, дорожить свободою, данною Христомъ и не подвергаться вновь игу рабства, не могутъ стать выше препирательствъ о буквѣ? Оттого, что любовь ихъ не только не устойчива, но даже не имѣетъ силы вознестись до единомыслія и единодушія по верхъ буквы тѣхъ, кто признаетъ Общаго Отца Небеснаго, общаго Спасителя міра, одно Откровеніе. И вотъ буква производитъ раздѣленіе и вражду. Христіане думаютъ угодить Богу, изъ-за буквы враждуя между собою. Милліоны крещеныхъ людей остаются невѣждами въ вѣрѣ, не понимаютъ, въ кого вѣруютъ, изъ буквы творятъ себѣ кумиры и думаютъ и чувствуютъ, какъ язычники, а современные книжники, фарисеи и саддукеи, не любя ихъ до потребности просвѣтить тьму умовъ и сердецъ, до торжества животворящаго духа христіанства, политично объясняютъ это преступленіе противъ милліоновъ ближнихъ соображеніями о несвоевременности, объ осторожности, о пользѣ государственной, а свою косность опасеніемъ соблазна для этой темной толпы, которую просвѣтить свѣтомъ Христовымъ они неизмѣнно признаютъ несвоевременнымъ и опаснымъ. Съ другой стороны, какъ эти псевдо-христіане обоготовили букву обряда, такъ другіе дѣлаютъ изъ того же обряда діавола, не замѣчая, что со своей стороны придаютъ буквѣ обряда преувеличенное значеніе, боясь его, какъ зла, нарушая изъ-за него добрыя отношенія къ ближнимъ. И тутъ нѣтъ не только устойчивой любви, но и простой доброжелательности къ ближнимъ.

Отчего возведенъ въ догматъ эгоистичный принципъ индивидуализма и сдана въ архивъ христіанская община временъ апостольскихъ? Потому, что организація жизни и соціальныхъ отношеній на единой христіанской основѣ братской любви не составляетъ болѣе насущной потребности холодныхъ, равнодушныхъ другъ къ другу псевдо-христіанъ. Они не любятъ другъ друга до потребности реального братскаго общенія между собою. Имъ спокойнѣе въ общеніи отъ братьевъ. Любви у нихъ едва хватаетъ на уживчивость съ собственною женою, съ собственнымъ мужемъ, съ собственными дѣтьми. На братскую жизнь съ цѣлою христіанскою общиною у нихъ не хватитъ ни устойчиваго смиренія, ни устойчивой любви. Они прекрасно сознаютъ все это, но и тутъ любви не хватаетъ и на то, чтобы сдѣлать изъ этихъ общезвѣстныхъ фактовъ достойный христіанъ выводъ. Они не считаютъ необходимымъ воспитать въ себѣ привычку устойчивой любви, безъ которой невозможна и честная жизнь по вѣрѣ на основѣ братской любви, а дѣлаютъ позорный для христіанъ выводъ, что и любовь братская и жизнь на основѣ братской любви для нихъ бремя непосильное, что капитализмъ и крайній индивидуализмъ—явленія нормальныя.

Удивительно ли, что христианство, оклеветанное, опозоренное самими христианами, стало в глазах многих абсурдомъ, религіей слабыхъ умовъ, духовной микстурою для обиженныхъ жизнью и скучающихъ старичковъ, что многіе проповѣдуютъ ненависть противъ христианства, какъ тормазъ на пути всякаго прогресса, какъ зловредной опоры всякихъ эксплуататоровъ!

Отчего не составляютъ всѣхъ христианскіе народы, всѣхъ христианскіе исповѣданія одну дружескую семью во славу Божию? Отчего, не говоря уже о требованіяхъ христианской этики, не подчиняются требованіямъ даже самой заурядной ходячей морали, обязательной для всякаго порядочнаго человѣка въ самомъ заурядномъ значеніи этого слова во взаимныхъ сношеніяхъ между собою ни христианскіе государства, ни церкви различныхъ христианскихъ исповѣданій? Потому, опять-таки, что любви не хватаетъ на обязательное для христианъ единомысліе и единодушіе поверхъ разницы языка, народа, обычаевъ и обрядовъ, не хватаетъ даже и доброй воли знакомиться другъ съ другомъ, понять другъ друга, стремиться къ сближенію. Грубый шовинизмъ, грубѣйшая національная гордость, грубѣйшій исповѣднй фанатизмъ, — все это считается высокими добродѣтелями, патріотизмомъ, похвальною вѣрностью своей колокольни. Не только сочувствіе, но даже доброжелательный интересъ къ другому народу, къ другому исповѣданію признается измѣною отечеству и вѣрѣ отцовъ. Возможно-ли въ чемъ-либо договориться, понять другъ друга, не имѣя не только любви, но простой доброжелательности одинъ къ другому. И вотъ вѣка длится позорный скандалъ разлада и вражды между христианскими народами, между христианскими исповѣданіями. И этотъ позоръ признанъ нормальнымъ явленіемъ, и этому позору не предвидится конца! Псевдо-христиане не понимаютъ болѣе единенія любви, они понимаютъ только единеніе вражды и считаютъ сообразно съ этимъ извинительнымъ вступать въ дружественныя сношенія съ другими народами и исповѣданіями только въ тѣхъ случаяхъ, когда „взаимные интересы“ требуютъ временнаго союза противъ общаго врага.

И все это результаты непониманія первенствующаго значенія любви въ экономіи всего творенія Бога-Любовь, въ дѣлѣ спасенія падшаго человечества, въ гармоніи христианскаго настроенія, христианскихъ отношеній и жизни по вѣрѣ; все это позорныя проявленія отсутствія устойчивой, дѣятельной, торжествующей любви тѣхъ, кому сказано: „Заповѣдь новую даю вамъ, да любите другъ друга, какъ Я возлюбилъ васъ, такъ и вы любите другъ друга. Потому узнаютъ всѣ, что вы Мои ученики, если будете имѣть любовь между собою“.

Такъ было до послѣдняго времени, такъ оно и продолжаетъ

быть для слишкомъ многихъ, не только равнодушныхъ къ вѣрѣ, но даже и увѣренныхъ въ своемъ благочестіи и неукоснительности своего правотѣрія.

Невозможно отрицать, что теперь многія отдѣльныя личности духовно доросли до пониманія первенствующаго значенія любви для христианъ, что, переживъ періода царства ощущеній (обрядность, лишенная животворящаго духа и суровый мертвящій, самодавлѣющій аскетизмъ) и періодъ царства разума (дебри схоластики и отвлеченная философія христианства) христианское человечество вступаетъ робкими шагами въ предверіе царства любви, что царство любви уже брежжетъ яркою зарею на горизонтѣ жизни христианскихъ народовъ. Христианизированіе номинальныхъ христианъ повсюду входитъ въ официальную программу благотворительности, этимъ дѣломъ занимаются представители протестантской церкви, организуя дѣло внутреннихъ миссій Германіи и Франціи; этимъ дѣломъ заняты многіе представители католической церкви, организуя союзы и федераціи христианскихъ рабочихъ; этому дѣлу посвящаютъ себя многіе въ православной Россіи и особенно Крестовоздвиженское Трудовое Братство. Очевидно, потребность организаціи жизни на основахъ сознательной, устойчивой, дѣятельной, торжествующей любви становится общимъ сознаніемъ всей Церкви Христовой, назрѣвшимъ плодомъ возросшаго дерева христианства.

Въ такую минуту всѣ люди доброй воли должны отдать себя въ руку Божию, на дѣло, которое Онъ уже благоволитъ творить въ немощахъ нѣкоторыхъ, отдѣльныхъ лицъ, надо соединить всѣ силы на реализацію того, что вошло въ сознаніе Церкви, становится насущною потребностью ея сыновъ.

Съ этою цѣлью мы предлагаемъ немедленно приступить къ письменному общенію между всѣми сознающими насущною потребностью для всего христианскаго міра въ пропагандѣ первенствующаго значенія любви и необходимости стройной организаціи жизни на началахъ братолюбія. Всѣ желающіе принять участіе въ этой перепискѣ благоволятъ сообщить о томъ (адресъ); они будутъ получать даромъ циркулярныя письма, печатаемыя членами корреспонденціи, и получатъ списки всѣхъ корреспондентовъ для разсылки имъ циркулярнаго письма, если пожелаютъ напечатать и разослать таковое на собственный счетъ.

Мы обращаемся преимущественно ко всѣмъ сознательно вѣрующимъ христианамъ безъ различія вѣроисповѣданій потому, что для нихъ первенствующее значеніе любви, очевидно, не можетъ подлежать сомнѣнію, есть основной догматъ вѣры въ христианскаго Бога-Любовь. Примкнуть къ намъ мы приглашаемъ и всѣхъ тѣхъ, которые какими-либо путями дошли до убѣжденія въ томъ, что живая,

дѣятельная, торжествующая любовь есть единственная основа этики, что воспитаніе человѣчества и особенно грядущихъ поколѣній его въ привычкахъ устойчивой любви и стройная организація жизни на основахъ любви есть насущная потребность переживаемой нами исторической эпохи.

Путемъ этихъ циркулярныхъ писемъ мы желаемъ достигнуть слѣдующихъ результатовъ: 1) установить дружественное общеніе между представителями всѣхъ національностей всѣхъ христіанскихъ исповѣданій и вообще между всѣми людьми доброй воли, понимающими позоръ рутинѣ жизни человѣчества на основахъ страха и корысти, сознающими насущную потребность стройно организовать жизнь на началахъ любви; 2) путемъ взаимнаго ознакомленія разрушить множество разъединяющихъ національныхъ и исповѣдныхъ предразсудковъ; 3) воспитывая взаимныя симпатіи, подготовить почву ко взаимному пониманію, безъ котораго невозможны ни единомысліе, ни единодушіе, ни какое соглашеніе; 4) разработать вопросъ о значеніи любви, какъ основы жизни; 5) критически отнестись къ рутинѣ современной жизни, возможно ярче выяснивъ вопросъ о томъ, что въ ней является главными тормазами для организаціи жизни и установленія отношеній на основахъ любви; 6) выработать планъ организованнаго международнаго союза для пропаганды любви, какъ единой основы жизни и нравственности, для борьбы путями, достойными любви, со всѣмъ тѣмъ, что въ жизни ей противорѣчитъ, и дѣятельной поддержки всего, что можетъ служить къ организаціи добра въ жизни, признавая за высшее добро любовь во всемъ твореніи Бога-Любовь.

Циркулярное, объяснительное письмо, разосланное при первомъ письмѣ лицамъ, мнѣніе которыхъ я желаю узнать раньше окончательной формулировки воззванія.

Предпринявъ продолжительное путешествіе за-границу для того, чтобы основанное мною Трудовое Братство пріучалось жить безъ меня болѣе самостоятельно, я воспользовался этимъ для ознакомленія съ христіанскимъ движеніемъ въ Европѣ и личнаго знакомства съ наиболѣе выдающимися дѣятелями. Общее впечатлѣніе, вынесенное мною, таково: 1) вездѣ назрѣло сознаніе первенствующаго значенія любви; 2) нигдѣ съ этимъ сознаніемъ не согласованы въ достаточной степени ни мысли, ни чувства, ни взаимныя отношенія; 3) вездѣ есть люди, для которыхъ послужить на дѣло торжества любви стало насущною потребностью совѣсти; 4) вездѣ люди эти разрознены, чувствуютъ себя одинокими и, въ своемъ одиночествѣ, подавленными громадностью задачи, въ виду чудовищ-

ности установившейся рутины жизни, 5) вездѣ въ практикѣ жизни, даже наилучшихъ представителей современнаго христіанства, есть цѣлая область непримиримыхъ противорѣчій съ единою христіанскою основою любви, что и является главною причиною отпаденія отъ вѣры, современнаго непониманія христіанства и даже озлобленія противъ него со стороны людей, которые по своимъ нравственнымъ достоинствамъ должны были бы быть наиболѣе убѣжденными христіанами и составлять наилучшее украшеніе христіанскихъ церквей.

Въ прилагаемыхъ письмѣхъ и главѣ „О любви“ вы найдете разъясненіе того, что вѣра, любовь и совѣсть побуждаютъ меня предложить всѣмъ людямъ доброй воли.

Ожидая отъ Васъ сочувствія и добраго совѣта, я посылаю Вамъ эти бумаги ранѣе разсылки ихъ всѣмъ намѣченнымъ лицамъ, прося Васъ возвратить мнѣ ихъ съ тѣми измѣненіями, которыя Вы найдете нужнымъ сдѣлать по существу или въ редакціи.

По возвращеніи мнѣ писемъ, посланныхъ, подобно настоящему, на предварительное обсужденіе, будетъ установлена окончательная редакція воззванія, которое и будетъ разослано за подписью представителей всѣхъ національностей и христіанскихъ вѣроисповѣданій.

Прошу Васъ, отвѣчая на это письмо, благоволить сообщить мнѣ, кромѣ Вашихъ замѣчаній, списокъ лицъ, которыхъ считаете желательными корреспондентами, и имена тѣхъ, кого Вы желали бы видѣть подписанными подъ воззваніемъ.

Объяснительная записка къ первому проекту устава братства.

Все интеллигентное человечество занято въ настоящее время мучительною умственною работою: рѣшеніемъ сложнаго и весьма запутаннаго соціальнаго вопроса.

Быстрота и натискъ, надъ которыми такъ основательно и остроумно издѣваются, когда дѣло идетъ о политикѣ, какъ оказывается не вывозятъ и при рѣшеніи соціальнаго вопроса. Именно быстрота и натискъ, такъ непослѣдовательно перенятые у политическихъ противниковъ, въ конецъ скомпрометировали соціальнѣйшій вопросъ; довели до того, что слово социалистъ стало ругательнымъ словомъ въ устахъ простолюдина, синонимомъ кроваваго разбойника въ глазахъ всѣхъ имущихъ и правящихъ классовъ.

Произошло это слѣдующимъ образомъ:

Наступила эпоха великихъ научныхъ открытій; умъ человѣка, пробужденный отъ долгаго сна съ его радужными грезами средне-вѣковой поэзіи и кошмаромъ схоластической философіи, перешелъ къ лихорадочной, почти горячечной дѣятельности. Упоенной быстротой успѣхами въ области естествознанія и прикладныхъ наукъ, человѣкъ потерялъ всякую мѣру въ высокой оцѣнкѣ своихъ умственныхъ способностей, дошелъ до ребяческой фантазмагоріи отрицанія самаго себя, какъ духовной особи, въ пользу таинственно сознающихъ клѣтокъ мозга; другими словами, разобравъ по винтикамъ и колесикамъ весь органъ мышленія, человѣкъ создалъ себѣ новаго кумира—рефлектирующую мозговую клѣтку.

Капризъ отрицанія своей духовной особи въ пользу одного изъ ея проявленій фатально привелъ къ отрицанію всѣхъ прочихъ свойствъ отрицаемаго духа. Вполнѣ отрицать не разумныя, т. е. не вытекающія изъ разума, свойства человѣческаго духа, каковы чистая, безкорыстная любовь, самоотверженіе, жалость, преданность, непоколебимая вѣрность долгу, совѣсть, величіе духа, вдохновеніе—было невозможно; поступили съ ними совсѣмъ по дѣтски: прибили, обругали и бросили въ самый темный уголъ, наклеивъ для порядка позорный ярлыкъ устарѣлыхъ предрассудковъ и не нормальныхъ

проявленій болѣзненно функционирующихъ мозговыхъ клѣтокъ матоида.

Вотъ именно въ это смутное время униженія обоготвореннаго ума до узости материалистическаго взгляда на вещи, имѣлъ несчастье возродиться древній, великій, горемычный, соціальнѣйшій вопросъ.

Въ своей просвѣтительной дѣятельности сознаніе—этотъ яркій лучъ человѣческаго духа—не могло не освѣтить и картины современнаго соціальнаго строя; человѣкъ возмущенъ духомъ и направилъ свою познающую способность на изысканіе причинъ зла и возможныхъ способовъ борьбы противъ него. Это великое проявленіе духа—святой гнѣвъ противъ зла и не правды—совершенно выходитъ изъ предѣловъ функций клѣтокъ головного мозга; эти клѣтки могутъ только констатировать голый фактъ существованія въ экономіи земнаго міра той или другой комбинаціи явленій со всѣмъ безстрастіемъ фотографическаго аппарата. Чтобы проникнуться святымъ негодованіемъ, энергіей преобразовательнаго творчества, самоотверженіемъ до сознательнаго отреченія отъ собственныхъ выгодъ на пользу общую, совершенно недостаточно функционирующихъ клѣтокъ головного мозга; сдѣлать все это могли только оплеванные, заброшенные въ темный уголокъ, яростно отрицаемыя свойства непризнаннаго духа. Признаніе духа не воспослѣдовало, остались при функционирующихъ клѣткахъ и наступилъ безысходный комизмъ плохой социалистической трагедіи.

Мы ясно понимаемъ безобразіе современнаго соціальнаго строя; мы ясно представляемъ себѣ идеалъ лучшаго соціальнаго устройства. Весь вопросъ въ томъ, какъ перейти отъ безотраднѣйшаго настоящаго къ лучшему будущему. Существуетъ два пути: путь медленный—добровольной дружной дѣятельности всѣхъ классовъ общества, и путь скорый—грубаго физическаго насилія.

Для людей, исповѣдующихъ религію функционирующихъ клѣтокъ, избрать первый путь было само собою немислимо. Пришлось бы обратиться къ оплеваннымъ, сданнымъ въ архивъ старымъ предрассудкамъ возвышенныхъ чувствъ или сидѣть сложа руки и ждать, пока случайно народится матоидъ (по теоріи Ломброзо), да еще при такихъ счастливыхъ обстоятельствахъ, чтобы его безсознательная дѣятельность была направлена именно къ желаемой цѣли, и самъ матоидъ былъ достаточно могучъ, чтобы увлечь за собою всю массу „нормальныхъ идиотовъ“. Ожидать такого случайно случившагося случая было, конечно, не мыслимо—клѣточные люди совершенно послѣдовательно обратились ко второму способу.

Второй способъ нашъ старый знакомый: быстрота и натискъ. Даже и этимъ испытаннымъ средствомъ нельзя было дѣйствовать сотнямъ интеллигентныхъ социалистовъ на миллионы остального

человѣчества; зато, по теоретическимъ выкладкамъ всемогущихъ клѣтокъ мозга, легко было бы подѣйствовать при помощи милліоновъ паріевъ на тысячи „гнусныхъ буржуа“. Въ томъ, что при помощи милліоновъ общественныхъ паріевъ, легко будетъ разрушить современный социальный строй, ни малѣйшаго сомнѣнія не допускалось; возникалъ, однако робкій скромный вопросикъ: не помѣшаютъ ли эти милліоны не интеллигентнаго народа сотнямъ интеллигентныхъ социалистовъ возводить новое зданіе на мѣстѣ старыхъ развалинъ. Порѣшили съ этимъ вопросикомъ съ изумительно легкимъ сердцемъ. Прибѣгли опять-таки къ старому, давно осмѣянному способу. Какъ въ бездарныхъ трагедіяхъ добраго, стараго времени выводились на сцену безусловно страшные злодѣи и безусловно чистые ангелы, такъ и теперь „буржуа“ оказался чернѣе ночи, а „мужичекъ“ бѣлѣе снѣга. Твердо установивъ этотъ фактъ, въ которомъ сомнѣваться могли одни „подлецы-ретрограды“, они пошли разрушать и созидать безъ страха и сомнѣній.

Ангель-мужичекъ, выкинулъ тутъ самое неожиданное колынце; занавѣсъ поднялась и, остолбенѣвшая отъ изумленія, публика увидѣла мужичка, на отрѣзъ отказывавшагося отъ предлагаемой ему роли, яростно преслѣдующаго своихъ руководителей самыми не ангельскими словами и поступками.

Положеніе, какъ видите, безвыходное. Ангель-мужичекъ, для котораго социальный переворотъ выгоденъ, благодумствуетъ, водочку потягиваетъ, отрешивается да кричить „ура“ во все горло; а подлецу-буржуа, запуганному и оплеванному, давно обстоятельно объяснено, что роль его сыграна, что никакого историческаго призванія онъ имѣть не можетъ, что возвышенныя чувства нерациональны и суть безсознательные рефлексъы людей стараго поведенія; что, слѣдовательно, если въ комъ изъ нихъ и заведется такое неприличное чувство, ему остается только со стыдомъ прятать его отъ другихъ и продолжать прилично быть, какъ слѣдуетъ нормальному буржуа.

Удивительно, какъ, при подобныхъ обстоятельствахъ, великій, лучезарный, любвеобильный социальный вопросъ, такъ вдохновенно и ясно сформулированный Христомъ и низведенный клѣточными людьми до кроваваго предпріятія шайки разбойниковъ, — какъ этотъ вопросъ не похороненъ окончательно.

Но онъ живъ, живъ, несмотря ни на что; живъ въ прежней, вдохновенной любвеобильной формулѣ Христа. Сознаніе необходимости измѣненія социальнаго строя, несмотря на вредную дѣятельность террористовъ, настолько проникло въ умы не народа, а именно той интеллигентной буржуазіи, отъ которой такъ ребячески отворачивался интеллигентный пролетаріатъ, что даже князь Бис-

маркъ находить нужнымъ забрать это движеніе въ свои руки, придавъ ему форму государственнаго социализма.

Глубоко сочувствуя счастливому разрѣшенію социальнаго вопроса въ духѣ христіанства, я выработалъ прилагаемый при семъ проектъ Устава Сельско-Хозяйственнаго Трудоваго Христова Братства. Я не льщу себя несбыточною надеждою разрѣшить этимъ путемъ социальный вопросъ въ ближайшемъ будущемъ одновременно и повсемѣстно. Частныя лица, жертвуя свое имѣніе на условіи пожизненной пенсіи или отдавая его въ долгосрочную аренду, Правительство и, при желаніи, крестьянская община, устраивая на своихъ земляхъ подобныя братства, положить крѣпкіе кирпичи въ основаніе великаго зданія будущаго.

Братство, которое я желалъ бы устроить въ своемъ имѣніи, я назвалъ Сельско-Хозяйственнымъ, сообразно съ преобладающимъ въ немъ характеромъ хозяйственной организаціи. На большихъ заводахъ могли бы быть устроены совершенно подобныя моему промышленныя братства; возможны даже и торговныя братства на тѣхъ же основаніяхъ.

Первый проект Устава Воздвиженскаго Сельско-Хозяйственнаго Трудоваго Христова Братства 4-го декабря 1885 года.

„Да придетъ Царствіе Твое“
 „Да будетъ Воля Твоя...“
 „...и утѣшатся всѣ алчущіе
 и жаждущіе правды“.

§ I. Главная цѣль.

1) Доставленіе членамъ братства возможности стать христіанами: устроить свою жизнь согласно Святому ученію братской любви Христа Спасителя.

§ II. Второстепенныя цѣли, непосредственно вытекающія изъ главной.

1) Постоянное самоусовершенствованіе членовъ братства въ направленіи христіанскаго идеала, дѣятельной, вдохновенной любви къ ближнему и безграничнаго самопожертвованія на пользу правды и добра.

2) Экономическое устройство, дающее возможность членамъ братства добывать средства къ жизни не путемъ экономической борьбы, основанной на человѣконенавистничествѣ, зависти, хитрости и насилии; а путемъ совмѣстнаго дружнаго труда, основаннаго на любви, уваженіи и довѣріи другъ къ другу.

3) Воспитаніе дѣтей людьми разумными, добрыми, честными, способными стать достойными членами трудовых Христовыхъ братствъ, подобныхъ нынѣ учреждаемому.

4) Дѣятельная пропаганда принциповъ, на которыхъ братство основано.

§ III. Способы достиженія цѣлей.

1) Первая цѣль — самоусовершенствованіе — достигается честнымъ, любовнымъ и неукоснительнымъ согласованіемъ всего строя жизни съ братскими обѣтами.

2) Вторая — экономическое устройство жизни достойное христіанина — совмѣстнымъ трудомъ по обработкѣ земли и пользованію промышленными заведеніями, составляющими собственность братства, безъ помощи наемниковъ.

3) Третья — хорошее воспитаніе дѣтей — обязательнымъ содержаніемъ на счетъ братства профессиональной школы и воспитательнаго заведенія при ней.

4) Четвертая — пропаганда — основаніемъ новыхъ братствъ, подобныхъ нынѣ учреждаемому, ежегоднымъ опубликованіемъ мотивированныхъ отчетовъ и т. д.

§ IV. Братскіе обѣты.

1) Добровольно и искренно приношу братскіе обѣты на все время моего пребыванія въ братствѣ.

2) Отъ глубины души принимаю въ руководство жизни моей высокое и Святое ученіе братской любви Христа Спасителя.

3) Буду помнить, что только въ единеніи, согласіи и любви честная жизнь и тихая радость людей.

4) Буду помнить, что живетъ во мнѣ и вѣчный духъ, и дикій звѣрь; не дамъ власти дикому звѣрю, не унижу передъ нимъ Божественный Свѣточъ — вѣчную душу.

5) Даю обѣтъ быть строгимъ къ самому себѣ, честно обдумывать мои слова и поступки, говорить правду и поступать по правдѣ.

6) Буду помнить, что мое доброе имя — честь братства и торжество Христова дѣла на землѣ, что мой позоръ — безчестіе братства и вредъ для всего человѣчества.

7) Буду воздерженъ въ пищѣ, питіи и всякихъ удовольствіяхъ.

8) Отказываюсь отъ всѣхъ удовольствій, соединенныхъ съ вредомъ, опасностію или униженіемъ для человѣка.

9) Обѣщаю жить согласно уставу и дѣйствующимъ уложеніямъ Трудоваго Христова братства.

10) Женившись, обѣщаю быть честнымъ другомъ моей жены и ни единого мгновенія не жить съ нею во лжи и обманѣ.

11) Имѣя дѣтей, обѣщаю помнить обязанности отца и сдѣлать все отъ меня зависящее, чтобы приготовить изъ нихъ достойныхъ

членовъ трудовыхъ Христовыхъ братствъ, подобныхъ тому, въ которое нынѣ вступаю.

12) Обѣщаю быть искреннимъ честнымъ другомъ для всѣхъ членовъ братства.

13) Обѣщаю не принять въ члены братства человека недостойнаго.

14) Обѣщаю подать голосъ за исключеніе изъ братства даже родного сына или жены моей, еслибы они оказались недостойными чести принадлежать къ братству, помня, что изъ жалости къ одному, я не имѣю права подвергать опасности доброе имя братства.

15) Обѣщаю выбирать на должности въ братствѣ безъ лицепріятія лицъ наиболѣе достойныхъ.

16) Обѣщаю быть почтительнымъ и послушнымъ къ лицамъ, удостоеннымъ чести быть избранными на должности въ братствѣ.

17) Обѣщаю безбоязненно обличить передъ лицомъ братства всякаго, не исключая и самаго посадника, если онъ нарушаетъ обѣты или дѣйствуетъ во вредъ братству, злоупотребляя его довѣріемъ, нарушая или извращая его уставъ.

18) Обѣщаю, въ случаѣ еслибы братство оказало мнѣ честь избрать меня на какую-либо должность, помнить, что я не начальникъ, а слуга, и выгоды братства всегда ставить выше собственныхъ выгодъ, исполняя свою обязанность честно, по мѣрѣ силъ и разумѣнія.

19) Обѣщаю во всякомъ положеніи торжество дѣла Христа предпочитать не только земнымъ выгодамъ, но и самой жизни моей.

20) Обѣщаю по силѣ возможности служить дѣлу единенія и братской любви и за предѣлами братства.

21) Обѣщаю служить Святому дѣлу Христа исключительно средствами достойными Его, мѣрами любви и убѣжденія, примѣромъ, основаніемъ новыхъ братствъ, но ни въ какомъ случаѣ не осквернять Святаго дѣла мѣрами обмана, предательства и насилія.

22) Обѣщаю во всѣхъ людяхъ уважать вѣчную душу и свободу человѣческой личности.

23) Обѣщаю во всемъ подчиняться законамъ, дѣйствующимъ въ моемъ отечествѣ.

§ V. Общественная организація.

1) Братство состоитъ изъ пріемныхъ братьевъ, братьевъ, старшинъ, старостъ, опекуновъ, попечителей и посадника.

2) Всѣ братья раздѣляются на *семьи*; каждая семья выбираетъ своимъ представителемъ старшину.

3) Для обсужденія семейныхъ дѣлъ члены семьи собираются на *семейный советъ* подъ предѣтельствомъ старшины.

4) Старшины собираются на *раду* подъ предѣтельствомъ разныхъ лицъ сообразно цѣли собранія.

5) Старосты собираются на *советъ старостъ* подъ предѣтельствомъ разныхъ лицъ сообразно цѣли собранія.

6) Дѣла особенно важныя рѣшаются въ *братской думѣ*, состоящей, подъ предѣтельствомъ посадника, изъ попечителей, опекуновъ, двухъ старшинъ по выбору рады и старостъ по приглашенію посадника.

7) Для обсужденія общихъ дѣлъ всѣ члены братства собираются на *съѣздъ* подъ предѣтельствомъ посадника.

§ VI. Пріемные братья.

1) Въ п. б. могутъ поступать лица христіанскихъ вѣроисповѣданій, безразлично мужскаго и женскаго пола, всякаго общественнаго положенія, здоровые и способные къ работамъ, не моложе шестнадцати лѣтъ отъ роду.

2) Нормальный срокъ пребыванія въ положеніи п. б. — три года; сокращенъ онъ быть не можетъ, но можетъ быть продолженъ въ случаѣ недостаточной надежности лица.

3) Ученики братской профессиональной школы, если вступаютъ въ п. б. непосредственно по выходѣ изъ школы, имѣютъ право на сокращеніе срока испытанія до двухъ лѣтъ.

4) Лица, желающія поступить на испытаніе, въ виду открывшейся вакансіи, подаютъ просьбу о томъ на имя посадника, отъ усмотрѣнія котораго зависитъ согласиться или нѣтъ допустить просителя въ п. б.

5) Лица, принимаемые въ пріемные братья, обязаны дать письменное заявленіе о томъ, что знакомы съ уставомъ и уложеніями братства и готовы подчиниться строю братской жизни.

6) П. б. пользуются всѣми имущественными правами братьевъ, но въ управленіи дѣлами братства, въ собраніяхъ и выборахъ не участвуютъ, какъ лица, находящіеся на предварительномъ испытаніи.

7) Въ случаѣ дурнаго поведенія п. б. можетъ быть выключенъ по постановленію рады, утвержденному посадникомъ.

8) По окончаніи срочнаго испытанія п. б. подаетъ на имя посадника просьбу о принятіи его въ число полноправныхъ братьевъ.

§ VII. Братья.

1) Въ братья могутъ быть избираемы пріемные братья, показавшіе себя людьми честными, добрыми, трудолюбивыми, проникнутыми чувствами христіанскаго воздержанія и любви къ ближнему.

2) Къ просьбѣ о вступленіи въ число братьевъ пріемный братъ прилагаетъ своею рукою списанные братскіе обѣты съ заявленіемъ за своею подписью, что онъ готовъ принести ихъ.

3) Посадникъ, получивъ отъ рады свѣдѣнія о поведеніи просителя во время испытанія, дѣлаетъ распоряженіе о баллотированіи на вѣчѣ, съ заявленіемъ, что онъ съ своей стороны на принятіе просителя въ число братьевъ согласенъ.

4) Избранный братъ произноситъ въ церкви братскіе обѣты и вписывается въ братскую книгу.

5) Всѣ братья имѣютъ право участвовать на вѣчѣ и въ семейныхъ совѣтахъ, избирать и быть избираемыми на должности.

6) Братья подвергаются выговорамъ по постановленію семейнаго совѣта, болѣе строгимъ взысканіямъ по постановленію Рады, наконецъ выключенію изъ братства по приговору вѣчоваго суда, которому братъ можетъ быть преданъ исключительно по постановленію думы.

7) Въ случаѣ болѣзни, за исключеніемъ болѣзней, происходящихъ отъ распутства и невоздержанія, бр. имѣетъ право на леченіе и уходъ на общій братскій счетъ.

8) Въ случаѣ старости или неспособности къ работѣ, бр. могутъ быть, по приговору вѣча, переводимы въ разрядъ опекуновъ братства.

9) Въ случаѣ вступленія въ бракъ съ лицомъ, не принадлежащимъ къ братству, братъ долженъ оставить братство, если лицо, съ которымъ онъ вступаетъ въ бракъ, не пожелаетъ подчиниться строю братской жизни, или братство не пожелаетъ дозволить ему жить въ предѣлахъ братскихъ владѣній.

10) Въ случаѣ принятія лица брачущагося на братскую ваканцію, оно подвергается обычному трехлѣтнему испытанію въ положеніи пріемныхъ брата или сестры; при неимѣніи ваканціи брачущееся лицо остается кандидатомъ и не пользуется отдѣльными отъ супруга правами.

11) Дѣти братьевъ находятся подъ спеціальнымъ попеченіемъ посадника, который, въ случаѣ дурнаго воспитанія дѣтей, отдаетъ родителей на судъ рады или вѣча, смотря по степени ихъ преступности.

12) Дѣти братьевъ, по достиженіи 8-лѣтняго возраста, поступаютъ въ общее воспитательное заведеніе и затѣмъ въ содержимую братствомъ профессиональную школу.

13) Дѣтямъ особенно способнымъ, и при томъ своими нравственными качествами внушающимъ довѣріе, могутъ быть, по приговору вѣча, даны средства изъ запаснаго капитала братьевъ для полученія средняго и даже высшаго образованія.

14) Дѣти братьевъ имѣютъ преимущество передъ всѣми посто-

ронными кандидатами при замѣщеніи вакансій и при выдачѣ ссуды изъ основнаго капитала для основанія новаго братства по образцу нынѣ учреждаемаго.

15) Число братьевъ опредѣляется постановленіемъ вѣча сообразно числу рукъ, нужныхъ при данной организаціи хозяйства и можетъ быть измѣнено при каждомъ измѣненіи хозяйственной организаціи.

§ VIII. Старшины.

1) Старшиною можетъ быть избранъ всякій полноправный членъ братства, безразлично мужчина или женщина, подъ условіемъ хорошаго поведенія—съ точки зрѣнія братскихъ обѣтовъ.

2) Ст. избираются своею семьею на сроки сообразно дѣйствующему уложенію и утверждаются въ должности посадникомъ.

3) Ст. предсѣдательствуютъ въ семейныхъ совѣтахъ, имѣютъ голосъ на вѣчѣ, на радѣ и, по выбору рады, въ думѣ.

4) Ст. должны слѣдить за строгимъ выполненіемъ членами семьи братскихъ обѣтовъ и защищать интересы семьи на радѣ.

5) Жалобы на дѣйствія ст. подлежатъ разбирательству рады.

6) Въ случаѣ неисправности или какихъ-либо проступковъ, рада можетъ потребовать отъ семьи избранія новаго Старшины.

§ IX. Старосты.

1) Братья, занимающіеся спеціальнымъ дѣломъ, требующимъ спеціальной научной подготовки или особаго довѣрія, носятъ почетное званіе старостъ. Таковы: священникъ, управитель, воспитатель, учителя, врачъ, казначей, ключарь и т. п.

2) Число ст. не опредѣлено, а зависитъ отъ потребностей братства.

3) При неимѣніи среди членовъ братства лица, получившаго нужную подготовку и нежеланіи приглашаемаго на должность принести братскіе обѣты, равно и въ случаѣ кратковременной надобности въ данномъ спеціалистѣ, могутъ быть приглашаемы постороннія лица по найму. Лица эти пользуются ни названіемъ, ни правами старостъ и должны быть замѣщаемы членами братства при первой возможности.

4) Ст., имѣя всѣ права братьевъ, не обянанъ исполнять ни какихъ другихъ работъ, кромѣ относящихся до его спеціальности и не можетъ быть, помимо личнаго на то согласія, переведенъ въ разрядъ простыхъ братьевъ.

5) Приглашается ст. по предложенію посадника или стар.-управителя, постановленіемъ думы. До принесенія братскихъ обѣтовъ

кандидатъ на должность ст. долженъ прослужить по найму не менѣе одного года. По истеченіи этого года Испытаніи Посадникъ предлагаетъ произвести выборы кандидата въ ст. на вѣчѣ съ заявленіемъ, что онъ на то согласенъ.

6) Всѣ ст. равноправны и подчинены одной братской думѣ.

7) Ст. имѣютъ право голоса на вѣчѣ, въ совѣтѣ ст. и, по приглашенію посадника, въ братской думѣ.

8) Каждый изъ нихъ можетъ просить посадника о созывѣ рады подъ его (ст.) предсѣдательствомъ для обсужденія вопросовъ, относящихся до его специальности.

9) Жалобы на дѣйствія ст. подлежатъ разбирательству думы.

10) Въ случаѣ важныхъ нарушеній братскихъ обѣтовъ ст., по приговору думы, предаются вѣчевому суду, который и ихъ можетъ приговорить къ выключенію изъ братства и даже преданію послѣ того общимъ судамъ за растрату или другія преступленія.

11) Въ случаѣ минованія надобности въ данномъ специалистѣ или желанія братства видѣть на этомъ мѣстѣ другое лицо, ст. предлагаютъ, согласно постановленію думы, перейти въ разрядъ почетныхъ попечителей, опекуновъ или простыхъ братьевъ. Въ послѣднемъ случаѣ переходъ совершается простымъ постановленіемъ думы и надписью посадника на прошеніи.

§ X. Опекуны.

1) Братья, которые по старости или слабости здоровья не могутъ долѣе принимать участіе въ работахъ, а пожелаютъ вложить свой капиталъ въ братскую кассу для пожизненнаго призрѣванія, могутъ просить о переводѣ ихъ въ разрядъ опекуны.

2) Въ опекуны могутъ быть избираемы исключительно братья, пользующіеся всеобщимъ уваженіемъ, совѣтами которыхъ братство дорожитъ.

3) Избираются опекуны на вѣчѣ по предложенію думы.

4) Они имѣютъ право голоса на вѣчѣ и въ думѣ; обязаны слѣдить за точнымъ выполненіемъ устава и дѣйствующихъ уложеній и о всякомъ замѣченномъ отступленіи немедленно доводить до свѣдѣнія думы.

5) За важныя преступленія противъ братскихъ обѣтовъ они могутъ быть, по постановленію вѣча, преданы суду думы.

§ XI. Почетные попечители.

1) Лица, сдѣлавшія братству значительныя денежныя пожертвованія или оказавшія братству особенно важныя услуги, могутъ быть

избираемы вѣчемъ по предложенію думы въ поч. поп. подъ не-премѣннымъ условіемъ завѣдомой честности и безукоризненнаго поведенія—съ точки зрѣнія братскихъ обѣтовъ.

2) Поч. поп. пользуются всѣми правами опекуновъ.

3) Въ случаѣ важныхъ преступленій противъ основнаго принципа братства, братство обязано возратить этому лицу все имъ пожертвованное и только послѣ этого имѣетъ право лишить его почетнаго званія. Вопросъ этотъ рѣшается вѣчемъ по предложенію думы.

§ XII. Посадникъ.

1) Посадникомъ вѣче избирается пожизненно лицо безукоризненнаго поведенія, пользующееся всеобщимъ уваженіемъ и способное съ честью занимать это высокое положеніе.

2) Должность эта не совмѣстима ни съ какою другою должностію, кромѣ должности священника.

3) Посадникъ—почетный представитель братства во всѣхъ его сношеніяхъ съ Правительственными и Земскими учрежденіями.

4) Посадникъ пользуется на земскихъ собраніяхъ и при земскихъ выборахъ всѣми правами землевладѣльца, при чемъ вся поземельная собственность братства считается его личнымъ имущественнымъ цензомъ.

5) Онъ высшій блюститель точнаго выполненія Устава и дѣйствующихъ уложеній; предсѣдательствуетъ обязательно въ думѣ и на вѣчѣ, и, по желанію, во всѣхъ собраніяхъ братства.

6) Въ случаѣ его продолжительной болѣзни или отсутствія дума избираетъ, съ его согласія, временнаго намѣстника.

7) Въ случаѣ неспособности выполнять долѣе свои обязанности по старости или по (болѣзни) разстроенному здоровію, пос., по предложенію думы, приговоромъ вѣча переводится въ разрядъ почетныхъ попечителей и получаетъ пожизненную пенсію.

8) Въ случаѣ важныхъ преступленій противъ братскихъ обѣтовъ или вредной для братства бездѣятельности, пос. можетъ быть по постановленію вѣча преданъ суду думы и приговоренъ съ смѣщеніемъ и даже къ выключенію изъ братства.

§ XIII. Семейный совѣтъ.

1) Семейный совѣтъ собирается еженедѣльно подъ предсѣдательствомъ старшины для прочтенія дневника за недѣлю, при чемъ старшина долженъ указать на всѣ замѣченныя имъ въ жизни членовъ семьи отступленія отъ Устава и дѣйствующихъ уложеній.

2) Въ случаѣ маловажныхъ отступленій отъ дѣйствующихъ уложеній сем. сов. можетъ постановить сдѣлать члену семьи замѣчаніе черезъ старшину. Въ случаѣ болѣе важныхъ проступковъ сем. сов. постановляетъ сообщить о поведеніи члена семьи на усмотрѣніе рады.

3) Въ случаѣ распри между членами семьи сем. сов. дѣлаетъ все отъ него зависящее для примиренія враждующихъ; только истощивъ всѣ средства примиренія, онъ постановляетъ сообщить о поведеніи того, кто не желаетъ примириться или обоихъ враждующихъ на усмотрѣніе рады.

4) Все происходящее на засѣданіи сем. сов. заносится въ протоколъ. Всякій членъ семьи имѣетъ право сдѣлать какое ему угодно заявленіе, принести жалобу на старшину или на сем. сов. и потребовать, чтобы это заявленіе или жалоба были занесены въ протоколъ; требованіе это обязательно исполняется.

5) Въ случаѣ распри между членами разныхъ семей, для примиренія враждующихъ, равно и для обсужденія общихъ дѣлъ, можетъ состояться, по взаимному соглашенію, соединенное собраніе двухъ семей.

§ XIV. Рада.

1) Рада есть собраніе Старшинъ.

2) Она собирается ежемѣсячно подъ предсѣдательствомъ посадника для прочтенія и обсужденія протоколовъ семейныхъ совѣтовъ.

3) Она можетъ быть собрана во всякое время подъ предсѣдательствомъ старо-управителя для народа по работамъ и, съ разрѣшенія посадника, каждымъ изъ старостъ подъ своимъ предсѣдательствомъ для обсужденія дѣлъ касающихся до его специальности.

4) Она можетъ подвергнуть членовъ семей выговору, денежному штрафу или назначенію на трудныя работы сообразно роду проступка.

5) Въ случаѣ важныхъ проступковъ противъ дѣйствующихъ уложеній или преступленій противъ братскихъ обѣтовъ, она можетъ постановить сообщить о дѣйствіяхъ виновнаго на усмотрѣніе думы. Если виновный не полноправный членъ братства, а только пріемный братъ, рада можетъ постановить приговоръ о его исключеніи и представить его на утвержденіе посадника.

6) Постановленія рады заносятся въ протоколы и могутъ быть обжалованы въ думу.

§ XV. Совѣтъ старостъ.

1) Совѣтъ старостъ состоитъ изъ старостъ и выборныхъ отъ рады подъ разными предсѣдательствами сообразно цѣли собранія.

2) Каждый изъ старостъ имѣетъ право пригласить своихъ товарищей на совѣтъ подъ его предсѣдательствомъ для обсужденія дѣлъ, относящихся до его специальности.

3) Ежегодно совѣтъ обсуждаетъ смѣту, составляемую старостоуправителемъ на предстоящій годъ для внесенія ея на усмотрѣніе думы.

4) Совѣтъ собирается подъ предсѣдательствомъ посадника для разбора жалобъ, подаваемыхъ на его имя на дѣйствія старостъ.

5) Постановленія совѣта могутъ быть обжалованы въ думу.

§ XVI. Дума.

1) Дума состоитъ изъ опекуновъ, почетныхъ попечителей, выборныхъ отъ рады и старостъ по приглашенію подъ предсѣдательствомъ посадника.

2) Въ засѣданіе думы обязательно приглашаются тѣ старосты, до специальности которыхъ относятся очередные вопросы.

3) Дума рѣшаетъ въ высшей инстанціи всѣ вопросы, перенесенные въ нее по постановленіямъ рады и совѣта старостъ.

4) Дума обсуждаетъ предварительно всѣ вопросы, подлежащіе разсмотрѣнію вѣча.

5) Дума можетъ подвергнуть всякаго члена братства временному отлученію отъ братскихъ собраній или предать суду вѣча для окончательнаго исключенія.

6) Дума, въ случаѣ важныхъ на то причинъ, можетъ постановить собраться для обсужденія дѣйствій посадника, при чемъ избираетъ изъ среды себя временнаго предсѣдателя.

§ XVII. Вѣче.

1) Вѣче состоитъ изъ всѣхъ наличныхъ членовъ братства подъ предсѣдательствомъ посадника или его намѣстника.

2) Вѣче обсуждаетъ только тѣ вопросы, которые вносятся на его разсмотрѣніе думою.

3) Вѣче собирается ежегодно для выслушиванія отчета посадника, утвержденія смѣты и уложеній на предстоящій годъ, для пріема новыхъ членовъ братства и суда надъ виновными.

4) Въ теченіе года вѣче собирается по постановленію думы или по личному созыву посадника.

5) Въ случаѣ суда надъ посадникомъ или выборовъ новаго посадника, вѣче собирается подъ предсѣдательствомъ намѣстника выбраннаго думою.

§ XVIII. Братство.

- 1) Братство обязательно находится подъ официальнымъ покровительствомъ одного изъ членовъ Императорской Фамиліи.
- 2) Все братство въ совокупности составляетъ изъ себя правоспособное юридическое лицо.
- 3) Строй братской жизни долженъ сообразоваться съ настоящимъ Уставомъ и дѣйствующими уложеніями.
- 4) Настоящій Уставъ измѣненъ быть не можетъ.
- 5) Дѣйствующія уложенія могутъ быть измѣняемы по приговору вѣча; при чемъ, если уложеніе было утверждено какимъ-либо Правительственнымъ учрежденіемъ, измѣненіе не можетъ состояться безъ его на то согласія.
- 6) Братство получаетъ слѣдующія права:
 1. Приносить братскіе обѣды и присягу посадника въ церкви, сопровождая эти торжества религіозными обрядами, изложенными подробно въ уложеніи о церковныхъ торжествахъ.
 2. Проповѣдывать въ церкви съ благословенія епархіальнаго начальства и подъ условіемъ предварительной цензуры проповѣдей.
 3. Черезъ посадника сносятся лично съ Высокимъ Покровителемъ Братства.
 4. Право имѣть особые знаки для ношенія, хоругвь и печати.
 5. Посадникъ пользуется на земскихъ собраніяхъ правами частнаго лица съ имущественнымъ цензомъ, равнымъ недвижимой собственности братства или недвижимаго имущества имъ арендуемаго.
 6. Первый контингентъ братства, въ размѣрѣ утвержденного комплекта, освобождается отъ отбыванія воинской повинности.
 7. Братство на двадцать лѣтъ со дня его основанія освобождается отъ всѣхъ денежныхъ повинностей государственныхъ и земскихъ.
- 7) Братство принимаетъ на себя слѣдующія обязанности:
 1. Оно отвѣчаетъ передъ Правительствомъ за политическую благонадежность всѣхъ своихъ сочленовъ.
 2. Отвѣчаетъ передъ Церковью за то, что строй братской жизни и воспитаніе дѣтей будутъ строго согласованы съ духомъ Святаго ученія Христа Спасителя.
 3. — — — (сообразно требованіямъ, какія будутъ предъявлены).

§ XIX. Эмблемы Братства.

- 1) Эмблемою братства служитъ восьмиконечный крестъ съ блестящею звѣздою на черномъ кругѣ.

Эмблема эта повторяется на всѣхъ знакахъ для ношенія, на хоругви и на всѣхъ печатяхъ.

2) Знаки для ношенія бываютъ четырехъ степеней:

- а) I степень: золотая звѣзда съ алмазнымъ крестомъ и звѣздочкою изъ цвѣтныхъ камней въ черномъ эмалевомъ кругѣ принадлежитъ исключительно Высокому Покровителю Братства, коимъ можетъ быть только лицо, принадлежащее къ Императорской Фамиліи.
 - б) II степень: золотой крестъ съ алмазною звѣздочкой въ черномъ эмалевомъ кругѣ — носится на бѣлой муаровой лентѣ, прихваченной на плечахъ золотыми жгутиками. Этотъ знакъ носить посадникъ и попечители.
 - в) III степень — серебряный крестъ на серебряной цѣпи съ золотую звѣздочкой въ черномъ кругѣ — носятъ опекуны и старосты (на шеѣ).
 - д) IV степень — металлическій крестъ съ свѣтлою звѣздочкой въ черномъ кругѣ; пристегивается братьями на лѣвой сторонѣ груди, а старшинами у самой шеи.
 - е) Лица, имѣющія знаки трехъ низшихъ степеней, обязаны носить ихъ постоянно (кроме почетныхъ попечителей), какъ непрестанное напоминаніе данныхъ ими обѣтовъ.
 - 3) Хоругвь братства — бѣлая съ желтымъ осьмиконечнымъ крестомъ при блестящей звѣздочкѣ на черномъ кругѣ.
- При основаніи cadaго новаго братства, подобнаго нынѣ учреждаемому, основавшееся братство имѣетъ право прибавлять на свою хоругвь по одной золотой звѣздѣ по сторонамъ креста. На лентахъ, навязанныхъ на древкѣ, надпись: „Посѣти насъ благодатію Своею, да воспріиметъ духъ и міръ озарить свѣтомъ и радостію вдохновенія вѣчной любви Твоея“.
- 4) Печати братства состоятъ изъ эмблемы братства съ надписью кругомъ о принадлежности тому или другому лицу или собранію (вѣча, думы, посадника, школы и т. д.).

§ XX. Имущественная организація.

- 1) Все имущество братства составляетъ нераздѣльную общую собственность братства, какъ юридическаго лица.
- 2) Члены братства составляютъ изъ себя рабочую и потребительную артель.
- 3) Члены братства не имѣютъ права имѣть частную недвижимую собственность, ни вступать въ какія либо имущественныя обязательства съ посторонними лицами, помимо братства, самостоятельно.
- 4) Имуществомъ братства управляетъ совѣтъ старостъ подъ председательствомъ старосты-управителя.

5) *Приобрѣтеніе и отчужденіе* недвижимой собственности, продажа лѣсныхъ участковъ и пользованіе капиталами производится не иначе, какъ по постановленію вѣча, учрежденному думою.

6) *Отдача въ аренду* и наемъ земель, промышленныхъ заведеній и домовъ постороннимъ лицамъ допускается только временно и подъ неперемѣннымъ условіемъ, чтобы весь чистый доходъ съ этихъ статей поступалъ цѣликомъ въ основной капиталъ.

7) Земледѣльческій и промышленный *инвентарь* приобретається и отчуждается по постановленію совѣта старостъ въ размѣрахъ, предоставленныхъ ему дѣйствующимъ уложеніемъ.

8) Сельско-хозяйственные и техническіе *продукты* продаются по постановленію совѣта старостъ или единоличною властію старосты-управителя согласно полномочіямъ, даннымъ дѣйствующимъ уложеніемъ.

9) *Валовой доходъ* распределяется слѣдующимъ образомъ, откладывается оборотный капиталъ согласно смѣтѣ, учрежденной на предстоящій годъ; затѣмъ 10% чистаго дохода отчисляется въ основной капиталъ, а остальное поступаетъ въ полное распоряженіе вѣча.

10) *Капиталы* братства раздѣляются на: основной, спеціальные, запасный и оборотный.

11) *Основной капиталъ* составляется изъ ежегоднаго отчисления 10% чистаго дохода, добровольныхъ пожертвованій, дохода съ арендныхъ статей; приращается всѣми % съ него получаемыми и предназначается исключительно для покупки земель, съ цѣлью основанія и устройства новыхъ братствъ съ уставомъ нынѣ учреждаемаго, или въ собственность братства, если оно основалось не на собственной землѣ, а на арендуемыхъ земляхъ.

12) *Спеціальныя капиталы* (церковный, больничный, училищный и т. п.) *составляются* добровольными пожертвованіями частныхъ лицъ и ежегодными взносами по постановленію вѣча, если оно того пожелаетъ и ни на какія другія надобности, кромѣ своего спеціальнаго назначенія, употреблены быть не могутъ.

13) *Запасный капиталъ* составляется изъ взносовъ членовъ братства при ихъ вступленіи въ братство, изъ взносовъ на храненіе, изъ взносовъ завѣщаемыхъ опекунами и *предназначается* для удовлетворенія выходящихъ изъ братства, для содержанія престарѣлыхъ опекуновъ и срочныхъ ссудъ братству въ случаѣ пожара, падежа скота или другой настоятельной надобности.

14) *Оборотный капиталъ* расходуется на хозяйство полевое и промышленное, согласно годовой смѣтѣ, предварительно составленной старостою-управителемъ, одобренной думою и утвержденной постановленіемъ вѣча.

15) Лицо, вступающее въ братство, *обязано передать* въ запасный

капиталъ братства все свое имущество, при чемъ, отъ совѣта старостъ зависитъ принять это имущество натурою, по оцѣнкѣ, или потребовать предварительной его продажи. Сумма эта записывается на его личный счетъ и должна быть возвращена ему полностью при выходѣ изъ братства; все равно, выйдетъ ли онъ добровольно или будетъ исключенъ по приговору вѣча.

16) Всѣ члены братства *могутъ вносить* въ запасный капиталъ суммы, причитающіяся на ихъ долю изъ чистаго дохода братства, на условіяхъ изложенныхъ въ дѣйствующемъ уложеніи, на храненіе.

17) Если кто изъ членовъ братства получить *наслѣдство* или *даръ*, ему предоставляется выборъ между выходомъ изъ братства или внесеніемъ полученнаго въ запасный капиталъ.

18) *Престарѣлые* или *больные* братья могутъ просить, въ случаѣ неспособности, о принятіи причитающихся на ихъ долю суммъ въ запасный капиталъ на вѣчныя времена подъ условіемъ пожизненнаго призрѣванія и условливаемой, по соглашенію съ вѣчемъ, ежегодной пенсін.

19) На случай смерти, члены братства имѣютъ право располагать причитающимися на ихъ долю суммами *по духовному завѣщанію*. Если сумма завѣщается на сторону, отчисляется 10% завѣщаннаго въ запасный капиталъ братства. Если членъ братства умираетъ *безъ завѣщанія*, все его имущество переходитъ къ женѣ и дѣтямъ, которые одни считаются его прямыми наслѣдниками. Если послѣ смерти не осталось *ни завѣщанія, ни прямыхъ наслѣдниковъ*, все оставшееся отъ умершаго считается пожертвованнымъ въ запасный капиталъ братства.

§ XXI. Рабочая организація.

1) Всѣ работы въ предѣлахъ братскихъ владѣній (или аренды) выполняется лично братьями и воспитанниками братской профессиональной школы.

2) Помощь наемниковъ не допускается ни подъ какимъ видомъ, за исключеніемъ специалистовъ, не имѣющихся между членами братства, до тѣхъ поръ, пока братство не найдетъ возможнымъ замѣнить ихъ своими сочленами, и кратковременной помощи при уборкѣ хлѣбовъ и корнеплодовъ.

3) Никто изъ братьевъ не имѣетъ права отказываться отъ какихъ либо работъ.

4) На работы, особенно трудныя или непріятныя, должны быть назначаемы по очереди всѣ братья, за исключеніемъ слабосильныхъ и только въ видѣ наказанія могутъ назначать одного и того же нѣсколько дней сряду.

5) Каждая рабочая семья работает под надзором ею же избранного старшины.

6) Старосты имѣютъ спеціальныя обязанности и исполнять общую черную работу не обязаны.

7) Распоряжается работами, производя нарядъ и налагая взысканія, рада подъ предѣдательствомъ старосты-управителя.

§ XXII. Учрежденіе новыхъ братствъ.

1) Лица, желающія основать новое братство съ уставомъ нынѣ учреждаемаго, обращаются съ коллективною просьбою о выдачѣ ссуды изъ основнаго капитала на имя посадника. Въ просьбѣ этой должна быть заявлена готовность принять уставъ Воздвиженскаго Братства безъ всякихъ измѣненій и означенъ размѣръ ссуды и то, на что она должна быть употреблена.

2) Посадникъ передаетъ на разсмотрѣніе думы, которая, если найдетъ, что просители заслуживаютъ довѣрія и ссуду испрашиваютъ на разумное предпріятіе, вырабатываетъ проектъ учредительнаго акта.

3) Если просители придутъ къ полному соглашенію съ думою, вопросъ о выдачѣ ссуды поступаетъ на разсмотрѣніе вѣча.

4) Въ случаѣ утвердительнаго постановленія вѣча, посадникъ входитъ куда слѣдуетъ съ ходатайствомъ объ учрежденіи новаго братства. Ссуда употребляется согласно назначенію, при чемъ все приобрѣтаемое становится собственностію новаго братства, какъ юридическаго лица.

§ XXIII. Временное особое положеніе новаго братства.

1) Со дня основанія новаго братства въ теченіе двадцати лѣтъ продолжается особое положеніе, во время котораго основавшее братство черезъ уполномоченное лицо зорко слѣдитъ за строгимъ согласованіемъ всего строя жизни новаго братства съ принятымъ уставомъ.

2) Лицо, которому новое братство поручаетъ надзоръ и руководство при новомъ братствѣ, носитъ названіе намѣстника и, при недовольствѣ его дѣйствіями, во всякое время можетъ быть отозвано и замѣнено другимъ.

3) Намѣстникъ въ теченіе этихъ двадцати лѣтъ, кромѣ всѣхъ правъ посадника, имѣетъ по отношенію къ новому братству слѣдующія особыя права:

а) Безъ его согласія никто не можетъ не только стать полно-

правнымъ членомъ братства, но и проживать въ предѣлахъ братскихъ владѣній или аренды.

б) По его требованію всякій членъ братства, не исключая и старостъ, долженъ быть немедленно удаленъ изъ братства.

в) Во все это время дума вѣче пользуются только совѣщательными правами, при чемъ такъ, что всякое постановленіе этихъ собраний, чтобы войти въ законную силу, должно быть утверждено намѣстникомъ.

4) Жалобы на дѣйствія намѣстника подаются въ думу учредившаго братства, отъ которой зависитъ его назначеніе и увольненіе.

5) Намѣстникомъ должно быть назначено лицо, проникнутое глубокимъ пониманіемъ и беззаветною преданностію дѣламъ, преслѣдуемымъ трудовыми Христовыми братствами.

6) Намѣстникъ имѣетъ слѣдующія обязанности:

а) Онъ долженъ строго слѣдить за тѣмъ, чтобы весь строй жизни новаго братства согласовался съ принятымъ уставомъ.

б) Стараться сдѣлать тщательный подборъ полноправныхъ членовъ братства, такъ какъ отъ первоначальнаго состава зависитъ и вся будущность братства, его духъ и направленіе.

в) Подавать въ теченіе всѣхъ двадцати лѣтъ въ думу учредившаго братства краткіе ежемѣсячные и подробные годовые отчеты о нравственномъ и экономическомъ состояніи новаго братства.

д) Сообразоваться со всѣми требованіями и затѣчаніями, какія найдетъ нужнымъ сдѣлать ему уполномочившая его дума.

7) Ссуда, выдаваемая изъ основнаго капитала, передается въ руки намѣстника, который и уполномочивается расходовать ее сообразно съ постановленіями учредительнаго акта.

8) Всѣ лица, по просьбѣ которыхъ ссуда была выдана, становятся приемными братьями и переводятся по истеченіи срока испытанія въ полноправные члены братства, по представленію намѣстника, постановленіемъ думы учредившаго братства.

9) До тѣхъ поръ, пока не будетъ принято достаточное количество приемныхъ братьевъ для обработки всей купленной земли, въ распоряженіе новаго братства отходить такой участокъ, какой можетъ быть обработанъ имъ сообща и самостоятельно, безъ постоянной помощи наемниковъ. Вся остальная земля обрабатывается наемными рабочими, при чемъ весь чистый доходъ съ этихъ земель идетъ въ основной капиталъ ссудившаго братства.

10) Учрежденія въ новомъ братствѣ открываются въ слѣдующей постепенности:

а) Для образованія братской семьи достаточно формальнаго принятія одного брата, который и становится старшиною.

б) Для открытія рады необходимо формальное назначеніе пяти старшинъ.

в) Для открытія совѣта старость необходимо принятіе трехъ старость.

г) Для открытія вѣча необходима наличность двадцати пяти братьевъ.

д) Дума открывается какъ можно раньше, состоитъ изъ старость и старшинъ подъ предѣдательствомъ намѣстника и во все продолженіе особаго положенія имѣетъ исключительно совѣщательный характеръ при немъ.

11) Если дума учредившаго братства найдетъ, что новое братство окрѣпло и по духу своихъ представителей заслуживаетъ полнаго довѣрія, она можетъ предложить вѣчу сдѣлать постановленіе о прекращеніи особаго положенія до истеченія двадцатилѣтія со дня основанія.

12) Если новое братство будетъ имѣть важныя причины быть недовольнымъ намѣстникомъ и дума, учредившаго братства, не обратитъ вниманія на многократныя и основательныя просьбы, она можетъ искать защиты у Высокаго Покровителя учредившаго братства.

13) Ко дню истеченія срока особаго положенія долженъ быть составленъ полный комплектъ членовъ братства и открыты всѣ братскія учрежденія, а особое положеніе обязательно прекращается.

§ XXIV. Взаимныя отношенія полноправныхъ братствъ.

1) По окончаніи особаго положенія новое братство, ставшее полноправнымъ, не прерываетъ дружественной связи съ другими братствами.

2) Всѣ трудовыя Христовы братства, основанныя на началахъ Воздвиженскаго, обязаны поддерживать между собою тѣсную дружественную связь, которая будетъ вѣрнымъ залогомъ охраненія братствъ отъ искаженій заѣдающею рутинной окружающей жизни.

3) Связь эта поддерживается повременными сѣздами и обмѣномъ годовыми отчетами.

4) Всякое братство обязано заблаговременно извѣстить всѣ прочія о днѣ торжественнаго годоваго собранія вѣча для прочтенія отчета посадника и съ честію принять всѣхъ представителей, какіе будутъ присланы ими.

5) Если одно братство замѣтитъ въ другомъ какія либо существенныя уклоненія въ строѣ жизни отъ духа устава, на немъ лежитъ священная обязанность указать на замѣченныя неустройства. Указанія эти дѣлаются въ братскихъ посланіяхъ, изложенныхъ въ

дружественномъ, необходимомъ тонѣ и скрѣпленныхъ постановленіемъ думы. Посланія эти обязательно прочитываются во всеуслышаніе посадникомъ того братства, въ торжественномъ годовомъ собраніи вѣча непосредственно по прочтеніи годоваго отчета.

6) Когда число братствъ умножится, всѣ братства, находящіяся въ одной губерніи числомъ не менѣе пяти, составляютъ изъ себя боярство и выбираютъ изъ числа посадниковъ боярина.

7) При образованіи боярства, ежегодныя общія сѣзды представителей всѣхъ братствъ его составляющихъ, подъ предѣдательствомъ боярина, получаютъ названіе братскихъ соборовъ.

8) Братскій соборъ, въ случаѣ важныхъ уклоненій строя жизни одного изъ братствъ отъ духа устава, дѣлаетъ братству внушеніе въ видѣ соборнаго посланія. Если неустройства въ братствѣ продолжаютъ и послѣ того, братскій соборъ предлагаетъ ему подчиниться на время особому положенію съ облеченіемъ посадника или особаго намѣстника усиленными правами.

9) При образованіи многихъ боярствъ, ихъ представители собираются каждыя три года на Великіе Братскіе соборы подъ предѣдательствомъ выборнаго ближняго боярина, который живетъ постоянно въ Царской резиденціи и является представителемъ и ходатаемъ всѣхъ трудовыхъ Христовыхъ братствъ Россійской Имперіи передъ Верховною властію.

10) Если братство не согласится подчиниться добровольно постановленію собора, Великій соборъ всѣхъ боярствъ можетъ постановить отнять у братства всѣ эмблемы, съ воспрещеніемъ ему именоваться Трудовымъ Христовымъ Братствомъ.

ТРУДОВЫЯ БРАТСТВА.

**МОГУТЪ ЛИ ДОЛЪЕ ОБХОДИТЬСЯ БЕЗЪ
НИХЪ ЦЕРКОВЬ**

И

ХРИСТИАНСКОЕ ГОСУДАРСТВО,

И

КАКЪ ИХЪ ОСУЩЕСТВИТЬ?

I.

Съ дѣтства я находилъ сердечную отраду въ чтеніи Священнаго Писанія; съ дѣтства усвоилъ привычку ежедневнаго чтенія Евангелія. Не все было понятно для дѣтскаго ума, но сердце чуяло правду животворящаго духа святыхъ словъ, любило эту святую правду и привыкало ею провѣрять явленія окружающей жизни.

Съ дѣтства меня поражала и пугала оторванность жизни отъ этой святой правды. Когда критика фактовъ была для меня еще непосильна и формулировать свои мысли я еще не могъ, сердце чуяло непримиримый разладъ настроенія духа громаднаго большинства съ тѣмъ духомъ мира и любви, который со страницъ Евангелія освѣщалъ и согрѣвалъ дѣтское сердце.

Чѣмъ болѣе я жилъ и знакомился съ жизнью, тѣмъ болѣе я убѣждался, что подавляющее большинство людей не умѣетъ или не желаетъ ни думать, ни чувствовать, ни жить по-христіански. Чѣмъ болѣе я любилъ и понималъ вѣчную истину правды воли Божіей, тѣмъ не менѣе я былъ способенъ мириться съ тѣмъ, что было съ нею несогласно въ окружающей жизни, тѣмъ болѣе становился одинокъ, не находя между сверстниками товарищей по мыслямъ и симпатіямъ, какъ не нашелъ въ послѣдствіи подруги жизни, которую могъ бы назвать женою своею, не измѣняя тѣмъ Христу Спасителю, не принимая на себя заранѣе обязанность примириться со строемъ жизни антихристіанскимъ и дѣтей своихъ обречь на ту же условную ложь установившейся рутины жизни.

Это сердечное одиночество было для меня настолько невыносимо, что я очень рано сталъ тяготиться жизнью. Такъ дороги были для меня евангельскіе заветы любви, а жизнь развѣтывалась передо мною во всемъ ужасѣ злобы, порока и холоднаго разсчета. Одна за другою спадали передо мною условныя маски и выступали изъ подъ обманчиваго покрыва все тѣ же злоба, порокъ и холодный разсчетъ. Съ каждымъ днемъ умножались для меня доказательства того, что я имѣю дѣло не съ учениками Христа Спасителя, а съ людьми, систематически измѣняющими Ему всеѣмъ складомъ ума и симпатій

своихъ, всѣмъ строемъ жизни и установившихся взаимныхъ отношеній.

Уроки Закона Божія дома и въ одной изъ Петербургскихъ гимназій, какъ и лекціи по богословію въ университетѣ, не только не уяснили мнѣ отношеній между официально исповѣдуемымъ христіанствомъ и установившимся строемъ жизни, но, напротивъ, своимъ холоднымъ формализмомъ и мертвенной схоластикой на время затмили въ моемъ умѣ пониманіе жизненнаго значенія вѣры.

Убѣдившись, что христіане мирятся со строемъ жизни, при которомъ люди, не только не любятъ другъ друга до самопожертвованія по завѣту Христа Спасителя, не только не признаютъ Христа Спасителя Единымъ Учителемъ и всѣхъ людей братьями („Одинъ у васъ учитель Христосъ; всѣ же вы братья“ Матѣ. XXIII, 8), но даже считаютъ любовь за убыточную сентиментальность, ученіе Христа не считаютъ для себя обязательнымъ въ жизни и братство признаютъ наивною утопій, я понялъ, что они молчаливо отказались отъ христіанства, какъ основы жизни, и стали искать въ философіи отвѣта на то, какія разумныя основы приняло Человѣчество на мѣсто молчаливо упраздненнаго христіанства.

Таково было настроеніе духа моего, когда въ 1877 году случилось событіе, давшее новое направленіе моей послѣдующей жизни.

То было настоящее откровеніе разумной программы жизни и дало новое направленіе моимъ мыслямъ, новую надежду возможности разумной, христіанской жизни въ будущемъ. Для меня стало ясно, что мнѣ надо уйти изъ общества людей, которые во мнѣ не нуждаются, единомысліе и единодушіе съ которыми, на почвѣ честнаго исповѣданія Христа Спасителя, для меня очевидно невозможно; уйти отъ нихъ къ тѣмъ бѣднымъ дѣтямъ народа, которые нуждаются во мнѣ во всѣхъ отношеніяхъ, которыхъ надо только научить думать и чувствовать по-христіански, чтобы вѣра ихъ изъ слѣпой стала сознательной; съ которыми возможно будетъ по завѣту Христа Спасителя жить въ единодушій и единомысліи любовнаго, братскаго общенія.

Не только вѣруя въ истину словъ, изшедшихъ изъ устъ Божіихъ: „Царство Божіе внутри васъ есть“, (но и переживъ правду этихъ святыихъ словъ, убѣдившись на опытѣ въ невозможности честной христіанской жизни для людей самаго высокаго образованія и общественнаго положенія, когда по мыслямъ и чувствамъ они далеки отъ Царства Божія и правды Его, я рѣшилъ начать съ воспитанія крестьянскихъ дѣтей *въ сознательной вѣрѣ* во Христа Спасителя и *сознательной* любви къ Нему.

Съ тѣхъ поръ прошло болѣе десяти лѣтъ, въ теченіи которыхъ я съ любовью занимался этимъ дѣломъ, съ любовью подготавливалъ

для моихъ воспитанниковъ возможность, согласно ученію Христа Спасителя и примѣру Его Апостоловъ, согласовать строй жизни съ вѣрою на почвѣ единомыслія и единодушія реальнаго братскаго общенія.

Много я пережилъ за эти десять лѣтъ, богатый опытъ вынесъ изъ отношеній ко мнѣ и моему дѣлу представителей разныхъ классовъ окружающаго меня общества. Недовѣрчиво отнеслись ко мнѣ крестьяне, не сочувственно отнеслись ко мнѣ сосѣдніе помѣщики; первые—долго не вѣрили въ мое безкорыстіе, подозрѣвая хитро-скрытый подвохъ и расчетъ, вторые—считали меня гордецомъ, не желающимъ жить, какъ всѣ живутъ. Въ учителяхъ моей сельско-хозяйственной школы, воспитанникахъ учительскихъ семинарій, институтовъ и среднихъ сельско-хозяйственныхъ заведеній, я не только не нашелъ помощниковъ въ дѣлѣ христіанскаго воспитанія, но долженъ былъ ревниво ограждать моихъ воспитанниковъ отъ вреднаго, заразительнаго вліянія антихристіанскихъ привычекъ ихъ ума и симпатій; сами законоучители не составляли исключенія въ этомъ отношеніи, а служащіе въ моихъ имѣніяхъ меня обманывали и обкрадывали, пользуясь тѣмъ, что я не могъ и не желалъ отдавать свою жизнь на огражденіе моего состоянія отъ тѣхъ, кому я довѣрялъ свои интересы.

Все это краснорѣчиво подтверждало мое убѣжденіе въ полномъ разладѣ современной жизни съ вѣрою и убѣждало меня въ томъ, что положить всѣ силы умственныя, нравственныя и матеріальныя на дѣло честнаго согласованія жизни съ вѣрою, составляетъ для меня очевидную, элементарную обязанность искренно-вѣрующаго христіанина.

Въ этой краткой запискѣ мнѣ невозможно подробно излагать, какъ организована была воспитательная часть въ моей школѣ; скажу только, что въ ребенкѣ я стараюсь пробудить самостоятельность въ желательномъ направленіи; онъ долженъ вполнѣ сознательно работать надъ собою, понимая что воспитатели только друзья и помощники его на этомъ пути. Только при подобномъ активномъ отношеніи къ воспитанію, ребенокъ можетъ на всю жизнь усвоить себѣ привычку думать и чувствовать по христіански, безъ чего нѣтъ возможности, даже и при доброй волѣ, честно жить по вѣрѣ. Не всѣ воспитанники моей школы выходятъ изъ нея съ тѣмъ настроеніемъ духа, который я, по своимъ христіанскимъ понятіямъ, нахожу желательнымъ, но громадное большинство ихъ составляетъ изъ себя одну семью, тѣсно сплоченную въ единомысліи и единодушій сознательной вѣры во Христа Спасителя и взаимнаго братскаго общенія. Духъ школы настолько окрѣпъ, что вновь поступающіе въ нее дѣти очень быстро ассимилируются, подчиняясь доброму вліянію

окружающей среды. Не разъ намъ приходилось переживать свѣтлую радость настоящихъ преображеній духа и многіе воспитанники стали дѣятельными помощниками моими въ дѣлѣ нравственнаго воспитанія своихъ товарищей.

Съ 1885 года школа моя стала сельско-хозяйственной и находится въ вѣдомствѣ министерства Государственныхъ Имуществъ. Воспитанники получаютъ кромѣ христіанскаго воспитанія спеціально агрономическое образованіе, которое я находилъ наиболѣе полезнымъ для русскаго крестьянина. Воспитанники моей школы—крестьяне, казаки, мѣщане и очень немногіе дворяне по большей части люди очень бѣдные, совсѣмъ безземельные или обладающіе такими малыми участками земли, на которыхъ приложить свои агрономическія познанія для нихъ невозможно. Положеніе приказчиковъ или управляющихъ, вполнѣ зависящихъ отъ людей, совершенно не раздѣляющихъ ихъ христіанскихъ убѣжденій, было бы для нихъ вообще жизнь „по обычаю міра сего“ съ ея вопіющими противорѣчіями съ животворящимъ духомъ ученія Христа Спасителя, съ ея назойливыми искушеніями и ежеминутными оскорбленіями самыхъ святыхъ, за вѣтныхъ чувствъ искренно-вѣрующаго христіанина.

Выходя изъ школы, наиболѣе удавшіеся въ воспитательномъ отношеніи, молодые люди на столько любятъ другъ друга и дружны со мною, что намъ всѣмъ вполнѣ естественно и, живя въ христіанскомъ государствѣ, вполнѣ законно желать устроить свою жизнь согласно святыхъ завітамъ Христа Спасителя въ единомысліи и единомудріи братскаго общенія.

Дать имъ возможность разумно организовать весь строй жизни по вѣрѣ, я считаю для себя, какъ человѣка воспитавшаго ихъ въ сознательной вѣрѣ и обладающаго достаточными для того матеріальными средствами, такою же святою обязанностью богатаго христіанина, какъ считалъ для себя уразумѣть святое ученіе Христа Спасителя и другихъ научить пониманію его—священною обязанностью христіанина образованнаго.

Мнѣ нечего было придумывать форму жизни, наиболѣе соответствующую вѣрѣ и пониманію жизни вѣрующаго христіанина. Св. Апостолы, самые авторитетные для насъ истолкователи словъ и дѣлъ Единаго для всѣхъ насъ Учителя Христа, научили насъ тому примѣромъ братскихъ общинъ, этой единственной формы социальнаго строя, вполнѣ соответствующей братской любви тѣхъ вѣрныхъ чадъ Единаго Отца Небеснаго, которые любятъ другъ друга не на словахъ только, но и на дѣлѣ, искренно желаютъ быть огражденными отъ искушеній жизни „по обычаю міра сего“ и оставаться вѣрными Господу Богу, не уживаясь политично съ врагами Его.

„Вотъ я посылаю васъ, какъ овецъ среди волковъ: и такъ

будьте мудры, какъ змѣи, и просты, какъ голуби“ (Матѣ. X, 16). Слова эти, какъ и всякое слово, изшедшее изъ устъ Божиихъ, имѣютъ кромѣ спеціальнаго значенія для лицъ, которымъ они были сказаны и вѣчное, непреходящее значеніе, примѣнимое и обязательное для всѣхъ искреннихъ христіанъ всѣхъ временъ и всѣхъ народовъ. Для меня совершенно ясно, что Христосъ, требуя отъ всякаго христіанина, чтобы онъ при всякихъ обстоятельствахъ оставался кроткою овцою, неспособною и не желающею съ волками быть по-волчьи и отъ волковъ по волчьи огрызаться, завѣщалъ вмѣстѣ съ тѣмъ не быть глупыми овцами, блуждающими между волками по одиночкѣ для вящаго удобства для этихъ послѣднихъ растерзать ихъ, но употребить всю мудрость, которую люди-волки употребляютъ на зло, на стройную организацію добра и огражденія себя и братьевъ по духу отъ волковъ хищныхъ.

Такою стройною организаціею добра и были братскія общины временъ Апостольскихъ, такими-же, не менѣе необходимыми и въ настоящее время убѣжищами для кроткихъ, могутъ стать трудовыя братства, въ которыхъ искренно вѣрующіе христіане нашли бы возможность согласовать всю жизнь съ вѣрою, жить въ единомысліи и единомудріи съ искренними братьями о Христѣ, добывать средства къ жизни путемъ дружной совместной дѣятельности, основанной на любви, довѣріи и уваженіи другъ къ другу, быть огражденными отъ искушеній, тѣмъ болѣе опасныхъ, что они составляютъ установившуюся рутину жизни, носящей на себѣ обманчивый ярлыкъ христіанства, и отъ той антихристіанской экономической борьбы за существованіе, въ которой практичныя дѣльцы, эти волки хищные современнаго намъ общества, всегда имѣютъ преимущества неразборчивости, холоднаго разсчета и звѣрскаго алчности.

Учредить такое братство въ предѣлахъ моихъ имѣній я считаю для себя тѣмъ болѣе обязательнымъ, ожидать въ этомъ дѣлѣ сочувствія и поддержки со стороны Церкви Православной и Русскаго правительства я считаю себя тѣмъ болѣе въ правѣ, что дѣло это съ христіанской точки зрѣнія не менѣе необходимо для христіанской Церкви и христіанскаго Государства, чѣмъ и для насъ, отдѣльныхъ членовъ церкви Христовой.

Перечислю кратко благотворные результаты учрежденія трудовыхъ братствъ для крестьянъ, для землевладѣльцевъ, для Государства и для Церкви.

Въ матеріальномъ отношеніи братство гарантировало бы своихъ сочленовъ, ихъ вдовъ и сиротъ отъ нищеты, слишкомъ часто постигающей людей ничѣмъ неповинныхъ. Пожаръ, падежъ скота, болѣзни, неурожай, дурное поведеніе главы семьи, подвохъ лихого человѣка—всѣ эти бѣдствія, способныя въ конецъ раззорить оди-

нокую, предоставленную самой себѣ среди ожесточенной борьбы за существованіе, крестьянскую семью, не имѣли бы въ братствѣ столь роковыхъ послѣдствій. Даже и не подвергаясь этимъ исключительнымъ бѣдствіямъ, ставшимъ, впрочемъ, вполне зауряднымъ явленіемъ, крестьяне постепенно путемъ прироста населенія обезземеливаются; уже теперь во многихъ мѣстахъ надѣлы раздробились настолько, что собственность крестьянина представляетъ собою не поле, а грядку, которая можетъ служить развѣ подспорьемъ, но никакъ не обезпеченіемъ даже и для самой скудной жизни крестьянской семьи. Братство, отчисляя ежегодно 10% чистаго дохода въ основной капиталъ, приращающійся кромѣ того всѣми процентами, получающимися съ этого капитала и добровольными пожертвованіями, могло бы постепенно скопить сумму, достаточную для того, чтобы по временамъ прикупать новыя земли и тѣмъ обезпечивать нормальный приростъ своего населенія. Заболѣвшій братъ пользовался бы уходомъ и вся семья его содержаніемъ на общій братскій счетъ, а по смерти — его вдова и дѣти пользовались бы покровительствомъ и матеріальною поддержкою братства до тѣхъ поръ, пока пожелають жить въ братствѣ, подчиняясь его уставу и строю братской жизни.

Такимъ образомъ хлѣбъ насущный былъ бы обезпеченъ, не представляя однако такой приманки, ради которой согласились бы поступать въ братство корыстные люди.

Въ умственномъ отношеніи братство доставитъ возможность развѣиваться въ общеніи съ людьми болѣе образованными, удѣлять часы досуга на общее чтеніе и бесѣды, завести общую бібліотеку, давать дѣтямъ христіанское образованіе въ братской школѣ, приглашать на общій счетъ ученыхъ специалистовъ, агрономовъ и технику руководителей работъ на поляхъ и заводахъ, принадлежащихъ братству, или давать средства получить специальное образованіе собственнымъ дѣтямъ, если братство того пожелаетъ.

Въ нравственномъ отношеніи братство обезпечитъ возможность честнаго согласованія всего строя жизни съ вѣрою среди единомыслия и единодушія братскаго общенія съ тѣми, кто искренно желаетъ быть не на словахъ только, но и на дѣлѣ вѣрными чадами Единого Отца Небеснаго и честно работать на то, чтобы во истину святилось имя Его, созидалось царство Его и творилась воля Его; обезпечитъ возможность дышать живительною атмосферою христіанскаго настроенія всего окружающаго общества, что само по себѣ будетъ могучимъ средствомъ постепеннаго укрѣпленія въ человѣкѣ всего добраго и постепеннаго очищенія духа отъ всего дурнаго; обезпечитъ и неопѣнимое сокровище спокойной радости духа, оградивъ его отъ того хаоса жизненной биржи, среди котораго вся

жизнь, отъ колыбели и до гроба, представляетъ одно сплошное искушеніе для кротости, вѣры и любви, оградивъ его, жену его и дѣтей отъ тлетворной проституціи духа въ общеніи съ тѣми, чье каждое слово и каждый шагъ есть отреченіе отъ Бога и измѣна Христу Его.

Для христіанина-землевладѣльца учрежденіе братства въ предѣлахъ его имѣнія представляетъ не менѣе насущную потребность, если онъ не хочетъ превратиться изъ христіанина въ „практичнаго дѣльца“, другими словами, сдѣлаться кулакомъ, или обречь себя на пожизненную каторгу горемычной овцы, терзаемой волками, которыми онъ же платитъ жалованье; волками, которые неизмѣнно признають его доброту за глупость, его безкорыстіе за неумѣлость и его довѣріе за тупоуміе. Чтобы не играть этой грустной роли одуроченной овцы, надо всю жизнь отдать бдительной самооборонѣ отъ всего окружающаго, что въ концѣ концовъ непременно приведетъ къ роковой необходимости отъ волковъ по-волчьи огрызаться, какъ единственному аргументу, способному убѣдить волковъ, что кусаться нельзя или невыгодно.

Если прибавить ко всему этому невыносимое для богатаго христіанина сознаніе, что его выгоды не согласованы съ выгодами всѣхъ окружающихъ, что подкупать высшихъ служащихъ громаднымъ жалованіемъ и закрывать глаза на все прочее — недостойно христіанина и что богатство его возбуждаетъ кругомъ только зависть и грубую недоброжелательность, мы поймемъ, какія нравственные муки доставитъ ему богатство.

По моему глубокому убѣжденію единственный выходъ изъ этого невыносимаго положенія для всякаго христіанина-землевладѣльца положить всѣ силы духовныя и матеріальныя на организацію трудового братства, и братству этому отдать всѣ свои земли и заводы въ аренду.

Пока этого нѣтъ, постепенное раззореніе русскаго дворянства является отчасти симпатичнымъ, указывая на то, что оно еще не успѣло или не желаетъ перейти отъ патріархальности былыхъ отношеній къ крестьянамъ — къ холодной расчетливости и личной самооборонѣ кулака-капиталиста.

Для христіанскаго Государства трудовое братство есть первый шагъ на пути къ согласованію всего строя общественной и государственной жизни съ духомъ официально исповѣдуемаго христіанства.

Христіанское государство не можетъ заставить своихъ подданныхъ согласовать жизнь съ вѣрою, такъ какъ всякое насиліе противорѣчитъ духу христіанства; между тѣмъ согласованіе жизни съ вѣрою есть насущная потребность христіанскаго государства, залогъ его нормальнаго развитія.

Пока существуетъ разладъ между жизнью и официально признанною основою жизни, религіею, каждая школа отъ высшей и до низшей будетъ фатально умножать число недовольныхъ, увеличивая степень сознательнаго отношенія къ жизни, причемъ, этотъ разладъ заставляеть стать на сторону религіи противъ жизни или на сторону жизни противъ религіи и тѣхъ, кто ее поддерживаетъ.

Вотъ главная причина того, что образованіе плодитъ такъ много людей недовольныхъ, враговъ Церкви и Государства.

Время наивнаго разлада между вѣрою и жизнью прошло безвозвратно; въ настоящее время государство обязано или сознательно отказаться отъ христіанства, избравъ новую основу жизни, или сознательно стремиться къ разумному согласованію всего строя частной, общественной и Государственной жизни съ вѣрою.

Трудовые братства могутъ сослужить въ этомъ отношеніи великую услугу Россіи, если не будетъ упущено благоприятное время. Нашъ народъ не воспитанъ историческимъ прошлымъ къ жизни свободныхъ людей; онъ пассивно подчинялся жизни, вся религія его приняла характеръ слѣпной вѣры и смиренной покорности. Этого было достаточно для того, чтобы повиноваться; этого совершенно недостаточно въ настоящее время для того, чтобы разумно творить жизнь на новыхъ путяхъ. Народъ чувствуетъ свою безпомощность, не находитъ въ прежней наивной вѣрѣ отвѣтовъ на тысячи вопросовъ, воздвигаемыхъ передъ нимъ новою, осложненною жизнью, и начинаетъ уже искать отвѣты эти внѣ Церкви Православной. Сельскіе пастыри слишкомъ часто не находятся на высотѣ своего труднаго положенія, не только не становятся во главѣ новаго движенія къ сознательной вѣрѣ, но въ большинствѣ признають за измѣну православію всякое уклоненіе отъ установившейся рутины и своею враждебностью отталкиваютъ отъ Церкви людей, которые могли бы быть наиболѣе полезными и вѣрными ея сынами.

Города, фабрики, мѣстные кулаки, интеллигентные дѣльцы, помѣщики-аферисты и казармы рабочихъ, все это могучіе дѣятели быстрого умственнаго и нравственнаго разложенія для крестьянъ; и съ каждымъ днемъ расплывается вѣра, прививается жажда веселой, праздной жизни и наживы во что бы то ни стало. Этой общественной язвѣ необходимо противопоставить организованное добро трудового христіанскаго братства. Оно оградитъ своихъ сочленовъ отъ вредныхъ вліяній, оградитъ ихъ и отъ подлѣны животворящаго духа вѣры мертвящею буквою и отъ уклоненія въ ереси, какъ только пробудившееся сознаніе недовольствуется этою мертвящею буквою. Оно будетъ самымъ вѣрнымъ другомъ Церкви Христовой и христіанскаго Государства, зарею для нихъ свѣтлаго будущаго, воспитывая грядущія поколѣнія въ духѣ вѣры и стройнаго согла-

сованія съ нею всего склада ума, симпатій и жизни, принимая на себя отвѣтственность за настроеніе духа и поведеніе своихъ сочленовъ передъ Церковью и Государствомъ, имѣющихъ передъ собою въ настоящее время загадочное и бурное море миллионовъ людей, изъ которыхъ каждый имѣетъ свою фантазію въ головѣ и свою похоть въ сердцѣ.

Значеніе трудового братства для Церкви настолько очевидно, трудовое братство такъ естественно вытекаетъ изъ ученія Христа Спасителя, такъ согласно завѣтамъ Св. Апостоловъ, составляетъ столь насущную потребность воинствующей церкви Христовой, что останавливаться долѣе на этомъ вопросѣ я не буду.

Скажу только, что это вопросъ жизни, насущная потребность переживаемой нами эпохи для всякаго государства, которое желаетъ оставаться христіанскимъ. Оно не можетъ заставить подданныхъ идти по этому пути, но не можетъ вмѣстѣ съ тѣмъ не сочувствовать и не поддерживать благопріятствующихъ тому явленій жизни, не подписывая себѣ смертнаго приговора, какъ государству христіанскому, не отрекаясь молчаливо отъ Христа Спасителя, не отталкивая отъ себя всѣхъ искреннихъ исповѣдниковъ Его.

II *).

Искренно вѣруя въ вѣчную правду святыхъ словъ Господа нашего Иисуса Христа: „Царствіе Божіе внутри васъ есть“, я началъ съ воспитанія крестьянскихъ дѣтей въ сознательной вѣрѣ и сознательной любви ко Христу Спасителю и Его святому ученію.

Въ теченіи двѣнадцати лѣтъ я съ радостію и любовію полагалъ на это дѣло всѣ силы духа моего. Господь свыше заслугъ моихъ благословилъ дѣло это и благоволилъ въ немощи моей содѣлать силу.

Многіе изъ воспитанниковъ моихъ горячо желаютъ, собравшись въ Трудовое Братство, положить всѣ силы духовныя на стройное согласованіе всего строя жизни своей съ вѣрою. Многіе благочестивые крестьяне и цѣлыя семьи заявляютъ желаніе примкнуть къ нимъ въ этомъ дѣлѣ, тяготясь грубою борьбою за существованіе среди тѣхъ, которые, разладъ между жизнію и вѣрою, преступную для христіанина уживчивость со зломъ и не менѣе преступное равнодушіе къ добру, считаютъ за нормальное проявленіе практической мудрости.

Съ своей стороны, какъ я считалъ для себя священной обязанности христіанина образованнаго положить всѣ силы разума моего на то, что бы уразумѣть волю Божію и другихъ научить ее пониманію, такъ и теперь считаю для себя священной обязанности христіанина богатаго положить все состояніе мое на дѣло Божіе, на огражденіе ближнихъ моихъ отъ назойливыхъ искушеній современной жизни и на доставленіе желающимъ возможности жить съ тѣми, кто во истину о Христѣ братъ для нихъ по духу.

Искренно вѣруя въ вѣчную правду святыхъ словъ Господа нашего Иисуса Христа: „Вотъ я посылаю васъ какъ овецъ среди волковъ: и такъ будьте мудры какъ змѣи и просты какъ голуби“, я признаю насущною потребностію для искренно вѣрующихъ христіанъ, оставаясь при всякихъ обстоятельствахъ кроткими овцами, собраться

вмѣстѣ и стройно организовать свою жизнь по вѣрѣ, какъ подobaетъ овцамъ мудрымъ, а не блуждать между волками хищными по одиночкѣ, что составляетъ признакъ овцы глупой, непонимающей, что такимъ образомъ ей предстоитъ неизбежно одно изъ двухъ: быть заѣденной волками или завывъ по-волчьи, отъ волковъ по-волчьи огрызаясь.

Помня слова Псалмопѣвца: „Блаженъ мужъ, который не ходитъ на сорѣтъ нечестивыхъ и не стоитъ на пути грѣшныхъ и не сидитъ въ собраніи развратителей“ (Псаломъ I ст. 1) — „Какъ хорошо и какъ пріятно жить братьямъ вмѣстѣ“ (Псаломъ 132 ст. 1), я считалъ радостною для себя обязанностию дать возможность желающимъ организовать артели, которымъ и отдаю свои земли въ аренду.

Нынѣ, какъ вѣрные сыны Церкви Православной, мы горячо желаемъ объединивъ всѣ эти артели въ одно Православное Трудовое Братство, поставить себя и дѣло наше подъ непосредственное покровительство Православной, Церкви.

Я глубоко убѣжденъ, что Трудовое Братство составляетъ въ настоящее время насущную потребность для Церкви Православной, для нашего христіанскаго отечества и для всякаго вѣрующаго „живою вѣрою“, какъ бѣднаго, такъ и богатаго.

Зрѣетъ закваска Царствія Божія; прошло время наивнаго разлада между жизнію и вѣрою.

И благо намъ. Не мы, вѣрующіе въ Бога Разумнаго, будемъ жалѣть о томъ, что пришло время разумнаго служенія разумному дѣлу Божію, разумной организаціи жизни по вѣрѣ.

Мы слишкомъ привыкли относиться сознательно ко всему окружающему, чтобы возможно было дня насъ относиться безсознательно къ вѣрѣ и жизни нашей.

Мы не можемъ болѣе быть христіанами на часъ, оставаясь грубыми язычниками во все остальное время, намъ надо не часть жизни нашей, а всю нашу жизнь сознательно и съ любовію отдать на дѣло Божіе.

Стройная организація добра въ жизни, при такихъ обстоятельствахъ является насущною потребностію для Церкви.

Трудовое Братство и будетъ такою стройною организаціей добра, убѣжищемъ для кроткихъ; при его помощи Церковь можетъ соглавать съ вѣрою всѣ стороны жизни и стать во главѣ того громаднаго движенія къ сознательности, которое въ настоящее время такъ часто отрываетъ отъ Церкви полезныхъ дѣятелей.

Братство можетъ оградить своихъ сочленовъ и отъ столь же скорбнаго какъ и опаснаго для нихъ сообщества съ волками хищными, подъ личиною практичныхъ дѣльцовъ, всегда готовыхъ растерзать и обобратъ всякую встрѣчную кроткую овцу, и отъ назой-

*) Прошеніе въ Свят. Правит. Синодъ.

ливыхъ искушеній, по пятамъ преслѣдующихъ современнаго человека отъ колыбели и до гроба, и отъ уклоненія въ ереси и лжеученія, столь часто зависящія отъ того, что сознаніе правды Божіей затемнено ложью жизни крещенаго міра.

Для христіанскаго Государства Трудовое Братство такъ же необходимо, какъ здоровая кѣтка для здоровья всего организма. Въ немъ залогъ, благополучнаго и достойнаго христіанскаго общества, выхода изъ многихъ политическихъ и соціальныхъ осложненій въ будущемъ, въ немъ и гарантія устойчивости и нормальнаго роста государственной жизни, такъ какъ Трудовое Братство есть вполне естественное соединеніе мірской общины съ животворящимъ духомъ вѣры.

Для бѣднаго христіанина Трудовое Братство является желательнымъ убѣжищемъ отъ волковъ хищныхъ, отъ назойливыхъ искушеній, отъ гнетущей нужды въ случаѣ болѣзни, старости, пожара, неурожая и другихъ бѣдъ, столь трудно переносимыхъ въ одиночествѣ, радостною возможностью жить по вѣрѣ въ общеніи съ братьями по духу, знать, что жена и дѣти ограждены отъ нищеты, разврата и злобы, не только при жизни мужа и отца, но и послѣ его смерти.

Для богатаго христіанина Трудовое Братство, арендуемое его имѣніемъ—единственный выходъ изъ пожизненной каторги сознанія непримиримаго разлада между вѣрою его и корыстными отношеніями къ нему всего окружающаго, при чемъ чѣмъ больше его богатство, тѣмъ болѣе необходимо для него отдавать всю жизнь свою на огражденіе своего состоянія отъ корыстныхъ поползновеній на него; единственная возможность для него помириться съ своимъ богатствомъ, не страдать ежечасно сознаніемъ эгоистичнаго благополучія среди моря скорби и грязи окружающей жизни.

Именемъ Господа Иисуса Христа умоляю Святѣйшій Правительствующій Синодъ оказать намъ покровительство въ этомъ дѣлѣ, составляющемъ насущную потребность нашей христіанской совѣсти, и утвердить прилагаемый проектъ Устава Перваго Православнаго Кресто-Воздвиженскаго Трудоваго Братства.

ПРОЭКТЪ

УСТАВА ПРАВОСЛАВНАГО КРЕСТО-ВОЗДВИЖЕН-

СКАГО ТРУДОВАГО

БРАТСТВА.

6 декабря 1892 года.

§ 1.

Кресто-Воздвиженское Православное Трудовое Братство учреждается при церкви во имя Воздвижения Креста Господня въ имѣніи Николая Николаевича Неплюева на хуторѣ Воздвиженскомъ Глуховскаго уѣзда, Черниговской губерніи и состоитъ подъ Архипастырскимъ покровительствомъ Преосвѣщеннаго Черниговскаго.

§ 2.

Братство задается слѣдующими тремя главными цѣлями:

а) Заботиться о христіанскомъ воспитаніи дѣтей приучая ихъ думать, чувствовать и жить согласно ученію Христа Спасителя и уставамъ Святой Церкви.

б) Доставлять возможность желающимъ согласовать весь строй жизни съ животворящимъ духомъ вѣры, составляя одну трудовую семью на началахъ христіанской любви и братства.

в) По возможности оказывать и за предѣлами Братства поддержку всему тому, что ведетъ къ упорядоченію жизни въ направленіи первыхъ двухъ цѣлей.

§ 3.

Члены Братства могутъ быть трехъ разрядовъ:

а) Полноправные братья,

б) Приемные братья,

в) Члены соребнователи.

§ 4.

Всѣ три разряда членовъ Братства могутъ во всякое время выйти изъ него, но во все время своего пребыванія въ немъ обязательно должны принимать личное участіе въ его дѣятельности, согласуя съ его характеромъ весь строй своей жизни.

§ 5.

Полноправные братья суть полноправные хозяева Братства. Они посвящаютъ безраздѣльно жизнь Братству, живутъ въ предѣлахъ

его владѣній или аренды, устанавливають строй жизни въ Братствѣ, завѣдуютъ его имуществомъ и распоряжаются его доходами.

Примѣчаніе. Первыми полноправными членами Братства при его учрежденіи признаются:

- 1) Николай Николаевичъ Неплюевъ.
- 2) Андрей Ивановичъ Фурсѣй.
- 3) Илья Павловичъ Кобецъ.
- 4) Оеодоръ Евфимовичъ Четверта.
- 5) Вдова тайнаго совѣтника Александра Николаевна Неплюева.
- 6) Вдова дѣйствительнаго статскаго совѣтника Марія Николаевна Уманецъ.
- 7) Дочь тайнаго совѣтника Ольга Николаевна Неплюева.
- 8) Исаакъ Никитичъ Бѣлобаба.
- 9) Яковъ Оеодоровичъ Лукьяненко-Шаповалъ.
- 10) Сергѣй Павловичъ Свириденко.
- 11) Адрианъ Евфимовичъ Леяковъ.

§ 6.

Пріемные братья находятся на испытаніи. Они наравнѣ съ полноправными братьями живутъ въ предѣлахъ владѣній или аренды Братства, пользуются равнымъ съ ними участіемъ въ доходахъ, но не участвуютъ ни въ выборахъ, ни въ установленіи уклада жизни Братства, во всемъ подчиняясь строю жизни, установленному полноправными братьями.

§ 7.

Члены соребнователи, живя на сторонѣ, обязываются, каждый въ своемъ положеніи, кто чѣмъ можетъ, содѣйствовать виѣ Братства христіанскому воспитанію дѣтей и согласованію жизни съ вѣрою.

§ 8.

Члены соребнователи, не пользуются участіемъ въ доходахъ Братства, но могутъ по усмотрѣнію полноправныхъ братьевъ получать отъ Братства матеріальную помощь на дѣятельность въ духѣ Братства за его предѣлами.

§ 9.

Пожертвованія Братство можетъ принимать не только отъ членовъ соребнователей, но и отъ постороннихъ лицъ; но ни въ какомъ случаѣ эти пожертвованія, какъ бы они ни были велики, не

даютъ права быть избраннымъ даже и членомъ соребнователемъ, если жертвователь не солидаренъ съ Братствомъ по настроенію и жизни.

§ 10.

Братство признается правоспособнымъ юридическимъ лицомъ, имѣетъ право пріобрѣтать движимую и недвижимую собственность, брать имущество въ аренду, вести торговля и промышленныя предприятия, но не можетъ ни продавать, ни закладывать недвижимую собственность Братства.

Примѣчаніе 1. Если въ собственность Братства переходитъ посредствомъ покупки, дара или завѣщанія имущество, находящееся подъ залогомъ въ какомъ либо кредитномъ учрежденіи, Братство не обязано немедленно его выкупить. По уплатѣ долга, согласно условіямъ залога, имѣніе это впредь не можетъ быть не заложено, ни продано.

Примѣчаніе 2. Недвижимая собственность Братства можетъ быть продаваема по постановленію $\frac{3}{4}$ голосовъ думы подъ непремѣннымъ условіемъ немедленнаго пріобрѣтенія разноцѣннаго имущества.

§ 11.

Братство имѣетъ попеченіе о призрѣніи больныхъ и престарѣлыхъ братьевъ, полноправныхъ и пріемныхъ, ихъ вдовъ и сиротъ до тѣхъ поръ, пока, своимъ дурнымъ поведеніемъ и нежеланіемъ подчиняться общему строю жизни Братства, они не заставятъ удалить ихъ изъ Братства, или сами добровольно его не покинутъ.

§ 12.

На сторонѣ матеріальная помощь оказывается по усмотрѣнію полноправныхъ братьевъ, непремѣнно путемъ личной дѣятельности членовъ Братства. Никакія пожертвованія съ благотворительными цѣлями съ передачею принадлежащихъ Братству суммъ постороннимъ лицамъ или учрежденіямъ не допускаются.

§ 13.

Братство заботится о благолѣпіи Богослуженія и церковнаго пѣнія въ братской церкви.

§ 14.

Братство не можетъ сдѣлать постановленія о закрытіи своемъ, но если Братство будетъ закрыто по требованію власти, или измѣненъ настоящій Уставъ, все имущество и всѣ общіе капиталы, за

исключеніемъ частной собственности отдѣльныхъ членовъ Братства и пожертвованій, относительно которыхъ сдѣланы жертвователемъ на этотъ случай иныя распоряженія, становятся частною собственностію полноправныхъ братьевъ. Въ этомъ случаѣ все общее имущество и всѣ общіе капиталы дѣлятся между полноправными братьями поровну, причемъ недвижимое имущество можетъ быть продано для болѣе удобнаго раздѣла.

§ 15.

Членами Братства наравнѣ съ мужчинами могутъ быть и женщины, пользуясь во всемъ равными съ ними правами.

§ 16.

Полноправные братья въ совокупности составляютъ изъ себя братскую думу подѣ председательствомъ ими же избраннаго блюстителя.

§ 17.

Блюститель избирается пожизненно изъ среды Полноправныхъ Братьевъ. Онъ заботится о честномъ согласованіи жизни Братства съ настоящимъ Уставомъ и уложеніями, выработанными думою. Онъ имѣетъ попеченіе о всѣхъ дѣлахъ Братства. Онъ главный представитель Братства въ его сношеніяхъ съ духовными, правительственными и сельскими учрежденіями.

Примѣчаніе. Должность эта несовмѣстима ни съ какою другою должностію ни въ Братствѣ ни внѣ его.

§ 18

Блюститель можетъ во всякое время отказаться отъ должности. Отрѣшеннымъ отъ должности онъ можетъ быть только по приговору думы.

§ 19.

Блюститель имѣетъ право выдавать нотаріальныя довѣренности лицамъ, которыхъ дума уполномочить управлять дѣлами Братства или заключать имущественныя сдѣлки.

§ 20.

Въ случаѣ продолжительнаго отсутствія блюстителя по дѣламъ Братства или его болѣзни, дума, по соглашенію съ нимъ, избираетъ ему намѣстника, которому на это время и передаетъ всѣ его права.

§ 21.

Выборъ кандидата на должность священника при братской церкви зависитъ отъ думы. Если священникъ служитъ безвозмездно, онъ пользуется правами полноправнаго брата, за исключеніемъ права участія въ раздѣлѣ имущества при закрытіи Братства, если право это не дано ему думою чрезъ избраніе его Полноправнымъ братомъ помимо правъ, соединенныхъ съ его положеніемъ. Если онъ желаетъ получать опредѣленное вознагражденіе, ему назначается жалованье по опредѣленію думы, и онъ ограничивается правами настоятеля братской церкви. Законоучителя при братскихъ школахъ и духовника всѣхъ членовъ Братства.

§ 22.

Дума собирается блюстителемъ по мѣрѣ надобности и по желанію полноправныхъ братьевъ; ей подлежатъ слѣдующія дѣла:

1) Избраніе блюстителя, кандидата во священники и полноправныхъ братьевъ большинствомъ $\frac{3}{4}$ голосовъ, а пріемныхъ братьевъ и членовъ соребнователей простымъ большинствомъ.

2) Пріобрѣтеніе и арендованіе недвижимаго имущества, заведеніе торговыхъ и промышленныхъ предпріятій и распоряженіе всѣми имуществами Братства.

3) Избраніе членовъ хозяйственнаго совѣта и формулировка нотаріальныхъ довѣренностей, выдаваемыхъ блюстителемъ.

4) Установленіе внутренняго строя жизни Братства и составленіе соотвѣствующихъ временныхъ уложеній.

5) Забота объ устраненіи возникающихъ несогласій и безпорядковъ.

6) Исключеніе изъ Братства недостойныхъ членовъ его: полноправныхъ по большинству $\frac{3}{4}$ голосовъ, пріемныхъ и соребнователей простымъ большинствомъ.

7) Устраненіе блюстителя отъ должности большинствомъ $\frac{2}{10}$ голосовъ.

§ 23.

Разъ въ годъ дума собирается подѣ председательствомъ избраннаго на одно это собраніе полноправнаго брата въ отсутствіи блюстителя для обсужденія его отношенія къ дѣлу и рѣшенія своимъ общаеъ въ видѣ приложенія къ отчету блюстителя Преосвященному покровителю Братства и Общему собранію.

§ 24.

Хозяйственный советъ состоитъ изъ председателя и членовъ, избираемыхъ думою безразлично изъ числа полноправныхъ, приемныхъ братьевъ и даже постороннихъ лицъ на неопределенное время и отрѣшаемыхъ ею во всякое время по ея усмотрѣнію.

Примѣчаніе. Условія, заключаемыя съ ними, не могутъ быть срочными и обеспечивать эти сроки неустойками.

§ 25.

Хозяйственный советъ завѣдуетъ всеми хозяйственными дѣлами Братства, согласно нотаріальнымъ довѣренностямъ, выданнымъ блюстителемъ, точно сообразуясь со смѣтою, хозяйственными планами и полномочіями, утвержденными думою.

§ 26.

Общее собраніе всѣхъ полноправныхъ и приемныхъ братьевъ подъ председательствомъ блюстителя, собираемое по мѣрѣ надобности и по опредѣленію думы, имѣетъ совѣщательный характеръ и вѣдаетъ слѣдующія дѣла:

1) Выслушиваетъ годичный отчетъ блюстителя о религіозно-нравственной сторонѣ жизни Братства и заявленія священника о томъ же предметѣ и намѣчаетъ желательныя измѣненія въ строѣ братской жизни.

2) Выслушиваетъ годичный отчетъ хозяйственнаго совета и рассматриваетъ проектъ смѣты на слѣдующій годъ.

3) Обсуждаетъ всѣ тѣ заявленія, какія найдутъ нужнымъ сдѣлать члены собранія и рѣшаетъ вопросъ о томъ, какія изъ этихъ заявленій слѣдуетъ представить на усмотрѣніе думы.

§ 27.

Члены братства, за исключеніемъ членовъ соребнователей и и лицъ, находящихся съ согласія Братской думы въ исключительномъ положеніи по старости, по болѣзни, по роду занятій и другимъ причинамъ, составляютъ изъ себя рабочую и потребительную артель, выполняя всѣ работы самостоятельно, безъ помощи постоянныхъ наемниковъ.

Примѣчаніе 1. Помощь наемниковъ разрѣшается въ случаѣ крайней надобности: во время полки, уборки хлѣбовъ и корнеплодовъ и при учрежденіи Братства до вступленія въ него достаточнаго числа членовъ.

Примѣчаніе 2. Братство имѣетъ право приглашать наемныхъ специалистовъ и мастеровъ за неимѣніемъ таковыхъ среди своихъ сочленовъ.

Примѣчаніе 3. Всѣ наемные служащіе и работники обязательно замѣняются членами Братства при первой возможности.

Примѣчаніе 4. Братство не должно ограничивать число вступающихъ экономической необходимостью.

§ 28.

Чистый доходъ Братства распределяется такъ:

а) 20% отчисляется ежегодно въ основной и запасной капиталъ по 10% въ каждый.

б) Остатокъ чистаго дохода раздѣляется поровну между всеми полноправными и приемными братьями, но не выдается имъ на руки, а записывается на ихъ личные счета.

Примѣчаніе 1. При исчисленіи чистаго дохода труды членовъ Братства не оцѣниваются.

Примѣчаніе 2. Опредѣленіе чистаго дохода и суммъ, записываемыхъ на личные счета, вполне зависитъ отъ думы, рѣшенію которой въ этомъ вопросѣ приемные братья должны подчиняться съ полнымъ довѣріемъ.

§ 29.

Основной капиталъ приращается всеми % съ него и всеми доходами арендныхъ статей и предназначается исключительно на покупку новыхъ земель въ собственность Братства и на учрежденіе отдѣленій Братства.

Примѣчаніе 1. Вопросъ объ израсходованіи на эти цѣли основнаго капитала или части его рѣшается думою большинствомъ $\frac{2}{3}$ всѣхъ наличныхъ голосовъ.

Примѣчаніе 2. Въ отдѣленіяхъ Братства полноправные братья составляютъ изъ себя отдѣленіе думы подъ председательствомъ избраннаго съ согласія блюстителя Братства—намѣстника.

Примѣчаніе 3. Отдѣленіе съ согласія основавшаго его Братства можетъ обратиться въ самостоятельное Братство съ уставомъ, подобнымъ настоящему.

§ 30.

Запасный капиталъ предназначается на случай болѣзни, пожара, падежа скота, градобитія и проч., причемъ вопросъ о ссудѣ изъ этого капитала, равно и объ условіяхъ этой ссуды разрѣшается большинствомъ $\frac{3}{4}$ голосовъ думы.

§ 31.

Всѣ суммы, записанныя на личные счета, до выхода члена Братства добровольнаго или принудительнаго, не поступаютъ въ его безконтрольное распоряженіе, а могутъ быть имъ расходуемы только съ согласія простаго большинства наличныхъ членовъ думы.

Примѣчаніе 1. При выходѣ изъ Братства, выходящій получаетъ въ полную собственность всю причитающуюся на его долю сумму, за вычетомъ денегъ, взятыхъ имъ съ согласія думы во время пребыванія въ Братствѣ.

Примѣчаніе 2. На случай смерти, члены Братства имѣютъ право распорядиться этою суммою по духовному завѣщанію, если они не оставляютъ семью на попеченіе Братства.

Примѣчаніе 3. Если членъ Братства умираетъ, не оставя завѣщанія и не имѣя ни жены, ни дѣтей, причитающуюся на его долю сумму считаютъ пожертвованною въ основной капиталъ Братства. Если же остались вдова и дѣти, они по желанію получаютъ всю сумму на руки или остаются на попеченіи Братства, сохраняя право получить во всякое время остатки отъ расходовъ на ихъ содержаніе.

§ 32.

Братство имѣетъ бѣлую хоругвь съ эмблемою Братства: золотымъ крестомъ съ блестящею звѣздою на черномъ кругѣ.

§ 33.

Братство имѣетъ свою печать съ изображеніемъ на ней эмблемы Братства и надписью: „Печать Кресто воздвиженскаго перваго Трудоваго Братства“.

УСТАВЪ

ПРАВОСЛАВНАГО КРЕСТОВОЗДВИЖЕНСКАГО

ТРУДОВАГО БРАТСТВА.

Утвержденный 9 ноября 1893 года.

§ 1.

Крестовоздвиженское Православное Трудовое Братство учреждается при церкви во имя Воздвижения Креста Господня, въ имѣніи Николая Николаевича Неплюева, на хуторѣ Воздвиженскомъ, Глуховскаго уѣзда, Черниговской губерніи, и состоитъ подъ Архипастырскимъ покровительствомъ Преосвященнаго Черниговскаго.

Примѣчаніе. Такъ какъ Крестовоздвиженская церковь домовая то желательно, чтобы, съ увеличеніемъ членовъ Братства, она была обращена въ приходскую братскую.

§ 2.

Братство задается слѣдующими тремя главными цѣлями.

а) Заботиться о христіанскомъ воспитаніи дѣтей, въ духѣ православія, чрезъ учрежденіе на средства Братства школъ, въ коихъ главное вниманіе должно быть обращено на религіозно-нравственное усовершенствованіе воспитывающихся.

б) Заботиться о православномъ религіозно-нравственномъ усовершенствованіи взрослыхъ членовъ Братства, чрезъ учрежденія трудовой общины, строй жизни коей основывался бы на началахъ христіанской любви и правилахъ Церкви.

в) По возможности оказывать и за предѣлами Братства поддержку всему тому, что ведетъ къ упорядоченію жизни въ направленіи первыхъ двухъ цѣлей.

§ 3.

Члены Братства могутъ быть трехъ разрядовъ:

- а) Полноправные братья.
- б) Приѣмные братья.
- в) Члены-соребнователи.

§ 4.

Всѣ три разряда членовъ Братства могутъ, во всякое время, выйти изъ него; но во все время своего пребыванія въ немъ обяза-

тельно должны принимать личное участие въ его дѣятельности, согласуя съ его характеромъ весь строй своей жизни.

§ 5.

Полноправные братья суть полноправные хозяева Братства. Живя въ предѣлахъ владѣній или аренды Братства и завѣдуя его имуществомъ и доходами, они точно согласуютъ строй своей жизни съ уставомъ Братства и неуклонно стремятся къ осуществленію цѣлей Братства и участвуютъ въ установленіи уклада жизни Братства.

§ 6.

Приемные братья находятся на испытаніи. Они наравнѣ съ полноправными братьями, живутъ, въ предѣлахъ владѣній или аренды Братства, пользуются равнымъ съ ними участіемъ въ доходахъ, но не участвуютъ ни въ выборахъ, ни въ установленіи уклада жизни Братства, во всемъ подчиняясь строю жизни, установленному полноправными братьями.

§ 7.

Члены-соревнователи, живя на сторонѣ, обязываются, каждый въ своемъ положеніи,—кто чѣмъ можетъ,—содѣйствовать внѣ Братства христіанскому воспитанію дѣтей въ духѣ православія и согласованію жизни съ ученіемъ Св. Православной Церкви.

§ 8.

Члены-соревнователи не пользуются участіемъ въ доходахъ Братства, но могутъ, по усмотрѣнію полноправныхъ братьевъ, получать отъ Братства матеріальную помощь на дѣятельность въ духѣ Братства за его предѣлами.

§ 9.

Пожертвованія Братство можетъ принимать не только отъ членовъ-соревнователей, но и отъ постороннихъ лицъ; но ни въ какомъ случаѣ эти пожертвованія, какъ бы они ни были велики, не даютъ права быть избраннымъ даже и членомъ-соревнователемъ, если жертвователю не дастъ обязательство-сообразовать свою личную жизнь съ уставомъ Братства.

§ 10.

Братство признается правоспособнымъ — юридическимъ лицомъ, имѣетъ право приобрѣтать и отчуждать движимую и недвижимую

собственность, брать имущества въ аренду, вести торговые и промышленныя предпріятія.

Примѣчаніе 1. Если въ собственность Братства переходитъ покупка, двора, или завѣщанія имущество, находящееся подъ залогомъ въ какомъ-либо кредитномъ учрежденіи, Братство не обязано немедленно его выкупить. По уплатѣ долга, согласно условіямъ залога, имѣніе это впредь не можетъ быть ни заложено, ни продано.

Примѣчаніе 2. Недвижимая собственность Братства можетъ быть продаваема по постановленію $\frac{3}{4}$ голосовъ думы, подъ неперемѣннымъ условіемъ немедленнаго приобрѣтенія разноцѣннаго имущества.

§ 11.

Братство имѣетъ попеченіе о призрѣніи больныхъ и престарѣлыхъ братьевъ, полноправныхъ и приемныхъ, ихъ вдовъ и сиротъ, до тѣхъ поръ, пока своимъ дурнымъ поведеніемъ или нежеланіемъ подчиняться общему строю жизни Братства, они не заставляютъ удалить ихъ изъ Братства, или сами добровольно его не покинутъ; но въ такомъ случаѣ имъ выдается слѣдующая, сообразно вкладу и заботкѣ, часть имущества и доходовъ.

§ 12.

На сторонѣ матеріальная помощь оказывается по усмотрѣнію полноправныхъ братьевъ, непременно путемъ личной дѣятельности членовъ Братства. Никакія пожертвованія съ благотворительными цѣлями, съ передачею принадлежащихъ Братству суммъ постороннимъ лицамъ или учрежденіямъ не допускаются.

§ 13.

Братство заботится о благолѣпіи Богослуженія и церковнаго оуправленія въ братской церкви.

§ 14.

Братство не можетъ сдѣлать постановленія о закрытіи своемъ; но если Братство будетъ закрыто по требованію власти, все имущество и всѣ общіе капиталы, за исключеніемъ частной собственности отдѣльных членовъ Братства и пожертвованій, относительно которыхъ сдѣланы жертвователемъ на этотъ случай иныя распоряженія, становятся частною собственностію полноправныхъ братьевъ. Въ этомъ случаѣ все общее имущество и всѣ общіе капиталы дѣлятся между полноправными братьями—поровну, при чемъ недвижимое имущество можетъ быть продано для болѣе удобнаго раздѣла.

§ 15.

Членами Братства, на равнѣ съ мужчинами, могутъ быть и женщины, пользуясь во всемъ равными съ ними правами.

§ 16.

Полноправные братья въ совокупности составляютъ изъ себя братскую думу, подъ предсѣдательствомъ ими же избраннаго блюстителя.

§ 17.

Блюститель избирается пожизненно изъ среды полноправныхъ братьевъ. Онъ заботится о точномъ согласованіи жизни Братства съ настоящимъ уставомъ и уложеніями, выработанными думою. Онъ главный представитель Братства въ его сношеніяхъ съ духовными, правительственными и земскими учрежденіями.

Примѣчаніе. Должность эта несовмѣстима ни съ какою другою должностію ни въ Братствѣ, ни внѣ его.

§ 18.

Блюститель во всякое время можетъ отказаться отъ должности. Отрѣшеннымъ отъ должности онъ можетъ быть только по приговору думы и съ согласія Его Преосвященства, покровителя Братства.

§ 19.

Блюститель имѣетъ право выдавать нотаріальныя довѣренности лицамъ, которыхъ дума уполномочить управлять дѣлами Братства, или заключать имущественныя сдѣлки.

§ 20.

Въ случаѣ продолжительнаго отсутствія блюстителя по дѣламъ Братства, или его болѣзни, дума, по соглашенію съ нимъ, избираетъ ему намѣстника, которому на это время и передаются всѣ его права, о чемъ своевременно извѣщается Его Преосвященство, покровитель Братства.

§ 21.

Выборъ кандидата на должность священника при братской церкви, изъ лицъ достойныхъ по своему образованію и нравственнымъ качествамъ, зависитъ отъ думы; утвержденіе же зависитъ отъ бла-

гоусмотрѣнія Его Преосвященства, покровителя Братства. Если священникъ служить безмездно, онъ пользуется всѣми правами полноправнаго брата, за исключеніемъ права участія въ раздѣлѣ имущества при закрытіи Братства, если право это не дано ему думою, чрезъ избраніе его полноправнымъ братомъ, помимо правъ, соединенныхъ съ его положеніемъ. Если онъ желаетъ получать опредѣленное вознагражденіе, ему назначается жалованье по опредѣленію отъ думы, и онъ ограничивается правами настоятеля братской церкви, законоучителя при братскихъ школахъ и духовника всѣхъ членовъ Братства.

Примѣчаніе. Назначенное разъ священнику жалованье, не можетъ быть уменьшено.

§ 22.

Дума собирается блюстителемъ, по мѣрѣ надобности, по желанію полноправныхъ братьевъ и по предложенію Его Преосвященства, покровителя Братства; ей подлежатъ слѣдующія дѣла:

1) Избраніе блюстителя, кандидата во священника и полноправныхъ братьевъ—большинствомъ $\frac{3}{4}$ голосовъ, а пріемныхъ братьевъ и членовъ-сореоветелей—простымъ большинствомъ.

2) Приобрѣтеніе и арендованіе недвижимаго имущества, заведеніе торговыхъ и промышленныхъ предпріятій и распоряженіе всѣми имуществами Братства.

3) Избраніе членовъ хозяйственнаго совѣта и формулировка нотаріальныхъ довѣренностей, выдаваемыхъ блюстителемъ.

4) Установленіе внутренняго строя жизни Братства и составленіе соотвѣствующихъ уложеній, но каждое такое постановленіе думы, предварительно исполненія, должно быть представлено на благоусмотрѣніе и утвержденіе Его Преосвященства, покровителя Братства.

5) Заботы объ устраненіи возникающихъ несогласій и безпорядковъ.

6) Исключеніе изъ Братства недостойныхъ членовъ его: полноправныхъ по большинству $\frac{3}{4}$ голосовъ, пріемныхъ и сореоветелей простымъ большинствомъ.

7) Устраненіе блюстителя отъ должности большинствомъ $\frac{3}{10}$ голосовъ и съ согласія Его Преосвященства, покровителя Братства.

§ 23.

Разъ въ годъ дума собирается подъ предсѣдательствомъ избраннаго на одно это собраніе полноправнаго брата, въ отсутствіи блюстителя, для обсужденія его отношенія къ дѣлу и рѣшенія свои сообщаетъ, въ видѣ приложенія къ отчету блюстителя, Преосвященному покровителю Братства, и общему собранію.

§ 24.

Хозяйственный советъ состоитъ изъ председателя и членовъ, избираемыхъ думою безразлично изъ числа полноправныхъ, приемныхъ братьевъ и даже постороннихъ лицъ, на неопределенное время и отрѣшаемыхъ ею въ всякое время, по ея усмотрѣнію.

Примѣчаніе. Условія, заключаемыя съ ними, не могутъ быть срочными и обезпечивать эти сроки неустойками.

§ 25.

Хозяйственный советъ завѣдуетъ всѣми хозяйственными дѣлами Братства, согласно нотаріальнымъ довѣренностямъ, выданнымъ блюстителемъ, точно сообразуясь со смѣтою, хозяйственными планами и полномочіями, утвержденными думою.

§ 26.

Общее собраніе всѣхъ полноправныхъ и приемныхъ братьевъ, подъ предсѣдательствомъ блюстителя, собираемое по мѣрѣ надобности и по опредѣленію думы, имѣетъ совѣщательный характеръ и вѣдаетъ слѣдующія дѣла:

1) Выслушиваетъ годичный отчетъ блюстителя о религіозно-нравственной сторонѣ жизни Братства и заявленія священника о томъ же предметѣ и намѣчаетъ желательныя измѣненія въ строѣ Братской жизни.

2) Выслушиваетъ годичный отчетъ хозяйственнаго совета и рассматриваетъ проэкты смѣты на слѣдующій годъ.

3) Обсуждаетъ всѣ тѣ заявленія, какія найдутъ нужнымъ сдѣлать члены собранія и рѣшаетъ вопросъ о томъ, какія изъ этихъ заявленій слѣдуетъ представить на усмотрѣніе думы.

§ 27.

Члены Братства, за исключеніемъ членовъ соревнователей и лицъ, находящихся, съ согласія Братской думы, въ исключительномъ положеніи: по старости, по болѣзни, по роду занятій и другимъ причинамъ, составляютъ изъ себя рабочую потребительную артель, выполняя всѣ работы самостоятельно, безъ помощи постоянныхъ наемниковъ.

Примѣчаніе 1. Помощь наемниковъ разрѣшается въ случаѣ крайней надобности: во время полки, уборки хлѣбовъ и корне-плодовъ и при учрежденіи Братства, до вступленія въ него достаточнаго числа членовъ.

Примѣчаніе 2. Братство имѣетъ право приглашать наемныхъ специалистовъ и мастеровъ, за неимѣніемъ таковыхъ среди своихъ сочленовъ.

Примѣчаніе 3. Всѣ наемные служащіе и работники обязательно замѣняются членами Братства при первой возможности.

Примѣчаніе 4. Братство не должно ограничивать число вступающихъ экономической необходимостію

§ 28.

Чистый доходъ Братства распределяется такъ: а) 20% отчисляется ежегодно въ основной и запасный капиталы, по 10% въ каждый; б) остатокъ чистаго дохода раздѣляется поровну между всѣми полноправными и приемными братьями, но не выдается имъ на руки, а записывается на ихъ личные счета.

Примѣчаніе 1. При исчисленіи чистаго дохода труды Братства не оцѣниваются.

Примѣчаніе 2. Опредѣленіе чистаго дохода и суммъ, записываемыхъ на личные счета, вполне зависитъ отъ думы, рѣшенію которой въ этомъ вопросѣ приемные братья должны подчиняться съ полнымъ довѣріемъ.

§ 29.

Основной капиталъ приращается всѣми % съ него и всѣми доходами арендныхъ статей и предназначается исключительно на покупку новыхъ земель въ собственность Братства и на учрежденіе отдѣленій Братства.

Примѣчаніе 1. Вопросъ объ израсходованіи на эти цѣли основнаго капитала или части его рѣшается думою большинствомъ $\frac{9}{10}$ всѣхъ наличныхъ голосовъ.

Примѣчаніе 2. Въ отдѣленіяхъ Братства полноправные братья составляютъ изъ себя отдѣленіе думы подъ предсѣдательствомъ избраннаго съ согласія блюстителя Братства, намѣстника.

Примѣчаніе 3. Отдѣленіе съ согласія основавшаго его Братства, можетъ обратиться въ самостоятельное Братство съ уставомъ подобнымъ настоящему.

§ 30.

Запасный капиталъ предназначается на случай болѣзни, пожара, падежа скота, градобитія и проч., причемъ вопросъ о ссудѣ изъ этого капитала, равно и объ условіяхъ этой ссуды разрѣшается большинствомъ $\frac{3}{4}$ голосовъ думы.

§ 31.

Всѣ суммы, записанныя на личные счета, до выхода члена Братства добровольнаго или принудительнаго не поступаютъ въ его безконтрольное распоряженіе, а могутъ быть имъ расходованы только съ согласія простаго большинства наличныхъ членовъ думы.

Примѣчаніе 1. При выходѣ изъ Братства выходящій получаетъ въ полную собственность всю причитающуюся на его долю сумму, за вычетомъ денегъ, взятыхъ имъ съ согласія думы, во время пребыванія въ Братствѣ.

Примѣчаніе 2. На случай смерти, члены Братства имѣютъ право распорядиться этою суммою по духовному завѣщанію, если они не оставляютъ семью на попеченіе Братства.

Примѣчаніе 3. Если членъ Братства умираетъ, не оставляя завѣщанія и не имѣя ни жены, ни дѣтей, причитающуюся на его долю сумму считаютъ пожертвованною въ основной капиталъ Братства. Если же остались вдова и дѣти, они, по желанію, получаютъ всю сумму на руки или остаются на попеченіи Братства, сохраняя право получить во всякое время остатокъ отъ расхода на ихъ содержаніе.

§ 32.

Братство имѣетъ бѣлую хоругвь съ эмблемою Братства: золотымъ крестомъ съ блестящею звѣздою на черномъ кругѣ.

§ 33.

Братство имѣетъ свою печать съ изображеніемъ на ней эмблемы Братства и надписью: „Печать Крестовоздвиженскаго перваго Трудоваго Братства“.

На подлинномъ резолюція Его Преосвященства, Преосвященнѣйшаго Антонія, Епископа Черниговскаго и Нѣжинскаго, 23-го Декабря 1893 года послѣдовала такая: „Утверждается“.

Копія эта съ подлиннымъ вѣрна, — 1894 года Ноября 9-го дня, что Черниговская Духовная Консисторія утверждаетъ подписомъ и печатью.

Членъ Консисторіи Протоіерей *Іоаннъ Платоновъ*.

Секретарь *Н. Никитинъ*.

И. д. Столоначальника *Д. Падалка*.

Указъ Его Императорскаго Величества, Самодержца Всероссійскаго, изъ Святѣйшаго Правительствующаго Синода, Преосвященному Антонію, Епископу Черниговскому и Нѣжинскому.

По указу Его Императорскаго Величества, Святѣйшій Правительствующій Синодъ слушали предложенія Г. Исполняющаго обязанности Синодальнаго Оберъ-Прокурора, отъ 28 сентября сего года за № 5128, о томъ, что Государь Императоръ, согласно опредѣленію Святѣйшаго Синода, отъ ^{1^о января}/_{28 февраля} текущаго года, въ 16 день сентября 1894 года Высочайше соизволилъ на дарованіе Крестовоздвиженскому Православному Трудовому Братству Черниговской епархіи права пріобрѣтать и отчуждать недвижимыя имущества. Приказали: Объ изъясненномъ Высочайшемъ соизволеніи Вашему Преосвященству послать указъ, съ возвращеніемъ утвержденного Вами 23 декабря 1893 года проекта Устава Крестовоздвиженскаго Православнаго Трудоваго Братства, октября 8 дня 1894 года. Оберъ-Секретарь Ушаковъ. Секретарь Осѣпскій. На подлинномъ резолюція Его Преосвященства, Преосвященнѣйшаго Антонія, Епископа Черниговскаго и Нѣжинскаго, 15 октября послѣдовала такая: „Въ Консисторіи для надлежащаго распоряженія согласно сему Указу Св. Синода.“

Съ подлиннымъ вѣрно, въ чемъ Черниговская Духовная Консисторія подписомъ и приложеніемъ казенной печати удостовѣряетъ, 1894 года ноября 9 дня.

Членъ Консисторіи, Протоіерей *Іоаннъ Платоновъ*.

Секретарь *Н. Никитинъ*.

И. д. Столоначальника *Д. Падалка*.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

	СТР.
Къ лучшему будущему.	
I. Заря царства любви	5
II. Опытъ дѣла любви	12
III. Вѣра, суевѣріе и невѣріе	27
IV. Братья по любви	40
V. Представители власти тьмы	54
VI. Животворящій духъ и буква мертвящая	58
VII. Любовь торжествующая	68
VIII. Логика любви и логика злобы.	75
IX. Единеніе въ братолюбіи	82
Конгрессъ единого человѣчества	85
Переводъ письма къ профессору Парижской Сорбонны Гастону	
Бонне-Мори 1 мая 1898 г.	105
10—23 сентября въ день открытія конгресса единого человѣчества.	110
Письмо, написанное мною 11—23 сентября дѣйствительному пре-	
зиденту Конгресса единого человѣчества, графу де-Фожеръ.	113
Предложенія и проекты пожеланій и постановленій	114
По поводу конгресса единого человѣчества	127
 Всероссійское братство.	
Путь къ лучшему будущему	133
Въ единеніи сила	158
Дорогіе соотечественники! Дорогіе единовѣрцы!	166
Братскіе союзы въ учебныхъ заведеніяхъ	171
Любовь или эгоизмъ?	229
Историческое призваніе Русскаго помѣщика	235
Совѣсть	255
Мысли и совѣты искренняго друга	271